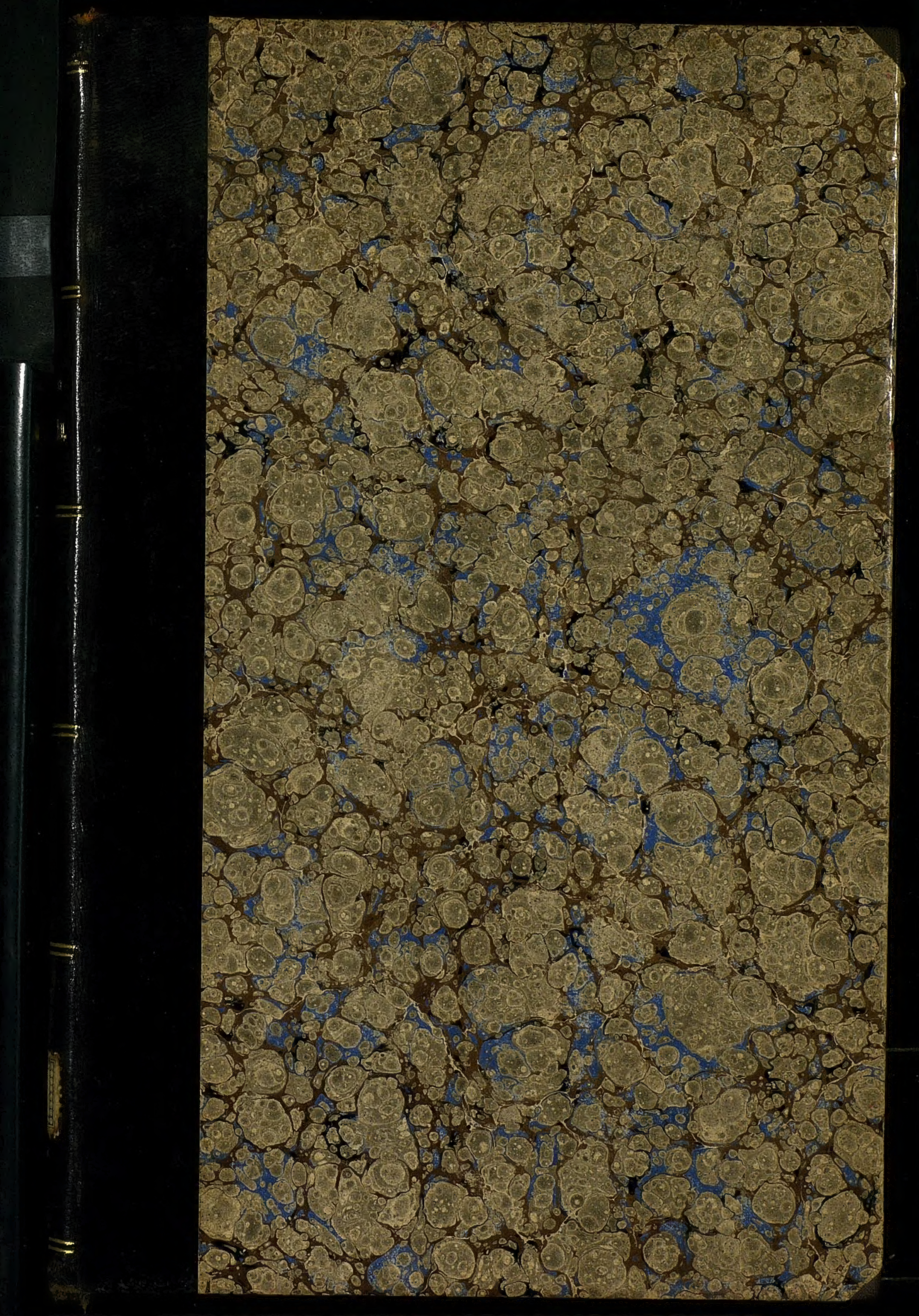
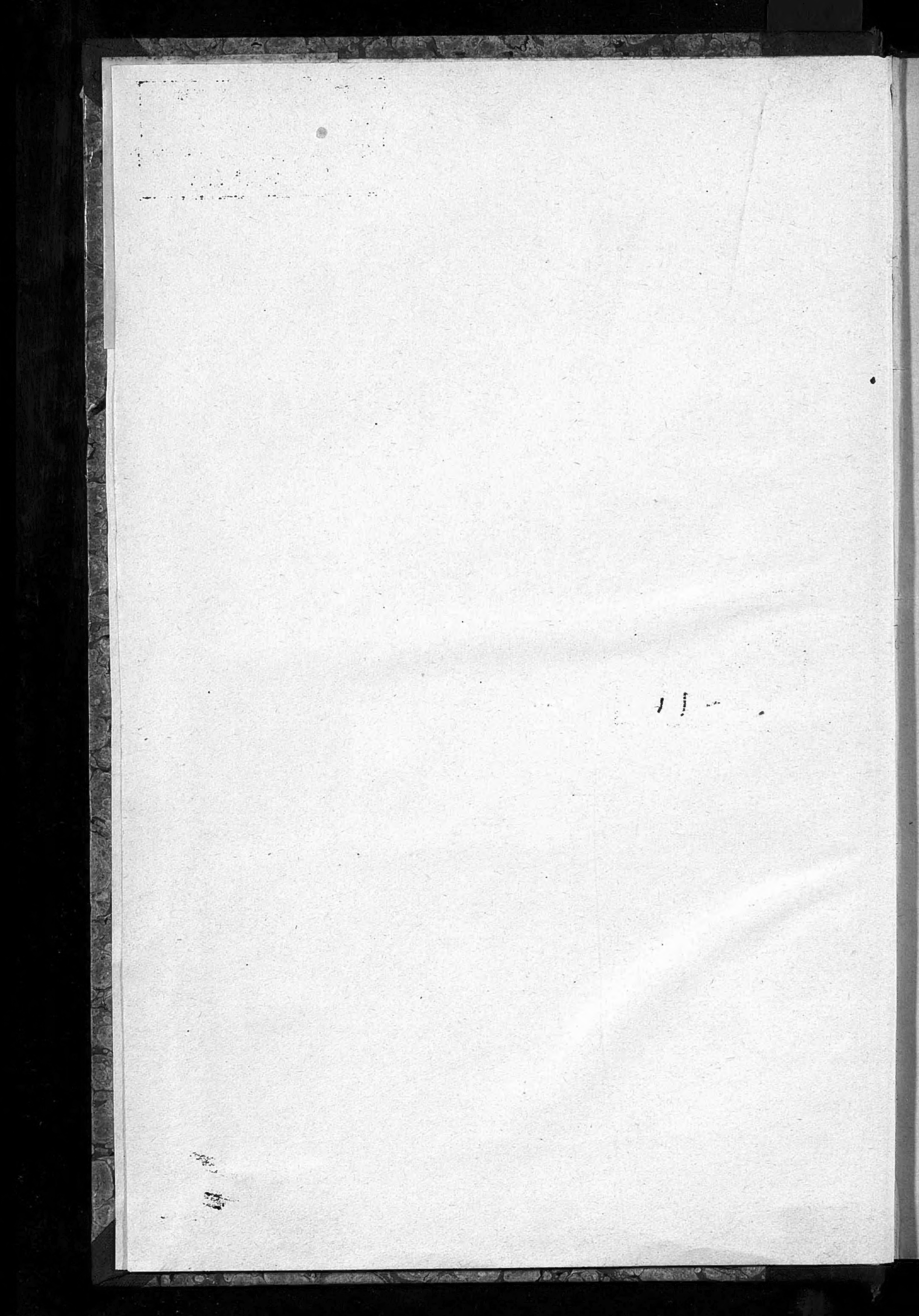




ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LIV.

1914.

НОЯБРЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1914.

ПАМЯТИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА.

Не хочется вѣрить, что приходится сказать Его Высочеству князю Олегу Константиновичу на вѣки „прощай“. Съ этой тяжелой утратой нельзя примириться; невольно пытаешься воскресить въ памяти обаятельный образъ этого царственнаго юноши, блиставшаго высокими качествами души и очаровывавшаго всякаго, кто съ нимъ встрѣчался.

Россія могла съ гордостью взирать на усопшаго и въ правѣ была ожидать отъ него великаго служенія родинѣ не только на полѣ брани, но и на поприщѣ мирной культурной работы: быстро росли духовныя силы князя Олега Константиновича, все полнѣе и всестороннѣе развертывались свойства его души—его жажда знанія, его тонкость чувства, чуткость къ пониманію чужой душевной жизни, его настойчивость, почти упорство въ трудѣ. Онъ отличался природной стремительностью и склонностью къ благороднымъ порывамъ—такой порывъ и свелъ его въ могилу.

Внутренній ростъ его духовныхъ силъ особенно ярко обнаружился въ его отношеніи къ религіи: воспитанный въ уваженіи къ православной церкви, онъ сознательными усиліями собственной мысли пришелъ къ вѣрѣ въ истинность христіанскаго вѣроученія и убѣдился въ томъ, что въ человѣкѣ есть незримая связь съ божествомъ, что без-

смертіе дано человѣку для выполненія высокаго назначенія. Въ этой вѣрѣ укрѣпляло его и чтеніе сочиненій Влад. Соловьева, въ которомъ онъ чуялъ родственную душу. Въ ясномъ взорѣ и заразительномъ, почти дѣтскомъ смѣхѣ покойнаго князя чувствовалась такая душевная чистота, передъ которой исчезало все мелкое, земное и нечистое.

Князь Олегъ Константиновичъ любилъ все русское, родное: ему нравилась русская природа — широта и необъятность равнинъ, прелесть обширныхъ лѣсовъ, въ которыхъ онъ, страстный охотникъ, нерѣдко проводилъ цѣлые дни. Онъ восхищался красотой Осташева, (имѣнья своего Августѣйшаго Родителя), гдѣ покоится теперь его прахъ. Но въ еще большей мѣрѣ восхищался князь Олегъ Константиновичъ высокими качествами русской души— отсюда его любовь къ наиболѣе яркому выразителю русскаго духа—къ Пушкину. Покойный князь собиралъ рукописи Пушкина и намѣревался постепенно издать ихъ факсимиле. Онъ успѣлъ напечатать въ 1911 г. только первый выпускъ рукописей Пушкина, хранящихся въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, въ которомъ юный князь получилъ образованіе. На ряду съ этимъ онъ занятъ былъ составленіемъ біографіи своего покойнаго дѣда Великаго Князя Константина Николаевича и съ этою цѣлью тщательно изучалъ обширный рукописный и печатный матерьялъ, имѣющій отношеніе къ этой задачѣ. Лѣтомъ нынѣшняго года онъ былъ командированъ для наблюденія за сооруженіемъ православнаго храма въ память Николая Чудотворца, въ г. Бари, гдѣ покоятся мощи святителя. И это дѣло князь исполнилъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ которымъ онъ дѣлалъ все, за что брался. Сколько полезныхъ начинаній прервано наступившей вой-

ной! Юный князь ринулся въ бой и за благородный порывъ заплатилъ своей жизнью, которую всей Россіи приходится теперь оплакивать.

Благородный образъ усопшаго никогда не изгладится изъ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастье встрѣчаться съ нимъ и знать его. Въ настоящее жестокое время зрѣлымъ мужамъ и старцамъ приходится искать утѣшенія и поученія въ этой свѣтлой жизни, едва распустившейся, столь много обѣщавшей.....

Зачѣмъ нужно было погибнуть этой молодой и прекрасной жизни? Развѣ смерть не могла удовлетвориться менѣе драгоцѣнной жертвой?—Въ какомъ бы ходѣ мыслей мы не искали себѣ утѣшенія, намъ слѣдуетъ помнить, что подвигъ есть самоцѣнный духовный порывъ, смыслъ котораго не можетъ быть понятъ земнымъ, житейскимъ разсудкомъ. Нами значеніе подвига можетъ лишь чувствоваться, ясно же оно лишь божественному разуму: когда апостолъ Петръ началъ прекословить Христу, говоря: „будь милостивъ къ Себѣ, Господи, да не будетъ этого съ Тобой", тогда Христосъ отвѣчалъ: ...„ты думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое".

Жизнь только подвигъ—и правда живая
Свѣтитъ безсмертьемъ въ истлѣвшихъ гробахъ.

Э. Р.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ,

данные правительствующему сенату.

1. (23-го сентября 1914 года). „Отставному тайному совѣтнику, магистру богословія *Остроумову*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія сверхъ штата“.

2. (23-го сентября 1914 года). „Ректору и ординарному профессору Императорскаго Юрьевскаго университета, доктору чистой математики, дѣйствительному статскому совѣтнику *Алексѣеву*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ Виленскаго учебнаго округа“.

II. УЗАКОНЕНІЕ.

1. (3-го іюля 1914 года). *Объ установленіи званія учителя среднихъ учебныхъ заведеній, объ учрежденіи одногодичныхъ курсовъ для подготовленія учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній и краткосрочныхъ курсовъ для учителей и учительницъ тѣхъ же учебныхъ заведеній, а также о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ сихъ курсовъ и въ узаконеніяхъ о порядкѣ пріобрѣтенія званія учителя (учительницы) среднихъ учебныхъ заведеній.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Рейдъ и яхта „Штандартъ“. „БЫТЬ ПО СЕМУ“.
3-го іюля 1914 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Крыжановскій.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ установленіи званія учителя среднихъ учеб-

ныхъ заведеній, объ учрежденіи одногодичныхъ курсовъ для подготовленія учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній и краткосрочныхъ курсовъ для учителей и учительницъ тѣхъ же учебныхъ заведеній, а также о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ сихъ курсовъ и въ узаконеніяхъ о порядкѣ пріобрѣтенія званія учителя (учительницы) среднихъ учебныхъ заведеній.

I. Взамѣнъ званія учителя гимназіи установить званіе учителя среднихъ учебныхъ заведеній, съ присвоеніемъ лицамъ, обладающимъ симъ званіемъ, всѣхъ правъ и преимуществъ, установленныхъ дѣйствующимъ закономъ для учителей гимназіи съ соотвѣтствующимъ образовательнымъ цензомъ.

II. Дѣйствіе предыдущаго (I) отдѣла распространить на лицъ, получившихъ званіе учителя гимназіи до введенія въ дѣйствіе настоящаго закона.

III. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1. Спеціальныя испытанія на званіе учителя среднихъ учебныхъ заведеній производятся согласно статьѣ 11 приложенія (по прод. 1912 г.) къ примѣчанію 6 къ статьѣ 2679 уставовъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній (св. зак., т. XI, ч. 1), за исключеніемъ испытанія на званіе учителя новыхъ языковъ для лицъ, не имѣющихъ диплома объ окончаніи курса одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Испытаніе на званіе учителя и учительницы среднихъ учебныхъ заведеній по новымъ иностраннымъ языкамъ для лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ среднихъ мужскихъ или женскихъ учебныхъ заведеній Имперіи, а также для иностранцевъ, получившихъ соотвѣтственное образованіе въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, производится по программамъ, издаваемымъ министромъ народнаго просвѣщенія, въ городахъ, гдѣ имѣетъ мѣстопребываніе попечитель учебнаго округа,—въ испытательномъ комитетѣ, а въ остальныхъ мѣстностяхъ—въ педагогическихъ совѣтахъ среднихъ учебныхъ заведеній и если ихъ нѣсколько, то въ испытательномъ комитетѣ изъ учителей и учительницъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній подъ предсѣдательствомъ одного изъ директоровъ, при чемъ предсѣдатель и члены комитета въ послѣднемъ случаѣ назначаются на каждый учебный годъ попечителемъ учебнаго округа или лицомъ, его замѣняющимъ.

2. На одногодичные курсы для подготовленія учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ слушателей и слушательницъ принимаются: 1) лица, представившія дипломъ одного изъ высшихъ правительственныхъ русскихъ учебныхъ заведеній, 2) лица, получившія выпускныя свидѣтельства одного изъ университетовъ или одного изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній или женскихъ высшихъ курсовъ и 3) студенты высшихъ учебныхъ заведеній и слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, преимущественно двухъ старшихъ семестровъ, съ разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ начальника высшаго учебнаго заведенія или высшихъ женскихъ курсовъ, въ коихъ они обучаются.

Примѣчаніе. Время пребыванія на курсахъ упомянутыхъ въ пунктѣ 3 сей (2) статьи лицъ не засчитывается въ дѣйствительную службу, въ срокъ выслуги пятилѣтнихъ прибавокъ и на пенсію.

3. Для подготовленія къ преподаванію новыхъ языковъ на означенные курсы могутъ быть принимаемы лица, указанныя въ статьѣ 3 приложенія (по прод. 1912 г.) къ примѣчанію 5 къ статьѣ 1463 уставовъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній (св. зак., т. XI, ч. 1).

4. Означенные въ статьяхъ 2 и 3 слушатели и слушательницы, получившіе одобрительное свидѣтельство о прохожденіи одногодичныхъ курсовъ, а слушатели и слушательницы, означенные въ пунктахъ 2 и 3 статьи 2, представившіе, сверхъ сего, дипломъ одного изъ высшихъ русскихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, получаютъ отъ попечителя учебнаго округа свидѣтельство на званіе учителя или учительницы среднихъ учебныхъ заведеній, по представленіи свидѣтельства отъ начальства одного изъ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній или директора народныхъ училищъ объ успѣшномъ исполненіи ими учительскихъ обязанностей, до или послѣ прохожденія одногодичныхъ курсовъ, въ теченіе не менѣе шести мѣсяцевъ.

5. Лица женскаго пола, имѣющія указанныя въ предыдущей (4) статьѣ свидѣтельства на званіе учительницы среднихъ учебныхъ заведеній и состоящія на службѣ по учебной части въ правительственныхъ и пользующихся правами правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ отношеніи преподаванія, окладовъ содержанія, пенсій и единовременныхъ пособій, пользуются всѣми правами, присвоенными лицамъ, получившимъ означенное званіе по дѣйствующимъ законамъ,

при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ диплома одного изъ высшихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній (ст. 3), въ случаѣ поступленія въ правительственныя и пользующіяся правами правительственныхъ учебныя заведенія, въ коихъ для служащихъ по учебно-воспитательной части установлены разные оклады, въ зависимости отъ ихъ образовательнаго ценза, приравниваются относительно размѣра содержанія, прибавокъ и пенсіи къ учителямъ безъ высшаго образованія.

6. Спеціальныя занятія на курсахъ могутъ быть устраиваемы по педагогикѣ съ психологіею и исторіею педагогическихъ ученій.

IV. Лицамъ женскаго пола, получившимъ званіе учительницы гимназіи до введенія въ дѣйствіе настоящаго закона, присвоить званіе учительницы среднихъ учебныхъ заведеній со всѣми правами, предоставленными сему званію на основаніи статьи 5 отдѣла III, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ дипломъ одного изъ высшихъ русскихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, въ случаѣ поступленія въ правительственныя и пользующіяся правами правительственныхъ учебныя заведенія, въ коихъ для служащихъ по учебно-воспитательной части установлены разные оклады, въ зависимости отъ ихъ образовательнаго ценза,—были приравнены относительно размѣра содержанія, прибавокъ и пенсіи къ учителямъ съ высшимъ образованіемъ, а прочія—къ учителямъ безъ высшаго образованія. Въ случаѣ полученія сими послѣдними лицами диплома одного изъ высшихъ русскихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, они приравниваются къ учителямъ съ высшимъ образованіемъ.

V. Постановить, чтобы лица, получившія одобрительное свидѣтельство о прохожденіи одногодичныхъ курсовъ для подготовленія учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній (св. зак., т. XI, ч. 1, уст. уч. завед., ст. 1463, прим. 5, прил., по прод. 1912 г.) до введенія въ дѣйствіе настоящаго закона, но не получившія еще званія учителя или учительницы гимназіи, а также лица, поступившія на упомянутые курсы до означеннаго срока, въ случаѣ полученія указанныхъ свидѣтельствъ, получаютъ отъ попечителя учебнаго округа свидѣтельство на званіе учителя или учительницы среднихъ учебныхъ заведеній, по представленіи свидѣтельства отъ начальства одного изъ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній или директора народныхъ училищъ объ успѣшномъ исполненіи ими учительскихъ обязанностей, до или послѣ прохожденія одногодичныхъ курсовъ, въ теченіе не менѣе шести мѣсяцевъ; означеннымъ лицамъ, получившимъ

званіе учителя или учительницы среднихъ учебныхъ заведеній, предоставляются права, означенныя въ предыдущемъ (IV) отдѣлѣ.

VI. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1. Лица, окончившія дополнительные педагогическіе двухгодичные курсы (классы) новыхъ иностранныхъ языковъ при женскихъ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ курсъ коихъ входятъ предметы, указанные въ статьѣ 5 приложенія (по прод. 1912 г.) къ примѣчанію 5 къ статьѣ 1463 и въ статьяхъ 8 и 9 приложенія (по прод. 1912 г.) къ статьѣ 2986 уставовъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній (св. зак., т. XI, ч. 1), получаютъ отъ попечителя учебнаго округа свидѣтельство на званіе учительницы среднихъ учебныхъ заведеній по новымъ языкамъ, по представленіи свидѣтельства отъ начальства одного изъ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній или директора народныхъ училищъ объ успѣшномъ исполненіи ими учительскихъ обязанностей, до или послѣ прохожденія означенныхъ классовъ, въ теченіе не менѣе шести мѣсяцевъ. Лицамъ, получившимъ означенное званіе, присвоиваются всѣ права и преимущества, предоставленныя, согласно статьѣ 5 отдѣла III настоящаго закона, учительницамъ среднихъ учебныхъ заведеній, не имѣющимъ диплома одного изъ высшихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній.

2. Лицамъ, успѣшно окончившимъ курсы, учрежденные по правиламъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и содержимые земствами, городами, обществами и частными лицами въ городахъ, гдѣ находятся высшія правительственныя учебныя заведенія, могутъ быть, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, предоставлены тѣ же права и преимущества, коими пользуются слушатели и слушательницы, прошедшіе одногодичные курсы для подготовленія учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній. Условія пріема и объемъ преподаванія на указанныхъ частныхъ курсахъ должны быть тѣ же, какіе установлены для одногодичныхъ курсовъ для подготовленія учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Порядокъ испытаній, которыя должны производиться подъ руководствомъ лицъ, назначаемыхъ попечителемъ учебнаго округа, устанавливается министромъ народнаго просвѣщенія. Присвоеніе званія учителя или учительницы среднихъ учебныхъ заведеній и выдача свидѣтельствъ на это званіе производятся въ порядкѣ, указанномъ въ этомъ отношеніи въ статьѣ 4 отдѣла III.

3. Указанные въ предыдущей (2) статьѣ частные курсы могутъ быть учреждаемы какъ отдѣльно, такъ и при высшихъ женскихъ курсахъ, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа.

VII. Предоставить министру народнаго просвѣщенія учреждать въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1-го сентября 1914 года, одногодичные курсы для подготовленія учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно краткосрочные курсы для преподающихъ въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ лицъ, на основаніяхъ, указанныхъ въ приложеніи (по прод. 1912 г.) къ примѣчанію 5 къ статьѣ 1463 уставовъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній (св. зак., т. XI, ч. 1), а также въ статьяхъ 2—6 отдѣла III настоящаго закона.

VIII. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на указанныя въ отдѣлѣ VII надобности: въ 1914 году—*сто тысячъ* рублей, въ 1915, 1916, 1917 и 1918 годахъ—по *двѣсти десять тысячъ* рублей въ годъ и въ 1919 году—*сто десять тысячъ* рублей.

IX. Остатки отъ суммъ, отпускаемыхъ согласно предыдущему (VIII) отдѣлу, обращать въ рессурсы государственнаго казначейства.

X. Указанный въ отдѣлѣ VIII расходъ въ 1914 году отнести на счетъ кредита, оставленнаго въ равной суммѣ на тотъ же предметъ къ условному отпуску въ составѣ назначенія по № 198 государственной росписи расходовъ на 1914 годъ.

Подписалъ: временно исполняющій обязанности предсѣдателя государственнаго совѣта *Иванъ Голубевъ.*

III. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ.

1. (29-го іюня 1914 года). *О разсрочкѣ числящихся за гор. Бобруйскомъ недоимокъ пособій казнѣ въ суммѣ 16.541 руб. 79 коп.*

Государь Императоръ, въ 29-й день іюня 1914 г., по положенію совѣта министровъ, Высочайше соизволилъ на разсрочку уплаты числящихся за городомъ Бобруйскомъ (Минской губерніи) на 1-е сентября 1913 года недоимокъ пособій казнѣ, въ суммѣ шестнадцати тысячъ пятисотъ сорока одного (16.541) руб. 79 коп., изъ коихъ 3.765 руб. 75 коп. по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и 12.776 руб. 4 коп. по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, срокомъ на 5 лѣтъ, равными частями, безъ начисленія процентовъ, но съ тѣмъ: 1) чтобы причитающіяся къ ежегодной уплатѣ по раз-

срочкѣ суммы вносились въ городскія смѣты наравнѣ съ прочими обязательными для города расходами; 2) чтобы на погашеніе указанныхъ ежегодныхъ платежей были обращаемы всѣ причитающіяся въ пользу города выдачи изъ государственнаго казначейства, за исключеніемъ воинскихъ квартирныхъ окладовъ; 3) чтобы, въ случаѣ несвоевременной уплаты соотвѣтствующихъ частей долга, на неуплаченную часть начислялась установленная пеня; и 4) чтобы, въ случаѣ разрѣшенія въ благопріятномъ для города Бобруйска смыслѣ вопроса объ уплатѣ городу казною состоящихъ за нею суммъ оцѣночнаго сбора—дѣйствіе разсрочки было прекращено и причитающіяся городу отъ казны суммы были обращены на пополненіе разсроченнаго долга.

(*Собр. уз. и расп. прав.*, 30-го сент. 1914 г., № 267, ст. 2426).

2. (29-го іюня 1914 года). *О разсрочкѣ числящейся за гор. Карасубазаромъ недоимокъ пособій казнѣ въ суммѣ 25.160 руб. 79 коп.*

Государь Императоръ, въ 29-й день іюня 1914 года, по положенію совѣта министровъ, Высочайше соизволилъ на разсрочку уплаты числящихся за городомъ Карасубазаромъ (Таврической губерніи) на 1-е января 1912 года недоимокъ пособій казнѣ всего въ суммѣ двадцати пяти тысячъ ста шестидесяти (25.160) руб. 79 коп., изъ коихъ: по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ—17.416 руб., по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія—4.460 руб. 79 коп. и по вѣдомству министерства путей сообщенія—3.284 руб., срокомъ на 10 лѣтъ, равными частями, безъ начисленія процентовъ, но съ тѣмъ: 1) чтобы причитающіяся къ ежегодной уплатѣ по разсрочкѣ суммы вносились въ городскія смѣты наравнѣ съ прочими обязательными для города расходами; 2) чтобы на погашеніе указанныхъ ежегодныхъ платежей были обращаемы всѣ причитающіяся въ пользу города выдачи изъ государственнаго казначейства, за исключеніемъ воинскихъ квартирныхъ окладовъ, и 3) чтобы въ случаѣ несвоевременной уплаты соотвѣтствующихъ частей долга, на неуплаченную часть начислялась установленная пеня.

(Тамъ же, ст. 2427).

3. (10-го сентября 1914 года). *Объ обезпеченіи учителей начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, призванныхъ изъ запаса на дѣйствительную военную службу.*

Совѣтъ министровъ полагалъ, на основаніи статьи 11 основныхъ государственныхъ законовъ (св. зак. т. I, ч. 1, изд. 1906 г.) постановить нижеслѣдующія правила:

Учители начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, призванные на дѣйствительную военную службу, сохраняютъ за собою, во время состоянія ихъ въ войскахъ: 1) занимаемыя должности и имѣютъ право на занятіе ихъ вновь по увольненіи изъ рядовъ войскъ; 2) все присвоенное имъ по должности учителей содержаніе, и 3) право на зачетъ времени, проведеннаго въ военной службѣ, въ сроки выслуги пятилѣтнихъ прибавокъ и на пенсію изъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, въ 10-й день сентября 1914 года, на положеніе сіе Высочайше соизволилъ.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 26-го сентября 1914 г. № 263, ст. 2407).

4. (30-го сентября 1914 года). *О привлеченіи на службу въ войска въ 1914 году воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, пользующихся отсрочками для окончанія курса.*

Государь Императоръ, въ 30-й день сентября 1914 года, по положенію совѣта министровъ Высочайше соизволилъ:

I. На основаніи статьи 61^{6} устава о воинской повинности (св. зак., т. IV, по прод. 1912 г.), предоставить военному министру право привлечь въ войска, въ 1914 году, молодыхъ людей, пользующихся отсрочками для окончанія курса высшихъ учебныхъ заведеній.

II. На основаніи статьи 87 основныхъ государственныхъ законовъ (св. зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.), въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить нижеслѣдующія правила:

1. Офицеры, произведенные на основаніи „положенія объ ускоренной подготовкѣ офицеровъ въ военное время въ военно-учебныхъ заведеніяхъ съ четырехмѣсячнымъ ускореннымъ курсомъ", имѣютъ право на увольненіе въ запасъ арміи по окончаніи военныхъ дѣйствій, распоряженіемъ военнаго министра. При этомъ тѣ изъ увольняемыхъ въ запасъ офицеровъ, которые прослужили въ частяхъ войскъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ, считаются отбывшими обязательный срокъ дѣйствительной службы по уставу о воинской повинности; офицеры же, прослужившіе въ частяхъ войскъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, обязаны въ слѣдующемъ за увольненіемъ ихъ въ запасъ году явиться на дѣйствительную службу и пробыть въ войскахъ три мѣсяца въ періодъ лѣтнихъ и осеннихъ занятій, послѣ чего считаются отбывшими обязательный срокъ дѣйствительной службы по уставу о воинской повинности и могутъ быть, если пожелаютъ, вновь зачислены въ запасъ.

2. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, привлеченные въ войска на основаніи статьи 61⁶ устава о воинской повинности (св. зак., т. IV, по прод. 1912 г.) до окончанія предоставленной имъ отсрочки, а также воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, принадлежащіе къ войсковому сословію казачьихъ войскъ и привлеченные въ войска примѣнительно къ той же статьѣ 61⁶ устава о воинской повинности (св. зак., т. IV, по прод. 1912 г.), кои, по окончаніи ускореннаго курса военно-учебныхъ заведеній, выпущены въ войска нижнимъ званіемъ и ко времени окончанія военныхъ дѣйствій (ст. 1) не удостоены производства въ прапорщики, могутъ быть послѣ этого срока, если пожелаютъ, временно уволены изъ войскъ до выслуги установленнаго срока дѣйствительной службы, для обратнаго поступленія въ высшія учебныя заведенія. По окончаніи курса сихъ заведеній, означенныя лица привлекаются къ исполненію воинской повинности на общемъ основаніи въ качествѣ вольноопредѣляющихся (въ казачьихъ войскахъ—на правахъ пользующихся правами по образованію), съ зачетомъ имъ въ срокъ дѣйствительной службы времени, проведеннаго въ военныхъ училищахъ и въ частяхъ войскъ.

3. Офицеры, произведенные на основаніи упомянутаго въ статьѣ 1 положенія и зачисленные въ запасъ (въ казачьихъ войскахъ—на льготу) при окончаніи военныхъ дѣйствій (ст. 1), а также воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, которые къ этому сроку не будутъ удостоены производства въ прапорщики, въ случаѣ временнаго увольненія ихъ изъ войскъ, безпрепятственно принимаются обратно въ высшія учебныя заведенія на тѣ курсы, съ которыхъ они были приняты на службу,—помимо вакансій и повѣрочныхъ испытаній, съ присвоеніемъ имъ вновь всѣхъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми они пользовались въ сихъ заведеніяхъ до призыва на военную службу въ порядкѣ статьи 61⁶ устава о воинской повинности (св. зак., т. IV, по прод. 1912 г.). Тѣмъ же изъ означенныхъ молодыхъ людей, которые, по возвращеніи въ высшія учебныя заведенія, не будутъ имѣть возможности окончить полный курсъ таковыхъ до срока, указаннаго въ статьѣ 61 устава о воинской повинности (св. зак., т. IV, по прод. 1912 г.), явка къ исполненію воинской повинности отсрочивается до окончанія курса, однако не долѣе, кахъ до достиженія сими лицами тридцатилѣтняго возраста.

4. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, призванные на военную службу на основаніи статьи 61⁶ устава о воинской повинности (св. зак., т. IV, по прод. 1912 г.) и оказавшіеся къ моменту

окончанія военныхъ дѣйствій (ст. 1) въ качествѣ юнкеровъ военно-учебныхъ заведеній съ ускореннымъ четырехмѣсячнымъ курсомъ, могутъ либо, въ случаѣ ихъ желанія, продолжать курсъ въ военно-учебномъ заведеніи на общихъ съ остальными юнкерами основаніяхъ, либо быть временно уволены отъ военной службы и вернуться въ высшее учебное заведеніе, изъ котораго они были призваны. Въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ всѣ права воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, выпущенныхъ по окончаніи курса военно-учебнаго заведенія съ ускореннымъ четырехмѣсячнымъ курсомъ нижнимъ званіемъ и ко времени окончанія военныхъ дѣйствій (ст. 1) не удостоенныхъ производства въ прапорщики.

5. Юнкерамъ, исключеннымъ изъ военно-учебныхъ заведеній съ четырехмѣсячнымъ ускореннымъ курсомъ ранѣе окончанія установленнаго курса, время нахожденія въ этихъ заведеніяхъ засчитывается въ срокъ дѣйствительной военной службы.

6. На воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, принадлежащихъ къ войсковому сословію казачьихъ войскъ и пользующихся отсрочками для окончанія курса высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, распространить дѣйствіе статьи 61^6 устава о воинской повинности (св. зак., т. IV, по прод. 1912 г.).

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 7-го октября 1914 г., № 272, ст. 2463).

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(9-го сентября 1914 года, № 62). *Назначаются:* преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ: Московскаго второго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Соловьевъ*, Купянской гимназіи, статскій совѣтникъ *Сукачевъ*, Енисейской гимназіи, статскій совѣтникъ *Лежинскій* и Казанской второй гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Вербицкій*—директорами: Соловьевъ—Костромского реальнаго училища, Сукачевъ—гимназіи, содержимой обществомъ содѣйствія образованію въ хуторѣ Калачѣ, области Войска Донского, Лежинскій—Енисейской гимназіи и Вербицкій—Малмыжской гимназіи, изъ нихъ послѣдній съ 9-го августа; преподаватель гимназіи русскаго собранія въ Петроградѣ, кандидатъ богословія *Зиньчукъ*—директоромъ той же гимназіи.

Утверждаются, согласно избранію: заслуженный ординарный про-

фессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ политической экономіи и статистики, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цытовичъ*—вновь ректоромъ того же университета, на три года, съ 6-го сентября; ординарный профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, статскій совѣтникъ *Гаппихъ*—директоромъ того же института, на три года, съ 3-го сентября.

Перемѣщаются: директоры: Батумской Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Генкель*, Поливановской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Аѳанасьевъ* и народныхъ училищъ Вятской губерніи, надворный совѣтникъ *Тихоницкій* — директорами: Генкель—Пермской первой Императора Александра I Благословеннаго гимназіи, Аѳанасьевъ—Рязанской Александровской учительской семинаріи, а Тихоницкій—народныхъ училищъ Псковской губерніи.

Увольняется, согласно прошенію, директоръ Костромского реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Слудскій*—отъ означенной должности, по случаю назначенія преподавателемъ, исполняющимъ обязанности инспектора Московскаго второго реальнаго училища.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, ординарный профессоръ Петроградскаго женскаго медицинскаго института, причисленный къ главному управленію государственнаго коннозаводства, магистръ ветеринарныхъ наукъ, статскій совѣтникъ *Саввaитовъ*, съ мундиромъ, означенной должности ординарнаго профессора присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, почетный попечитель Ветлужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Яблочковъ*, съ 3-го августа.

(15-го сентября 1914 года, № 64). *Объявляется Высочайшее благоволеніе*, 10-го августа 1914 г.: директору департамента народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Анатолію *Вильеву*, статскимъ совѣтникамъ: вице-директору департамента общихъ дѣлъ, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Аркадію *Даеву* и дѣлопроизводителю V класса того же департамента Степану *Станкевичу*.

Назначаются: инспекторы народныхъ училищъ: Воронежской губерніи, статскій совѣтникъ *Алексѣевскій*, Смоленской губерніи, статскій совѣтникъ *Рудневъ*, Саратовской губерніи, статскій совѣтникъ *Кузнецовъ*, Минской губерніи, статскій совѣтникъ *Товаровъ*, Нолинскаго уѣзда, Вятской губерніи, статскій совѣтникъ *Кутеповъ*, Якут-

ской области, статскій совѣтникъ *Васильевскій*, Витебской губерніи, статскій совѣтникъ *Ушаковъ*, Уфимской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Любимовъ*, Волынской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Березовскій*, Пермской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Емельяновъ* и Московской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Добрынченко*—директорами учительскихъ семинарій: Алексѣевскій—Бобровской, Рудневъ—Епифанской, Кузнецовъ—Шихранской, Товаровъ—Тобольской, Кутеповъ—Аткарской, Васильевскій—Якутской, Ушаковъ—Ново-Вилейской, Любимовъ — Белебеевской, Березовскій — Ольгопольской, Емельяновъ—Шадринской и Добрынченко—Ковровской; преподаватель Полтавскаго Александровскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Плескій*—директоромъ Уманской гимназіи, съ 10-го сентября; коллежскій совѣтникъ *Шестаковъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Кіевской второй гимназіи, на три года, съ 9-го мая; сверхштатный лаборантъ и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ химіи *Сахановъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ химіи.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: инспекторъ Псковской духовной семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Якубовскій*, преподаватель Волынской духовной семинаріи, магистръ богословія, статскій совѣтникъ *Владимірскій*, младшій техникъ низшаго оклада Московской интендантской пріемной комиссіи, инженеръ-технологъ, коллежскій секретарь *Владимірскій* и причисленный къ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, статскій совѣтникъ *Александровъ*—директорами учительскихъ семинарій: первый—Коростышевской, второй—Черниговской, третій—Спасской, Приморской области, и послѣдній—Поливановской.

Перемѣщаются: директоры гимназій: Кіевской четвертой, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Якимахъ*, Черниговской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Еленевскій* и Уманской, статскій совѣтникъ *Оппоковъ*—директорами гимназій: Якимахъ—Житомірской первой, Еленевскій—Кіевской четвертой и Оппоковъ—Черниговской, всѣ—съ 10-го сентября.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Житомірской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чехлатовъ*, съ 10-го сентября, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, инженеръ-технологъ, статскій совѣтникъ *Кнаббе,* со 2-го августа.

По Харьковскому учебному округу. *Производятся,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* учителя: гимназій: Харьковской 4-й, *Шабля*—съ 21-го сентября 1913 г., Пензенской 1-й, *Цилли*—съ 23-го октября 1913 г., Воронежской 2-й, *Щемелиневъ*—съ 28-го іюня 1913 г., Бѣлгородской е. к. в. герцога Эдинбургскаго, *Гунтъ*—съ 18-го іюля 1912 г., Старобѣльской Александровской, *Скляровъ*—съ 11-го октября 1912 г., Ростовской на-Дону (сверхштатный) *Сопотовъ*—съ 25-го августа 1913 г., Новочеркасской, *Горчуковъ*—съ 10-го мая 1913 г., реальныхъ училищъ: Харьковскаго 1-го, *Пыпѣевъ*—съ 26-го октября 1913 г., Тамбовскаго, *Салютринскій*—съ 18-го января 1914 г., Ростовскаго на-Дону Петровскаго, *Кемарскій*—съ 1-го января 1914 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* учителя: гимназій: Пензенской 2-й: *Епанешниковъ*—съ 30-го іюля 1912 г., *Бастырь*—съ 14-го сентября 1913 г. и *Сахарукъ*—съ 1-го іюля 1913 г., Корочанской Александровской, *Молчановъ*—съ 29-го августа 1913 г., Сумской Александровской: *Грабовскій*—съ 27-го сентября 1912 г. и *Паллонъ*—съ 4-го іюля 1911 г., Таганрогской, *Суродѣйкинъ*—съ 1-го сентября 1913 г., Тамбовской женской гимназіи Пташникъ, *Цвѣлевъ*—съ 21-го мая 1913 г., реальныхъ училищъ: Воронежскаго, *Велинъ*—съ 7-го апрѣля 1913 г., Ростовскаго на-Дону Петровскаго: *Лопатко*—съ 20-го февраля 1914 г. и *Кравченко*—съ 18-го ноября 1913 г.; наставникъ Курской учительской семинаріи *Холодовъ*—съ 6-го октября 1913 г.; надзиратель Воронежскаго средняго техническаго училища *Ивановъ*—съ 22-го марта 1913 г.; врачъ Лунинскаго высшаго начальнаго училища *Колосовскій*—съ 24-го марта 1911 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* Императорскаго Харьковскаго университета: сверхштатный лаборантъ, *Эминетъ*—съ 27-го октября 1912 г. и сверхштатный ассистентъ, *Папъянцъ* — съ 1-го января 1913 г.; учителя гимназій: Бѣлгородской е. к. в. герцога Эдинбургскаго, *Щепетовъ*—съ 10-го января 1902 г., Лебединской, *Кораблевъ*—съ 29-го января 1912 г., Нахичеванской на-Дону, *Трухмановъ* — съ 18-го августа 1912 г., реальныхъ училищъ: Изюмскаго, *Рудима*—съ 23-го января 1912 г., Пензенскаго, *Токаревъ*—съ 10-го августа 1910 г., Липецкаго, *Колосовъ*—съ 22-го декабря 1910 г., высшихъ начальныхъ училищъ: Краснослободскаго, *Дудоладовъ*—съ 1-го іюля 1913 г., Лунин-

скаго, (бывшій) *Велизарій*—съ 1-го сентября 1913 г., Чембарскаго, *Скуратовъ*—съ 15-го іюня 1913 г., Зміевскаго, *Майборода*—съ 1-го іюля 1913 г., Ростовскаго на-Дону, *Онищенко*—съ 10-го октября 1913 г., Козловскаго Пушкинскаго 1-го, *Узбяковъ*—съ 8-го августа 1913 г.; наставникъ Пензенской учительской семинаріи *Цереринъ*—съ 1-го апрѣля 1912 г., завѣдывающій мастерскими Новочеркасскаго Атаманскаго техническаго училища *Готлибъ* — съ 16-го октября 1911 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: лаборантъ Императорскаго Харьковскаго университета *Сахаровъ*—съ 23-го іюля 1913 г.; инспекторъ Арчадинскаго высшаго начальнаго училища *Поручиковъ*—съ 1-го іюля 1912 г.; учителя высшихъ начальныхъ училищъ: 1-го Донского, *Драный*—съ 1-го августа 1913 г., Усть-Медвѣдицкаго *Безсчетновъ*—съ 1-го сентября 1913 г., Таганрогскаго, (сверхштатный) *Кекушевъ*—съ 1-го іюля 1911 г., Тамбовскаго 1-го, *Гончаровъ*—съ 1-го іюля 1910 г.; завѣдывающій Ольховатской низшей ремесленной школой *Ивановъ*—съ 1-го января 1911 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Сумской Александровской гимназіи *Поллакъ*—съ 1-го декабря 1911 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учителя высшихъ начальныхъ училищъ: Козловскаго Пушкинскаго 1-го, *Титаренко*—съ 31-го августа 1909 г., Богучарскаго Александровскаго, (исполняющій должность) *Устименко*—съ 21-го декабря 1908 г., Богодуховскаго, *Александровъ* — съ 1-го іюля 1909 г., Таганрогскаго, (сверхштатный) *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1908 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Бѣлгородской е. к. в. герцога Эдинбургскаго гимназіи *Ракшевскій*—со 2-го ноября 1910 г.; письмоводитель Шацкаго реальнаго училища *Дмитревскій*—съ 27-го іюля 1913 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учителя: приготовительнаго класса Лебединской гимназіи, *Астаховъ*—съ 30-го ноября 1910 г., Усть-Медвѣдицкаго высшаго начальнаго училища, *Парахинъ*—съ 15-го августа 1908 г.; письмоводитель Старобѣльской Александровской гимназіи *Лысенко*—съ 22-го января 1913 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя приходскихъ училищъ: Харьковскаго 1-го, *Вельма*—съ 13-го ноября 1910 г., Наровчатскаго 1-го, *Овчинниковъ*—съ 1-го сентября 1913 г., Моршанскаго, *Фетисовъ*—съ 1-го октября 1913 г., Каменскаго 1-го, *Даниловскій*, Пиховскаго, *Соколовъ* и Верхне-Швыревскаго, *Зиминъ*, всѣ трое—съ 1-го ноября 1913 г., Власовскаго, *Егоровъ*—съ 5-го октября 1909 г., Новочеркасскаго 5-го, имени Денисовой, *Евсегнѣевъ*—съ 1-го октября 1913 г., Багаевскаго, *Топи-*

линъ—съ 28-го сентября 1913 г., Захаровскаго, *Поповъ* и Дичинскаго, *Ларіоновъ*, оба—съ 1-го сентября 1913 г., Граббевскаго, *Алексѣевъ*—съ 20-го августа 1913 г., Верхне-Рѣченскаго, *Полухинъ*—съ 1-го іюля 1913 г., Становскаго, *Дроновъ*—съ 1-го января 1913 г., Нехаевскаго, *Черновъ*—съ 1-го октября 1912 г., Правоторовскаго, *Цыганковъ*—съ 1-го сентября 1912 г., Ольховскаго, *Шлыковъ*—съ 1-го октября 1912 г., Карсунскаго, *Шумковъ*—съ 1-го октября 1913 г., Новаго, *Земцовъ*—съ 5-го октября 1909 г., Пятіизбянскаго, *Самсоновъ* и Нижне-Гнутовскаго, *Михайловъ*, оба—съ 1-го февраля 1913 г., Подрыночнаго, *Никитинъ*—съ 1-го сентября 1910 г., Хлѣбенскаго, *Похлебинъ*—съ 1-го ноября 1912 г.; почетные попечители высшихъ начальныхъ училищъ: Старобѣльскаго, *Поповичъ*—со 2-го января 1913 г. и Пензенскаго 1-го, *Карповъ*—съ 17-го апрѣля 1913 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: письмоводители: при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Харьковскаго университета, *Квасницкій*—со 2-го апрѣля 1913 г. и Павловскаго реальнаго училища, *Калининъ*—съ 1-го декабря 1913 г.; учителя приходскихъ училищъ: Волчанскаго 1-го, *Сомовъ*—съ 1-го сентября 1913 г., Купянскаго 2-го, *Плесковъ*—съ 30-го сентября 1911 г., Валковскаго, *Ходскій*—съ 1-го августа 1913 г., Лебедянскаго, *Харинъ*—съ 5-го октября 1906 г., Козловскаго 3-го, *Самохваловъ*—съ 1-го сентября 1913 г., Козловскаго 5-го, *Шебановъ*—съ 18-го августа 1913 г., Усманскаго 3-го, *Хрунинъ*—съ 17-го сентября 1913 г., Чембарскаго 1-го, *Деминъ*—съ 1-го сентября 1913 г., Страховскаго, *Семилѣтовъ*—съ 20-го сентября 1910 г., Комаровскаго, *Пономаревъ*—съ 1-го октября 1912 г., Золотовскаго, *Ковалевъ*—съ 1-го сентября 1910 г., Дурновскаго, *Ясыркинъ*—съ 24-го сентября 1910 г., Стояновскаго, *Рудневъ*—съ 1-го сентября 1913 г., Новогригорьевскаго, (бывшій) *Рѣпинскій*—съ 5-го октября 1906 г., Бирючьевскаго, *Рѣшовъ*—съ 1-го сентября 1907 г., Мишкинскаго, *Шишовъ*—съ 2-го сентября 1913 г., Нижне-Минченковскаго, *Протопоповъ*—съ 1-го октября 1913 г., Батлаевскаго, *Овчинниковъ*—съ 1-го сентября 1913 г., Каменскаго 2-го, *Плюшкинъ*—съ 1-го сентября 1913 г., Моисеевскаго, *Дюжевъ*—съ 1-го октября 1913 г., Котельниковскаго, *Чуйкинъ* — съ 1-го декабря 1912 г., Есауловскаго, (бывшій) *Симкинъ*—съ 1-го сентября 1907 г., Казаченскаго, *Автономовъ*—съ 1-го сентября 1913 г., Суховскаго 1-го, *Хижниченко*—съ 1-го іюля 1913 г., Дрягилевскаго, *Поликарповъ*—съ 1-го января 1913 г., Арженовскаго, *Мезенцевъ*—съ 1-го февраля 1913 г., Верхне-Ясеновскаго, *Собаченковъ*—съ 1-го сентября 1912 г., Орѣшкинскаго, *Самохинъ*, Журав-

скаго, *Чайкинъ*, Верхне-Герасимовскаго, *Норовъ*, Верхне-Митякинскаго, *Багровъ*, Валасовскаго, *Львовъ*, Березовскаго, *Колесниковъ*, Каменнобродскаго, *Пухляковъ*, Верхне-Клиновскаго, *Растеряевъ*, Королевскаго, *Пискуновъ*, Койсугскаго, *Кундрюковъ* и Дороговскаго, *Денисенко*, всѣ одиннадцать—съ 1-го сентября 1913 г., Песковатскаго, *Долгополовъ*—съ 1-го мая 1913 г. и Кобылянскаго, *Никольскій*—съ 1-го сентября 1913 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*: инспекторы: народныхъ училищъ Воронежской губерніи, коллежскій ассесоръ *Синайскій* — съ 16-го августа 1909 г. и Сумской Александровской гимназіи, надворный совѣтникъ *Вернеръ* — съ 18-го февраля 1909 г., *коллежскаго ассессора:* учителя: гимназій: Острогожской, *Тюкаловъ*—съ 14-го августа 1909 г., Пензенской 2-й, *Чураевъ*—съ 25-го іюля 1909 г., Воронежской 2-й, *Шмейхель* — съ 14-го августа 1909 г., реальныхъ училищъ: Харьковскаго 1-го, *Москалевъ*—съ 26-го февраля 1909 г. и *Окуневъ*—съ 1-го августа 1908 г., Саравскаго, *Яневскій*—съ 22-го августа 1909 г., Бѣлгородскаго учительскаго института, *Федченко* — съ 15-го марта 1909 г. и Ростовскаго на-Дону средняго техническаго училища, *Семеновъ* — съ 10-го марта 1909 г.; *титулярнаго совѣтника*: Императорскаго Харьковскаго университета: лаборантъ, *Климентовъ*—съ 21-го сентября 1909 г. и сверхштатный ассистентъ, *Ассѣевъ*—съ 20-го сентября 1904 г., оба по степени лѣкаря; учитель Ростовскаго на-Дону ремесленнаго училища *Болдыревъ* — съ 15-го октября 1908 г.; врачъ Старооскольской женской гимназіи *Сушковъ*—съ 21-го января 1910 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: учителя: Александровскъ-Грушевскаго городского училища, исправляющій должность, *Басамановъ*—съ 20-го сентября 1909 г., высшихъ начальныхъ училищъ: Валковскаго, *Гутникъ* и Новохоперскаго, *Остапецъ*, оба—съ 1-го іюля 1909 г., Лебедянскаго, *Силенко* — съ 25-го іюля 1909 г., Саранскаго 1-го, *Корякинъ*—съ 1-го іюля 1909 г., Нижне-Ломовскаго, *Жигачевъ*—съ 3-го апрѣля 1908 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Великокняжескаго реальнаго училища *Шкорбатовъ*—съ 7-го августа 1909 г.; *коллежскаго регистратора*, учитель графическихъ искусствъ Александровскъ-Грушевскаго городского училища *Кудренко* — съ 21-го мая 1907 г.

По Одесскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, врачъ Одесскаго реальнаго училища *Григорашенко*—съ 15-го сентября 1913 г.

По Варшавскому учебному округу. *Производятся,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* инспекторъ народныхъ училищъ Радомской губерніи *Кириченко*—съ 11-го января 1914 г.; учитель Андреевской учительской семинаріи *Мацуевъ*—съ 16-го октября 1913 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета *Евлаховъ*—съ 20-го января 1913 г.; учителя: гимназій: Плоцкой, *Троицкій*—съ 1-го сентября 1913 г. и Сандомирской, *Красновъ* — съ 7-го апрѣля 1907 г. и Ленчицкой учительской семинаріи, *Рыбчинскій*—съ 11-го ноября 1913 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета *Григорьевъ* — съ 14-го октября 1913 г.; учителя гимназій: Варшавской 4-й Имени Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, *Прищепа* — съ 16-го января 1912 г., Варшавской 5-й, *Горскій*—съ 1-го сентября 1910 г., Сувалкской: *Королевъ*—съ 1-го марта 1912 г. и *Коцеллъ* — съ 1-го сентября 1912 г., женскихъ: Варшавской 1-й, *Чистосердовъ* — съ 1-го января 1912 г. и Варшавской 4-й, *Домброва* — съ 1-го сентября 1911 г., Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, *Сапѣевскій* — съ 1-го ноября 1912 г.; руководитель практическихъ работъ Варшавскаго ремесленнаго училища Конарскаго *Макаровъ* — съ 1-го августа 1913 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* дѣлопроизводитель канцеляріи округа *Козей* — съ 10-го февраля 1914 г., сверхштатный ассистентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Янковскій* — съ 1-го мая 1908 г. и бывшій сверхштатный лаборантъ того же университета, нынѣ въ отставкѣ, *Вуйцицкій*—съ 15-го сентября 1906 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Пултуской гимназіи *Яссіевичъ*—съ 1-го января 1913 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета *Овчинниковъ* — съ 1-го ноября 1913 г., и лаборантъ того же университета *Богословскій*—съ 21-го марта 1913 г.; учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Апухтинъ* — съ 1-го февраля 1912 г.; письмоводитель Радомской гимназіи *Ефимовъ*—съ 1-го августа 1911 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Варшавской 5-й гимназіи (сверхштатный) *Храпчевскій*—съ 20-го сентября 1910 г., и Варшавскаго реальнаго училища, *Лойко*—съ 23-го августа 1911 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Голосовъ*—съ 5-го октября 1912 г.; учитель пѣнія Сѣнницкой

учительской семинаріи *Браулинскій*—съ 24-го февраля 1907 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* дѣлопроизводитель канцеляріи Радомской учебной дирекціи *Назарукъ* — съ 21-го іюня 1912 г.; бухгалтеръ-письмоводитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Константиновъ* — съ 1-го февраля 1911 г. и бывшій учитель, исполнявшій обязанности инспектора того же института, нынѣ въ отставкѣ, *Данъ*—съ 24-го февраля 1903 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: письмоводитель Ловичскаго реальнаго училища *Щетининъ*—съ 24-го января 1913 г.; механикъ Императорскаго Варшавскаго университета *Ганеманъ*—съ 11-го апрѣля 1913 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, инспекторъ народныхъ училищъ Варшавской губерніи, коллежскій секретарь *Тетеринъ*—съ 1-го декабря 1909 г.; *коллежскаго ассессора:* учителя: гимназій: Кѣлецкой, *Лимбергъ*—съ 1-го февраля 1910 г., Лодзинской Брауна (сверхштатный) *Судейкинъ* — съ 11-го марта 1910 г. и Ловичскаго реальнаго училища, *Рязанцевъ*—съ 13-го августа 1909 г.; *титулярнаго совѣтника*: врачъ Варшавской гимназіи Шеймина *Подчасскій*—съ 1-го февраля 1904 г. и сверхштатный помощникъ прозектора Императорскаго Варшавскаго университета *Морковинъ* — съ 1-го января 1909 г., оба по степени лѣкаря; учитель Варшавскаго ремесленнаго училища Конарскаго *Мельниковъ*—съ 1-го декабря 1909 г.; *коллежскаго секретаря:* сверхштатный лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета *Гіуновъ*—съ 9-го сентября 1913 г. и сверхштатный ассистентъ того же университета *Збитковскій* — съ 6-го декабря 1912 г., оба по степени кандидата физико-математическихъ наукъ; сверхштатный помощникъ классныхъ наставниковъ Ченстоховской гимназіи *Ѳедоренко* — съ 29-го января 1911 г.; *губернскаго секретаря,* сверхштатный лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета *Савченко*—съ 6-го октября 1912 г., по диплому второй степени Императорскаго университета.

По управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства. *Производятся,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, инспекторъ народныхъ училищъ Енисейской губерніи *Константиновъ*—съ 9-го августа 1911 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники,* учитель Читинской гимназіи *Поповъ*—съ 5-го іюня 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры,* учитель Иркутскаго городского училища Императора Александра III *Кутасъ*—съ 26-го іюня 1907 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: письмо-

водитель Иркутской гимназіи *Гуднинъ* — съ 31-го мая 1911 г., учителя приходскихъ училищъ: Троицкаго, *Журавскій*—съ 25-го августа 1896 г., Частоостровскаго, *Нарциссовъ* — съ 1-го февраля 1900 г., Абаканско-Заводскаго, (бывшій) *Устюговъ*—съ 10-го сентября 1904 г., Чалбучинскаго, *Пельменевъ*, Смоленскаго, *Зиминъ*, Урлукскаго, *Корнаковъ*, Читинскаго 3-го, *Афанасьевъ*, Гигетуйскаго, *Клочихинъ*, Харьяскаго, *Кондаковъ*, Киранскаго, *Игумновъ*, Куенгскаго, *Чугуевскій*, Шелопутинскаго, *Димовъ*, Ново-Оловскаго, *Чубаревъ*, Желтуринскаго, *Гончаровъ* и Нерчинско-Воскресенскаго, *Вологдинъ*, всѣ двѣнадцать — съ 5-го октября 1909 г., Соктуевскаго, *Эповъ* — съ 28-го іюля 1903 г., Чиндантъ-Гродековскаго, (бывшій) *Буссель*—съ 19-го апрѣля 1907 г., Кульскаго, *Шубинъ*—съ 1-го августа 1907 г., Кударинскаго, *Назимовъ*—съ 15-го октября 1906 г. и Кайласутуевскаго, *Булгаковъ*—съ 15-го іюля 1905 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, инспекторъ народныхъ училищъ Иркутской губерніи, коллежскій ассессоръ *Бибиковъ* — съ 1-го октября 1909 г.; *коллежскаго ассессора*, учитель-инспекторъ Акшинскаго городского училища *Лѣсобой*—съ 1-го сентября 1908 г.; учителя Иркутскаго промышленнаго училища: *Шеметовъ*—съ 21-го октября 1909 г., *Кудрявцевъ*—съ 20-го октября 1909 г. и *Горбачевъ*—съ 1-го іюля 1909 г.; *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ: Балаганскаго, *Киселевъ*—съ 1-го января 1907 г., Баргузинскаго, *Жуковъ*—съ 1-го іюля 1908 г. и Читинскаго (сверхштатный), губернскій секретарь *Дурсеневъ* — съ 27-го августа 1903 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Нерчинскаго реальнаго училища, коллежскій регистраторъ *Истоминъ* — съ 1-го іюля 1907 г.

По управленію учебными заведеніями Туркестанскаго генералъ-губернаторства. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, учитель Ташкентской 1-й женской гимназіи *Лисневскій*—съ 5-го ноября 1913 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель Ташкентской 1-й женской гимназіи *Панковъ* — съ 1-го октября 1910 г.; наставникъ Туркестанской учительской семинаріи *Хакджи* — съ 29-го сентября 1913 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, помощникъ классныхъ наставниковъ Ташкентской гимназіи *Переттъ*—съ 1-го ноября 1911 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя-завѣдывающіе русско-туземными училищами: Казалинскимъ, *Плечиковскій* и Яны-Курганскимъ, *Джангалиновъ*,

оба—съ 5-го октября 1909 г.; письмоводитель Ташкентской 1-й женской гимназіи *Веремѣенко*—съ 1-го іюня 1910 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* надзиратель интерната при Наманганскомъ высшемъ начальномъ училищѣ *Жабскій*—съ 1-го августа 1912 г.; учитель приходскаго училища при Туркестанской учительской семинаріи *Ковалевъ*—съ 1-го ноября 1912 г.; письмоводители гимназій: Самаркандской, *Туранскій*—съ 1-го октября 1913 г. и Ташкентской, *Ереминъ*—съ 18-го декабря 1913 г.

(23-го сентября 1914 года, № 65). *Опредѣляются* на службу, изъ отставныхъ: тайный совѣтникъ, магистръ богословія *Остроумовъ*—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, сверхъ штата; коллежскій ассессоръ *Іозефовичъ*—директоромъ гимназіи и реальнаго училища Іозефовича въ Петроградѣ.

Назначаются, ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ чистой математики, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Алексѣевъ*—попечителемъ Виленскаго учебнаго округа; сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Петроградскаго университета, докторъ государственнаго права, коллежскій совѣтникъ *Жилинъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ государственнаго права; директоръ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, коллежскій совѣтникъ *Зачиняевъ* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Митавскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ *Николаевъ*—директорами гимназій: Зачиняевъ—Кіевской въ Пущѣ-Водицѣ, а Николаевъ—Золотоношской; приватъ-доценты Императорскаго университета св. Владиміра: магистръ гражданскаго права, коллежскій секретарь *Митилино* и магистръ физики *Бялобржескій*—исправляющими должности экстраординарныхъ профессоровъ того же университета, по каѳедрамъ: Митилино—торговаго права и торговаго судопроизводства, а Бялобржескій—физики и физической географіи.

Утверждаются, согласно избранію: въ должности церемоніймейстера Высочайшаго Двора, коллежскій ассессоръ *Тютчевъ*, губернскій секретарь *Шубовичъ* и потомственный почетный гражданинъ *Чернухинъ*—почетными попечителями: Тютчевъ—Сергіево-Посадской гимназіи, съ 6-го апрѣля 1914 г., Шубовичъ—Вознесенской, Херсонской губерніи, гимназіи, съ 10-го января 1913 г., и Чернухинъ—вновь Сызранскаго реальнаго училища, съ 1-го января 1912 г., всѣ—на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ перваго въ должности церемоніймейстера.

Перемѣщается директоръ Кіевской гимназіи въ Пущѣ-Водицѣ, статскій совѣтникъ *Косоноговъ*—директоромъ Ровенской гимназіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ русскаго языка и словесности, статскій совѣтникъ *Михайловъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

(29-го сентября 1914 года, № 67). *Назначаются:* экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ, *Богдановъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ терапевтическихъ клиникъ, факультетской и госпитальной; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Мстиславской гимназіи, статскій совѣтникъ *Пигулевскій*—директоромъ Томскаго второго реальнаго училища; въ званіи камергера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-*Дервизъ*, надворный совѣтникъ *Доманскій* и коллежскій регистраторъ *Линке*—почетными попечителями гимназій: фонъ-Дервизъ—вновь Рязанской первой, съ 28-го іюля 1914 г., Доманскій—Каменецъ-Подольской, съ 15-го марта 1913 г., и Линке—вновь Херсонской первой, съ 17-го августа 1914 г., всѣ на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ перваго въ придворномъ званіи; привать-доценты Императорскихъ университетовъ: Николаевскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Копыловъ* и Харьковскаго, магистръ государственнаго права *Алексѣевъ*—экстраординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: Копыловъ—Николаевскаго, по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею и съ упражненіями въ операціяхъ на трупахъ, а Алексѣевъ—Юрьевскаго, по каѳедрѣ энциклопедіи права и исторіи философіи права; врачъ-спеціалистъ Петроградской Александровской общины сестеръ милосердія Россійскаго общества Краснаго Креста и состоящихъ при ней хирургической больницы и амбулаторіи, прозекторъ Обуховской городской больницы, докторъ медицины, коллежскій ассессоръ *Леонтьевъ*—старшимъ ассистентомъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, по патологической анатоміи, съ 10-го мая, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; преподаватель Рижскаго политехническаго института, статскій совѣтникъ фонъ-*Медеръ*—исполняющимъ должность адъюнктъ-профессора того же института, по высшей математикѣ, съ 1-го іюля; сверхштатный лаборантъ и привать-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ физической географіи, коллежскій ассессоръ *Сперанскій*—исправляю-

щимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по каѳедрѣ физики и физической географіи.

Утверждаются, согласно избранію: заслуженный профессоръ Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, инженеръ-технологъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Деппъ*—вновь директоромъ того же института, на два года, съ 27-го сентября, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; статскій совѣтникъ *Демидовъ* и потомственный почетный гражданинъ *Марковъ*—почетными попечителями: Демидовъ—Нижегородской первой гимназіи, а Марковъ—Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища, оба на три года, съ 10-го декабря 1913 г.; статскій совѣтникъ *Кушакевичъ*—почетнымъ попечителемъ Нѣжинскаго низшаго техническаго училища имени А. Ѳ. Кушакевича, на три года, съ 23-го октября 1913 г.

Увольняется, согласно прошенію, старшій ассистентъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Шоръ*—отъ означенной должности, съ 9-го мая, по случаю назначенія его прозекторомъ Петропавловской городской больницы.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ, директора реальныхъ училищъ: Ядринскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вестерманъ* и Томскаго второго, статскій совѣтникъ *Воробьевъ*, изъ нихъ первый съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

V. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (1-го іюля 1914 года, № 33011). *О программахъ по географіи для мужскихъ гимназій.*

Въ ряду предметовъ, изученіе которыхъ указывается требованіями общаго образованія, даваемаго средней школой, географіи должно быть отведено одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. До сихъ поръ, однако, предметъ географіи занималъ въ курсѣ гимназій, какъ по количеству часовъ, такъ и по объему свѣдѣній, положеніе одного изъ второстепенныхъ предметовъ.

Считая такой порядокъ далеко не соотвѣтствующимъ задачамъ средняго образованія, я призналъ необходимымъ пересмотръ вопроса о преподаваніи географіи, дабы поставить его на должную высоту,

рекомендовавъ при этомъ обратить особенное вниманіе на расширеніе и углубленіе курса географіи Россіи.

Явившіяся результатомъ этого пересмотра новыя программы, представленныя мнѣ, мною утверждены 1-го іюля сего года.

Препровождая означенныя программы для ознакомленія съ ними учебнаго начальства и преподавателей географіи въ гимназіяхъ ввѣреннаго вамъ округа, я вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю вашему превосходительству ввести ихъ въ дѣйствіе съ начала наступающаго 1914—1915 учебнаго года во всѣхъ классахъ гимназій, въ количествѣ часовъ, указанныхъ программами. Въ связи съ введеніемъ новаго курса географіи въ существующихъ таблицахъ уроковъ производятся слѣдующія измѣненія: 1) въ приготовительномъ классѣ число уроковъ увеличивается на два урока; 2) въ I и VI классахъ уменьшается на одинъ часъ количество уроковъ нѣмецкаго языка; 3) въ VII классѣ — уменьшается на 1 часъ количество уроковъ по законовѣдѣнію и 4) въ VIII классѣ уменьшается также на 1 часъ количество уроковъ по философской пропедевтикѣ.

При введеніи новыхъ программъ съ начала наступающаго учебнаго года необходимо руководствоваться слѣдующимъ:

1) въ приготовительномъ, въ шести первыхъ и въ 8-мъ классахъ преподаваніе вводится по предлагаемымъ программамъ, безъ всякихъ въ нихъ измѣненій;

2) въ 7-омъ классѣ вводится повторительный обзоръ государствъ Западной Европы и ихъ колоній по программамъ 6-го и 7-го классовъ съ сокращеніями, которыя должны быть сдѣланы въ каждой гимназіи преподавателями географіи сообразно съ познаніями учениковъ и утверждены педагогическими совѣтами;

3) впредь до появленія новыхъ учебниковъ разрѣшается пользоваться: а) для перваго класса—всѣми учебниками, допущенными ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ употребленію въ этомъ классѣ, и въ дополненіе къ нимъ—однимъ изъ учебниковъ, содержащихъ географію Россіи и допущенныхъ къ употребленію въ начальныхъ школахъ; б) для второго, третьяго и четвертаго классовъ—всѣми учебниками, допущенными ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ употребленію въ этихъ классахъ, в) для пятаго—тѣми учебниками по общей и физической географіи, которые допущены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и учительскихъ институтахъ, а также тѣми изъ существую-

щихъ нынѣ учебниковъ, которые въ свое время были допущены къ употребленію въ 6-мъ классѣ реальныхъ училищъ, когда тамъ преподавалась физическая географія, г) для шестого класса—тѣми учебниками географіи Европы, которые допущены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній или же для учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій, д) для седьмого класса—тѣми учебниками по сравнительной всеобщей географіи, которые допущены къ употребленію въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, е) для восьмого класса—тѣми учебниками сравнительной географіи Россіи, которые допущены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ употребленію въ пятомъ классѣ гимназій, но съ необходимыми сообразно возрасту учащихся дополненіями.

До появленія новыхъ руководствъ при пользованіи вышеупомянутыми учебниками разрѣшается и даже рекомендуется производить сокращенія, дополненія и измѣненія въ цѣляхъ приспособленія ихъ къ требованіямъ новыхъ программъ.

Съ 1915—16 учебнаго года новыя программы вводятся во всѣхъ классахъ безъ всякихъ отступленій.

Программы и объяснительныя записки по географіи въ мужскихъ гимназіяхъ.

Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія 1-го іюля 1914 г.

Географія является однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ школьнаго обученія и потому проходитъ черезъ всѣ классы гимназіи, начиная съ приготовительнаго и кончая восьмымъ.

Удѣляя должное мѣсто даннымъ общаго землевѣдѣнія, настоящія программы тѣмъ не менѣе выдвигаютъ на первый планъ Россію, знакомство съ которою должно быть основою всего школьнаго образованія. Первыя свѣдѣнія о Россіи ученикъ получаетъ уже въ приготовительномъ классѣ, затѣмъ послѣдовательно и систематически знакомится съ нею въ первомъ и четвертомъ классахъ и, наконецъ, заключаетъ свое географическое образованіе общимъ очеркомъ Россіи въ восьмомъ классѣ. При такой постановкѣ географія пріобрѣтаетъ въ школѣ высокое значеніе и является могущественнымъ орудіемъ въ дѣлѣ національнаго воспитанія.

Проходя черезъ всѣ классы и охватывая разные возрасты учащихся, курсъ школьной географіи неизбѣжно долженъ быть разбитъ на концентры. Въ основу настоящей программы легли три концентра.

Первый концентръ охватываетъ приготовительный и первый классы, второй—классы 2—5 включительно и третій—классы 6, 7 и 8. Въ каждомъ слѣдующемъ концентрѣ расширяются и углубляются ранѣе пріобрѣтенныя свѣдѣнія соотвѣтственно большему развитію учащихся, и потому простое повтореніе имѣетъ только вспомогательное значеніе, существо же учебнаго курса сводится къ развитію тѣхъ положеній, которыя намѣчены въ программѣ даннаго класса.

Имѣя въ виду уяснить отношеніе человѣка къ землѣ, школьное землевѣдѣніе развертываетъ передъ учащимися картины природы съ одной стороны и картины жизни человѣка съ другой стороны, а потому стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ курсомъ природовѣдѣнія и исторіи.

Связь географіи съ природовѣдѣніемъ особенно тѣсна въ первомъ и отчасти во второмъ концентрахъ. Необходимыя свѣдѣнія о землѣ, водѣ и воздухѣ включены уже въ программу приготовительнаго класса. Общія свѣдѣнія изъ физической географіи, развиваемыя, между прочимъ, въ курсѣ перваго класса, опираются на данныя естествовѣдѣнія. Точно также и въ дальнѣйшихъ частяхъ курса при изложеніи географіи растеній и животныхъ необходимо имѣть въ виду связь этихъ отдѣловъ съ курсомъ природовѣдѣнія 2 и 3 класса. Физическое землевѣдѣніе въ 5 классѣ всецѣло основывается на тѣхъ свѣдѣніяхъ изъ физики, которыя входятъ въ курсъ природовѣдѣнія и теперь могутъ быть попутно расширены и углублены при разъясненіи соотвѣтствующихъ отдѣловъ географіи. Краткія свѣдѣнія о земной корѣ и объ эпохахъ ея развитія основываются на тѣхъ данныхъ ботаники и зоологіи, которыя пріобрѣтены учениками въ курсѣ второго и третьяго классовъ.

Первыя свѣдѣнія изъ математической географіи сообщаются уже въ приготовительномъ и первомъ классахъ. Въ курсѣ пятаго класса земля разсматривается, между прочимъ, и какъ міровое тѣло. Окончательная сводка свѣдѣній по математической географіи и ихъ углубленіе относятся къ курсу 8 класса, гдѣ проходится курсъ космографіи, имѣющій и самостоятельное значеніе.

Не менѣе важна также связь географіи съ учебнымъ курсомъ исторіи. Курсъ приготовительнаго класса, между прочимъ, имѣетъ въ

виду дать учащимся ту картографическую основу, безъ которой немыслимы успѣшныя занятія исторіей Россіи въ I классѣ. Поэтому въ концѣ перваго года обученія географіи учащіеся знакомятся съ картой Россіи и вкратцѣ усваиваютъ распредѣленіе на ней главнѣйшихъ географическихъ элементовъ. Въ первомъ классѣ географія Россіи проходится параллельно съ исторіей нашей страны, что для обоихъ предметовъ представляется въ высокой степени удобнымъ, такъ какъ Россія одновременно изучается не только въ ея настоящемъ состояніи, но и въ постепенномъ развитіи. Необходимо, чтобы преподаватели обоихъ предметовъ постоянно имѣли въ виду эту связь и своею работою помогали другъ другу. Въ курсѣ второго и третьяго класса связь географіи и исторіи устанавливается при разсмотрѣніи странъ древняго Востока, Греціи и Рима. Свѣдѣнія о постепенномъ открытіи и изслѣдованіи земного шара, сообщаемыя въ курсѣ пятаго класса, опираются на соотвѣтствующіе отдѣлы исторіи, уже пройденные къ этому времени.

Но особенно тѣсна связь третьяго концентра географіи съ пройденнымъ передъ тѣмъ курсомъ исторіи. Въ этомъ концентрѣ данныя физико-географическаго характера отступаютъ на второй планъ, и существо дѣла сводится къ уясненію культурнаго и экономическаго состоянія изучаемыхъ странъ,—и здѣсь преподаватель находитъ себѣ твердую основу въ законченномъ уже въ пятомъ классѣ второмъ концентрѣ исторіи.

Вѣнецъ всего курса — географія Россіи отнесена къ восьмому классу, гдѣ и проходится параллельно дополнительному и повторительному курсу исторіи, что даетъ полную возможность развить съ достаточною полнотою и глубиною главныя положенія установленной для этого класса программы географіи.

Что касается метода преподаванія, то выборъ его вполнѣ предоставляется усмотрѣнію преподавателя. Необходимо, однако, сдѣлать курсъ возможно болѣе нагляднымъ, особенно въ младшихъ классахъ, гдѣ выясняются элементарныя свѣдѣнія изъ общей географіи. Поэтому экскурсіи и широкое пользованіе различными наглядными пособіями должны быть признаны обязательными. Для облегченія пользованія демонстративнымъ матеріаломъ на урокахъ географіи крайне желательно устройство при каждой гимназіи особаго географическаго класса или географическаго кабинета, гдѣ должны быть собраны всѣ необходимыя учебныя пособія и гдѣ возможно было бы вести уроки географіи, иллюстрируя ихъ при помощи проекціоннаго фонаря. Не-

обходимо на всѣхъ ступеняхъ преподаванія всячески возбуждать самодѣятельность учениковъ, и потому всевозможныя самостоятельныя работы, соотвѣтствующія возрасту и развитію учениковъ, должны имѣть самое широкое примѣненіе.

Слѣдуетъ также, особенно въ старшихъ классахъ, пріучать учениковъ читать на картѣ пройденное раньше изъ области какъ физической, такъ и политической географіи, при чемъ преподаватель долженъ дополнять попутно пройденное, останавливая вниманіе учащихся, въ болѣе или менѣе выпуклой формѣ, на тѣхъ явленіяхъ и событіяхъ, которыя должны навсегда запечатлѣться въ молодыхъ умахъ.

Нижеслѣдующія программы являются только примѣрными и намѣчаютъ содержаніе курса каждаго класса въ самыхъ общихъ чертахъ. Порядокъ расположенія матеріала, равно какъ и степень развитія деталей, вполнѣ предоставляется усмотрѣнію преподавателей и составителей учебниковъ.

Первый концентръ.

Краткій курсъ географіи Россіи въ связи съ выясненіемъ общихъ понятій элементарной географіи.

ПРОГРАММЫ.

Приготовительный классъ (2 урока въ недѣлю).

Родиновѣдѣніе и первое знакомство съ картой Россіи.

Домъ, дворъ, улица, площадь, рѣка. Первое понятіе о планѣ. Расположеніе комнатъ въ школѣ, построекъ во дворѣ, домовъ, церквей и садовъ на главныхъ улицахъ. Расположеніе огородовъ, полей и лѣса въ окрестностяхъ города.

Дневной путь солнца, страны горизонта. Путь солнца лѣтомъ и зимой. Времена года и ихъ характеристика.

Первыя понятія о формахъ поверхности: равнина, холмы (горы), низины, долины, овраги (ущелья).

Водяные пары въ воздухѣ. Туманъ, роса, облака, дождь, снѣгъ. Простые опыты надъ кипѣніемъ, испареніемъ и фильтрованіе воды.

Почва, песокъ, глина. Ручей, рѣка, озеро, болото, прудъ, колодезь, ключъ. Лугъ, пашня, огородъ, лѣсъ, паркъ, садъ. Животный міръ въ лѣсахъ, поляхъ и въ водѣ.

Мѣстные жители и ихъ занятія. Огородничество, хлѣбопашество, рыболовство, охота, ремесла.

Элементарное чтеніе карты Европейской Россіи. Расположеніе морей, горныхъ мѣстностей, главныхъ рѣкъ, столицъ и торговыхъ городовъ.

I КЛАССЪ (3 УРОКА ВЪ НЕДѢЛЮ).

Краткій курсъ географіи Россіи и общія свѣдѣнія изъ физической и математической географіи.

А. Россія.

1. Ознакомленіе съ типичными формами, рѣками, озерами и морями Россіи (Валдайская возвышенность, Уральскія горы, Кавказскій хребетъ. Рѣки: Волга, Днѣпръ, Обь и др. Озера: Ладожское, Аральское и т. д.).

2. Картины природы и жизни людей въ Россіи по естественнымъ областямъ. Сѣверный Ледовитый океанъ, полоса тундръ, области хвойныхъ лѣсовъ Европейской Россіи, области Сибирской тайги, область смѣшанныхъ лѣсовъ средней и западной Россіи. Черноземная степная полоса Европейской Россіи. Полоса русскихъ азіатскихъ степей, область пустынь и оазисовъ, горныя области.

3. Пространство, границы и число жителей Россіи. Управленіе. Столицы, главнѣйшія губерніи и города.

Б. Свѣдѣнія по общей географіи.

Работы съ масштабомъ на планѣ города и на картѣ Россіи. Формы поверхности земли. Явленія, происходящія въ атмосферѣ. Источники, рѣки, озера, моря. Понятіе о земномъ шарѣ. Суточное вращеніе земли си градусная сѣть. Глобусъ и карты плоскошарій. Океаны и части свѣта. Годовое движеніе земли и времена года. Климатическіе пояса, главные вѣтры и морскія теченія. Населеніе земного шара. Расы. Народы и государства.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Первый концентръ курса географіи заключаетъ въ себѣ родиновѣдѣніе, наглядный курсъ географіи Россіи и начальныя свѣдѣнія изъ общей географіи.

Родиновѣдѣніе въ приготовительномъ классѣ имѣетъ цѣлью озна-

комить дѣтей съ окрестною (доступною ихъ прямому наблюденію) мѣстностью и дать имъ попутно первоначальныя свѣдѣнія о горизонтѣ, временахъ года, о почвѣ и рѣкѣ, озерѣ, лѣсѣ, лугѣ, о земледѣліи, скотоводствѣ, ремеслахъ и т. п. Курсъ этотъ немыслимъ безъ дѣйствительныхъ прогулокъ и безъ самодѣятельнаго отношенія къ нему учащихся. Самодѣятельность эта можетъ выразиться (кромѣ посѣщенія и осмотра различныхъ уголковъ родной мѣстности) также въ собираніи свѣдѣній о предметахъ, особенно ихъ интересующихъ, составленіи коллекцій, лѣпкѣ формъ, поверхности изъ глины, пластилина и т. п.

Для каждаго города программы родиновѣдѣнія должны быть различны. Въ каждомъ учебномъ заведеніи такую программу долженъ составлять преподаватель (руководствуясь лишь общими указаніями настоящихъ программъ), а утверждать педагогическій совѣтъ. При составленіи ея должны приниматься во вниманіе всѣ мѣстныя условія и даже особенности домашняго воспитанія учащихся.

Преподаваніе этого курса должно быть исключительно нагляднымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда запасъ непосредственныхъ наблюденій въ классныхъ бесѣдахъ исчерпывается, а новыя наблюденія подъ открытымъ небомъ невозможны, преподаватель все же долженъ держаться возможно ближе къ родной дѣйствительности, широко пользуясь разными естественными предметами и картинами, взятыми изъ окружающей мѣстности, и отдавая предпочтеніе тѣмъ, которые принесены самими учениками. Только такимъ образомъ будетъ осуществлена главная задача курса — пріучить дѣтей внимательно всматриваться въ окружающій ихъ міръ и разумно его наблюдать.

Въ виду малаго возраста учащихся, при ознакомленіи ихъ съ планомъ мѣстности не слѣдуетъ вдаваться въ топографическія подробности. Но въ концѣ приготовительнаго курса необходимо ознакомить учениковъ съ картою Россіи, чтобы они могли показывать на ней моря, большія рѣки, большіе города, а также умѣли находить родной городъ. При ознакомленіи съ картой Россіи можно показать дѣтямъ и положеніе нашей страны на глобусѣ, не входя, однако, въ сложныя для этого класса объясненія формы земли.

Цѣль курса I класса дать живыя и наглядныя представленія о Россіи и выработать основныя понятія по общей географіи. Соотвѣтственно этому программа этого класса состоитъ изъ двухъ частей— А и Б. Часть А охватываетъ свѣдѣнія о Россіи. Часть Б содержитъ

общія понятія. Какъ установить взаимоотношенія между этими частями, сочетать ли ихъ вмѣстѣ въ одно цѣлое, излагать ли порознь параллельно въ послѣдовательномъ или, наконецъ, въ какомъ либо иномъ порядкѣ—разрѣшеніе этихъ вопросовъ предоставляется преподавателямъ и авторамъ учебниковъ, но одно должно быть незыблемо,—въ основѣ всего курса должна лежать географія Россіи, и познанія о ней должны составлять главное содержаніе курса. Познанія эти въ I классѣ не могутъ быть подробными и строго систематическими, но непремѣнно они должны быть отчетливыми и при томъ связаны съ живыми и ясными представленіями картинъ русской природы и русской жизни. При всей огромной величинѣ нашего отечества и разнообразіи уклада жизни его многочисленныхъ народовъ, все же надо выбирать для изученія въ I классѣ лишь немногія типичныя картины, и эти картины изобразить по возможности рѣзко. При этомъ дѣлить Россію необходимо по естественнымъ областямъ, такъ какъ культурно-историческія основанія для раздѣленія нашей страны на этой ступени еще недоступны усвоенію.

При изложеніи общихъ свѣдѣній примѣры слѣдуетъ брать тоже по возможности изъ Россіи, но съ тѣмъ расчетомъ, чтобы это не помѣшало усвоенію необходимыхъ положеній общей географіи.

Самодѣятельность учениковъ въ I классѣ можетъ выразиться въ сравненіи далекихъ краевъ Россіи съ окружающею мѣстностью, изученіе которой ни подъ какимъ видомъ не должно ограничиваться только приготовительнымъ классомъ, а напротивъ того, проходить красною нитью черезъ весь гимназическій курсъ.

Затѣмъ уже съ перваго класса слѣдуетъ пріучать учениковъ къ исполненію простыхъ графическихъ работъ, какъ напр. заполненіе репетиціонныхъ картъ и растушевка ихъ карандашами, составленіе простыхъ схемъ, графиковъ, напр. наглядное представленіе высоты горъ, длины рѣкъ и т. п., занесеніе въ тетрадь чертежей, выполняемыхъ преподавателемъ на урокѣ и т. д. Въ высшей степени полезны краткія записи произведенныхъ въ природѣ наблюденій.

Наконецъ, важнымъ моментомъ самостоятельной работы учениковъ является ихъ чтеніе въ свободное отъ учебныхъ занятій время. Однако, въ виду малаго возраста учащихся не должно особенно увлекаться этого рода работой и ограничивать ее сборниками общаго характера и художественными произведеніями родной литературы, представляющими географическій интересъ.

Второй концентръ.

(2—5 классы).

Краткій курсъ страновѣдѣнія съ заключительнымъ очеркомъ физической и экономической географіи.

ПРОГРАММЫ 2, 3, 4 и 5 КЛАССОВЪ.

2 классъ (2 урока въ недѣлю).

Азія, Африка, Америка и Австралія.

Краткіе общіе очерки природы и населеніе Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Элементарное знакомство съ исторіей ихъ открытія и заселенія. (великія путешествія). Описаніе отдѣльныхъ странъ (государствъ и колоній), разсмотрѣніе ихъ положенія, границъ, поверхности, климата, внутреннихъ водъ, растительности, животнаго міра, дѣятельности населенія, формъ его быта и городовъ.

3 классъ (2 урока въ недѣлю).

Европа.

Общій очеркъ. Положеніе, границы, береговая линія. Поверхность. Климатъ. Рѣки и озера. Растительность, животный міръ и почвы. Населеніе, его составъ, численность, плотность и религіи.

Описаніе отдѣльныхъ государствъ Западной Европы; ихъ природа, населеніе и города.

4 классъ (2 урока въ недѣлю).

Россія.

Положеніе, границы и пространство Россіи. Дѣленіе ея на естественныя и культурно-географическія области. Краткое описаніе каждой области: характеристики поверхности, климата, рѣкъ и озеръ, растительности, животнаго міра, населенія по его составу и плотности, важнѣйшихъ промысловъ и формъ быта, путей сообщенія, городовъ и др. населенныхъ мѣстъ.

5 классъ (2 урока въ недѣлю).

Общая географія.

Исторія великихъ географическихъ открытій и постепеннаго изученія поверхности земли. Земля, какъ міровое тѣло. Форма и движенія

ея около оси и около солнца. Строеніе земного шара и развитіе земной коры.

Суша. Силы, измѣняющія поверхность суши: вывѣтриваніе, дѣятельность воды, вѣтра, работа моря, льда, горообразованіе, вѣковыя колебанія, землетрясенія, вулканизмъ. Основныя формы поверхности суши. Вода суши.

Океанъ. Рельефъ океаническаго дна и его грунтъ. Свойства морской воды: составъ, соленость, температура, цвѣтъ, прозрачность. Движеніе морской воды, волненіе, приливъ и отливъ, морскія теченія.

Атмосфера. Составъ и высота атмосферы. Температура. Давленіе и движеніе воздуха. Влажность и осадки. Климатъ и погода.

Растительность и животный міръ. Условія, вліяющія на распредѣленіе растеній и животныхъ.

Человѣкъ. Численность и распредѣленіе человѣчества. Человѣческія расы. Понятіе о племени и народѣ. Понятіе о культурѣ. Различіе людей по степени культуры. Вліяніе природы на человѣка и человѣка на природу. Условія развитія промышленности добывающей, обрабатывающей и торговли.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Второй концентръ курса географіи слагается изъ двухъ элементовъ: а) начальнаго страновѣдѣнія (части свѣта и Россія) и б) краткаго очерка физической и экономической географіи.

Курсъ начальнаго страновѣдѣнія имѣетъ въ виду дать характеристику типичныхъ областей земного шара, какъ со стороны ихъ природы, такъ и со стороны жизни населяющаго ихъ человѣка. Въ виду небольшого еще возраста учениковъ, нѣтъ возможности дать систематическое изложеніе страновѣдѣнія; курсъ является въ большей или меньшей степени эпизодическимъ, но тѣмъ не менѣе онъ не можетъ сводиться къ безсвязному отрывочному изложенію фактовъ, хотя бы и достаточно красочныхъ и яркихъ: уже на этой ступени необходимо вводить ученика въ пониманіе географическихъ взаимоотношеній, а потому факты, составляющіе содержаніе курса, должны быть изложены въ причинной связи.

Хотя главной задачей курса является выясненіе типичныхъ картинъ жизни на землѣ, тѣмъ не менѣе всѣ сообщаемыя свѣдѣнія должны быть пріурочены къ картѣ, съ которою къ концу курса ученикъ долженъ настолько познакомиться, чтобы быть въ состояніи безъ затрудненія находить на ней тѣ географическіе объекты, кото-

рые онъ изучалъ. Такое знаніе карты, необходимое и само по себѣ, представляется еще важнымъ и для успѣшныхъ занятій.

Изученіе внѣевропейскихъ странъ предшествуетъ Европѣ и идетъ непосредственно за первымъ концентромъ. Такая послѣдовательность оправдывается близостью курса второго класса по своему содержанію къ общему вступительному курсу, проходимому въ первомъ классѣ. На примѣрахъ различныхъ странъ представляется возможнымъ проработать общія положенія физической и математической географіи, недостаточно усвоенныя въ I-мъ классѣ. Такъ, напр., необходимо въ яркихъ образахъ и картинахъ разработать основные факты климатическаго характера и, что особенно важно, дать яркое представленіе о явленіяхъ тропической и подтропической полосы (времена года по сравненію съ нашими: пассаты, муссоны, ураганы, зенитальные дожди и т. п.). Вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть пополнены представленія ученика о физико-географической жизни поверхности земли, для чего необходимо остановиться на характерныхъ явленіяхъ природы разныхъ странъ, каковы, напр., гейзеры, вулканы, землетрясенія и т. п.

Въ связи съ климатомъ различныхъ частей свѣта должны быть ярко обрисованы картины распространенія растительности и животнаго міра. Детали не могутъ имѣть мѣста, но ученикъ долженъ получить отчетливое представленіе о господствующихъ на землѣ растительныхъ ландшафтахъ. Говоря о животныхъ, нѣтъ возможности распредѣлять ихъ по зоогеографическимъ провинціямъ, а приходится руководствоваться скорѣе біологическими соотношеніями, пріурочивая животныхъ къ типичнымъ географическимъ областямъ.

Чрезвычайно важно сообщить во второмъ классѣ основныя свѣдѣнія по этнографіи, поскольку она можетъ быть сведена къ живымъ характеристикамъ наиболѣе типичныхъ формъ быта: преподавателю придется остановить вниманіе ученика на жизни австралійцевъ, полинезійцевъ, полярныхъ народовъ, американскихъ индѣйцевъ, негровъ, кочевыхъ народовъ Азіи и т. д.

При характеристикѣ отдѣльныхъ странъ необходимо дать картины промышленнаго труда человѣка въ зависимости отъ природныхъ условій, обращая вниманіе не столько на экономическую, сколько на бытовую сторону предмета. Попутно придется выяснить значеніе полезныхъ ископаемыхъ и растеній, а также и животныхъ, служащихъ предметомъ промышленности (домашнія животныя, промысловые звѣри, промысловыя рыбы).

Въ 3-мъ классѣ, кромѣ физико-географической и этнографической характеристики Европы, необходимо обратить особенное вниманіе на плодотворную борьбу человѣка съ природой и на созданіе той культурной обстановки жизни, которая составляетъ особенность этой части свѣта. При обзорѣ промышленности непонятная ученикамъ экономическая сторона жизни опускается и, наоборотъ, выдвигается на первый планъ бытовая технологическая сторона промышленности.

При разсмотрѣніи городовъ обращается вниманіе на ихъ значеніе въ зависимости отъ географическаго положенія. Большіе культурные центры, каковы Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Вѣна и др., обрисовываются съ достаточною полнотою въ живыхъ образахъ и картинахъ.

Явленія политической жизни страны на этой ступени преподаванія должны быть совершенно опущены, а о государственномъ устройствѣ можно давать только самыя краткія свѣдѣнія.

Что касается общихъ характеристикъ частей свѣта, то эта программа только примѣрно ставитъ ихъ въ началѣ курса. Преподавателю не возбраняется начинать изученіе географіи внѣевропейскихъ странъ и Европы съ обзорами отдѣльныхъ областей и государствъ, а общіе очерки строить въ концѣ, какъ заключительный выводъ изъ всего пройденнаго. Важнѣйшимъ звеномъ начальнаго страновѣдѣнія является курсъ географіи Россіи, проходимый въ IV классѣ. Такъ какъ учащіеся имѣютъ уже нѣкоторыя представленія о родной странѣ по курсу географіи и исторіи I класса, то представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ въ этомъ концентрѣ выдвинуть на первый планъ пообластное разсмотрѣніе Россіи. Программы не предрѣшаютъ, однако, вопроса о самомъ способѣ раздѣленія Россіи, предоставляя рѣшеніе этого вопроса преподавателямъ и составителямъ учебниковъ.

Въ концѣ курса весьма цѣлесообразно сдѣлать общій очеркъ, но только какъ выводъ изъ всего пройденнаго, такъ какъ цѣльная характеристика Россіи со стороны ея природы, экономической жизни и культурнаго состоянія отнесена къ курсу 8-го класса.

При прохожденіи курса Россіи въ 4-мъ классѣ необходимо сообщать этнографическія данныя о жизни народовъ, населяющихъ нашу страну, а также давать свѣдѣнія изъ исторіи колонизаціи, по скольку они опираются на пройденное по исторіи. При характеристикѣ городовъ и населенныхъ пунктовъ необходимо, гдѣ это нужно, останавливаться и на выясненіи ихъ историческаго значенія.

Для закрѣпленія проходимаго курса необходимо сопровождать его

самостоятельными работами учениковъ. Работы на репетиціонныхъ картахъ должны быть признаны обязательными. Кромѣ того, по мѣрѣ возможности, предлагаются работы по составленію элементарныхъ діаграммъ и картограммъ (высота горъ, длина рѣкъ, сравненіе государствъ по величинѣ и населенію и т. п.), задачи по послойной лѣпкѣ рельефовъ и т. п. Не возбраняется и упражненіе учениковъ въ черченіи картъ.

Огромное значеніе слѣдуетъ признать за самостоятельнымъ чтеніемъ учениковъ по программѣ проходимаго курса. При этомъ, на ряду съ книгами и хрестоматіями строго географическаго характера, слѣдуетъ также обращать вниманіе учениковъ и на высоко художественныя произведенія міровой и родной литературы, представляющія географическій интересъ.

Курсъ физической и экономической географіи, проходимой въ 5-мъ классѣ, дополняетъ, развиваетъ и соединяетъ въ одно цѣлое свѣдѣнія по физической и культурной географіи, пріобрѣтенныя учениками въ предшествовавшихъ классахъ, и подготовляетъ къ прохожденію дальнѣйшаго курса, сообщая общія понятія по всѣмъ отдѣламъ географіи. Онъ обнимаетъ всю такъ называемую физическую географію, географію растеній, животныхъ и географію человѣка, заключительную главу которой составляетъ экономическая географія.

Главная задача этого курса отнюдь не сообщеніе новыхъ фактическихъ данныхъ, а сводка знакомаго уже матеріала въ одну стройную и цѣльную картину, которая должна быть истолкована сообразно возрасту учащихся. Поэтому при прохожденіи курса 5-го класса обращается главное вниманіе на выясненіе причинной связи, на истолкованіе географическихъ взаимоотношеній. Всюду, гдѣ это окажется цѣлесообразнымъ, полезны экскурсіи въ область исторіи науки съ цѣлью уясненія того, какъ и почему были добыты выясняемыя научныя свѣдѣнія.

И въ этомъ классѣ возможны и важны самостоятельныя работы учениковъ, заключающіяся въ построеніи графиковъ, діаграммъ, а также въ разработкѣ бланковыхъ меркаторскихъ картъ съ занесеніемъ на нихъ распространенія изучаемыхъ явленій.

Отнюдь не слѣдуетъ требовать отъ учениковъ механическаго запоминанія голыхъ цифровыхъ данныхъ, хотя бы и важныхъ по своему значенію (высоты, глубины, среднія температуры и т. п.). Представленныя самими учениками въ видѣ графиковъ и діаграммъ эти

данныя должны служить конспектомъ для связнаго разсказа на урокахъ и на экзаменахъ.

По принципамъ, изложеннымъ въ объяснительной запискѣ къ программамъ 1-го класса, и въ этомъ общемъ курсѣ должны преобладать примѣры, взятые преимущественно изъ географіи Россіи, дабы и на этой заключительной ступени второго концентра не была упущена главная цѣль всего учебнаго курса—познаніе Россіи и уясненіе ея мѣста на земной поверхности.

Третій концентръ.

Систематическій курсъ страновѣдѣнія съ заключительнымъ очеркомъ географіи Россіи.

ПРОГРАММЫ.

6 классъ (1 урокъ въ недѣлю).

Европа.

Повтореніе курса третьяго класса съ развитіемъ его содержанія по слѣдующей программѣ:

А. Великія державы: Австро-Венгрія, Англія, Германія, Италія, Франція. Исторія возникновенія и развитія государствъ въ связи съ условіями географическаго положенія. Современныя границы. Населеніе. Численность и плотность его. Племенной составъ. Происхожденіе и бытовыя особенности отдѣльныхъ народностей. Распредѣленіе по роду занятій. Городское и сельское населеніе. Эмиграція и иммиграція. Вѣроисповѣданія и народное просвѣщеніе. Сельское хозяйство. Значеніе его въ жизни государства. Особенности земледѣлія и скотоводства. Лѣсное хозяйство. Важнѣйшіе виды горнаго промысла. Обрабатывающая промышленность и ея значеніе въ хозяйственной жизни государства. Современное состояніе и виды этой промышленности. Пути сообщенія. Желѣзнодорожная сѣть. Линіи международнаго значенія. Рѣки и каналы. Рѣчное судоходство. Морское судоходство. Средства сношеній. Внѣшняя торговля и ея значеніе для государства. Торговыя сношенія съ Россіей. Государственное устройство. Вооруженныя силы. Колоніи, ихъ значеніе и связь съ метрополіями.

Б. Второстепенныя государства. Исторія ихъ возникновенія, важнѣйшія особенности племенного состава, хозяйственной и торговой дѣятельности и путей сообщенія. Отношеніе и связь съ Россіей.

7 КЛАССЪ (1 урокъ въ недѣлю).

Азія, Африка, Америка и Австралія.

Повтореніе курса II класса съ дополненіями по слѣдующей программѣ.

Азія.

Обзоръ населенія всей части свѣта по численности и плотности. Расовый и племенной составъ населенія. Разсмотрѣніе важнѣйшихъ народовъ, ихъ этнографіи и культуры въ рамкахъ естественныхъ областей.

Политическій и экономическій обзоръ Азіи. Самостоятельныя государства: Китай, Японія, Персія, Турція. Особенности ихъ географическаго положенія, современное культурное состояніе ихъ. Хозяйство. Отношеніе къ Россіи.

Колоніи европейцевъ въ Азіи. Ихъ культурное состояніе. Политическія и хозяйственныя отношенія къ метрополіямъ. Роль Россіи въ Азіи.

Африка.

Населеніе Африки по численности и плотности и обзоръ быта важнѣйшихъ народовъ этой части свѣта по естественнымъ областямъ.

Колоніи европейскихъ народовъ и ихъ значеніе для метрополій.

Самостоятельныя африканскія государства и отношеніе къ нимъ европейцевъ.

Америка.

Населеніе Америки по численности и плотности. Важнѣйшія народности въ предѣлахъ естественныхъ областей.

Иммиграція въ Америку. Самостоятельныя государства, основанныя европейцами. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Населеніе, культура, хозяйство, государственный строй. Романскія государства Средней и Южной Америки. Ихъ населеніе, культура, хозяйство и государственный строй. Ихъ торговыя сношенія съ Европой.

Американскія колоніи европейцевъ. Канада. Ея населеніе, культура, хозяйство, управленіе и отношеніе къ метрополіи. Колоніи на островахъ въ Южной Америкѣ.

Австралія.

Туземное населеніе и переселенцы. Колонизація Австраліи европейцами и вліяніе на туземное населеніе.

Австралія, какъ промышленная колонія англичанъ. Новая Зеландія. Европейскія колоніи на островахъ Тихаго Океана.

Полярныя области.

Коренное различіе между сѣверной и южной областью. Краткій очеркъ ихъ изслѣдованія. Ихъ экономическое значеніе.

Міровая торговля.

Океаны, какъ міровые пути сообщенія. Значеніе материковъ въ міровомъ хозяйствѣ. Главнѣйшіе центры міровой торговли.

8 КЛАССЪ (1 УРОКЪ ВЪ НЕДѢЛЮ).

Россія.

(ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ).

Историческія свѣдѣнія объ изслѣдованіи территоріи Россіи и современныя работы въ этомъ направленіи. Географическое положеніе и величина Россіи.

Поверхность. Гипсометрическія и геологическія изслѣдованія въ Россіи. Рельефъ и общія черты строенія Россіи.

Климатъ. Метеорологическія наблюденія и изслѣдованія въ Россіи. Климатическія области Россіи. Рѣки и озера Россіи, ихъ зависимость отъ климата и рельефа.

Растительность, почвы и животный міръ въ ихъ взаимоотношеніяхъ по естественнымъ областямъ.

Народонаселеніе въ его отношеніяхъ къ территоріи и его племенной составъ; народное просвѣщеніе.

Современное состояніе земледѣлія и скотоводства по сравненію съ другими государствами.

Промысловая охота, рыболовство, лѣсной промыселъ. Горная промышленность.

Кустарные промыслы. Фабрично-заводская промышленность.

Современное состояніе путей сообщенія по сравненію съ другими государствами (внутренніе водные пути, естественные и искусственные, грунтовыя и шоссейныя дороги, желѣзнодорожная сѣть, морское судоходство).

Торговля Россіи, внутренняя и внѣшняя, и ея главные предметы.

Россія, какъ великая держава, и положеніе ея среди другихъ государствъ міра.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Третій концентръ географіи охватываетъ курсъ 6, 7 и 8 классовъ и имѣетъ въ виду дополненіе и углубленіе данныхъ второго концентра, соотвѣтственно болѣе зрѣлому возрасту учащихся.

Только что пройденный общій курсъ физической географіи исключаетъ необходимость значительныхъ дополненій въ этой области, и потому курсъ географіи 6 и 7 классовъ сводится исключительно къ культурно-экономической характеристикѣ Европы и внѣевропейскихъ странъ.

Въ виду господствующаго положенія Европы въ современной культурѣ, естественно начать курсъ съ этой части свѣта и затѣмъ уже перейти къ внѣевропейскимъ странамъ, гдѣ европейцы основали свои многочисленныя колоніи.

При разсмотрѣніи Европы въ 6 классѣ особенное вниманіе обращается на характеристику культуры и экономической жизни великихъ державъ. Второстепенныя государства разсматриваются съ меньшею подробностью, но тѣмъ изъ нихъ, которыя имѣли или имѣютъ отношеніе къ Россіи, отводится болѣе видное мѣсто. Такъ напримѣръ, государства Балканскаго полуострова разсматриваются съ значительною подробностью.

Въ курсѣ 7 класса имѣется въ виду, кромѣ характеристики европейскихъ колоній, сообщить также свѣдѣнія и по этнографіи всѣхъ частей свѣта.

Этнографическія свѣдѣнія представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ пріурочить къ естественнымъ областямъ, дабы оттѣнить значеніе природныхъ условій для культурнаго развитія народа.

Такимъ образомъ, характеристика каждой части свѣта распадается на двѣ части: этнографическій обзоръ въ границахъ естественныхъ областей и характеристику современныхъ политическихъ единицъ государствъ и колоній. Такой планъ дѣлаетъ возможнымъ отмѣтить значеніе въ жизни данной части свѣта первобытнаго населенія древнихъ, возникшихъ въ этой части свѣта культуръ и современныхъ европейскихъ колоній. Такъ, напримѣръ, характеристика индусовъ и ихъ роли въ географіи Азіи найдетъ себѣ мѣсто въ обзорѣ Азіи по естественнымъ областямъ; характеристика же современной Британской Индіи должна быть сдѣлана въ политическомъ обзорѣ.

При характеристикѣ культурнаго и экономическаго состоянія

странъ неизбѣжно пользованіе цифровыми данными. Но эти цифровыя данныя ни подъ какимъ видомъ не должны быть заучиваемы учениками наизусть: онѣ служатъ только матеріаломъ для построенія діаграммъ, графиковъ и картограммъ, которые, какъ и въ курсѣ 5 класса, служатъ ученику конспектомъ при его отвѣтахъ на урокѣ и на экзаменахъ. Курсъ 7 класса заключается общимъ обзоромъ міровой торговли и міровыхъ путей, который даетъ возможность связать въ одну стройную картину курсъ 6 и 7 классовъ.

Заключительный курсъ географіи Россіи, проходимый въ 8 классѣ, долженъ быть направленъ къ выработкѣ обстоятельныхъ и научно-обоснованныхъ понятій о природѣ Россіи, о культурно-экономическомъ ея состояніи и о положеніи ея среди другихъ государствъ міра.

При изученіи поверхности, климата, растительности и почвъ Россіи слѣдуетъ обращать вниманіе учениковъ на то, какимъ образомъ постепенно были выработаны тѣ научныя положенія, которыя нынѣ, какъ вполнѣ доказанныя и даже элементарныя, входятъ въ составъ учебныхъ курсовъ и должны быть твердо извѣстны каждому образованному русскому человѣку. При этомъ слѣдуетъ отмѣчать выдающіяся заслуги нашихъ ученыхъ, какъ напр., генерала Тилло, Докучаева, Мушкетова и другихъ.

При обзорѣ населенія Россіи, промышленности, торговли и путей сообщенія обязательно слѣдуетъ соблюдать также историческую перспективу, особенно когда рѣчь идетъ о сравненіи нашего отечества съ другими государствами. Сравненія эти, если ихъ примѣнять только къ современному положенію дѣла и не обращать вниманія на прошлое, могутъ приводить къ неблагопріятнымъ для Россіи выводамъ и даже создавать унылое настроеніе въ учащихся. Соблюденіе же исторической перспективы при такихъ сравненіяхъ способствуетъ обнаруженію той истины, что Россія — государство молодое и при томъ быстро почти во всѣхъ отношеніяхъ развивающееся, съ великимъ свѣтлымъ будущимъ. Отдѣльные, печальные для русскаго самолюбія, факты отнюдь не слѣдуетъ скрывать: они способны возбуждать въ учащихся здоровое чувство національнаго соревнованія.

Статистическія данныя, приводимыя въ курсѣ, необходимо прорабатывать слѣдующимъ образомъ: если цифры даны въ таблицахъ, ученики могутъ представлять ихъ въ видѣ діаграммъ или графиковъ; если, наоборотъ, въ учебникѣ даны діаграммы и кривыя, ученики должны пріучаться давать имъ обстоятельныя толкованія; но запоми-

нать эти цифры ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ они не обязаны, и поощрять такое заучиваніе не слѣдуетъ.

Пользуясь статистическими данными, преподаватели и авторы учебниковъ не должны, однако, покидать географической почвы и вдаваться въ детали статистики. Существенное содержаніе этого курса должны составлять не цифры, а основательныя понятія о природныхъ свойствахъ и богатствахъ нашего отечества и о разнообразныхъ отрасляхъ кипучаго народнаго труда. Познаніе этого труда должно заложить въ подрастающемъ поколѣніи глубокое уваженіе ко всѣмъ трудящимся и возбудить воодушевленіе къ собственной, выпадающей на долю каждаго работѣ; оно укрѣпитъ въ ихъ сердцахъ нѣжныя чувства къ общей нашей матери-Россіи и приведетъ къ стремленію послужить на ряду съ прочими работниками на ея пользу.

2. (2-го іюля 1914 года). *О программахъ по исторіи для реальныхъ училищъ.*

Циркулярнымъ распоряженіемъ моимъ отъ 31-го іюля 1913 года за № 32327 въ мужскихъ гимназіяхъ съ минувшаго 1913—1914 учебнаго года приступлено къ постепенному введенію новыхъ, выработанныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, программъ исторіи.

Находя необходимымъ по возможности уравнять курсъ исторіи въ реальныхъ училищахъ съ курсомъ исторіи въ гимназіяхъ, я приказалъ выработать новыя программы исторіи для реальныхъ училищъ, которыя мною утверждены 2-го сего іюля.

Препровождая при семъ эти программы въ экземплярахъ къ вашему превосходительству, прошу васъ предложить оныя къ руководству съ тѣмъ, чтобы въ наступающемъ 1914—1915 учебномъ году онѣ были введены лишь въ 1-мъ классѣ, а въ послѣдующіе учебные годы дѣйствіе ихъ послѣдовательно распространялось и на дальнѣйшіе классы реальныхъ училищъ.

Программы и объяснительныя записки по русской и всеобщей исторіи въ реальныхъ училищахъ.

I.

Общій планъ.

Преподаваніе исторіи въ реальныхъ училищахъ, обнимая собой всѣ шесть классовъ и седьмой дополнительный, развертывается кон-

центрически: русская исторія въ видѣ трехъ концентровъ (ступеней), всеобщая—въ видѣ двухъ.

Русская исторія распадается на курсъ элементарный (I концентръ), систематическій (II концентръ) и повторительно-дополнительный (III концентръ).

Всеобщая исторія проходится въ видѣ систематическаго курса (I концентръ, равный по значенію II концентру русской исторіи) и повторительно-дополнительный (II концентръ).

Элементарный курсъ русской исторіи проходится въ I-омъ классѣ, при 2-хъ годовыхъ часахъ, систематическій въ IV-омъ, V-омъ и VI-омъ классахъ при 5 годовыхъ часахъ (въ IV-омъ классѣ—2 час., V-омъ—2, въ VI-омъ классѣ—1 часъ), повторительно-дополнительный въ VII-омъ классѣ при 2 часахъ.

Систематическому курсу всеобщей исторіи предпосылается вводный курсъ, посвященный исторіи Востока и Героической Греціи, который проходится во II-омъ классѣ, при 2 часахъ.

Систематическій курсъ всеобщей исторіи проходится въ III-емъ, IV-омъ и V-омъ классахъ при 6 часахъ (въ III-емъ классѣ — при 2 час. — исторія Греціи и Рима; въ IV-омъ классѣ — при 2 час. — исторія среднихъ вѣковъ; въ V-омъ классѣ — при 2 час. — новая исторія), повторительно-дополнительный—въ VI-омъ и VII-омъ классахъ, при 5 часахъ (въ VI-омъ классѣ—при 3 час.—древняя исторія и средніе вѣка, въ VII-омъ—при 2 час.—новая исторія).

Общее распредѣленіе уроковъ исторіи для всего курса реальныхъ училищъ по отдѣльнымъ классамъ будетъ таково:

I классъ — 2 урока (русская исторія, элементарный курсъ, I-й концентръ).

II классъ — 2 урока (исторія Востока и Героическая Греція — вводный курсъ).

III классъ—2 урока (исторія Греціи и Рима—I-ый концентръ).

IV классъ — 4 урока (по русской — 2 час. — II-ой концентръ, по средней—2 час.—I-ый концентръ).

V классъ — 4 урока (по русской — 2 час. — II-ой концентръ, по новой — 2 час. — I-ый концентръ).

VI классъ — 4 урока (по русской — 1 час. — II-ой концентръ, древняя исторія и средніе вѣка — 3 час. — II-ой концентръ).

VII классъ—4 урока (по русской — 2 час. — III-й концентръ, по новой—2 час.—II-ой концентръ).

Такимъ образомъ, курсъ исторіи требуетъ 22 годовыхъ часа на

протяженіи семи учебныхъ лѣтъ, при чемъ для русской исторіи отведено 9 годовыхъ часовъ, а для всеобщей исторіи во всемъ ея объемѣ—13 часовъ.

Объяснительная записка къ общему плану.

Въ основу вышеприведеннаго плана положенъ планъ преподаванія исторіи въ мужскихъ гимназіяхъ, утвержденный 13-го іюля 1913 года, по которому русская исторія проходится въ трехъ концентрахъ, при 11 годовыхъ часахъ, всеобщая—въ двухъ концентрахъ при 15 годовыхъ часахъ, всего при 26 годовыхъ часахъ въ теченіе восьми лѣтъ гимназическаго курса.

Тѣ же три и два концентра и такое же приблизительно взаимоотношеніе часовъ, положенное на русскую и всеобщую исторію, соблюдено и въ программахъ для реальныхъ училищъ, но общее количество часовъ по необходимости пришлось уменьшить, въ виду отсутствія VIII-го класса въ реальныхъ училищахъ, благодаря чему курсъ исторіи въ послѣднихъ сокращенъ на 4 часа и разсчитанъ не на 26 часовъ, какъ въ гимназіяхъ, а на 22, несмотря на то, что по существующему положенію на исторію отведено было всего лишь 19 часовъ.

Уменьшеніе числа часовъ сравнительно съ гимназической программой и увеличеніе часовъ сравнительно съ прежнимъ положеніемъ въ реальныхъ училищахъ создали два въ нѣкоторомъ отношеніи трудныхъ положенія: а) необходимо было сократить курсъ исторіи, введенный для гимназій, пожертвовавъ его какими либо частностями; б) слѣдовало найти свободные часы, урѣзавши преподаваніе другихъ предметовъ, чтобы эти часы предоставить исторіи.

Что касается сокращеній, то въ отношеніи русской исторіи они коснулись элементарнаго и повторительно-дополнительнаго курсовъ. Преподаваніе русской исторіи по гимназическимъ программамъ состоитъ изъ элементарнаго курса — при 3-хъ часахъ, систематическаго — при 5 и дополнительнаго — при 3-хъ часахъ. Такъ какъ центромъ тяжести преподаванія является систематическій курсъ, то признано необходимымъ, при сокращеніи гимназической программы, такое сокращеніе произвести по отношенію элементарнаго и повторительно-дополнительнаго курсовъ, предоставивъ имъ, каждому въ отдѣльности, вмѣсто трехъ, два часа, благодаря чему на всю русскую исторію отведено въ общей схемѣ 9 часовъ, — на два часа меньше, чѣмъ въ гимназической программѣ.

Первому концентру всеобщей исторіи въ гимназическихъ про-

граммахъ отведено 7 часовъ (2 часа—Греціи и Риму, 2 часа—среднимъ вѣкамъ и 3 часа—новой исторіи), а вмѣстѣ съ вводнымъ, посвященнымъ исторіи Востока, Героической Греціи, при 2-хъ часахъ,—9 час., второму концентру — 6 часовъ (2 часа — среднимъ вѣкамъ, 2 часа — новой исторіи и 2 — античной культурѣ).

Въ этой программѣ слѣдовало произвести сокращеніе, какъ и по отношенію русской исторіи, въ размѣрѣ 2-хъ часовъ. Не имѣя возможности сократить вводный курсъ, рѣшено уменьшить на одинъ часъ систематическій курсъ, предоставивъ новой исторіи, вмѣсто 3-хъ, два часа; еще одинъ часъ взять отъ курса второго концентра, построивъ преподаваніе курса второй ступени такимъ путемъ: въ виду того, что въ реальныхъ училищахъ нѣтъ совсѣмъ VIII-го класса, да и характеръ проходимыхъ наукъ значительно разнится отъ гимназій, признано цѣлесообразнымъ совсѣмъ не вводить въ преподаваніе реальныхъ училищъ особаго курса, посвященнаго античной культурѣ, но взамѣнъ того характеристикѣ среднихъ вѣковъ предпослать изученіе основныхъ моментовъ древности, и этому курсу, какъ началу второго концентра по всеобщей исторіи, отвести 3 часа. Такимъ путемъ получается сокращеніе противъ гимназической программы на одинъ часъ, а всего съ прежнимъ—на два, такъ что курсу всеобщей исторіи въ реальныхъ училищахъ будетъ предоставлено 13 часовъ (2 часа—вводному, 6—систематическому и 5—повторительно-дополнительному).

Если же имѣть въ виду второе неудобство (трудность нахожденія новыхъ часовъ для уроковъ исторіи), то слѣдуетъ сказать, что увеличеніе часовъ для исторіи невозможно было провести по всѣмъ классамъ въ желательномъ видѣ до конца, не нарушая планомѣрности преподаванія другихъ предметовъ, въ виду чего по необходимости пришлось пожертвовать строгой систематичностью и полной параллельностью концентровъ русской и всеобщей исторіи — интересамъ нѣкотораго удобства. Поэтому, напримѣръ, первый концентръ всеобщей исторіи, равнозначный второму концентру русской исторіи, заканчивается въ V-омъ классѣ, а послѣдній заканчивается въ VI-омъ (въ первомъ полугодіи—при 2-хъ урокахъ), такъ какъ ни въ V-омъ, ни въ болѣе раннемъ IV-омъ классѣ невозможно было, ради одновременнаго окончанія того и другого концентровъ, прибавить число уроковъ исторіи, безъ крайняго нарушенія равновѣсія въ преподаваемыхъ предметахъ; точно также невозможно и новую исторію передвигать въ VI-ой классъ.

Кромѣ того, еще одно обстоятельство существенно отразилось на распредѣленіи уроковъ по отдѣльнымъ классамъ. Курсъ исторіи въ трехъ концентрахъ для русской исторіи и въ двухъ концентрахъ по всеобщей, при той серьезной постановкѣ преподаванія, которая проведена въ гимназическихъ программахъ, требуетъ отъ учащихся значительнаго напряженія умственныхъ силъ и извѣстнаго довольно высокаго уровня развитія. Но въ гимназіяхъ онъ разсчитанъ на восемь классовъ, а въ реальныхъ училищахъ долженъ быть распредѣленъ на семь; благодаря этому открывалась естественная возможность, при примѣненіи къ реальнымъ училищамъ гимназическихъ программъ, приравнять 8-ой классъ гимназіи 7-му классу реальнаго училища, 7-ой гимназіи—6-му реальнаго училища и т. д. Отсюда получилось бы такое положеніе, что трудныя и серьезныя программы курса исторіи падали бы въ реальныхъ училищахъ на болѣе младшій, чѣмъ въ гимназіяхъ, возрастъ. Выходомъ изъ такого неудобства было то, что признано необходимымъ сохранить и для реальныхъ училищъ то же отношеніе между классомъ и курсомъ исторіи, какое установлено въ гимназіяхъ, и такимъ путемъ второй концентръ, напр., всеобщей исторіи въ реальныхъ училищахъ начинается не съ V-го класса, а съ VI-го, какъ и въ гимназіяхъ.

По изложеннымъ выше основаніямъ преподаваніе исторіи въ реальныхъ училищахъ устанавливается въ видѣ слѣдующей схемы.

Въ первомъ классѣ проходится элементарный курсъ русской исторіи (I-ый концентръ). Во второмъ классѣ—вводный курсъ ко всеобщей исторіи. Классы третій, четвертый, пятый и часть шестого отведены для систематическаго курса: а) русской исторіи (II-ой концентръ) и б) всеобщей исторіи (I-ый концентръ). Часть шестого и седьмой отведены повторительно-дополнительному курсу: а) русской исторіи (въ VII-омъ классѣ—III-ій концентръ) и б) всеобщей исторіи (часть VI-го и VII-ой классъ—II-ой концентръ).

По отдѣльнымъ классамъ преподаваніе можетъ развертываться въ такомъ порядкѣ.

Въ первомъ классѣ (при 2-хъ часахъ) начинается и заканчивается наиболѣе доступный и самый близкій нашимъ учащимся элементарный курсъ отечественной исторіи, которымъ учащіеся вводятся въ преподаваніе исторіи вообще.

Во второмъ классѣ (при 2-хъ урокахъ) начинается вводный курсъ всеобщей исторіи съ изученія жизни и культуры древнихъ народовъ Востока и Героической Греціи.

Въ третьемъ классѣ (при 2-хъ урокахъ) преподается исторія Греціи и Рима.

Въ четвертомъ (при 4-хъ урокахъ) ведется параллельное преподаваніе: а) русской исторіи (при 2-хъ часахъ), отъ возникновенія государства до времени Іоанна Грознаго, и б) исторіи среднихъ вѣковъ (при 2-хъ же часахъ).

Въ пятомъ классѣ (при 4-хъ урокахъ) преподаваніе: а) русской исторіи (при 2-хъ часахъ)—отъ Іоанна Грознаго до Екатерины II-ой, и б) новой исторіи (при 2-хъ часахъ) до конца, чѣмъ завершается I-й концентръ всеобщей исторіи.

Въ шестомъ классѣ (при 4-хъ урокахъ) преподаются: а) русская исторія (при 1 часѣ), чѣмъ оканчивается второй концентръ русской исторіи, и б) древняя исторія и средніе вѣка (при 3-хъ часахъ), чѣмъ начинается второй концентръ всеобщей исторіи.

Въ седьмомъ классѣ (при 4-хъ урокахъ) преподается повторительно-дополнительный курсъ: а) русской исторіи (при 2-хъ часахъ) и б) новой исторіи (при 2-хъ же часахъ).

Такимъ путемъ завершается курсъ исторіи седьмымъ классомъ, хотя и для лицъ, оканчивающихъ только коммерческое отдѣленіе, т. е. шесть классовъ, открывается возможность получить въ нѣкоторой части законченное образованіе благодаря тому, что такія лица пройдутъ курсъ русской исторіи въ двухъ концентрахъ и курсъ всеобщей исторіи въ одномъ завершенномъ концентрѣ.

Окончившіе же всѣ семь классовъ получаютъ вполнѣ законченное среднее образованіе по исторіи, такъ какъ русская исторія будетъ изучена ими цѣликомъ въ трехъ концентрахъ, а всеобщая въ двухъ: въ видѣ курсовъ систематическаго и повторительно-дополнительнаго.

II.

Русская исторія.

Программа элементарнаго курса русской исторіи.

Славяне, ихъ первоначальный бытъ. Призваніе князей. Преданіе о первыхъ Кіевскихъ князьяхъ. Торговля и походы на Царьградъ. Св. Ольга. Святославъ.

Крещеніе Руси. Владиміръ—Красное Солнышко (по былинамъ) и богатыри.

Ярославъ Мудрый. Кіево-Печерскій монастырь и его основатели. Лѣтописцы.

Владиміръ Мономахъ и его Поученіе.

Андрей Боголюбскій. Стремленіе къ единодержавію.

Татарское нашествіе. Александръ Невскій.

Возвышеніе Москвы. Іоаннъ Калита. Митрополиты Петръ и Алексѣй.

Дмитрій Донской. Куликовская битва. Св. Сергій и его монастырь.

Іоаннъ III. Софія Палеологъ. Завоеваніе Новгорода. Паденіе татарскаго ига.

Іоаннъ IV (Грозный). Завоеваніе Казани, Астрахани и Сибири. Сношенія съ Англіей. Борьба съ боярами; казни, опричники.

Прекращеніе династіи Калиты. Борисъ Годуновъ, бояре и самозванецъ. Смута. Патріархъ Гермогенъ. Мининъ и Пожарскій.

Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова. Патріархъ Филаретъ.

Царь Алексѣй. Патріархъ Никонъ. Богданъ Хмѣльницкій и Малороссія.

Петръ Великій, его дѣтство и отрочество. Азовскій походъ. Великая Сѣверная война. Основаніе С.-Петербурга. Преобразованія.

Преемники Петра Великаго. Ломоносовъ.

Екатерина II. Война съ Турціей, раздѣлы Польши. Суворовъ. Павелъ I-ый, итальянскій походъ.

Александръ I-ый. Отечественная война и ея герои.

Николай I-ый. Крымская война и ея сподвижники.

Александръ II-ой. Освобожденіе крестьянъ и другія реформы. Война съ Турціей. Покореніе Кавказа, Средней Азіи.

Александръ III-й—Царь-Миротворецъ.

Объяснительная записка къ элементарному курсу русской исторіи.

Преподаваніе элементарнаго курса русской исторіи имѣетъ двѣ цѣли—образовательную и воспитательную: съ одной стороны, сообщеніе учащимся въ доступной формѣ свѣдѣній о главнѣйшихъ событіяхъ русской жизни и пробужденіе интереса къ историческому прошлому, съ другой, укорененіе въ учащихся живой и сознательной любви къ отечественной исторіи.

Эти цѣли и возрастъ учащихся опредѣляютъ содержаніе курса и форму, въ которой онъ долженъ вылиться. При подборѣ содержанія прежде всего слѣдуетъ остановиться на важнѣйшихъ моментахъ отечественной исторіи, излагая ихъ, однако, не только въ хронологи-

ческой послѣдовательности, но и въ поэтической связи, чтобы курсъ состоялъ не изъ отрывочныхъ свѣдѣній, случайно собранныхъ въ одну книгу, а представлялъ собой до нѣкоторой степени связный разсказъ о событіяхъ, взаимно обусловленныхъ и вытекающихъ одно изъ другого.

Кромѣ внѣшнихъ фактовъ, въ курсѣ должно быть отведено видное мѣсто біографіямъ главнѣйшихъ дѣятелей, бытовымъ типичнымъ картинамъ и разсказамъ, напр., о пріѣздѣ и жизни „гостей" въ В. Новгородѣ, о соколиной охотѣ, о Петровской ассамблеѣ и проч.; наконецъ, весьма желателенъ и прямо необходимъ для дѣтскаго ума тотъ легендарный матеріалъ, который имѣется въ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Пусть учащійся знаетъ преданія и о Рюрикѣ съ братьями, объ Аскольдѣ и Дирѣ, о подвигахъ Святослава и о гаданьяхъ на Куликовомъ полѣ.

Разумѣется, весь легендарный матеріалъ вводить въ курсъ невозможно, и легенды не должны составлять основу курса; онѣ могутъ лишь освѣжать и украшать разсказы преподавателя, при умѣломъ освѣщеніи котораго даже самыя невѣроятныя легенды пріобрѣтутъ тотъ историческій смыслъ, который онѣ имѣютъ.

Таково въ общихъ чертахъ должно быть содержаніе курса. На предложенную выше программу элементарнаго курса слѣдуетъ смотрѣть, какъ на примѣрное перечисленіе главныхъ темъ для разсказа преподавателя и для необходимаго усвоенія историческаго матеріала учащимся, видоизмѣнять и дополнять эти темы по своему усмотрѣнію, лишь бы темы изученія были вполнѣ доступны пониманію учащихся и вызывали къ себѣ ихъ интересъ.

Въ отношеніи формы изложенія, само собой разумѣется, дѣтскій возрастъ учащихся долженъ опредѣлить характеръ передачи историческаго матеріала. Изложеніе должно быть простымъ, яснымъ, по возможности чуждымъ иностранныхъ и отвлеченныхъ словъ и понятій, нагляднымъ и, по мѣрѣ силъ преподающаго, картинно-художественнымъ.

Въ интересахъ наглядности обученія преподаватель долженъ широко пользоваться историческими картами и картинами, альбомами, снимками, осмотромъ историческихъ мѣстъ и музеевъ, гдѣ они имѣются, книгами съ иллюстраціями и проч.

Что касается цѣли воспитательной, то при стремленіи къ ней во время прохожденія курса необходимо подчеркивать тѣ положительные факты, которые возвеличиваютъ русскій народъ и русское госу-

дарство. Разумѣется, отрицательныхъ сторонъ замалчивать не слѣдуетъ, но нѣтъ необходимости о нихъ подробно распространяться. Идея національнаго воспитанія молодежи требуетъ вести преподаваніе въ такомъ родѣ, чтобы научить дѣтей любить свой народъ и свое великое государство въ прошломъ, какъ и въ настоящемъ.

Программа систематическаго курса русской исторіи.

Характеристика страны. Древнѣйшіе обитатели Европейской равнины (скиѳы и эллины; готы и гунны). Славяне, ихъ разселеніе и древнѣйшій бытъ. Главныя племена восточныхъ славянъ. Ихъ сосѣди: финны, литва, норманны, хозары и печенѣги.

Начало русскаго государства и первые князья. Объединеніе племенъ подъ властью Кіева, торговыя сношенія съ Византіей и арабами. Борьба со степью.

Христіанство на Руси (язычество, Св. Ольга и Святославъ) до Владиміра Св. Крещеніе Руси. Послѣдствія принятія христіанства: просвѣщеніе, монастыри, искусства.

Кіевская Русь при Ярославѣ Мудромъ и его потомкахъ. Княжескія усобицы. Владиміръ Мономахъ. Борьба съ половцами. Слово о полку Игоревѣ. Экономическій, общественный и государственный бытъ Кіевской Руси. Упадокъ Кіева въ концѣ XII вѣка.

Новгородская Русь. Торгово-промышленный характеръ жизни Великаго Новгорода. Колонизація русскаго сѣвера и сношенія съ Балтійскимъ поморьемъ (Швеціей, Ливоніей и Ганзой). Общественное и государственное устройство Великаго Новгорода. Псковъ, его торговое и военное значеніе.

Суздальская Русь. Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій. Колонизація Поволжья, основаніе городовъ (Владиміра, Москвы и др.). Всеволодъ Большое Гнѣздо. Раздѣленіе сѣверо-восточной Руси между его потомками. Характеристика удѣльнаго быта.

Татарское нашествіе и его послѣдствія. Александръ Невскій, борьба съ сѣверо-западными сосѣдями, отношеніе къ татарамъ.

Юго-западная Русь. Даніилъ Галицкій и судьба его потомства. Образованіе Литовско-русскаго государства (Гедиминъ, Ольгердъ и Кейстутъ). Унія съ Польшей при Ягайло. Витовтъ. Литовское государство въ XVI вѣкѣ (уніи, ихъ послѣдствія).

Начало Москвы. Іоаннъ Калита и его сыновья. Куликовская битва и ея значеніе въ исторіи возникновенія Московскаго государ-

ства. Василій I и Василій II-ой Темный. Отношеніе Москвы къ Флорентійской уніи. Положеніе русской церкви.

Образованіе Великорусскаго государства. Іоаннъ III. Покореніе Великаго Новгорода, присоединеніе Твери и другихъ удѣловъ. Борьба съ Литвою. Софія Палеологъ. Паденіе татарскаго ига. Идея главенства Москвы въ православномъ мірѣ. Судебникъ. Переходъ удѣльнаго порядка въ государственный.

Василій III. Окончательное объединеніе Сѣверо-восточной Руси (Псковъ, Смоленскъ).

Іоаннъ IV Грозный: дѣтство, женитьба, вѣнчаніе на царство. Сильвестръ и Адашевъ, митрополитъ Макарій. Внутренняя дѣятельность: Судебникъ и Стоглавъ, губныя и земскія учрежденія. Завоеваніе Казани и Астрахани. Сношенія съ Англіей. Борьба съ боярами, опричнина. Ливонская война и земскій соборъ 1566 года. Сибирь. Оборона южныхъ окраинъ.

Смутное время. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ. Учрежденіе патріаршества, указы о крестьянахъ. Смерть царевича Дмитрія. Прекращеніе династіи. Борьба изъ-за престола. Царь Борисъ Годуновъ. Первый самозванецъ. Василій Шуйскій. Возстаніе Болотникова. Тушинскій воръ. Вмѣшательство Швеціи и Польши. Попытки возстановленія государственнаго порядка. Патріархъ Гермогенъ. П. Ляпуновъ. К. Мининъ и князь Д. М. Пожарскій. Освобожденіе Москвы.

Избраніе на царство М. Ѳ. Романова. Умиротвореніе государства при участіи земскаго собора. Отношенія къ Швеціи и Польшѣ. Патріархъ Филаретъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ. Уложеніе 1649 года, участіе въ составленіи его—земскаго собора. Патріархъ Никонъ. Начало раскола и соборъ 1666—1667 гг. Бунтъ Разина. Новое культурное движеніе и его представители: Ртищевъ, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ, Котошихинъ и Крижаничъ.

Юго-Западная Русь подъ властью Польши. Братства. Казачество. Богданъ Хмѣльницкій. Борьба за Малороссію между Москвой и Польшей.

Эпоха преобразованій. Время царя Ѳеодора Алексѣевича. Кіевское вліяніе. Симеонъ Полоцкій. Славяно-Греко-Латинская Академія. Придворныя партіи Нарышкиныхъ и Милославскихъ, переворотъ 1682 года при участіи стрѣльцовъ. Правленіе царевны Софіи (В. В. Голицынъ). Дѣтскіе годы Петра. Сверженіе царевны Софіи. Азовскіе походы. Путешествіе Петра за границу. Великая Сѣверная война. Война съ

Персіей. Реформы: военная, финансовая, сословная и административная (сенатъ, синодъ, коллегіи и областныя учрежденія). Просвѣщеніе и школы. Сотрудники Петра Великаго. Вопросъ о престолонаслѣдіи.

Ближайшіе преемники Петра Великаго. Роль Меньшикова. Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Воцареніе Анны Іоанновны и замыслы верховниковъ. Биронъ и нѣмцы. Воцареніе Елисаветы Петровны. Московскій Университетъ. Участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ. Мѣры относительно дворянства при Императрицахъ Аннѣ, Елисаветѣ и Императорѣ Петрѣ III. Воцареніе Екатерины II.

Время Императрицы Екатерины II-ой. Внутренняя дѣятельность: Наказъ и Комиссія 1767 г. Губернскія учрежденія. Жалованныя грамоты дворянству и городамъ.

Крѣпостное право. Финансовыя мѣропріятія. Заботы о просвѣщеніи. Внѣшняя политика: войны съ Турціей и присоединеніе Крыма. Греческій проектъ. Польскіе раздѣлы. Шведская война. Характеристика послѣднихъ лѣтъ царствованія.

Павелъ I-ый, его жизнь до воцаренія. Законъ о престолонаслѣдіи, учрежденіе объ Императорской фамиліи. Мѣропріятія относительно дворянъ и крестьянъ. Внѣшняя политика (походъ въ Италію, отношенія къ Франціи и Англіи).

Александръ I-ый. Юность Александра. Негласный комитетъ: учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта, законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Сперанскій, его проекты и государственная дѣятельность. Заботы о просвѣщеніи. Войны съ Наполеономъ. Тильзитъ. Войны Шведская (Финляндія) и Турецкая. Отечественная война и ея герои. Войны 1813—14 гг. Вѣнскій конгрессъ. Священный союзъ. Послѣднее десятилѣтіе царствованія (Аракчеевъ). Вопросъ о престолонаслѣдіи.

Николай I-ый. Декабристы и 14-ое декабря. Сводъ законовъ. Финансовыя мѣропріятія графа Канкрина. Графъ Киселевъ. Министерство государственныхъ имуществъ. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Просвѣщеніе. Возстаніе въ Польшѣ и отмѣна уніи. Кавказъ. Войны съ Персіей и Турціей. Венгерская кампанія. Крымская война.

Александръ II-ой. Парижскій миръ. Великія реформы: крестьянская, земская, судебная, городская, учебная и воинская. Польская смута. Покореніе Кавказа. Средне-азіатскія завоеванія. Освободительная война 1877—1878 гг. Трагическая кончина Государя.

Общій обзоръ царствованія Императора Александра III-го.

Объяснительная записка къ систематическому курсу русской исторіи.

Задачей систематическаго курса русской исторіи является то, чтобы дать учащимся систематическое, въ нѣкоторомъ смыслѣ цѣльное и законченное знаніе всѣхъ существенныхъ моментовъ историческаго процесса Россіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая недавнимъ прошлымъ.

Полнота, цѣльность и систематичность курса требуютъ того, чтобы въ немъ нашли себѣ мѣсто всѣ главныя стороны исторической жизни: войны, дипломатическія сношенія, факты экономическаго, общественнаго и культурнаго быта и біографіи видныхъ государственныхъ дѣятелей.

Что касается внѣшней исторіи войнъ, дипломатическихъ отношеній, территоріальныхъ пріобрѣтеній, смѣны правителей и проч., то отчетливое усвоеніе главнѣйшихъ фактовъ изъ этой области составляетъ одну изъ важныхъ сторонъ систематическаго курса, какъ потому, во-первыхъ, что внѣшняя исторія имѣетъ важное значеніе для пониманія внутренней, такъ, во-вторыхъ, и потому, что конкретность и большая опредѣленность знаній этой области наиболѣе доступна пониманію учащихся того возраста, которымъ преподается систематическій курсъ исторіи.

Однако, при изученіи внѣшней исторіи необходимо отмѣчать и подчеркивать связь, которая существуетъ между внѣшней политикой и внутреннимъ состояніемъ государства. Отсюда при прохожденіи курса вниманіе учащихся должно останавливаться преимущественно на тѣхъ внѣшнихъ событіяхъ, которыя ясно показываютъ, какъ внутренняя работа культурныхъ силъ страны, начиная со временъ Кіевскихъ, втягивала ее во враждебныя или мирныя отношенія съ сосѣдями, и наоборотъ, какъ извѣстный складъ внѣшнихъ отношеній или событія отражался на внутреннемъ культурномъ развитіи.

Внутренняя исторія хотя и является наиболѣе трудной для учащихся этого возраста, тѣмъ не менѣе должна занимать тоже очень видное мѣсто въ курсѣ: народное хозяйство, общественные классы, политическій строй и культурныя движенія Кіевской Руси, Московскаго и Литовскаго государствъ въ Россіи XVIII—XIX вв. должны быть обстоятельно изучены при прохожденіи соотвѣтствующихъ періодовъ.

Относительно біографическаго элемента слѣдуетъ сказать, что эта

сторона курса, въ силу своей конкретности и живости, не только допустима, но и необходима въ систематическомъ курсѣ для внѣдренія мысли о важной роли личности въ исторіи. Но при передачѣ біографій видныхъ дѣятелей полезно подчеркивать типичныя и характерныя для данной эпохи черты того или другого лица, а также необходимо рисовать историческаго дѣятеля на фонѣ представляемой имъ эпохи.

Если къ элементарному курсу предъявляется требованіе нѣкоторой связности между сообщаемыми свѣдѣніями, то это требованіе еще въ большей степени приложимо къ систематическому курсу, который долженъ передаваться не только въ хронологической, но и въ генетической послѣдовательности, и вестись въ такомъ родѣ, чтобы въ учащихся укрѣплялась мысль о строгой причинности и извѣстной закономѣрности историческихъ событій.

Разумѣется, изложеніе систематическаго курса, въ соотвѣтствіи съ возрастомъ учащихся, должно принимать по возможности форму конкретныхъ образовъ, біографическихъ данныхъ, описаній и бытовыхъ картинъ. Отвлеченный схематизмъ и соціологическія построенія не должны имѣть мѣста въ этомъ курсѣ. Точно также ему должны быть чужды изложеніе научныхъ теорій и борьбы мнѣній по спорнымъ вопросамъ науки, всякаго рода предположенія и догадки, такъ какъ всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя въ курсѣ, должны излагаться въ положительной догматической формѣ. Въ вопросахъ же спорныхъ (въ наукѣ) учащимся передается общепринятое мнѣніе спеціалистовъ ученыхъ.

Въ виду того, что систематическій курсъ русской исторіи преподается въ теченіе трехъ лѣтъ, въ IV, V и VI-омъ классахъ, въ которыхъ особенно замѣтенъ ростъ сознанія учащихся, повышающагося съ каждымъ годомъ, полезно изложеніе предмета вести параллельно этому росту, начиная съ упрощеннаго изложенія и переходя къ болѣе трудному,—вводить постепенно новые вопросы и понятія, отмѣчать въ старшихъ классахъ новыя стороны историческаго процесса, на которыя въ младшихъ не обращалось серьезнаго вниманія, углублять и расширять пониманіе предмета, въ извѣстномъ смыслѣ осложняя его изложеніе; но при этомъ необходимо соблюдать крайнюю осторожность, дабы предметъ преподаванія оставался въ предѣлахъ полнаго пониманія класса и къ нему не ослаблялся интересъ учащихся.

При прохожденіи систематическаго курса такъ же, какъ и при

элементарномъ, необходимо въ широкой мѣрѣ пользоваться всякаго рода наглядными пособіями, а если возможно, то иногда и экскурсіями.

Здѣсь нельзя не коснуться моднаго въ недавнее время увлеченія реферативной системой. Разумѣется, полезно въ старшихъ классахъ иногда предлагать учащимся писать и читать въ классѣ рефераты, но рефератами слѣдуетъ пользоваться, въ интересахъ равномѣрности прохожденія курса и въ интересахъ всего класса, чрезвычайно осторожно, не вводя рефераты въ систему, а смотря на нихъ, какъ на эпизодическое явленіе, къ которому можно изрѣдка прибѣгать ради нѣкотораго разнообразія и оживленія преподаванія.

Наконецъ, систематическій курсъ русской исторіи не можетъ не имѣть и воспитательнаго значенія. Чуждое какихъ либо предвзятыхъ тенденцій, прохожденіе этого курса должно быть патріотичнымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

При разработанности русской исторіи, какъ науки, при богатствѣ ученой и научно-популярной литературы, преподаватель, сверхъ учебныхъ руководствъ, всегда найдетъ достаточное количество книгъ для углубленія своего пониманія исторіи Россіи и для извлеченія чисто фактическихъ свѣдѣній, которыя дали бы ему возможность преподавать систематическій курсъ на фонѣ своей широкой освѣдомленности въ русской исторіи. Общее же ознакомленіе съ русской исторіей преподаватель найдетъ въ многотомной „Исторіи Россіи" нашего превосходнаго ученаго С. М. Соловьева и въ работахъ такихъ видныхъ историковъ, какъ В. О. Ключевскій („Курсъ русской исторіи", „Боярская дума", Сборники статей), С. Ѳ. Платоновъ (Лекціи, Очерки смуты, Сборникъ статей), И. Е. Забѣлинъ, Н. Костомаровъ (у двухъ послѣднихъ — бытовые очерки) и др. Спеціальную же литературу преподаватель отыщетъ по указаніямъ В. С. Иконникова (Опытъ русской исторіографіи, т. I и II), Межова (Русская историческая библіографія, т. I—VII), Леонтовича (Исторія русскаго права) и въ библіографическихъ обзорахъ (см. Научный Историческій Журналъ).

Переходя къ отдѣльнымъ пунктамъ программы систематическаго курса, можно высказать къ разъясненію нѣкоторыхъ вопросовъ слѣдующія замѣчанія.

1) Разсказъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Россіи и о древнѣйшемъ бытѣ славянскаго племени желательно вести такъ, чтобы ознакомить учащихся съ важнѣйшими данными археологическихъ раскопокъ (Никопольская ваза, предметы изъ Куль-Оба, Херсонеса и проч.).

2) Въ вопросѣ о началѣ русскаго государства необходимо сосредоточить вниманіе учениковъ на процессѣ объединенія племенъ подъ властью Кіевскихъ князей и на тѣхъ связяхъ, какія образовались между Кіевской Русью и Византіей вслѣдствіе ихъ торговаго общенія.

3) Необходимо тщательно выяснить послѣдствія принятія Русью христіанства въ отношеніи моральномъ, культурномъ и правовомъ (созданіе отдѣльнаго церковнаго общества съ его особыми законами и бытомъ) и указать въ особенности на то, что христіанская вѣра и просвѣщеніе стали основаніемъ прочнаго внутренняго единства Руси, при слабости внѣшняго ея объединенія въ XI—XII вв.

4) При изложеніи княжескихъ усобицъ въ потомствѣ Ярослава отнюдь не слѣдуетъ вдаваться въ подробности; нужно передать ихъ лишь настолько, насколько это необходимо для объясненія общаго характера междукняжескихъ отношеній.

5) Говоря о политическомъ порядкѣ Суздальской Руси въ XII (Андрей Боголюбскій) и послѣдующихъ вѣкахъ, надлежитъ выяснить значеніе его для дальнѣйшаго постепеннаго объединенія Восточной Руси.

6) Въ разсказѣ о татарскомъ нашествіи и дѣятельности Александра Невскаго слѣдуетъ остановить вниманіе учениковъ на томъ, что въ срединѣ XIII вѣка русской землѣ стала грозить опасность одновременно съ востока—отъ татаръ, и съ запада—отъ шведовъ, Литвы и Ливонскаго ордена, отчего и всѣ важнѣшіе дѣятели этой эпохи (Александръ Невскій, Даніилъ Галицкій, Довмонтъ) характеризуются прежде всего, какъ защитники земли Русской отъ ея внѣшнихъ враговъ.

7) Какъ въ разсказѣ о Суздальской Руси должно выяснить ходъ и историческое значеніе славянской колонизаціи въ области верхней Волги, Клязьмы и Оки, такъ и въ разсказѣ о Новгородской Руси должно остановиться на Новгородской колонизаціи въ сѣверномъ Поморьѣ и выяснить ея роль въ торговой жизни Великаго Новгорода и въ исторіи образованія сѣверо-великорусской народности.

8) Въ изложеніи торговли Новгорода съ нѣмцами и ливонцами полезно отмѣтить нѣкоторыя невыгоды торговли для новгородцевъ и соперничество съ послѣдними ливонцевъ, а также подчеркнуть, какъ это соперничество, переходившее временами въ открытыя столкновенія, унаслѣдовано было Москвой.

9) Въ разсказѣ объ образованіи литовско-русскаго государства

слѣдуетъ обстоятельно показать преобладаніе въ немъ, какъ въ численномъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ, православно-русскаго элемента, разъяснить причины и цѣли уній Литвы съ Польшей и указать на то, чѣмъ именно поддерживалось въ литовскомъ обществѣ стремленіе къ дальнѣйшему единенію съ Польшей. Подробности завоеваній первыхъ литовскихъ государей слѣдуетъ опустить.

10) Причины возвышенія Москвы излагаются обстоятельно; въ особенности указывается на значеніе Куликовской битвы, послѣ которой политика „промысловъ" переходитъ въ политику національнаго объединенія (Московское государство „родилось на Куликовомъ полѣ"—Ключевскій); также указывается на ростъ идеи единодержавія и самодержавія Московскаго князя.

11) Въ обзорѣ времени великаго князя Іоанна III слѣдуетъ указать, что его государство сложилось главнымъ образомъ изъ земель „Новгородской и Низовской",—т. е. изъ областей сѣверныхъ и восточныхъ великоруссовъ. Получивъ характеръ національнаго цѣлаго и усвоивъ себѣ задачи національно-объединительной политики, это государство въ то же время, съ одной стороны, идейно получаетъ въ наслѣдіе отъ Византіи главенство въ православномъ мірѣ (теорія о „Москвѣ — третьемъ Римѣ"), съ другой, — вступаетъ въ оживленныя сношенія съ Западной Европой, стремясь не только извлечь политическія выгоды изъ этихъ сношеній, но и воспользоваться результатами матеріальной культуры Запада, еще неизвѣстными на Руси.

12) При изложеніи борьбы Іоанна Грознаго за Ливонію слѣдуетъ обстоятельно разъяснить: какими цѣлями руководился Грозный, начиная войну съ Ливоніей (Балтійскій вопросъ); какимъ образомъ война съ Орденомъ перешла въ войну съ Литвой и Швеціей, и почему именно она закончилась неудачею Грознаго.

13) Разсказъ о завоеваніи Казани и Астрахани и о мѣрахъ обороны (противъ крымцевъ и ногайцевъ), представлявшихъ собой цѣлую систему сторожевой и станичной службы, необходимо связать съ разсказомъ о планомѣрности колонизаціи средняго и нижняго Поволжья заокской черноземной полосы и южныхъ степей. Въ такую же связь съ колонизаціоннымъ движеніемъ на сѣверо-востокъ слѣдуетъ поставить и завоеваніе Сибирскаго царства.

14) Въ исторіи смутнаго времени, въ чрезвычайной сложности событій этой эпохи, слѣдуетъ выбирать для изложенія лишь суще-

ственнѣйшіе факты (надежнымъ руководствомъ при выборѣ можетъ служить превосходная книга проф. С. Ѳ. Платонова о смутѣ).

15) Въ исторіи XVII вѣка, въ особенности второй его половины, надлежитъ указать на постепенное пробужденіе потребности въ обновленіи и преобразованіи различныхъ сторонъ государственнаго и общественнаго быта.

16) При характеристикѣ дѣятельности Петра Великаго важно подчеркнуть связь его преобразованій съ предшествующими попытками частичныхъ перемѣнъ и отмѣтить, хотя и немногія, тѣ культурныя силы, на которыя онъ опирался при проведеніи реформъ; важно также отмѣтить, что Петръ Великій, хотя и подражалъ западно-европейскимъ образцамъ, тѣмъ не менѣе не колебалъ основъ государственнаго и общественнаго порядка, а, реформируя войско, финансы и учрежденія, старался придавать новымъ установленіямъ нѣкоторыя національныя черты.

17) Вообще же, при изученіи XVIII—XIX вѣковъ, желательно, поскольку возможно, событія русской жизни приводить въ связь съ событіями Западной Европы, и отмѣчать то вліяніе, какое оказывали идеи западно-европейской литературы на настроеніе русскаго общества.

18) Изученію освободительной войны 1877—1878 гг. слѣдуетъ предпослать общій очеркъ развитія Восточнаго вопроса въ его главныхъ моментахъ.

Программа повторительно-дополнительнаго курса русской исторіи.

I. Кіевская Русь. Страна и населеніе. Главныя племена и области русскихъ славянъ. Возникновеніе государственнаго порядка. Вѣче и князь. Управленіе и судъ. Княжеская дружина. Городское и сельское населеніе. Холопы. Промышленность и торговля. Церковь и просвѣщеніе.

II. Удѣльная Русь. Заселеніе Сѣверо-восточной Руси. Великія и удѣльныя княжества. Характеристика сѣверо-восточнаго князя. Управленіе и судъ. Княжескій дворецъ. Намѣстники и волостели. Вольные слуги и тяглые люди. Холопы (полные и кабальные). Промышленность и торговля. Церковь и просвѣщеніе.

III. Московская Русь. Объединеніе русской земли подъ властью великаго князя Московскаго. Характеристика Московскаго государя. Ростъ территоріи. Оборона границъ. Колонизація Поволжья и Си-

бири. Государственный строй: царь, боярская дума, земскій соборъ, приказы, мѣстное управленіе и судъ. Законодательство. Общественный строй: служилое сословіе, посадскіе и крестьяне. Промышленность и торговля. Церковь и просвѣщеніе.

IV. Россійская имперія. Территоріальный ростъ имперіи въ XVIII—XIX вѣкахъ. Государственный строй имперіи съ Петра Великаго до настоящаго времени. Высшія государственныя учрежденія (сенатъ, синодъ, коллегіи — министерства, государственный совѣтъ и др.). Мѣстныя учрежденія, правительственныя и общественныя. Кодификація. Общественный строй Россійской имперіи: дворянство, городское сословіе и крестьяне. Сословныя реформы. Развитіе военныхъ и морскихъ силъ страны (всеобщая воинская повинность). Успѣхи экономическаго развитія Россійской имперіи: земледѣліе, промышленность и торговля. Финансы. Главные успѣхи русскаго просвѣщенія въ XVIII—XIX вѣкахъ.

Объяснительная записка къ повторительно-дополнительному курсу русской исторіи.

Повторительно-дополнительный курсъ имѣетъ цѣлью объединеніе всѣхъ разностороннихъ знаній по русской исторіи въ одно цѣлое, съ уясненіемъ тѣхъ основныхъ путей, по которымъ развертывался внутренній историческій процессъ развитія русскаго общества и государства.

Территоріальный ростъ государства, смѣна различныхъ формъ хозяйственнаго быта, измѣненія въ положеніи классовъ населенія, разныя формы государственнаго бытія, культурныя движенія составляютъ существенное содержаніе этого курса. Внѣшняя исторія составляетъ лишь необходимую рамку внутренней исторіи, и факты изъ области первой напоминаются учащимся въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Для большей отчетливости и выясненія основныхъ моментовъ въ исторіи отдѣльнаго сословія или учрежденія, курсъ долженъ излагаться не въ порядкѣ царствованій и не въ предѣлахъ небольшихъ хронологическихъ рамокъ, а по главнѣйшимъ періодамъ русской исторіи, сгруппированнымъ въ основныя категоріи (территорія, хозяйство, населеніе, власть, учрежденія, культура), которыя должны систематически проводиться по установленнымъ четыремъ періодамъ русской исторіи: кіевскому, суздальскому, московскому и с.-петербургскому.

Изложеніе курса должно быть научно-объективнымъ, обобщающимъ, безъ спеціальныхъ подробностей и безъ введенія всей той научной терминологіи, которая предлагается въ научныхъ курсахъ университетскихъ.

Распредѣленіе матеріала въ курсѣ можетъ, напр., начинаться государственнымъ строемъ и кончаться характеристикой хозяйства и культуры и наоборотъ—начинаться хозяйствомъ и кончаться государственнымъ строемъ или культурой, но ему должна быть чужда мысль, не признанная наукой, о томъ, будто формы хозяйства опредѣляютъ всѣ вопросы общественной и государственной жизни.

При подготовкѣ къ повторительно-дополнительному курсу преподаватель найдетъ отличныя руководства по многимъ вопросамъ, кромѣ общихъ курсовъ по русской исторіи,—въ обзорахъ и университетскихъ учебныхъ книгахъ по исторіи русскаго права. Таковы книги: 1) В. И. Сергѣевича, Лекціи и изслѣдованія (см. также Древности юридическія, т. I—III); 2) М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Обзоръ исторіи русскаго права; 3) М. А. Дьяконова, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси; 4) А. Н. Филиппова, Курсъ исторіи русскаго права (здѣсь помѣщена хорошо подобранная библіографія по каждому болѣе или менѣе важному историко-юридическому вопросу).

Для исторіи хозяйственнаго быта, какъ наиболѣе труднаго отдѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ и важнаго въ курсѣ реальнаго училища, вполнѣ достаточный матеріалъ преподаватель можетъ найти въ книгахъ: 1) Аристова, Промышленность древней Руси; 2) Никитскаго, Очерки экономическаго быта Великаго Новгорода; 3) Ключевскаго (въ курсѣ и въ сборникахъ статей); 4) Довнаръ-Запольскаго, Исторія экономическаго быта древней Руси, т. I; 5) Рожкова, Сельское хозяйство; 6) Готье, Замосковный край; 7) Милюкова, Государственное хозяйство первой четверти XVIII столѣтія и реформы Петра Великаго; 8) Туганъ-Барановскаго, Фабрика; 9) Чечулина, Очерки финансовъ въ царствованіе Екатерины II-ой; 10) Ѳирсова, Торгово-промышленныя компаніи и др.

При прохожденіи повторительно-дополнительнаго курса полезно рекомендовать учащимся лучшія книги по русской исторіи научнаго содержанія, находящіяся въ связи съ курсомъ, или отдѣльныя главы изъ нихъ для самостоятельнаго прочтенія и изученія. Провѣркой такого чтенія могли бы служить бесѣды по поводу прочитанныхъ сочиненій.

III.

Всеобщая исторія.

Программа по исторіи древняго востока и героической греціи.

II классъ (2 урока.)

Очерки и картины изъ жизни и культуры древнихъ народовъ Востока и Греціи.

I. Вступительныя бесѣды объ исторіи, ея предметѣ, историческихъ памятникахъ и первобытной культурѣ.

II. Древній Востокъ.

1) Египтяне.

а) Природа и древнѣйшая жизнь въ Нильской долинѣ.

б) Черты государственнаго быта Египта (фараонъ и его власть, сословія) и краткія указанія историческихъ судебъ египетскаго народа. Сношенія съ окружающими странами.

в) Картины изъ жизни египтянъ (земледѣліе, ремесла и торговля; домашній бытъ).

г) Религія Египта, храмы, представленія о загробной жизни и гробницы.

д) Египетская письменность и наука.

2) Народы Передней Азіи.

а) Страна Сенааръ; древнѣйшія государства и культура Вавилона. Сумерійцы и семиты.

б) Религія Вавилона.

в) Вавилонская письменность и наука.

г) Картины городской жизни Вавилона.

д) Ассирія. Завоеванія царей Ассиріи.

е) Черты изъ религіозной и домашней жизни ассирійцевъ.

ж) Паденіе Ассиріи. Ново-Вавилонское царство. Навуходоносоръ.

з) Хетты. Ванское царство.

и) Природа и племена Сиріи. Страна и города финикіянъ, ихъ путешествія и торговля. Религія и культура (азбука).

3) Арійцы.

а) Арійское племя, его первобытная культура.

б) Народы Ирана, ихъ религія.

в) Разсказы о мидянахъ и образованіе персидскаго царства (Киръ и завоеванія).

г) Устройство персидскаго государства (Дарій). Искусство.

д) Предпріятія Дарія на сѣверѣ (Скиѳія по Геродоту и раскопкамъ) и на западѣ (начало борьбы съ греками).

IV. Греція въ древнѣйшую эпоху ея исторической жизни.

а) Страна и населеніе.

б) Культура древнѣйшаго періода (Критъ и Микены).

в) Родовой бытъ и образованіе городовъ—государствъ.

г) Религія (боги, миѳы, культъ, поэзія).

д) Знакомство съ Иліадою и Одиссеею и изученіе жизни грековъ по Гомеровскимъ поэмамъ.

Объяснительная записка къ курсу древняго Востока и героической Греціи.

II-ой классъ.

Курсъ всеобщей исторіи во II-мъ классѣ служитъ введеніемъ къ систематическому курсу, который начинается съ III-го класса обозрѣніемъ исторіи Греціи и Рима.

1) Преподаваніе по своему характеру въ общемъ должно оставаться похожимъ на то, какимъ оно было раньше при прохожденіи элементарнаго курса Отечественной исторіи: оно должно избѣгать обремененія памяти учениковъ массою фактовъ, именъ и хронологическихъ датъ изъ внѣшней исторіи и чуждаться отвлеченности и схематизаціи. Но весьма важно все-таки, чтобы оно осуществляло шагъ впередъ въ области углубленія въ предметъ сравнительно съ первоначальною ступенью. Поэтому, строя курсъ, какъ „рядъ картинъ“ о томъ, „какъ жили великіе народы далекой древности“, преподаватель будетъ здѣсь еще больше остерегаться анекдотической отрывочности; онъ постарается поставить отдѣльные очерки въ связь одинъ съ другимъ такъ, чтобы изъ совокупности ихъ получилось, по возможности, естественнымъ путемъ представленіе о движеніи исторической жизни, отчасти даже о его правильности, о постепенности и обусловленности культурнаго развитія народовъ. И въ этомъ курсѣ необходимо прибѣгать къ прямымъ нагляднымъ пособіямъ, которыя, возбуждая работу органовъ чувства, оживляютъ и фиксируютъ картину, изображающую словомъ учителя и страницей учебной книги бытъ древнихъ народовъ.

2) Переходя къ разъясненію отдѣльныхъ частей и пунктовъ намѣченной примѣрной программы курса II-го класса, прежде всего надо сказать, что краткій вводный обзоръ первобытной („доисторической") культуры можетъ быть полезенъ какъ орудіе, способствующее въ простой формѣ сосредоточенію вниманія учениковъ на выясненіи вліянія природы и вообще окружающей среды на развитіе человѣка. Нельзя, конечно, требовать, чтобы подобный очеркъ „о доисторическихъ временахъ" былъ обширенъ; нельзя даже установить его строгую обязательность, но слѣдуетъ отмѣтить, что при наличности подходящихъ условій въ подготовкѣ преподавателя и въ учебной обстановкѣ онъ составитъ весьма полезную главу въ разсматриваемомъ курсѣ. Фактическій матеріалъ для характеристики доисторическихъ временъ слѣдуетъ черпать преимущественно изъ данныхъ, извлеченныхъ археологами въ Европѣ; много дастъ для этого и Россія; такимъ образомъ, изученіе древнѣйшихъ фазъ человѣческой культуры найдетъ свою территоріальную основу и конкретную форму, возвращая вниманіе къ знакомымъ странамъ.

3) Что касается разсказовъ изъ древней исторіи народовъ Востока, то самыя заглавія ихъ въ программѣ указываютъ на вопросы, которые составляютъ наилучшимъ образомъ ихъ содержаніе. Списокъ и порядокъ ихъ можетъ видоизмѣняться, увеличиваясь, сокращаясь, переставляясь, упрощаясь, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ преподаванія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Они будутъ централизоваться около доступныхъ обработкѣ культурно-бытовыхъ темъ, при чемъ изложеніе, возможно живое и образное, должно широко опираться на подлинныя свидѣтельства, современныя изображаемому прошлому или возникшія подъ вліяніемъ преданія, близкаго къ изучаемой старинѣ. Напр., разсказъ Геродота можетъ углубляться отрывками изъ древне-египетскихъ легендъ или ассирійскихъ памятниковъ, а въ особенности страницами изъ Библіи, въ которой заключается большой матеріалъ по исторіи древняго Востока вообще. Устный разсказъ и чтеніе руководствъ и пособій необходимо постоянно иллюстрировать снимками съ памятниковъ быта и искусства. Излагать исторію Египта и Ассиріи въ непрерывной хронологической послѣдовательности ни въ какомъ случаѣ не должно; но дать краткое понятіе о ея ходѣ и эпохахъ (напримѣръ, обнаружить особенности жизни во время древняго, средняго и новаго царства въ Египтѣ, древне-вавилонской гражданственности и образованности, ассирійскомъ владычествѣ и ново-вавилонскомъ царствѣ) неизбѣжно, при чемъ надо

будетъ указать на чередованіе главныхъ центровъ культуры, назвать и охарактеризовать наиболѣе выдающихся ея носителей и дѣятелей.

Такъ выяснится, въ частности, что обособленность древнѣйшихъ рѣчныхъ цивилизацій мало-по-малу ослаблялась, пролагались дороги сухопутныя и морскія, народы соприкасались враждебно и мирно, вслѣдствіе чего возникало взаимодѣйствіе, обмѣнъ продуктовъ и знаній между странами, и все это имѣло большое значеніе для движенія впередъ къ утвержденію жизненнаго благоустройства въ различныхъ отношеніяхъ.

Разсматривая въ главныхъ чертахъ государство, общество, занятія, образованность, религію, слѣдуетъ останавливаться на различіяхъ между свойствами и характеромъ отдѣльныхъ народовъ, сходствомъ и разнообразіемъ въ оставленномъ ими наслѣдіи. Спеціально въ разсказѣ объ арійцахъ можно сосредоточиться на картинѣ ихъ первоначальнаго быта и слѣдуетъ обратить особое вниманіе на отличительныя черты ихъ религіозныхъ вѣрованій. Превосходная книга М. Масперо „Историческія чтенія по древнему Востоку" (есть русск. пер.) даетъ мастерскіе и отлично сгруппированные образцы отдѣльныхъ разсказовъ. Въ русскомъ просто и интересно написанномъ (хотя устарѣломъ по взглядамъ и даннымъ) учебникѣ Мельгунова „Первые уроки исторіи" можно найти достаточно матеріала историко-легендарнаго и лѣтописнаго содержанія. Весьма подходящими, талантливыми и серьезными, доступными по размѣрамъ, большею частью и по формѣ, пособіями явятся брошюры проф. М. С. Корелина „Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи (Египтяне, Ассирійцы и Финикійцы)", труды г-жи Рагозиной, Бецольдъ „Ниневія и Вавилонъ". Наконецъ для пополненія собственной подготовки учителю необходимо обращаться къ „Исторіи древняго Востока" Б. А. Тураева, гдѣ можно найти библіографическія указанія; къ Ed. Meyer, Geschichte des Altertums (2-ое изд. 1, 2), къ большому классическому труду М. Maspero „Histoire ancienne des peuples de l'Orient" (3 т.) и къ многотомному сочиненію Perrot et Chippiez „Histoire de l'art dans l'antiquité". Послѣднія два изданія заключаютъ въ себѣ и богатую серію картинъ и рисунковъ. Слѣдуетъ, кромѣ того, пользоваться для цѣлей иллюстрированія курса коллекціею стѣнныхъ картинъ и волшебнымъ фонаремъ. Ср. еще составленныя В. С. Голенищевымъ „Описанія египетскихъ и ассирійскихъ памятниковъ Императорскаго Эрмитажа".

4) Послѣдняя часть курса должна стать предметомъ спеціальнаго

вниманія и тщательной обработки, какъ способъ подготовки дѣтей къ изученію исторіи классическихъ народовъ, высокая образовательность которой стоитъ внѣ сомнѣнія. Центромъ тяжести при ея выполненіи явится ознакомленіе съ древне-греческою жизнью по Гомеровскимъ поэмамъ. Углубиться въ изученіе заключающагося въ нихъ богатѣйшаго культурно-историческаго матеріала желательно, по возможности, разносторонне и полно, посвящая этой задачѣ значительную часть второго полугодія. Первые пункты, намѣченные въ программѣ этого отдѣла, подведутъ къ чтенію и толкованію Иліады и Одиссеи, облегчатъ ученику ознакомленіе съ древне-греческой жизнью. Какъ хорошее классное пособіе можетъ быть рекомендована легко и живо написанная книга В. Д. Сиповскаго „Исторія древней Греціи". Главные эпизоды изъ Иліады и Одиссеи должны быть прочитаны и разобраны въ классѣ (прекрасный подборъ отрывковъ см. въ книгѣ В. П. Острогорскаго „Русскіе писатели, какъ образовательный матеріалъ" въ отдѣлѣ о Жуковскомъ). Преподаватель будетъ обращаться, какъ къ пособіямъ, къ различнымъ руководствамъ по реальнымъ греческимъ древностямъ (напр., превосходное сочиненіе W. Helbig „Das homerische Epos"). И въ данномъ отдѣлѣ курсъ, конечно, долженъ иллюстрироваться картинами, особенно снимками съ развалинъ старыхъ городовъ (острова Крита, Микенъ, Тиринеа, Трои), ихъ памятниковъ и утвари, найденныхъ при раскопкахъ, при чемъ очень полезно (здѣсь, какъ и раньше при разсказахъ объ египетскихъ и ассирійскихъ памятникахъ и письменности) сообщать не только о результатахъ открытій археологовъ, но и о томъ, какъ совершились эти открытія, и кто были главными учеными дѣятелями въ нихъ. Такія исторіографическія странички, если онѣ составлены и прочтены одушевленно, сильно увлекаютъ учениковъ и вносятъ много жизни въ преподаваніе. Богатую коллекцію нужныхъ разсказовъ можно найти у Perrot et A. Chippiez: „Histoire de l'art dans l'antiquité" и въ чрезвычайно важномъ изданіи для изученія классической древности Baumeister: „Denkmäler des klassischen Altertums".

Результатомъ изученія послѣдней части курса явится такимъ образомъ обстоятельное знаніе древней греческой старины, достигнутое при помощи изученія превосходнаго героическаго эпоса греческаго народа. Такое ознакомленіе не можетъ оставить умъ, чувство и воображеніе дѣтей равнодушными къ великой старинѣ и не усилить въ нихъ любовь къ исторіи.

Программа курса древней исторіи.

Греція. 1) Страна и населеніе. Краткій географическій обзоръ древней Греціи. Разселеніе греческихъ племенъ. Общенаціональныя учрежденія.

2) Спарта. Составъ населенія. Преданіе о Ликургѣ. Государственное и общественное устройство Спарты. Система воспитанія. Спартанская гегемонія. Аттика и Аѳины. Составъ населенія. Государственное и общественное устройство Аѳинъ. Воспитаніе въ Аѳинахъ.

3) Предѣлы греческой колонизаціи къ началу V вѣка. Возстаніе малоазійскихъ грековъ и начало греко-персидскихъ войнъ. Мараѳонская побѣда. Борьба съ Ксерксомъ. Ѳемистоклъ и Аристидъ. Переходъ гегемоніи отъ Спарты къ Аѳинамъ. Окончаніе греко-персидскихъ войнъ и ихъ историческое значеніе.

4) Аѳины при Периклѣ.

5) Состояніе Греціи передъ началомъ Пелопоннесской войны. Пелопоннесская война до Никіева мира. Алкивіадъ и Сицилійская экспедиція. Паденіе Аѳинъ.

6) Преобладаніе Спарты въ Греціи. Правленіе тридцати въ Аѳинахъ. Война Спарты съ Персіей. Кратковременное господство Ѳивъ и общее ослабленіе греческихъ государствъ.

7) Македонія при Филиппѣ. Его замыслы. Роль Демосѳена. Херонейская битва и покореніе Греціи Македоніей. Александръ Великій. Его личность и завоеванія. Монархія Александра Великаго и распаденіе ея.

Римъ. 1) Страна и населеніе. Краткій географическій обзоръ древней Италіи. Италики (латины и умбро-сабеллы). Этруски.

2) Преданіе объ основаніи Рима при царяхъ. Патриціи и плебеи.

3) Учрежденіе республики. Республиканскіе магистраты: консулы, диктаторъ, народные трибуны. Уравненіе въ правахъ плебеевъ съ патриціями.

4) Покореніе Лаціума. Завоеваніе римлянами Средней и Южной Италіи. Римскія завоеванія въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Карѳагенъ. Пуническія войны. Завоеванія на Балканскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ. Пріобрѣтенія въ Малой Азіи. Границы римской республики къ концу II в. до Р. X.

5) Вліяніе завоеваній на внутреннее состояніе римскаго государства. Оптиматы и пролетаріи. Братья Гракхи. Возвышеніе полковод-

цевъ. Марій и новая организація войска. Возстаніе союзниковъ. Сулла и борьба его съ Маріемъ. Кратковременная диктатура Суллы. Возстаніе рабовъ-гладіаторовъ. Возвышеніе Помпея. Его завоеванія на Востокѣ.

6) Личность Цезаря. Первый тріумвиратъ. Завоеваніе Галліи. Борьба Цезаря съ Помпеемъ и его партіей. Единодержавіе Цезаря и характеръ его управленія. Смерть Цезаря.

7) Возвышеніе Октавіана Августа и установленіе принципата. Отношеніе Августа къ сенату и провинціямъ. Отношеніе къ народу. Учрежденіе гвардіи преторіанцевъ. Внѣшняя политика Августа. Возникновеніе христіанства и гоненіе на христіанъ. Краткая исторія римской имперіи до Діоклетіана. Антонины.

8) Діоклетіанъ, его реформы. Отношеніе къ христіанству. Утвержденіе абсолютизма. Константинъ Великій. Миланскій эдиктъ. Первый вселенскій соборъ. Новая столица. Послѣдняя попытка въ возстановленію язычества. Ѳеодосій Великій. Торжество христіанства. Раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную.

Объяснительная записка къ курсу древней исторіи.

III-ій классъ.

Курсъ III-го класса, посвященный обозрѣнію древней исторіи Греціи и Рима, хотя и называется систематическимъ, не можетъ быть таковымъ въ строгомъ смыслѣ слова по условіямъ возраста и общаго развитія учениковъ этого класса. Нельзя, напримѣръ, считать доступнымъ ихъ пониманію сложные вопросы политико-экономическаго характера, игравшіе такую видную роль въ процессѣ внутренняго развитія древнихъ греческихъ и римской республикъ, равно какъ не могутъ быть ими поняты надлежащимъ образомъ и явленія духовной жизни древнихъ классическихъ народовъ, ихъ литература, наука, искусство. Такимъ вопросамъ не мѣсто въ курсѣ III-го класса, который долженъ быть систематическимъ не въ смыслѣ всесторонняго изображенія явленій внѣшней и внутренней жизни древнихъ грековъ и римлянъ въ ихъ взаимной связи и послѣдовательности, а только какъ первая ступень общаго историческаго процесса, развивавшагося на фонѣ того культурнаго наслѣдія, какое оставили послѣ себя греки и римляне.

Поэтому изъ курса III-го класса исключаются всѣ такіе вопросы, для пониманія которыхъ необходимы болѣе зрѣлый возрастъ и болѣе обширное умственное развитіе, чѣмъ возрастъ и умственное разви-

тіе учениковъ этого класса, и ихъ изученіе откладывается до VI-го класса, въ курсъ котораго входитъ, между прочимъ, обозрѣніе античной культуры въ широкомъ смыслѣ этого слова, а въ III-емъ древняя исторія Греціи и Рима должна проходиться въ элементарныхъ по изложенію, но связанныхъ между собою хронологически, очеркахъ, въ которыхъ надлежащее мѣсто должно быть отведено біографическому элементу въ виду той выдающейся роли, какую играли въ судьбахъ Греціи и Рима отдѣльныя личности.

Само собою разумѣется, что и въ этомъ классѣ, какъ и въ предыдущихъ, необходимо, въ видахъ оживленія преподаванія и сообщенія ему большей конкретности и образности, пользоваться соотвѣтствующими наглядными пособіями (стѣнными таблицами, картинами, альбомами), среди которыхъ видное мѣсто должны занять 20 таблицъ С. О. Цыбульскаго, изображающихъ бытъ древнихъ грековъ и римлянъ; а для домашняго чтенія учениковъ можно рекомендовать имѣющееся въ русскомъ переводѣ сочиненіе Г. В. Штоля „Герои Греціи и Рима въ войнѣ и мирѣ“.

Относительно примѣрной программы этого курса необходимо замѣтить слѣдующее:

1) Географическій обзоръ Греціи долженъ быть кратокъ, но онъ не долженъ быть только повтореніемъ того, что было сообщено по этому вопросу въ предыдущемъ классѣ. Избѣгая излишней номенклатуры, преподаватель долженъ отмѣтить главнѣйшія особенности греческаго материка, съ указаніемъ ихъ вліянія на жизнь и характеръ населенія, насколько это возможно по условіямъ общаго развитія учениковъ.

Въ связи съ вопросомъ о разселеніи греческихъ племенъ долженъ быть разсмотрѣнъ вопросъ о греческой колонизаціи, съ указаніемъ главнѣйшихъ пунктовъ послѣдней и отношеній, существовавшихъ между колоніями и ихъ метрополіями, а при разсказѣ объ общенаціональныхъ учрежденіяхъ грековъ необходимо вкратцѣ повторить сообщенныя въ предыдущемъ классѣ свѣдѣнія о религіи древнихъ грековъ и ихъ сказанія о герояхъ, которыя также имѣли значеніе объединявшаго ихъ въ духовномъ отношеніи элемента.

2) Государственное и общественное устройство Спарты не слѣдуетъ, согласно съ традиціей, связывать съ баснословною личностью Ликурга, а представить его, какъ естественный результатъ исторически сложившихся условій. На примѣрѣ Спарты нетрудно выяснить учащимся понятіе объ аристократическомъ государствѣ вообще.

3) Государственное и общественное устройство Аѳинъ, являвшееся результатомъ длиннаго процесса, въ которомъ большую роль играли недоступные пониманію учениковъ III-го класса сложные политико-экономическіе факторы, не можетъ быть изложено въ курсѣ этого класса во всѣхъ стадіяхъ его постепеннаго развитія и во всѣхъ подробностяхъ. Достаточно остановиться на дѣятельности Солона, положившаго начало тому укладу, который, благодаря послѣдовавшимъ мѣропріятіямъ (Пизистрата, Клисѳена, Эфіальта, Перикла), достигъ полнаго расцвѣта въ V-мъ вѣкѣ и представлялъ собою полную противоположность политическому строю Спарты; при чемъ, говоря о Солонѣ, не слѣдуетъ вдаваться въ подробности относительно его экономической реформы.

4) При изложеніи греко-персидскихъ войнъ слѣдуетъ выяснить, какое огромное вліяніе имѣла эта борьба на подъемъ національнаго самосознанія грековъ и ихъ культурныхъ силъ.

При изложеніи дѣятельности Перикла необходимо остановиться на благородной личности этого демагога-патріота и, не касаясь его политическихъ реформъ, отмѣтить его заботы о благосостояніи демоса и возвеличеніи роднаго города, занявшаго при немъ первенствующее мѣсто среди греческихъ государствъ.

6) При изложеніи Пелопоннесской войны нѣтъ надобности останавливаться подробно на тѣхъ событіяхъ, которыя привели къ разрыву между Спартою и Аѳинами; достаточно отмѣтить основную причину враждебныхъ отношеній между ними, съ указаніемъ на предшествовавшую войнѣ группировку греческихъ государствъ, и отмѣтить главные моменты войны, сгруппировавъ матеріалъ, относящійся ко второму ея періоду, около личности Алкивіада.

7) Говоря о времени господства Спарты, слѣдуетъ отмѣтить своекорыстный характеръ ея политики, пагубно отразившійся на судьбѣ Греціи вслѣдствіе сближенія съ Персіею, которое завершилось „позорнымъ“ для грековъ Анталкидовымъ миромъ.

8) Въ разсказѣ о возвышеніи Македоніи при царѣ Филиппѣ вполнѣ цѣлесообразно остановиться на личности Демосѳена, сосредоточившей въ себѣ остатки тѣхъ нравственныхъ и патріотическихъ началъ, которыя составляли силу древней Греціи; а при изложеніи дѣятельности Александра Великаго необходимо обратить вниманіе какъ на его планы, въ основаніи которыхъ лежалъ новый взглядъ на варваровъ, такъ и на великое культурное значеніе его завоеваній вообще.

9) При географическомъ обзорѣ древней Италіи слѣдуетъ имѣть

въ виду то же указаніе, какое сдѣлано выше по поводу географическаго обзора древней Греціи.

10) При изложеніи сословныхъ отношеній въ древнемъ Римѣ достаточно отмѣтить безправное положеніе плебеевъ до Сервія Туллія, а реформу послѣдняго разсмотрѣть съ точки зрѣнія интересовъ государственной обороны, при чемъ полезно провести параллель между реформою Сервія Туллія и тѣмъ, что сдѣлано въ Аѳинахъ его современникомъ Солономъ.

11) Изъ республиканскихъ магистратовъ достаточно упомянуть о консулахъ, диктаторѣ и народныхъ трибунахъ, съ указаніемъ функцій каждаго изъ нихъ; при чемъ учрежденіе трибуната дастъ поводъ разсказать и объ удаленіи плебеевъ на Священную гору, и объ изданіи писанныхъ законовъ; подробное же изложеніе борьбы плебеевъ съ патриціями за уравненіе въ правахъ не входитъ въ курсъ III-го класса.

12) Разсказу о завоеваніяхъ римлянъ долженъ быть предпосланъ краткій очеркъ военной организаціи древняго Рима и отмѣчены боевыя качества римскаго войска; а при изложеніи войнъ, превратившихъ Римъ въ міровую державу, должна быть указана политика римлянъ по отношенію къ покореннымъ народамъ (союзники, провинціи).

13) Въ разсказахъ о завоеваніяхъ Средней и Южной Италіи достаточно ограничиться характеристикою самнитскихъ войнъ и войны съ Пирромъ, отнюдь не вдаваясь въ подробное изложеніе этихъ войнъ. При этомъ вполнѣ умѣстно использовать тотъ, частью историческій, частью легендарный, матеріалъ, который имѣетъ существенное значеніе для характеристики римлянъ въ эту пору ихъ историческаго существованія.

14) При изложеніи Пуническихъ войнъ слѣдуетъ останавливать вниманіе учащихся лишь на самыхъ существенныхъ моментахъ этой грандіозной борьбы между двумя державами, изъ которыхъ каждая стремилась къ господству на Средиземномъ морѣ. Остальныя завоеванія римлянъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря достаточно только отмѣтить.

15) Говоря о вліяніи завоеваній на внутреннее состояніе римскаго государства, необходимо указать на развитіе рабства и находившееся въ связи съ этимъ разореніе мелкихъ землевладѣльцевъ, которое привело къ образованію двухъ, рѣзко раздѣленныхъ между собою, классовъ-оптиматовъ и пролетаріевъ. Дѣятельность братьевъ Гракховъ, какъ защитниковъ пролетаріата, разсматривается съ опущеніемъ подробностей, касающихся ихъ реформъ.

16) При изложеніи событій изъ эпохи Римской имперіи необходимо отмѣтить постепенный ростъ императорской власти, выведшей изъ принципата Октавіана Августа и вылившейся въ форму абсолютизма при Діоклетіанѣ и Константинѣ Великомъ; при этомъ нѣтъ надобности останавливаться на дѣятельности каждаго изъ промежуточныхъ императоровъ въ отдѣльности, а достаточно ознакомить учениковъ съ дѣятельностью Нерона, первыхъ Флавіевъ, Траяна, Адріана, Марка Аврелія и Септимія Севера, указавъ при этомъ и на отношеніе ихъ къ христіанству.

Программа по исторіи среднихъ вѣковъ.

I. Европа въ IV и V вв.

1) Состояніе Римской имперіи въ IV вѣкѣ.

2) Германцы и славяне; ихъ древнѣйшій бытъ. Христіанство у германцевъ.

3) Нашествіе гунновъ. Возникновеніе варварскихъ государствъ.

II. Западная Европа въ VI—VIII вв.

1) Судьбы Италіи. Остготское государство. Равеннскій экзархатъ. Лангобарды въ Италіи. Григорій Великій.

2) Судьбы Галліи. Франкское государство при Меровингахъ. Церковная и политическая дѣятельность св. Бонифація. Союзъ между франкскими королями и папами. Возникновеніе папскаго государства.

III. Восточная Имперія въ VI—VIII вв.

1) Восточная Имперія къ началу VI вѣка.

2) Юстиніанъ Великій. Попытка возстановленія единства Имперіи. Отношенія къ державѣ Сассанидовъ. Законодательная дѣятельность Юстиніана. Заботы о единствѣ вѣры. Св. Софія.

3) Краткій обзоръ Восточной Имперіи до конца VIII вѣка. Иконоборство.

IV. Возникновеніе и развитіе ислама.

1) Аравія до ислама. Мухаммедъ. Исламъ.

2) Успѣхи ислама. Расцвѣтъ халифата и его распаденіе.

V. Объединеніе романо-германской Европы и отношеніе ея къ Востоку.

1) Подчиненіе романо-германскаго міра власти Карла Великаго. Возстановленіе Римской имперіи.

2) Внутренняя дѣятельность Карла Великаго.

3) Распаденіе монархіи Карла Великаго. Выдѣленіе національно-

стей и дальнѣйшее политическое дробленіе. Нашествіе норманновъ и венгровъ.

4) Очеркъ исторіи Англіи въ саксонскій періодъ до норманнскаго завоеванія.

5) Феодальный строй.

6) Возвышеніе папства въ IX вѣкѣ. Папа Николай I. Его дѣятельность на Западѣ и борьба съ Восточной церковью.

7) Византія и славяне въ IX—X вв. Македонская династія. Первое болгарское царство. Велико-Моравская держава. Свв. Кириллъ и Меѳодій.

VI. Священная Римская Имперія германской націи и развитіе папскаго могущества.

1) Возстановленіе Священной Римской Имперіи въ X вѣкѣ. Оттонъ Великій.

2) Упадокъ папства послѣ папы Николая I. Клюнійское движеніе.

3) Григорій VII и Генрихъ IV. Борьба за инвеституру.

4) Папство и Гогенштауфены. Борьба за Италію. Фридрихъ Барбаросса. Иннокентій III. Фридрихъ II. Паденіе власти императоровъ въ Италіи.

VII. Крестовые походы.

1) Положеніе Востока въ XI вѣкѣ. Византія. Судьбы арабскаго халифата. Турки.

2) Причины крестовыхъ походовъ.

3) Очеркъ крестовыхъ походовъ. Свѣтское рыцарство и духовно-рыцарскіе ордена. Іерусалимское королевство.

Образованіе Латинской Имперіи. Потеря Святой Земли.

4) Значеніе крестовыхъ походовъ.

VIII. Западная Европа съ XII по XV вѣкъ.

1) Развитіе монархіи во Франціи. Объединеніе Франціи и усиленіе королевской власти при Капетингахъ (Людовикъ VI, Филиппъ II, Людовикъ IX Святой, Филиппъ IV). Столѣтняя борьба съ Англіей. Національное движеніе (Жанна д'Аркъ). Дальнѣйшее усиленіе королевской власти (Карлъ VII, Людовикъ XI).

2) Возникновеніе парламентскаго строя въ Англіи. Завоеваніе Англіи норманнами и его послѣдствія. Династія Плантагенетовъ. Генрихъ II и Ѳома Бекетъ. Іоаннъ Безземельный и великая хартія вольностей. Начало парламента. Война Алой и Бѣлой Розъ.

3) Германія въ XIII—XIV вв. Упадокъ императорской власти. Начало династіи Габсбурговъ. Чешская держава Оттокара II. Габс-

бурги и Люксембурги. Карлъ IV и золотая булла. Городскіе союзы. Ганза. Максимиліанъ I.

4) Краткій очеркъ исторіи Пиринейскаго полуострова. Борьба съ маврами. Кастилія и Аррагонія. Фердинандъ Католикъ. Португалія. Великія открытія.

IX. Византія и южные славяне въ XII—XIV вв.

Образованіе второго болгарскаго царства. Латинская имперія. Возвышеніе Сербіи. Стефанъ Душанъ. Завоеваніе турокъ и покореніе ими Сербіи и Болгаріи. Флорентійская унія. Паденіе Византіи.

Объяснительная записка къ курсу исторіи Среднихъ Вѣковъ.

Первая ступень.

IV-ый классъ.

Предполагаемая программа исторіи Среднихъ Вѣковъ относится къ первой ступени и проходится въ IV-мъ классѣ. Поэтому, въ виду небольшого количества часовъ (2 часа), а также и въ виду сравнительно малой развитости учениковъ этого класса, изъ программы исключены обзоры духовныхъ культуръ, а изъ фактовъ отмѣчены лишь тѣ, которые въ томъ или иномъ вопросѣ являются необходимыми для пониманія связи историческихъ событій.

При прохожденіи I и II отдѣловъ не слѣдуетъ вдаваться въ подробности исторіи переселенія отдѣльныхъ германскихъ племенъ; нѣсколько болѣе подробно можно было бы остановиться на исторіи переселенія вестготовъ.

Въ III отдѣлѣ при обзорѣ отношеній Византіи къ Сассанидамъ надо вкратцѣ прослѣдить исторію взаимныхъ отношеній Римской Имперіи къ новоперсидскому царству Сассанидовъ и указать на значеніе этого царства въ политическомъ и религіозномъ отношеніи. При разсмотрѣніи законодательной дѣятельности Юстиніана надо ограничиться указаніемъ на ея общее значеніе, не вдаваясь въ характеристику отдѣльныхъ частей Corpus juris civilis. Въ исторіи Византіи послѣ Юстиніана слѣдуетъ остановиться на царствованіяхъ императоровъ Ираклія и Льва III.

Въ отдѣлѣ IV исторію мусульманскихъ завоеваній слѣдуетъ изложить совершенно кратко, а на распаденіе халифата лишь указать.

Въ V отдѣлѣ прохожденіе вопроса о феодализмѣ должно быть сведено лишь къ внѣшнему описанію картинъ изъ феодальнаго быта. Разсмотрѣніе же развитія строя и его политической, хозяйственной

и соціальной структуры должно быть отнесено ко второму концентру. Коронованіе Карла Великаго императорскою короною должно разсматриваться: 1) по отношенію къ западному романо-германскому міру—какъ выраженіе его единства и 2) по отношенію къ Византіи—какъ выраженіе его обособленія и полной самостоятельности, причемъ, однако, слѣдуетъ упомянуть о стараніяхъ Карла Великаго получить признаніе отъ Византійской императрицы Ирины и ея преемниковъ, вслѣдствіе сознаваемаго имъ нарушенія правъ Новаго Рима.

Въ отдѣлѣ VI преподавателю надо обратить особое вниманіе на связь между Клюнійскимъ движеніемъ и борьбой за инвеституру. Въ разсказѣ объ Иннокентіи III весьма важно отмѣтить фактъ высшаго развитія папскаго могущества и указать на выставленную этимъ папою теорію папской власти и отношеніе ея къ власти свѣтской. Не слѣдуетъ упускать изъ вида тѣхъ попытокъ къ распространенію католичества на Востокѣ, которыя были сдѣланы при немъ (учрежденіе Ливонскаго ордена, Латинская Имперія, сношенія съ Романомъ Мстиславовичемъ Галицкимъ).

Въ отдѣлѣ VII при прохожденіи крестовыхъ походовъ преимущественное вниманіе должно быть обращено на 1-ый и 4-ый крестовые походы. При выясненіи значенія крестовыхъ походовъ слѣдуетъ помнить, что соціальныя послѣдствія ихъ, въ частности, развитіе городского класса, будутъ разсмотрѣны во второмъ концентрѣ.

Въ VIII отдѣлѣ нужно выяснить особенности исторіи Франціи, Англіи и Германіи во второй половинѣ Среднихъ Вѣковъ, какъ трехъ различныхъ типовъ государственнаго развитія; при этомъ надо имѣть въ виду, что изученіе отдѣльныхъ фазисовъ исторіи развитія англійскаго парламента будетъ отнесено ко второму концентру.

Въ IX отдѣлѣ главное вниманіе должно быть обращено на исторію Сербіи при Стефанѣ Душанѣ и на фактъ паденія Византіи.

Пособія, рекомендуемыя ученикамъ:

1) Сочиненія К. А. Иванова: а) Средневѣковой замокъ и его обитатели; б) Средневѣковой городъ и его обитатели; в) Средневѣковой монастырь и его обитатели; г) Средневѣковая деревня и ея обитатели.

2) П. Виноградовъ. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, т. I—III (статьи по выбору преподавателя).

3) М. Стасюлевичъ. Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ, т. I—III (статьи и переводы текстовъ по выбору преподавателя).

Программа по новой исторіи.

Первая ступень.

V и VI классы (по два урока).

I. Упадокъ мірового могущества папъ.

Католическая церковь и папство послѣ крестовыхъ походовъ. Попытки религіознаго обновленія. Авиньонскій плѣнъ и великій расколъ. Церковные соборы XV-го вѣка. Виклифъ и Гусъ. Гуситское движеніе.

II. Эпоха Возрожденія и Реформаціи.

1) Италія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Венеція. Флоренція. Миланъ. Римъ. Неаполь. Развитіе свѣтской культуры. Гуманизмъ. Данте. Петрарка. Боккачіо. Изученіе классическаго міра. Возрожденіе наукъ и искусствъ. Книгопечатаніе.

2) Борьба за Италію. Францискъ I и Карлъ V.

3) Реформація. Гуманизмъ въ Германіи. Эразмъ. Рейхлинъ. Гутенъ. Ростъ недовольства Римомъ. Лютеръ. Постепенное отпаденіе его отъ католической церкви. Вормскій сеймъ. Рыцарское и крестьянское возстаніе. Отношеніе Карла V къ реформаціи. Аугсбургское исповѣданіе. Борьба Карла V съ протестантскими князьями.

Цвингли и Кальвинъ. Распространеніе реформаціи въ Европѣ (Англіи, Франціи и Скандинавскихъ государствахъ).

III. Католическая реакція и развитіе абсолютизма.

1) Іезуиты. Инквизиція. Цензура. Тридентскій соборъ.

2) *Испанская монархія Габсбурговъ.* Филиппъ II. Утвержденіе абсолютизма въ Испаніи. Нидерландская революція. Общеевропейская политика Филиппа II. Упадокъ Испаніи послѣ Филиппа II.

3) *Австрійская монархія Габсбурговъ.* Германія послѣ Аугсбургскаго мира. Тридцатилѣтняя война и Вестфальскій миръ. Паденіе германскаго единства и торжество княжескаго абсолютизма.

4) *Англія въ XVI—XVII вв.* Вѣкъ королевы Елизаветы. Ростъ благосостоянія и могущества Англіи. Борьба Стюартовъ съ парламентомъ. Первая англійская революція. Кромвель и индепенденты. Англійская республика. Революція Стюартовъ. Вторая англійская революція.

5) *Развитіе абсолютизма во Франціи.* Религіозно-политическія войны въ XVI вѣкѣ. Генрихъ IV. Нантскій эдиктъ. Ришелье. Людовикъ XIV. Торжество абсолютизма. Кольберъ. Отмѣна Нантскаго эдикта. Войны Людовика XIV-го.

IV. Старый порядокъ и „просвѣщеніе".

1) *Старый порядокъ во Франціи.* Королевская власть послѣ Людовика XIV. Привилегированныя сословія, буржуазія и крестьянство въ XVIII в. Просвѣщеніе во Франціи. Вольтеръ—Монтескьё. Руссо.

2) *Просвѣщенный абсолютизмъ.* Краткій очеркъ исторіи Пруссіи до Фридриха Великаго. Фридрихъ Великій, его внѣшняя и внутренняя политика. Марія Терезія. Іосифъ II, его реформы. Упраздненіе ордена іезуитовъ.

3) *Англія въ XVIII вѣкѣ.* Ганноверская династія. Развитіе парламента. Сѣверо-Американскія колоніи, ихъ возстаніе. Соединенные Штаты.

V. Французская революція и Наполеонъ I.

1) Франція при Людовикахъ XV и XVI. Тюрго и Неккеръ. Созваніе генеральныхъ штатовъ.

2) Учредительное Собраніе и его реформы. Паденіе монархіи. Конвентъ. Провозглашеніе республики. Якобинцы и Жирондисты. Терроръ. Эпоха директоріи.

3) Революціонныя войны и возвышеніе Наполеона Бонапарта.

4) Переворотъ 18 брюмера. Внутренняя политика Наполеона. Войны Наполеона, его господство надъ Европой. Національныя движенія въ Европѣ. Прусскія реформы начала XIX вѣка. Освободительныя войны 1812—1814 гг. Крушеніе имперіи Наполеона. Сто дней.

VI. Обзоръ событій послѣ 1814 года.

1) Вѣнскій конгрессъ. Священный союзъ и его борьба съ революціонными движеніями на Западѣ. Греческое возстаніе.

2) Меттернихъ и торжество реакціи въ Германіи.

Реставрація Бурбоновъ во Франціи. Іюльская революція и ея отраженіе въ Европѣ. Англія въ первой половинѣ XIX вѣка. Парламентская реформа 1832 года. Чартизмъ. Іюльская монархія во Франціи. Февральская революція и вторая республика. Вліяніе февральской революціи на національныя движенія въ Германіи, Венгріи, Италіи и славянскихъ земляхъ.

3) Вторая имперія во Франціи. Внѣшняя политика Наполеона III. Викторъ-Эммануилъ II и Кавуръ. Объединеніе Италіи. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Война съ Даніей и Австріей. Франко-Германская война. Объединеніе Германіи.

4) Англія во второй половинѣ XIX вѣка. Гладстонъ и Дизраэли.

5) Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ XIX вѣкѣ. Борьба

сѣверныхъ и южныхъ штатовъ. Линкольнъ. Междоусобная война. Освобожденіе негровъ.

Объяснительная записка къ курсу новой исторіи.

Задачей курса перваго концентра по новой исторіи служитъ отчетливое усвоеніе фактовъ внѣшней и внутренней исторіи, которые, хотя излагаются въ связи между собою, тѣмъ не менѣе не раскрываются передъ учащимися, въ виду ихъ возраста, вполнѣ, во всей совокупности, внутреннемъ смыслѣ и значеніи, такъ какъ на эту сторону, какъ и на элементы соціальной и культурной исторіи, обращается преимущественное вниманіе въ курсѣ второго концентра, куда отнесено болѣе подробное генетическое разсмотрѣніе такихъ сложныхъ явленій, какъ гуманизмъ, реформація, просвѣщеніе, эволюція политическихъ формъ государственнаго устройства, выясненіе развитія денежнаго хозяйства въ связи съ великими открытіями и главнѣйшія теченія политической и соціальной мысли XIX вѣка.

Относительно исторіи войнъ необходимо сдѣлать общее замѣчаніе такого рода. Не нужно увлекаться подробнымъ изложеніемъ дипломатическихъ сношеній и вооруженныхъ столкновеній, но тѣмъ не менѣе и, наоборотъ, нельзя игнорировать эти стороны курса, а слѣдуетъ отчетливо выяснить основныя фазы такихъ главнѣйшихъ войнъ, какъ 30-лѣтняя, революціонныя, Наполеоновскія и войны XIX вѣка.

Въ отдѣлѣ первомъ наиболѣе труднымъ для преподавателя является вопросъ о попыткахъ религіознаго обновленія. Лучше всего его связать съ дѣятельностью св. Франциска, обаятельная личность котораго должна заинтересовать даже учениковъ V-го класса. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ кратко указать на характеръ дѣятельности Францисканскаго и Доминиканскаго орденовъ.

Во второмъ отдѣлѣ, посвященномъ Возрожденію, необходимо ограничиться по всѣмъ вопросамъ сжатыми чисто фактическими указаніями, такъ какъ подробное разсмотрѣніе гуманизма войдетъ во второй концентръ курса.

Въ отдѣлѣ третьемъ факты католической реакціи преподаватель долженъ излагать на фонѣ того общаго представленія, что католическую реакцію слѣдуетъ понимать не только какъ борьбу противъ реформаціи, но и какъ внутреннее обновленіе католицизма.

Въ отдѣлѣ четвертомъ просвѣщеніе характеризуется лишь на дѣятельности Вольтера, Монтескье и Руссо. Связь же французскаго

просвѣщенія съ англійскимъ, физіократы и энциклопедисты будутъ разобраны въ курсѣ второго концентра.

Въ отдѣлѣ пятомъ, при обзорѣ международныхъ отношеній въ эпоху революціи, необходимо выяснить различіе въ характерѣ войскъ Франціи и Старой Европы, которымъ преимущественно объясняются успѣхи Франціи.

Въ отдѣлѣ шестомъ, какъ и въ прочихъ, не слѣдуетъ увлекаться подробнымъ изученіемъ конституціонныхъ измѣненій всѣхъ европейскихъ государствъ, а необходимо остановиться только на важнѣйшихъ явленіяхъ, группируя изложеніе вокругъ главныхъ моментовъ исторіи XIX вѣка, каковыми при изученіи являются Вѣнскій конгрессъ, революціи 1830 и 1848 годовъ, парламентскія реформы въ Англіи и объединеніе Италіи и Германіи.

Программа второго концентра всеобщей исторіи.

А. Древняя и средневѣковая исторія.

(Основные моменты исторіи античнаго міра и среднихъ вѣковъ).

I. *Греція.* Краткое понятіе объ Эгейскомъ періодѣ. Гомеровскій періодъ: государство и общество по поэмамъ Гомера. Образованіе греческихъ государствъ. Эволюція государственнаго и общественнаго устройства. Греческая торговля и колоніи.

Аѳинская демократія. Общественный и частный бытъ. Религіозно-философскія воззрѣнія. Литература и искусство.

Эллинистическія монархіи и эллинизація Востока.

II. *Римъ.* 1) Краткій очеркъ политической и соціальной эволюціи римской республики. Распространеніе римскаго владычества. Государственное устройство конца республиканскаго періода. Соціальная и экономическая борьба. Греческое вліяніе. Общественный и частный бытъ.

1) Императорскій періодъ. Принципатъ и его культурно-историческое значеніе. Провинціи и романизація Запада. Золотой вѣкъ римской литературы. Паденіе язычества и торжество христіанства. Соціально-экономическія отношенія императорскаго періода. Развитіе колоната. Упадокъ имперіи.

III. *Средніе вѣка.* 1) Распаденіе римской имперіи и образованіе варварскихъ государствъ.

Византія. Государственное устройство и общественныя отношенія. Церковь и монашество. Наука, литература и искусство.

2) Исламъ. Арабскій халифатъ, его возникновеніе и устройство. Арабская торговля и промышленность. Наука, литература и искусство.

3) Монархія Карла Великаго. Установленіе феодализма. Характеристика феодальнаго строя. Рыцарство.

Возвышеніе городовъ. Крестовые походы и развитіе торговли и промышленности. Образованіе національныхъ государствъ. Сословно-представительныя учрежденія (во Франціи, Англіи и Германіи).

4) Папство и имперія. Торжество папской теократіи. Средневѣковое міросозерцаніе (Блаж. Августинъ). Монашество и ереси.

Средневѣковая образованность. Университеты и схоластика. Литература и искусство.

Объяснительная записка къ курсу второго концентра всеобщей исторіи.

(Античная исторія и средніе вѣка).

Повторительно-дополнительный курсъ по древней и средневѣковой исторіи, по необходимости уменьшенный сравнительно съ соотвѣтствующими отдѣлами гимназической программы, естественно не можетъ представлять собой изложенія всѣхъ главныхъ сторонъ античной и средневѣковой исторіи, а является лишь обзоромъ основныхъ моментовъ данныхъ эпохъ. Въ виду этого внѣшняя исторія, хотя бы въ краткихъ чертахъ, не входитъ въ содержаніе этого курса, въ особенности при изученіи Греціи и Рима.

Въ этомъ курсѣ вниманіе учащихся останавливается преимущественно на развитіи политическихъ формъ, на общественной эволюціи, на характеристикѣ наукъ, искусствъ и экономическаго положенія. Въ послѣднемъ отношеніи въ курсѣ реальныхъ училищъ важно указать на зарожденіе денежнаго хозяйства еще въ эпоху среднихъ вѣковъ и отмѣтить, какъ торгово-промышленные интересы и въ то время играли значительную роль въ ходѣ событій.

Переходя къ замѣчаніямъ по поводу отдѣльныхъ частей программы, слѣдуетъ прежде всего остановиться на эпохѣ античной культуры. Не имѣя возможности вдаваться въ какія либо подробности по курсу, преподаватель тѣмъ не менѣе обязанъ отмѣтить и подчеркнуть все наиболѣе цѣнное и жизненное въ античной культурѣ, особенно въ литературѣ и искусствѣ, а также освѣтить культурную преемственную связь античности съ дальнѣйшими періодами и даже съ новымъ временемъ, связь, надъ которой такъ усердно трудится со-

временная наука (см. Ѳ. Зѣлинскій, 1) Древній міръ и мы; 2) Изъ жизни идей; Immisch O., Das Erbe der Alten.; Förster, Das Erbe der Antike и др.).

Весьма желательно, чтобы учащіеся непосредственно ознакомились, при помощи картинъ, снимковъ и экскурсій въ музеи и галлереи, съ памятниками (или копіями ихъ) классической древности.

Что касается средневѣковой исторіи, то она распадается на 4 культурно-историческихъ очерка; изъ нихъ два посвящаются Востоку, другіе два—Западу, при чемъ послѣдній разсматривается преимущественно съ точки зрѣнія феодализма и католицизма.

Въ исторіи Востока главное вниманіе должно быть обращено на выясненіе византійской культуры, которая разсматривается въ ея связи съ эллинизмомъ и христіанскимъ Востокомъ. Лишь при соблюденіи этого послѣдняго условія будетъ понятно огромное значеніе этой культуры. При прохожденіи перваго отдѣла желательно обратить серьезное вниманіе на монашество и церковную поэзію въ виду преобладающей роли церкви въ исторіи Византіи.

При разсмотрѣніи государственнаго устройства Византіи должно быть обращено главное вниманіе на выясненіе власти Византійскаго василевса и на значеніе византійскаго законодательства.

Въ вопросѣ объ искусствѣ желательно ознакомить учащихся съ наиболѣе выдающимися произведеніями византійскаго искусства, напримѣръ, съ храмомъ св. Софіи, съ мозаиками Равенны.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ исламу, ученикамъ долженъ быть разъясненъ вопросъ о связи культуры ислама съ культурами эллинизма, Византіи и Сассанидовъ.

Въ отдѣлѣ третьемъ государственная и соціально-экономическая исторія Западной Европы разсматривается съ точки зрѣнія феодализма, какъ начала, характернаго для исторіи средневѣковья. Въ результатѣ должна получиться схема, облегчающая запоминаніе фактовъ и стройное логическое расположеніе ихъ въ памяти учениковъ.

При разсмотрѣніи института рыцарства должна быть сдѣлана характеристика его идеальныхъ основъ (идея защиты церкви отъ невѣрныхъ и слабыхъ отъ сильныхъ), а также его практическаго значенія (облагороженіе нравовъ, рыцарская поэзія, гуманизація войны).

При прохожденіи вопроса о разложеніи феодализма слѣдуетъ объединить факты, рисующіе развитіе городовъ, и въ связи съ этимъ сложеніе новыхъ формъ хозяйства и новаго класса буржуазіи, равно

какъ возникновеніе новыхъ формъ государственнаго строя, смѣняющихъ прежнія средневѣковыя формы.

Въ четвертомъ отдѣлѣ прежде всего необходимо разъяснить учащимся все значеніе двухъ средневѣковыхъ теорій: а) объ универсальной церкви и б) универсальной монархіи. Въ такомъ случаѣ получитъ должное освѣщеніе дѣятельность средневѣковыхъ папъ (Григорій VII, Иннокентій III) и борьба ихъ съ императорами.

При изученіи монашества слѣдуетъ особенно внимательно остановиться на св. Бернардѣ и нищенствующихъ орденахъ (св. Францискъ).

Ознакомленіе съ нѣкоторыми памятниками литературы и искусства (особенно съ готической архитектурой) поможетъ ученикамъ болѣе отчетливо уразумѣть характеръ средневѣковой культуры.

Б. Программа курса новой исторіи.

(Второй концентръ).

I. *Эпоха Возрожденія.* Итальянскіе города. Коммуны и синьоріи. Данте. Петрарка и Боккачіо. Итальянскій гуманизмъ XV в. Маккіавелли. Возрожденіе искусствъ въ Италіи.

Гуманизмъ во Франціи и Англіи. Нѣмецкій гуманизмъ (Эразмъ, Рейхлинъ и Гутенъ).

Значеніе эпохи Возрожденія.

II. *Реформація.* Упадокъ католической церкви. Предшественники реформаціи. Лютеръ, его церковная реформа. Цвингли и Кальвинъ. Реформація въ Англіи.

Гуманизмъ и реформація.

Возрожденіе католицизма и католическая реакція. Тридентскій соборъ. Орденъ іезуитовъ. Борьба католицизма и протестантизма.

III. Экономическое состояніе Европы въ концѣ среднихъ вѣковъ. Великія открытія, ихъ вліяніе на экономическую жизнь. Развитіе торговли. Успѣхи денежнаго хозяйства. Крупная промышленность. Меркантилизмъ и протекціонизмъ. Колоніальная политика важнѣйшихъ европейскихъ державъ въ XVI—XVII вв.

IV. Упадокъ сословно-представительныхъ учрежденій. Абсолютная монархія, ея отличительныя черты. Правительственная система Людовика XIV. Абсолютизмъ въ Австріи и Пруссіи. Борьба между короной и парламентомъ въ Англіи и торжество парламента. Характеристика стараго порядка въ Западной Европѣ.

V. Умственное движеніе XVII—XVIII вѣковъ. Просвѣщеніе въ Англіи (Гоббсъ, Локкъ). Просвѣщеніе во Франціи (Вольтеръ, Монтескье, Руссо, физіократы, энциклопедисты). Просвѣщеніе въ Италіи и Германіи. Значеніе просвѣтительнаго движенія.

Просвѣщенный абсолютизмъ на материкѣ Европы. Развитіе парламентаризма въ Англіи. Колоніальная политика Англіи въ XVIII в. Аграрный и промышленный переворотъ въ Англіи. Техническія изображенія и капиталистическая фабрика.

VI. Разложеніе стараго порядка во Франціи. Попытка реформъ (при Людовикахъ XV и XVI) и ростъ общественнаго недовольства. Французская революція, ея политическія и соціальныя преобразованія. Организаціонная дѣятельность Наполеона во Франціи. Вліяніе Франціи на Европу въ эпоху революціи и Наполеоновскаго владычества.

VII. Общеевропейская культурная реакція начала XIX в. и ея отраженіе въ наукѣ и литературѣ (романтизмъ). Политическая реакція. Либерализмъ. Національныя движенія. Соціальныя утопіи. Революціонныя движенія 1830 и 1848 гг. Объединеніе Италіи и Германіи.

Экономическіе успѣхи Европы въ XIX вѣкѣ. Развитіе промышленной техники. Новые пути сообщенія и новыя средства торговыхъ сношеній. Міровая торговля. Колоніальныя завоеванія Европейскихъ державъ. Распространеніе европейской культуры въ другихъ странахъ міра.

Объяснительная записка къ курсу новой исторіи (второй концентръ).

Программа этого курса сравнительно съ предыдущей должна быть значительно шире въ виду большого значенія для учащихся въ реальныхъ училищахъ знаній по исторіи новаго времени.

Какъ въ повторительно-дополнительномъ курсѣ русской исторіи, такъ и здѣсь эволюція государственныхъ формъ, соціальныя, экономическія и культурныя движенія составляютъ главную основу курса; при этомъ въ полномъ соотвѣтствіи съ задачами реальныхъ училищъ преподаватель долженъ въ особенности обратить вниманіе на главнѣйшія ступени развитія матеріальной культуры, на развитіе путей сообщенія, техническихъ улучшеній, промышленности и торговли.

По отношенію къ отдѣльнымъ вопросамъ программы слѣдуетъ имѣть въ виду такія замѣчанія.

Въ отдѣлѣ о гуманизмѣ необходимо дать учащимся по возможности широкое и глубокое изображеніе гуманистическаго движенія, какъ освобожденія человѣческой личности отъ церковной опеки. При изученіи итальянскаго гуманизма слѣдуетъ остановиться на характеристикѣ коммуны и синьоріи, какъ почвы, на которой развился гуманизмъ въ Италіи, а изъ отдѣльныхъ представителей движенія достаточно сосредоточиться на Данте, Петраркѣ и Боккачіо, Лоренцѣ Валлѣ и Маккіавелли. Необходимо познакомить учащихся также и съ развитіемъ итальянскаго искусства въ эту эпоху.

При изученіи гуманизма во Франціи, Англіи, а особенно Германіи слѣдуетъ подвергнуть связь стремленій гуманистовъ съ вопросами о реформѣ церкви.

При изложеніи событій, предшествовавшихъ реформаціи, нужно указать на различіе между соборнымъ и евангелическимъ направленіемъ и дѣятельность соборовъ XV вѣка впослѣдствіи сопоставить съ дѣятельностью Тридентскаго собора.

Знакомя съ отдѣльными направленіями реформаціи, необходимо выяснить, по возможности отчетливо, основныя различія между этими направленіями и ихъ отношеніе къ католической церкви. Слѣдуетъ также подчеркнуть различіе между реформаціями правительственными и народными и связь реформы церкви съ политическими и соціальными движеніями.

Въ вопросѣ о католической реакціи должно характеризовать ее не только какъ реакцію противъ реформаціи, но и какъ возрожденіе и обновленіе католической церкви.

Въ отдѣлѣ третьемъ обратить особенное вниманіе на значеніе великихъ открытій въ экономической жизни Европы и остановиться на успѣхахъ денежнаго хозяйства и торговли, на возникновеніи крупной промышленности и на новой экономической политикѣ (меркантилизмѣ), тѣсно связанной съ колоніальными завоеваніями европейскихъ державъ.

Характеризуя абсолютизмъ, слѣдуетъ остановиться на системѣ Людовика XIV, какъ наиболѣе ярко представляющей отличительныя черты абсолютной монархіи.

Въ изученіи исторіи Англіи XVII в. необходимо подчеркнуть ненаціональность политики Стюартовъ, какъ главную причину пораженія ихъ въ борьбѣ съ парламентомъ, и выяснить учащимся значеніе петиціи о правахъ, Habeas corpus и билля о правахъ, какъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ англійской исторіи.

Въ главѣ о старомъ порядкѣ въ Западной Европѣ вниманіе учащихся должно останавливать на уцѣлѣвшихъ при немъ феодальныхъ пережиткахъ.

Изученіе эпохи просвѣщенія слѣдуетъ начать съ краткой характеристики научнаго движенія XVI—XVIII вв. и отмѣтить значеніе великихъ астрономическихъ открытій и успѣховъ естествознанія.

При объясненіи англійскаго просвѣщенія нужно познакомить учащихся съ деизмомъ и съ ученіемъ о естественномъ правѣ, а изъ политическихъ писателей остановиться на Гоббсѣ и Локкѣ.

Въ исторіи французскаго просвѣщенія необходимо дополнить свѣдѣнія, полученныя изъ предшествовавшаго курса ознакомленіемъ учащихся съ физіократами и энциклопедистами, подчеркнуть связь между идеями французскихъ и англійскихъ писателей и обратить особое вниманіе на политическія и соціальныя требованія французской просвѣтительной литературы.

Относительно просвѣтительнаго движенія въ Италіи и Германіи достаточно ограничиться его краткой характеристикой.

Не вдаваясь въ фактическія подробности, слѣдуетъ выяснить существо политики просвѣтительнаго абсолютизма, какъ попытки реформъ стараго порядка сверху.

Въ исторіи Англіи XVIII вѣка въ политическомъ отношеніи обратить вниманіе на актъ о престолонаслѣдіи и возникновеніе парламентскаго министерства, а въ ея экономической исторіи на ростъ колоніальнаго могущества и на промышленный переворотъ конца вѣка; съ промышленнымъ переворотомъ слѣдуетъ связать появленіе ученія о свободѣ торговли (Адамъ Смитъ и его послѣдователи) и указать на постепенное распространеніе экономическихъ формъ, возникшихъ въ Англіи, на всю остальную Европу.

При изученіи Франціи XVIII вѣка необходимо, съ одной стороны, указать на ростъ оппозиціоннаго настроенія французскаго общества, съ другой—на неудачныя попытки правительственной формы реформы второй половины XVIII в.

При характеристикѣ французской революціи слѣдуетъ подчеркнуть сущность ея политическихъ и соціальныхъ преобразованій и поставить ихъ въ связь съ внутренней политикой Наполеона.

При изложеніи вопроса о культурной реакціи начала XIX вѣка, необходимо указать на то, что она являлась не только попыткой вернуться назадъ, но во многихъ отношеніяхъ она исправляла ошибки и увлеченія писателей XVIII в.

Либеральныя теченія слѣдуетъ поставить въ связь съ національнымъ пробужденіемъ и обратить вниманіе какъ на національное движеніе въ Италіи и Германіи, такъ равномѣрно на національное движеніе среди славянъ. Въ связь съ этимъ движеніемъ нужно поставить распространеніе представительнаго строя въ Западной Европѣ.

Въ исторіи второй половины XIX вѣка должно обратить особенное вниманіе на быстрые экономическіе успѣхи европейскихъ государствъ, на необычайный ростъ промышленной техники, на распространеніе новыхъ путей сообщенія, на колоніальную политику, а въ связи съ этимъ на новый характеръ международныхъ отношеній.

Пособія для преподавателя.

1. Гельмольтъ, Всемірная исторія.

2. Карѣевъ Н., Исторія Западной Европы, т. I—VI (здѣсь указана библіографія по каждому отдѣлу).

3. (27-го августа 1914 года, № 40594). *Объ учащихся чешской національности.*

Въ дополненіе къ циркуляру отъ 23-го сего августа за № 40005, увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащихъ распоряженій, что учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго вамъ округа, принадлежащіе къ чешской національности и состоящіе въ иностранномъ подданствѣ, могутъ быть допускаемы къ посѣщенію уроковъ, пока родители ихъ не перейдутъ въ русское подданство.

4. (2-го сентября 1914 года, № 41082). *О пріемѣ учениковъ изъ заведеній, закрытыхъ въ связи съ военными событіями.*

Въ дополненіе къ циркуляру отъ 2-го минувшаго августа за № 37949, увѣдомляю ваше превосходительство для соотвѣтствующихъ распоряженій, что тѣ ученики приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, временно закрытыхъ въ связи съ военными событіями, которые зачислены въ этихъ заведеніяхъ кандидатами на поступленіе въ 1-ый классъ, должны быть безпрепятственно (согласно указаніямъ циркуляра отъ 14-го минувшаго августа за № 39156) принимаемы въ 1-ые классы соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній тѣхъ городовъ, гдѣ поселятся родители упомянутыхъ учениковъ.

5. (25-го сентября 1914 года, № 3717). *О сохраненіи должностей за призванными во французскія войска преподавателями гражданскихъ учебныхъ заведеній.*

Совѣтъ министровъ, особымъ журналомъ отъ 10-го сентября сего

года, о сохраненіи должностей за призванными во французскія войска преподавателями гражданскихъ учебныхъ заведеній Имперіи, положилъ:

Испросить Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на сохраненіе за призванными во французскія войска преподавателями въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ Имперіи должностей, которыя названныя лица занимали до призыва ихъ на дѣйствительную службу въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Государь Императоръ, въ 18 день сентября сего года, на журналѣ совѣта министровъ по этому дѣлу собственноручно начертать соизволилъ „Согласенъ".

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи сообщаю вашему превосходительству, для свѣдѣнія и руководства.

6. (29-го сентября 1914 года, № 45649). *О чтеніяхъ для учениковъ по славянству.*

Озабочиваясь въ виду настоящей войны ознакомленіемъ учащейся молодежи со славянскимъ вопросомъ, министерство народнаго просвѣщенія находило бы желательнымъ, чтобы для воспитанниковъ и воспитанницъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, особенно въ университетскихъ городахъ, гдѣ имѣются ученые спеціалисты по данному вопросу, былъ прочитанъ, по возможности, рядъ лекцій приблизительно на слѣдующія темы: 1) „Австрія и ея славянскіе народы", 2) „Червонная, Угорская Русь и Буковина", 3) „Восточный вопросъ въ исторіи Россіи", 4) „Борьба южныхъ славянъ за свободу (1805—1914 г.)" и 5) „Русскіе славянофилы".

Увѣдомляя объ этомъ ваше превосходительство для соотвѣтствующихъ распоряженій, о послѣдующемъ покорнѣйше прошу донести министерству.

7. (6-го октября 1914 года, № 46743). *О порядкѣ возмѣщенія авансовъ, выданныхъ по случаю выселенія изъ мѣстностей, которымъ угрожаетъ непріятель.*

Совѣтъ министровъ особымъ журналомъ 10-го сентября 1914 года о пособіяхъ на выѣздъ выселяемыхъ изъ угрожаемыхъ непріятелемъ мѣстностей безсемейныхъ служащихъ положилъ: выданные проживавшимъ безъ семействъ должностнымъ лицамъ правительственной службы, при выселеніи ихъ, по требованію надлежащихъ военныхъ властей,

изъ угрожаемыхъ непріятелемъ мѣстностей, авансы, въ размѣрѣ трехмѣсячнаго оклада содержанія, подлежатъ послѣдующему удержанію изъ присвоеннаго означеннымъ чинамъ содержанія ежемѣсячно, равными, въ теченіе года, частями, начиная съ октября текущаго года.

О таковомъ положеніи совѣта министровъ, Высочайше утвержденномъ въ 27-й день сентября сего года, увѣдомляю ваше превосходительство для руководства.

8. (6-го октября 1914 года, № 46745). *О сохраненіи стипендій за воспитанниками учительскихъ институтовъ и семинарій, поступившими въ военную службу.*

Увѣдомляю ваше превосходительство, для надлежащихъ распоряженій, что воспитанники учительскихъ институтовъ и семинарій, призванные на военную службу или поступившіе въ дѣйствующую армію охотниками, имѣютъ право на полученіе казенныхъ стипендій въ теченіе всего времени состоянія ихъ на военной службѣ.

9. (6-го октября 1914 года, № 46793). *О дѣтяхъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ.*

Совѣтъ министровъ особымъ журналомъ 13-го сентября сего года по вопросу о дѣтяхъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи, положилъ:

I. Пріемъ германскихъ и австровенгерскихъ подданныхъ въ учебныя заведенія всѣхъ наименованій и вѣдомствъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, пользующихся правами казенныхъ или получающихъ пособіе изъ средствъ государственнаго казначейства, прекратить.

II. Учащіеся въ упомянутыхъ въ отдѣлѣ I учебныхъ заведеніяхъ германскіе и австро-венгерскіе подданные подлежатъ освобожденію отъ посѣщенія ихъ, пока они будутъ числиться въ означенномъ подданствѣ.

III. Указанная въ отдѣлѣ II мѣра не распространяется на лицъ германскаго и австро-венгерскаго подданства, если родители ихъ или они сами заявили о желаніи перейти въ русское подданство.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство, для свѣдѣнія и руководства.

10. (7-го октября 1914 года, № 46970). *Объ испытаніяхъ по программѣ для вольноопредѣляющихся бывшаго второго разряда.*

Увѣдомляю ваше превосходительство для зависящихъ распоряженій,

что, въ виду послѣдовавшаго разрѣшенія на допущеніе къ пріемнымъ испытаніямъ въ 3-классныя военныя училища, для ускоренной подготовки къ офицерскому званію, вольноопредѣляющихся бывшаго второго разряда, а равно молодыхъ людей съ соотвѣтствующимъ образованіемъ, я разрѣшаю производить и впредь при учебныхъ заведеніяхъ министерства испытанія по программѣ, установленной для вольноопредѣляющихся бывшаго второго разряда, а равно выдавать воспитанникамъ, выбывающимъ изъ учебныхъ заведеній до окончанія курса, аттестаты, удостовѣряющіе усвоеніе обладателями ихъ познаній, кои требуются помянутыми программами, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это производилось до воспослѣдованія закона 23-го іюня 1912 года объ измѣненіи устава о воинской повинности.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Васильевъ, А. А.* Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 219. Цѣна 60 коп., въ перепл. 70 коп.“ (для IV класса мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Hesse, E.* Deutsche Sprachlehre mit Übungsstoffen in vier konzentrischen Kreisen. Verlag von K. L. Ricker. 1. Heft. 8-e umgearbeitete Auflage. St.-Pbg. 1914. Стр. 38. Цѣна 25 коп. — 2. Heft. 6-te Auflage. St.-Pbg. 1913. Стр. 32. Цѣна 25 коп.—3. Heft. 5-te Auflage. St.-Pbg. 1913. Стр. 64. Цѣна 40 коп. — 4. Heft. 4-te umgearbeitete Auflage. St.-Pbg. 1914. Стр. 46. Цѣна 35 коп.“ (для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе нѣмецкаго языка ведется на нѣмецкомъ же языкѣ).

— „*Гололобовъ, К. И.* Законовѣдѣніе. Изданіе 2-е. Саратовъ. 1914. Стр. II + 233 + VI. Цѣна не обозначена.“

— „*Ивановъ, Г. И.* Начальный курсъ географіи. Часть 3-я. Европа. Изданіе 4-е, исправленное, Г. И. Иванова. С.-Пб. 1914. Стр. II+170+6 картъ. Цѣна 75 коп.“

— „*Ивановъ, К. А.* Исторія древняго міра. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1914. Стр. 239. Цѣна 80 коп.“ (для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій).

— „*Ивановъ, К. А.* Исторія среднихъ вѣковъ (курсъ систематическій). Изданіе 11-е. С.-Пб. 1913. Стр. 200. Цѣна 80 коп.“ (для мужскихъ гимназій).

— „*Ивановъ, К. А.* Сокращенный курсъ исторіи древняго міра. Изданіе 8-е. С.-Пб. 1914. Стр. 164. Цѣна 60 коп.“ (для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій).

— „*Ивановъ, К. А.* Сокращенный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Изданіе 6-е. С.-Пб. 1913. Стр. 140. Цѣна 60 коп.“ (для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій).

— „*Индриксонъ, Ф. Н.* Учебникъ физики. Выпускъ I. Введеніе. Краткія свѣдѣнія изъ химіи. Ученіе о жидкостяхъ и газахъ. Ученіе о силахъ. 2-е исправл. изданіе. С.-Пб. 1914. Стр. IV + 179. Цѣна 75 коп.“

— *Косоноговъ, І. І.* Концентрическій учебникъ физики. 4-е изданіе, т-ва «В. В. Думновъ, насл. бр. Салаевыхъ». М. 1914. Стр. XVI+512. Цѣна 2 р. 40 коп.“

— „*Лебедевъ, Е. А.* Учебная книга географіи. Россійская Имперія. 29-е изданіе, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1915. Стр. 203. Цѣна 1 р.“

— „*Полянскій, И. И.* О трехъ царствахъ природы. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1914. Стр. 424. Цѣна 1 р. 45 коп. въ перепл.“ (для младшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и для женскихъ гимназій).

— „*Пясецкій, Л. Я.* Учебникъ ариѳметики. Часть II. Дроби. Изданіе 7-е, Я. Башмакова и К°. С.-Пб. 1914. Стр. 76. Цѣна 25 коп.“

— „*Сиповскій, В. В.* Сокращенный курсъ исторіи русской словесности. Изданіе Я. Башмакова и К°. С.-Пб. 1913. Часть 1-я. Народная словесность. — Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в. Изданіе 3-е. Стр. VII + 203. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 10 коп. — Часть 2-я. Исторія новой русской литературы (съ начала XVIII-го в. до Пушкина включ.). Изданіе 2-е. Стр. XI + 212. Цѣна въ перепл. 1 р.“

— „*Слетовъ, Н. П.* Прямолинейная тригонометрія. 2-е исправленное изданіе, книгоизд-ва «Сотрудникъ». Петербургъ-Кіевъ 1914. Стр. IV+178. Цѣна 80 коп.“.

— „*Смирновскій, П.* Приготовительный курсъ русской грамма-

тики. Изданіе 12-е, А. С. Панафидиной. М. 1914. Стр. VI+64. Цѣна въ переплетѣ 25 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „*Смирновскій, П.* Учебникъ русской грамматики. Часть II. Элементарный синтаксисъ. Изданіе 19-е, А. С. Панафидиной. М. 1914. Стр. X + 130. Цѣна въ переплетѣ 55 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Смирновъ, Петръ.* Изложеніе христіанской православной вѣры. Изданіе 25-е. С.-Пб. 1914. Стр. 272. Цѣна 75 коп.“ (для VII класса мужскихъ гимназій).

— „*Соколовъ, Б. Е.* Грамматика русскаго языка. Этимологія. Изданіе Я. Башмакова и К°. С.-Пб. 1914. Стр. 5 + 112. Цѣна въ переплетѣ 40 коп.“

— „*Челпановъ, Г.* Учебникъ психологіи. (Элементарный курсъ философіи. Ч. 1-я. Психологія). 12-е изданіе, т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. и С.-Пб. 1915. Стр. VIII + 224. Цѣна 1 р.“

— „*Шалыгинъ, А.* Учебный курсъ исторіи русской литературы (отъ Петра Великаго до смерти Пушкина) и хрестоматія. Петроградъ. 1915. Стр. XV+332+247. Цѣна 1 р. 80 коп.“

— „*Эрдель, Н. К.* Краткая грамматика нѣмецкаго языка. (Этимологія). 3-е изданіе. С.-Пб. 1913. Стр. 48. Цѣна 20 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Арбузовъ, В., А. Мининъ, В. Мининъ, Д. Назаровъ.* Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Изданіе 18-е, т-ва «В. В. Думновъ—Насл. бр. Салаевыхъ». М. и С.-Пб. Стр. IV+272. Цѣна 60 коп.“

— „*Витоль, І.* Родные звуки. Классное пособіе при обученіи пѣнію. 4-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1913. Стр. 56. Цѣна 20 коп.“

— „*Георгіевскій, М. А.* Древне-классическія реаліи. Справочная книга и повторительный курсъ. Изданіе С. А. Манштейна, 4-е, пересмотрѣнное *А. І. Малеинымъ.* С.-Пб. 1914. Часть I: Текстъ. Стр. XII+121.—Часть II: Рисунки. Стр. 92. Цѣна за обѣ части въ переплетѣ 1 р.“ (для мужскихъ гимназій и прогимназій).

— „*Грековъ, Ѳ. В.* Алфавитъ заглавныхъ нѣмецкихъ буквъ. (Таблица). Изданіе 2-е. М. 1914. Цѣна 20 коп. — Алфавитъ строчныхъ нѣмецкихъ буквъ. (Таблица). Изданіе 2-е. М. 1914. Цѣна 10 коп.“

(въ качествѣ классныхъ пособій, также для тѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается нѣмецкій языкъ).

— „*Ефименко, А. Я.* Элементарный учебникъ русской исторіи. Курсъ эпизодическій. Изданіе 4-е, исправленное, Я. Башмакова и К°. Петроградъ. 1914. Стр. VIII+200. Цѣна въ переплетѣ 90 коп.“ (для младшихъ классовъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также, въ качествѣ руководства, для III класса женскихъ гимназій).

— „*Saure, H.* Erzählungen nach Dramen deutscher Klassiker. Erklärt und mit Wörterbüchern versehen von *N. Oerdel.* (Изъ области нѣмецкой словесности). 1. Teil. (Band № 3). 3-е изданіе. С.-Пб. 1913. Стр. VIII+134.—2. Teil. (Band № 4). 2-е изданіе. С.-Пб. 1914. Стр. XII+126. Цѣна каждой части 60 коп. въ переплетѣ.“

— „*Карскій, Е. Ѳ.* Учебникъ по русскому языку для IV класса среднихъ учебныхъ заведеній. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. 17-е изданіе. Варшава. 1915. Стр. 4+96. Цѣна 55 коп.“

— „*Кондратьевъ, В.* Систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть I. Изданіе Я. Башмакова и К°. Петроградъ. 1914. Стр. 238. Цѣна 65 коп.“ (для гимназій).

— „*Конофъ, Е.* Руководство для начальнаго обученія французскому языку по естественному методу. 16-е изданіе. М. 1914. Стр. 126. Цѣна 70 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „*Конофъ, Е.* Руководство для обученія французскому языку по естественному методу. Книга 2-я. 8-е изданіе. М. 1913. Стр. 226. Цѣна 90 коп.“

— „*Конради, П.* Нѣмецкая хрестоматія. Изданіе К. Г. Зихмана. I часть. 2-ое изданіе. Рига. 1912. Стр. 346. Цѣна 90 коп.—II часть. 3-е изданіе. Рига. 1914. Стр. 499. Цѣна 1 р. 20 коп.“ (для среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ нѣмецкій языкъ преподается на нѣмецкомъ же языкѣ).

— „*Кульбакинъ, С. М.* Учебникъ по русскому языку. Изданіе 2-е, измѣненное и исправленное, кн. маг. Дредеръ. Харьковъ. 1914. Стр. VIII+96+X+1 карта. Цѣна 60 коп.“ (для VIII-го класса женскихъ гимназій и, сверхъ того, въ качествѣ необязательнаго пособія, для другихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Кутузовъ, Н. Е.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. 2-е переработ. изданіе, «Сотрудникъ школъ». М. 1914. Стр. 71. Цѣна 20 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „*Люцельшвабъ, В. И.* La France. Хрестоматія литературная,

историческая и географическая. 3-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1910. Стр. XII+484. Цѣна въ переплетѣ: 1 р. 50 коп.—Vocabulaire-commentaire. 2-e édition. Riga. 1909. 160 pages. Prix broché: 50 cop.“

— „*Ляминъ, А. А.* Методическій сборникъ задачъ прямолинейной тригонометріи. Изданіе 2-е, А. С. Панафидиной. М. 1914. Стр. 130+1 таблица. Цѣна 75 коп.“

— „*Мельгуновъ, П.* Первые уроки исторіи. (Изъ бесѣдъ съ учениками). Древній Востокъ. Изданіе 10-е, «Задруга». М. 1914. Стр. XI+328. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для II класса мужскихъ гимназій и прогимназій).

— „*Неслуховскій, К. Ф.* Главные виды земной поверхности. Таблица. Изданіе Л. И. Стасюлевичъ. Цѣна 1 р.“ (въ качествѣ класснаго пособія, также для высшихъ начальныхъ училищъ, при условіи пониженія нынѣ же продажной цѣны до 60 коп.).

— „*Петрученко, О.* Латинско-русскій словарь. Изданіе 9-е, испр., т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1914. Стр. VI+810. Цѣна 2 р. 50 коп.“

— „*Покровскій, Н.* Какъ росло и строилось Русское государство. Разсказы изъ русской исторіи. Изданіе М. Д. Наумова. М. 1914. Часть I. До воцаренія дома Романовыхъ. Изданіе 7-е, перераб. Стр. VI+136+2 карты.—Часть II. Царствованіе дома Романовыхъ. Изданіе 6-е, перераб. Стр. 140+1 карта. Цѣна каждой части 60 коп., въ перепл. 75 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Пономаревъ, Р. Д.* Сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. 7-е изданіе, т. д. Думновъ, Клочковъ, Луковниковъ и К°. М. 1913. Стр. 217. Цѣна 1 р.“

— „*Raabe, Wilhelm.* Die schwarze Galeere. Bearbeitet und mit einem Wörterbuch versehen von *Ernst von Pezold.* (Jugendlektüre. Herausgegeben vom St.-Petersburger Verein zur Förderung des neusprachlichen Unterrichts. № 4). С.-Пб. 1914. Стр. XII+80. Цѣна 50 коп.“ (для среднихъ классовъ).

— „*Сиповскій, В. В.* Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Изданіе Я. Башмакова и К°. Т. I, вып. 1-й: народная словесность. Изданіе 8-е. С.-Пб. 1914. Стр. VII+252. Цѣна въ перепл. 1 р.—Т. I, вып. 2-й: русская литература съ XI до XVIII в. Изданіе 8-е. С.-Пб. 1914. Стр. VIII+268. Цѣна въ перепл. 1 р.—Т. I, вып. 3-й: русская литература XVIII вѣка. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1914. Стр. VIII+224. Цѣна въ перепл. 80 коп. — Т. II, вып. 1-й: русская литература XVIII—XIX вв. Сентиментальное и народниче-

ское направленіе въ XVIII—XIX вв. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1914. Стр. II+191. Цѣна въ перепл. 75 коп. — Т. II, вып. 2-й: русская литература, начало XIX в. Романтическое направленіе XIX в. Изданіе 4-е. С.-Пб. 1914. Стр. VIII+189. Цѣна въ перепл. 75 коп. — Т. II, вып. 3-й: русская литература начала XIX в. Классическое, реалистическое и народническое направленіе XIX в. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1913. Стр. V+129. Цѣна въ перепл. 60 коп. — Т. II, вып. 4-й: русская литература 20—30-ыхъ годовъ XIX вѣка. Пушкинъ и Гоголь. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1912. Стр. VI+442. Цѣна въ перепл. 1 р. 50 коп.— Т. II, вып. 5-й: русская литература 30—40-ыхъ годовъ XIX вѣка. Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1913. Стр. VI+386. Цѣна въ перепл. 1 р. 40 коп.“

— „*Сиповскій, В. Д.* Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. Изданіе 6-е, Я. Башмакова и К°. С.-Пб. 1914. Стр. 188. Цѣна въ переплетѣ 1 р.“ (для мужскихъ гимназій и прогимназій).

— „*Смирновскій, П.* Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Часть 1-я. Древній и средній періоды. Изданіе 16-е, А. С. Панафидиной. М. 1914. Стр. 4 + 386 + 2. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 40 коп.“

— „*Смирновскій, П.* Русская хрестоматія. Часть 2-я. Для 3-го и 4-го класса. Изданіе 19-е, А. С. Панафидиной. М. 1914. Стр. 466+V+VII. Цѣна въ переплетѣ 1 р.“

— „*Стебловъ, А.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Изданіе 12-е, исправленное. С.-Пб. 1914. Стр. X+262. Цѣна 70 коп.“

— „*Timiriasieff, H.* Précis historique de la littérature française. Изданіе Н. П. Карбасникова. С.-Пб. 1914. Стр. VIII+270. Цѣна 1 р. 10 коп.“ (для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій).

— „*Торнау, Н. Н.* Учебный атласъ по русской исторіи. 12-е изданіе, исправленное и дополненное. Петроградъ. 1914. Стр. 6+IX листовъ картъ. Цѣна въ папкѣ 75 коп.“ (также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Торнау, Н. Н.* Учебный историческій атласъ. Часть I. Древняя исторія. 15-е изданіе. Петроградъ. 1914. Стр. 15+V листовъ картъ. Цѣна въ папкѣ 60 коп.“

— „*Тумасовъ, В.* Сборникъ задачъ и вопросовъ по физикѣ. 4-е изданіе. Кіевъ. 1914. Стр. VIII+290. Цѣна 90 коп.“

— „*фонъ-Фриде, Е. Н.* Историческій атласъ. 2-я серія: карты по средневѣковой исторіи съ приложеніемъ «Обозрѣнія всеобщей исторіи. Выпускъ II. Исторія среднихъ вѣковъ». С.-Пб. 1913. Стр. 53+

VIII картъ. Цѣна 60 коп.—3-я серія и выпускъ III. С.-Пб. 1914. Стр. 42+VIII картъ. Цѣна 60 коп."

— „*Эрдель, Н. К.* Новый учебникъ нѣмецкаго языка. Часть I. 6-е изданіе. С.-Пб. 1914. Стр. IX+166.—Часть II. 3-е изданіе. С.-Пб. 1913. Стр. 176. Цѣна каждой части въ переплетѣ 1 р."

— „*Эрдель, Н.* Разсказы новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей. (Band № 2). 3-е изданіе. С.-Пб. 1912. Стр. 111. Цѣна 50 коп. въ перепл." (для старшихъ классовъ).

— „*Эрдель, Н. К.* Разсказы новѣйшихъ нѣмецкихъ писательницъ. (Band № 1). 2-ое изданіе. С.-Пб. 1909. Стр. 120. Цѣна 60 коп. въ переплетѣ." (для старшихъ и среднихъ классовъ).

— „*Эрдель, Н.* Сборникъ нѣмецкихъ стихотвореній. (Band № 5). 2-е изданіе. С.-Пб. 1911. Стр. IV+210+4. Цѣна 80 коп." (въ качествѣ необязательнаго пособія).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Баллодъ, Э.* Краткая нѣмецкая грамматика съ грамматическими упражненіями. 3-е, исправленное изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1912. Стр. 192. Цѣна 80 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Волощукъ, Іоаннъ Павловичъ.* Старообрядческій учебникъ по Закону Божію. Часть 3-я. Новый завѣтъ. С.-Пб. 1910. Стр. 93. Цѣна 20 коп." (для младшихъ классовъ при преподаваніи Закона Божія дѣтямъ старообрядцевъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ учебникъ былъ подвергнутъ тщательному пересмотру и исправленію какъ въ изложеніи, такъ и въ содержаніи).

— „*Запорожцевъ, С. К.* Руководство по естествовѣдѣнію. С.-Пб. 1914. Стр. IV+361. Цѣна 1 р. 70 коп." (для женскихъ гимназій, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Ляминъ, А. А.* Прямолинейная тригонометрія. Изданіе 2-е, А. С. Панафидиной. М. 1914. Стр. 120. Цѣна 60 коп."

— „*Михайловскій, М. М.* Начальное руководство къ изученію латинскаго языка. Грамматика и хрестоматія. 10-е изданіе. С.-Пб. 1912. Стр. 311. Цѣна 1 р." (съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было подвергнуто тщательному пересмотру и исправленію).

— „*Огольвецъ, Владиміръ.* Грамматика русскаго языка. Ч. I.— Этимологія. Книгоизд-ство «Сотрудникъ». Петербургъ-Кіевъ. 1914. Стр. VIII+128. Цѣна 40 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было тщательно исправлено согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

— „*Петровъ, Конст. Өеодор.* Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. (Съ приложеніемъ словаря). 27-е изданіе. М. 1915. Стр. 144. Цѣна 40 коп.—Синтаксисъ въ образцахъ. (Съ приложеніемъ статьи о періодахъ). 26-е изданіе. М. 1914. Стр. 152. Цѣна 40 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующихъ изданіяхъ были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Старообрядческій учебникъ по Закону Божію. Часть II. Ветхій Завѣтъ. Составили старообрядческіе священники Св.-Никольской церкви. М. 1909. Стр. 80. Цѣна 20 коп.“ (для младшихъ классовъ при преподаваніи Закона Божія дѣтямъ старообрядцевъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ учебникъ былъ подвергнутъ тщательному пересмотру и исправленію какъ въ изложеніи, такъ и въ содержаніи).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Абраменко, Ө.* Наглядный курсъ правописанія въ рукописи. Изданіе 5-е, т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. и С.-Пб. 1914. Стр. 141. Цѣна 45 коп.“ (также для высшихъ начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было исправлено согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

— „*Вагнеръ, Ф. Г.* Нѣмецкій букварь. 13-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1914. Стр. 88. Цѣна 20 коп.“ (для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, а равно и для другихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ примѣняется наглядный методъ при первоначальномъ обученіи нѣмецкому языку, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Кобелева, Е. Н.* Сборникъ задачъ по геометріи (планиметрія). Книгоизд-ство «Сотрудникъ». Петербургъ-Кіевъ. 1914. Стр. 4+74. Цѣна 40 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было исправлено согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

— *Сумскій, В.* Элементарный курсъ отечественной исторіи. Изда-

ніе т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. 1914. Стр. 167. Цѣна 60 коп." (для младшихъ классовъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Борисовъ, В. А.* Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій. Его жизнь и дѣятельность (род. 8 сентября 1705—† 10 декабря 1754 г.). Изданіе М. С. Елова. Сергіевъ Посадъ. 1912. Стр. XV+227+32. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „*Зайдманъ, Моисей.* Ѳ. М. Достоевскій въ западной литературѣ. (Характеристика творчества и личности писателя въ западной критической и научной литературѣ). Одесса. 1911. Стр. 127. Цѣна 1 р." (для старшаго возраста).

— „*Леоновъ, М.* Собиратель жуковъ. Съ предисловіемъ *М. Л. Песковскаго.* Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. VI+62+VII. Цѣна 90 коп."

— „*Лукешъ, А.* Гимнастическій боксъ. Руководство для веденія общихъ упражненій. Изданіе 3-е, исправл. Тифлисъ. 1914. Стр. III + 96. Цѣна 60 коп." (для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Лукешъ, Ант. Іос.* Учебное руководство гимнастическихъ упражненій на перекладинѣ (турникѣ) по сокольской системѣ. Изданіе 2-е исправленное. Тифлисъ. 1914. Стр. VI+XVI+204. Цѣна 1 р. 30 коп." (для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Мекензи, В. Лесли.* Здоровье и болѣзнь. Переводъ *С. Займовскаго.* Подъ ред. *Л. А. Тарасевича.* Изд-во «Природа». М. 1913. Стр. 152+1. Цѣна 60 коп." (для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Олькоттъ, Луиза М.* Маленькія женщины. Повѣсть. Переводъ съ англійскаго *Н. Н. Плисскаго.* Изданіе 2-е, А. С. Панафидиной. М. 1914. Стр. 365. Цѣна 1 р."

— „Опытъ методики обученія трезвости въ начальной школѣ. Ст. Сергіевская пустынь. 1913. Стр. 56. Цѣна 30 коп." (для учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Орлова, О. П.* Луи Пастеръ. Его жизнь и труды. Подъ ред. и съ предисловіемъ *С. Г. Крапивина.* М. 1913. Стр. 179. Цѣна

75 коп.“ (для старшихъ классовъ, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Поселянинъ, Е.* Отъ сердца къ сердцу. Изъ тайнъ душевной жизни мірянина. Изданіе И. Л. Тузова. С.-Пб. 1914. Стр. 581+2. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Пѣтуховъ, Е.* М. Ю. Лермонтовъ. Очеркъ его жизни и поэтической дѣятельности. Книгоизд-ство Ф. И. Трескиной. Рига. 1914. Стр. 40. Цѣна 20 коп.“

— „*Сиповскій, В. Д.* Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. Изданіе 6-е, Я. Башмакова и К°. С.-Пб. 1914. Стр. 188. Цѣна въ переплетѣ 1 р.“

— „*Снарскій, А.* Курсъ гигіены. Часть I-я. Тифлисъ. 1913. Стр. III+129. Цѣна 55 коп.—Часть II-я. Тифлисъ. 1914. Стр. 145. Цѣна 60 коп.“ (для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Стасюлевичъ, М.* Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. I. Періодъ 1-й: Отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго. 476—771 г. 4-е изданіе. С.-Пб. 1913. Стр. XXVIII+624+1 карта. Цѣна 2 р.—II. Періодъ 2-ой: Отъ Карла Великаго до Крестовыхъ походовъ. 768—1096 г. 3-е изданіе. С.-Пб. 1906. Стр. VII+910+2 табл. + 1 карта. Цѣна 3 р. съ пересылкою.—III. Періодъ 3-ій: Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки. 1096—1492 г. Часть 1-я: Эпоха крестовыхъ походовъ. XII и XIII ст. Отдѣлъ I: Крестовые походы. 1096—1291 г. 3-е изданіе. С.-Пб. 1907. Стр. VIII+779+1 табл. + 2 карты. Цѣна 3 р. съ пересылкою.“

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Пѣтуховъ, Е. В.* Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Новый періодъ. I. Послѣ Петра Великаго.—II. Елизаветинское время. Юрьевъ. 1914. Стр. 168. Цѣна 1 р.“—признать заслуживающей рекомендаціи особымъ циркуляромъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія: 1) „*Флоринскій, Т. Д.* Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. Кіевъ. 1907. Стр. X+190+2+2 карты. Цѣна 2 р. 50 коп. — 2) *Его же.* Этно-

графическая карта западнаго славянства и западной Руси. Кіевъ. 1911.—Приложеніе. (Объясненія, источники и пособія. Статистическія данныя. Поправки). Кіевъ. 1911. Стр. 27. Цѣна карты съ прилож. 2 р."—признать заслуживающими рекомендованія особымъ циркуляромъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Андреевъ, Е.*, и *К. Степановъ.* Краткій учебникъ географіи Россіи. 6-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1914. Стр. 84. Цѣна 20 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ Рижскаго учебнаго округа).

— „*Арбузовъ, В., А. Мининъ, В. Мининъ, Д. Назаровъ.* Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Изданіе 18-е, т-ва «В. В. Думновъ—Насл. бр. Салаевыхъ». М. и С.-Пб. 1914. Стр. IV+272. Цѣна 60 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Витоль, I.* Родные звуки. Классное пособіе при обученіи пѣнію. 4-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1913. Стр. 56. Цѣна 20 коп."

— „*Гальпернъ, Ф.* Пройздойръ ласафрутъ. Христоматія для учащ. средн. возраста. Вильна. 1914. Стр. VIII+430. Цѣна 1 р. 50 коп." (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Harder, P.* Praktischer Kursus der deutschen Rechtschreibung in 2 Heften für deutsche Volksschulen in Russland. 4-te Auflage. Verlagsgesellschaft «Raduga». Halbstadt. 1912. Heft 1. Стр. 56. Цѣна 15 коп.—Heft 2. Стр. 52. Цѣна 15 коп." (для начальныхъ училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Дависъ, И.* Родной міръ. Книга для обученія русскому языку.

Часть 1-я. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. 15-е переработанное изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1914. Стр. 103. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, въ коихъ обучаются дѣти инородцевъ).

— „*Доброхотовъ, Н.* Сборникъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ русскихъ писателей. Въ пяти выпускахъ. Пермь. 1914. Предисловіе. Стр. VII. — 1. Первый классъ. Стр. 41. — 2. Второй классъ. Стр. 40.—3. Третій классъ. Стр. 43.—4. Четвертый классъ. Стр. 40.—5. Пятый классъ. Стр. 61. Цѣна каждаго выпуска 8 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ, въ видѣ необязательнаго пособія при изученіи словесности).

— „*Добрынинъ, К. И.* Первые уроки по русской исторіи. Изданіе 4-е. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1914. Стр. 125 + 1. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.“

— „*Ковалевскій, С.* Начальная физика. Изданіе 9-е, пересмотрѣнное *М. В. Ивановымъ.* С.-Пб. 1914. Стр. 202. Цѣна 65 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Кузнецовъ, А. В.* Краткій курсъ географіи Россіи. Подъ ред. *А. В. Вильева.* 6-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1914. Стр. 95. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ Рижскаго учебнаго округа).

— „*Левинъ, М.* Краткій учебникъ естествознанія. Изданіе 9-е, кн. маг. «Образованіе». Одесса. 1914. Стр. 236. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 90 коп.—Изданіе 10-е. Одесса. 1914. Стр. 236. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 90 коп.“ (для 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Мюльманъ, Р.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ. Изданіе К. Г. Зихмана. Часть I. Числа первой тысячи. 6-ое изданіе. Рига. 1912. Стр. 104. Цѣна 15 коп.—Часть II. Числа любой величины. Составныя именованныя числа. Простѣйшія дроби. 4-е изданіе. Рига. 1914. Стр. 80. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Стебловъ, А.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Изданіе 12-е, исправленное. С.-Пб. 1914. Стр. X+262. Цѣна 70 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Ступель, А.,* и *Е. Гловъ.* Краткій курсъ географіи Россіи со свѣдѣніями изъ математической, физической и всеобщей географіи. 18-е испр. изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1913. Стр. 142. Цѣна 40 коп.“

— „*Тарапыгинъ, Ѳ. А.* Родные завѣты. Хрестоматія. Редакція

Ѳ. А. Витберга. С.-Пб. 1914. II-я часть. Изданіе 2-е. Стр. V+221+VIII. Цѣна 45 коп.—III-я часть. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Стр. III+361+XI. Цѣна 60 коп."

— „*Тихомировъ, Д. И.* Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій. Изданіе 45-е. М. 1914. Стр. 176. Цѣна 30 коп."

— „*Чельцовъ, Григорій.* Объясненіе символа вѣры, молитвъ и заповѣдей, съ подготовительными къ нему разсказами изъ священной исторіи и съ краткимъ ученіемъ о богослуженіи православной церкви. Изданіе 43-е. С.-Пб. 1914. Стр. VI+206+2 карты. Цѣна 20 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Schlimbachs* Fibel. Bearbeitet von *Ernst Linde.* Verlagsgesellschaft «Raduga». Halbstadt. 1914. 81 S. Preis 30 Kop." (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе нѣмецкаго языка ведется на семъ же языкѣ).

— „*Ярошевская, М. П.* Первоначальная географія съ картинами. (Изданіе 10-е, дополненное). М. 1914. Стр. III+192. Цѣна 65 коп."

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Лукешъ, А.* Гимнастическій боксъ. Руководство для веденія общихъ упражненій. Изданіе 3-е исправл. Тифлисъ. 1914. Стр. III+96. Цѣна 60 коп."

— „*Лукешъ, Ант. Іос.* Учебное руководство гимнастическихъ упражненій на перекладинѣ (турникѣ) по сокольской системѣ. Изданіе 2-е, исправленное. Тифлисъ. 1914. Стр. VI+XVI+204. Цѣна 1 р. 30 коп."

— „*Мекензи, В. Лесли.* Здоровье и болѣзнь. Переводъ *С. Займовскаго.* Подъ ред. *Л. А. Тарасевича.* Изд-во «Природа». М. 1913. Стр. 152+I. Цѣна 60 коп."

— „*Орлова, О. П.* Луи Пастеръ. Его жизнь и труды. Подъ ред. и съ предисловіемъ *С. Г. Крапивина.* М. 1913. Стр. 179. Цѣна 75 коп."

— „*Поповъ, Г.* Бесѣды по общей дидактикѣ. (Педагогическая психологія, вып. I). Изданіе 2-е, существенно измѣненное и исправленное. Кіевъ. 1914. Стр. 192. Цѣна 1 р."

— „*Снарскій, А.* Курсъ гигіены. Часть I-я. Тифлисъ. 1913. Стр. III+129. Цѣна 55 коп.—Часть II-я. Тифлисъ. 1914. Стр. 145. Цѣна 60 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Тихомировъ, Д. И.* Книга для церковнославянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Часть I-я. Изданіе 8-е. М. 1914. Стр. VIII+263. Цѣна 1 р.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аксаковъ, С. Т.* Изъ семейной хроники. Воспоминанія. Въ сокращеніи для семьи и школы, подъ ред. *Е. Н. Тихомировой.* 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 159. Цѣна 25 коп.“

— „*Алтаевъ, Ал.* Великій день черныхъ рабовъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

— „*Алтаевъ, А.* Въ дебряхъ Мордвы. Дѣтство патріарха Никона. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 63. Цѣна 20 коп.“

— „*Алтаевъ, Ал.* Въ татарской неволѣ. Историческій разсказъ изъ временъ нашествія Батыя. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 96. Цѣна 30 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Алтаевъ, А.* Отъ земли. Повѣсть для дѣтей. 5-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 176. Цѣна 50 коп.“

— „*де-Амичисъ, Э.* Простые люди. Разсказы для дѣтей. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 40. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Андреевъ, Н.* Богатырь русской земли. Разсказъ изъ временъ татарскаго ига. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. (Историческая библіотека). М. 1915. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Антоновъ, П.* Въ подземномъ царствѣ. Разсказъ. (Въ школѣ и дома. № 19). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Арабскія сказки. Алладинъ и волшебная лампа. Абу-Магометъ, лѣнтяй. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. (Библіотека сказокъ). М. 1915. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“

— „*Барановъ, Евгеній.* Иналукъ и лѣсная волшебница. Сказка сѣверокавказскихъ татаръ. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1914. Стр. 36. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 35 коп.“

— „*Барановъ, Евгеній.* Сказки терскихъ казаковъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 229. Цѣна 85 коп., въ папкѣ 1 р.“

— „*Булгаковъ, П.* Святые старцы. Сказаніе о жизни свв. Савватія и Зосимы. (Въ школѣ и дома. № 9). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 40. Цѣна 12 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Бѣлоусовъ, Ив.* Родной уголокъ. Разсказы и стихотворенія. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 56. Цѣна 20 коп.“

— „*Варбургъ, Г.* Какъ устроить террарiумъ. Практическое руководство къ устройству террарiума и уходу за его обитателями. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. (Библіотека полезныхъ знаній. 24). С.-Пб. и М. 1914. Стр. 23. Цѣна 15 коп.“

— „*Висковатовъ, П.* Василій Тимофеевичъ Ермакъ, покоритель Сибири. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 40. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ и 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Висковатовъ, П.* За Становымъ хребтомъ. Разсказъ. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 12 коп.“

— „*Висковатовъ, П.* На Шилку. Разсказъ. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Висковатовъ, П.* По слѣдамъ Ермака. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 24. Цѣна 10 коп.“ (для высшихъ начальныхъ и 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „Второй сборникъ стихотвореній. Разсказы духовно-нравственнаго содержанія. Изданіе 2-е, Постоянной коммисіи народныхъ чтеній. № 223. С.-Пб. 1914. Стр. 104. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ и 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „Газетка для дѣтей и юношества. Редакторъ-издательница *А. С. Панафидина.* Москва. Подписная цѣна на годъ 3 р. 50 коп., на 6 мѣс. 2 р. съ доставкой и пересылкой.“ (для высшихъ начальныхъ и 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ, по предварительной подпискѣ).

— „*Голова, Е.* Петина просьба. Разсказъ для дѣтей. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Голова, Е.* Подруги. Разсказы для дѣтей. Изданіе 4-е М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 64. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.“

— „*Доброхотовъ, Н.* Сборникъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ русскихъ писателей. Въ пяти выпускахъ. Пермь. 1914. Предисловіе. Стр. VII.—1. Первый классъ. Стр. 41.—2. Второй классъ. Стр. 40.—3. Третій классъ. Стр. 43.—4. Четвертый классъ.

Стр. 40.—5. Пятый классъ. Стр. 61. Цѣна каждаго выпуска 8 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Догановичъ, Анна.* Отзывчивыя сердца. Разсказы для дѣтей. Изданіе 5-е М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 80. Цѣна 45 коп., въ папкѣ 60 коп."

— „*Додэ, А.* Былое. Разсказы. Переводъ съ французскаго. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 48. Цѣна 15 коп."

— „*Жуковскій, В. А.* Сочиненія. Книжка 1-я. Сказки, басни и загадки. 3-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 62. Цѣна 10 коп."

— „*Зандъ, Жоржъ.* Великанъ Іеусъ. Сказка въ пересказѣ *Е. Н. Тихомировой.* 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Заринъ, А. Е.* Половецкій набѣгъ. Разсказъ изъ русской исторіи XI вѣка. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 12 коп."

— „*Заринъ, А.* Царицынъ подарокъ. Разсказъ изъ жизни Императрицы Екатерины II. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 15 коп." (для высшихъ начальныхъ и 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Казанскій, П. И.* Житіе и чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго. Изданіе М. С. Елова. Сергіевъ Посадъ. 1913. Стр. 104+1 листъ рисунковъ. Цѣна 30 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Карась, Я.* Приключенія въ странѣ большихъ обезьянъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 272+III. Цѣна 1 р."

— „*Коринфскій, Аполлонъ.* Пасха царя Алексѣя. Историческій разсказъ. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „Краткія свѣдѣнія изъ исторіи Донского казачества и біографіи донскихъ героевъ. Изданіе Н. И. Задорожняго. Станица Константиновская. 1914. Стр. 34. Цѣна 10 коп."

— „*Леоновъ, М.* Собиратель жуковъ. Съ предисловіемъ *М. Л. Песковскаго.* Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. VI+62+VII. Цѣна 90 коп."

— „*Лермонтовъ, М. Ю.* Казачья колыбельная пѣсня. Стихотвореніе. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 16. Цѣна 50 коп."

— „*Лермонтовъ, М. Ю.* Стихотворенія, избранныя *Д. И. Тихо-*

мировымъ. 3-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дѣтская библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 94. Цѣна 15 коп."

— „*Лондонъ, Джекъ*. Дикая сила. Съ англійскаго *Р. Рубиновой*. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 126. Цѣна 40 коп."

— „*Любичъ-Кошуровъ, I. А*. Волшебная книга. Сказка. Изданіе 2-е Д. П. Ефимова. М. 1914. Стр. 31. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 35 коп."

— „*Любичъ-Кошуровъ, I. А*. «Побирушка». Разсказъ. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1914. Стр. 31. Цѣна 5 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н*. Ужасный случай. Изъ скитаній по Уралу. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 29. Цѣна 10 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н*. Упрямый козелъ. Сказка. 7-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Митропольскій, Ив*. Муравьи-спасители и другіе разсказы для дѣтей. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 47. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив*. За Дунаемъ. Война съ турками за освобожденіе славянъ 1877—1878 г. Очерки и разсказы. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Книга 1-я. 10-е изданіе. Стр. 109. Цѣна 25 коп.— Книга 2-я. 7-е изданіе. Стр. 128. Цѣна 40 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив*. На краю свѣта. Другъ за друга. Повѣсть для дѣтей изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. 7-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 221+II. Цѣна 75 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив*. Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. 8-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 112. Цѣна 50 коп."

— „*Носиловъ, К. Д*. На охотѣ. Очерки и разсказы. 3-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 94. Цѣна 30 коп."

— „*Носковъ, Н. Д*. Первые русскіе лицедѣи. Біографическая повѣсть. (Библіотека Всходовъ). С.-Пб. 1913. Стр. 96. Цѣна 25 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Оржешко, Элиза*. Въ зимній вечеръ. Повѣсть. Изданіе 3-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Поселянинъ, Е.* Божья рать. Разсказы изъ жизни святыхъ. По Четьи-минеѣ святителя Димитрія Ростовскаго. Изданіе 3-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1914. Стр. 112. Цѣна 40 коп.“

— „*Скворцовъ, Н. А.* Въ царствѣ животныхъ. Какъ помогаютъ другъ другу животныя. 3-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 71. Цѣна 25 коп.“

— „*Смирнова, А. А.* На пути къ добру. Повѣсти и разсказы. 3-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 207. Цѣна 75 коп.“

— „*Солодовниковъ, Д. Д.* Въ Московскомъ царствѣ. Историческія картинки. 4-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 96. Цѣна 30 коп.“

— „*Тихомирова, Е. Н.* Другъ несчастныхъ Ѳ. П. Гаазъ. Біографическій очеркъ. 5-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Федоровъ, П.* Исторія одного праведника. Разсказъ. Изданіе М. В. Клюкина. (Изъ быта крестьянъ). М. 1914. Стр. 22. Цѣна 8 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Фонвизинъ, Д. И.* (1745—1792). Избранныя сочиненія. П. И. Бонадуреръ. Кіевъ. 1914. Стр. 167. Цѣна 20 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Черскій, Л.* Дѣтскіе годы Царя-Освободителя. Изданіе 2-е Д. П. Ефимова. М. 1914. Стр. 48. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 35 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Гороховъ, М.* Какъ устроено и какъ живетъ тѣло человѣка. М. 1914. Стр. 122. Цѣна 75 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было тщательно пересмотрѣно и исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Петровъ, Конст. Ѳеодор.* Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. (Съ приложеніемъ словаря). 27-е изданіе. М. 1915. Стр. 144. Цѣна 40 коп.—Синтаксисъ въ образцахъ. (Съ приложеніемъ статьи о періодахъ). 26-е изданіе. М. 1914. Стр. 152. Цѣна 40 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующихъ изданіяхъ были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Тихомировъ, Д. И.* Книга для церковно-славянскаго чтенія.

Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Часть 1-я. Изданіе 32-е. М. 1914. Стр. 190. Цѣна 30 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ предупрежденіемъ автора, что книга будетъ изъята изъ употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства, если въ слѣдующемъ—33-ьемъ—изданіи не будетъ тщательно исправлена согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Авчинниковъ, А. Г.* Великій князь Сергѣй Александровичъ. Біографическій очеркъ. Екатеринославъ. 1915. Стр. 79+4. Цѣна 60 коп."

— „*Алтаевъ, А.* Отъ земли. Повѣсть для дѣтей. 5-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 176. Цѣна 50 коп."

— „*Борисовъ, В. А.* Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій. Его жизнь и дѣятельность (род. 8 сентября 1705—† 10 декабря 1754 г.). Изданіе М. С. Елова. Сергіевъ Посадъ. 1912. Стр. XV+227+32. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „Второй сборникъ стихотвореній. Разсказы духовно-нравственнаго содержанія. Изданіе 2-е, Постоянной коммисіи народныхъ чтеній. № 223. С.-Пб. 1914. Стр. 104. Цѣна 15 коп."

— „*Елинъ, И. Л.* Огурцы. Практически-испытанный способъ, какъ получить вѣрный и ранній урожай огурцовъ на грядахъ въ сѣверныхъ губерніяхъ. (Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Книжка 153). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 3 коп."

— „*Казанскій, П. И.* Житіе и чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго. Изданіе М. С. Елова. Сергіевъ Посадъ. 1913. Стр. 104+1 листъ рисунковъ. Цѣна 30 коп."

— „*Карась, Я.* Приключенія въ странѣ большихъ обезьянъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 272+III. Цѣна 1 р."

— „Ко львамъ христіанъ! Повѣсть изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Переводъ съ англійскаго. Изданіе 3-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1914. Стр. 222. Цѣна 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 коп."

— „*Ландышевъ, Е. В.* Къ свѣту и трезвости! Изданіе 3-е Е. И. Фесенко. Одесса. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Земля не принимаетъ. Разсказъ. 4-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 15. Цѣна 5 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* За Дунаемъ. Война съ турками за освобожденіе славянъ 1877—1878 г. Очерки и разсказы. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Книга 1-я. 10-е изданіе. Стр. 109. Цѣна 25 коп.—Книга 2-я. 7-е изданіе. Стр. 128. Цѣна 40 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* На краю свѣта. Другъ за друга. Повѣсть для дѣтей изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. 7-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 221+II. Цѣна 75 коп.

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. 8-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 112. Цѣна 50 коп.“

— „*Олькоттъ, Луиза М.* Маленькія женщины. Повѣсть. Переводъ съ англійскаго *Н. Н. Плисскаго.* Изданіе 2-е, А. С. Панафидиной. М. 1914. Стр. 365. Цѣна 1 р.“

— „*Петровскій, С. П.* Организація обществъ трезвости, какъ одна изъ радикальныхъ мѣръ борьбы съ народнымъ алкоголизмомъ. Изданіе 3-е Е. И. Фесенко. Одесса. 1914. Стр. 12. Цѣна 5 коп.“

— „*Петровскій, Сергій.* Путь къ трезвости. Изданіе 3-е Е. И. Фесенко. Одесса. 1912. Стр. 24. Цѣна 6 коп.“

— „*Петровскій, Сергій.* Пьянство — могила семейнаго счастья. Изданіе 4-е Е. И. Фесенко. Одесса. 1912. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Поселянинъ, Е.* Отъ сердца къ сердцу. Изъ тайнъ душевной жизни мірянина. Изданіе И. Л. Тузова. С.-Пб. 1912. Стр. 581+2. Цѣна 1 р. 50 коп.“

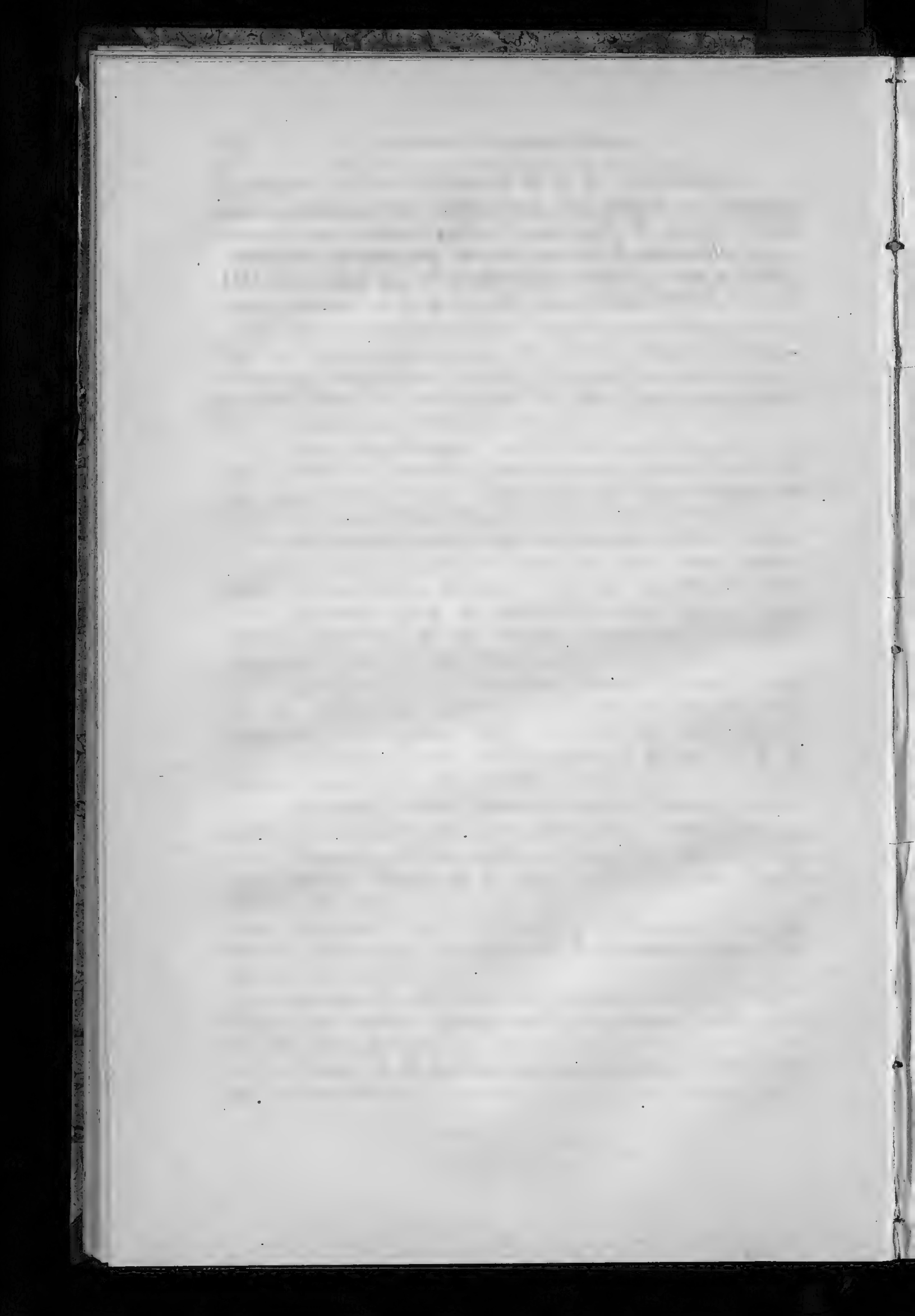
— „*Пѣтуховъ, Е.* М. Ю. Лермонтовъ. Очеркъ его жизни и поэтической дѣятельности. Книгоизд-во Ф. И. Трескиной. Рига. 1914. Стр. 40. Цѣна 20 коп.“

— „*Самойло, Н. И.* Христосъ. Священная поэма изъ святаго Евангелія въ стихахъ. Изданіе 3-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1914. Стр. 152. Цѣна 50 коп.“

— „*Соболевъ, Л. В.* Болотная лихорадка (малярія). С.-Пб. 1914. Стр. 75. Цѣна 30 коп.“

— „*Солодовниковъ, Д. Д.* Въ Московскомъ царствѣ. Историческія картинки. 4-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 96. Цѣна 30 коп.“

— „*Шевлягина, Н.* Вода и ея значеніе для человѣка. Книгоизд-во «Жизнь и знаніе». (Общедоступная библіотека, кн. 4-ая). С.-Пб. 1914. Стр. 69. Цѣна 20 коп.“



УЧЕНІЕ О ЦѢННОСТИ ВЪ СИСТЕМѢ РИКАРДО.

Послѣ того какъ теоретики предѣльной полезности дали свое объясненіе вопросу о цѣнности во всѣхъ его частяхъ и при томъ объясненіе, основанное на правильномъ, по моему мнѣнію, принципѣ, изученіе такъ называемыхъ „объективныхъ" теорій цѣнности представляетъ, казалось бы, только историческій интересъ.

Значеніе такихъ теорій въ развитіи экономическихъ ученій представляется безспорнымъ. Достаточно указать на то, что наиболѣе крупныя экономическія ученія конца XVIII и первой половины XIX вѣка содержали въ себѣ конструкціи объективныхъ теорій цѣнности. Вторая же половина XIX вѣка ознаменовалась значительнымъ возбужденіемъ экономической мысли, вызваннымъ тѣмъ глубокимъ впечатлѣніемъ, которое было произведено созданіемъ экономической системы Маркса, построенной, какъ извѣстно, также на объективной идеѣ трудовой цѣнности. Система Маркса представляла не только научный интересъ; въ ней коренились идеи, способныя вызвать опредѣленное соціальное міросозерцаніе и дать толчекъ развитію соціальнаго движенія. И если въ настоящее время научная цѣнность объективныхъ, въ частности трудовыхъ теорій, поколеблена критикой, если даже приходится рѣшительно отказаться видѣть въ объективныхъ теоріяхъ цѣнности достаточное объясненіе экономическихъ явленій или находить въ нихъ правильный принципъ цѣлесообразнаго экономическаго расчета, то крупнѣйшее значеніе объективныхъ теорій въ исторіи экономическихъ ученій остается достаточнымъ основаніемъ для внимательнаго и детальнаго изученія тѣхъ экономическихъ системъ, которыя включали въ себя объективныя теоріи цѣнности. Но неудовлетворительность такихъ теорій заставила экономистовъ искать иного объясненія вопросамъ цѣнности. Съ одной стороны экономисты

уже давно констатировали наличность нѣкоторыхъ условій, необходимыхъ для созданія цѣнности того или другого предмета, при чемъ эти условія все-таки не находили себѣ мѣста въ объективныхъ теоріяхъ въ качествѣ условій, опредѣляющихъ высоту цѣнности, съ другой стороны, противники объективныхъ теорій какъ разъ среди этихъ условій пытались найти такое, которое по самой природѣ своей отличалось бы отъ осужденныхъ критикой объективныхъ принциповъ теоріи цѣнности и въ то же время было бы пригоднымъ для конструированія новой „субъективной теоріи".

Въ роли искомаго субъективнаго принципа оказалось значеніе даннаго матеріальнаго предмета для удовлетворенія потребностей даннаго человѣка, то есть полезность предмета.

Избранный такимъ образомъ субъективный принципъ полезности оказался весьма плодотворнымъ и послужилъ основаніемъ для конструированія знаменитой теоріи „предѣльной полезности". Эта теорія имѣетъ весьма существенныя достоинства и могла бы занять господствующее положеніе, если бы ей удалось одинаково успѣшно отвѣтить на всѣ вопросы, предъявляемые къ теоріи цѣнности. Однако, при всей законченности въ разборѣ многихъ весьма существенныхъ затрудненій, стоящихъ на пути теоріи цѣнности, въ теоріи предѣльной полезности есть вопросъ,разрѣшенія котораго, повидимому, нельзя достигнуть, оставаясь исключительно на почвѣ принципа „предѣльной полезности". Это вопросъ о цѣнности средствъ производства, въ частности труда.

Извѣстно, что по мнѣнію виднѣйшаго представителя теоріи предѣльной полезности—Бэмъ-Баверка, цѣнность средствъ производства опредѣляется цѣнностью получаемыхъ при ихъ посредствѣ потребительныхъ благъ. Трудъ же является средствомъ производства, изъ чего вытекаетъ тотъ выводъ, что цѣнность труда также опредѣляется цѣнностью его продуктовъ. Однако, такое рѣшеніе вопроса не можетъ быть принято. Самъ Бэмъ-Баверкъ признаетъ, что цѣнность труда можетъ измѣряться не только цѣнностью его продукта, то есть положительно, но также величиной страданія, переносимаго человѣкомъ во время трудового процесса, то есть отрицательно. Такимъ образомъ, причисляя трудъ къ производительнымъ благамъ, слѣдуетъ все-таки имѣть въ виду, что при опредѣленіи его цѣнности допускается своего рода дуализмъ: принимается во вниманіе не только цѣнность продукта труда, но также величина самихъ трудовыхъ усилій, а также боль и страданія, если они сопровождали трудовой процессъ. Сло-

вомъ, трудъ имѣетъ самостоятельную цѣнность, независимую и не всегда равную предѣльной полезности производимаго при его посредствѣ блага. Если мы не примемъ во вниманіе этой особенности труда, какъ производительнаго блага, мы рискуемъ сдѣлать невѣрныя заключенія о его цѣнности и не сможемъ произвести необходимыхъ сравненій между цѣнностью затратъ и цѣнностью результата въ хозяйственномъ процессѣ. Поэтому вопросъ о цѣнности труда и соотношеніи этой цѣнности съ цѣнностью получаемаго результата представляется вопросомъ еще не разрѣшеннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важнымъ, такъ какъ въ зависимости отъ рѣшенія этого вопроса стоитъ конструкція хозяйственнаго принципа — центральной идеи экономической теоріи.

Между тѣмъ упоминавшіяся ранѣе объективныя теоріи цѣнности въ особенно яркихъ своихъ формулировкахъ указывали какъ разъ на трудъ, какъ на источникъ и мѣрило цѣнности. Обращеніе къ творцамъ наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ теорій, пересмотръ ихъ аргументаціи и переоцѣнка выдвинутыхъ ими и противъ нихъ доводовъ являются поэтому интересной и плодотворной работой, способной пролить свѣтъ на важнѣйшіе вопросы экономической теоріи и помочь ихъ разрѣшенію, все еще не достигнутому и въ настоящее время. Среди экономистовъ, выдвигавшихъ объективную теорію цѣнности, одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ Рикардо, какъ теоретику трудовой цѣнности. Понятно поэтому, что разборъ теоріи Рикардо, кромѣ указаннаго уже историческаго интереса, представляетъ собой значительную важность, какъ пересмотръ вопросовъ, не потерявшихъ своей остроты еще и въ настоящее время.

Прежде чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію теоріи цѣнности Рикардо и выясненію того значенія, которое эта теорія имѣетъ въ его научной системѣ, необходимо рѣшить вопросъ, какія требованія вообще мы предъявляемъ къ теоріи цѣнности и чего мы отъ нея ожидаемъ для экономической системы. Ученіе о цѣнности, говоря словами Бэмъ-Баверка, „находится, такъ сказать, въ центральномъ пунктѣ политической экономіи: почти всѣ важныя и сложныя проблемы, въ особенности крупные вопросы о распредѣленіи доходовъ— о поземельной рентѣ, о заработной платѣ, о процентѣ на капиталъ— имѣютъ свои корни въ теоріи цѣнности“ [1]).

---

[1]) *Böhm-Bawerk.* Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerts. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. B. XIII. 1886. S. 8.

Ученіе о цѣнности должно дать намъ ключъ къ пониманію хозяйственныхъ явленій вообще, такъ какъ эти явленія подчинены такъ называемому хозяйственному принципу, идея котораго всецѣло покоится на идеѣ цѣнности.

Если сущность хозяйственнаго принципа сводится къ сравненію между цѣнностью хозяйственныхъ затратъ и цѣнностью результата хозяйственной дѣятельности, то очевидно, что предварительно долженъ быть данъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, что нужно считать цѣнностью и какъ измѣрять ея величину. Значитъ, первымъ требованіемъ, которое мы предъявляемъ къ теоріи цѣнности, является требованіе выяснить *стимулъ* хозяйственной дѣятельности и этимъ дать ключъ къ объясненію хозяйственныхъ явленій, такъ какъ, по словамъ того же Бэмъ-Баверка, „люди дѣйствуютъ по директивѣ цѣнности благъ“ [1]). Но на ряду съ этой задачей, теоріи цѣнности представляется также и другая, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку экономическая теорія призвана объяснить существеннѣйшія стороны мѣнового хозяйства. Понятно поэтому, что тѣ экономисты, которые замыкались въ кругъ вопросовъ, возникающихъ исключительно при изученіи мѣнового хозяйства, удѣляли этой второй задачѣ преимущественное вниманіе. Упомянутая вторая задача теоріи цѣнности заключается въ спеціальномъ объясненіи явленій цѣнообразованія. Теорія цѣнности должна въ этомъ случаѣ указать, какъ выяснилъ еще Адамъ Смитъ [2]), *мѣрило* мѣновой цѣнности, затѣмъ *составныя ея части* и наконецъ причины *колебанія* величины этихъ составныхъ частей порознь и въ совокупности. Вопросъ о мѣрилѣ мѣновой цѣнности занимаетъ вниманіе экономистовъ постольку, поскольку для экономической теоріи важно выяснить причину, устанавливающую извѣстныя мѣновыя пропорціи между различными благами и поддерживающую ихъ на опредѣленномъ уровнѣ въ теченіе продолжительнаго промежутка времени.

Вопросъ же о составныхъ частяхъ цѣны и ихъ колебаніяхъ вводитъ насъ въ разсмотрѣніе явленій распредѣленія, такъ какъ цѣна блага распадается на части, соотвѣтствующія извѣстнымъ видамъ общественныхъ доходовъ. Вполнѣ понятно, что цѣна даннаго блага должна быть достаточной для покрытія тѣхъ требованій о вознагражденіи, которыя предъявляются хозяйствующими субъектами, какъ владѣльцами факторовъ производства.

---

[1]) *Böhm-Bawerk.* Kapital und Kapitalzins. II Abteilung. S. 134. I Auflage.

[2]) См. *Адамъ Смитъ.* Богатство народовъ. Кн. I, гл. IV.

Отсюда выясняется указанная Бэмъ-Баверкомъ связь между теоріей цѣнности и теоріей распредѣленія—связь, особенно ярко выраженная въ трудахъ экономистовъ классиковъ, въ частности, Рикардо. Переходя теперь къ разсмотрѣнію ученія Рикардо, мы будемъ искать въ этомъ ученіи какъ разъ отвѣтовъ на поставленные вопросы и будемъ оцѣнивать это ученіе въ зависимости отъ того, какъ теорія цѣнности выполнила въ немъ свою роль. Но необходимо прежде всего оговориться, что несмотря на то громадное значеніе, которое имѣлъ Рикардо для развитія экономической теоріи, его ученіе не представляется все же вполнѣ выясненнымъ.

По самымъ основнымъ вопросамъ возникаютъ недоумѣнія и разногласія комментаторовъ Рикардо. Поэтому понятно, что первой задачей при изученіи Рикардо является выясненіе подлиннаго смысла отдѣльныхъ его словъ и выраженій.

Причины такой неясности ученія Рикардо довольно многочисленны. Среди нихъ есть и личныя особенности Рикардо, какъ мыслителя и писателя, не любившаго передавать читателю тѣхъ предварительныхъ своихъ изысканій и построеній, которыя обусловили извѣстный выводъ, и не слѣдившаго съ должной строгостью за своей терминологіей, есть и причины болѣе глубокаго значенія, именно нѣкоторая двойственность въ пониманіи самого основного вопроса экономической теоріи—вопроса о цѣнности.

Не входя въ подробности, мы отмѣтимъ только главнѣйшіе изъ спорныхъ вопросовъ, возникающихъ при изученіи Рикардо, при томъ ближайшимъ образомъ относящихся къ ученію о цѣнности.

Въ первой главѣ своихъ „Основаній политической экономіи и налоговъ“ Рикардо ставитъ вопросъ о цѣнности свободно воспроизводимыхъ благъ. Его основное положеніе формулировано слѣдующимъ образомъ: „цѣнность предмета или количество всякаго другого предмета, за которое онъ обмѣнивается, зависитъ отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго на его производство, а не отъ большаго или меньшаго вознагражденія, получаемаго за этотъ трудъ“ [1]). Въ этомъ выраженіи высказана основная мысль теоріи трудовой цѣнности, именно та, что цѣнность даннаго блага пропорціональна количеству труда, потраченнаго на его производство. Но какъ поясняетъ дальше самъ Рикардо, „на цѣнность товаровъ оказываетъ вліяніе не только трудъ, непосредственно употребленный на ихъ

[1]) Указ. соч. рус. пер. Зибера. Стр. 1. С.-Пб. 1882.

производство, но и трудъ, посвященный на выдѣлку орудій, машинъ и зданій, служащихъ производству" [1]). Это вполнѣ естественное добавленіе къ первому положенію, такъ какъ, не принявъ во вниманіе трудъ, затраченный на созданіе орудій производства, мы могли бы приравнивать цѣнность блага, непосредственно произведеннаго при помощи даннаго количества труда, къ цѣнности другого блага, произведеннаго такимъ же количествомъ труда, но съ помощью какихъ либо ранѣе созданныхъ орудій или приспособленій.

Понятно, что производство второго блага стоило бы гораздо больше труда, чѣмъ перваго, то есть ихъ трудовая стоимость была бы совершенно различной. Поэтому теорія, измѣряющая цѣнность блага его трудовой стоимостью, должна принимать во вниманіе кромѣ труда по созданію самого даннаго блага, также труды по созданію соотвѣтствующихъ орудій. Но пока дѣло идетъ только о благахъ, производимыхъ однороднымъ трудомъ, мысль о пропорціональности между цѣнностью блага и его трудовой стоимостью не вызываетъ недоумѣнія.

Когда же приходится рѣшать вопросъ объ установленіи извѣстнаго мѣнового отношенія между благами, производимыми разнороднымъ трудомъ, мысль о равенствѣ этого отношенія съ другимъ, именно съ отношеніемъ между соотвѣтственными количествами труда, то есть мысль о пропорціональности между цѣнностью и трудовой стоимостью, наталкивается на спеціальныя затрудненія. Разнородный трудъ представляетъ собой качественныя различія, и трудно допустить, чтобы высокій по качеству трудъ оцѣнивался бы такъ же, какъ и трудъ простой. Между тѣмъ цѣнность труда или вознагражденіе, получаемое за трудъ, не оказываетъ, по мнѣнію Рикардо, вліянія на цѣнность соотвѣтственнаго блага. „Трудъ различнаго качества", говоритъ Рикардо, „вознаграждается не одинаково, но это не составляетъ причины колебаній въ относительной цѣнности товаровъ" [2]), такъ какъ неравенства въ качествѣ и вознагражденіи труда „остаются", по мнѣнію Рикардо, „почти одни и тѣ же изъ поколѣнія въ поколѣніе, или по крайней мѣрѣ, колебанія изъ года въ годъ весьма незначительны; поэтому", заключаетъ Рикардо, „въ кратковременные періоды они могутъ оказывать лишь маловажное дѣйствіе на относительную цѣнность товаровъ" [3]).

Изъ приведенныхъ разсужденій можно заключить, что Рикардо съ

[1]) Ibidem, стр. 9.
[2]) Ibidem, стр. 7.
[3]) Ibidem, стр. 9.

полной опредѣленностью принималъ теорію трудовой цѣнности. Но онъ сдѣлалъ къ ней нѣкоторыя весьма существенныя добавленія, въ значительной степени уменьшившія значеніе основного принципа трудовой цѣнности. Эти добавленія не создаютъ только исключеній изъ общаго правила, такъ какъ они предусматриваютъ не случайныя, а постоянно встрѣчающіяся обстоятельства, такъ что, напротивъ, осуществленіе въ дѣйствительности самого основного принципа возможно только при исключительно рѣдкихъ условіяхъ.

Эти условія по ученію Рикардо должны быть слѣдующими: или для производства соотвѣтствующихъ благъ примѣняется только одинъ трудъ безъ какого либо капитала, или же, въ случаѣ примѣненія капитала, послѣдній долженъ быть одинаковой цѣнности и одинаковой прочности, т. е. съ одиноковой быстротой обращенія въ обоихъ данныхъ производствахъ. Въ противномъ же случаѣ, выражаясь словами самого Рикардо, „начало, на основаніи котораго относительная цѣнность товаровъ опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на ихъ производство“ [1]) и „законъ, въ силу котораго цѣнность не измѣняется подъ вліяніемъ повышенія или пониженія задѣльной платы“ [2]), существенно ограничиваются. Совершенно понятно, что необходимыя для осуществимости основного принципа трудовой цѣнности условія могутъ встрѣчаться только въ исключительныхъ случаяхъ. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ упомянутыя добавленія. Какими же соображеніями они вызваны? Рикардо допускалъ, что затраченный въ производствѣ капиталъ долженъ принести своему владѣльцу обычную въ данное время и въ данномъ мѣстѣ прибыль. Вопросъ о происхожденіи прибыли на капиталъ Рикардо оставилъ безъ разсмотрѣнія. Но для него было безспорнымъ, что „естественная“ цѣна блага должна быть достаточной для возмѣщенія издержекъ производства, включая въ издержки также и прибыль капиталиста. „Мѣновая цѣнность произведеній“, не дающихъ ренты, „распадается“, по мнѣнію Рикардо, „только на двѣ части: одна образуетъ прибыль на капиталъ, другая вознагражденіе за трудъ“ [3]). Но прибыль пропорціональна величинѣ капитала и времени его обращенія. Поэтому если цѣнность блага должна включить въ себя прибыль на капиталъ, то доля прибыли будетъ тѣмъ больше, чѣмъ большій капиталъ примѣнялся при производствѣ соотвѣтствующаго

[1]) Ibidem, стр. 14.
[2]) Ibidem, стр. 19.
[3]) Ibidem, стр. 58.

блага или чѣмъ дольше было время его оборота. Понятно, что такимъ образомъ опредѣлителемъ цѣнности является не только количество затраченнаго на производство труда, но и величина начисляемой на затраченный капиталъ прибыли. Изложенныя соображенія заставляютъ нѣкоторыхъ комментаторовъ Рикардо, какъ напримѣръ, проф. Диля, разсматривать Рикардо, какъ теоретика не трудовой цѣнности, а издержекъ производства. Подтвержденіемъ такого взгляда на Рикардо служатъ его собственныя слова въ письмѣ къ МакъКёллоку: „я думаю иногда", писалъ Рикардо, „что если бы мнѣ пришлось еще разъ написать главу о цѣнности, которая напечатана въ моей книгѣ, то я призналъ бы, что относительная цѣнность товаровъ регулируется не одной, а двумя причинами,—именно: относительнымъ количествомъ труда, необходимымъ для производства данныхъ товаровъ, и долей прибыли за время, въ теченіе котораго капиталъ оставался не занятымъ и пока товары были бы доставлены на рынокъ" [1]). Какъ бы то ни было, но совершенно безспорнымъ является то обстоятельство, что, по мнѣнію Рикардо, трудъ служитъ, если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнѣйшимъ опредѣлителемъ цѣнности. Но принимая такое положеніе, мы сталкиваемся съ новымъ недоумѣніемъ: возникаетъ вопросъ, почему трудъ служитъ главнѣйшимъ опредѣлителемъ цѣнности, потому ли что онъ является *источникомъ* или *основаніемъ* всякой цѣнности, ея простѣйшимъ видомъ, или потому, что по извѣстнымъ причинамъ онъ можетъ быть удобнѣйшимъ *мѣриломъ* цѣнности, подобно тому какъ такимъ мѣриломъ оказываются деньги. Деньги, напримѣръ, никоимъ образомъ не являются основаніемъ или источникомъ цѣнности различныхъ благъ, но онѣ служатъ общепринятымъ мѣриломъ ихъ цѣнности. Понятно, что то или иное разрѣшеніе указаннаго вопроса создаетъ совершенно различное положеніе теоріи трудовой цѣнности въ данной экономической системѣ. Въ этомъ вопросѣ ученіе Рикардо также вызываетъ значительныя затрудненія. Рикардо различаетъ понятія „относительной" и „абсолютной" или „реальной" цѣнности.

Относительная цѣнность—это мѣновое отношеніе между различными благами, или даже, по выраженію самого Рикардо, „правило, устанавливающее количество одного предмета, которое должно давать въ обмѣнъ за другой" [2]). Относительная цѣнность, такимъ образомъ,

---

[1]) Цит. по Дилю. Комментаріи къ „Основнымъ началамъ" Рикардо, рус. пер. С.-Пб. 1912 г., стр. 33.

[2]) *Рикардо*. Op. cit., стр. 2.

есть понятіе, мыслимое только примѣнительно къ системѣ мѣнового хозяйства. Наоборотъ, понятіе „абсолютной“ или „реальной“ цѣнности тожественно съ понятіемъ богатства, слѣдовательно, равно приложимо къ характеристикѣ явленій какъ мѣнового, такъ и изолированнаго хозяйства. Какъ было уже указано, такое понятіе является необходимымъ въ экономической системѣ, такъ какъ оно опредѣляетъ стимулъ хозяйственной дѣятельности, объясняетъ явленія цѣнообразованія и распредѣленія. Однако, Рикардо занимался исключительно явленіями мѣнового хозяйства, и его вниманіе останавливалось по преимуществу на вопросахъ, возникающихъ на почвѣ обмѣна. Вотъ почему Рикардо умышленно сосредоточивается на понятіи „относительной“ цѣнности и оставляетъ въ сторонѣ понятіе цѣнности „абсолютной“. Особенно ясно основная идея ученія Рикардо о цѣнности выражена имъ въ слѣдующихъ словахъ: „необходимо замѣтить“, говоритъ Рикардо, „что я не думалъ утверждать, будто цѣнность одного товара будетъ 1.000 ф. ст., а другого 2.000 ф. ст. на томъ основаніи, что на первый товаръ потребовалось такое количество труда, которое *стоитъ* 1.000 ф. ст., а на второй такое, которое стоитъ 2.000 ф. ст.; я просто сказалъ, что цѣнность ихъ будетъ находиться въ отношеніи 1 къ 2 и что въ такомъ отношеніи будутъ обмѣниваться эти товары. Справедливость моей теоріи нисколько не нарушается тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ изъ этихъ продуктовъ продается за 1.100 ф. ст., а другой за 2.200 ф. ст., или одинъ за 1.500 ф. ст., а другой за 3.000 ф. ст.; я даже не изслѣдую теперь этого вопроса. Я утверждаю только, что *относительная* цѣнность этихъ товаровъ опредѣляется *относительными* количествами труда, посвященнаго на ихъ производство“ [1]). Но какъ ни ясно высказывался Рикардо за пониманіе цѣнности, какъ мѣнового отношенія, онъ не могъ совершенно отказаться отъ понятія абсолютной цѣнности. Приписывая труду значеніе *мѣрила* цѣнности, Рикардо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія называетъ трудъ „источникомъ всякой цѣнности“ [2]) или „основаніемъ цѣнности предметовъ“ [3]), чѣмъ открываетъ доступъ въ свою систему понятію „абсолютной“ цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, трудъ представляетъ собой необходимый факторъ хозяйственной дѣятельности, онъ является создателемъ хозяйственныхъ благъ, имѣющихъ цѣнность, и въ то же время затрата

[1]) Ibidem, стр. 25.
[2]) Ibidem, стр. 7.
[3]) Ibidem, стр. 43.

труда представляетъ собой безспорное пожертвованіе. Все это, конечно, было очевидно самому Рикардо, и потому понятно, что ему не была чуждой идея созданія цѣнности именно трудомъ. Но вѣдь затрата труда, какъ причина созданія цѣнности, не присуща только мѣновому хозяйству, такъ какъ трудовой процессъ есть элементъ всякаго хозяйства. Поэтому пониманіе труда, какъ источника или создателя цѣнности, ведетъ къ конструированію понятія абсолютной цѣнности. Но это послѣднее понятіе встрѣчается у Рикардо только по временамъ, въ то время какъ понятіе относительной цѣнности призвано быть центральнымъ въ его системѣ. Посмотримъ, какое значеніе можетъ имѣть это понятіе. Мы видѣли, что подъ относительной цѣнностью даннаго блага Рикардо понимаетъ мѣновое отношеніе, по которому это благо обмѣнивается на каждое изъ остальныхъ.

Относительная цѣнность блага обнаруживается только въ случаѣ обмѣна и опредѣляется тѣмъ количествомъ единицъ другого блага, которое дается въ обмѣнъ за первое. Не трудно видѣть, что понятіе относительной цѣнности въ такомъ случаѣ тожественно съ понятіемъ цѣны, если послѣднюю понимать нѣсколько шире, чѣмъ это дѣлаютъ обыкновенно. Обычное понятіе цѣны образовано при посредствѣ понятія денегъ, какъ всеобщаго мѣрила цѣнности. Если же однимъ изъ членовъ мѣнового отношенія взять не исключительно деньги, а любое хозяйственное благо, то мы получимъ понятіе мѣновой или относительной цѣнности. Такимъ образомъ понятіе относительной цѣнности обладаетъ всѣми свойствами понятія цѣны, за исключеніемъ конечно тѣхъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ включенію понятія денегъ въ опредѣленіе цѣны. Понятіе цѣны есть центральное понятіе въ ученіи объ обмѣнѣ. Въ качествѣ таковаго оно необходимо во всякой экономической системѣ, посвященной мѣновому, въ частности, денежному хозяйству. Но оно не можетъ замѣнить намъ понятія абсолютной цѣнности, т. е. не можетъ вообще отвѣтить на вопросъ о стимулахъ хозяйственной дѣятельности, равно какъ не можетъ дать критерія для сравнительной оцѣнки хозяйственнаго положенія одного и того же народа въ разные періоды времени, такъ же какъ и разныхъ народовъ къ одно и то же время. Неизмѣнность мѣновой цѣнности блага въ разное время вовсе не свидѣтельствуетъ о неизмѣнности въ условіяхъ добыванія этого блага, въ степени его необходимости и т. д. Даже тогда, когда мѣновая цѣнность выражается въ деньгахъ, все-таки колебанія цѣнъ не служатъ показа-

телемъ измѣненій въ дѣйствительной цѣнности соотвѣтствующихъ благъ, такъ какъ ни деньги, ни какое либо другое благо, выражающее мѣновую цѣнность перваго, не могутъ считаться надежными измѣрителями цѣнности, такъ какъ цѣнность ихъ самихъ подвержена колебаніямъ. Все это прекрасно сознавалъ самъ Рикардо, который вообще отрицалъ возможность существованія „неизмѣннаго мѣрила цѣнностей", между тѣмъ какъ самъ же считалъ желательнымъ „найти способъ для опредѣленія того, какихъ именно товаровъ *дѣйствительная* цѣнность упала и какихъ возросла"[1]) въ томъ случаѣ, когда измѣнилась ихъ *относительная* цѣнность. Поэтому Рикардо прибѣгаетъ такъ сказать къ компромиссу и предлагаетъ считать мѣриломъ цѣнности трудъ, затраченный на производство по тому основанію, что различие въ количествахъ труда оказываетъ все-таки „наиболѣе сильное дѣйствіе"[2]) на „относительнныя цѣны вещей". Но изъ такого пониманія цѣнности должны быть сдѣланы соотвѣтствующіе выводы, между прочимъ указанные однимъ изъ первыхъ критиковъ Рикардо—Бэйли[3]). Во-первыхъ, никакія измѣненія въ условіяхъ производства двухъ или нѣсколькихъ благъ не могутъ отразиться на ихъ мѣновой цѣнности, если эти измѣненія въ равной мѣрѣ касаются каждаго изъ этихъ благъ. Этотъ выводъ отнимаетъ у насъ возможность судить объ измѣненіяхъ въ дѣйствительной цѣнности даннаго блага по измѣненіямъ цѣнности мѣновой. Во-вторыхъ, не существуетъ никакого блага съ неизмѣнной цѣнностью, такъ какъ условія производства цѣнности не опредѣляютъ, а она устанавливается только въ обмѣнѣ. Поэтому и трудъ не имѣетъ постоянной цѣнности. Этотъ выводъ лишаетъ насъ возможности сличать цѣнность трудовыхъ затратъ въ разные періоды или въ разныхъ мѣстахъ. Въ-третьихъ, какъ отмѣтилъ Д. С. Милль, общее повышеніе или паденіе мѣновой цѣнности немыслимо. Этотъ выводъ отнимаетъ у насъ возможность сужденія о ростѣ народнаго благосостоянія. Такимъ образомъ понятіе относительной цѣнности оказывается совершенно не въ силахъ отвѣтить на цѣлый рядъ вопросовъ экономической теоріи, почему оно не можетъ быть принято въ качествѣ основного. Какъ было уже указано, оно вполнѣ пригодно и необходимо только въ ученіи объ обмѣнѣ, такъ какъ понятіе относительной цѣнности есть замаскированное

---

[1]) Ibidem, стр. 23.

[2]) Ibidem, стр. 24.

[3]) См. также *Мануиловъ*. Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы. Москва. 1901 г., стр. 190 и слѣд.

понятіе цѣны. Но Рикардо не могъ отказаться отъ разбора цѣлаго ряда вопросовъ, предполагавшихъ понятіе абсолютной цѣнности; къ числу такихъ относятся сравненіе цѣнностей одного и того же предмета въ различныя времена, сужденія о способахъ увеличенія народнаго богатства и др. Самая же идея абсолютной цѣнности была присуща Рикардо, какъ уже упомянуто, вслѣдствіе двойственности въ пониманіи роли труда съ одной стороны какъ *мѣрила*, а съ другой—какъ *источника* цѣнности.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ затрату труда, произведенную съ хозяйственной цѣлью, слѣдуетъ считать, очевидно, причиной возникновенія цѣнности. Несмотря на то, что нѣкоторые комментаторы Рикардо, какъ, напр., проф. Диль, отказываются видѣть въ его экономической теоріи пониманіе труда, какъ источника цѣнности, и объясняютъ тѣ мѣста въ сочиненіи Рикардо, въ которыхъ встрѣчается такое пониманіе, неясностью выраженія, тѣмъ не менѣе можно на основаніи отдѣльныхъ, но многочисленныхъ выраженій Рикардо, въ согласіи съ цѣлымъ рядомъ другихъ экономистовъ, какъ, напр., Энгельсомъ, Зиберомъ и др., признать наличность въ его системѣ взгляда на трудъ именно, какъ на источникъ цѣнности. Указанные экономисты считаютъ даже послѣдній взглядъ единственно присущимъ Рикардо пониманіемъ роли труда по отношенію къ цѣнности. Важно во всякомъ случаѣ то, что идея трудового происхожденія цѣнности является для Рикардо основой идеи абсолютной цѣнности, т. е. идеи, безъ которой онъ обойтись не могъ. Посмотримъ, какъ использовалъ Рикардо для своей системы идею труда, какъ источника и основанія цѣнности. Уже было упомянуто, что, по мнѣнію Рикардо, цѣна блага должна быть достаточной для покрытія издержекъ производства, т. е. заработной платы и прибыли на капиталъ. Такимъ образомъ, связь между цѣнами и вѣтвями общественнаго дохода въ ученіи Рикардо несомнѣнна. Въ такомъ случаѣ взглядъ на трудъ, какъ на единственный источникъ цѣнности, долженъ былъ бы сказаться какъ разъ въ ученіи о строеніи цѣны и въ ученіи о доходахъ, такъ какъ понятіе дохода основывается на понятіи абсолютной цѣнности, и ученіе о трудѣ, только какъ о мѣрилѣ цѣнности относительной, здѣсь уже по самому существу дѣла роли играть не можетъ. Если рента, т. е., по ученію Рикардо, „та часть земледѣльческаго продукта, которая уплачивается землевладѣльцу за пользованіе первоначальными и неистощимыми свойствами почвы“ [1]), не

---

[1]) *Рикардо*. Op. cit., стр. 29.

всегда входитъ составной частью въ цѣну блага и потому не можетъ составлять общаго стимула хозяйственной дѣятельности, то другіе виды дохода, въ особенности прибыль на капиталъ, наоборотъ должны представлять собой извѣстнаго рода приманку, т. е. быть цѣлью для хозяйствующихъ субъектовъ. Такъ понимаетъ дѣло самъ Рикардо, когда онъ говоритъ о мотивахъ къ примѣненію и накопленію капитала. Установивъ предварительно, что необходимое, по его мнѣнію, съ ростомъ народонаселенія повышеніе заработной платы должно все больше и больше уменьшать прибыль, Рикардо говоритъ о нѣкоторомъ моментѣ, когда „не осталось бы никакого побужденія къ накопленію капитала, ибо никто не накопляетъ иначе, какъ въ видахъ производительнаго употребленія своихъ накопленій... Безъ такого побужденія не можетъ происходить никакого накопленія капитала"...

„Фермеръ и фабрикантъ", продолжаетъ Рикардо, „столь же мало могутъ прожить безъ прибыли, какъ рабочій безъ задѣльной платы. Ихъ побужденія къ накопленію капитала станутъ уменьшаться со всякимъ уменьшеніемъ прибыли и совершенно исчезнутъ, когда прибыль сдѣлается столь мала, что не принесетъ имъ достаточнаго вознагражденія за трудъ и рискъ, которые необходимо падаютъ на нихъ при производительномъ употребленіи ихъ капитала" [1]). Какимъ же образомъ устанавливается достаточный уровень прибыли и каково ея происхожденіе? Абсолютной величины этого уровня Рикардо не указываетъ. Онъ предполагаетъ такой уровень уже даннымъ и изслѣдуетъ только причины и слѣдствія его колебанія. Если „всѣ товары продаются по естественной цѣнѣ", то, по мнѣнію Рикардо, „уровень прибыли съ капитала остается одинъ и тотъ же во всѣхъ затратахъ" [2]). Если же рыночныя цѣны, т. е. цѣны, устанавливающіяся подъ вліяніемъ причинъ случайныхъ, колеблются въ разныхъ отрасляхъ промышленности, такъ что въ одной стоятъ выше естественныхъ цѣнъ, а въ другой ниже, то въ соотвѣтствіи съ такими колебаніями „прибыль поднимается или падаетъ надъ своимъ общимъ уровнемъ—и это обстоятельство", по словамъ Рикардо, „то поощряетъ капиталы къ затратамъ въ той отдѣльной отрасли, гдѣ произошло возвышеніе цѣны, то предостерегаетъ ихъ не оставаться въ ней долѣе" [3]). Такимъ образомъ, возникаетъ „безпокойное желаніе, свойственное всѣмъ капиталистамъ, оставлять менѣе прибыльное дѣло

---

[1]) Ibidem, стр. 67. См. также стр. 66.
[2]) Ibidem, стр. 45.
[3]) Ibidem, стр. 43—44.

для болѣе прибыльнаго", что „имѣетъ", какъ выражается Рикардо, „сильное стремленіе приводить прибыль всюду къ одному уровню" [1]). Такое уравненіе прибыли происходитъ при посредствѣ приведенія рыночныхъ цѣнъ къ ихъ естественной величинѣ. Естественная же цѣна блага устанавливается, по мнѣнію Рикардо, такъ, что „по уплатѣ вознагражденія за трудъ, необходимый на... производство, и за вычетомъ всѣхъ другихъ расходовъ, потребныхъ для того, чтобы сохранить затраченный капиталъ въ его первоначальной годности къ производству", получается „остатокъ *цѣнности* или излишекъ", который при томъ, по ученію Рикардо, „находится въ каждомъ промыслѣ въ соотвѣтствіи съ цѣнностью затраченнаго капитала" [2]). Почему же въ естественной цѣнѣ получается такой остатокъ цѣнности"? На этотъ основной вопросъ не только въ ученіи о прибыли на капиталъ, но и во всей экономической системѣ Рикардо отвѣта не даетъ. Очевидно только то, что заработная плата не поглощаетъ всей естественной цѣны блага, т. е. вознагражденіе за трудъ составляетъ только часть цѣнности произведеннаго блага. Хотя этотъ выводъ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ пониманіемъ труда, какъ источника цѣнности, мы все-таки должны его сдѣлать, такъ какъ иначе совершенно непонятно, откуда же получается упомянутый остатокъ цѣнности, поступающій въ прибыль капиталиста. „Трудъ, также какъ и всѣ другія вещи, которыя продаются и покупаются, и количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо или уменьшаемо, имѣетъ цѣну естественную и рыночную" [3]), учитъ Рикардо. Но если трудъ подобенъ другимъ „вещамъ", цѣнность которыхъ, какъ провозгласилъ самъ Рикардо, опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, и если видѣть въ трудѣ источникъ абсолютной цѣнности, что необходимо въ ученіи о доходахъ, такъ какъ это ученіе не можетъ быть построено на понятіи цѣнности относительной, то приходится сдѣлать выводъ, что цѣнность и естественная цѣна труда опредѣляется только его количествомъ, такъ какъ самъ трудъ есть простѣйшій видъ цѣнности. Въ такомъ случаѣ, очевидно, цѣнность продукта труда была бы всегда равна цѣнности самого труда, и уже конечно цѣнность любого блага могла быть измѣряема избранными количествами труда. Но при этомъ, конечно, не оставалось бы ника-

---

1) Ibidem, стр. 44.
2) Ibidem, стр. 46.
3) Ibidem, стр. 46.

кого мѣста для какихъ бы то ни было излишковъ. Понятно поэтому, что если Рикардо желалъ разсматривать прибыль какъ часть естественной цѣны блага, онъ долженъ былъ въ ученіи о цѣнности труда отступить отъ пониманія труда, какъ источника цѣнности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вырвалъ изъ-подъ себя ту почву, на которой онъ могъ основывать понятіе „абсолютной" цѣнности и ученіе о доходахъ. Рикардо дѣйствительно выдвигаетъ принципіально отличное отъ изложеннаго пониманія цѣнности труда пониманіе, которое вводитъ насъ въ заколдованный кругъ [1]). „Естественная цѣна труда есть та, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода, какъ безъ возрастанія, такъ и безъ уменьшенія" [2]), говоритъ Рикардо; слѣдовательно, она „зависитъ... отъ цѣны пищи и другихъ предметовъ необходимости и удобства, потребныхъ для содержанія рабочаго съ его семействомъ. Естественная цѣна труда", продолжаетъ Рикардо, „возрастаетъ въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ цѣны на пищу и на другіе необходимые предметы; она падаетъ въ соотвѣтствіи съ пониженіемъ этой цѣны" [3]). Такимъ образомъ, по ученію Рикардо цѣнность труда опредѣляется цѣнностью предметовъ необходимаго потребленія рабочаго и его семьи. Но вѣдь цѣнность этихъ предметовъ потребленія, по ученію самого же Рикардо, измѣряется количествомъ затраченнаго на ихъ производство труда и также содержитъ въ себѣ вознагражденіе за трудъ и прибыль на капиталъ, при чемъ опять не удалось бы установить величину цѣнности труда, такъ какъ она опять-таки должна была бы разсматриваться какъ величина производная. Такое положеніе, очевидно, создалось вслѣдствіе отказа Рикардо видѣть въ трудѣ источникъ и простѣйшій видъ цѣнности. Но если въ ученіи о заработной платѣ Рикардо совсѣмъ отказался отъ такого пониманія роли труда, то въ ученіи о прибыли онъ совершенно не использовалъ ни идеи трудового происхожденія цѣнности, ни своего отступленія отъ этой идеи въ ученіи о заработной платѣ. Если цѣнность труда опредѣляется цѣнностью средствъ существованія рабочаго, а цѣнность продукта этого труда опредѣляется непосредственно его количествомъ, то такое разсужденіе дѣлаетъ возможнымъ выводъ о несоотвѣтствіи цѣнности труда съ цѣнностью его продукта. Доста-

---

[1]) См. также *Мануиловъ.* Op. cit., стр. 209—210.
[2]) *Рикардо.* Op. cit., стр. 46.
[3]) Ibidem, стр. 47.

точно, чтобы цѣнность труда была ниже цѣнности его продукта, чтобы совершенно удовлетворительно указать источникъ прибыли въ этой разницѣ. Важно только найти ея постоянныя причины. Но Рикардо вовсе не сталъ заниматься этимъ вопросомъ. Онъ утверждалъ, что прибыль обычной величины содержится въ естественной цѣнѣ блага вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за трудъ, и этимъ устанавливалъ, что вознагражденіе за трудъ или его естественная цѣна ниже естественной цѣны продукта труда. Получалось, такимъ образомъ, упомянутое несоотвѣтствіе, причины котораго оставались совершенно невыясненными, т. е. вопросъ о происхожденіи и природѣ прибыли въ системѣ Рикардо рѣшенъ не былъ. Между тѣмъ впослѣдствіи Марксъ, усвоивъ себѣ идею „абсолютной" цѣнности, основанной на трудѣ, пошелъ въ вопросѣ о заработной платѣ по стопамъ Рикардо и далъ теорію прибавочной цѣнности, почти съ необходимостью вытекавшую изъ тѣхъ взглядовъ, которыхъ держался самъ Рикардо. Такимъ образомъ, идея трудового происхожденія цѣнности не помогла Рикардо дать удовлетворительное ученіе о доходахъ, какъ составныхъ частяхъ цѣнности блага. Но эта же идея оказалась не использованной и въ другомъ мѣстѣ системы Рикардо, при обсужденіи вопроса объ отношеніи между цѣнностью и богатствомъ.

Эти понятія Рикардо предлагаетъ различать какъ можно строже. Противопоставляя понятія цѣнности и богатства, Рикардо говоритъ слѣдующее: „богатство страны можетъ увеличиваться двумя способами: черезъ употребленіе болѣе значительной доли дохода на содержаніе производительнаго труда, что не только увеличитъ количество, но также и цѣнность массы продуктовъ; или же черезъ увеличеніе не количества труда, а производительной силы прежняго труда, вслѣдствіе чего возрастаетъ количество, но не цѣнность продуктовъ. Въ первомъ случаѣ страна не только станетъ богаче, но и цѣнность ея богатства увеличится. Она разбогатѣетъ вслѣдствіе сбереженія, чрезъ уменьшеніе своихъ расходовъ на предметы роскоши и удовольствія и чрезъ употребленіе этихъ сбереженій на новое производство. Во второмъ случаѣ можетъ не быть ни уменьшенія расходовъ на предметы роскоши и удовольствія, ни увеличенія въ употребленіи производительнаго труда, но при прежнемъ количествѣ труда будетъ болѣе продуктовъ, возрастетъ богатство, но не цѣнность. „Изъ этихъ двухъ способовъ увеличенія богатства слѣдуетъ предпочитать второй", говоритъ Рикардо, „потому что онъ производитъ то же самое дѣйствіе, не лишая насъ и не уменьшая нашихъ удовольствій, что

неизбѣжно при первомъ способѣ“ [1]). Изъ приведенныхъ словъ Рикардо мы сдѣлаемъ два вывода: во-первыхъ, здѣсь съ несомнѣнностью выражено пониманіе труда, какъ источника цѣнности, и во-вторыхъ, понятіе цѣнности отожествлено съ понятіемъ *стоимости*.

Только при такомъ отожествленіи возможно высказывать положеніе о желательности увеличенія богатства при одновременномъ уменьшеніи его цѣнности. Интересно отмѣтить, что и въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, гдѣ встрѣчается идея трудового происхожденія цѣнности, Рикардо признаетъ понятіе цѣнности тожественнымъ съ понятіемъ стоимости. Рикардо даже самъ высказался, что „отожествленіе стоимости и цѣнности составляетъ часть“ его „ученія“, если разумѣть „подъ стоимостью издержки производства со включеніемъ прибыли“ [2]). Но по этому поводу приходится согласиться съ критическимъ замѣчаніемъ Мальтуса: „мы дѣйствительно имѣемъ право назвать, если пожелаемъ, трудъ, употребленный на товаръ, дѣйствительной его цѣнностью; но, поступая такимъ образомъ, мы употребляемъ слова въ смыслѣ отличномъ отъ того, въ которомъ они обыкновенно употребляются; мы смѣшиваемъ при этомъ весьма важное различіе между стоимостью и цѣнностью“, указываетъ Мальтусъ, „и вслѣдствіе этого становится почти невозможнымъ съ точностью указать на главный стимулъ производства богатствъ, который въ дѣйствительности зависитъ отъ этого различія“ [3]).

Итакъ, два различныхъ воззрѣнія на отношеніе между цѣнностью и трудомъ нашли себѣ мѣсто въ системѣ Рикардо. Первое заключалось въ признаніи труда мѣриломъ цѣнности; съ этимъ воззрѣніемъ было связано вполнѣ разработанное у Рикардо понятіе мѣновой или относительной цѣнности. Второе заключалось въ признаніи труда источникомъ или основаніемъ цѣнности; съ этимъ воззрѣніемъ связывалось недостаточно ясное представленіе объ абсолютной или дѣйствительной цѣнности. Понятіе относительной цѣнности, какъ мы видѣли, совпадаетъ съ понятіемъ цѣны и не можетъ занять центральнаго положенія въ экономической системѣ. Понятіе же цѣнности абсолютной не было использовано Рикардо, такъ какъ слилось съ

---

[1]) Ibidem, стр. 175. См. также стр. 48.
[2]) Ibidem, примѣч. на стр. 25—26.
[3]) См. то же примѣчаніе.

понятіемъ стоимости. Такимъ образомъ, въ системѣ Рикардо не оказалось мѣста для центральной идеи экономической теоріи, такъ какъ тѣ представленія о цѣнности, которыя у него были, замѣнить такую идею не могутъ. Если критики Рикардо, во главѣ съ Бэмъ-Баверкомъ, справедливо указали на то, что Рикардо ничѣмъ не доказалъ основного принципа своей теоріи цѣнности, то мнѣ кажется также справедливымъ отмѣтить, что основныя положенія его ученія о цѣнности, принимаемыя въ качествѣ постулата, оказались частью непригодными, а частью неиспользованными.

Б. Будде.

ПОВИННОСТЬ ГОРОДОВОЙ РАБОТЫ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ ЛИТОВСКОМЪ.

1. Разверстка городовой работы.

Въ кругу повинностей населенія великаго княжества Литовскаго видное мѣсто занимала городовая работа.

Подъ этимъ терминомъ подразумѣвалась обязанность мѣстнаго населенія участвовать въ постройкѣ новыхъ укрѣпленій и въ ремонтѣ прежнихъ.

Великое княжество Литовское росло и крѣпло подъ постоянною военною грозою. Поэтому вопросъ о защитѣ границъ пріобрѣталъ громадное значеніе въ минуты опасности, а такихъ минутъ не мало пришлось пережить Литвѣ.

Привлекая къ отбыванію военной повинности широкіе круги населенія, шляхту, мѣщанство, поспольство—на южномъ порубежьи со степью, центральная власть старалась привлечь какъ можно больше людей и къ городовой работѣ.

Въ привилеяхъ литовско-русскому боярству вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ различныхъ повинностей ясно и опредѣленно звучитъ убѣжденіе о исключительной важности городовой работы и о необходимости привлеченія къ ней широкихъ круговъ населенія.

Частновладѣльческіе люди должны участвовать въ городовой работѣ наравнѣ съ людьми господарскими. Требованія государственной обороны сглаживаютъ грань между людьми панскими и поспольствомъ.

Въ минуту опасности тѣ и другіе одинаково должны нести работы по постройкѣ и починкѣ замковъ. Pro constructione aut reformatione castri antiqui—въ этомъ случаѣ великій князь литовскій можетъ требовать отъ боярства участія въ работахъ. Это требованіе Ягеллова привилея 1387 г. остается въ полной силѣ и въ позднѣйшихъ привилеяхъ боярству. Уравнивая боярство литовско-русское съ

польскою шляхтою, привилей 1413 г. все-таки оставляетъ за литовскимъ боярствомъ обязанность строить замки и проводить военныя дороги. Земскій привилей 1457 г. также освобождаетъ частно-владѣльческихъ людей отъ работъ на господаря, но въ силѣ остается исключеніе, когда великій князь можетъ требовать участія въ работахъ—„выймуючи работы на будованье городовъ нашихъ новыхъ потребныхъ а старыхъ поправленія". Повторяясь и въ слѣдующихъ привилеяхъ, это требованіе участія въ городовой работѣ фигурируетъ и въ первомъ Статутѣ.

Неустанно напоминаетъ центральная власть о городовой работѣ и въ привилеяхъ отдѣльнымъ областямъ. Всѣ группы мѣстнаго населенія должны участвовать въ постройкѣ и ремонтѣ укрѣпленій, ни для кого не дѣлается изъятія. „А городки кіевскіе по старому: дѣлати города каждому надобѣ"—читаемъ въ уставной грамотѣ Кіевской области. Участіе всѣхъ круговъ мѣстнаго населенія въ работѣ надъ укрѣпленіями является здѣсь, въ этомъ привилеѣ, старымъ обычаемъ.

Требованіе совмѣстной работы повсюду исполнялось. Когда ревизоры, осматривая замки, разспрашивали мѣстныхъ жителей, кѣмъ построены замки, то слышали въ отвѣтъ: замокъ этотъ построенъ людьми господарскими, мѣщанами и волощанами, и людьми княжескими, панскими и боярскими...

Кто строилъ укрѣпленія замка, тотъ долженъ былъ и поддерживать. Земляныя насыпи осыпались, дерево гнило, обмазка опадала. Все это требовало внимательнаго досмотра и немедленнаго исправленія: эти заботы лежали на тѣхъ же группахъ населенія, которыя строили укрѣпленія.

Большое значеніе имѣла въ этой области старина. „По старому"—отмѣчали грамоты великаго князя, подтверждая повинность населенія участвовать въ постройкѣ новыхъ укрѣпленій и въ починкѣ старыхъ. Кто издавна рубливалъ городъ, тотъ и на будущее время обязанъ нести городовую работу „по старому". Если въ Полоцкѣ мѣщанамъ помогали обычно сельскіе путники, то это правило сохраняетъ силу и въ подтвердительныхъ грамотахъ великихъ князей литовскихъ.

Для правильнаго отбыванія городовой работы необходимо было правильно распредѣлить трудъ между привлеченными лицами. Какъ избѣжать чрезмѣрнаго отягощенія однихъ сравнительно съ менѣе обремененными другими? Какъ избѣжать справедливыхъ жалобъ на неравномѣрное обложеніе городовой работой?

Единицею мѣры при разверсткѣ городовой работы служила го-

роднія. Замковыя стѣны состояли изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ городенъ. По этимъ-то городнямъ и разверстывалась городовая работа.

Въ системѣ укрѣпленій городовъ и замковъ придерживались старинной, освященной долгимъ опытомъ практики. Какъ и въ старину, основою укрѣпленій являются стѣны изъ толстыхъ бревенъ: внутри двухъ параллельныхъ стѣнокъ насыпалась земля. Это была защита отъ нападеній. Для отраженія враговъ силами гарнизона и мѣстнаго населенія служили другія приспособленія. Сверху стѣнъ шелъ помостъ, съ котораго можно было наблюдать за движеніями непріятеля и стрѣлять сверху внизъ въ подступающихъ враговъ.

Самая главная защита замка это высокая, крутая гора, окруженная рѣкой [1]). Если крутая гора врѣзывалась мысомъ въ рѣку, а рѣка, извиваясь, оставляла лишь небольшой перешеекъ между горою и материкомъ — это считалось идеальными условіями для постройки замка. Съ горы можно было видѣть далеко всю околицу, къ замку нельзя было подступить въ виду близости рѣки, поблизу не было опасныхъ высотъ, откуда можно бы обстрѣливать замокъ. Именно такъ характеризовалъ преимущества мѣстоположенія посланный великимъ княземъ ревизоръ окраинныхъ замковъ. Сравнивая мѣстоположеніе прежняго замка Винницы съ новонайденнымъ мѣстомъ, ревизоръ отдавалъ предпочтеніе этому послѣднему въ виду очень выгодныхъ природныхъ условій [2]).

Тамъ, гдѣ замокъ былъ болѣе доступнымъ, надежду приходилось возлагать на замковыя стѣны. Деревянныя стѣны для защиты отъ дождя и гніенія, а также и отъ пожара, обмазывались глиною [3]). На стѣнахъ настилались доски [4]); сбоку шелъ деревянный парапетъ съ отверстіями въ доскахъ для стрѣльбы сверху внизъ (бланки, блан-

---

[1]) О замковыхъ укрѣпленіяхъ—работа *М. С. Грушевскаго*, Южно-русскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI вѣка. 1890 г. Небольшіе экскурсы даны въ сочиненіяхъ: *Владимірскій-Будановъ*, Населеніе Юго-Западной Россіи, стр. 76; *Довнаръ-Запольскій*, Украинскія староства, стр. 56—57; *М. С. Грушевській*, Історія України-Руси, VII, 36.

[2]) Źródła dziejowe, VI, 111.

[3]) Правильной обмазкѣ стѣнъ придавали большое значеніе: ревизоры старательно отмѣчали всѣ упущенія въ этой сферѣ. Защита необмазанныхъ стѣнъ тамъ, гдѣ „часть (стѣнъ) приступнейша"—Арх. Ю.-З. Р., VII, I, стр. 77 (Черкассы).

[4]) О плохомъ состояніи покрытья на обланкахъ—см. хотя бы въ ревизіи Житомирскаго замка 1545 г. Какъ упущеніе отмѣчается: „две городни не накрыты, а в некоторыхъ городняхъ и помостовъ не мало повыбирано" (Черкассы, 1552).

кованне; подсябитье)[1]. На стѣнахъ были заготовлены камни[2], чтобы бросать ихъ на голову подступившихъ враговъ, приготовлены были и кадки съ водою на случай пожара.

Съ городомъ замокъ соединялся подъемнымъ мостомъ: въ минуту опасности мостъ поднимали и доступъ къ замку преграждала вода[3].

Всѣ укрѣпленія замка требовали внимательнаго присмотра и починки. Даже естественныя укрѣпленія нельзя было оставлять безъ досмотра.

При ревизіяхъ замковъ ревизоры не разъ отмѣчали, что замковая гора мѣстами осыпалась. Нѣкоторые ревизоры высчитывали при этомъ осмотрѣ и приблизительное число рабочихъ рукъ, необходимыхъ для починки, и сумму издержекъ[4].

Съ внутренней стороны къ замковымъ стѣнамъ примыкали дома, служившіе для житья и склада вещей. Въ черкасскомъ замкѣ, напримѣръ, были два дома — одинъ состоялъ изъ коморы, сѣней, свѣтлицы, другой изъ двухъ свѣтлицъ съ сѣнями посерединѣ (рев. 1552 г.). Окна этихъ домовъ выходили и внутрь замка и наружу[5].

Городни служили и кладовыми. При ревизіи Житомирскаго замка опрошенныя лица разъяснили ревизору вопросъ о пользованіи городнями. Кто выберетъ себѣ опредѣленную городню, „двери вроблетъ и схованье будетъ въ ней мѣти", тотъ пользуется своею городнею и за то обязанъ поддерживать ее въ полномъ порядкѣ, слѣдить за всякимъ разрушеніемъ, произведеннымъ вѣтромъ или дождемъ, и немедленно исправлять[6].

---

[1]) Высота бланкованья и подсябитья надъ землею не вездѣ одинакова—въ Черкассахъ, напримѣръ, „можеть на некоторыхъ местцахъ человекъ, на земли стоячи, бланкованья, а подъсябитья киемъ досягнути": ревизоръ по этому поводу отмѣтилъ, что „все будованье то замково унижоно" (ревизія 1552 г.).

[2]) „На бланкахъ ку обороне каменья з возъ толко, колья дубового со два воза, колодки чотыри" (Черкассы, 1552 г.). „Камене, слопы, а колодины ку обороне на бланъкахъ и вежахъ и воду держати повинны тамъ мещане вси, яко господарские, такъ церковъные и земянские" (Кіевъ, 1552 г.).

[3]) Въ замкѣ Черкасскомъ „перекопъ... вширки чотирохъ сажонъ, а глубины выкопано мало болшъ сажня... у ворота узводъ добръ, ланъцухи два полъчетверти сажени...". Въ замкѣ Кіевскомъ: „мостъ предъ брамою Драбъскою добръ зъ узводомъ на ланцугахъ двухъ"... Каневъ: „узводъ передъ воротами на ланцуху"...

[4]) Ревизіи замковъ Черкасскаго и Кіевскаго 1552 г. (Арх. Ю.-З. Р., VII, I, стр. 78, 108); ревизоръ замка Черкасскаго отмѣтилъ, что на наемъ работниковъ хватило бы 2—3 копы грошей.

[5]) Арх. Ю.-З. Р. VII, I, стр. 76.

[6]) Ревизія Житомира 1545 (стр. 126). Поэтому лица, оправлявшія городни, пре-

Городни по длинѣ были неодинаковы, однѣ длиннѣе, другія короче. Въ черкасскомъ замкѣ, напримѣръ, приходилось на стѣны: въ 18 саж.—3 городни, въ 25 саж.—8 городенъ, въ 45 саж.—8 городенъ и 10 городенъ (ревизія 1552 г.). Въ кіевскомъ замкѣ городни были по 4 сажени и меньше. Въ Луцкѣ были городни и по 5—6 саженъ, и по 3—4, и по полтора [1]).

Оправа замковыхъ укрѣпленій лежала на всѣхъ кругахъ мѣстнаго населенія. Мѣщане и господарскіе люди, панскіе и княжескіе, монастырскіе и владычные люди всѣ должны участвовать въ городовой работѣ.

Освобожденія отъ городовой работы давались неохотно; особенно такія освобожденія рѣдки въ пограничной полосѣ, гдѣ поддержаніе замковъ въ полномъ порядкѣ являлось очень важнымъ вопросомъ вслѣдствіе постоянныхъ военныхъ тревогъ.

Тамъ, гдѣ система укрѣпленій была проще, гдѣ существовалъ одинъ лишь замокъ, тамъ въ оправѣ замка участвовали всѣ привлекаемые къ этой повинности люди.

Но гдѣ существовали и замокъ и острогъ, тамъ было извѣстное разграниченіе: одни оправляли замокъ, другіе острогъ.

При ревизіяхъ южныхъ замковъ ревизоры зачастую отмѣчали именно это разграниченіе оправы замка и оправы острога.

Въ Черкассахъ острогъ „робили" мѣщане вмѣстѣ съ боярами, а замокъ и мостъ „робили добродеревцы, то есть люди з волостей верховыхъ". Такое же положеніе было и въ Каневѣ [2]).

Въ Кіевѣ выдѣлена мостовая работа. Повинность робить мостъ лежитъ на людяхъ митрополичьихъ спасскихъ и печерскихъ людяхъ по-половинѣ [3]).

Когда присылались для оправы замковъ добродеревцы, то и необходимый лѣсной матеріалъ нерѣдко вмѣстѣ съ ними присылался изъ приднѣпровскихъ волостей. Такъ, напримѣръ, для укрѣпленья замка Каневскаго прислано было добродеревцевъ „вышей полъторы ты-

---

тендовали, чтобы городни были отданы „для схованья" именно имъ, оправлявшимъ, а не постороннимъ лицамъ. Перечисляя в. князю Сигизмунду различныя кривды и новины могилевскаго державцы, волощане указывали — между прочимъ—и такую кривду: они оправуютъ въ замку свои дѣльницы и всѣ эти городни занимаютъ мѣщане, а имъ, волощанамъ, не остается никакого схованья „в часъ пригоды".

[1]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, 77; VII, I, 106; VII, I, 170.

[2]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, 77, 81; 91, 94.

[3]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, 107.

сячи": необходимыя для постройки замка сосновыя бревна тоже были сплавлены изъ верховыхъ волостей [1]).

Привлекаемыя къ городовой работѣ группы населенія придаютъ большое значеніе разграниченію различныхъ работъ и строго охраняютъ старый порядокъ.

Всякія нарушенія и новины вызываютъ жалобы на нарушителей, не соблюдающихъ установленнаго порядка. Такъ, напримѣръ, чернобыльскіе подданные жаловались великому князю Сигизмунду на своего державцу п. Ивашка Немирича. Въ числѣ различныхъ обидъ указано и то, что державца заставлялъ подданныхъ чернобыльскихъ робити замокъ чернобыльскій. А это—жаловались подданные—совсѣмъ не ихъ обязанность: они должны только рубить острогъ, а замка рубить не должны. Замокъ рубятъ только тѣ, кто тамъ имѣетъ „городни свои и местца свои". Великій князь, разсмотрѣвши жалобу, оставилъ чернобыльскихъ подданныхъ „при старине", при старинныхъ повинностяхъ, пусть по старинѣ „острогъ робять и перекопъ копають"... [2]).

Судя по разъясненію, данному при ревизіи замка Житомирскаго, внутри каждой группы лицъ, обязанныхъ нести городовую работу городни разверстывались такъ: каждый по своему усмотрѣнію выбиралъ опредѣленную городню, устраивалъ тамъ себѣ „схованье" и за то обязывался поддерживать свою городню въ полномъ порядкѣ. Такъ какъ при ревизіи Житомирскаго замка 1545 г. стѣны были недавно „вроблены", то городни замковыя не были еще разобраны: одинъ только Гарасимъ „одну вежу на себя обралъ, которую поднялся направовати, если ся показитъ" [3]).

Вслѣдствіе того, что городни служили для схованья, какъ бы кладовою, въ разговорной рѣчи того времени говорилось „взялъ себѣ на схованье", то есть, выбралъ себѣ опредѣленную вежу или городню, устроилъ себѣ тамъ схованье и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на себя извѣстныя строго опредѣленныя обязанности [4]).

Кто бралъ себѣ опредѣленную городню, тотъ обязанъ былъ поддерживать ее въ полномъ порядкѣ. Житомирскіе жители такъ пояснили ревизору: взявшій себѣ опредѣленную городню обязанъ „направовати тую городню, верхъ накрывати, каменье и колодки ку обо-

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, 93.
[2]) Архивъ Юго-Западной Р. VIII, V, № 7.
[3]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, стр. 126.
[4]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, стр. 125.

ронѣ на ней мѣти и глиною обмазывати"...[1]). При ревизіи другихъ замковъ жители указывали, что если что либо въ замковыхъ стѣнахъ будетъ испорчено вѣтромъ, поопадаютъ доски или осыпется глина, поломается мостъ или замковая гора начнетъ сползать—должны оправовать мѣщане и бояре всѣ (Черкассы, Каневъ)[2]).

Въ перечнѣ житомирскихъ городенъ отдѣльно поименованы городни земянскія: онѣ записаны за отдѣльными земянами или за цѣлыми семьями (напримѣръ Прежовскіе)[3]). Въ перечнѣ городенъ земянскихъ луцкихъ на каждую городню приходилось по нѣсколько землевладѣльцевъ[4]). Здѣсь въ этихъ перечняхъ городни именуются по фамиліямъ пановъ земледѣльцевъ, разобравшихъ городни. Въ перечнѣ Кременецкомъ и въ перечнѣ Винницкомъ городни поименованы по названіямъ селъ, обязанныхъ оправлять эти городни; поэтому здѣсь городни часто носятъ двойныя имена, напримѣръ: городня Рыдомльская и Борщевская[5]).

Неземянскія городни обозначаются по имени тѣхъ группъ населенія, которыя обязаны оправлять эти городни. Таковы обозначенія: „городни мещанъ овруцкихъ, городня козацкая, городня поповъ всихъ овруцкихъ"[6]) (Овручъ); городня „владыки луцкого изъ Рожищъ", городня архимандрита жидичинскаго съ имѣній монастырскихъ (Луцкъ)[7]).

Такимъ образомъ при разверсткѣ городенъ для оправы одной городни соединялись односельчане, люди одного села, или же два-три села одного пана, два-три села господарскихъ, монастырскихъ, владычнихъ. Городня Гороховская, четыре села къ той городнѣ; городня Порицкая, четыре села къ той городнѣ — отмѣчаютъ ревизорскіе перечни городенъ.

Паны, на которыхъ при разверсткѣ приходилась та или иная городня, высылали своихъ волощанъ. Люди господарскіе и мѣщане выходили на работу сами, съ топорами въ рукахъ.

Въ интересахъ большей прочности и аккуратности, оправа стѣнъ замка и работа новыхъ городенъ поручалась плотникамъ. Эти дой-

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, стр. 126.
[2]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, стр. 81, 94.
[3]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, 128.
[4]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, 156, 163.
[5]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, 599; II, 23.
[6]) Архивъ Юго-Западной Р. IV, I, стр. 36—37.
[7]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, стр. 165.

лиды приглашались сообща мѣстомъ и волостью за условленное вознагражденіе (замокъ Мозырь)[1].

Какъ разверстывалась работа внутри такой группы, видно изъ жалобы людей волости Непоротовской на людей боярскихъ могильнянъ. На долю господарскихъ людей причиталась по разверсткѣ одна городня въ стѣнѣ замка Полоцкаго. Для починки этой городни нанимали плотниковъ, а для сбора денегъ въ уплату плотникамъ за ихъ работу раскладывали сумму на всю волость (пометъ положили межи собою). Люди господарскіе надѣялись, что и люди боярыни Ульяны Михайловой Сеньковича примутъ участіе въ разверсткѣ денегъ. Люди боярскіе отказались отъ участія въ раскладкѣ и дѣло перешло на разсмотрѣніе воеводы полоцкаго. Жалобщики указывали, что люди боярскіе „того помету не хотять намъ помочи платити, а намъ однымъ самымъ съ тяжкостью его заплатити“[2].

Въ тѣсной связи съ работою замка и острога стоитъ и мостовая работа. Въ нѣкоторыхъ замкахъ оправа стѣнъ и моста является одною повинностью и населеніе оправляетъ ихъ сообща. Мостъ передъ замкомъ „винни робити его земяне и бояре и мещане“,—читаемъ мы въ описаніи Овруцкаго замка. Мѣщане кіевскіе жаловались, что живущіе въ Кіевѣ частновладѣльческіе люди не помогаютъ имъ, мѣщанамъ, въ городскихъ повинностяхъ: „и мосту городового не мостятъ... и острогу не острожатъ“... „Городы и мосты робливали“, не разъ выражаются акты о старинѣ, „городы робити и мосты мостити по тому, какъ передъ тымъ бывало“... Оправа замка и моста здѣсь тѣсно сливается другъ съ другомъ[3].

Въ другихъ случаяхъ, подобно разграниченію замка и острога, проводится извѣстное различіе въ работѣ замковыхъ стѣнъ и моста. Въ Кіевѣ мѣщане освобождены отъ оправы города, но участвовали въ оправѣ моста. Въ Черкассахъ замокъ и мостъ робили добродеревцы, а острогъ бояре и мѣщане. Гдѣ мостовъ было много, тамъ и оправа была строго регламентирована. Въ Луцкѣ, напримѣръ, былъ мостъ передъ замкомъ черезъ перекопъ и мостъ передъ вежою паркановою: два эти моста мостили мельники господарскіе и частновладѣльческіе; затѣмъ были два моста черезъ рѣки — эти мосты мостили мѣщане и „жидова Луцкая“[4].

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, стр. 616.

[2]) *Любавскій*, Областное дѣленіе, стр. 473.

[3]) Архивъ IV, I, стр. 38. Акты Западной Россіи I, № 127.

[4]) Акты Западной Россіи I, № 120. Архивъ VII, I, стр. 81, Архивъ VII, I, стр. 165.

Приходилось иногда дѣлать отступленія отъ этой разверстки, но тотъ, кто былъ заинтересованъ въ сохраненіи старинной разверстки, старательно отмѣчалъ, что единичное отступленіе отъ установившагося порядка не можетъ идти въ счетъ. Такъ въ Вильно передъ замкомъ Виленскимъ мостить мостъ было обязанностью виленской волости. Разъ великій князь Александръ выразилъ желанье, чтобы мѣщане виленскіе замостили мостъ для спѣшности. Мѣщане согласились исполнить просьбу великаго князя, но выпросили у великаго князя спеціальный листъ, что замостили они этотъ мостъ по доброй волѣ, а не по обязанности. Повинность мостить мостъ попрежнему лежитъ на волости[1]).

О деталяхъ разверстки мостовой работы имѣются свѣдѣнія изъ разныхъ городовъ: напримѣръ, въ Витебскѣ мощивалъ каждый человѣкъ передъ своимъ дворомъ съ пяти топорищъ[2]).

За исправнымъ состояніемъ стѣнъ и мостовъ слѣдили городничіе и мостовничіе. Осматривая отъ времени до времени стѣны и мосты, они замѣчали всякія неисправности и обсылали тѣхъ лицъ, которыя должны были оправлять эту городню или дѣльницу. Луцкіе мосты, напримѣръ, рубили мельники, имѣвшіе свои млыны вблизи замка: „яко ихъ городничій обошлетъ, винны прійти и робити за своею стравою и кромѣ жадное помощи“[3]). Ревизіи отмѣчали, подъ чьимъ наблюденіемъ зарублены были тѣ или другія замковыя укрѣпленія. Напримѣръ, ревизоръ Кіевскаго замка отмѣтилъ: замокъ киевский зновъ увесь отъ десяти летъ справою городничого тамошьнего пана Ивана Служъки... уробленъ...[4]).

Городничій слѣдилъ за правильнымъ распредѣленіемъ городовой работы и велъ списки городенъ, подобныя тѣмъ, какіе включали ревизоры въ свои ревизіи замковъ. Если нѣкоторыя городни оставались безъ хозяевъ, то городничій старался новымъ распредѣленіемъ городенъ заполнить и пустыя городни. Вотъ примѣръ пререканій населенія съ городничимъ изъ-за измѣненій въ разверсткѣ городенъ. Полоцкіе бояре Зеновьевичи и Остафьевичи жаловались, что имъ введена новина: заставляютъ ихъ рубить 8 городенъ вмѣсто прежнихъ двухъ[5]).

---

[1]) Акты Леонтовича, № 159.
[2]) Акты Западной Россіи I, № 127.
[3]) Архивъ Юго-Западной Р. VII, I, стр. 165.
[4]) Архивъ VII, I, 106.
[5]) Акты Довнаръ-Запольскаго, стр. 68.

При нормальномъ ходѣ жизни, когда волость и городъ жили мирно, спокойно, безъ большихъ потрясеній, въ разверсткѣ городовой работы не бывало рѣзкихъ измѣненій. Земянскія семьи, господарскія села, частновладѣльческіе люди по старинѣ, какъ издавна было, годами оправляли однѣ и тѣ же городни. Старину знали, цѣнили, охраняли, и вмѣшательства власти въ разверстку не требовалось.

Вмѣшательство городничаго зачастую являлось непріятною новиною. Вотъ такую-то непріятную новину ввелъ намѣстникъ полоцкій боярамъ полоцкимъ Зеновьевичамъ и Остафьевичамъ, заставивши рубить 8 городенъ вмѣсто двухъ прежнихъ. Въ жалобѣ великому князю бояре указывали на прежнюю старину, и великій князь призналъ значеніе стародавняго обычая, который не долженъ быть нарушаемъ безъ важныхъ основаній.

Оправа городенъ происходила подъ контролемъ городничаго.

Городовая работа распредѣлялась по городнямъ и каждый несъ отвѣтственность за состояніе городни. Чтобы не нести отвѣтственности за чужую вину, каждый окончившій свою долю просилъ городничаго посмотрѣть, что городня зарублена правильно и городовая работа выполнена, какъ слѣдуетъ. На приглашеніе участниковъ городничій осматривалъ сдѣланныя работы и провѣрялъ ихъ правильность.

Но отношенія населенія къ городничему далеко не всегда были гладки. Бывали размолвки по различнымъ причинамъ и доходили эти размолвки иногда до самого великаго князя.

Бывали недоразумѣнія и споры относительно произвольнаго измѣненія городничимъ прежней нормы городовой работы. Выше былъ приведенъ примѣръ. Самому великому князю въ 1499 г. пришлось разбирать жалобу полоцкихъ бояръ Остафьевичей и Зеновьевичей на принужденіе робить 8 городенъ вмѣсто прежнихъ двухъ. Великій князь, разсмотрѣвши жалобу, оставилъ бояръ при старинѣ и отмѣнилъ нововведенную новину. Это—дошедшее до вѣдома великаго князя пререканіе между намѣстникомъ и населеніемъ на почвѣ отбыванія городовой работы, но пререканій такихъ бывало гораздо больше.

Натянутыя отношенія съ городничимъ заставляли населеніе подозрительно относиться къ дѣйствіямъ этого послѣдняго при осмотрѣ и контролѣ производимыхъ работъ. Можно ли спокойно ожидать, когда соблаговолитъ городничій пожаловать на осмотръ сдѣланныхъ работъ? А если городничій намѣренно запоздаетъ и потомъ притянетъ къ отвѣту за промедленіе съ назначенною оправою? И вотъ окончившія

работу лица стремятся отмѣтить въ офиціальной записи, что назначенныя городничимъ городовыя работы выполнены были къ назначенному сроку [1]).

Во избѣжаніе неаккуратности и промедленія городничіе назначали значительный штрафъ, какъ угрозу для нерадивыхъ къ своимъ обязанностямъ. Въ Пинскѣ, напримѣръ, городничій заручилъ заруку—господарю 500 к. гр., старостѣ пинскому—100 к. гр., подстаростему—30 к. гр. [2]).

За свой контроль за производствомъ работъ и за свой осмотръ сдѣланныхъ городенъ или дѣльницъ городничій получалъ небольшое вознагражденіе съ участниковъ, посокирщину и помостное, и часть штрафовъ за небрежность.

На этой почвѣ не разъ выходили недоразумѣнія у населенія съ городничими и мостовничими. Смоленская грамота великаго князя Александра напоминала мостовничимъ, завѣдывавшимъ „помостное на городѣ", чтобы они брали свой грошъ только съ тѣхъ, чья „дѣльница сказится, а за ся замоститъ": очевидно, мостовничіе склонны были взыскивать свой грошъ и съ тѣхъ, чьи городни и дѣльницы были въ полномъ порядкѣ. Въ Витебскѣ лица, причастныя къ контролю за мостовыми работами, прибѣгали къ своеобразнымъ ухищреніямъ для увеличенія своихъ доходовъ: они ходили по ночамъ, сдирали цѣлыя мостницы, а затѣмъ взимали штрафъ за небрежность и неаккуратность. Грамота витебскому намѣстнику, данная по жалобѣ мѣстнаго населенія на кривды и повины, запретила на будущее время подобныя уловки для незаконнаго увеличенія своихъ доходовъ [3]).

Къ отбыванію городовой работы привлекались обычно всѣ круги мѣстнаго населенія.

Городское населеніе, жившее въ самомъ городѣ, болѣе другихъ было заинтересовано въ цѣлости и прочности городскихъ укрѣпленій.

Участіе мѣщанъ въ оправѣ города было общимъ правиломъ, а по-

[1]) Въ моей книгѣ „Пинское Полѣсье" приведены двѣ такія записи—заявленіе евреевъ пинскихъ и мѣщанъ пинскихъ о своевременномъ исполненіи ими назначенной городовой работы—паркана, рова и острога, см. „Пинское Полѣсье" II, стр. 133 и прилож., №№ 107, 108.

Неаккуратныхъ городничій штрафовалъ, взыскивалъ штрафъ—грабилъ и приказывалъ „тымъ грабежемъ тыи части заробити, водле стародавного звычаю".

[2]) См. указанные выше акты, напечатанные въ „Пинскомъ Полѣсьи", прил. № 107, 108.

[3]) Акты Западной Россіи I, № 213 и № 127.

тому и не было нужды спеціально говорить объ этомъ. Упоминанія о повинности мѣщанъ рубить замокъ дѣлаются въ актахъ по какимъ либо исключительнымъ причинамъ: при какомъ либо спорѣ о повинностяхъ, въ случаѣ жалобъ на произвольное повышеніе державцею обычной нормы обязанностей и т. д.

При дарованіи городу магдебургскаго права и связанныхъ съ этимъ нѣкоторыхъ льготъ, грамоты прямо отмѣчаютъ, что все-таки городовая работа попрежнему остается за мѣщанами въ томъ или иномъ размѣрѣ. Вотъ, напримѣръ, грамота городу Оршѣ на магдебургское устройство: здѣсь же указаны и обязанности мѣщанъ оршанскихъ относительно поддержанія въ порядкѣ замковыхъ стѣнъ, ремонта моста, оправы потайника замковаго и т. д. [1]).

Тамъ, гдѣ замковыя работы расчленены на нѣсколько группъ, тамъ, какъ выше уже было указано, мѣщане должны были исполнять нѣкоторыя извѣстныя работы, другія ложились на иныя группы населенія. Такъ было, напримѣръ, въ Каневѣ и въ Черкассахъ—мѣщане робили острогъ, а замка не робили; въ Кіевѣ—мѣщане робили только острогъ и поддерживали дорогу; въ Луцкѣ робили опредѣленные мосты, въ Мозырѣ тоже оправляли опредѣленные мосты—замковый и на Припяти [2]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ на долю мѣщанъ приходилась извѣстная, строго опредѣленная часть замковой оправы и городовыхъ работъ.

Если въ силу спеціальныхъ условій мѣщанамъ было тяжело нести свою долю замковой работы и они настойчиво обращали вниманіе на свое затруднительное положеніе, великій князь старался помочь мѣщанамъ. За ними оставлялась прежняя норма повинностей, но за то въ помощь мѣщанамъ назначались и другіе круги населенія. Въ Черкассахъ „поправовати города и острогу обязаны были и слуги старостины, служившіе конную службу“. Въ Полоцкѣ мѣщанамъ въ городовой работѣ помогали и сельскіе путники [3]).

При особо уважительныхъ причинахъ великому князю приходилось временно освобождать отъ городовой работы, т. е. брать на господарскій скарбъ неотложные ремонты укрѣпленій. Уставною грамотою великаго князя Александра съ мѣщанъ кіевскихъ снята обязанность рубить городъ (а города имъ не рубити) [4]).

---

[1]) Акты Южной и Западной Россіи I, № 212.

[2]) Архивъ Юго-Западной Россіи VII, I, с. 165 и с. 616.

[3]) Акты Западной Россіи II, 195 I, № 185.

[4]) Акты Западной Россіи I, № 120.

Съ освобожденіемъ тѣхъ или иныхъ группъ населенія отъ стародавнихъ повинностей, некому было исполнять неотложныя и важныя замковыя работы. Интересный примѣръ—житомирскій замковый мостъ. Кому его оправлять? Мѣщане жаловались великому князю Александру, что имъ самимъ не въ моготу исполнять такую тяжелую работу, какъ оправа моста. Поэтому великій князь Александръ приказалъ, чтобы въ мощеніи моста помогали мѣщанамъ и живущіе въ мѣстѣ люди княжескіе, панскіе и боярскіе. Но позднѣе земяне житомирскіе жаловались Сигизмунду, что имъ тяжело мостъ робити, десятину давати и ставить кликуновъ на замокъ: въ виду этой жалобы и дѣйствительно тяжелыхъ условій жизни (для поганства татаръ), великій князь Сигизмундъ освободилъ земянъ житомирскихъ отъ мостовой работы. Такимъ образомъ, возникъ вопросъ: кому же мостить мостъ? Мѣщане ссылались на грамоту Александра, предписывавшую людямъ панскимъ помогать, паны ссылались на позднѣйшую грамоту Сигизмунда, освобождавшую ихъ отъ мостовой работы. За которымъ споромъ ихъ тотъ мостъ нероблен стоитъ—замѣчаетъ печально ревизоръ 1545 г. [1]).

Другая группа мѣстнаго населенія—это живущіе въ городѣ частновладѣльческіе люди, княжескіе, панскіе, боярскіе. Живя въ городскихъ стѣнахъ, пользуясь ихъ защитою, пользуясь преимуществами городской жизни, они должны были, по общему правилу, помогать мѣщанамъ въ оправѣ мѣстскихъ стѣнъ, замка и острога. Въ Кіевѣ, напримѣръ, мѣщане должны были робити свои дѣльницы, а люди княжескіе, панскіе и духовные должны были по тому жъ оправляти свои дѣльницы. Позднѣе мѣщане кіевскіе жаловались, что живущіе въ Кіевѣ частновладѣльческіе люди, княжескіе, митрополичьи, монастырскіе не помогаютъ имъ въ повинностяхъ—„мосту городового не мостятъ и острогу не острожатъ...“ [2]).

Въ числѣ этихъ частновладѣльческихъ людей были и привилегированные, освобожденные отъ участія въ городовой работѣ. Князья и паны, получавшіе отъ великаго князя разрѣшеніе поставить домъ на случай „осаднаго сидѣнья“, выпрашивали зачастую и полное освобожденіе своей городской усадьбы отъ всякихъ мѣстскихъ повинностей. Люди панскіе и боярскіе, сидѣвшіе на такихъ мѣстскихъ земляхъ и въ мѣстскихъ усадьбахъ, пользовались свободою отъ мѣстскихъ повинностей, а въ томъ числѣ и отъ городовой работы.

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи VII, I стр. 130—132.

[2]) Акты Западной Россіи I, № 207. Акты Южной и Западной Россія II, № 108.

Участвовали въ городовой работѣ и частновладѣльческіе люди, жившіе по селамъ. Между частновладѣльческими селами разверстывались замковыя городни и мостовыя дѣльницы: села должны были аккуратно выполнять лежавшія на нихъ доли замковыхъ работъ.

Исключенія бывали и здѣсь. По просьбѣ князей, пановъ и бояръ, великій князь давалъ ихъ селамъ льготы, освобожденіе отъ городовой работы. Такъ, напримѣръ, великій князь Сигизмундъ по просьбѣ князя Юрія Гольшанскаго освободилъ его людей Бобруйской волости „отъ работъ замковыхъ, то есть, Кіевскаго и Бобруйскаго и иншихъ замковъ нашихъ“. Благодаря этому льготному листу великаго князя, въ замковой работѣ не принимали участія люди князя Юрія Гольшанскаго.

Относительно освобожденія панскихъ людей отъ замковыхъ работъ не вездѣ придерживались одинаковыхъ правилъ. Въ центральныхъ, гдѣ жилось болѣе спокойно и не было постоянной опасности, легче было получить освобожденіе отъ участія въ замковыхъ работахъ. На южномъ, болѣе тревожномъ порубежьи приходилось больше думать объ оборонѣ границъ и оправѣ замковъ. Поэтому здѣсь освобожденіе отъ замковыхъ работъ давалось не такъ охотно. Но съ другой стороны общее разореніе края постоянными татарскими набѣгами, запустѣніе селъ и обнищаніе частновладѣльческаго крестьянства въ разоренныхъ мѣстностяхъ, все это заставляло власть удерживаться отъ непомѣрнаго увеличенія податнаго бремени. Если вырастали нужды обороны, то далеко не все можно было возложить на мѣстное населеніе. Постоянныя жалобы на непомѣрное обложеніе, постоянныя угрозы разойтись прочь, бросивши все, эти жалобы и эти угрозы удерживали власть отъ увеличенія нормы повинностей и заставляли оказывать значительную помощь изъ скарба господарскаго.

2. Споры объ исполненіи городовой работы.

При системѣ разверстки городовой работы всякое уклоненіе отъ участія тяжело отзывалось на всѣхъ остальныхъ участникахъ городовой работы.

Доля уклонившагося отъ повинности переходила къ другимъ участникамъ, и они должны были сверхъ своей исполнить и чужую работу.

Вотъ поэтому-то всѣ внимательно слѣдятъ, чтобы никто не уклонялся отъ исполненія своей доли повинностей и всякое уклоненіе вызываетъ энергичный протестъ.

Товарищи уклоняющагося привлекаютъ его къ исполненію повинностей, пріискиваютъ, по выраженію актовъ того времени.

О случаяхъ такого привлеченія свидѣтельствуютъ акты: на упорство подавались жалобы мѣстнымъ властямъ, затѣмъ великому князю. Жаловались иногда и тѣ, кого привлекали къ повинностямъ. По этимъ жалобамъ производилось слѣдствіе и разборъ дѣла.

Въ жалобахъ на уклоненіе отъ исполненія обычныхъ повинностей истцомъ является группа лицъ, совмѣстно отбывающихъ опредѣленный кругъ повинностей.

Зачастую въ этихъ жалобахъ фигурируетъ волость: это общее наименованіе для волощанъ и мѣщанъ, совмѣстно отбывающихъ повинности. Такъ, напримѣръ, серебщизну платили вмѣстѣ мѣщане съ волощанами въ Торопецкой волости, въ Могилевской волости, въ Бобруйской волости (въ обѣихъ ея половинахъ) [1]). Въ случаѣ уклоненія отъ платежа серебщизны истцомъ являлась вся волость, волощане собственно съ мѣщанами вмѣстѣ: они-то и подавали великому князю жалобу на уклоняющихся отъ повинностей.

Въ судебномъ рѣшеніи великаго князя Александра по дѣлу свислочанъ съ людьми бояръ Котовичей сказано: „жаловали намъ люди нашы вся волость Свислоцкая“: здѣсь опять-таки жаловались волощане съ мѣщанами, сообща отбывавшіе повинности [2]).

Съ чего начинались недоразумѣнія, указываетъ, напримѣръ, только что приведенная жалоба свислочанъ. Люди бояръ Котовичей „здавна“ несли повинности съ волостью Свислочскою, „городы рубливали и ордынщину давали и дубащыну плачывали и недели стерегивали съ подводами... и мосты мосчывали и сено въ Рудникахъ кошывали и жытщыну до городовъ вожывали“. Издавна боярскіе люди помогали волости исполнять волостныя повинности. И вотъ неожиданно это единеніе стало рушиться. Люди боярскіе стали отказываться отъ участія въ волостныхъ повинностяхъ: „и по кольку дей годовъ тыхъ роботъ съ ними не робять... а въ томъ намъ, волости Свислоцкой, отъ нихъ кривды и шкоды великіи дѣються“.

Эти напоминанія о шкодахъ постоянная тема. Обязанность городовой работы была не легка, и потому волости не разъ хлопотали, нельзя ли какъ-нибудь уменьшить стѣснительное бремя.

Любопытенъ случай съ волостью Свислочскою. Рѣшено было про-

---

[1]) *Любавскій*, Обл. дѣленіе, прил. № 10. Акты Зап. Р. II, № 86. *Довнаръ-Запольскій.* Очерки организаціи, прил. № 8.

[2]) Русская Историческая Библіотека XXVII, стр. 727.

сить господаря снять съ волости тяжелую повинность рубить городъ въ Свислочи. Выбрали ото всей волости 12 человѣкъ, въ томъ числѣ одного мѣщанина, собрали имъ со всей волости деньги и послали всѣхъ 12 выбранныхъ бить челомъ государю о сложеніи тяжелой повинности. Однако, задуманное дѣло не имѣло успѣха. Вышло недоразумѣніе. Намѣстникъ разъяснилъ, что выбранные делегаты не исполнили даннаго имъ порученія, истратили волостныя деньги на свои нужды и утаили это обстоятельство отъ волости. Узнавши объ этомъ, волость привлекла выбранныхъ делегатовъ къ суду. Судилъ намѣстникъ съ волостью, призналъ делегатовъ виновными и взялъ на нихъ вины 7 к. гр. Такъ изложилъ все дѣло намѣстникъ п. Громыка. Но выборные отрицали сообщенные намѣстникомъ факты о растратѣ волостныхъ денегъ, о судѣ и объ осужденіи: въ томъ слалися они на волость, а п. Громыка не слался на волость. Какъ бы ни было съ деталями, этотъ планъ посылки делегаціи къ господарю съ просьбою сложить городовую работу очень интересенъ, какъ характеристика отношенія населенія къ этой повинности рубить городъ [1]).

Если такъ была тяжела повинность городовой работы, то неудивительно, что волость настойчиво добивалась возвращенія въ потягль всѣхъ тѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ, болѣе или менѣе уважительнымъ причинамъ, стремился сбросить съ себя податное бремя.

Волости было изъ-за чего хлопотать: она снимала со своихъ плечъ добавочную тяжесть, возложенную уклоняющимися участниками потягли.

Но и тѣ, кого настойчиво привлекали къ повинностямъ, далеко не всегда ограничивались пассивнымъ сопротивленіемъ. Они жаловались великому князю, что ихъ незаконно привлекаютъ къ исполненію обязанностей, отъ коихъ они освобождены.

Съ такою именно жалобою обратились къ великому князю Казиміру могилевскіе бояре Ильиничи: жаловались они на намѣстника могилевскаго и волость, что тѣ незаконно вернутъ ихъ у потягль, заставляютъ „у подводы ходити и пошлины иншыи“ давати [2]).

Жалоба волости на незаконное уклоненіе отъ участія въ повинностяхъ, какъ и жалоба лицъ, привлекаемыхъ къ отбыванію повинностей, вызывала вопросъ: обязано ли данное лицо, привлекаемое

[1]) Русская Историческая Библіотека (книги судныхъ дѣлъ) XX, стр. 806.

[2]) Акты Западной Россіи I, № 91.

волостью къ отбыванію повинностей, исполнять именно эти повинности или же не обязано?

Споръ между волостью и отдѣльными лицами о несеніи повинностей легко разрѣшался, если одна изъ сторонъ могла сослаться въ подтвержденіе своихъ заявленій на ясное и неоспоримое свидѣтельство представленныхъ письменныхъ доказательствъ, какъ то: господарскихъ листовъ, судебныхъ выроковъ и т. д.

О совмѣстномъ несеніи городовой работы не разъ давались вполнѣ опредѣленныя указанія въ господарскихъ листахъ. Примѣръ такого яснаго указанія—въ листѣ господарскомъ относительно торопчанъ и волощанъ Старцевой волости. Здѣсь ясно отмѣчено: „а городъ имъ (волощанамъ) съ торопчаны рубити и сторожу на городъ давати по давному". При наличности опредѣленныхъ указаній споръ объ участіи въ повинностяхъ легко разрѣшался самъ собою [1]).

Свидѣтельствами актовъ могли воспользоваться и тѣ, кто не несъ повинностей и противился всѣмъ поползновеніямъ привлечь къ участію въ повинностяхъ.

Боярскія имѣнія въ волости, панскія усадьбы и земли въ городѣ освобождались иногда отъ участія въ городовой работѣ. Если волость или городъ стремился привлечь къ участію въ починкѣ укрѣпленій, съ такимъ господарскимъ листомъ можно было чувствовать себя совсѣмъ спокойно.

Примѣръ освобожденія отъ городовой работы—пожалованье вел. кн. Сигизмунда князю Юрію Ивановичу Гольшанскому людей въ Бобруйской волости. Эти люди освобождены великимъ княземъ „отъ работъ замковыхъ, то есть Кіевскаго и Бобруйскаго и иншихъ замковъ нашихъ (господарскихъ) и недѣли Бобруйское". Значитъ, волость не могла привлекать этихъ людей къ городовой работѣ: въ случаѣ жалобъ на уклоненіе отъ повинностей можно было представить господарскій листъ, освобождающій отъ обязанности рубить городъ [2]).

Обѣ стороны одинаково ссылались на старину. Волость, стремившаяся вернуть уклоняющихся, ссылалась на старину, когда всѣ вмѣстѣ отбывали повинности, безъ всякой вымовы. И тотъ, кто старался освободиться отъ участія въ повинностяхъ, точно такъ же ссылался на старину, что никогда такихъ повинностей не исполнялъ и не долженъ былъ исполнять.

---

[1]) *Любавскій*, Областное дѣленіе, № 10.

[2]) *Любавскій*, Областное дѣленіе, стр. 473.

Старина, какъ было „здавна", вотъ центральный вопросъ спора. Каждый по своему представлялъ прошлое и старался другого убѣдить въ своей правотѣ.

Зачастую вопросъ о повинностяхъ нельзя было разрѣшить на мѣстѣ, и тогда его переносили на судъ вел. князя. Вотъ, напримѣръ, бояре могилевскіе Ильиничи жаловались на принужденіе къ отбыванію волостныхъ повинностей. Великій князь рѣшилъ, что Ильиничи не должны нести повинностей волостныхъ ни со своей отчины, ни съ приданной земли Семенчинской [1]). Вотъ въ Радуньской волости намѣстникъ вмѣстѣ съ волостью принуждалъ нѣкоторыхъ бояръ къ участію въ волостныхъ повинностяхъ и грабилъ за непослушаніе. Споръ между волостью и боярами дважды разбирался воеводами троцкими п. Андреемъ Саковичемъ и п. Петромъ Яновичемъ. Затѣмъ дѣло это перешло на судъ великаго князя. Окончательное рѣшеніе вынесено великимъ княземъ Александромъ. Бояре оправданы, а намѣстнику, пограбившему бояръ за непослушаніе, приказано вернуть все, что было пограблено [2]).

На судъ великаго князя переданъ былъ и споръ волости Свислоцкой съ панскими людьми этой волости. Великому князю Александру пришлось разбирать жалобу волости на людей бояръ Котовичей, что эти люди боярскіе вопреки старинѣ перестали помогать волости въ исполненіи общеволостныхъ повинностей: а боярскіе люди раньше съ волостью „городы рубливали и ордынъщину давали" и исполняли другія повинности. Великій князь рѣшилъ дѣло въ пользу волости и приказалъ боярскимъ людямъ помогать во всемъ волости. Другой споръ касался панскихъ людей п. Котовичей и князей Вишневецкихъ. Разобравши дѣло, великій князь Сигизмундъ призналъ требованія волости вполнѣ справедливыми и приказалъ панскимъ людямъ вмѣстѣ съ волостью „городы рубити и мосты мостити потому, какъ передъ тымъ бывало"...

Люди Бобруйской волости Виленской половины жаловались на людей п. Яна Миколаевича и п. Венцлава Костевича, Зубаревичей и Колчичанъ, что тѣ прежде вмѣстѣ съ волостью, „городы и мосты робливали и въ подачкахъ и во всякихъ розметѣхъ имъ помогивали", а потомъ перестали помогать, и волости пришлось очень тяжело. Рѣшеніе великаго князя признало справедливымъ домогательство во-

---

[1]) Акты Западной Россіи I, № 91.

[2]) Акты Леонтовича, № 253.

лости, и тогда приказано было панскимъ людямъ участвовать въ волостныхъ повинностяхъ, обычныхъ и экстраординарныхъ (напримѣръ, работа замку нашого Киевского). Несмотря на такое рѣшеніе великаго князя, панскіе люди все-таки уклонялись отъ участія въ волостныхъ повинностяхъ, и снова пришлось имъ напоминать о постоянномъ участіи въ волостной потягли.

Въ приведенныхъ случаяхъ пріискивали „въ потягль" волощане, по съ подобными требованіями обращались къ панскимъ людямъ и мѣщане, когда имъ было тяжело нести податное бремя безъ помощи другихъ группъ населенія.

Какъ выше было указано, споръ объ отбываніи повинностей зачастую переходилъ въ споръ о старинѣ. Каждая сторона по своему рисовала эту старину и искала въ ней подкрѣпленія своимъ домогательствамъ. И этотъ вопросъ о старинѣ не всегда легко было разрѣшить.

Кому же свидѣтельствовать о старинѣ, о томъ, какъ было издавна?

Вотъ, напримѣръ, споръ волости Свислоцкой съ людьми бояръ Котовичей.

Начало обычное: волость пріискивала боярскихъ людей въ потягль, какъ это бывало издавна. Боярскіе люди упрямились и заявляли, что они того не дѣлали „здавна". Возникъ, такимъ образомъ, вопросъ о „здавна", о старинѣ. Волость слалась на свѣтковъ о старинѣ, на людей сосѣднихъ волостей—Бобруйской, Мозырской, Рѣчицкой, Горвольской. Боярскіе люди указали 13 человѣкъ волощанъ изъ различныхъ селъ для принесенія присяги о старинѣ. На назначенный срокъ явились всѣ указанные люди, кромѣ одного Козули, и хотѣли принести требуемую присягу. Однако, люди боярскіе къ присягѣ ихъ „не повели". Тогда великій князь въ виду отказа повести къ присягѣ приказалъ присягнуть волости. Свислочане присягнули во всемъ „на тыхъ члонкахъ вышеписанныхъ". Этою присягою волости рѣшенъ вопросъ о старинѣ, и домогательства людей бояръ Котовичей оставлены безъ вниманія. Боярскіе люди обязаны всякую потягль тягнути съ волостью Свислоцкою и не должны отказываться отъ какой бы то ни было работы.

Не всегда споры объ отбываніи повинностей завершались быстрымъ исходомъ. Случалось и такъ, что споры о повинностяхъ затягивались, рѣшались и перерѣшались. Слишкомъ важные были это вопросы, чтобы къ нимъ можно было подойти просто и не оспаривать непріят-

наго рѣшенія. Дѣло шло объ обложеніи и податномъ бремени, а въ такихъ случаяхъ отступались не такъ легко.

Вспомнимъ, напримѣръ, споръ мѣщанъ новгородскихъ съ людьми цѣринцами относительно участія въ повинностяхъ. Споръ разбирали дважды намѣстники державцы Новгородка, п. Миколай Радивиловичъ и п. Янъ Юрьевичъ и вынесли рѣшеніе въ пользу мѣщанъ. Но мужи цѣринцы не сразу согласились съ этимъ вырокомъ и попрежнему отказывались помогать мѣщанамъ въ исполненіи повинностей. Вызванные на судъ великаго князя, цѣринцы упорствовали, ссылаясь на старину: „николи“ этихъ повинностей не исполняли. Однако, великій князь, разобравши дѣло, не призналъ справедливости домогательствъ цѣринцевъ и постановилъ, что цѣринцы должны исполнить повинность „по давному“.

Укажемъ еще споръ мѣщанъ витебскихъ съ витебскими кожемяками. Мѣщане привлекали кожемякъ къ участію въ отбываніи повинностей. Кожемяки жаловались великому князю, что ихъ принуждаютъ къ незвыклымъ повинностямъ. Великій князь поручилъ разобрать это дѣло на мѣстѣ намѣстнику витебскому вмѣстѣ съ боярами витебскими, а о старинѣ допросить войта и старыхъ мѣщанъ. Намѣстникъ сообщилъ великому князю, что онъ разобралъ все это дѣло и рѣшилъ въ пользу кожемякъ, освободилъ ихъ отъ повинностей съ мѣщанами. Въ этомъ смыслѣ и былъ выданъ судебный вырокъ. Но мѣщанамъ не хотѣлось упустить помощь кожемякъ, и снова стали принуждать кожемякъ къ участію въ повинностяхъ. Дѣло перешло къ великому князю. Въ интересахъ мѣщанъ выступилъ войтъ и заявилъ, что на судѣ намѣстника онъ не присутствовалъ, рѣшеніе постановлено безъ него и въ противность старинѣ, такъ какъ прежде кожемяки участвовали въ повинностяхъ исполняемыхъ мѣщанами. Въ виду такого заявленія великій князь „зламалъ судъ князя Ивановъ“ (т. е. намѣстника), велѣлъ отобрать у кожемякъ судебный листъ и дать мѣщанамъ соотвѣтствующій листъ о помощи. Но противъ такого оборота дѣла протестовали кожемяки: они заявили, что показаніе войта ложно, что войтъ присутствовалъ на судѣ намѣстника и высказался о свободѣ кожемякъ отъ повинности. Произведено разслѣдованіе, заявленіе кожемякъ о присутствіи войта на судѣ намѣстника подтвердилось, свидѣтельство войта признано „кривымъ“ и кожемяки окончательно освобождены отъ спорныхъ повинностей.

Эти долгіе и оживленные споры обрисовываютъ интересную сторону тогдашней городской жизни. Къ началу XVI вѣка податное

бремя сильно возросло и податнымъ группамъ было не легко. Поэтому всякая прибавка повинностей, прямая ли въ видѣ введенія новыхъ повинностей или косвенная въ видѣ усиленія уже существующихъ, вызывала самые энергичные протесты населенія. Если прежняя норма обложенія оставалась безъ измѣненій, а нѣкоторымъ участникамъ давались льготы, то тѣмъ самымъ увеличивалась доля участія тѣхъ, кто пребывалъ въ прежнемъ положеніи и не получалъ никакихъ облегченій. Вотъ поэтому-то въ годы крайняго напряженія податныхъ силъ раздаются постоянныя жалобы на чрезмѣрное отягощеніе, на непосильное обремененіе и неравномѣрное распредѣленіе повинностей вслѣдствіе частыхъ льготъ отдѣльнымъ лицамъ и группамъ населенія. Начинается вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленное „пріискиваніе“ въ потягль всѣхъ тѣхъ, кто сравнительно мало обложенъ податьми и повинностями. Съ неменьшимъ возбужденіемъ протестуютъ заинтересованныя лица противъ такого пріискиванія, привлеченія въ потягль. Оживленные споры и сложныя судебныя дѣла раскрываютъ экономическую основу тогдашней жизни великаго княжества Литовскаго.

А. Грушевскій.

ДЕКЛАРАЦІЯ ПРАВЪ 1789 Г. И ЕЯ ИСТОЧНИКИ.

Ни одному изъ законодательныхъ актовъ французскаго національнаго учредительнаго собранія не посчастливилось настолько въ дальнѣйшей исторіи, какъ *деклараціи правъ человѣка и гражданина*, изданной собраніемъ въ августѣ 1789 г. и ставшей введеніемъ въ конституцію 1791 г. Ея основныя положенія возрождаются въ деклараціяхъ 1793 г., въ деклараціи 1795 г., въ консульской прокламаціи 1799 г., въ конституціонной хартіи 1814 г. и въ дополнительныхъ статьяхъ къ ней, составленныхъ палатой депутатовъ 1815 г., въ конституціонной хартіи 1830 г., въ конституціи французской республики 1848 г. и даже въ наполеоновской конституціи 1852 г.

Но зато ни одинъ изъ законодательныхъ актовъ великой революціи не вызывалъ къ себѣ столь различнаго отношенія у современниковъ и потомства, какъ декларація 1789 г. Изъ-за чего такъ много поломано копій, изъ-за чего такъ много спорили, какъ не изъ-за провозглашенія правъ человѣческой личности? Начиная съ великаго антагониста революціи англичанина Борка, сравнивавшаго декларацію съ подземной миной, подведенной подъ всѣ устои стараго общества (Réflexion sur la Révolution française trad. par d'Anglejan, nouv. éd. Paris. 1913, p. 95), вплоть до самаго послѣдняго времени не было недостатка въ порицаніяхъ и осужденіяхъ деклараціи. Одни нападали на нее за ея абстрактный характеръ [1]), другіе видѣли въ ней призывъ къ бунту и неповиновенію [2]), третьи высмѣивали самыя права человѣка, которыя никогда не существовали [3]), монархисты порицали

[1]) Про творцовъ деклараціи *Карлейль* сказалъ: „они заняты построеніемъ теоріи неправильныхъ спряженій".

[2]) См. тираду *Тэна* противъ „естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ" (Происхожденіе современной Франціи, рус. пер. Швырова II, 159).

[3]) *Dumont*, Souvenirs sur Mirabeau, p. 138.

декларацію за полное игнорированіе правъ и личности монарха и оправданіе эксцессовъ черни [1]), добрые католики находили ее антихристіанской и нечестивой [2]).

Но голоса порицаній и осужденій деклараціи съ давнихъ поръ уже заглушались восторженными отзывами ея защитниковъ и панегиристовъ. Не только современники, творцы деклараціи, восторгались своимъ созданіемъ, сравнивая ее съ евангеліемъ [3]), имъ восторгались иностранцы и отдаленные потомки [4]).

Начало XX вѣка ознаменовалось настоящимъ культомъ деклараціи. Постановленіе палаты депутатовъ отъ 17-го мая 1901 г. предписываетъ афишированіе деклараціи въ школахъ, храмахъ, церквахъ, синагогахъ, казармахъ, меріяхъ и даже министерствахъ. Толкованіе деклараціи становится необходимымъ элементомъ школьнаго преподаванія, текстъ ея вносится въ руководство гражданскаго обученія. Книжный рынокъ наполняется многочисленными комментаріями законодательнаго акта далекаго прошлаго, сдѣлавшагося для современныхъ французовъ лозунгомъ свободы и девизомъ республики. Такимъ образомъ не только спеціалистъ-ученый, но и всякій французскій гражданинъ XX вѣка не можетъ не заинтересоваться тѣмъ періодомъ работы учредительнаго собранія, когда увидѣли свѣтъ отдѣльные параграфы деклараціи и сама она сдѣлалалась необходимымъ введеніемъ въ конституцію.

Отсюда понятнымъ становится и тотъ интересъ, съ какимъ обсуждается за послѣднее время въ наукѣ вопросъ объ *источникахъ* деклараціи. Вопросъ этотъ, имѣющій жгучее и острое значеніе для

---

[1]) *Любимовъ*, Крушеніе монархіи во Франціи.

[2]) Споръ о деклараціи среди католиковъ ведется издавна. Либеральные католики 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія старались ея параграфы сопоставлять съ изреченіями св. Ѳомы, Беллярмина, Суареца. Ихъ противники выносили деклараціи и ея творцамъ суровый приговоръ (*Weill*, Hist. du catholicisme libéral en France. 1909, p. 163—165). Въ самомъ концѣ XIX в. мы видимъ новыя нападки на декларацію, какъ на самое дерзкое посягательство на права Божества (ib., p. 269); споръ не прекратился и по сію пору. См. въ Etudes, издаваемыхъ іезуитами, полемическую статью *Муазана* 20 dec. 1912. Муазанъ возражаетъ *Брюжеретту*, стремившемуся доказать, что декларація проникнута христіанскимъ духомъ, и о. *Можюсу*, настаивавшему на безразличномъ характерѣ деклараціи, и съ своей стороны видитъ въ ней актъ воплощеннаго нечестія. Ср. *Mourret*, Hist. générale de l'Eglise. VI, 1912, p. 3.

[3]) *Rabaut S.-Etienne*, Oeuvres, p. 321.

[4]) См. напр. комментарій въ деклараціи *Блюма*, p. 314—316; *Alengry*, La déclaration des droits de l'homme et du citoyen, p. 21.

француза, не можетъ быть безразличнымъ и для иностранца не только потому, что заставляетъ вдуматься въ общее теченіе мысли XVIII в., породившее нашъ памятникъ, но и потому, что побуждаетъ разобраться въ цѣломъ ворохѣ ученыхъ мнѣній объ его источникахъ.

Споръ объ источникахъ деклараціи правъ ведется съ давнихъ поръ, но именно съ 1901 г., съ момента изданія палатой декрета объ ея афишированіи онъ пріобрѣлъ наибольшую остроту и интересъ. Нѣмецкій юристъ *Еллинекъ*, еще раньше выступавшій съ работами объ источникахъ деклараціи, и его французскій комментаторъ *Ляриодъ* встрѣтили съ большимъ удивленіемъ постановленіе палаты и стали доказывать, что декларація имѣетъ чисто религіозное происхожденіе, а отнюдь не политическое. Такъ какъ взглядъ этотъ встрѣтилъ возраженія со стороны нѣкоторыхъ французскихъ ученыхъ [1]), то Еллинекъ черезъ нѣсколько времени попытался его систематизировать и переиздалъ свою брошюру о деклараціи [2]). Вотъ что онъ говоритъ тамъ: „установить законодательнымъ путемъ рядъ неотчуждаемыхъ, прирожденныхъ, священныхъ правъ индивида—эта мысль не политическаго, а религіознаго происхожденія; что до сихъ поръ считали послѣдствіемъ революціи, на самомъ дѣлѣ было плодомъ реформаціи и вызванной ею борьбы; первымъ апостоломъ этой мысли былъ не Ляфайетъ, а тотъ Роджеръ Вильямсъ, который, воодушевленный могучей, глубокой вѣрой, удалился въ пустыню, чтобы основать новое государство и въ немъ осуществить полную свободу вѣроисповѣданія,—чье имя американцы нынѣ произносятъ съ глубокимъ благоговѣніемъ“ [3]). Источникомъ правъ человѣка Еллинекъ признаетъ не государство, а евангеліе [4]).

Но въ брошюрѣ Еллинека теорія религіознаго происхожденія правъ человѣка связывается еще съ одной теоріей. Права человѣка, выросши въ Америкѣ на религіозной почвѣ, нашли себѣ, думаетъ Еллинекъ, политическое выраженіе въ деклараціи независимости Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 1776 г. и въ билляхъ или деклараціяхъ правъ отдѣльныхъ штатовъ. Эти-то деклараціи, по его мнѣнію, и послужили источниками при составленіи французской деклараціи правъ [5]). Еллинекъ находитъ даже возможнымъ указать лицо, которое

---

[1]) *Boutmy*, La déclaration et Yellinek (Annales des sciences polit. 1902, t. 17).
[2]) Die Erklärung der Menschen- u. Bürgerrechte, 1904.
[3]) Рус. пер. подъ ред. Вормса. 1905. Изд. Сытина, стр. 60.
[4]) Ib., стр. 58.
[5]) Стр. 11—15.

было главнымъ пропагандистомъ американскихъ декларацій во Франціи и въ частности среди депутатовъ учредительнаго собранія,—это маркизъ Ляфайетъ, сражавшійся за освобожденіе Америки подъ знаменами Вашингтона [1]).

Обѣ тезы Еллинека встрѣтили во Франціи большую поддержку со стороны извѣстнаго историка кальвинизма *Думерга* [2]). Вполнѣ соглашаясь съ Еллинекомъ относительно вліянія американскихъ декларацій и роли Ляфайета въ созданіи французской деклараціи, Думергъ вноситъ нѣкоторое дополненіе въ первую тезу Еллинека, именно онъ отмѣчаетъ огромное вліяніе кальвинизма на доктрину о прирожденныхъ правахъ человѣка. Первую декларацію правъ человѣка, естественныхъ и ненарушимыхъ, Думергъ находитъ уже у ближайшаго преемника и ученика Кальвина, Безы; ее дополняютъ, говоритъ Думергъ, другіе кальвинистскіе борцы XVI и XVII вв., особенно Жюрьё, памфлетъ котораго [3]) „Вздохи порабощенной Франціи", направленный противъ деспотизма Людовика XIV, въ послѣдній разъ былъ переизданъ наканунѣ самой французской революціи въ 1788 г. Свою мысль о вліяніи на декларацію правъ кальвинистической литературы Думергъ формулируетъ такъ: „Трудно, повидимому, спорить, что теоретически декларація 1789 г. есть логическое слѣдствіе соціо-политическихъ принциповъ, формулированныхъ непрерывно и съ полной ясностью кальвинистами съ Кальвина въ 1536 г. до Бурламаки въ 1748 г.". Впрочемъ, въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этой мыслью стоитъ желаніе автора искать въ нашемъ памятникѣ не одно кальвино-французское теченіе, а еще теченія кальвино-англійское и кальвино-американское, такъ что непонятнымъ дѣлается, почему авторъ, устанавливая во многихъ случахъ по образцу Еллинека текстуальное тожество статей французской деклараціи съ американскими образцами, хочетъ удѣлить еще мѣсто и вліянію французскихъ кальвинистовъ, Безы, Жюрьё и др.

Внутренняя непослѣдовательность теоріи религіозныхъ корней деклараціи объясняетъ, почему первая теза Еллинека, подкрѣпленная даже аргументами Думерга, не собрала около себя многихъ послѣдователей. Зато вторая его теза о заимствованіи не только идей, но и

---

[1]) Стр. 12.

[2]) Les origines histor. de la Déclaration (Revue du droit public. 1904, t. 21 № 4).

[3]) Новѣйшая критика показала, что Жюрьё не былъ авторомъ „Вздоховъ". См. ст. *Савина* въ *Журн. Министр. Нар. Просв.* 1913, ноябрь, стр. 13.

цѣлыхъ параграфовъ деклараціи изъ американскихъ источниковъ нашла среди историковъ весьма сочувственный пріемъ. Не только иностранные ученые, но и очень многіе французы не могутъ себѣ представить иныхъ источниковъ деклараціи, кромѣ американскихъ [1]). Но такое положеніе дѣла кажется невозможнымъ для патріотическаго чувства французовъ. Свести работу членовъ учредительнаго собранія по провозглашенію неотъемлемыхъ и прирожденныхъ человѣческихъ правъ къ простому повторенію того, что было сдѣлано американцами, и признать первый законодательный актъ новой Франціи, евангеліе республики, продуктомъ не національнаго творчества, а заноснаго вліянія,—это могло бы показаться французу оскорбленіемъ лучшихъ его чувствъ. Вотъ почему теорія американскаго происхожденія деклараціи всегда находила во Франціи живую критику.

Но что противопоставить американскимъ законодательнымъ актамъ въ качествѣ источниковъ для французской деклараціи? Въ поискахъ за источниками противники американской теоріи обращались въ разныя мѣста. Выводили декларацію 1789 г. изъ ученія Монтескье [2]), Вольтера [3]), особенно часто изъ „Общественнаго договора“ Руссо [4]), изъ ученія физіократовъ [5]), изъ жалобъ генеральныхъ штатовъ и ремонтрансовъ старыхъ французскихъ парламентовъ [6]), изъ либеральныхъ доктринъ гугенотскихъ полемистовъ XVI в. [7]), изъ наказа города Парижа въ 1789 г. [8]) и наконецъ изъ всего философскаго движенія XVIII в. [9]). Но кто же правъ—сторонники ли американской теоріи или ихъ противники? Наша работа и будетъ попыткой разрѣшить этотъ вопросъ.

Американская теорія возникновенія деклараціи—очень стараго происхожденія. Она появляется уже въ мемуарахъ современниковъ и лицъ, близко стоявшихъ къ Великой революціи—въ трактатѣ *Неккера*

---

[1]) *Оляръ*, Полит. исторія франц. революціи, рус. пер. 2-е изд., стр. 22—24; *Cahen et Guyot*, L'oeuvre législative de la Révolution, 1913, p. 21 и др.

[2]) *Faguet*, La politique comparée de Montesquieu, Voltaire et Rousseau, 1902.

[3]) *Champion*, Voltaire.

[4]) См. ниже.

[5]) *Batbie*, Turgot, 1861 p. 124; *Guyot*, Quesnay et la physiocratie; *Marcaggi*, Les origines de la déclaration, 1912.

[6]) *Picot*, Hist. des Etats-Généraux, 2-e éd., V, p. 230 ets.; *Flammermont*, Remontrances des Parlements. III, 745.

[7]) *Méaly*, Les publicistes de la Réforme sous François II et Charles IX.

[8]) *Жоресъ*, Ист. великой революціи. I, стр. 130.

[9]) См. ниже.

„О французской революціи“ [1]), въ „Разсужденіяхъ о революціи“ его дочери *г-жи Сталь* [2]), въ „Воспоминаніяхъ о Мирабо“ его близкаго друга *Дюмона* [3]), въ „Исторіи Учредительнаго собранія“, написанной однимъ изъ его депутатовъ—*Ляметомъ* [4]). Съ тѣхъ поръ среди историковъ и пошло за правило возводить декларацію правъ къ американскому источнику; при этомъ они большею частью перенесеніе американскихъ идей во Францію приписывали Ляфайету [5]). Но слабая сторона этихъ утвержденій заключается въ томъ, что рѣдко кто изъ историковъ пытался доказывать научнымъ образомъ заимствованіе французами идей для деклараціи у Америки. Первый *Еллинекъ* попытался свою мысль обосновать на солидномъ фундаментѣ. Но не его надо въ настоящую минуту считать главнымъ защитникомъ американской теоріи; славу эту перебилъ у него другой нѣмецкій ученый—*Клёфекорнъ* [6]), и именно къ Клёфекорну и приходится обратиться, чтобы лучше познакомиться съ аргументами названной теоріи.

Свое изслѣдованіе Клёфекорнъ раздѣляетъ на три части, изучаетъ сперва вліяніе Америки на публицистику предреволюціонной Франціи, потомъ ея вліяніе на наказы 1789 г. и наконецъ торжество американскихъ идей при разработкѣ деклараціи въ Учредительномъ собраніи. Въ такомъ порядкѣ и мы разберемъ вопросъ, прислушаемся къ голосу современниковъ и показаніямъ источниковъ и потомъ разсмотримъ аргументы Клёфекорна.

Оспаривать вліяніе Америки на ходъ общественнаго движенія во Франціи врядъ ли возможно. Современники въ одинъ голосъ отмѣ-

---

[1]) *Necker*, De la Révolution française II, 1797, p. 56. On avait jeté la première semence de ces idées d'égalité *en adoptant pour le royaume de France la déclaration des droits de quelques Républiques Américaines.*

[2]) *M-me de Staël*, Considérations sur la Rév. franç., I, 1862, p. 212. L'Assemblée était saisie par un enthousiasme philosophique *dont l'exemple de l'Amérique une des causes...* On se flattait en France de pouvoir prendre pour base les principes de gouvernement qu'un peuple nouveau avait eu raison d'adopter...

[3]) *Dumont*, Souvenirs sur Mirabeau 1832, p. 138. L'Assemblée nationale réunie commença d'abord la fameuse déclaration des droits de l'homme: *c'était une idée américaine.*

[4]) *Lameth*, Hist. de l'assemblée constituante I, 1828, p. 113. *La constitution des États-Unis en (т. е. деклараціи) avait donnée l'idée.*

[5]) *Thiers*, Hist. de la Révolution, 2-e éd. 1828, I, p. 140; *Кохъ*, Ист. полит. идей, рус. пер. стр. 387; *Оляръ*, назв. соч., стр. 26.

[6]) Die Entstehung der Erklärung der Menschen u. Bürgerrechte. 1911.

чаютъ громадный ростъ общественнаго самосознанія французовъ подъ вліяніемъ американской революціи. „Великій манифестъ американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, писалъ впослѣдствіи Мирабо, привѣтствовался у насъ всѣми съ восторгомъ“ [1]). Почти то же сообщаетъ Ляфайетъ въ одномъ изъ писемъ къ главному герою американской революціи Вашингтону: „Со времени американской революціи идеи свободы получили широкое распространеніе“ [2]). Монархисты прямо отмѣчали опасность для трона подавать руку помощи американскимъ революціонерамъ; авторъ одной брошюры, изданной въ Англіи, обращается къ Людовику XVI со слѣдующимъ упрекомъ: „Неосторожный монархъ, вы беретесь за оружіе для поддержанія независимости Америки и принциповъ, провозглашенныхъ конгрессомъ. Есть власть, которая въ настоящее время становится выше закона: это власть честолюбивыхъ разсужденій; она вызвала революцію въ Америкѣ и, быть можетъ, готовитъ такую же во Франціи“ [3]). Починъ Америки въ дѣлѣ установленія свободы привѣтствуется публицистами, какъ своего рода откровеніе. Вотъ что писалъ Кондорсэ въ спеціальной брошюрѣ, трактовавшей о вліяніи американской революціи на Европу [4]): „Человѣческій родъ потерялъ свои права, Монтескьё ихъ разыскалъ и вернулъ ихъ ему, говорилъ Вольтеръ. Но недостаточно, чтобы они были написаны въ книгахъ философовъ и въ сердцѣ доблестныхъ людей, нужно, чтобы человѣкъ невѣжественный или слабый могъ ихъ читать въ примѣрѣ одного великаго народа. Америка дала намъ этотъ примѣръ. Актъ, который провозгласилъ ея независимость, есть простое и возвышенное изложеніе этихъ правъ, столь священныхъ и столь долго остававшихся въ пренебреженіи. Ни въ одной націи они не получили столь большого признанія и не сохранились въ такой полной чистотѣ“. И другія брошюры предреволюціоннаго періода свидѣтельствуютъ о громадномъ агитаціонномъ вліяніи Америки [5]). Американская революція вызвала во Франціи появленіе всевозможныхъ разсказовъ, картинъ, путешествій по Америкѣ,

---

1) Mém. de Mirabeau. 1834, t. IV, 157.

2) Mém. 1837, II, 207.

3) *Рокэнъ*, Движеніе общественной мысли во Франціи передъ революціей, рус. пер. 1902, стр. 398.

4) Oeuvres, VIII, p. 11.

5) См. въ сборникѣ *États Généraux* 1789, t. VI, брошюру „Suite de l'Orateur“, p. 28: „Независимость Америки намъ открыла глаза на истинное назначеніе народовъ, на ихъ естественныя права и на равенство правъ всѣхъ людей“.

а главное многочисленныхъ переводовъ американскихъ законодательныхъ актовъ [1]). Все это могло сильно воздѣйствовать на французскую публицистику, навязывая ей иногда нѣкоторыя техническія выраженія.

Но, отмѣчая громадное агитаціонное вліяніе Американской революціи на французское общество послѣднихъ лѣтъ существованія стараго порядка, необходимо сдѣлать одну оговорку. Сами французы, несмотря на все свое увлеченіе Америкой, не хотѣли быть при преобразованіи своихъ порядковъ слѣпыми подражателями своихъ заатлантическихъ союзниковъ. Бриссо, напримѣръ, говорилъ: „Нечего думать о буквальномъ позаимствованіи ихъ, т. е. американскихъ декларацій, надо только научиться изъ нихъ уваженію къ естественнымъ правамъ человѣка". Точно такъ же Мабли, несмотря на свой восторженный отзывъ объ американскихъ декларацiяхъ, указывалъ ихъ слабыя стороны [2]). Но особенно интересно мнѣніе Кондорсэ [3]). „Ни одна изъ декларацій правъ", появившихся въ Америкѣ, говоритъ онъ, „не можетъ быть признана полной". И онъ отмѣчаетъ слѣдующіе пробѣлы американскихъ декларацій: 1) ни одна изъ нихъ не содержитъ перечня границъ верховной власти въ дѣлѣ наказанія преступленій; 2) ни одна не содержитъ перечня границъ законодательной власти ни относительно гражданскихъ законовъ, ни относительно полицейскихъ законовъ; 3) ни одна не исключаетъ косвенныхъ налоговъ, которые по своей природѣ не могутъ быть распредѣлены равномѣрно; 4) ни одна не говоритъ о полной свободѣ индустріи и торговли; 5) ни одна не упраздняетъ платежей за отправленіе культа; 6) не исключено существованіе постоянныхъ судовъ, себя пополняющихъ, и 7) нѣкоторыя изъ декларацій дѣлаютъ освобожденія отъ воинской повинности нѣкоторымъ сектантамъ, тогда какъ это нарушаетъ принципъ равенства. И Кондорсэ совѣтуетъ французамъ, когда они приступятъ къ выработкѣ деклараціи правъ человѣка, побудить просвѣщенныхъ людей, каждаго въ одиночку, написать ея модель. Сравнивая подобные проекты, можно будетъ видѣть, что каждый понимаетъ подъ индивидуальными правами. Не дожидаясь приглашенія, Кондорсэ самъ составилъ проектъ деклараціи съ очень длиннымъ

---

[1]) Др. свидѣтельства современниковъ приведены у *Ковалевскаго*, Происхожденіе современной демократіи I, 2, стр. 292 и сл.; у *Клёфекорна*, назв. соч. S. 55; *Коха*, стр. 368; *Карѣева*, Новая исторія III, стр. 442 и сл.

[2]) Цитир. у Ковалевскаго, стр. 303 и 295.

[3]) Oeuvres IX, 168 ets.

изложеніемъ индивидуальныхъ свободъ, мало похожимъ на американскія деклараціи.

И большинство французовъ понимало невозможность насажденія во Франціи американскихъ порядковъ [1]). Особеннымъ диссонансомъ должно было являться то, что американская революція была республиканской, а французы мечтали лишь о революціи монархической. Самъ Ляфайетъ, сражавшійся за освобожденіе Америки, носившій американскій мундиръ на военныхъ смотрахъ и говорившій о себѣ: мы, республиканцы, считалъ невозможнымъ установленіе во Франціи республики [2]).

Все это находитъ себѣ новое подтвержденіе, когда мы встрѣчаемся въ 1786—1789 гг. съ ворохомъ проектовъ и мнѣній въ литературѣ памфлетовъ.

Памфлеты 1786—1789 гг. были въ послѣднее время детально изслѣдованы Клёфекорномъ и его соотечественникомъ *Реесомъ* [3]). Оба ученые искали въ памфлетахъ указаннаго періода слѣдовъ американскаго вліянія и пришли къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Первый высказывается положительно, Реесъ напротивъ считаетъ американское вліяніе минимальнымъ [4]). Въ ихъ спорѣ мы и попытаемся разобраться.

Анализируя содержаніе брошюръ, Клёфекорнъ опредѣляетъ и ихъ источники. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выводы его далеко не благопріятны для его теоріи. Онъ констатируетъ вліяніе на брошюры Монтескьё, Руссо и всей вообще философіи XVIII в. [5]), находитъ даже въ одной брошюрѣ такое любопытное указаніе на желательные источники новыхъ законодательныхъ актовъ, какъ теорія и опытъ [6]), соглашается съ тѣмъ, что авторы нѣкоторыхъ памфлетовъ находили американскіе билли не подходящими для Франціи [7]), и отмѣчаетъ несоотвѣтствіе идей въ части брошюръ съ идеями деклараціи 1789 г. [8]). Но все это не мѣшаетъ автору, когда онъ переходитъ къ вопросу о

---

[1]) Ср. *Mounier*, Considérations sur le gouvernement. 1789, p. 18; см. также мнѣніе Таржэ (*Klövekorn*, S. 68).

[2]) *Оларъ*, назв. соч. стр. 25.

[3]) Die Erklärung der Menschen- u. Bürgerrechte 1912. Beiträge z. Kultur- u. Universalgeschichte.

[4]) *Klövekorn*, S. 64—77; *Rees*, S. 29 u. f.

[5]) *Klövekorn*, S. 39, 52, 70, 79, 146.

[6]) Ib., S. 71: „При посредствѣ всѣхъ этихъ великихъ данныхъ *теоріи и опыта* французы должны приступить къ возрожденію своихъ основныхъ законовъ".

[7]) *Klövekorn*, S. 68.

[8]) S. 38.

подготовкѣ деклараціи въ брошюрахъ, отводить очень широкое мѣсто американскому вліянію. Правда, и здѣсь онъ признаетъ извѣстное воздѣйствіе философіи XVIII в. [1]), но главнымъ источникомъ считаетъ американскіе образцы [2]). Свою мысль онъ доказываетъ сопоставленіемъ отдѣльныхъ параграфовъ брошюръ съ соотвѣтствующими мѣстами изъ американскихъ декларацій [3]). Но бѣда въ томъ, что это сопоставленіе страдаетъ большими натяжками. Изъ всѣхъ мѣстъ, приведенныхъ авторомъ, *только одно* могло бы служить подтвержденіемъ его теоріи. Я выпишу это мѣсто, чтобы было удобнѣе говорить вообще о пріемахъ сопоставленія Клёфекорномъ аналогичныхъ параграфовъ французскихъ и американскихъ образцовъ [4]).

Памфлетъ Le réveil du tiers état.	*Декларація Виргиніи § 14.*
La liberté de la presse... est un des plus forts *boulevards* de la liberté publique.	La liberté de la presse est un des plus forts *boulevards* de la liberté de l'état.

Невольно замѣчается внутреннее сродство того и другого текста, особенно въ виду употребленія въ томъ и другомъ выразительнаго термина „boulevard". Но, къ сожалѣнію, другія приводимыя авторомъ сопоставленія скорѣе говорятъ противъ автора, чѣмъ въ его пользу. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу нѣсколько такихъ мѣстъ:

Réflexions sur les affaires publiques par une société des citoyens.	*Декларація Мериленда § 19 и 22.*
Que pour mettre la sûreté des citoyens à l'abri des attentats du despotisme judiciaire, il ne sera pas infligé de peines sinon à ceux qui seront déclarés convaincus d'une violation directe et grave du droit naturel, que par le même motif les accusés pourront avoir conseil... que l'usage de la torture sera supprimé, les peines cruelles abolies.	Dans tous les procés criminels, tout homme a le droit d'être informé de l'accusation qui lui est intentée,... d'obtenir un conseil,... il a droit à une procedure prompte par un juré impartial, sans le consentement unanime duquel il ne peut pas être déclaré coupable... Il ne doit.... infligé de peines cruelles et inusitées.

---

[1]) S. 52.

[2]) S. 73.

[3]) S. 74—78.

[4]) Цитаты изъ американскихъ декларацій приводятся по ихъ переводу, сдѣланному въ сборникѣ Constitution des treize Etats-Unis de l'Amérique. Paris. 1783.

Déclaration des droits du roi et de la nation française.

Défendons à tous les auteurs d'écrire directement ni directement contre les dogmes de la religion catholique... ainsi que les libelles... propres à troubler la tranquillité publique.

Декларація Массачузетса § 2.

Et aucun sujet doit être troublé, molesté, ni contraint dans sa personne... ni pour ses sentiments en matière de religion pourvu qu'il ne trouble point la tranquillité publique.

A la nation française.

Cette constitution n'admet aucun privilège en matière d'impôts... tous les sujets les payent de la même manière et sous la même dénomination.

Декларація Мериленда § 13.

Toutes personnes dans l'état doivent contribuer aux taxes publiques pour le maintien du gouvernement.

Приведенныя мною параллельныя мѣста отнюдь не могутъ служить доказательствомъ позаимствованія французскими публицистами идей для требуемой ими деклараціи правъ изъ американскихъ источниковъ. Мало того, сопоставленіе ихъ приводитъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ, именно, что цѣлаго ряда мыслей французскихъ документовъ нельзя отыскать въ американскихъ билляхъ, напр. въ первомъ приведенномъ случаѣ французскій документъ требуетъ отмѣны пытокъ, въ деклараціи Мериленда, приводимой къ нему въ параллель у Клёфекорна, ничего подобнаго не говорится; во второмъ примѣрѣ декларація Массачузетса требуетъ свободы совѣсти, во французскомъ документѣ напротивъ говорится о воспрещеніи брошюръ, опасныхъ для религіи и общественнаго спокойствія (!).

Коль скоро такъ, то аргументація Клёфекорна не можетъ быть признана состоятельной. Ближе къ истинѣ стоитъ поэтому Реесъ, отрицающій почти совершенно вліяніе Америки на проекты деклараціи правъ въ предреволюціонныхъ брошюрахъ во Франціи [1]). Въ дополненіе къ мысли Рееса можно привести еще одно соображеніе. Слѣды американскихъ источниковъ въ брошюрахъ, если только они есть, можно

[1]) *Rees*, S. 60. Реесъ дѣлаетъ одну оговорку (S. 33), именно онъ говоритъ, что на одну брошюру Америка оказала вліяніе, это на памфлетъ „Déclaration des droits du roi et de la nation française aux Etats Généraux, précédée de celle des droits de la chambre des pairs et de communes d'Angleterre etc. et de ceux des Provinces Unies d'Amérique", но брошюра эта появилась уже послѣ открытія генеральныхъ штатовъ.

объяснять не только тѣмъ, что французскіе памфлетисты имѣли подъ руками и пользовались заатлантическими документами, но и тѣмъ, что американцы въ 1774—1776 гг. при составленіи своихъ декларацій и французы въ 1786—1789 гг. пользовались одними и тѣми же источниками. Что это за источники, мы увидимъ впослѣдствіи, а теперь перейдемъ ко второй части труда Клёфекорна, къ разбору проектовъ деклараціи въ наказахъ 1789 г.

Авторъ не склоненъ признавать за наказами большой историческoй цѣнности. Въ наказахъ, говоритъ онъ, мы слышимъ не голосъ народа, а пожеланія многочисленныхъ агитаторовъ-интеллигентовъ, составлявшихъ для населенія примѣрные наказы [1]). Онъ указываетъ нѣсколько брошюръ, которыя служили образцами при составленіи отдѣльныхъ мѣстныхъ наказовъ, и считаетъ несомнѣннымъ, что брошюры эти, какъ и всѣ вообще памфлеты предреволюціоннаго періода, стояли подъ сильнымъ американскимъ вліяніемъ. Къ сожалѣнію, авторъ не потрудился доказать своей мысли, а ее-то какъ разъ доказать и невозможно. Между прочимъ интересно присмотрѣться къ одной изъ такихъ моделей, которую авторъ въ своемъ спискѣ помѣщаетъ на первомъ мѣстѣ—Déclaration des droits et des pouvoirs à donner par le peuple Français pour les Etats-Généraux 1789 [2]). Составитель этой брошюры прежде всего не усвоилъ себѣ совершенно краткости, присущей американскимъ деклараціямъ. Онъ подробно распространяется о правѣ собственности, объ общественномъ воспитаніи, о свободѣ передвиженія. Онъ обсуждаетъ вопросы о способахъ податного обложенія, о раздѣленіи властей, о провинціальныхъ штатахъ. Онъ разражается гнѣвными вылазками противъ привилегированныхъ, которые откололись отъ остальной націи. Онъ очень мало говоритъ о свободѣ печати и ровно ничего о свободѣ вѣроисповѣданій.

Уже простое обозрѣніе содержанія названной брошюры показываетъ, какъ мало общаго она имѣетъ съ американскими законодательными актами. Но и помимо этого, разсмотрѣніе проектовъ провозглашенія человѣческихъ правъ въ наказахъ открываетъ ихъ независимость отъ Америки. Проекты эти удивительно разнообразны, такъ что трудно допустить, чтобы они были скопированы съ одного образчика. Одни резюмируютъ свои мысли въ 2—3 фразахъ, другіе разрастаются въ цѣлыя главы. Нѣтъ даже общепринятой формы за-

---

1) *Klövekorn*, S. 115.

2) Подробно изложена у *Рееса* (назв. соч., S. 40—44).

главія (рядомъ съ терминомъ déclaration попадается терминъ charte déclarative и т. п.). И сопоставленія, дѣлаемыя Клёфекорномъ, отнюдь не доказываютъ близости проектовъ деклараціи въ наказахъ съ американскими деклараціями. Чтобы не быть голословнымъ, возьму одинъ примѣръ, приводимый Клёфекорномъ.

Наказъ 3-го сословія Марсана.	*Декларація Пенсильваніи.*
Que toute autorité réside dans la nation; que c'est d'elle seule qu'émanent tous les pouvoirs, que c'est d'elle qu'ils doivent dépendre; que tout est fait par elle, pour elle et à son bonheur pour objet; qu'elle a le pouvoir de créer, de détruire, de changer tout ce qui est relatif à ce but.	§ 4. Toute autorité résidant originairement dans le peuple et étant par conséquent émanée de lui. § 5. Le gouvernement est ou doit être institué pour l'avantage commun, pour la protection et la sûreté du peuple de la nation.

Нетрудно замѣтить, что тожества между обоими текстами нѣтъ; мало того, во французскомъ документѣ особенно рѣзко подчеркивается принципъ народовластія, чего нѣтъ въ деклараціи Пенсильваніи.

Особенно противъ теоріи Клёфекорна говорятъ проекты деклараціи въ парижскихъ наказахъ. Возьмемъ ли мы наказъ 3-го сословія Парижа или наказъ парижской округи, мы не замѣтимъ никакихъ слѣдовъ американскаго вліянія. Требованія свободъ подсказаны французской дѣйствительностью, а никакъ не постороннимъ заноснымъ вліяніемъ. Наказы эти по своимъ требованіямъ гораздо шире американскихъ биллей. Достаточно отмѣтить, что въ нихъ мы находимъ пожеланія отмѣны крѣпостничества и невольничества, воспрещенія какихъ бы то ни было нарушеній неприкосновенности переписки, разрѣшенія свободы собраній и петицій и т. п.

Самъ Клёфекорнъ сознаетъ слабость своей аргументаціи и прибѣгаетъ къ слѣдующему курьезному доказательству, именно онъ говоритъ: намъ возражаютъ на томъ основаніи, что американскія деклараціи не названы въ наказахъ [1]), но развѣ гдѣ названы имена Руссо, Монтескьё, Вольтера, физіократовъ, а вѣдь ихъ идеи оказали свое вліяніе на многіе наказы! Аргументъ этотъ врядъ ли можно признать серьёзнымъ. Пусть наказы не упоминаютъ именъ перечисленныхъ философовъ, пусть никто изъ нихъ и не оказалъ воздѣй-

[1]) *Klövekorn*, S. 114.

ствія на составителей наказовъ, развѣ отъ этого выиграетъ теорія автора? Но и этого нѣтъ въ дѣйствительности. Когда мы во многихъ наказахъ встрѣчаемъ параграфъ, гласящій, что общая воля создаетъ законъ, мы прекрасно угадываемъ, что мысль эта вышла изъ сочиненій Руссо. Значитъ, никто и не станетъ оспаривать, что вліяніе Руссо несомнѣнно чувствуется въ наказахъ. А про американскіе билли никто не возьмется съ такой же увѣренностью утверждать, что изъ нихъ позаимствованъ тотъ или иной параграфъ одного изъ французскихъ наказовъ 1789 г.

Установить независимость отъ Америки громаднаго большинства проектовъ деклараціи правъ въ брошюрахъ и наказахъ 1789 г. очень важно потому, что идеи тѣхъ и другихъ оказали большое вліяніе на ходъ дебатовъ на генеральныхъ штатахъ, превратившихся скоро въ Національное Учредительное собраніе. Особенно часто обращались депутаты къ наказамъ, считая неудобнымъ обходить желанія и требованія своихъ избирателей [1]).

Подчеркнувъ это обстоятельство, мы приступаемъ къ третьей части труда Клёфекорна, именно къ разсмотрѣнію дебатовъ о деклараціи въ собраніи и ея окончательной выработки. Но, прежде чѣмъ это сдѣлать, мы припомнимъ, какъ составлялась декларація.

Декларація правъ 1789 г. не была составлена заразъ. О ней нѣсколько разъ начинали говорить, нѣсколько разъ прерывали ея обсужденіе, пока наконецъ она не получила окончательной формы въ двадцатыхъ числахъ августа 1789 г. За этотъ относительно длинный промежутокъ времени не разъ мѣнялись и самые взгляды на нее отдѣльныхъ членовъ собранія [2]), дѣлались предложенія отсрочить ея окончательную разработку до завершенія общаго зданія новой конституціи [3]), нѣкоторые депутаты предлагали совсѣмъ отказаться отъ изданія деклараціи [4]), наконецъ были предложенія издать декларацію не только правъ, но и обязанностей [5]).

---

[1]) Пизонъ де Галянъ въ засѣданіи 19-го іюня (Arch. Parl. VIII, p. 135) говорилъ: Il faut consulter le génie de la nation, т. е. наказы, pour pouvoir faire la déclaration des droits.

[2]) Напр. депутатъ Малюэ, настаивавшій въ засѣданіи 15-го іюня на необходимости изданія деклараціи правъ, желаній и надеждъ націи, черезъ нѣсколько времени оказался въ рядахъ ея противниковъ (Ar. P. VIII, p. 119 et 323).

[3]) Напр. рѣчь графа Мирабо 18 авг. (A. P. VIII, p. 454).

[4]) См. засѣданія 1-го и 3-го авг.

[5]) См. засѣданія 4-го и 19-го авг.

Почему такія колебанія? Колебанія эти мнѣ представляются далеко не случайными, они стоятъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что переживала Франція съ мая по конецъ августа 1789 г. Постановка въ собраніи вопроса о деклараціи правъ зависѣла отъ хода борьбы между защитниками стараго порядка и его противниками. Жоресъ [1]) въ своей „Исторіи французской революціи" отмѣчаетъ весьма правдоподобно причину, почему 3-е сословіе такъ настаивало на формулировкѣ индивидуальныхъ правъ. Привилегированные въ защиту своихъ привилегій ссылались на ихъ давность, 3-е сословіе для борьбы съ этимъ аргументомъ выдвинуло право человѣка, столь же древнее, какъ и самъ человѣкъ. Мало того, въ самый моментъ открытія генеральныхъ штатовъ вопросъ о правахъ человѣка пріобрѣталъ жгучій интересъ. Послѣдняя борьба короны съ парламентами, сопровождавшаяся арестами, высылками и т. п. насиліями, вся административная практика стараго времени заставляли общество серьезно подумать о гарантіи индивидуальныхъ правъ. Объ этомъ говорила не только публицистика, объ этомъ твердили ремонтрансы парламентовъ, о томъ же напоминали петиціи отдѣльныхъ корпорацій [2]). Повидимому, это сознавало и само правительство Людовика XVI, когда при открытіи сессіи генеральныхъ штатовъ говорило устами министровъ Барантэна и Неккера о необходимости свободы печати, равномѣрнаго распредѣленія налоговъ, обезпеченія собственности и даже намекало на существованіе у народа „неотъемлемыхъ естественныхъ правъ" [3]). И сами депутаты видѣли необходимость обезпеченія правъ человѣка. По крайней мѣрѣ, въ этомъ духѣ говорили многіе изъ депутатовъ 3-го сословія [4]).

Такъ постепенно намѣчался вопросъ о законодательной разработкѣ правъ человѣка. Между тѣмъ событія еще болѣе его обостряли. Сопротивленіе привилегированныхъ объединенію съ 3-мъ сословіемъ, вызывающій образъ дѣйствій крайнихъ реакціонеровъ, опасность закрытія генеральныхъ штатовъ и насилія надъ отдѣльными депутатами, все это повышало настроеніе депутатовъ и заставляло ихъ

---

[1]) Рус. пер., стр. 119.

[2]) Напр., 1787 г. жители Гренобля осмѣлились напомнить королю, что его подданные обладаютъ извѣстными правами. *Кохъ*, назв. соч., стр. 376. Такъ же поступило собраніе въ Визиллѣ, руководителемъ котораго былъ Мунье. *Lanzac de Laborie* J. J. Mounier., p. 18.

[3]) A. P. VIII, p. 3, 4, 15 и 17.

[4]) Мирабо (рѣчь 18-го мая), Малюэ (15-го іюня), Таржэ (19-го іюня) и др.

серьезно подумать о скорѣйшей гарантіи индивидуальныхъ правъ [1]). Послѣ паденія Бастиліи непосредственная опасность для національнаго собранія прошла, но депутаты еще долго находились подъ кошмаромъ всевозможныхъ покушеній на ихъ свободу, на начатое ими дѣло преобразованій и страшились возвращенія деспотизма. Многимъ изъ нихъ казалось, что только провозглашеніе правъ человѣка и гражданина можетъ спасти страну отъ опасности возвращенія старыхъ порядковъ. Это очень хорошо выразилъ въ своей рѣчи 3-го августа депутатъ графъ д'Антрэгъ: „Декларація необходима для того, чтобы въ случаѣ, если небо въ своемъ гнѣвѣ накажетъ насъ вторично бичомъ деспотизма, можно было бы по крайней мѣрѣ показать тирану незаконность его претензій, его обязанности и права его подданныхъ“ [2]).

Но, съ другой стороны, часть депутатовъ послѣ 14-го іюля мѣняетъ свою тактику—они перестаютъ бояться обезсиленной и растерявшейся монархіи и находятъ провозглашеніе индивидуальныхъ правъ дѣломъ уже ненужнымъ. Мало того, событія конца іюля и начала августа поселяютъ въ нихъ опасенія другого рода—они начинаютъ страшиться разгула разбушевавшихся страстей, эксцессовъ толпы, насилій со стороны некультурной народной массы [3]). Имъ кажется опасно напоминать народу объ его правахъ, они высказываются противъ деклараціи, а когда имъ не удается ее похоронить, требуютъ офиціальнаго провозглашенія не только правъ, но и обязанностей. Но и предложеніе пополнить декларацію правъ указаніемъ обязанностей, и другое предложеніе — провозгласить права монарха [4])—были отклонены большинствомъ голосовъ въ собраніи. Постановлено было издать декларацію правъ человѣка безъ какого бы то ни было указанія его обязанностей и выпустить декларацію въ видѣ самостоятельнаго законодательнаго акта [5]). Умѣреннымъ депутатамъ удалось только одно — провалить предложеніе Монморанси о предоставленіи народу права пересматривать во всякое время конституцію [6]).

---

[1]) См. рѣчи Бергасса, Малюэ, Мунье (Arch. P. VIII, p. 115, 118, 223).

[2]) Arch. Parl., VIII, p. 335.

[3]) См. особенно рѣчь графа Мирабо 18-го авг., ib., p. 453.

[4]) Ib., p. 325.

[5]) Ib., p. 341.

[6]) A. P. p. 489. Это важное право было признано деклараціей Виргиніи (§ 3) и вошло въ проектъ деклараціи правъ, составленный Ляфайетомъ и внесенный имъ въ собраніе. Отвергнувъ этотъ параграфъ, собраніе лишній разъ показало свою самостоятельность относительно американскихъ законодательныхъ актовъ.

Мы остановились такъ долго на внѣшней исторіи изданія декларацiи, чтобы показать, что ея авторы почерпали ея содержанiе не изъ отвлеченной философской теорiи, а руководились положительными требованіями жизни и считались съ условіями момента. Практическое значеніе декларацiи особенно выясняется при ея сопоставленіи съ аграрными декретами и другими постановленіями учредительнаго собранія въ августѣ 89 г. Всѣ они вытекали изъ самой жизни и преслѣдовали одну цѣль—освобожденіе индивида отъ путъ и стѣсненій, наложенныхъ на него старымъ порядкомъ. Для насъ это важно установить для того, чтобы исключить всякую зависимость нашихъ законодательныхъ актовъ отъ американской революціи. Все равно, имѣла ли бы или нѣтъ мѣсто въ дѣйствительности эта послѣдняя, все равно французы, вступая въ борьбу съ обветшалымъ зданіемъ стараго порядка, непремѣнно издали бы акты, напоминающіе декларацію правъ 89 г. Вопросъ теперь въ томъ, откуда они заимствовали самую форму декларацiи, взяли ли они ее изъ американскихъ законодательныхъ актовъ или изъ какихъ-нибудь иныхъ источниковъ. Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, опять вернемся въ Національное собраніе, прислушаемся къ дебатамъ на его засѣданіяхъ и разберемъ отдѣльные проекты декларацiи.

Мы видѣли уже, что отдѣльные депутаты въ маѣ и іюнѣ выступали съ предложеніемъ издать декларацію правъ. Собраніе не отдавало еще себѣ отчета, въ какомъ видѣ будетъ желаемый всѣми актъ; большинство связывало его съ новой конституціей. Поэтому на первыхъ порахъ и тѣмъ, и другимъ дѣломъ занимались одновременно. 1-го іюля съ цѣлью облегченія работы собраніе разбилось на 30 бюро приблизительно по 40 человѣкъ въ каждомъ, съ тѣмъ чтобы каждое бюро подготовляло доклады для прочтенія въ собраніи. Кромѣ того, былъ образованъ конституціонный комитетъ, въ который вошло по 1 человѣку отъ каждаго изъ 30 бюро. Черезъ нѣсколько дней, именно 9-го іюля отъ лица новаго комитета депутатъ Мунье сдѣлалъ докладъ о предстоящихъ работахъ. Въ первую очередь докладчикъ предлагалъ составить „декларацію естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка“. Поспѣшность, съ какою Національное собраніе приступаетъ къ своей преобразовательной работѣ, объясняется не только тревожностью переживаемаго момента, но и тѣмъ, что само общество начинаетъ торопить депутатовъ. 7-го іюля депутатъ города Сенъ-Жанъ-де-Лонъ заявилъ о желаніи своихъ избирателей поскорѣе видѣть готовой декларацію правъ націи и монарха, и одновременно было про-

читано пожеланіе города Нанта о скорѣйшемъ провозглашеніи неотчуждаемыхъ правъ гражданина.

Такъ былъ окончательно поставленъ на очередь вопросъ о декларація правъ. Сейчасъ же съ разныхъ сторонъ стали поступать въ Національное собраніе и проекты деклараціи. Однимъ изъ первыхъ представилъ свой проектъ депутатъ маркизъ Ляфайетъ [1]). На этомъ проектѣ придется сейчасъ остановиться, такъ какъ въ глазахъ защитниковъ американской теоріи проектъ Ляфайета является несомнѣннымъ продуктомъ американскаго вліянія и основнымъ источникомъ окончательной редакціи деклараціи 1789 г.

Въ лицѣ Ляфайета мы встрѣчаемся съ самымъ типичнымъ среди французовъ носителемъ американскихъ идей. Въ своихъ мемуарахъ Ляфайетъ разсказываетъ [2]), что онъ отправился въ Америку не для того только, чтобы сражаться съ угнетателями американцевъ англичанами, но и чтобы биться за свободу человѣчества. Онъ былъ увѣренъ, что, служа дѣлу человѣчества и дѣлу Америки, онъ ведетъ борьбу и за интересы Франціи. По его мнѣнію, заатлантическая революція должна была послужить урокомъ для тирановъ и примѣромъ для угнетенныхъ. Страстная любовь къ свободѣ заставила Ляфайета сдѣлаться убѣжденнымъ поклонникомъ американскаго демократическаго и республиканскаго строя. Сочиненія философовъ XVIII в. его не удовлетворяли, хотя онъ думаетъ, что всѣ они имѣли громадное агитаціонное значеніе. Гарантію свободы онъ видѣлъ въ одной деклараціи правъ, и эта послѣдняя ему рисовалась неразрывно связанной съ американской революціей. По возвращеніи изъ Америки у себя дома онъ повѣсилъ доску, на одной половинѣ которой была написана декларація независимости, а другая была оставлена пустой въ ожиданіи, когда на ней можно будетъ начертать французскую декларацію правъ. Добиваться изданія ея Ляфайетъ поставилъ задачей своей дѣятельности, и онъ одинъ изъ первыхъ внесъ ея проектъ въ учредительное собраніе.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что проектъ деклараціи Ляфайета

---

[1]) *Клёфекорнъ* (S. 129) и многіе другіе считаютъ проектъ Ляфайета первымъ изъ поступившихъ въ собраніе; что это не вполнѣ точно, свидѣтельствуетъ Journal des Etats Généraux de 1789 (p. 153), называющій нѣсколько проектовъ, поступившихъ въ собраніе ранѣе, чѣмъ проектъ Ляфайета.

[2]) Всѣ ниже приводимыя мѣста изъ „Мемуаровъ" Ляфайета подобраны въ книгѣ Рееса. S. 215 u. f.

не могъ не быть несомнѣннымъ продуктомъ американскаго вліянія [1]). И впослѣдствіи самъ Ляфайетъ считалъ свой проектъ простой передачей американскихъ идей [2]). Такъ думали и нѣкоторые изъ его современниковъ [3]). Однако, все это не мѣшаетъ проекту Ляфайета во многихъ существенныхъ пунктахъ расходиться съ американскими образцами. У Ляфайета мы не найдемъ такого категорическаго постулата свободы религіозныхъ вѣрованій, что такъ подчеркивается въ американскихъ билляхъ [4]), у Ляфайета нѣтъ многихъ чисто юридическихъ посылокъ, которыми полны американскіе билли, у Ляфайета чиновники не признаются делегатами народа, а только считаются отвѣтственными. Самое сопоставленіе отдѣльныхъ параграфовъ проекта Ляфайета съ аналогичными мѣстами американскихъ биллей, которое дѣлаетъ Клёфекорнъ, опять-таки говоритъ скорѣе о различіи, чѣмъ о близости обоихъ памятниковъ. Для примѣра привожу одно мѣсто:

Деклараціи Виргиніи § 1 и Массачузетса § 1.	*Проектъ Ляфайета.*
Tous les hommes sont nés également libres et indépendans... Tous les hommes sont nés libres et égaux...	La nature a fait les hommes libres et égaux; les distinctions nécessaires à l'ordre social ne sont fondées que sur l'utilité générale...

Нетрудно замѣтить разницу сопоставляемыхъ текстовъ; вторая половина приводимаго Ляфайетомъ мѣста говоритъ о возможности соціальныхъ различій по требованію общаго блага, чего совсѣмъ нѣтъ въ деклараціяхъ Виргиніи и Массачузетса; кромѣ того, въ проектѣ Ляфайета сильно сказывается вліяніе школы естественнаго права (la nature a fait), чего нѣтъ въ американскихъ деклараціяхъ.

И самъ Клёфекорнъ долженъ сознаться, что Ляфайетъ не воспринималъ параграфовъ американскихъ декларацій буквально, многое опустилъ, кое-что добавилъ, сдѣлалъ между прочимъ позаимствованія

[1]) Ср. выраженіе Ляфайета —*mes principes américaines.*

[2]) См. его письмо къ Вашингтону 1799 г.

[3]) Сборникъ *Etats-Généraux,* t. II, p. 6. M. de la Fayette *a calqué la sienne* т. е. (déclaration) *sur celle de l'Amérique.* Многіе изъ новѣйшихъ историковъ тоже считаютъ проектъ Ляфайета сколкомъ съ американскихъ образцовъ (*Thiers,* Hist. de la Révolution, 2-e éd. 1828, p. 140; *Méaly,* Les publicistes de la Reforme. Conclusion и др.).

[4]) Особенно въ деклараціи Виргиніи § 19.

изъ наказа Ріомскаго дворянства, представителемъ котораго онъ вошелъ въ генеральные штаты [1]). Да и самъ Ляфайетъ говоритъ, что онъ многое въ американскомъ источникѣ передѣлалъ по своему [2]).

Во всякомъ случаѣ проектъ Ляфайета гораздо ближе къ американскимъ образцамъ, чѣмъ окончательная редакція деклараціи правъ. Напротивъ, отъ этой послѣдней онъ сильно разнится уже при бѣгломъ ихъ сопоставленіи. И стало быть одна изъ посылокъ американской теоріи, будто проектъ Ляфайета явился переходнымъ мостомъ между американскими деклараціями и французской деклараціей 1789 г., требуетъ серьезной провѣрки. На чемъ могутъ свое мнѣніе основать защитники американской теоріи? Они прежде всего ссылаются на самого Ляфайета. Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1798 г. онъ называетъ себя творцомъ деклараціи правъ [3]). Кромѣ того, были и среди французовъ люди, приписывавшіе декларацію 1789 г. именно Ляфайету [4]). Насколько все это вѣрно, покажетъ намъ дальнѣйшее изученіе судьбы деклараціи въ Національномъ собраніи.

Проектъ Ляфайета былъ имъ прочитанъ въ собраніи 11-го іюля. Онъ былъ встрѣченъ общимъ одобреніемъ и сообщенъ во всѣ бюро; тѣмъ не менѣе уже тогда раздались и возраженія. Депутатъ Лалли-Толяндаль находилъ американскіе порядки, о насажденіи которыхъ, казалось ему, хлопоталъ Ляфайетъ, не подходящими для Франціи; онъ предостерегалъ отъ изданія деклараціи, отдѣльной отъ конституціи. Какъ бы то ни было, декларація правъ была поставлена на очередь. Но тотъ человѣкъ, который такъ много содѣйствовалъ ея популярности,—маркизъ Ляфайетъ—силой событій былъ поставленъ внѣ арены ея обсужденія. Послѣ взятія Бастиліи онъ сдѣлался начальникомъ національной гвардіи и не могъ уже принимать активнаго участія въ работахъ учредительнаго собранія. Однако Клёфекорнъ думаетъ, что духъ его и его декларація продолжали витать въ собраніи. Въ этомъ можно сильно сомнѣваться уже потому, что, когда 19-го августа собраніе стало дѣлать выборъ между отдѣльными проек-

---

[1]) *Klövekorn*, S. 134.

[2]) Ср. слова Ляфайета (*Mémoires* IV, 427): Cette doctrine fondamentale de droits de l'homme et du citoyen, *réduite à ce que je croyais nécessaire et suffisant* fut proclamé par moi.

[3]) См. предыдущую сноску.

[4]) Ср. слова короля Ляфайету, что онъ „утвердилъ *его* декларацію правъ". Отсюда понятно, почему многіе изъ новѣйшихъ историковъ считаютъ Ляфайета главнымъ творцомъ деклараціи 1789 г. (напр. *Bardoux*, La Jeunesse de Lafayette, p. 248; *Оляръ*, Ораторы революціи, рус. пер., стр. 272).

тами деклараціи, за проектъ Ляфайета подано было всего 45 голосовъ, тогда какъ за другіе проекты поднялось значительное число депутатовъ (620 за проектъ VI бюро, 240 за проектъ Сіэса) [1]. Однако, это обстоятельство не смущаетъ Клёфекорна—онъ стремится доказать, что тѣ проекты, которые собирали большинство въ собраніи, либо стояли подъ сильнымъ вліяніемъ Ляфайета, либо исправлялись въ его духѣ. Къ сожалѣнію, и это мнѣніе нашего историка остается далеко не убѣдительнымъ.

Первый проектъ, который говоритъ противъ Клёфекорна, это проектъ Сіэса. Проектъ Сіэса [2]) пользовался въ собраніи значительнымъ кредитомъ (см. выше). Самъ Клёфекорнъ признаетъ, что § 19, 20 и 21 этого проекта вошли въ окончательную редакцію въ видѣ ея § 7. А между тѣмъ авторъ самъ отказывается установить вліяніе на Сіэса американскихъ законодательныхъ актовъ. На Сіэса, какъ признаетъ нашъ авторъ, очевидное вліяніе оказали наказы, главнымъ образомъ наказъ Парижа (Сіэсъ былъ представителемъ 3-го сословія Парижа). Однако, Клёфекорнъ не смущается всѣмъ этимъ—онъ объявляетъ проектъ Сіэса пополненіемъ проекта Ляфайета: Сіэсъ будто бы права человѣка, отысканныя Ляфайетомъ въ американскихъ билляхъ, пополнилъ правами французскаго гражданина. Мнѣ кажется, всякій немного знакомый съ абстрактной математической манерой мышленія Сіэса пойметъ несостоятельность этого послѣдняго аргумента.

Второй проектъ, привлекаемый Клёфекорномъ, есть проектъ Мунье. Мунье два раза выступалъ съ проектами предположенной деклараціи правъ—одинъ разъ въ засѣданіи конституціоннаго комитета, другой разъ въ національномъ собраніи. Клёфекорнъ и пытается доказать: 1) что проектъ Мунье былъ составленъ главнымъ образомъ примѣнительно только къ американскимъ деклараціямъ и проекту Ляфайета и 2) что рядъ его параграфовъ вошелъ въ окончательный текстъ деклараціи. Что касается перваго положенія, то самъ авторъ его сильно подрываетъ, когда при послѣдовательномъ анализѣ проектовъ Мунье указываетъ и другіе источники ихъ, помимо американскихъ, какъ то: проектъ Сіэса, наказы, предреволюціонныя брошюры, „Общественный договоръ“ Руссо и даже „Духъ законовъ“ Монтескьё. Въ общемъ итогѣ авторъ возводитъ къ американскимъ источникамъ 8 параграфовъ изъ того проекта Мунье, который онъ прочиталъ въ

---

[1]) *Journal des Etats-Généraux*, II, p. 605.

[2]) Ar. Parl., VIII, p. 260—261.

конституціонномъ комитетѣ (§§ 1, 2, 3, 8, 9, 13, 14 и 15), тогда какъ §§ 4, 5, 6, 7, 10, 11 и 12 должны быть отнесены на долю другихъ источниковъ. Но и тѣ сопоставленія, которыя, по мнѣнію автора, изобличаютъ у Мунье американскіе источники, не всегда доказываютъ его мысль. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу нѣсколько примѣровъ:

Декларація Виргиніи § 14.

La liberté de la presse est un des plus forts boulevards de la liberté publique et ne peut être restreinte que dans les gouvernements despotiques.

Проектъ Мунье § 15.

La liberté de la presse est le plus ferme appui de la liberté publique. Les lois doivent la maintenir et assurer la punition de ceux qui pourraient en abuser pour nuire aux droits d'autrui.

Декларація Виргиніи § 18.

La religion, le culte dû au Créateur et la manière d'y satisfaire ne doivent être dirigés que par la raison et la persuasion, jamais par la force ni par la violence, d'où il suit que tout homme doit jouir de la plus parfaite liberté de conscience; que la même liberté doit s'étendre également à la forme du culte que sa conscience lui dicte, et qu'il ne doit être ni puni ni troublé par aucun magistrat à moins que sous prétexte de religion il ne trouble lui même la paix, la tranquillité ou la sûreté de la société; tous les citoyens sont dans l'obligation de pratiquer la tolérance chrétienne, l'affection et la charité des uns envers les autres.

Проектъ Мунье § 14.

Aucun homme ne peut être inquieté par ses opinions religieuses, pourvu qu'il se conforme aux lois et ne trouble pas le culte public.

Проектъ Лафайета.

Nul homme ne peut être soumis qu'à les lois *consenties par lui ou*

Проектъ Мунье § 8.

Jamais la loi ne peut être invoquée pour les faits antérieurs à

ses représentants, antérieurement promulguées et legalement appliquées.

sa publication, et si elle était rendue pour déterminer le jugement de ces faits antérieurs, elle serait oppressive et tyrannique.

Я выписалъ всѣ эти параллельныя мѣста съ тѣмъ, чтобы показать, что между ними не только нѣтъ того тожества, неизбѣжнаго при заимствованіяхъ, на чемъ настаиваетъ Клёфекорнъ, но и есть существенное различіе. Въ первомъ примѣрѣ проектъ Мунье отличается отъ декларацін Виргиніи тѣмъ, что требуетъ каръ за злоупотребленіе свободой печати; во второмъ примѣрѣ декларація Виргиніи подробно говоритъ о необходимости въ государствѣ вѣротерпимости и обязанности каждаго гражданина ее поддерживать; въ третьемъ примѣрѣ проектъ Ляфайета настаиваетъ, что законы издаются гражданами или ихъ представителями. Ни того, ни другого нѣтъ въ проектѣ Мунье.

Стало быть совпаденія между проектомъ Мунье съ одной стороны и съ другой проектомъ Ляфайета и американскими деклараціями далеко не такъ велики, какъ думаетъ Клёфекорнъ. Сознавая, повидимому, шаткость своего метода, онъ прибѣгаетъ къ другому пріему, чтобы доказать зависимость Мунье отъ Ляфайета и Америки. Онъ ссылается на слова депутата архіепископа Шампьона де Сисэ, что Мунье въ своемъ проектѣ повторилъ мысли Ляфайета; но не надо забывать, что тотъ же депутатъ обращалъ вниманіе членовъ собранія, что въ проектѣ Мунье можно найти сводку мнѣній разныхъ проектовъ. Далѣе Клёфекорнъ ссылается на самого Мунье. По возвращеніи своемъ въ Дофинэ Мунье, давая отчетъ въ своей депутатской дѣятельности, говорилъ: „Я представилъ проектъ деклараціи правъ человѣка, въ которомъ оказалась большая часть параграфовъ проекта Ляфайета". Но и это мѣсто не доказываетъ заимствованія у Ляфайета, оно просто констатируетъ, что проектъ Мунье во многомъ совпадалъ съ проектомъ Ляфайета. Наконецъ Клёфекорнъ ссылается еще на одно мѣсто въ сочиненіи Мунье „Considérations sur les gouvernements...": „изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ республикъ сѣвероамериканскіе штаты больше всего приблизились къ истиннымъ принципамъ" [1]). Но и это мѣсто отнюдь не говоритъ, чтобы Мунье свой проектъ деклараціи правъ составилъ по американскимъ образцамъ. Ошибка Клёфекорна, однако, этимъ не исчерпывается. Онъ не хочетъ

[1]) *Klövekorn*, S. 157—158.

считаться съ другими словами того же Мунье, которыя неблагопріятны для американской теоріи. Въ своей поздней работѣ „О вліяніи философовъ на французскую революцію“ Мунье разсматриваетъ вопросъ, кто вліялъ во Франціи на распространеніе идей свободы. Проводниками идей свободы, кромѣ философовъ, онъ считаетъ англійскую конституцію, американскую революцію и ремонтрансы парламента [1]). Отсюда видно, что для Мунье американское вліяніе не могло казаться единственнымъ и исключительнымъ. Этого мало, слѣдующія слова Мунье звучатъ еще опредѣленнѣе: „Многіе меня порицали, что я способствовалъ изданію деклараціи правъ. Я долженъ замѣтить, что освѣдомленный о *желаніи многихъ депутатовъ предложить въ этомъ отношеніи примѣръ американскихъ штатовъ я приложилъ всѣ возможныя усилія, чтобы ихъ отвлечь отъ такого проекта*“ [2]).

Итакъ, проектъ Мунье ни въ коемъ случаѣ нельзя считать продуктомъ американскаго вліянія. И если Клёфекорнъ думаетъ, что на окончательный текстъ деклараціи этотъ проектъ оказалъ значительное вліяніе, то это должно служить аргументомъ не въ пользу американской теоріи, а противъ нея. Противъ нея же идетъ и самъ Клёфекорнъ, когда высказываетъ предположеніе, что были еще проекты, давшіе матеріалъ для окончательной редакціи. Это проекты Буша [3]). Креньера [4]) и Таржэ [5]). Коль скоро такъ, то для самого Клёфекорна окончательная редакція деклараціи представляется мозаическимъ продуктомъ многихъ источниковъ. Но ни проектъ Таржэ, ни проектъ Креньера, ни проектъ Буша не составлены по американскимъ образцамъ. Источниками ихъ Клёфекорнъ считаетъ отдѣльные параграфы наказовъ и брошюръ, но и тѣ, какъ мы видѣли, держались весьма независимо отъ американскихъ законодательныхъ актовъ.

Но, дѣлая рядъ уступокъ, Клёфекорнъ совершаетъ еще одну важную ошибку. Онъ стремится дискредитировать значеніе одного проекта, оказавшаго значительное вліяніе на окончательную редакцію деклараціи, именно проекта VI бюро; къ нему мы и должны сейчасъ обратиться.

---

[1]) *Lanzac de Laborie*, Mounier, p. 304 ets.

[2]) Ib., p. 131.

[3]) § 74 его проекта оставилъ слѣдъ, по мнѣнію Клёфекорна (S. 172), на § 6 окончательной редакціи, а § 54 на § 17.

[4]) § 1 его проекта, по его мнѣнію (S. 162), повліялъ тоже на § 6 окончательной редакціи.

[5]) § 8 его проекта повліялъ будто бы на § 5 окончательной редакціи. *Klöve-korn*. S. 145.

Собраніе, перегруженное массой проектовъ деклараціи, выбрало 12-го августа комитетъ изъ 5 лицъ для выработки новаго проекта. Комитетъ черезъ нѣсколько дней представилъ докладъ и свой проектъ провозглашенія правъ человѣка. Однако, собраніе не было удовлетворено работой комитета, его проектъ былъ отвергнутъ; рѣшено было взять какой-нибудь одинъ изъ существовавшихъ уже проектовъ и обсуждать его по параграфамъ. На баллотировку было предложено нѣсколько проектовъ, но *громадное большинство голосовъ собралъ проектъ VI бюро*, о которомъ прежде никто не говорилъ. Хотя, при дальнѣйшемъ обсужденіи въ собраніи отдѣльныхъ параграфовъ проекта, отъ него почти ничего въ цѣлости не осталось, тѣмъ не менѣе проектъ VI бюро важенъ для насъ, какъ показатель симпатій большинства въ собраніи. И именно этотъ проектъ менѣе, чѣмъ какой либо другой, можетъ быть возведенъ къ американскимъ образцамъ. Самъ Клёфекорнъ при всѣхъ своихъ натяжкахъ могъ указать всего два мѣста, идущія въ параллель къ американскимъ деклараціямъ [1]).

Но если Клёфекорну не удалось доказать, что проекты, послужившіе главнымъ матеріаломъ при выработкѣ окончательнаго текста деклараціи, стояли подъ сильнымъ и исключительнымъ американскимъ вліяніемъ, то у него есть въ рукахъ еще одинъ козырь—рѣчи ораторовъ Учредительнаго собранія. Посмотримъ, насколько среди нихъ сильно желаніе составить французскую декларацію правъ по американскимъ образцамъ.

Въ учредительномъ собраніи ссылки на Америку слышатся не однократно. Когда архіепископу Бордосскому Шампьону де Сисэ приходится дѣлать докладъ отъ имени конституціоннаго комитета и рекомендовать собранію издать декларацію правъ, онъ не преминетъ сослаться на Америку: „Эта благородная идея (т. е. изданіе деклараціи), родившаяся въ другомъ полушаріи, должна быть прежде всего перенесена къ намъ. Мы помогали событіямъ, которыя вернули Сѣверной Америкѣ ея свободу: она намъ показываетъ, на какихъ принципахъ мы должны построить спасеніе нашей свободы. И Новый свѣтъ, куда мы нѣкогда принесли только оковы, насъ научаетъ теперь, какъ самимъ намъ уберечься отъ несчастья ихъ носить“ [2]). О необходимости слѣдовать примѣру Америки въ дѣлѣ изданія деклараціи говоритъ депутатъ Монморанси [3]). Когда поднимается въ собраніи во-

[1]) *Klövekorn*, S. 175.
[2]) Arch. Parl., VIII, p. 281.
[3]) Ib., p. 320.

просъ о свободѣ вѣроисповѣданія, Рабо-Сентъ-Этьеннъ защищаетъ полную свободу человѣка въ этомъ отношеніи ссылкой на американскіе прецеденты [1]). Защитники свободы печати депутаты Робеспьеръ и герцогъ Лярошфуко тоже указываютъ на параграфы американскихъ декларацій, признающіе свободу печати надежнѣйшей опорой политической свободы [2]). Графъ Мирабо, дѣлая докладъ отъ имени комитета 5, говорилъ, что онъ избралъ способомъ изложенія своего проекта деклараціи пріемъ американцевъ, доступный для пониманія народа [3]). Постояннымъ защитникомъ американскихъ прецедентовъ былъ депутатъ Барерь, издатель „Разсвѣта“ (Point du jour), въ своемъ журналѣ неоднократно ссылающійся на Америку [4]). Наконецъ, даже по такому внѣшнему поводу, какъ по случаю предложенія въ засѣданіи 3-го августа сократить время произнесенія ораторами рѣчей пятью минутами, и то ссылаются на примѣръ Америки, именно, что члены американскихъ конгрессовъ, елико возможно, укорачиваютъ свои рѣчи [5]).

Но всѣ эти ссылки на американскіе порядки и прецеденты не должны скрывать отъ насъ и другой стороны дѣла. Французы, ссылаясь на Америку, не хотятъ слѣпо подражать ея учрежденіямъ и порядкамъ. Тотъ же самый Монморанси, который приглашаетъ французовъ послѣдовать примѣру Америки и издать декларацію правъ, дѣлаетъ весьма поучительную оговорку: „Если Америка, давшая намъ великій примѣръ, который мы, однако, можемъ *усовершенствовать*, предлагаетъ намъ совершенно иную форму, то все же, думается мнѣ, нашему полушарію должно принадлежать то превосходство передъ другими, именно, чтобы болѣе возвышенно призывать на помощь разумъ и давать ему болѣе чистый языкъ. Да, надлежитъ народамъ, къ которымъ мы обращаемся, и эпохѣ, въ которую мы говоримъ, иначе надлежитъ Франціи и XVIII в. даровать вселенной новый образчикъ и кодексъ разума и мудрости, который способенъ вызвать удивленіе и подражаніе дру-

---

[1]) Ib., p. 479.

[2]) *Buchez-Roux*, Hist. parlem. de la Révolution, II, p. 336, 338. У Робеспьера нѣтъ опредѣленной ссылки на Америку, но одна его фраза: Le despotisme seul a imaginé des restrictions—очень похожа на § 14 деклараціи Виргиніи: La liberté de la presse... ne peut être restreinte que dans les gouvernements despotiques. См. *Rees*, назв. соч. S. 154.

[3]) Ar. Parl., p. 438.

[4]) Всѣ относящіеся сюда тексты приведены у Рееса (S. 155—156).

[5]) *Point du jour* Барера, отчетъ о засѣданіи 3-го августа.

гихъ націй" [1]). Большой поклонникъ Америки Рабо-Сентъ-Этьеннъ тоже высказывается противъ рабскаго подражанія ея декларціямъ [2]); онъ отмѣчаетъ и основаніе противъ простого позаимствованія—Франція не похожа на Американскіе штаты; тѣ представляли изъ себя новый народъ, только что разорвавшій со своей метрополіей, тогда какъ Франція — народъ издавна существующій и желающій возродиться. Мирабо, хвалившій простой языкъ американскихъ декларацій, находилъ одновременно, что не изъ Америки раздался первый призывъ къ свободѣ—раньше чѣмъ Америка стала независимой, появился „Общественный договоръ" Руссо [3]).

Наконецъ, въ учредительномъ собраніи оказалось немало принципіальныхъ противниковъ составленія деклараціи по американскимъ образцамъ. Такъ, напр., въ засѣданіи 1-го августа депутатъ епископъ Оксеррскій Шампьонъ де Сисэ [4]) доказывалъ, что примѣръ Америки въ дѣлѣ провозглашенія правъ человѣка не убѣдителенъ, потому что тамъ нѣтъ аристократіи, тамъ уже господствуетъ равенство среди гражданъ; прежде чѣмъ говорить людямъ: вы равны, надо создать законы, обезпечивающіе это равенство, а потому, говорилъ епископъ, въ деклараціи правъ нѣтъ нужды [5]). На той же точкѣ зрѣнія, т. е. на необходимости дѣлать строгое различіе между Франціей и Америкой, стояли депутаты Малюэ [6]), Креньеръ [7]), Лалли-Толяндаль [8]). Въ ряды противниковъ деклараціи въ американскомъ духѣ надо отнести и тѣхъ депутатовъ, которые высказывались противъ изданія какихъ бы то ни было декларацій правъ, равно какъ и тѣхъ, которые предлагали соединить декларацію правъ съ указаніемъ человѣку и его обязанностей, потому что Америка не знала никакой деклараціи обязанностей. Число послѣднихъ было весьма значительно (голосованіе 4-го августа опредѣлило ихъ число въ 433 человѣка противъ 570) [9]).

---

[1]) *Courrier de Provence*, p. 12—15, 22 письмо.

[2]) A. P. VIII, p. 452: Si l'Assemblée nationale se décide pour une déclaration elle ne doit pas suivre *servilement et se borner à exemple des Etats-Unis*.

[3]) *Courrier de Provence*, 20 письмо.

[4]) Его не надо смѣшивать съ его однофамильцемъ, тоже депутатомъ, архіепископомъ Бордосскимъ Шампьономъ де Сисэ, какъ это сдѣлали Клёфекорнъ и Реесъ (Klövekorn, S. 162; Rees, S. 157).

[5]) Arch. Parl., VIII, p. 322.

[6]) Ib., p. 322.

[7]) P. 451.

[8]) P. 222.

[9]) P. 341.

Еще болѣе придется урѣзать американское вліяніе при составленіи французской декларацiи, если разобраться въ тѣхъ аргументахъ, которые приводятся ораторами за или противъ ея изданія или по поводу ея отдѣльныхъ параграфовъ. Въ качествѣ аргументовъ ораторы приводятъ примѣры не изъ одной исторіи американской революціи. Часто слышатся ссылки на Англію. Другой вопросъ — правильно ли понимали французы создавшійся въ ней политическій порядокъ. Во всякомъ случаѣ поклонниковъ Англіи было не мало среди французовъ въ эпоху учредительнаго собранія. Изъ мемуаровъ Бальи извѣстно, что онъ считалъ большимъ достоинствомъ англійской конституціи, что она урегулировала права народа и права монарха [1]). Великимъ поклонникомъ Англіи былъ Лалли-Толяндаль, не разъ указывавшій въ собраніи тѣ или иныя положительныя стороны англійскаго политическаго устройства. Между прочимъ онъ ставилъ англичанамъ въ особую заслугу, что они обезпечили человѣку обладаніе его правами не метафизическими теоріями, а опредѣленными законами [2]). На Англію дѣлаетъ частыя ссылки депутатъ Мунье въ своемъ докладѣ 12-го августа о подходящемъ для Франціи государственномъ устройствѣ [3]). Свободу слова въ англійскомъ парламентѣ прославляетъ депутатъ Лялюцернъ, епископъ Лянгрскій [4]) и т. д. [5]). Но и въ отношеніи къ Англіи депутаты учредительнаго собранія держатся очень самостоятельно. По этому поводу интересно привести одинъ эпизодъ, разсказанный Дюмономъ въ его воспоминаніяхъ о Мирабо [6]). Дюмонъ перевелъ одну книгу, трактовавшую о внутреннемъ распорядкѣ въ палатѣ общинъ. Мирабо принесъ переводъ въ бюро 3-го сословія, чтобы этой книгой могло воспользоваться собраніе для выработки себѣ наказа. „Мы не англичане и не нуждаемся въ англичанахъ“—такъ ему тамъ отвѣтили.

Кромѣ Англіи, въ собраніи ссылаются и на другія страны. Неоднократно ссылаются на Римъ и на римское право [7]), ссылаются на законодателей, дѣйствительныхъ и легендарныхъ, — Ликурга, Нуму, Солона и Пенна [8]), есть ссылки даже на Россію [9]). Рѣчи нѣкоторыхъ

[1]) Mém., I, 316.
[2]) Его рѣчь 19-го августа. A. P. VIII, p. 458.
[3]) Ib., p. 407 ets.
[4]) P. 333.
[5]) Другіе примѣры подобраны уже Реесомъ (S. 160—161).
[6]) P. 164.
[7]) Arch. Parl., p. 334, 477, 463; *Point du jour* Барера, II, 193.
[8]) A. P., p. 231.
[9]) Ib., p. 463.

ораторовъ изобилуютъ примѣрами изъ области философіи, называютъ рядъ философскихъ именъ, привлекаютъ къ дѣлу естественное право и модную философію XVIII в. [1]). Духъ Руссо витаетъ надъ собраніемъ. Большинство депутатовъ твердо усвоили его формулу, что законъ есть выраженіе общей воли [2]).

Но гораздо чаще, чѣмъ на порядки иностранныхъ государствъ или философскія положенія, ссылаются депутаты на прецеденты прошлаго Франціи, на заявленія наказовъ и на неотложныя нужды страны. Какихъ примѣровъ изъ исторіи не приводятъ депутаты! Они указываютъ на изреченіе древнихъ капитуляріевъ — lex fit consensu populi et constitutione regis [3]), они разсказываютъ эпизоды изъ жизни Великаго Арно, произносившаго громовыя рѣчи противъ іезуитовъ въ Сорбоннѣ [4]). Въ защиту правъ всѣхъ на участіе во власти они сошлются на избирательную процедуру старинныхъ генеральныхъ штатовъ [5]). Они напоминаютъ, что Франція все время своего существованія, исключая лишь эпоху Карла Великаго, страдала по милости землевладѣльцевъ-феодаловъ [6]). И необходимость деклараціи правъ депутаты обосновываютъ постояннымъ нарушеніемъ правъ человѣка. При этомъ изъ ихъ рядовъ раздается требованіе, чтобы законодатели при созданіи деклараціи сообразовались съ нравами и обычаями страны [7]). Но главное, съ чѣмъ они находятъ необходимымъ прежде всего считаться, это съ матеріаломъ, содержащимся въ наказахъ [8]).

Изъ всего сказаннаго мы позволяемъ себѣ сдѣлать два вывода: 1) поклонниковъ изданія деклараціи правъ въ духѣ американскихъ биллей среди депутатовъ Національнаго собранія было немного; они объединились вокругъ проекта деклараціи, предложеннаго Ляфайетомъ; но проектъ этотъ собралъ всего 45 голосовъ (4—5% общаго числа депутатовъ, участвовавшихъ въ голосованіи), напротивъ, громадное

[1]) A. P., p. 222. *Лалли-Толяндаль* аппеллируетъ къ естественному праву; A. P., p. 324. *Делянднинъ* считаетъ себя и своихъ современниковъ учениками Локка, Кёмберленда, Юма, Руссо и др.

[2]) Ссылки на Руссо A. P., p. 476; *Courrier de Provence*, p. 21.

[3]) A. P., p. 283.

[4]) Ib., p. 333.

[5]) P. 484.

[6]) P. 321.

[7]) См. рѣчь Сильери 4-го августа, p. 340.

[8]) Рѣчи Рабо-С.-Этьенна (A. P., p. 452), Тарже (p. 135), докладъ Клермонъ-Тоннера о требованіяхъ, содержащихся въ наказахъ (p. 283).

большинство (620) высказалось въ пользу проекта VI бюро, проекта, по признанію самого Клёфекорна, весьма далекаго отъ американскихъ образцовъ. 2) Аргументы, приводившіеся защитниками этихъ послѣднихъ, ихъ указанія на американскіе порядки совершенно потонули въ массѣ справокъ и ссылокъ, взятыхъ изъ исторіи другихъ странъ, но главнымъ образомъ изъ прошлаго самой Франціи и изъ ея нуждъ и требованій. Мало того, сами защитники деклараціи на американскій ладъ многое хотѣли переиначить или дополнить въ своихъ образчикахъ.

Намъ могутъ сказать, что французы самую идею изданія деклараціи взяли изъ Америки, но они съ такимъ же успѣхомъ могли ее заимствовать изъ практики своихъ туземныхъ корпорацій, выступавшихъ съ деклараціями вольностей націи, изъ законодательной исторіи Англіи, имъ хорошо знакомой, изъ перечисленія всевозможныхъ свободъ, заботливо приготовленнаго философіей XVIII в. Намъ скажутъ также, почему же въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в. нѣкоторые французы [1]) считали свою декларацію составленной въ американскомъ духѣ. Ихъ, очевидно, поразилъ фактъ совпаденія изданія въ двухъ союзныхъ странахъ приблизительно одинаковыхъ актовъ, а въ существѣ дѣла они не дали себѣ труда разобраться. А одинъ изъ нихъ, другъ Мирабо, Дюмонъ, вообще недоброжелательно относящійся къ деклараціи [2]), хотѣлъ дискредитировать ее и тѣмъ, что она будто бы не имѣла никакихъ національныхъ корней.

Но противъ американской теоріи можно привести еще одинъ доводъ. Декларація правъ Національнымъ собраніемъ была выработана не по какому-нибудь одному готовому образцу. Отъ проекта VI бюро, положеннаго въ основу ея разработки, въ цѣлости почти ничего не осталось. Все было переработано. Отдѣльные депутаты вносили поправки, поправки эти обсуждались и исправлялись всѣмъ собраніемъ, нерѣдко нѣсколько параграфовъ соединялись въ одинъ, иногда спорили изъ-за отдѣльныхъ выраженій. При такихъ условіяхъ о текстуальномъ заимствованіи изъ Америки не только всей деклараціи, но даже ея отдѣльныхъ частей и рѣчи быть не можетъ, можно лишь говорить, откуда взяты мысли того или другого параграфа.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ содержаніе окончательной редакціи нашего памятника:

---

[1]) Мнѣнія ихъ нами приведены въ началѣ нашей работы.

[2]) Mémoires sur Mirabeau, p. 138 ets.

§§ деклараціи.	
Вступленіе	Проектъ комитета 5.
1, 2 и 3	Поправка Мунье.
4 и 5	Поправка Лямета.
6	Поправка Талейрана (съ нѣкоторыми измѣненіями, внесенными Лалли-Толяндалемъ).
7, 8 и 9	Поправки Дюпора и Таржэ.
10	Поправки Кастеляна и духовенства.
11	Поправка Лярошфуко.
12 = § 20	проекта VI бюро (съ нѣсколькими измѣненіями).
13 = § 21	проекта VI бюро (съ нѣсколькими измѣненіями).
14 = § 22	проекта VI бюро (съ нѣсколькими измѣненіями).
15 = § 23	проекта VI бюро (съ нѣсколькими измѣненіями).
16 = § 24	проекта VI бюро (съ нѣсколькими измѣненіями).
17	Добавленіе Дюпора.

Приведенная таблица наглядно показываетъ, что окончательная редакція деклараціи есть мозаическая работа многихъ лицъ. Поэтому очень трудно, какъ это дѣлаетъ Еллинекъ, искать ея сходства съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ образцомъ, въ родѣ американскихъ биллей. Сопоставленіе текстовъ говоритъ о многихъ существенныхъ различіяхъ сравниваемыхъ памятниковъ. Укажу нѣкоторыя изъ нихъ. 1) Въ американскихъ билляхъ нѣтъ того введенія въ декларацію, которое составляетъ специфическій признакъ французскаго законодательнаго акта и изобличаетъ въ немъ вполнѣ національное происхожденіе. 2) Въ деклараціи Массачузетса (Введеніе и § 10), на которую ссылается Еллинекъ [1]), нѣтъ ограниченія свободы человѣка не дѣлать того, что вредитъ другимъ, о чемъ говорится въ § 4 французской деклараціи. 3) Французская декларація (§ 10) устанавливаетъ лишь вѣротерпимость, тогда какъ американскіе билли признаютъ полную свободу совѣсти, и т. д.

Остается еще послѣднее возраженіе, которое могутъ сдѣлать защитники американской теоріи,—какъ объяснить близость нѣкоторыхъ параграфовъ деклараціи къ американскимъ биллямъ? Эту близость объяснить можно очень просто. Во-первыхъ, составителямъ американскихъ биллей и французской деклараціи приходилось имѣть дѣло съ однѣми и тѣми же темами. Когда приходится говорить объ исти-

---

[1]) Рус. перев., стр. 21.

нахъ общеизвѣстныхъ, въ родѣ неприкосновенности личности, равенствѣ передъ судомъ, свободѣ печати и т. п., невольно появляются слова и обороты, близкіе между собой, что вовсе не говоритъ о заимствованіяхъ. Во-вторыхъ, американскіе билли и французская декларація *были во многихъ отношеніяхъ продуктомъ одного и того же умственнаго движенія вѣка и питались нерѣдко изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ.*

Изученіе американскихъ законодательныхъ актовъ эпохи борьбы за освобожденіе показываетъ, что составители ихъ были прекрасно знакомы не только съ государственнымъ строемъ своей метрополіи, но и съ освободительной философіей XVIII в. [1]). Половина членовъ конгрессовъ 1774, 75 и 76 гг. были юристы; въ общемъ 7/9 всего числа депутатовъ имѣли научную подготовку [2]). Сами американцы своими идейными вдохновителями признавали Сенеку, Цицерона, Монтескье, Болингброка (Дж. Адамсъ), конституцію Массачузетса выводили изъ Локка, Сиднея, Руссо и Мабли (письма того же Адамса), защищали новый строй Америки ссылками на Өукидида, Цицерона, Платона, Макіавелли, Локка, Монтескьё и др. (памфлетъ Адамса противъ Тюрго 1787 г.) [3]). Видный дѣятель американскаго освобожденія Джемсъ Отисъ прекрасно зналъ сочиненія Пуффендорфа, Гроція, Локка, Монтескьё и Руссо [4]). Представитель возставшей Америки передъ народами Европы Веніаминъ Франклинъ былъ большимъ поклонникомъ Руссо [5]).

Изъ всего сказаннаго видно, что въ законодательныхъ актахъ Америки французы читали принципы, уже извѣстные имъ изъ сочиненій философовъ. Тѣмъ большую цѣнность пріобрѣтали въ ихъ глазахъ идеи этихъ послѣднихъ, что онѣ получили въ Америкѣ свое боевое крещеніе. *Французы видѣли, что постулаты философіи могутъ быть приложимы къ жизни.* Успѣхъ американской революціи являлся для нихъ новымъ стимуломъ къ осуществленію у себя дома тѣхъ преобразованій, о которыхъ имъ твердили философы. *Только въ такихъ рамкахъ и можно говорить о вліяніи Америки на возникновеніе французской деклараціи правъ...*

---

[1]) *Hägermann*, D. Erklärung d. Menschen-u. Bürgerrechte in d. ersten amerik. Staatsverfassung (Hist. Studien, № 78, 1910).

[2]) Ib., S. 16.

[3]) Ib., S. 17—18.

[4]) Ib., S. 48.

[5]) S. 149.

Съ американской теоріей соприкасается другая теорія происхожденія деклараціи правъ, пытающаяся возвести провозглашеніе правъ человѣка къ религіознымъ источникамъ. Тотъ же самый *Еллинекъ*, который выводитъ принципы 1789 г. изъ принциповъ 1776 г. [1]), считаетъ американскіе билли продуктомъ сектантскаго движенія XVII в. Американскіе сектанты, много пострадавшіе изъ-за своихъ религіозныхъ убѣжденій, основали рядъ новыхъ колоній путемъ договора между собой, при чемъ они условились никого не преслѣдовать изъ-за вѣры [2]). Хартіи новыхъ колоній были признаны правительствомъ метрополіи. Такимъ образомъ свобода совѣсти провозглашена, и тѣмъ самымъ, говоритъ Еллинекъ, „создано представленіе о правѣ, присущемъ всѣмъ людямъ, которое законодатель обязанъ признавать. Въ 1776 г. это право считается прирожденнымъ уже во всѣхъ билляхъ о правахъ, большею частью въ торжественной формѣ и на первомъ мѣстѣ". Въ виду этого Еллинекъ, какъ мы уже видѣли выше, и считаетъ источникомъ происхожденія индивидуальныхъ правъ евангеліе и не что иное, а первымъ проповѣдникомъ ихъ индепендента Р. Вильямса.

Но, какъ конструкція американскаго происхожденія французской деклараціи правъ, такъ и конструкція религіознаго возникновенія идей американской деклараціи независимости и биллей о правахъ отдѣльныхъ штатовъ, соединенныя въ одну систему въ брошюрѣ Еллинека, встрѣтили въ наукѣ различное къ себѣ отношеніе. Мы уже видѣли, что французскій историкъ *Думергъ*, сочувственно отнесшійся къ общей конструкціи Еллинека, внесъ въ его теорію рядъ дополненій, значительно ее преобразовавшихъ. Другіе историки напротивъ признали ошибочной и самую конструкцію. Наиболѣе серьезныя возраженія сдѣланы были въ послѣднее время *Гегерманомъ* [3]).

Изучая возникновеніе американскихъ законодательныхъ актовъ революціоннаго времени, Гегерманъ не могъ обойти вопроса и объ ихъ источникахъ. Главные творцы американскихъ декларацій Джемсъ Отисъ, оба Адамса, Джефферсонъ и др. нигдѣ не ссылаются на религіозные авторитеты. Они ссылаются на философовъ и государствовѣдовъ современнаго міра и древности. Одни изъ нихъ, какъ Отисъ и Дж. Адамсъ, преклонялись передъ англійской конституціей, другіе, какъ Франклинъ, хотѣли въ духѣ Руссо перенесенія всей власти на

---

[1]) *Еллинекъ*, назв. соч., рус. пер., стр. 74.

[2]) Ст. 54 и сл.

[3]) Назв. соч., S. 27 u. f.

народъ. И главные дѣятели американской революціи вышли не изъ первобытныхъ лѣсовъ, куда нѣкогда скрывались гонимые сектанты, а изъ самаго центра духовнаго просвѣщенія и міровой политики, изъ Массачузетса. Именно изъ Бостона ведутъ свое происхожденіе Отисъ, Франклинъ, оба Адамса и Гуперъ [1]). Въ противоположность Еллинеку, авторъ думаетъ, что въ Америкѣ до конца XVIII в. о терпимости къ отдѣльнымъ сектамъ говорить не приходится. Напротивъ сектанты, образовавшіе цѣлые штаты, стремились елико возможно обособиться отъ другихъ. Только въ концѣ XVIII в., продолжаетъ Гегерманъ, постепенно устанавливается вѣротерпимость. Самымъ передовымъ штатомъ въ этомъ отношеніи былъ Нью-Іоркъ, менѣе всего принимавшій участіе въ борьбѣ за освобожденіе; самымъ ретроградным—Массачузетсъ, наоборотъ много сдѣлавшій для освобожденія [2]). Поэтому, заключаетъ авторъ, нельзя выводить американскую революцію изъ идей пуританской реформаціи, напротивъ, большое различіе религіозныхъ вѣрованій мѣшало объединенію для борьбы [3]).

Возраженія Гегермана, наносящаго теоріи Еллинека полное пораженіе, можно пополнить еще однимъ замѣчаніемъ. Если изучить резолюціи различныхъ политическихъ собраній въ Америкѣ наканунѣ ея борьбы за свободу, прочитать рѣчи ораторовъ [4]), то религіозная подкладка индивидуальныхъ вольностей покажется совершенно не существующей. Американцы, отстаивая свои права, ссылаются на естественное право и на основные законы Британскаго королевства, включая сюда даже Великую хартію вольностей, подписанную королемъ Іоанномъ еще въ глубинѣ среднихъ вѣковъ.

Итакъ, индепенденты XVII в. не имѣютъ прямого отношенія ни къ актамъ 1776 г., ни тѣмъ болѣе къ акту 1789 г. Но въ тѣхъ поправкахъ, которыя въ конструкцію Еллинека были внесены Думергомъ, стоитъ разобраться. Мы уже отмѣтили крайности Думерга, желавшаго отыскать во вліяніи на революцію идей реформаціи какія-то три разныхъ теченія. Но одно изъ соображеній Думерга, что идеи, выросшія на почвѣ религіозной борьбы, не затерялись, а проникая въ общество, настраивали его аггрессивно противъ правительства стараго порядка, это соображеніе очень цѣнно. Революціонныя идеи кальвинистскихъ пасторовъ, начиная съ Безы и до Бурламаки

[1]) S. 148.
[2]) S. 37.
[3]) S. 38.
[4]) См. *Laboulaye*, Hist. des Etats-Unis, II, 100, 242, 250.

включительно, оказали сильное вліяніе между прочимъ на Руссо. Въ сочиненіяхъ гугенотскихъ публицистовъ конца XVI в. французскій историкъ *Меали* прямо видитъ зарожденіе современныхъ либеральныхъ идей, равно какъ и принциповъ 1789 г. [1]). Такой фактъ, какъ изданіе въ 1788 г. памфлета „Вздохи порабощенной Франціи", направленнаго противъ Людовика XIV, самъ говоритъ за себя. Но во всякомъ случаѣ вліяніе идей реформаціи въ XVIII в. было весьма слабымъ—это видно изъ того, что религія находилась въ упадкѣ, а потому аргументы изъ св. Писанія врядъ ли могли привлечь къ себѣ большое число антагонистовъ старой французской монархіи. Оппозиція абсолютизму на религіозной почвѣ къ половинѣ XVIII в. уже сыграла свою роль, плоды ея взошли и растворились въ оппозиціи политической. Не религіозныя идеи, а нѣчто другое послужило источникомъ провозглашенія правъ человѣка.

Заслугу подготовки въ обществѣ идеи индивидуальныхъ свободъ нѣкоторые историки приписывали двумъ стариннымъ учрежденіямъ Франціи—генеральнымъ штатамъ и парламентамъ.

Историческія данныя до извѣстной степени подкрѣпляютъ это предположеніе. Въ дореволюціонной Франціи, все равно XIV ли и XV вв., или въ XVI, XVII и XVIII вв., въ генеральныхъ штатахъ видѣли главную надежду націи. Только генеральные штаты, думали французы разныхъ эпохъ существованія стараго порядка, могутъ спасти націю отъ застигнувшей ее бури, все равно будетъ ли то опасность со стороны національнаго врага—англичанъ, или со стороны внутреннихъ раздоровъ, или со стороны безначалія и произвола, какъ это было передъ самой революціей. И генеральные штаты почти всякій разъ, какъ бывали созываемы, горячо протестовали противъ непорядковъ въ государствѣ, насилій и произвола чиновниковъ, старались сдерживать власть и насадить въ странѣ правовой порядокъ. Отсюда историки и выводили большое значеніе штатовъ въ общественной жизни страны и ихъ вліяніе на ростъ культурнаго самосознанія. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ *Гизо*, когда даетъ въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ" общій очеркъ исторіи генеральныхъ штатовъ. „Генеральные штаты, говоритъ онъ, имѣли нравственное дѣйствіе... они были періодическимъ протестомъ противъ политическаго рабства". „Если основныя конституціонныя истины никогда не погибали во Франціи, то этому сильно помогли генераль-

[1]) *Méaly*, Les publicistes de la Réforme sous Charles IX, 1903. Introd. et Conclus.

ные штаты; немаловажная заслуга ихъ передъ народомъ въ томъ, что они поддерживали въ его нравахъ и разогрѣвали въ его мысляхъ воспоминанія и права на свободу". Также высоко оцѣниваетъ значеніе генеральныхъ штатовъ и ихъ историкъ *Пико*. Въ проектахъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій, задуманныхъ штатами 1484 г., 1560, 1576 и 1614 гг., онъ на каждой страницѣ чувствуетъ дуновеніе 1789 г. Если генеральные штаты ничего не создали, то они, думаетъ Пико, сберегли доктрины и подготовили учрежденія. Однако врядъ ли можно и самое ученіе о правахъ человѣка возводить къ постановленіямъ штатовъ. Штаты не ставили вопроса объ индивидуальныхъ правахъ и, стало быть, на ихъ разработку могли оказать вліяніе въ высшей степени отдаленное.

Гораздо ближе коснулись нашего вопроса парламенты. Послѣ того какъ перестали созываться генеральные штаты, парламенты стали смотрѣть на себя, какъ на представителей и защитниковъ націи. Особенно замѣтной становится ихъ роль послѣ смерти Людовика XIV. Въ своихъ представленіяхъ королю они постоянно говорятъ о правахъ націи, о правахъ подданныхъ [1]). Особенно интересны ремонтрансы парижскаго парламента королю 3-го мая 1788 г. за годъ до созванія генеральныхъ штатовъ [2]). Это цѣлая политическая доктрина, сводящаяся къ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ: Франція есть наслѣдственная монархія, управляемая на основаніи законовъ; нація имѣетъ право свободно вотировать налоги черезъ посредство генеральныхъ штатовъ, созываемыхъ регулярно и имѣющихъ законный составъ депутатовъ; провинціи сохраняютъ свои кутюмы и вольности; магистраты несмѣняемы; провинціальные парламенты имѣютъ право провѣрять распоряженія короля и опубликовывать только тѣ изъ нихъ, которыя согласны съ основными законами провинціи и съ основными законами государства; всякій гражданинъ имѣетъ право быть судимъ только обычными закономъ поставленными судьями; гражданинъ обладаетъ правомъ, безъ котораго другія права безполезны, въ случаѣ ареста безъ замедленія быть приведеннымъ къ законнымъ судьямъ...

---

[1]) *Flammermont*, Les remontrances du Parlement; *Рокенъ*, Движеніе общественной мысли передъ революціей; *Glasson*, Le Parlement de Paris, II, 1901, p. 390—2.

[2]) Въ этихъ ремонтрансахъ два раза встрѣчается характерное выраженіе „déclare", откуда легко могло быть заимствовано и обозначеніе законодательной формулировки правъ—„déclaration des droits".

Но какъ ни широка приведенная декларація парижскаго парламента, въ ней все-таки многаго нѣтъ, что могло бы напомнить декларацію правъ человѣка [1]). Этого мало, парламенты по самой своей структурѣ и по своему міровоззрѣнію были черезчуръ въ тѣсномъ родствѣ со всѣмъ старымъ порядкомъ, чтобы быть носителями новыхъ идей, каковыми были права человѣка. Парламенты цѣпко держались за свои привилегіи и считали привилегированныя корпораціи необходимой принадлежностью государственнаго строя Франціи (ремонтрансы 2—4 марта 1776 г.). Парламенты не хотѣли слышать о свободѣ печати, видѣли въ ней либо показателя извращеннаго вкуса, либо предвѣстника революціи, а потому не скупились на приговоры, увлекавшіе на костеръ самыя популярныя сочиненія вѣка. Парламенты не считались съ идеей вѣротерпимости и за годъ до Революціи усердно противились публикаціи королевскаго эдикта, дававшаго гражданскія права гугенотамъ (ремонтрансы 20 января 1788 г.). И хотя на долю парламента и выпала большая роль въ борьбѣ съ произволомъ старой французской монархіи, однако очевидно, что не среди парламентской магистратуры, дрожавшей за свои привилегіи, не считавшейся съ духомъ времени, должно было возникнуть ученіе о правахъ человѣка...

Зародыши ученія о правахъ человѣка можно найти въ глубокой древности. *Греческіе софисты* выдвинули гипотезу естественнаго состоянія, въ которомъ люди были свободны и равны между собой; только насиліе и обычай провели между людьми соціальныя различія, подчинили одного человѣка другому [2]). Ученіе объ естественномъ состояніи, о природномъ равенствѣ и свободѣ людей воскресаетъ въ европейской публицистикѣ XVI и XVII вв. Это возвращеніе къ природѣ, какъ противоположности къ исторически сложившимся отношеніямъ, говоритъ Виндельбандъ, является „до извѣстной степени лозунгомъ всѣхъ реформацій и революцій. Всякій разъ когда историческія формы уже отжили, когда право обратилось въ безправіе, благодѣяніе въ мученіе, союзы въ цѣпи и оковы, то кажется, будто человѣческій духъ окунается въ вѣчно одинаковую природу, чтобы смыть

---

[1]) Какъ это думаютъ *Фляммермонъ*, *Кохъ* и *лордъ Честерфильдъ* (Lettres 1842, II, 261). Ср. также *Bayet-Albert*, Les écrivains politiques du XVIII s. 1904, p. 419 note.

[2]) *Diels*, Vorsokratiker: Hippias fr. 10; Alkidamas fr. 4 и др. Ср. *Nestle*, Euripides, Dichter d. griech. Aufklärung, pass.

съ себя пыль вѣковъ,—словно Антей, стремящійся получить приливъ свѣжихъ силъ отъ вѣчно родной земли“ [1]).

Главные столпы *школы естественнаго права* — Гроцій и Пуффендорфъ—установили, что въ естественномъ состояніи человѣкъ обладалъ тремя полученными отъ природы правами—равенствомъ, свободой и собственностью. Другіе послѣдователи школы выводили изъ естественнаго состоянія и другія свободы [2]).

Писатели школы естественнаго права XVII и XVIII вв. еще не дѣлали выводовъ изъ своихъ смѣлыхъ положеній, легко приспособлялись къ обстоятельствамъ и режиму, среди котораго имъ приходилось жить. Руссо говорилъ про Гроція, что онъ, бѣжавъ во Францію, сталъ ухаживать за Людовикомъ XIII, посвятилъ ему свою книгу, ничего не пропустилъ, чтобы отнять у народовъ ихъ права и передать ихъ королямъ. За то французскіе философы XVIII в., воспринявшіе ученіе школы естественнаго права, не остановились предъ самыми смѣлыми выводами [3]). Они разработали ученіе объ индивидуальныхъ правахъ, такъ что составителямъ и американскихъ биллей, и французской деклараціи 1789 г. приходилось лишь оформить общеизвѣстныя истины. Но кто же среди французскихъ философовъ наиболѣе потрудился надъ конструкціей правъ человѣка, кому изъ нихъ наиболѣе обязаны люди 1789 года?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, ученые выступали съ различными объясненіями. Всѣмъ извѣстное изреченіе Вольтера—„человѣческій родъ потерялъ свои права, Монтескьё ихъ ему вовратилъ“—заставило *Фагэ именно въ Монтескьё видѣть главнаго создателя деклараціи 1789 г.* [4]). „Монтескьё — либералъ“, говоритъ Фагэ. „Это онъ, глядя на Англію, изобрѣлъ права человѣка“ [5]). „Монтескьё, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своего труда, это декларація правъ человѣка въ своихъ существенныхъ чертахъ. Онъ — главный вдохновитель декларацій 1789 и 1793 гг. Введеніе къ деклараціи 1789 г. идетъ отъ Монтескьё. Изъ Монтескьё взяты также §§ 2, 10, 11 и 16“ [6]).

Правда, авторъ дѣлаетъ поправку, именно онъ думаетъ, что въ

---

[1]) Исторія новой философіи, I, рус. пер., стр. 33.

[2]) Напр. *Ваттель* (Droit des gens, I, 12, § 128) говорилъ: свобода совѣсти есть природное и ненарушимое право.

[3]) *Esmein*, Eléments de droit constitutionnel français, éd. de 1906, p. 194.

[4]) *Faguet*, Politique comparée de Voltaire, Montesquieu et Rousseau, 1902.

[5]) Ib., p. 14.

[6]) Ib., p. 281—282.

декларацію 1789 г. вошли мысли и другихъ публицистовъ XVIII в.— Руссо, Вольтера и энциклопедистовъ. Однако, главнымъ творцомъ деклараціи онъ все же признаетъ Монтескьё. „Декларація правъ человѣка, говоритъ онъ, есть идея Монтескьё, въ которую невольно или съ умысломъ ввели идею Руссо, то есть права народа, составлявшую съ ней полное противорѣчіе; во всякомъ случаѣ Монтескьё—это декларація правъ человѣка въ своемъ принципѣ и въ своихъ существенныхъ чертахъ“ [1]).

Я не думаю оспаривать огромнаго вліянія Монтескьё на всю философскую мысль XVIII в., не стану возражать, что идея раздѣленія властей, вошедшая въ § 16 деклараціи 1789 г. и ранѣе внесенная въ американскіе билли (Массачузетсъ § 30, Виргинія § 5), своимъ родоначальникомъ имѣетъ Монтескьё, но бѣда въ томъ, что вліяніе президента Бордосскаго парламента на членовъ учредительнаго собранія было не такъ велико, какъ это кажется Фагэ. Послѣднее сочиненіе о Монтескьё Дедіё [2]) показало, что во второй половинѣ XVIII в. вліяніе Монтескьё успѣло уже ослабѣть. Примирившись съ церковью въ послѣдніе годы своей жизни, онъ разошелся съ философами и отсталъ отъ общаго умственнаго теченія. Поколѣніе 1789 г. въ большинствѣ случаевъ знало его уже изъ вторыхъ рукъ, и самая идея раздѣленія властей, которую мы встрѣчаемъ въ деклараціи, могла быть взята у Мабли, Рейналя и т. п.

Гораздо большимъ кредитомъ у людей 1789 г. пользовались два современника Монтескьё—Вольтеръ и Руссо. Оба они у депутатовъ учредительнаго собранія были въ большомъ фаворѣ.

30-го мая 1791 г. состоялось постановленіе перенести прахъ Вольтера въ Пантеонъ. Самое торжество перенесенія, имѣвшее мѣсто 11-го іюля и отличавшееся „истинно античнымъ великолѣпіемъ“, рѣчи ораторовъ, произнесенныя по этому поводу, все это свидѣтельствуетъ о большомъ вліяніи Вольтера на дѣятелей учредительнаго собранія. Отсюда и у новѣйшихъ ученыхъ естественно рождалось заключеніе о большой роли *Вольтера* въ подготовкѣ событій 1789 г. „Революція 1789 г. — имя Вольтера ее символизируетъ“, говоритъ Пеллисье [3]).

„Вольтеріанство, говоритъ Лянсонъ, обезоружило дворянство въ 1789 г. и предало его Революціи“ [4]). Естественно при такихъ усло-

---

[1]) Ib., p. 288.

[2]) *Dedieu*, Montesquieu, 1913, p. 331.

[3]) *Pellissier*, Voltaire-philosophe, 1908, p. 304.

[4]) *Lanson*, Voltaire, 1906, p. 214.

віяхъ являлось основаніе считать Вольтера главнымъ творцомъ декларацін 1789 г. Самъ *Фагэ,* отводившій, какъ мы только что видѣли, руководящую роль въ этомъ дѣлѣ Монтескьё, склоненъ думать, что кое-чѣмъ декларація обязана и Вольтеру; между прочимъ очень краснорѣчивую защиту индивидуальныхъ правъ находитъ Фагэ въ „Философскомъ словарѣ" Вольтера подъ рубрикой „Gouvernement" [1]). Болѣе категорически высказывается *Шампьонъ* [2]). Вотъ что мы читаемъ у него: „Во введеніи къ конституціи 1791 г. мы находимъ, что незнаніе и забвеніе правъ человѣка являются единственными причинами общественныхъ бѣдствій; обыкновенно въ этомъ видятъ эхо Руссо. Почему не Вольтера? Вѣдь онъ сказалъ: „Та же самая сила ума, которая ведетъ насъ къ истинѣ, дѣлаетъ насъ добрыми гражданами; что такое въ самомъ дѣлѣ быть свободными? Это знать права человѣка. Когда хорошо ихъ знаешь, ихъ также и защищаешь" [3]).

Однако, врядъ ли можно считать Вольтера главнымъ пропагандистомъ идеи индивидуальныхъ правъ. Не говоря о томъ, что и раньше Вольтера, и одновременно съ нимъ другіе публицисты развивали ту же идею, мы должны констатировать, что какъ разъ Вольтера нельзя причислять къ категоріи самыхъ убѣжденныхъ защитниковъ индивидуальныхъ правъ.

Политическіе взгляды Вольтера были черезчуръ неустойчивы, чтобы видѣть въ немъ апологета политической свободы. Въ своей ненависти къ церкви и духовенству онъ готовъ былъ апплодировать самымъ насильственнымъ мѣрамъ абсолютизма, лишь бы онѣ были направлены противъ ненавистныхъ ему служителей алтаря. Поклонникъ просвѣщеннаго абсолютизма, Вольтеръ призывалъ реформы сверху и не хотѣлъ слышать голоса народа. Но—самое главное—Вольтеръ не былъ демократомъ, онъ не довѣрялъ народу, боялся его и врядъ ли согла-

---

[1]) *Faguet,* назв. соч., p. 81.

[2]) *Champion,* Voltaire, Etudes littéraires, 1897, p. 278.

[3]) Нѣсколько иначе говорилъ тотъ же историкъ двѣнадцатью годами позднѣе, когда писалъ о вліяніи Руссо на революцію (Rousseau et la Révolution, 1909, p. 119—128). Онъ и тогда держался мнѣнія, что на декларацію правъ повліялъ скорѣе Вольтеръ, чѣмъ Руссо. Кромѣ приведеннаго мѣста, Шампьонъ ссылается еще на слова, написанныя на гробницѣ Вольтера: Il réclama les droits de l'homme и на слова о Вольтерѣ Кондорсэ: Jamais les droits d'un peuple opprimé n'avaient été exposés avec plus de force, d'éloquence, de précision même que dans la seconde scène de Brutus. И тѣмъ не менѣе авторъ приходитъ къ заключенію, что ни Вольтеръ, ни Руссо не могутъ быть признаны творцами декларацін 1789 г. Декларація была естественнымъ порожденіемъ всевозможныхъ злоупотребленій стараго режима.

сился бы дать народу права, которыхъ онъ могъ желать лишь для интеллигенціи.

Въ сравненіи съ Вольтеромъ его горячій антагонистъ Руссо былъ настоящимъ сыномъ народа, скорбѣлъ объ его бѣдствіяхъ и желалъ его эмансипаціи. И ни одному изъ философовъ не выпало на долю такого почета, какъ Руссо, въ первые годы революціи [1]). Въ Руссо увидали „одного изъ благодѣтелей человѣческаго рода, генія, славу вѣка“, просвѣтителя всѣхъ націй, перваго борца за права человѣка. „Общественный договоръ“, говорилъ въ Національномъ собраніи депутатъ д'Эймаръ 29-го ноября 1790 г., „былъ для васъ хартіей, въ которой вы вновь нашли забытыя права, не признанныя и узурпированныя у націй, и въ особенности неотъемлемое право народнаго верховенства“. „Одинъ онъ, писалъ годомъ раньше о Руссо графъ Мирабо [2]), изучая естественныя права человѣка, удаляя пыль и песокъ, то есть эти внѣшнія порожденія слабости и могущества, богатства и бѣдности, неравенства, аристократизма всякаго рода, открылъ настоящія основы общества; онъ показалъ, что всюду постройка будетъ ненадежна, коль скоро она не зиждется на основахъ соглашенія людей и обоюдныхъ условій. Нѣтъ, никогда нельзя говорить о свободѣ, не заплативши дани уваженія этому безсмертному мстителю за человѣческую природу“. Когда поднялся вопросъ о перенесеніи праха Руссо въ Пантеонъ, прославленія автора „Общественнаго договора“ превратились въ настоящій его апоѳеозъ. И всюду въ рѣчахъ ораторовъ Руссо фигурируетъ, какъ борецъ за права порабощеннаго человѣка. Особенно категорически выражается Мерсье [3]): „Положенія Руссо образовали большинство нашихъ законовъ, и наши представители высказали сразу и скромность и честность признаніемъ, что «Общественный договоръ» былъ въ ихъ рукахъ тѣмъ рычагомъ, посредствомъ котораго они приподняли и затѣмъ опрокинули чудовищный колоссъ деспотизма, столько вѣковъ такъ жестоко попиравшій націю“. Не за Монтескьё, а за Руссо пошло Національное собраніе: „возникла декларація правъ человѣка и гражданина; съ этого момента все было наэлектризовано, и собраніе взяло въ руку дубину, національную дубину, которая ниспровергла всѣ заблужденія темныхъ враговъ человѣчества и общественнаго просвѣтлѣнія“.

Коль скоро современники такъ высоко оцѣнили роль Руссо въ

---

[1]) См. *Розановъ*, Руссо и литературное движеніе XVIII и XIX в., 1910.

[2]) *Courrier de Provence*, 20-e lettre, p. 20.

[3]) Цит. у *Розанова*, стр. 367.

дѣлѣ защиты индивидуальныхъ правъ, то и у новѣйшихъ историковъ явилось *желаніе возвести декларацію правъ именно къ Руссо* [1]). Но и эта гипотеза врядъ ли болѣе пріемлема, чѣмъ желаніе отыскать источники деклараціи у Монтескьё и Вольтера. Изъ Руссо дѣятели революціонной Франціи могли почерпнуть рядъ блестящихъ мыслей, ослѣпительныхъ парадоксовъ, изреченій на тему о свободахъ. Но весь Руссо и особенно „Общественный договоръ" не могутъ быть ни въ коемъ случаѣ признаны создателями ученія объ индивидуальныхъ правахъ. Руссо въ „Общественномъ договорѣ" стоитъ подъ сильнымъ вліяніемъ Гоббса, но вѣдь Гоббсъ—это отрицаніе правъ человѣка. И въ государствѣ Руссо права человѣка попираются волею суверена. Ни Гоббсъ, ни Руссо не признаютъ представительной системы. У Руссо нѣтъ даже признанія за индивидомъ права собственности. У него государство есть „владыка надъ всѣмъ имуществомъ своихъ членовъ въ силу общественнаго договора, который въ государствѣ служитъ основой всѣхъ правъ" [2]). У Руссо нельзя также найти и признанія полной свободы совѣсти. Государственная власть у Руссо устанавливаетъ „чисто гражданское исповѣданіе, не въ качествѣ догматовъ вѣры, а какъ чувства общественности, при отсутствіи которыхъ нельзя быть ни хорошимъ гражданиномъ, ни вѣрноподданнымъ. Не имѣя возможности принуждать кого-нибудь вѣрить въ установленные имъ догматы, государство можетъ изгнать изъ своихъ предѣловъ всякаго, кто въ нихъ не вѣритъ" [3]). Далѣе Руссо отрицаетъ свободу ассоціацій. „Очень важно, говоритъ онъ [4]), чтобы въ государствѣ не было частичныхъ обществъ и чтобы каждый гражданинъ голосовалъ исключительно по своему убѣжденію". Наконецъ, самъ Руссо признаетъ, что переходъ людей изъ естественнаго состоянія въ общественное влечетъ за собой утрату нѣкоторыхъ правъ. Созерцаніе общихъ бѣдствій, разсуждаетъ онъ, привело къ возникновенію общественнаго союза, когда „даже мудрые увидѣли, что нужно пожертво-

[1]) *Del Vecchio*, La dichiarazione dei diritti, 1903, pass. *Redslob*, Die Staatstheorien der Nationalversammlung von 1789. 1912. S. 100 u. f., 219, 360 u. f.; *Janet*, Hist. de la science polit. 3-e ed., II v., p. 453—468. (Впрочемъ у Жанэ можно отмѣтить и др. мысли; во Введеніи къ I тому (p. X, XXXVI) онъ признаетъ и вліяніе Америки и всей философіи XVIII в. на декларацію правъ); *Bazaillas*, Rousseau. Textes choisis et commentés, I, p. 167; *Meynier*, J. J. Rousseau révolutionnaire, 1912, p. 15, 83, 247 и др.

[2]) „Общественный договоръ", I, IX.

[3]) IV, 8.

[4]) II, 3.

вать частью свободы для сохраненія остальной, подобно тому какъ раненый позволяетъ отнять себѣ руку, чтобы спасти остальное тѣло" [1]). Приведенныя цитаты изъ самого Руссо показываютъ, что авторъ „Общественнаго договора" не допускалъ абсолютной свободы человѣка. Если онъ ратовалъ противъ деспотизма, если онъ отстаивалъ тѣ или иныя права человѣка, то все это онъ не думалъ возвести въ систему, а въ „Общественномъ договорѣ" онъ прямо является поборникомъ правъ государства, которому и подчиняетъ человѣка. Правъ поэтому одинъ новѣйшій критикъ, сказавшій про ученіе Руссо, что въ немъ всякое право исходитъ отъ государственной власти, а это равносильно признанію грубой силы и отрицанію личнаго права [2]). Значитъ, и декларацію правъ въ ея цѣломъ нельзя выводить изъ ученія Руссо.

Еще менѣе основаній искать источниковъ деклараціи у представителей четвертаго философскаго теченія XVIII в. — *физіократовъ*. Наиболѣе послѣдовательнымъ защитникомъ этой, если такъ выразиться, физіократической теоріи является *Маркаджи* [3]), съ аргументами котораго намъ приходится теперь познакомиться. Физіократы, какъ извѣстно, учили о существованіи выше современныхъ гражданскихъ законодательствъ неизмѣнныхъ непогрѣшимыхъ правовыхъ нормъ. Ни люди, ни правительства не могутъ создавать законы. Они ихъ признаютъ, какъ согласныя съ высшимъ разумомъ, правящимъ вселенной, они ихъ объявляютъ, они ихъ вносятъ въ среду общества. Физіократы, такимъ образомъ, признаютъ двоякаго рода законы—законы естественные, свойственные всѣмъ человѣческимъ обществамъ, и законы гражданскіе, мѣняющіеся сообразно съ духомъ того или другого режима. Тѣмъ не менѣе вторые являются лишь толкованіемъ первыхъ. Далѣе физіократы учатъ о необходимости для человѣка жить въ обществѣ; но, вступая въ общественный союзъ, человѣкъ не думаетъ ограничивать своей первоначальной свободы; напротивъ онъ стремится, елико возможно, пользоваться своимъ естественнымъ правомъ, и люди при нормальномъ общественномъ строѣ обезпечиваютъ ему въ этомъ отношеніи возможно большую свободу. Значитъ, думаетъ Маркаджи, уваженіе къ индивиду является базой физіократической системы. Свободное пользованіе своей личностью дается человѣку природой, отсюда

---

[1]) „О неравенствѣ", пер. Южакова, стр. 87.

[2]) *Dedieu*, Montesquieu, p. 318.

[3]) *Marcaggi*, Les origines de la déclaration de droits de l'homme de 1789, 1912.

вытекаютъ всѣ индивидуальныя права и прежде всего право распоряжаться своимъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, потомъ свобода труда, свобода совѣсти, свобода печати. Осуществить свою систему физіократы довѣряютъ абсолютной власти, которую они себѣ рисуютъ, какъ деспотизмъ легальный, т. е. примѣняющійся къ законамъ.

Вотъ изъ какихъ посылокъ выводитъ Маркаджи свою теорію. Въ ней много натянутаго и искусственнаго. Ученіе физіократовъ было преимущественно экономическое, и о свободѣ индивида они заговорили лишь потому, что имъ казалось необходимымъ обезпечить свободу собственности и свободу труда. О другихъ видахъ свободы говорятъ далеко не всѣ физіократы, и то говорятъ случайно. Перечисленія индивидуальныхъ правъ мы у нихъ не найдемъ, и самая идея деклараціи индивидуальныхъ правъ имъ чужда, потому что легальный деспотизмъ физіократовъ есть въ сущности отрицаніе индивидуальнаго права. Между прочимъ, это особенно подчеркиваетъ знакомый уже намъ Мунье, который рѣшительно снимаетъ съ физіократовъ обвиненіе въ подготовкѣ революціи. „Эта секта, говоритъ онъ про физіократію, имѣла вообще говоря принципы, вполнѣ противоположные революціи, которые даже ни въ коемъ случаѣ не были благопріятны для общественной свободы" [1]).

Но въ теоріи Маркаджи есть цѣлый рядъ другихъ ошибокъ и натяжекъ. Онъ утверждаетъ, что физіократы оказали сильное вліяніе на главныхъ дѣятелей революціи—Кондорсэ, Мирабо, Ляфайета и цѣлый рядъ ораторовъ учредительнаго собранія [2]). Онъ думаетъ, что манера выраженія мыслей въ проектахъ деклараціи чисто физіократическая, и что въ основу окончательной редакціи былъ положенъ, главнымъ образомъ, проектъ комитета 5 (т. е. Мирабо, бывшаго его докладчикомъ) [3]). Онъ отмѣчаетъ также, что проектъ деклараціи правъ Немурскаго наказа, въ составленіи котораго принималъ большое участіе извѣстный физіократъ Дюпонъ де Немуръ, оказалъ сильное вліяніе на рядъ другихъ наказовъ [4]). И въ заключеніе заявляетъ, что декларація 1789 г. составляетъ славу физіократіи [5]).

И эти положенія Маркаджи, какъ и первыя посылки, тоже вы-

---

[1]) Цитировано у Рееса (назв. соч., S. 237).
[2]) *Marcaggi*, p. 162 ets., 181, 212 ets.
[3]) Ib., p. 191, 200.
[4]) P. 186.
[5]) P. 225.

зываютъ возраженія. Никто не станетъ отрицать вліянія физіократическихъ идей на Мирабо или Кондорсэ, но признать это вліяніе вовсе не значитъ доказать, что только оно одно и доминировало въ ихъ мысляхъ, рѣчахъ и сочиненіяхъ. Кондорсэ былъ не только ученикомъ физіократовъ, онъ былъ, какъ мы видѣли, глубокимъ поклонникомъ Америки, онъ былъ близокъ съ энциклопедистами, вмѣстѣ съ Вольтеромъ боролся противъ фанатизма [1]). Въ своемъ ученіи о правахъ человѣка онъ ближе всего примыкаетъ къ Гроцію и Монтескьё, и ни въ коемъ случаѣ не къ физіократамъ [2]). Точно такъ же Мирабо былъ скорѣе ученикомъ Вольтера, Руссо, Монтескьё, Бюффона, чѣмъ физіократовъ [3]). Мирабо слишкомъ хорошо зналъ политическій строй современныхъ государствъ—Англіи, Пруссіи, Голландіи, Швейцаріи и слишкомъ много пострадалъ во Франціи, чтобы не критиковать легальнаго деспотизма физіократовъ. И какого бы оратора [4]) Національнаго собранія мы ни коснулись, мы рѣдко найдемъ исключительное преобладаніе въ его рѣчахъ физіократическихъ идей. Когда Маркаджи указываетъ, что многіе изъ депутатовъ предлагали издать декларацію обязанностей, онъ видитъ въ этомъ урокъ физіократіи [5]), но вѣдь одновременно съ физіократами о правахъ и обязанностяхъ человѣка и гражданина говорили Монтескьё и Мабли [6]). Самъ Маркаджи сходитъ со своей позиціи, признавая извѣстное вліяніе на декларацію Руссо [7]). Далѣе предположеніе Маркаджи, что въ основу окончательнаго текста деклараціи положенъ былъ проектъ комитета 5, тоже неправильно. Мы уже раньше видѣли, что такой основой былъ другой проектъ, именно проектъ VI бюро, да и то сильно пострадавшій отъ поправокъ и добавленій; да и вообще надо сказать про окончательную редакцію нашего памятника, что въ ней очень трудно найти первоисточники, такъ какъ въ ея созданіи принимали участіе люди разныхъ направленій, вносившіе каждый и свои взгляды, и даже манеру выраженія мыслей. При такихъ условіяхъ

---

1) *Alengry*, Condorcet, p. 12, 17.

2) P. 377.

3) *Bartou*, Mirabeau, 1913, p. 152.

4) Особенно странно, что Маркаджи считаетъ даже Ляфайета носителемъ физіократическихъ идей. Ляфайета, какъ мы видѣли, всего скорѣе можно считать носителемъ идей американскихъ.

5) *Marcaggi*, p. 219.

6) *Montesquieu*, Traité général des devoirs de l'homme; *Mably*, Des droits et des devoirs du citoyen.

7) P. 180.

отпадаетъ и послѣднее предположеніе Маркаджи о вліяніи на текстъ декларацiи Немурскаго наказа. Былъ правъ поэтому Клёфекорнъ, сказавшій [1]), что не можетъ быть и рѣчи о сближеніи окончательнаго текста нашего памятника съ проектомъ декларацiи Немурскаго наказа. Но, и помимо этого, при оцѣнкѣ роли физіократіи въ подготовкѣ провозглашенія индивидуальныхъ правъ надо учитывать одно обстоятельство. Общественное значеніе физіократіи съ середины 70-хъ годовъ сильно падаетъ. Смерть главнаго создателя доктрины—Кенэ, неудача Тюрго и обостренныя отношенія между правительствомъ и обществомъ наканунѣ революціи охладили въ обществѣ интересъ къ физіократіи. Физіократы все болѣе теряли связи съ окружающими событіями и превращались въ замкнутую одностороннюю секту.

Опровергая теорію Маркаджи, я вовсе не думаю отрицать вліянія физіократіи вообще на философскую мысль XVIII вѣка и въ частности на ученіе объ индивидуальныхъ правахъ. Физіократы много сдѣлали для разработки идеи свободы труда, свободы частной собственности, свободы торговли, но я только стремлюсь подчеркнуть, что ихъ ученіе направлено было, главнымъ образомъ, въ область экономическихъ отношеній, а въ другихъ сферахъ жизни ихъ заявленія о свободахъ поглощались или парализовались другими болѣе сильными и разносторонними теоріями.

Какъ въ „теоріи физіократической“, такъ и въ другихъ разобранныхъ теоріяхъ, пытавшихся возвести происхожденіе декларацiи къ ученію одного изъ 3 корифеевъ философіи XVIII в. — Монтескьё, Вольтера, Руссо, есть одна общая черта—желаніе свести законодательный актъ провозглашенія индивидуальныхъ правъ къ одному источнику. Такой монизмъ неудобенъ потому, что сознательно закрываетъ глаза на факты, для него не подходящіе. Тотъ, кто думаетъ найти корни декларацiи въ ученіи Монтескьё, удаляетъ изъ своего разсмотрѣнія все, что говоритъ противъ его теоріи въ сочиненіяхъ Вольтера, Руссо и т. д. Наоборотъ тотъ, кто считаетъ первоисточникомъ индивидуальныхъ правъ „Общественный договоръ“ Руссо, игнорируетъ сознательно или невольно тексты „Духа законовъ“, сочиненій Вольтера и т. д. Мало того, среди публицистовъ XVIII вѣка можно найти и еще писателей, изъ сочиненій которыхъ можно съ успѣхомъ вывести теорію индивидуальныхъ правъ. Въ особенности можно это сдѣлать относительно *Мабли*, сочиненія котораго въ мо-

---

[1]) *Klövekorn*, S. 117.

ментъ взрыва революціи пользовались во Франціи большой популярностью [1]), тѣмъ болѣе что одно изъ произведеній этого публициста носило весьма выразительное заглавіе—„О правахъ и обязанностяхъ гражданина".

И если ближе присмотрѣться къ французской философіи XVIII в., то нетрудно будетъ понять, почему дѣло обстоитъ именно такъ. Французская философія XVIII в. имѣла одно специфическое качество—она стремилась познать дѣйствительную жизнь и уврачевать общественныя бѣдствія и нестроенія. Чрезвычайно поучительны въ данномъ случаѣ слова, сказанныя однимъ изъ членовъ философской партіи Мореллэ за нѣсколько лѣтъ до революціи [2]): „Если положеніе литератора-отшельника имѣетъ могучее утѣшеніе, то оно особенно чувствуется тогда, когда онъ занятый великими и полезными задачами можетъ польстить себя надеждой, что его труды будутъ имѣть спасительное вліяніе на благоденствіе народовъ...; что безъ реальной власти *онъ защищаетъ права людей*, безо всякой силы исправляетъ злоупотребленія; не принадлежа къ судейской корпораціи, усовершенствуетъ законодательство и что со смѣлымъ и твердымъ упованіемъ на то, что народы въ одинъ прекрасный день будутъ счастливы, онъ имѣетъ благородную гордость думать, что онъ самъ будетъ содѣйствовать этой медленной и желанной революціи".

И всѣ французскіе философы XVIII в. такъ именно и понимали свое назначеніе—они вели пропаганду необходимости широкихъ соціальныхъ преобразованій, боролись съ суевѣріемъ и нетерпимостью, проповѣдывали раскрѣпощеніе человѣка ото всѣхъ путъ, наложенныхъ на него старымъ порядкомъ. Дѣйствительность настойчиво требовала ихъ вмѣшательства. Каждый почти шагъ человѣка при господствѣ стараго порядка твердилъ ему объ его безправіи, о путахъ и оковахъ, сковывавшихъ его умъ, энергію, слово и трудъ. Но не только окружающая дѣйствительность давала матеріалъ для наблюденій философовъ. Ихъ знакомство съ исторіей, съ философіей, съ законодательствомъ разныхъ временъ и народовъ еще болѣе обнажало передъ ними язвы родной страны. Одновременно съ этимъ преклоненіе передъ конституціей Англіи, успѣхъ американскаго возстанія, не прекращавшаяся почти весь XVIII в. борьба французскихъ парламентовъ съ короной еще болѣе повышали оппозиціонное настроеніе философской публицистики.

[1]) *Rabaut-S.-Etienne*, Précis de l'hist. de la Révolution.

[2]) Цитировано въ книгѣ *Roustan*, Les philosophes... p. 371.

При такихъ условіяхъ формируется воинство философовъ, которые хотѣли приложить къ политикѣ историческій методъ и прежде всего стремились обезпечить индивидуальную свободу и полную эмансипацію человѣческой личности. Ученіе объ индивидуальныхъ правахъ не ими было изобрѣтено, но они придали ему отчетливую и ясную формулировку. Невозможно установить, кто изъ нихъ больше въ этомъ отношеніи потрудился. По крайней мѣрѣ, сами они свою дѣятельность считали коллективной, думали, что безразлично, кто нанесъ ударъ суевѣрію (l'infâme), лишь бы ударъ былъ нанесенъ. И ученіе объ индивидуальныхъ правахъ не есть продуктъ работы того или другого философа, а коллективный трудъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Нельзя также сказать, что идея вѣротерпимости своимъ распространеніемъ обязана Вольтеру, идея политической свободы—Монтескьё, идея свободы труда, собственности и торговли—физіократамъ и т. д. Нѣтъ, всѣ философы въ ихъ совокупности занялись однимъ и тѣмъ же дѣломъ—обезпечить человѣку возможно болѣе широкое пользованіе своими талантами и силой и вернуть ему его права [1]).

Философія приготовила и самыя формулы. Концепція индивидуальныхъ правъ была сдѣлана въ абстрактной и законченной формѣ, удобопріемлемой для любой страны и любого народа. Оттого основныя положенія французской философіи получили повсемѣстное распространеніе; къ нимъ и обратились американцы, когда имъ пришлось подумать о регламентаціи правъ человѣка. Можно отмѣтить удивительную близость формулъ французской философіи и формулъ деклараціи 1789 г. именно въ ихъ универсальности. И тѣ, и другія одинаково имѣли въ виду не одну Францію, и не въ одной Франціи нашли пріемъ. Достаточно вспомнить, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтили декларацію сосѣди Франціи [2]).

Почему же такой успѣхъ и французской философіи XVIII в., и

---

[1]) Я считаю безусловно неправильной попытку русскаго эмигранта *Чернова* (Montesquieu et Rousseau. Revue de droit public 1903) въ отдѣльныхъ параграфахъ деклараціи усмотрѣть результаты работъ отдѣльныхъ философовъ. Такъ самую идею деклараціи Черновъ возводитъ къ физіократіи, изъ нея же выводитъ введеніе къ деклараціи; параграфъ, трактующій о свободѣ совѣсти, относитъ на счетъ Мирабо; требованіе раздѣленія властей считаетъ взятымъ у Монтескьё и т. д. Мы уже видѣли выше, какъ самостоятельно Національное собраніе оперировало съ проектами, предложенными его вниманію, какъ передѣлывало поправки отдѣльныхъ ораторовъ. Но главное—отдѣльные параграфы деклараціи можно выводить изъ сочиненій не одного, а очень многихъ философовъ XVIII в.

[2]) См. *Гёте*, Германъ и Доротея.

деклараціи? Его надо объяснить тѣмъ, что повсюду на континентѣ Европы были непорядки, беззаконія и попранія человѣческихъ правъ. Противъ нихъ протестовала философія XVIII в. Она-то и подготовила декларацію 1789 г. Созваніе генеральныхъ штатовъ поселило во всѣхъ французахъ увѣренность, что старымъ беззаконію и безправію насталъ конецъ. Депутаты Національнаго собранія надѣялись, что не только Франція увидитъ свое возрожденіе, но и всѣ остальные народы сбросятъ путы и цѣпи рабства. Для осуществленія этого самымъ надежнымъ средствомъ они считали торжественное провозглашеніе правъ человѣка. Если прочесть ихъ рѣчи по поводу деклараціи правъ, сразу видно, что они работаютъ не для одной Франціи, а для всего человѣчества [1]). Но къ тому же стремилась и философія XVIII в.

Итакъ приходится констатировать удивительную близость между философіей XVIII в. и деклараціей 1789 г. Обѣ порождены дѣйствительной жизнью, обѣ продуктъ коллективнаго творчества, обѣ имѣютъ универсальный космополитическій характеръ.

Но прежде чѣмъ сдѣлать естественный выводъ, что наша декларація—простой продуктъ философіи XVIII в., мы должны остановиться еще на одной гипотезѣ, которая между философіей XVIII в. и деклараціей 1789 г. вводитъ одно посредствующее звено, именно *проектъ деклараціи правъ въ наказъ 3-го сословія Парижа* [2]). И эту гипотезу врядъ ли можно считать пріемлемой. Если сравнивать текстуально оба документа, разница сейчасъ же станетъ очевидной. Этого мало, между проектомъ деклараціи въ Парижскомъ наказѣ и окончательной редакціей можно отмѣтить нѣсколько существенныхъ пунктовъ различія. Въ Парижскомъ наказѣ проектъ деклараціи не содержитъ идеи раздѣленія властей и опредѣленія понятія свободы; между тѣмъ въ деклараціи 1789 г. и то, и другое фигурируетъ. Наоборотъ, въ Парижскомъ наказѣ встрѣчаются такія требованія, какъ отмѣна личной зависимости, выкупъ повинностей, падающихъ на землю,

---

[1]) См. Arch. Parl., VIII, p. 439. Слова гр. Мирабо: C'est pour nous, c'est pour nos neveux, c'est *pour le monde entier que vous travaillez*; p. 462 изъ рѣчи Дюкенуа: Une déclaration *doit être de tous les temps et de tous les peuples*; p. 474. Петіонъ: Il ne s'agit pas ici de faire une déclaration des droits seulement pour la France, mais *pour l'homme en général*; p. 451 Дюпоръ говорилъ: Vous avez voulu une déclaration convenable *à tous les hommes, à toutes les nations*. Voilà l'engagement que nous avez pris à la face de l'Europe.

[2]) *Шере*, Паденіе стараго режима, рус. пер., II, стр. 298; *Жоресъ*, Ист. великой французской революціи, рус. пер., I, стр. 130.

отмѣна принудительнаго ополченія, отмѣна всякихъ исключительныхъ привилегій,—ничего подобнаго нѣтъ въ окончательномъ текстѣ декларацiи. Но самое важное, что говоритъ противъ разбираемой гипотезы, это то, что въ учредительномъ собраніи при обсужденіи проектовъ декларацiи никто не предлагалъ взять за образецъ проектъ декларацiи въ Парижскомъ наказѣ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что провозглашеніе учредительнымъ собраніемъ правъ человѣка необходимо отнести на счетъ вліянія философскихъ идей XVIII в. Конечно, главными авторитетами для французовъ были при этомъ философы, уроженцы Франціи, но не надо забывать, что французская философія XVIII в. воспринимала не только свои туземныя идеи, она многое заимствовала у иностранцевъ. Мильтонъ, Локкъ, англійскіе деисты начала XVIII в., Гоббсъ, Юмъ, Ньютонъ, Гроцій, Пуффендорфъ и др. были прекрасно знакомы французскимъ публицистамъ XVIII в. И сами члены учредительнаго собранія, признавая себя учениками современной философіи, считали своими вдохновителями не однихъ своихъ соотечественниковъ, но и чужестранцевъ [1]).

Мой выводъ не новъ. Въ наукѣ уже съ давнихъ поръ часто можно слышать мнѣніе, что декларація 1789 г. есть простое резюмэ философскихъ теорій XVIII в. [2]). Въ послѣднее время яркимъ защитникомъ этого направленія въ исторіографіи выступилъ нѣмецкій историкъ *Реесъ* [3]). Опровергая мнѣніе извѣстнаго историка французской революціи и ея времени Зибеля, что декларація правъ породила во французской исторіи новую эру, Реесъ доказываетъ, что декларація 1789 г. не начинала ничего новаго, а лишь подводила итоги культурной работѣ предреволюціоннаго вѣка [4]). Онъ думаетъ, что къ моменту взрыва революціи во Франціи образовался запасъ идей—fond commun, который и послужилъ источникомъ для провозглашенія правъ человѣка. Этотъ fond commun составился изъ ученія школы естественнаго права, изъ политическихъ теорій старыхъ француз-

[1]) См. рѣчь депутата Деляндина 1-го авг. A. P., VIII, 324: Locke, Cumberland, Hume, Rousseau et plusieurs autres ont développé les mêmes (т. е. что и мы) principes; *leurs ouvrages les ont fait germer parmi nous.*

[2]) *Roustan,* Les philosophes..., p. 14; *Esmein,* Elements de droit. 4 éd. 1906, p. 456; *Boutmy,* La déclaration et Jellinek; *J. Fabre,* Les pères de la Révolution. Introd.; *Lanson,* Voltaire, p. 214.

[3]) *Rees,* Die Erklärung der Menschen-und Bürgerrechte von 1789 (Beiträge zur Kultur-und Universalgeschichte), 1912.

[4]) *Rees,* S. 1.

скихъ парламентовъ, изъ экономическаго ученія физіократовъ. Философія весь этотъ запасъ переработала и сдѣлала доступнымъ пониманію общества [1]. Реесъ опровергаетъ теорію, выводящую декларацію изъ ученія Руссо, но особенно много мѣста удѣляетъ онъ критикѣ американской теоріи, но онъ не могъ этого сдѣлать исчерпывающе, потому что во время составленія своей работы онъ не былъ знакомъ съ книгой Клёфекорна [2], главнаго застрѣльщика американской теоріи. И, можетъ быть, этимъ отчасти надо объяснять, что выводы его не удовлетворили его критиковъ. Критики нашли всю концепцію Рееса смѣлой и рискованной [3]. Наша работа многое дополнила въ построеніи Рееса, пыталась опровергнуть положенія Клёфекорна и, думаемъ, показала, какъ далека отъ научной убѣдительности „американская теорія“. Оттого и современные намъ французы, кажется намъ, имѣютъ гораздо болѣе основаній считать провозглашеніе правъ человѣка и гражданина въ августѣ 1789 г. продуктомъ національной мысли, чѣмъ заноснаго вліянія.

И. Радцигъ.

---

[1] *Rees*, S. 263.

[2] О нѣкоторыхъ взглядахъ Клёфекорна онъ могъ сообщить лишь кое-гдѣ въ сноскахъ.

[3] См. рецензіи на его книгу въ Historische Zeitschrift. 110. B. S. 592 и Revue histor. mai, 1913, p. 205.

БЕЗУСЛОВНЫЙ СКЕПТИЦИЗМЪ, КАКЪ СРЕДСТВО ОЗДОРОВЛЕНІЯ ФИЛОСОФІИ [1]).

Главная причина, которая всегда задерживала и задерживаетъ успѣхи философіи, есть и былъ ея закоренѣлый *догматизмъ.* Въ частности догматизмомъ называется обыкновенно отличавшее до-кантовскую метафизику убѣжденіе въ возможности познанія сущаго въ себѣ безъ предварительнаго критическаго изслѣдованія познавательной способности человѣка. Такъ понималъ догматизмъ Кантъ; но это пониманіе догматизма узко. Догматизмъ въ широкомъ значеніи этого слова состоитъ вообще въ установленіи въ качествѣ аксіомъ нѣкоторыхъ положеній, признаваемыхъ за самоочевидныя истины. Кантъ противопоставилъ тому, что онъ называетъ догматизмомъ, свою критическую философію, которая должна была дать прочныя основы познанію черезъ опредѣленіе его законныхъ границъ. Но критика Канта сама оказалась догматическою, такъ какъ, опредѣливъ познаніе, какъ синтетическое сужденіе a priori, Кантъ въ дальнѣйшемъ примѣненіи этого опредѣленія обратилъ вниманіе только на его субъективные признаки всеобщности и необходимости, содержаніе же синтеза выключилъ изъ опредѣленія истины. Вслѣдствіе того сущее выпало у него изъ области познанія, и критика послѣдняго превратилась въ самоотрицаніе познанія. На эту основную ошибку Канта правильно указалъ Гегель, установившій, что критика познанія, совершаясь черезъ познаніе, уже предполагаетъ довѣріе къ нему, и что поэтому сила и предѣлы познанія могутъ быть познаны лишь черезъ его употребленіе, которое одно способно не только различить истину отъ заблужденія,

---

[1]) *Рефератъ, прочтенный 8-го февраля 1914 года въ Философскомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ.*

но вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать и самое заблужденіе, какъ необходимую ступень развитія истины. Если бы Гегель провелъ эту мысль въ своихъ умствованіяхъ со строгою послѣдовательностью, то онъ дѣйствительно—какъ и полагали онъ самъ и его школа—положилъ бы вѣчныя основы всякой философіи. Но ученіе Гегеля само сплошь проникнуто догматизмомъ, только противоположнымъ догматизму Канта. Ибо если Кантъ заранѣе допускаетъ, что бытіе, какъ таковое, есть нѣчто чуждое для познанія, и потому съ первыхъ шаговъ своей критики уже собственно предрѣшаетъ вопросъ о непознаваемости этого бытія, то Гегель наоборотъ заранѣе признаетъ тожество познающей мысли и бытія, какъ таковаго, слѣдовательно уже предрѣшаетъ вопросъ о его познаваемости.

Погрѣшность этого, и кантова, и гегелева, догматизма состоитъ не въ такомъ предварительномъ допущеніи—однимъ различія познаваемаго и сущаго, другимъ—ихъ тожества, но именно въ томъ, что это допущеніе есть для нихъ безусловная, непререкаемая истина, *непровѣренная употребленіемъ познанія*; короче сказать, въ томъ, что основоначало философіи того и другого понимается каждымъ изъ нихъ какъ *аксіома*, а не какъ *гипотеза*. Придадимъ и критическому идеализму Канта, и абсолютному идеализму Гегеля характеръ гипотетическій; тогда коренное разногласіе ихъ устранится. Смыслъ философіи Канта окажется такой: предположимъ, что познаваемое и сущее различны; что получается отъ того для объясненія міра? Смыслъ философіи Гегеля окажется такой: предположимъ, что познаваемое и сущее тожественны; что получается отъ того для объясненія міра? Исторія философіи показала, что и при томъ и при другомъ предположеніи въ мірѣ оказывается нѣчто необъяснимое: т. е., что познаваемое и сущее отчасти различны, отчасти тожественны. Кантіанство и гегеліанство оказались такимъ образомъ приводящими къ одному и тому же выводу, только разными путями. Приводя къ одному и тому же выводу, обѣ эти философіи открываютъ и одинаковое поприще для дальнѣйшаго изслѣдованія. Познаваемое и сущее отчасти различны, отчасти тожественны; отсюда естественно возникаетъ вопросъ, *нѣтъ ли такого употребленія познанія*, при которомъ эти два частныя отношенія между познаваемымъ и сущимъ были бы объяты болѣе общимъ ихъ отношеніемъ, разрѣшающимъ противоположность познаваемости и непознаваемости. Какое бы то ни было разрѣшеніе этого вопроса дало бы новую философскую гипотезу, подлежащую такой же провѣркѣ, какъ и двѣ первыя гипотезы.

Догматизмъ, отъ котораго не свободны ни Кантъ, ни Гегель, свойственъ и ученіямъ скептиковъ. Если скептикъ и сомнѣвается во всемъ, то для него догматомъ остается истина самого сомнѣнія. Чтобы имѣть силу противъ догматизма, скептицизмъ самъ становится догматичнымъ, т. е. несогласнымъ со своимъ собственнымъ основоначаломъ. Чистый, совершенный скептицизмъ есть сомнѣніе во всемъ, *даже въ себѣ самомъ.* Сомнѣваясь во всякой истинѣ, скептикъ долженъ сомнѣваться и въ истинѣ скептицизма. Сомнѣваться же въ истинѣ скептицизма значитъ допускать возможность ложности скептицизма, возможность того, что скептицизмъ ошибается въ своемъ отрицаніи возможности познанія сущаго. Но коль скоро чистый скептицизмъ есть сомнѣніе въ себѣ самомъ, то на немъ можно обосновать лишь отрицаніе *аксіомъ,* а не отрицаніе *гипотезъ.* Чистый скептицизмъ можетъ сомнѣваться въ возможности доказать бытіе Бога, но не можетъ отрицать этой возможности. Поэтому чистый скептицизмъ открываетъ полную возможность построенія философскихъ гипотезъ, и въ этомъ смыслѣ та точка зрѣнія, которую я защищаю теперь, есть точка зрѣнія чистаго, *безусловнаго скептицизма,* та точка зрѣнія, съ которой начинаетъ Декартъ, но которой онъ не остается вѣренъ. *Сомнѣвайся во всемъ, даже въ собственномъ сомнѣніи;* тѣмъ самымъ сомнѣніе снимаетъ само себя, и остается право свободнаго гипотетическаго употребленія мысли во всевозможныхъ направленіяхъ. Безусловный скептицизмъ говоритъ: *возможно,* что все сомнительно. Но если *только возможно,* что все сомнительно, то очевидно, что столь же возможно, что *не все сомнительно.* Получаются двѣ равноправныя гипотезы—*скептическая и антискептическая,*—и рѣшеніе спора между ними опредѣляется тѣмъ, какая изъ нихъ плодотворнѣе для объясненія міра.

Должно замѣтить, что основоположеніе чистаго или безусловнаго скептицизма довольно ясно было высказано уже въ древности. Секстъ Эмпирикъ находитъ различіе скептицизма Пиррона отъ болѣе умѣреннаго скептицизма академіи въ томъ, что послѣдняя *утверждала* недостижимость истины, а первый воздерживался отъ такого утвержденія, считая самое основоначало скептицизма сомнительнымъ. Поэтому Секстъ Эмпирикъ прибавляетъ, что скептикъ долженъ допускать возможность и того, что нѣчто можетъ быть познано. Но этотъ правильный взглядъ остался у него безъ практическаго приложенія. Логическій выводъ изъ того, что истина быть можетъ и достижима, долженъ былъ бы состоять въ рѣшеніи этого вопроса путемъ свобод-

наго употребленія познанія. Но такую свободу онъ самъ ограничиваетъ, основывая свои выводы на отсутствіи *критерія* истины, слѣдовательно уже заранѣе допуская, что ранѣе исканія истины должна существовать какая-то истина въ видѣ *аксіомы*, рѣшающей вопросъ объ истинѣ и заблужденіи, т. е. ставя вопросъ объ истинѣ совершенно догматически.

Въ новѣйшее время слѣдуетъ считать заслугою Гартмана высказанный имъ взглядъ, что вся метафизика основана не на аксіомахъ, а на гипотезахъ. Къ сожалѣнію, онъ самъ закрываетъ для себя возможность свободнаго построенія гипотезъ, признавая за несомнѣнное, что такъ называемый имъ наивный реализмъ всецѣло опровергнутъ философіею, для которой поэтому не должно оставаться никакой внѣсознательной реальности. Такимъ образомъ его собственная реалистическая гипотеза лишается всякой почвы.

Именно на почвѣ нечистаго, несовершеннаго, проникнутаго догматизмомъ скептицизма выростаютъ тѣ враждебныя умозрительной философіи ученія, которыя именуются эмпиризмомъ, какъ крайнимъ, такъ и умѣреннымъ. Эмпиризмъ Юма и Дж. Ст. Милля съ одной стороны и эмпиризмъ Герберта Спенсера съ другой оба основаны на догматически признаваемыхъ положеніяхъ о природѣ познанія. Крайній эмпиризмъ возводитъ въ догматъ высказанное Беркли положеніе: esse=percipi (быть значитъ быть воспринимаемымъ). Беркли былъ, однако, непослѣдователенъ въ развитіи этого положенія, такъ какъ онъ относилъ его лишь къ внѣшнему міру, допуская затѣмъ бытіе духа, какъ чего-то воспринимающаго, но уже не воспринимаемаго. Юмъ послѣдовательно примѣнилъ это положеніе и къ духу, превративъ и его въ совокупность воспринимаемыхъ состояній. Такимъ образомъ все сущее оказалось распыленнымъ на отдѣльныя состоянія чувственности, и связь этихъ состояній въ единствѣ сознанія стала непонятною. Если бы крайній эмпиризмъ относился къ своему основоположенію, какъ къ гипотезѣ, то его смыслъ былъ бы таковъ: предположимъ, что нѣтъ ничего, кромѣ ощущеній; въ такомъ случаѣ, такъ какъ изъ совокупности несвязанныхъ между собою ощущеній не можетъ произойти никакого постояннаго цѣлаго, невозможенъ и ощущающій субъектъ; а безъ субъекта нѣтъ и субъективныхъ состояній, слѣдовательно нѣтъ и ощущеній. Законно образованная гипотеза была бы въ этомъ случаѣ столь же законно опровергнута. Но основоположеніе эмпиризма — познаніе не можетъ проникнуть за предѣлы ощущеній — было выставлено, не какъ гипотеза, а какъ

аксіома. Дж. Ст. Милль считаетъ его въ такой степени аксіомою, что по его мнѣнію даже Богъ не можетъ выйти за предѣлы своей субъективности. „Всякое познаніе, говоритъ онъ (Обзоръ философіи сэра Уильяма Гамильтона, гл. II), въ томъ единственномъ значеніи, какое мы можемъ соединять съ этимъ словомъ, даже для какой бы то ни было высшей интеллигенціи, можетъ быть только соотносительнымъ къ познающему духу. Если вещи имѣютъ сокровенную внутреннюю природу о себѣ не только отъ производимыхъ ими впечатлѣній, но и отъ всего того, что онѣ способны оказывать на какое либо чувствующее существо, то эта скрытая природа непознаваема, неисповѣдима и непостижима не только для насъ, но и для каждаго другого сознанія. Нельзя сказать даже, что и Творецъ можетъ знать эту природу, ибо это значило бы употреблять выраженія, которыя не имѣютъ для насъ смысла....“. Почему, однако, сама эта внутренняя природа вещей не можетъ быть соотносительна познающему духу, остается неизвѣстнымъ. Извѣстнымъ остается только то, что самый духъ, которому всякое познаніе соотносительно, оказывается для эмпириста въ своемъ существованіи невозможнымъ [1]).

Наоборотъ, умѣренный эмпиризмъ, наиболѣе извѣстнымъ представителемъ котораго у насъ является Гербертъ Спенсеръ, столь же догматически выставляетъ несомнѣнность бытія непознаваемаго. Вмѣсто того, чтобы исходить отъ гипотезы, онъ также исходитъ отъ аксіомы. Этотъ видъ эмпиризма былъ бы вполнѣ законенъ, если бы въ основѣ его лежало такое гипотетическое разсужденіе: предположимъ, что нашему познанію доступно внѣсознательное; что получается отъ того для объясненія міра? Развитіе этой гипотезы, какъ оно совершается у Г. Спенсера, непремѣнно привело бы его — если бы онъ не былъ непоправимымъ догматикомъ — къ крушенію доктрины эмпиризма. Соображенія Г. Спенсера направлены къ доказательству того, что въ самомъ нашемъ сознаніи непремѣнно возникаетъ убѣжденіе въ бытіи внѣсознательной основы нашихъ воспріятій. Эти соображенія совершенно правильны, особенно относительно указываемаго имъ въ его Основахъ психологіи убѣжденія въ реальности окружающей насъ сопротивляющейся среды. Изъ сказанныхъ соображеній, конечно, вытекаетъ, что ложно принятое крайнимъ эмпириз-

---

[1]) Достойно замѣчанія, что писатель, изъ котораго я взялъ приведенную выписку, высказывается рѣшительно противъ отожествленія немыслимаго съ невозможнымъ; между тѣмъ невозможность познанія внутренней природы вещей онъ основываетъ на немыслимости такого познанія.

момъ ученіе Беркли о немыслимости внѣсознательнаго. Внѣсознательное столь же мыслимо, какъ и сознательное, то есть притязаніе крайняго эмпиризма на аксіоматичность совершенно неосновательно. Но столь же неосновательно и притязаніе Г. Спенсера на аксіоматичность его реалистическаго взгляда, на *немыслимость* отрицанія внѣсознательной реальности. Мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ мысль о внѣсознательномъ, такъ какъ, если бы этой мысли не существовало, то было бы непонятно, какимъ образомъ огромное большинство человѣчества всегда имѣло твердое убѣжденіе въ бытіи внѣсознательной реальности. Но это реалистическое убѣжденіе столь же гипотетично, какъ и убѣжденіе антиреалистическое, такъ какъ вполнѣ возможно, что свидѣтельство сознанія въ пользу бытія внѣсознательной реальности насъ обманываетъ. Мы имѣемъ, стало быть, передъ собою двѣ первоначально равноправныя гипотезы—реалистическую и антиреалистическую—и выборъ между ними долженъ опредѣляться тѣмъ, какая изъ нихъ лучше объясняетъ міръ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что принятіе реалистической гипотезы необходимо приводитъ къ выводамъ, несогласнымъ съ началами эмпиризма. Въ нашемъ сознаніи несомнѣнно существуетъ мысль о внѣсознательномъ; но признать истину этого положенія еще не значитъ признать, что внѣ сознанія *есть* реальность. Мы сознаемъ *сопротивленіе*, какъ нѣчто *внѣшнее* для насъ; но это сознаніе сопротивленія есть все же сознаніе, и потому вполнѣ мыслимо, что съ прекращеніемъ сознанія прекращается и сопротивленіе, то есть перестаетъ существовать весь внѣшній для сознанія міръ. Для того, чтобы мыслить реальность этого міра, мы должны слѣдовательно мыслить, что сопротивляющаяся среда пребываетъ и съ прекращеніемъ ея сознаваемости, то есть мыслить одно изъ двухъ: или что за предѣлами сознанія есть внѣсознательная *причина* сознаваемой нами реальности, или что внѣсознательная реальность при пробужденіи сознанія сама какимъ-то непонятнымъ для насъ способомъ вступаетъ въ него и непосредственно усваивается имъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ мы уже измѣняемъ основоначалу эмпиризма. Если внѣсознательное есть *причина* сознаваемаго нами, то значитъ понятіе причинности распространяется нами за предѣлы возможной чувственности, то есть, есть понятіе сверхчувственное; слѣдовательно, чувственность не есть исключительный источникъ знанія. Если же убѣжденіе въ бытіи внѣсознательной реальности есть *непосредственное* свидѣтельство сознанія, то мы тѣмъ самымъ всту-

паемъ въ область *интуитивизма*, ученія, которое подъ разными видами постоянно возставало противъ эмпиризма и раціонализма, и на которомъ нужно остановиться подробнѣе.

Особенность тѣхъ ученій, по которымъ внѣсознательная реальность открывается намъ непосредственно, состоитъ съ томъ, что они по самому своему свойству должны носить характеръ не гипотетическій, а аксіоматическій. Если непосредственность познанія чего либо только *предполагается*, то значитъ эта непосредственность сомнительна, требуетъ доказательства. Но *доказываемая* непосредственность познанія уже не есть непосредственность; въ основѣ ея лежитъ или новая непосредственность, которая также должна быть доказана, и такъ далѣе, до безконечности; или же этою основою служитъ нѣчто опосредованное. Итакъ, признаніе непосредственности знанія должно считаться для интуитивизма аксіомою, то есть истиною, очевидною безъ доказательства. Однако, если это такъ, то такая очевидность непосредственнаго знанія должна существовать для всѣхъ, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, относительно математическихъ аксіомъ. Между тѣмъ, такой очевидностью и общепризнанностью реализмъ не обладаетъ.

Правда, должно признать за очевидное и общепризнанное, что мы сознаемъ нѣчто внѣсознательное; даже крайній антиреалистъ не станетъ отрицать, что онъ имѣетъ *сознаніе* внѣшней реальности. Но чтобы эта внѣшняя реальность оставалась пребывающею при отсутствіи сознанія, — *этого* онъ *непосредственно* не сознаетъ; къ мысли объ этомъ онъ приходитъ лишь черезъ разсужденіе, всегда имѣющее характеръ проблематическій.

Если бы было иначе, то самое сомнѣніе въ бытіи внѣсознательной реальности было бы невозможно. Источникомъ убѣжденія въ непосредственной истинѣ реализма всегда слѣдовательно является разсужденіе.

Это убѣжденіе предполагаетъ уже образованною нѣкоторую *теорію познанія*. Теорія эта состоитъ въ томъ, что истинное знаніе полагается въ *дѣйствительномъ мысленномъ обладаніи предметомъ*, въ тожествѣ познанія и его предмета. Поэтому познаніе внѣсознательной реальности путемъ *умозаключенія* къ ней отъ состоянія нашего сознанія, какъ къ чему-то отличному отъ этого состоянія, не даетъ по мнѣнію интуитивистовъ дѣйствительнаго знанія о ней; ибо это отличное есть нѣчто намъ неизвѣстное, мыслимое подъ нѣкоторымъ отвлеченнымъ значкомъ, не схватывающимъ свойствъ этого неизвѣстнаго. Мы не

можемъ, напримѣръ, сказать, что познали реальность сознаваемой нами матеріальности, если мыслимъ внѣ сознанія нѣкоторый x, какъ причину послѣдней, такъ какъ между этою реальностью и мыслимымъ нами x-омъ нѣтъ никакого сходства.

Лишь поскольку сознаваемая нами матеріальность тожественна съ внѣсознательною матеріальностью, послѣдняя нами познана. Отсюда слѣдуетъ, что отвлеченная мысль, превращающая представленія въ неимѣющіе съ ними сходства значки, не даетъ истиннаго знанія, а служитъ лишь средствомъ руководствоваться показаніями непосредственнаго знанія. *Истина не въ отвлеченномъ, а въ непосредственномъ знаніи,* то есть не *въ понятіяхъ,* а *въ представленіяхъ,* ибо лишь въ послѣднихъ намъ данъ предметъ, въ первыхъ же — несходный съ нимъ значекъ. Изъ этого униженія значенія отвлеченнаго знанія и вырастаетъ ученіе интуитивизма, убѣжденіе въ истинѣ только того, что схватывается сознаніемъ непосредственно. Но очевидно, что эта теорія познанія сама вовсе не есть представительница непосредственнаго знанія. Непосредственное познаніе состоитъ въ цѣлостности воспріятія и мышленія, непосредственнаго и дискурсивнаго элементовъ, и лишь послѣдующимъ анализомъ, то есть дѣйствіемъ мысли же, интуитивистъ отдѣляетъ истину на долю перваго и въ ущербъ второго. Ученіе интуитивизма само, стало быть, не интуитивно, оно есть результатъ размышленія надъ составомъ познанія; и этотъ результатъ получается вслѣдствіе предварительнаго признанія за правильную нѣкоторой гипотезы о томъ, что такое истина. По этой гипотезѣ истина есть *тожество познанія и познаваемаго,* сохраненіе предмета въ познаніи. Эта гипотеза подлежитъ такой же провѣркѣ, какъ и всякая иная гипотеза. Оставимъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о внѣсознательной реальности, а будемъ смотрѣть на познаніе просто, какъ на совокупность состояній сознанія. Изъ чего видно, что въ развитіи познанія сохраняется познаніе и его предмета. Развѣ познаніе треугольника треугольно, а познаніе синильной кислоты ядовито? Очевидно, что тутъ между познаніемъ и его предметомъ нѣтъ тожества, нѣтъ вхожденія въ познаніе самого предмета? Если тутъ и есть тожество, то не реальнаго, а идеальнаго, *логическаго* характера. Мыслимый треугольникъ тожественъ созерцаемому треугольнику, мыслимая синильная кислота—наблюдаемой синильной кислотѣ, но не въ томъ смыслѣ, чтобы мысль о треугольникѣ была треугольна, а мысль о синильной кислотѣ — ядовита, а въ томъ, чтобы термины этихъ мыслей находились между собою въ такихъ же *отношеніяхъ,*

какъ чувственныя свойства треугольника и синильной кислоты. Мы *мыслимъ*, что каждая сторона треугольника менѣе суммы прочихъ сторонъ, и это же отношеніе мы *наблюдаемъ* въ созерцаемомъ нами треугольникѣ; мы *мыслимъ*, что синильная кислота отравитъ собаку, и это же отношеніе наблюдаемъ на опытѣ. Но въ этихъ примѣрахъ еще сохраняются, однако, если не въ самой мысли, то въ ассоціированныхъ съ нею представленіяхъ, слѣды тожества, такъ какъ, мысля треугольникъ или синильную кислоту, мы, вѣроятно, воспроизводимъ въ сознаніи извѣстныя представленія о нихъ. Въ высшихъ же областяхъ мышленія эти слѣды настолько утрачиваются, что прямое наблюденіе мысленныхъ отношеній оказывается для насъ даже невозможнымъ, и лишь путемъ косвенныхъ пріемовъ мы догадываемся о соотвѣтствіи этихъ отношеній опыту и наблюденію. Представленія превращаются въ отвлеченные мысленные значки, между которыми протягиваются мысленныя же отношенія. Цѣль всего этого познавательнаго процесса состоитъ, очевидно, не въ томъ, чтобы воспроизводить въ мысли *наблюдаемыя* отношенія представленій; наблюденіе представленій способно обнаружить лишь самыя простыя, элементарныя отношенія между ними. Познаніе, наоборотъ, направляется именно къ тому, чтобы открытыя при помощи обобщенія и отвлеченія отношенія примѣнить къ представленіямъ и указать, такимъ образомъ, условія самихъ представляемыхъ свойствъ; въ опытныхъ наукахъ могучимъ средствомъ для того служитъ *экспериментъ*, вопросъ, обращаемый мыслію къ явленіямъ. Чѣмъ цѣль познавательнаго процесса полнѣе достигнута, тѣмъ въ большей мѣрѣ выясняется зависимость представляемыхъ, чувственныхъ свойствъ предметовъ отъ мыслимыхъ отношеній, то есть отъ законовъ природы. Стало быть, разсмотрѣніе познанія, даже какъ чисто психологическаго процесса, независимо отъ какихъ либо соображеній о внѣсознательной реальности, вовсе не подтверждаетъ того мнѣнія, будто этотъ процессъ состоитъ въ отожествленіи познанія и его предмета.

Въ процессѣ познанія его предметъ — представленіе — превращается въ отвлеченный значекъ, находящійся въ нѣкоторомъ отношеніи къ другому значку, и обнаруженное между ними отношеніе прилагается къ объясненію представленій, то есть къ опредѣленію ихъ условій.

Задача познанія есть, стало быть, *открытіе отношеній между предметами познанія*, а вовсе не сознательное повтореніе даннаго познанію предмета.

Изъ этой задачи познанія вытекаетъ очень важное слѣдствіе относительно возможности познанія внѣсознательнаго бытія безъ воспроизведенія его въ сознаніи. Уже въ актѣ простого, обычнаго воспріятія и представленія намъ открываются извѣстныя отношенія, позволяющія намъ установлять условія наступленія явленій. Мы видимъ, что одинъ треугольникъ равенъ или не равенъ другому и усматриваемъ связь ихъ равенства или неравенства съ равенствомъ или неравенствомъ ихъ сторонъ и угловъ. Но точнаго и обоснованнаго знанія условій равенства треугольниковъ у насъ нѣтъ. Мы наблюдаемъ измѣненіе тѣлъ отъ согрѣванія и охлажденія и имѣемъ нѣкоторое знаніе о причинахъ этихъ измѣненій; но точное и обоснованное знаніе даетъ намъ лишь физика.

Слѣдовательно, познаніе приводитъ насъ къ такому сознанію отношеній, котораго *ранѣе у насъ не было*, къ образованію *новыхъ состояній сознанія*. Этимъ вновь сознаваемымъ отношеніямъ подчиняются, однако, представленія, между которыми мы ранѣе того этихъ отношеній не сознавали.

Мы не имѣли сознанія о теоремахъ равенства треугольниковъ; но этимъ теоремамъ подчиняются, однако, тѣ треугольники, о которыхъ мы этихъ теоремъ не сознавали. Наблюдая согрѣваніе тѣла, мы, быть можетъ, не сознавали, что тѣла расширяются отъ теплоты, и навѣрное не сознавали коэффиціента расширенія даннаго тѣла отъ теплоты; но тѣмъ не менѣе эти отношенія были присущи данному тѣлу. Отсюда естественно получается заключеніе, что эти отношенія до возведенія ихъ въ сознаніе были присущи явленіямъ *безсознательно*, то есть что познаніе даже въ области феноменальной состоитъ *въ возведеніи несознаваемаго нами въ сознаваемое*.

Прибавимъ къ тому, что это превращеніе въ познаніи несознаваемаго въ сознаваемое приводитъ къ сознаванію не только новыхъ отношеній, но и новыхъ явленій. Знакомство съ законами преломленія свѣта привело къ изобрѣтенію микроскопа; а микроскопъ обнаружилъ существованіе множества существъ и элементовъ тканей, ранѣе того бывшихъ несознаваемыми. Онъ превратилъ несознаваемыя явленія въ сознаваемыя.

Если же даже въ области феноменальнаго знанія мы постоянно сознаемъ то, что ранѣе было несознаваемо, то почему же невозможно предположеніе, что внѣсознательное вообще въ той или иной мѣрѣ можетъ становиться доступнымъ нашему сознанію безъ всякаго реальнаго тожества перваго со вторымъ по свойствамъ, но лишь вслѣдствіе *логиче-*

скаго тожества присущихъ имъ отношеній? Если допустить законность этого предположенія, то окажется, что органомъ удостовѣренія въ реальности внѣсознательнаго служитъ не непосредственное усмотрѣніе, а именно унижаемая интуитивистами отвлеченная мысль. Она есть хранительница *отношеній* между состояніями чувственности, мѣстопребываніе *категорій* бытія, субстанціальности, причинности и такъ далѣе; и признаніе нашей способности проникать познаніемъ за предѣлы сознаваемаго есть не что иное, какъ перенесеніе за эти предѣлы сказанныхъ категорій, перенесеніе, законность котораго безъ достаточныхъ къ тому основаній отрицаетъ Кантъ. Главный аргументъ Канта противъ такого перенесенія состоитъ въ томъ, что при этомъ категоріи лишаются содержанія. Чувственнаго содержанія онѣ, конечно, лишаются, но совершенно не видно, почему имъ не можетъ быть свойственно предполагаемое сверхчувственное, недоступное для насъ содержаніе, то есть почему за предѣлами сознанія не можетъ быть внѣсознательнаго міра, аналогичнаго нашему міру по своимъ формамъ, но совершенно отличнаго отъ послѣдняго по содержанію.

Положеніе, что отвлеченная мысль, а вовсе не непосредственное воспріятіе, есть органъ познанія подлинной реальности, есть, стало быть, по меньшей мѣрѣ столь же законная гипотеза, какъ и гипотеза интуитивизма. Относительныя права этихъ двухъ гипотезъ должны быть опредѣляемы не путемъ апріорныхъ соображеній о ихъ мыслимости или немыслимости—такъ какъ обѣ онѣ мыслимы,—но тѣмъ, какая изъ нихъ лучше объясняетъ міръ. Сравненіе ихъ въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, склоняетъ вѣсы противъ интуитивизма. Что за предѣлами сознанія есть невѣдомый по содержанію міръ, подчиненный тѣмъ же категоріямъ, подъ которыми мы мыслимъ сознаваемый нами міръ,—что можно противопоставить этой гипотезѣ, кромѣ закоренѣлаго философскаго предразсудка о невозможности сознавать внѣсознательное, предразсудка, выставляемаго, какъ аксіома, несмотря на то, что люди испоконъ вѣка мыслятъ, т. е. сознаютъ внѣсознательное? Между тѣмъ гипотеза интуитивизма во всѣхъ отношеніяхъ приводитъ насъ къ неразрѣшимымъ затрудненіямъ. Первое затрудненіе ея состоитъ именно въ томъ, что она есть гипотеза, т. е. познаніе недостовѣрное и, стало быть, не непосредственное, но зависящее отъ мысленнаго опосредованія. Второе затрудненіе ея состоитъ въ томъ, что пониманіе познанія, какъ тожества его съ его предметомъ, не находитъ себѣ подтвержденія въ самомъ фактѣ познанія, такъ какъ даже въ области феноменальной

познаніе состоитъ въ постоянномъ образованіи новыхъ, ранѣе того не бывшихъ состояній сознанія, слѣдовательно постоянно отличается отъ своего непосредственнаго предмета. Я не останавливаюсь уже на томъ соображеніи, что самая непосредственность нашихъ ощущеній и представленій есть лишь кажущаяся, зависящая отъ того, что мы не обращаемъ вниманія на обусловливающія ихъ отношенія. Во что обращается ощущеніе безъ отношеній сходства и несходства, величины, мѣста и времени? Въ отвлеченный значекъ, по поводу котораго Гегель справедливо сказалъ, что чистая чувственность есть наивысшая отвлеченность; именно поэтому и терминъ „непосредственное“ употребляется Гегелемъ, какъ тожественный термину „отвлеченное“. Послѣдовательное развитіе интуитивизма есть раствореніе его въ отвлеченной мысли.

На сказанное могутъ возразить, что приведенное опроверженіе интуитивизма, если оно справедливо, говоритъ не въ пользу отвлеченнаго мышленія, какъ органа сверхчувственнаго познанія, а доказываетъ, напротивъ, что это познаніе вообще невозможно; ибо если ни непосредственно, ни отвлеченно мы не можемъ усвоить въ сознаніи содержаніе того, что находится внѣ сознанія, то это содержаніе непознаваемо. Мы должны поэтому или отказаться отъ надежды постигнуть это содержаніе, или признать, что оно постижимо черезъ такой органъ вѣдѣнія, который не есть ни чувственность, ни отвлеченное мышленіе, но есть орудіе особой способности сноситься со сверхчувственнымъ и усваивать его въ сознаніи. Разубѣжденіе въ силахъ опытнаго и рефлексивнаго знанія открываетъ такимъ образомъ дорогу *мистицизму*. Мистицизмъ также можетъ выставить свое основоположеніе лишь какъ аксіому, такъ какъ обосновывать мистицизмъ на доказательствѣ значитъ подчинять его истину истинѣ разсудка. Преимущество мистицизма передъ немистическимъ интуитивизмомъ [1]) состоитъ, однако, въ томъ, что первый, будучи по своей идеѣ такъ же бездоказателенъ, какъ и второй, предполагаетъ, однако, предварительную критику опыта и рефлексіи; мистицизмъ указываетъ на *высшій* источникъ нормы для мысли, извѣрившейся въ своихъ силахъ.

Понимаемый въ широкомъ своемъ смыслѣ терминъ „мистицизмъ“ объемлетъ собою и всякій интуитивизмъ. Ибо если мы допустимъ,

---

[1]) Этотъ эпитетъ прибавленъ потому, что интуитивизмъ нерѣдко осложняется мистическими прибавками.

какъ то утверждаетъ интуитивизмъ, что истинное познаніе состоитъ въ непосредственномъ усвоеніи внѣсознательнаго сущаго, то поскольку эта способность необъяснима, она можетъ быть приписана лишь дѣйствію особой, непонятной для насъ высшей владѣющей нами силы. Потому самое убѣжденіе въ бытіи внѣсознательной реальности и въ бытіи другихъ одушевленныхъ существъ нерѣдко называютъ мистическимъ. Съ этой точки зрѣнія, если признать ее правильною, мистическая способность есть общая принадлежность человѣчества. Но въ частности мистикомъ называютъ того, кто, не довольствуясь признаніемъ такого безсознательно присущаго всякому человѣку мистицизма, сознательно пускаетъ въ ходъ свою силу мистическаго постиженія.

Поводомъ къ тому служитъ стремленіе постигнуть мистически не только бытіе міра (матеріи и другихъ людей), но и бытіе первоосновы міра, абсолютнаго или Бога. Такой мистицизмъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, если и мыслится имѣющимъ задатки во всѣхъ людяхъ, то во всякомъ случаѣ для своего надлежащаго развитія признается требующимъ особаго дарованія, подготовки или сверхъестественной помощи Божественной благодати, при чемъ эти факторы предполагаются дѣйствующими порознь или въ томъ или иномъ сочетаніи.

Мистическое постиженіе абсолютнаго есть полное отожествленіе съ нимъ, достигаемое возвышеніемъ надъ всякою рефлексіею, надъ всякою опредѣленностью понятія. Величайшій изъ философовъ-мистиковъ Плотинъ называетъ это состояніе *экстазомъ* и описываетъ его по собственному опыту, какъ совершенное сліяніе съ Единымъ. Другіе мистики даютъ этому состоянію другія названія и не всегда строго выдерживаютъ мистическое основоначало, признавая возможнымъ ввести въ мистически-постигаемое абсолютное нѣкоторыя опредѣленія, напримѣръ, мистически обосновать нѣкоторые догматы. Но эта попытка, очевидно, тщетная, такъ какъ всякое опредѣленіе есть результатъ рефлексіи и, стало быть, лишено характера непосредственности. Абсолютное могло бы абладать нѣкоторою конкретною опредѣленностью лишь въ томъ случаѣ, если бы постиженіе его имѣло наглядность, было бы своего рода чувственностью, т. е. если бы, возвысившись надъ отвлеченною мыслью, мы имѣли бы нѣчто въ созерцаніи. Но этого нѣтъ. То абсолютное, которое непосредственно усматриваетъ мистикъ, есть съ точки зрѣнія обычнаго мышленія напротивъ высшая степень отвлеченности. Плотинъ и многіе другіе ми-

стики отвлекаютъ отъ него даже аттрибутъ бытія, именуя его *сверхсущимъ*, а Бёме обозначаетъ его названіемъ „ничто“ и „не-основаніе“ (Ungrund).

Это лишенное всякой опредѣленности, совершенно безкачественное Единое, очевидно, не можетъ быть и мысленнымъ источникомъ какихъ либо опредѣленій. Послѣднія, хотя связываются съ абсолютнымъ, но вытекаютъ не изъ него, а изъ отвлеченнаго мышленія. Таковы всѣ опредѣленія міра по Плотину, *разумъ и душа міра*, т. е. вмѣстилище категорій и творческая міровая сила или *деміургъ*,—которыя, стало быть, находятся внѣ мистическаго основоначала и не нуждаются въ немъ для своего познанія. Они суть низшія ступени возвышенія къ постиженію абсолютнаго, которыя, собственно говоря, въ этомъ постиженіи не нуждаются. Будучи полнымъ отрѣшеніемъ отъ опредѣленности міра, мистицизмъ ничего и не вноситъ въ эту опредѣленность.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для теоретическаго мірообъясненія, какимъ является метафизика, мистицизмъ есть ученіе совершенно ненужное и ни къ чему не приложимое, что мистикъ долженъ признать, что восхожденіе къ той высшей ступени отвлеченности, за которою открываетъ Единое, какъ сверхсущее, возможно для мышленія.

Если бы стали отрицать возможность такого возвышенія, то выходило бы, что предѣломъ мысленнаго отвлеченія было понятіе, обладающее нѣкоторымъ содержаніемъ, яснымъ изъ опыта, и что, слѣдовательно, полное возвышеніе надъ опытомъ для насъ неосуществимо.

Но если такое опустошеніе мысли возможно, то для него достаточно обычнаго способа образованія отвлеченныхъ понятій. Доведя процессъ отвлеченія до крайнихъ его предѣловъ, т. е. отбросивъ изъ мысли все, даже бытіе, мы и безъ какого либо мистическаго усмотрѣнія получаемъ то *ничто*, за которымъ гонится мистицизмъ. Но получивъ это ничто, мы не можемъ употреблять его для мірообъясненія, такъ какъ изъ него ничего не вытекаетъ, и всѣ опредѣленія міра приходится брать изъ отвлеченной мысли, какъ бы мистическаго основоначала вовсе не было. Если, слѣдовательно, мистицизмъ обосновываетъ что либо, то очевидно не философію. Что же онъ обосновываетъ? Религію? Но какой получается выигрышъ для религіи отъ совершенно пустого, безсодержательнаго Бога? Можетъ ли „ничто“ быть предметомъ благоговѣнія и поклоненія? Спеціально съ христіанской точки зрѣнія можетъ ли оно быть тѣмъ живымъ

Богомъ, Отцомъ, Судьею и Мздовоздателемъ, какимъ считаетъ его христіанинъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть, очевидно, лишь отрицательный.

Мы должны такимъ образомъ признать, что источникомъ мистицизма служитъ не теоретическая потребность философствующаго разума, равно какъ не та религіозная потребность, которая ищетъ Бога, какъ опредѣленный предметъ поклоненія. Источникъ мистицизма *практическій*, заключающійся въ *чувствѣ и волѣ*. Несомнѣнно, что возможность духовно отрѣшиться отъ тревогъ, суеты и смуты міра вноситъ въ душу сладостное чувство успокоенія. Несомнѣнно далѣе, что такое отрѣшеніе отъ міра есть по представленію религіознаго человѣка погруженіе духа въ нѣчто сверхміровое, духовное единеніе съ высшимъ началомъ міра или Богомъ; несомнѣнно затѣмъ, что это единеніе съ Богомъ, какъ духовное избавленіе отъ зла міра, наполняетъ духъ человѣка тою любовью къ источнику этого избавленія, тою интеллектуальною любовью къ Богу (amor Dei intellectualis), на которую указалъ еще Спиноза, какъ на высшее благо. Несомнѣнно наконецъ, что такое духовное усмотрѣніе, ослабляя, а иногда и вовсе уничтожая для человѣка значеніе постигающихъ его огорченій и даже несчастій, дѣлаетъ человѣка довольнѣе жизнью, воздержнѣе, терпѣливѣе, снисходительнѣе и отважнѣе. Въ этихъ предѣлахъ мистическое влеченіе къ единенію съ Богомъ естественно и законно. Другимъ источникомъ мистицизма является *эстетическое чувство*. Въ красотѣ намъ открывается въ чувственномъ образѣ единство матеріальнаго и духовнаго, мы *чаемъ* въ ней ту единую высшую силу, которую отвлеченно мыслитъ философія. По Гегелю красота есть сіяніе, показность идеи въ природѣ или, выражаясь проще, открывающійся въ природѣ Богъ. Такимъ образомъ красота есть законная область мистики, какъ преддверія къ философскому пониманію природы. Эти два источника—моральный и эстетическій—и питаютъ собою мистицизмъ; и въ этихъ предѣлахъ онъ есть естественное и оправданное явленіе духовной жизни. Всякое влеченіе духа оправдывается въ своихъ законныхъ предѣлахъ и становится ложнымъ, лишь выходя за эти предѣлы. Такой выходъ за эти предѣлы получается тогда, когда выростающій на моральной и эстетической почвѣ мистицизмъ провозглашается источникомъ теоретическаго вѣдѣнія, передъ которымъ должна склониться отвлеченная мысль. Эмоціональное единеніе съ Богомъ и наслажденіе красотою могутъ имѣть мѣсто лишь въ феноменальномъ мірѣ. Ибо Бога мы

любимъ, какъ Промыслителя *міра*, и наслаждаемся красотою, какъ Его сіяніемъ въ *чувственной* области. Возведенный въ отвлеченное всеединство, Богъ удовлетворяетъ нашъ разумъ, но любовь и красота не находятъ себѣ мѣста въ холодной области чистой мысли [1]). И здѣсь-то обнаруживается причина, почему стремленіе къ мистическому единенію съ абсолютнымъ не довольствуется послѣднимъ, какъ голою отвлеченностью, но присоединяетъ къ нему извнѣ почерпнутое содержаніе, вноситъ въ него опредѣленіе блага и красоты; почему, считая его источникомъ всего, оно превращаетъ его изъ безусловнаго единства въ безусловную полноту, изъ которой проистекаютъ всѣ прочія опредѣленія міра. Даже такой мощный мыслитель, какъ Плотинъ, наиболѣе чисто выставившій и проведшій начало мистицизма, не могъ сохранить полнаго равновѣсія на этой скользкой почвѣ. Его Единое есть вмѣстѣ съ тѣмъ высшее благо и красота; онъ объясняетъ происхожденіе сущаго изъ Единаго истеченіемъ изъ послѣдняго отъ преизбытка его полноты. Такимъ образомъ въ мистическое постиженіе вносится рефлексія, а опредѣленія міра проникаются мистическимъ оттѣнкомъ. У послѣдующихъ новоплатониковъ мистицизмъ совсѣмъ уже превращается въ мистическую теогонію и космологію, въ реализацію эманацій Единаго. То же самое находимъ мы у гностиковъ. Такой же забывшій свои законные предѣлы мистицизмъ свойственъ и правовѣрнымъ христіанскимъ мистикамъ, напримѣръ, псевдо-Діонисію Ареопагиту. И впослѣдствіи мы находимъ у христіанскихъ писателей мистическое отношеніе даже къ лицамъ историческимъ, составлявшимъ предметы опыта, — къ Іисусу Христу, Божіей Матери, многимъ святымъ.

Такимъ образомъ то, что было объявлено неизслѣдимымъ для мысли, превращается въ раздѣльную и опредѣленную мысль, проникается ею, а то, что считалось предметомъ низшихъ ступеней сознанія, расплывается въ мистическую неопредѣленность. Поэтому совершенно правильно указываетъ на опасность мистицизма Гартманъ, вообще придающій мистицизму огромное значеніе и считающій мистическое постиженіе первоисточникомъ и философіи, и религіи. Въ концѣ главы Философіи безсознательнаго, посвященной мистицизму, онъ говоритъ: „Наконецъ мы не можемъ не обратить вниманія на опасность заблужденія, заключающагося въ мистикѣ, которое

[1]) Поэтому слѣдуетъ признать, что и спинозова amor dei intellectualis есть въ существѣ любовь не къ отвлеченной спинозовой субстанціи, а любовь къ состоянію духа, которое испытывается черезъ возвышеніе къ этой субстанціи.

въ ней потому гораздо вреднѣе, чѣмъ въ раціональномъ мышленіи, что послѣднему въ себѣ самомъ и въ содѣйствіи другихъ свойственны контроль и надежда на улучшеніе, заблужденіе же, прокравшееся въ мистическомъ образѣ, упрочивается неискоренимо... А такъ какъ истинныя вдохновенія суть всегда состоянія рѣдкія, то отсюда легко усмотрѣть, что всѣ жаждущіе такихъ мистическихъ внушеній должны впадать на ряду съ однимъ кореннымъ внушеніемъ во множество самообмановъ; и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мистикою было порождаемо такъ много нелѣпостей, и что поэтому она ближайшимъ образомъ должна вызывать противодѣйствіе въ каждой раціональной головѣ".

Именно эта безконтрольность и, стало быть, произвольность мистицизма приводитъ къ тому, что, если для самого мистика мистическое внушеніе есть аксіома, то для постороннихъ лицъ оно остается, какъ всякое философское ученіе, лишь гипотезою. Но свойство мистической гипотезы таково, что она оказывается совершенно безрезультатною для пониманія и объясненія міра. То основоначало, къ которому она приводитъ, какъ высшая степень отвлеченности, достижимо по мнѣнію самого мистика и отвлеченною мыслію, т. е. не требуетъ никакой особой способности непосредственнаго усмотрѣнія абсолютнаго; а попытка наполнить его содержаніемъ приводитъ къ тому, что это содержаніе почерпается изъ категорій мысли и данныхъ опыта. Поэтому и какое либо приложеніе этого основоначала къ объясненію міра или разбивается о полную пустоту сказаннаго основоначала, или есть объясненіе изъ категоріи мысли и данныхъ опыта, т. е. сопряжено съ явнымъ нарушеніемъ требованій мистики. Относительная цѣнность послѣдней проявляется лишь въ областяхъ моральной и эстетической, имѣющихъ въ области теоретической лишь второстепенное и вступительное значеніе.

Въ философіи нѣтъ аксіомъ, т. е. всякое философское ученіе сомнительно,—вотъ положеніе всеобщаго, совершеннаго или *безусловнаго скептицизма.* Но если все сомнительно, то сомнителенъ и безусловный скептицизмъ, т. е. мы должны сомнѣваться и въ томъ, имѣемъ ли мы право во всемъ сомнѣваться. Самое положеніе „слѣдуетъ сомнѣваться во всемъ" есть лишь гипотеза, которая можетъ быть провѣрена только своимъ употребленіемъ. Но если можно сомнѣваться въ томъ, что все сомнительно, то, стало быть, возможно предполагать, что „не все сомнительно", и эта гипотеза также можетъ быть провѣрена лишь своимъ употребленіемъ. Такимъ образомъ

безусловный скептицизмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ безусловное право построенія философскихъ гипотезъ, есть саморазложеніе скептицизма, открывающее полную свободу для движенія философской мысли.

На сказанное могутъ, однако, возразить, что самъ безусловный скептицизмъ предполагаетъ нѣкоторую аксіому, т. е. имѣетъ въ себѣ нѣчто догматическое. Провѣрка всякой гипотезы предполагаетъ силу начала противорѣчія; стало быть, это начало остается аксіомою и для безусловнаго скептицизма. Сомнѣваясь во всемъ, этотъ скептицизмъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что истина не можетъ быть противорѣчивою. На это я отвѣчу такъ: ничто не препятствуетъ считать гипотезою самое начало противорѣчія. Если же это начало есть только гипотеза, то возможна и противоположная гипотеза, отрицающая всеобщность и необходимость начала противорѣчія. Возможно предположить, что начало противорѣчія имѣетъ силу лишь въ области опытнаго знанія, за предѣлами же его лишено всякаго значенія. Однако, предположить это возможно лишь съ тѣмъ, чтобы это предположеніе и сохраняло характеръ гипотезы, а не аксіомы. Мы не имѣемъ права сказать: начало противорѣчія не приложимо къ сверхъопытному, но имѣемъ только право сказать: *возможно*, что начало противорѣчія неприложимо къ сверхъопытному. Если же такая гипотеза только возможна, то возможна и противоположная гипотеза: *возможно*, что начало противорѣчія приложимо къ сверхъопытному; и провѣрка этихъ двухъ гипотезъ должна быть произведена путемъ испытанія того, какая изъ нихъ лучше объясняетъ міръ. А такъ какъ провѣрка всякой гипотезы можетъ происходить лишь путемъ приложенія начала противорѣчія, то выходитъ, что первая гипотеза можетъ пользоваться для своей провѣрки лишь тѣмъ средствомъ, которое она же отвергаетъ. Если къ сверхъопытному неприложимо начало противорѣчія, то, слѣдовательно, мысль о сверхъопытномъ допускаетъ любое противорѣчіе; слѣдовательно, признавая неприложимость къ сверхъопытному начала противорѣчія, мы, оставаясь въ предѣлахъ той же гипотезы, въ правѣ вмѣстѣ съ тѣмъ признавать и приложимость къ сверхъопытному этого начала. Если эта гипотеза правильна, то она опровергаетъ сама себя. Слѣдовательно, эта гипотеза приводитъ къ тому, что сверхъопытное есть понятіе нелѣпое, невозможное, такъ какъ истина его есть его же ложность. По этой гипотезѣ мыслить о чемъ либо за предѣлами опыта нелѣпо, невозможно; но если такъ, то какъ же возможно несомнѣнно существующее у насъ понятіе сверхъопытнаго? Положимъ, что философія

обнаружитъ ложность этого понятія; но она обнаружитъ эту ложность при помощи того начала противорѣчія, которое, какъ намъ говорятъ, къ понятію сверхъопытнаго неприложимо. Имѣть что либо предметомъ мысли и утверждать вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно немыслимо, значитъ нарушать силу начала противорѣчія и въ той области, въ которой оно признается законнымъ,—въ области опытнаго знанія; ибо понятіе сверхъопытнаго возникло, конечно, изъ матеріала, доставляемаго опытомъ—допустить, что оно возникло изъ сверхъопытной области, значитъ допустить нѣкоторое знаніе послѣдней—стало быть, изъ матеріала, подчиненнаго началу противорѣчія. Итакъ возможность гипотезы о неподчиненности сверхъопытнаго началу противорѣчія сама себя разрушаетъ.

Поэтому безусловный скептицизмъ смѣло можетъ самому началу противорѣчія придать характеръ не аксіомы, а гипотезы, такъ какъ сравненіе этой гипотезы съ гипотезою противоположною рѣшаетъ дѣло въ пользу второй.

Безусловный скептицизмъ, сомнѣніе во всемъ, даже въ собственномъ сомнѣніи, есть, слѣдовательно, безусловное освобожденіе мысли отъ всякихъ догматическихъ путъ. Онъ отвергаетъ всякую немыслимость, пока она не провѣрена мыслію и опытомъ. Онъ открываетъ возможность не стѣсняться ни одною изъ этихъ мнимыхъ немыслимостей, какія были щедрою рукою разсыпаны на пути философіи. Въ частности онъ освобождаетъ современную мысль отъ того философскаго кошмара, который такъ упорно стоитъ на пути новой философіи. Источникомъ этого кошмара служитъ выставляемое за аксіому положеніе: *познаніе, какъ актъ сознанія, можетъ имѣть своимъ предметомъ лишь состоянія сознанія.* Это положеніе привело эмпиристовъ, Канта и Фихте къ признанію призрачности міра. Оно побуждаетъ задавать вопросъ: не суть ли и другія одушевленныя существа только мои субъективные призраки? Оно было первоисточникомъ того заблужденія, которое достигло своей кульминаціонной точки въ гегеліанскомъ обоготвореніи человѣческой мысли. Оно понудило перемѣщать реальность въ непосредственное обладаніе сознанія, какъ то дѣлаютъ интуитивисты, или искать какого-то высшаго таинственнаго общенія съ абсолютнымъ, какъ то дѣлаютъ мистики. Безусловный скептицизмъ, отвергая аксіоматичность этого положенія, низводя его въ гипотезу, открываетъ возможность противоположной гипотезы, болѣе согласной съ интересомъ объясненія міра: гипотезы, по которой *мы можемъ сознавать внѣсознательную реаль-*

ность безъ непосредственнаго соприкосновенія съ нею и заключать отъ нея къ реальности чужой души. Эта гипотеза выражаетъ собою неистребимое убѣжденіе и здраваго смысла, и науки; пора ей стать и господствующимъ ученіемъ философіи.

Н. Г. Дебольскій.

«DECAMERONE» БОККАЧЧІО, «HEPTAMERON» МАРГАРИТЫ НАВАРРСКОЙ.

Данте, Петрарка и Боккаччіо—три предразсвѣтныхъ звѣзды итальянской литературы, три наиболѣе яркихъ выразителя эпохи Возрожденія, создали немеркнущую славу ея поэзіи, юной, еще нестройной, еще носящей слѣды разслоенности средневѣковой культуры. Волею историческихъ судебъ Тоскана, въ частности Флоренція, являлась носительницей всѣхъ многообразныхъ отраженій новой итальянской жизни; итальянская литература XIV вѣка можетъ быть названа тосканской литературой и по языку, и по сюжетамъ, и по происхожденію писателей. G. Carducci [1]) отмѣчаетъ, что немногіе стихотворцы и новеллисты, вышедшіе изъ другихъ областей Италіи, обнаруживаютъ слабость культуры и грубость діалекта, если не подражаютъ флорентинцамъ. Начало преобладанію флорентійскаго діалекта положилъ, какъ извѣстно, Данте. Пришелъ онъ къ этому двумя путями: какъ лингвистъ, по соображеніямъ чисто теоретическимъ, и какъ поэтъ, оцѣнившій изящество, звучность и гибкость языка. Данте создалъ формы высокой поэзіи; его трудъ дополнилъ Петрарка; Боккаччіо показалъ, какую богатую сокровищницу представляетъ народная рѣчь, ея живые и выразительные діалоги; вотъ почему Боккаччіо называютъ творцомъ итальянской прозы, которая не устарѣла до нашихъ дней. Родился Боккаччіо въ 1313 году въ Парижѣ, отъ флорентійскаго купца Боккаччіо да-Келлино и знатной француженки. Плебейская фамилія его отца происходила изъ Чертальдо, мѣстечка въ Вальдъ-Эльзѣ; поэтому многіе историки литературы называютъ Боккаччіо certaldese, а не fiorentino, несмотря на то, что мальчикъ рано былъ привезенъ во Флоренцію.

---

[1]) См. его лекціи „Dello svolgimento della literatura italiana“.

Боккаччіо былъ горячимъ поклонникомъ Данте и близкимъ другомъ Петрарки. Для послѣднихъ исходной точкой были средніе вѣка и рыцарство, — Боккаччіо создаетъ „Decamerone", яркую и могучую оппозицію принципамъ рыцарства и церкви. Авторъ Декамерона—представитель „popolo grasso" XIV столѣтія, который навсегда заслонилъ старую знать Италіи XIII вѣка. Въ произведеніи итальянскаго новеллиста эта борьба начала средневѣкового, рыцарскаго, церковнаго съ національнымъ итальянскимъ разрѣшилась въ пользу послѣдняго. Онъ живѣе и искреннѣе своихъ предшественниковъ осмѣиваетъ императора и имперію, его не влечетъ ко двору пышность и блескъ; только въ дни юности, когда настроеніе поэта болѣе всего соотвѣтствовало мотивамъ Декамерона, онъ вращался въ средѣ молодыхъ принцессъ исключительно ради любовныхъ впечатлѣній. Авторъ Декамерона внѣшне зависѣлъ отъ средневѣковыхъ формъ религіи и морали: ни одна его книга не начинается безъ воззванія къ помощи Божіей, не оканчивается безъ благодарственной молитвы; но за этой внѣшней корректностью легко увидѣть, какъ преданъ поэтъ жизни, какъ любитъ міръ, его вѣчный шумъ и суету.

Начинается Декамеронъ описаніемъ чумы, свирѣпствовавшей во Флоренціи въ 1348 году. Изображеніе стихійнаго бѣдствія отличается образностью и полнотой.

Семеро флорентинскихъ дѣвушекъ и трое юношей рѣшаютъ удалиться въ одну виллу: тамъ, счастливо избѣжавъ опасности, они стараются возможно лучше провести время. Этотъ свѣтлый, полный молодости и жизни хороводъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ картиной разрушенія во Флоренціи. Своимъ извиненіемъ передъ читательницами Боккаччіо только подчеркиваетъ этотъ эффектный пріемъ. Члены небольшого общества предаются изящнымъ забавамъ, гуляютъ по садамъ и рощамъ, поютъ, играютъ и гонятъ отъ себя всякую мысль о покинутомъ ужасѣ. Когда солнце жжетъ слишкомъ горячо, они скрываются въ тѣнистыхъ уголкахъ сада и проводятъ время въ разсказахъ. Ежедневно избирается король или королева этихъ граціозныхъ собраній; имъ воздается должное почтеніе и безпрекословно повинуются повелѣнію кому-нибудь начать новую новеллу. Такъ проводятъ они десять дней, разсказывая каждый день десять новеллъ. Озаглавленъ сборникъ—„Il Decamerone"—работа десяти дней (греческое названіе подчеркиваетъ то, что Боккаччіо являлся реставраторомъ греческаго языка въ Италіи). Такая форма литературнаго произведенія создана до Боккаччіо. Достаточно упомянуть о

„Cento novelle antiche“ и „Conte di antichi cavalieri“; но оригинальность творчества Боккаччіо не въ композиціи произведенія искала своего воплощенія; сюжеты были также заимствованы изъ области народныхъ преданій, изъ старыхъ сборниковъ, сказокъ, анекдотовъ, ходившихъ по Италіи, всевозможныхъ разсказовъ изъ современной поэту жизни. Въ разнообразіи и независимости сюжетовъ другъ отъ друга Боккаччіо сохранилъ единство руководящей,—какъ увидимъ впослѣдствіи, — скрыто вложенной идеи. Уже испытанный пріемъ изложенія ряда разсказовъ, не связанныхъ между собой однимъ дѣйствіемъ, встрѣчающійся между прочимъ и въ „Тысячѣ и одной ночи“, не исключаетъ, какъ я покажу ниже, самой смѣлой оригинальности. Вводить читателя въ кругъ живой бесѣды—излюбленный пріемъ Боккаччіо [1]). Общество, гдѣ льются новеллы, состоитъ изъ юношей и дѣвушекъ, которые, не теоретически, не философски, а инстинктивно, всѣми движеніями своей мечтающей молодости исповѣдуютъ свѣтлый культъ любви. Она—высшій законъ, важнѣйшій двигатель человѣческихъ отношеній. Любовь, чувство придаетъ всѣмъ новелламъ особую окраску; это не исключаетъ самаго богатаго разнообразія оттѣнковъ, обстановки, характеровъ. При этомъ оттѣнена та изысканная важность, та серьезность, съ которой ведетъ каждый разсказчикъ свое повѣствованіе; прекрасная и рѣдкая черта: юноши и дѣвушки Декамерона всѣ удивительно искусные разсказчики, но никогда актеры; это трудная и тонкая манера разсказывать, которая даетъ полную картину, проливаетъ массу свѣта, но не заслоняетъ изображенія фигурой разсказчика. Каждая новелла проходитъ и звучитъ въ душѣ слушателя, какъ жизнь, какъ все, что мы видимъ и слышимъ кругомъ себя: значительно и сильно, съ высокимъ напряженіемъ, но никогда только въ рыданіяхъ или только въ смѣхѣ. Особенно важно послѣднее: будучи по своимъ сюжетамъ глубоко комическими, новеллы никогда не утомляютъ читателя излишнимъ смѣхомъ. Ни шутка Мадонны Филинны [2]), такая сильная, что влечетъ за собою отмѣну закона, ни ядовитыя замѣчанія Фреско своей спесивой племянницѣ, ни продѣлки Бруно и Буффольмакко надъ Колландрино не заставятъ читателя разразиться гомерическимъ смѣхомъ: отъ этого удержитъ полнота изображенія, то, что каждый комическій фактъ значителенъ своимъ содержаніемъ, заставляетъ задумываться.

---

[1]) См. „Ameto“, „Filocolo“.
[1]) G. VI, nov. 7.

Я буду еще говорить объ этомъ ниже. Разсказчики всегда сообщаютъ у Боккаччіо общую мысль, которую иллюстрируетъ новелла; и, какъ часто бываетъ въ великихъ произведеніяхъ, выполненіе переходитъ рамки плана, углубляетъ его мысль, захватываетъ новыя области, рѣшаетъ чисто художественныя задачи такъ блестяще, что это заслоняетъ намѣреніе автора.

Прежде всего въ новеллахъ геніальнаго certaldese ярко выступаетъ бытъ, и дѣйствіе настолько слито со всѣми деталями обстановки, что читатель примиряется съ самыми невѣроятными капризами судьбы, съ самыми оригинальными характерами [1]).

Великій художникъ жизни, Боккаччіо зналъ ея проявленія въ разнообразныхъ слояхъ общества. Въ Декамеронѣ изображены дворяне, купцы, ремесленники, слуги, врачи, „школяры", духовные, художники, рыцари, короли и бѣдняки. Каждый образъ—живая фигура со всѣми признаками положенія, возраста и характера. Шутка красною нитью проходитъ по всему произведенію, отражая веселый, жизнерадостный и остроумный характеръ изображенной націи. Остроумныя продѣлки являются во всѣхъ возможныхъ формахъ, начиная отъ изящной и тонкой, какъ въ новеллѣ 9-й VI-го дня, и кончая грубой и злой, подобно одной продѣлкѣ Бруно и Буффольмакко надъ Колландрино, гдѣ послѣдній, послѣ многихъ несчастій, побитый камнями, терпитъ самое жестокое разочарованіе въ своихъ мечтахъ.

Въ комическихъ сценахъ, въ разсказахъ о всевозможныхъ продѣлкахъ стиль Боккаччіо достигаетъ наибольшей силы и оригинальности. Правда, въ интересахъ устойчивости и закругленности фразы, онъ ввелъ длинный, искусственный періодъ, въ чемъ сказалось еще вліяніе классическихъ симпатій Боккаччіо, но эти риторическіе пріемы совершенно исчезаютъ, когда появляется дѣйствіе и выступаетъ на сцену діалогъ. Рѣчь новеллы становится простой и граціозной, со всѣмъ вліяніемъ личности говорящаго и его настроенія, до полнаго совпаденія съ живою фразою, даже до передачи діалектическихъ особенностей. Послѣднее качество не вредило тогда ни художественности разсказа, ни его ясности: діалектическія различія итальянскаго языка не были такъ велики, какъ въ настоящее время.

Въ пяти новеллахъ фигурируютъ два художника, Бруно и Буффольмакко, пользующіеся большою популярностью во Флоренціи вре-

[1]) См. н. прив. доктора, собиравшаго доказательства противъ существованія Бога.

мени Боккаччіо. Ихъ выступленіе въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ новеллы всегда влечетъ массу комическихъ эпизодовъ: всѣ мысли ихъ направлены на шутки и хитрыя продѣлки. Трудно сказать, въ чемъ ярче проявляется ихъ изобрѣтательность: въ искусствѣ попировать на чужой счетъ, или поиздѣваться надъ глупцомъ. Выше я говорилъ о томъ, что въ самыхъ сильныхъ по своему комизму моментахъ Боккаччіо знаетъ чувство мѣры и слишкомъ близокъ къ жизни, чтобы создавать фарсъ. Онъ всегда спокоенъ; въ нагроможденіи смѣшныхъ подробностей онъ никогда не доведетъ читателя до безудержнаго смѣха, до полнаго забвенія оборотной стороны каждаго положенія.

Коландрино симпатиченъ, онъ вызываетъ участіе, несмотря на свою рѣзко выраженную, дѣйствительно феноменальную глупость; когда его воздушные замки разрушаютъ грубые, циничные шутники, въ ходѣ новеллы есть возможность его пожалѣть.

Комизмъ положеній часто обусловленъ глупостью, безнравственностью и непристойностью дѣйствующихъ лицъ. Жены обманываютъ мужей, врачъ Симоне дѣлается жертвой мистификацій, въ которыхъ Бруно и Буффольмакко достигаютъ поразительнаго искусства и фантазіи. Они убѣждаютъ врача, что съ помощью особаго искусства, некромантіи, можно задумывать любое желаніе, и оно исполняется; напримѣръ, перенести къ себѣ въ одно мгновеніе красивѣйшихъ женщинъ всего свѣта на блестящій и роскошный пиръ въ сказочно-прекрасномъ дворцѣ. Они прибавили, что лучше всего живется имъ, Буффольмакко и Бруно, такъ какъ первый велитъ приводить къ себѣ французскую королеву, а второй—англійскую, а онѣ son due pur le più belle donne del monde. Маэстро, повѣривъ всему, начинаетъ угождать двумъ художникамъ, чтобы заручиться ихъ дружбой, надѣясь быть посвященнымъ въ тайны некромантіи. Онъ устраиваетъ имъ пирушку за пирушкой, не жалѣя ничего, чтобы добиться такъ заманчиво нарисованнаго счастья. Несчастный врачъ терпитъ рядъ издѣвательствъ, послѣ многихъ страховъ и приключеній попадаетъ въ яму съ нечистотами и въ такомъ видѣ является женѣ...

Комизмъ положенія часто создается коварствомъ женщинъ. Большая ихъ часть измѣняетъ своимъ мужьямъ, пользуясь ихъ простотой или глупостью. При этомъ надо сказать, что женщины проявляютъ массу находчивости и остроумія, когда дѣло касается любовныхъ отношеній. Жены измѣняютъ мужьямъ независимо отъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ обстоятельствъ: въ большинствѣ случаевъ—въ

силу развращенности своей натуры, или въ жаждѣ новизны ощущеній, — какъ выражается разсказчикъ одной новеллы, — „потому что одна и та же пища надоѣдаетъ...“ [1]).

Женщины отличаются удивительной нравственной подвижностью: двумя, тремя фразами, особенно со ссылкой на авторитетъ св. писанія (въ этомъ направленіи дѣйствовали, какъ увидимъ ниже, монахи), легко склонить женщину ко многимъ уступкамъ.

Женщина въ Декамеронѣ аморальна, продажна, лжива. Большинство продѣлокъ женщинъ удается имъ съ помощью лжи (см. новеллы 2, 3, 4 дня VII). Будучи поймана въ измѣнѣ, жена выпутывается изъ созданнаго ею затруднительнаго положенія цѣлой сѣтью лжи и уловокъ, направленныхъ къ тому, чтобы обвинить въ позорномъ поступкѣ мужа, обманувъ сосѣдей притворнымъ негодованіемъ...

Боккаччіо не осуждаетъ, не поучаетъ. Онъ съ любовью рисуетъ; ни одинъ почти поступокъ, безнравственный съ нашей точки зрѣнія, не вызываетъ его негодованія; въ лицѣ своихъ разсказчиковъ онъ всегда привѣтствуетъ ловкость, хитрость, остроуміе, все, что даетъ возможность осуществить любовное желаніе. Любовь чувственная, нерѣдко съ поэтической окраской, является главной пружиной дѣйствія въ Декамеронѣ. Хитрость, ложь, измѣна, обманъ друга съ его женой, вполнѣ допустимы, если находятъ эротическое оправданіе.

Но Боккаччіо никогда не хочетъ быть антиморальнымъ, онъ не проповѣдуетъ моральной свободы, такъ же какъ и религіознаго скептицизма; силой своего таланта онъ показываетъ только, какъ мало въ этихъ женщинахъ творческой силы, какъ стали онѣ игрушкой самыхъ грубыхъ фальсификаторовъ. Иногда онъ полунасмѣшливо успокаиваетъ читателя бѣглымъ замѣчаніемъ: „quella malaria non posse a luogo e a tempo laschiato impunta...“

Непристойное, циничное также отразилось въ новеллахъ. Въ 10-й новеллѣ V дня Діонео выражаетъ далѣе сентенцію, что люди вообще смѣются чаще дурнымъ вещамъ, чѣмъ хорошимъ. И онъ не знаетъ, чему это приписать: испорченности ли нравовъ, или природѣ человѣческой.

Повидимому, Боккаччіо стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что особенно сильный и интересный комическій эффектъ имѣютъ разсказы циничнаго, беззастѣнчиваго содержанія. Думаю, что онъ въ этомъ смыслѣ

---

[1]) Эта фраза почти слово въ слово вложена въ уста одного изъ разсказчиковъ „Гептамерона“ М. Наваррской.

весьма близокъ къ истинѣ, и новая философія въ лицѣ, напр., Шопенгауера даетъ приведенной мысли прекрасное объясненіе. Но не только поэтому въ новеллахъ Боккаччіо такъ много фривольнаго; онъ находилъ, что моральное состояніе общества вообще таково, что правдивое изображеніе его повлечетъ большую свободу сюжетовъ даже и въ некомическихъ новеллахъ, какъ напримѣръ, новелла о Ричардо Минутоло или Тетальдо дели-Елисеи. Есть и сатирическій элементъ въ этой свободѣ выбора темъ и передачи деталей. И, наконецъ, задача автора требовала разрушенія всякихъ рамокъ для его книги: онъ подвергалъ обработкѣ народные сюжеты, онъ создавалъ національную литературу; въ область индивидуальнаго творчества переносилъ народную словесность; какъ искусный художникъ, какъ высокій артистъ, онъ сохранилъ смыслъ народныхъ мотивовъ и ихъ свободы не нарушилъ прикосновеніемъ своей изящной и граціозной поэзіи. Потому-то отъ каждой новеллы вѣетъ нетронутой, свѣжей, наивной красотой, и такое значеніе придается находчивости, смѣлости, остроумію (напр. знаменитый разсказъ о Саладинѣ и Мельхиседекѣ). Боккаччіо не лишенъ уваженія къ добродѣтели. Но это не отвѣчаетъ общему тону Декамерона, и все замѣчательное, что авторъ рисуетъ на тему о высокой нравственности, составляетъ слабѣйшую часть его новеллъ.

Насколько вѣроятны, психологически понятны всѣ мысли и чувства обычныхъ героевъ Декамерона, обманывающихъ, измѣняющихъ совращающихъ другъ друга съ нравственнаго пути, настолько натянуты, вычурны, непохожи ни на что земное качества добродѣтельныхъ героевъ. Здѣсь Боккаччіо встрѣтилъ трудность, до сихъ поръ не побѣжденную въ міровой литературѣ: идеальныхъ людей рисовать почти невозможно, такъ какъ для этого нѣтъ модели на грѣшной землѣ. Совершенно не похожъ, напримѣръ, на живого человѣка Натанъ, сообщающій своему сопернику способъ убить его, такъ какъ Натанъ готовъ отдать свою жизнь тому, кто въ ней нуждается. Это фигура, которой нѣтъ въ дѣйствительности: для самопожертвованія слишкомъ слабы мотивы. Реторичность монологовъ здѣсь выступаетъ въ особенно сильной степени. Великодушіемъ надѣлены въ большинствѣ случаевъ люди высшаго круга. Удачнѣе всего это изображено въ образѣ Федериго дель Альберти (V, 9). Рыцарь жертвуетъ всѣмъ своимъ имуществомъ въ угоду дамѣ сердца. Въ новеллѣ есть красивое, сильное мѣсто: чтобы угостить навѣстившую его донну, рыцарь убиваетъ любимаго сокола, единственное, что у него осталось

въ утѣшеніе; и оказывается, что донна пришла попросить у него этого сокола въ подарокъ своему больному сыну...

Преувеличеніемъ и неестественностью положеній отличается послѣдняя новелла Декамерона, рисующая образъ покорной супруги, Гризельды. Характеръ самодура феодала Гвальтіери очерченъ въ общемъ удачно, но гиперболически: онъ отличается чрезмѣрной, легендарной жесткостью. Но совершенно не похожа на живую женщину Гризельда. Она отличается такой ангельской добротой, что терпитъ всевозможныя глумленія надъ лучшими своими чувствами, отдаетъ по приказанію Гвальтіери своего ребенка изъ колыбели, не пытаясь разспросить, что съ нимъ будетъ, прося лишь исполнить волю Гвальтіери. Второго ребенка она отдаетъ, уже зная, что его убьютъ, и не становится на защиту его, не бѣжитъ за нимъ, чтобы спасти его или раздѣлить его участь, и даже настолько владѣетъ собой, своей мимикой, что на ея лицѣ не отражается горе. Она продолжаетъ любить изверга супруга, убійцу ея дѣтей, даже послѣ того, какъ онъ выгналъ ее изъ дому и затѣмъ взялъ въ качествѣ служанки для новой своей жены.

Это какая-то ошеломляющая добродѣтель съ одной стороны, и большое моральное неразвитіе съ другой. У Гризельды совершенно нѣтъ протеста противъ убійства дѣтей, она лишена той огромной нравственной силы, которая встаетъ въ душѣ самой обыкновенной женщины, когда дѣло касается жизни дѣтей. Замѣчательно, что послѣдняя новелла именно своей натянутостью и неправдоподобнымъ образомъ идеальной супруги понравилась Петраркѣ: извѣстно, что изъ всего Декамерона онъ хвалилъ только эту новеллу и перевелъ ее на латинскій языкъ.

Изъ новеллъ 10-го дня обращаетъ на себя вниманіе 4-ая. Вотъ, схематически, ея содержаніе: въ Болоньѣ жилъ блестящій рыцарь messere Gentille Carisendi. Онъ оскорбилъ благородную даму, супругу нѣкоего Caccianumico. Не получивъ отвѣта на свои чувства, рыцарь уѣхалъ. Черезъ нѣкоторое время онъ узнаетъ, что донна Caccianumico умерла. Онъ садится на коня и мчится на могилу, чтобы добиться поцѣлуя хоть съ мертвыхъ устъ. Когда онъ вмѣстѣ со слугой вскрылъ гробницу, и рыцарь прикоснулся къ тѣлу горячо любимой донны, онъ почувствовалъ, что сердце ея бьется. Рыцарь извлекъ дорогое тѣло изъ гробницы, положилъ передъ собою на коня и тайно привезъ его въ Болонью. Тамъ ему удалось вернуть донну къ жизни; врачи ошибочно приняли летаргію за смерть. Въ домѣ рыцаря она совершенно

поправилась, и въ награду своему спасителю объявила, что готова сдѣлать для него все, что онъ попроситъ. Дальше изображено великодушіе рыцаря, который возвратилъ жену мужу, оставивъ честь донны неприкосновенной. Но интересенъ не этотъ великодушный поступокъ Carisendi [1]). Новелла рисуетъ картину огромной силы любви, которая направила рыцаря къ могилѣ и вырвала дорогую для него душу изъ рукъ смерти. Это прекрасный сюжетъ: кажется, что тоскующая, молящая любовь рыцаря, его страстный поцѣлуй вдохнули жизнь въ холодное тѣло.

Въ современной литературѣ встрѣчается этотъ же сюжетъ въ разсказѣ Мережковскаго „Любовь сильнѣе смерти", написанномъ несомнѣнно подъ впечатлѣніемъ новеллы Боккаччіо.

Въ фигурахъ Декамерона много необычнаго, рѣзко индивидуальнаго, что еще ярче подчеркивается неизмѣнно блестяще выполненной картиной быта; но не только въ личности героевъ кроются пружины удивительныхъ мотивовъ и сюжетовъ. Великій новеллистъ часто изображаетъ игру случая, капризныя и назойливыя шутки судьбы. Человѣкъ испытываетъ самыя рѣзкія перемѣны, подверженъ изумительнымъ случайностямъ. Судьба бросаетъ Ринальдо д'Асти (II, 2) въ совершенно противоположныя условія существованія: его грабятъ разбойники, оставляютъ нищимъ во время грозы; вдругъ онъ находитъ себѣ радушный пріютъ, а на утро къ нему возвращается его добро. Бѣдному Алессандро (II, 3) страннымъ и неожиданнымъ образомъ улыбнулось счастіе: его полюбила дочь короля, и онъ становится ея супругомъ...

Новеллы V-го дня содержатъ въ себѣ разсказы о самыхъ опасныхъ и страшныхъ положеніяхъ, которыя, благодаря игрѣ случая, оканчиваются полнымъ благополучіемъ.

Часто встрѣчается мотивъ неожиданной встрѣчи родственниковъ, давно забывшихъ другъ друга, что совершенно переворачиваетъ судьбу кого-нибудь изъ нихъ. Богатая мать находитъ своихъ утраченныхъ дѣтей, жившихъ въ бѣдности, и для нихъ начинается новая жизнь (II, 6). Осужденный на смерть Теодоръ узнанъ своимъ отцомъ, у котораго его, еще ребенка, отняли пираты. Дѣвушка, исчезнувшая при разграбленіи города, находитъ въ одномъ изъ влюбленныхъ въ нее юношей своего брата (V, 5).

---

[1]) Та театральность, съ которой рыцарь совершилъ свой великодушный поступокъ, значительно умаляетъ его цѣну.

Обиліемъ случайностей и неожиданныхъ перемѣнъ отличается судьба Ландольеро Руффоло (II, 4). Онъ переходитъ отъ одной крайности къ другой, изъ богача становится нищимъ, дѣлается пиратомъ, грабитъ турокъ, попадается въ плѣнъ. Корабль, на которомъ онъ ѣдетъ, терпитъ крушеніе, а Руффоло на ящикѣ съ корабля прибываетъ въ Корфу, убѣжденный, что онъ снова сталъ бѣднякомъ; но въ ящикѣ оказываются драгоцѣнные камни, цѣлое богатство, и Руффоло вновь счастливъ.

Въ такомъ нагроможденіи самыхъ невѣроятныхъ случайностей Боккаччіо не покидаетъ никогда реальной почвы: то, что въ народныхъ сюжетахъ происходитъ въ нѣкоторомъ царствѣ, у Боккаччіо изображено съ точнымъ обозначеніемъ характеровъ, мѣста дѣйствія, обстановки; въ самыхъ фантастическихъ приключеніяхъ онъ близокъ къ жизни. Поэтому, въ столкновеніи съ неисповѣдимыми путями судьбы, герои новеллъ такъ живо комичны и интересны. Въ новеллѣ объ Андруччіо изъ Перуджіи изображена народная жизнь Неаполя, на фонѣ которой съ Андруччіо случаются удивительныя приключенія, но въ концѣ концовъ онъ остается вполнѣ вознагражденнымъ и довольнымъ. Невѣроятныя приключенія часто происходятъ на кладбищѣ; могилы и гробницы служатъ мѣстомъ дѣйствія ловкихъ продѣлокъ надъ глупцами, грабежей, убійствъ. Любовь, чувство, жажда наслажденій играетъ роль въ этихъ приключеніяхъ, какъ и во всѣхъ мотивахъ Декамерона.

Не выступая нигдѣ противъ нравственности, Боккаччіо искусно показываетъ ея несостоятельность и лицемѣріе въ борьбѣ съ властными требованіями духа и тѣла. Чувственность рушитъ всѣ преграды, не признаетъ ничего святого, она сильнѣе, ближе природѣ человѣка; и онъ наслаждается по мѣрѣ силъ, спѣша вдоволь насытиться всѣми великими дарами щедрой жизни.

Въ связи съ вопросомъ о нравственности, я доженъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія къ раньше сдѣланной характеристикѣ женщинъ Декамерона. Къ ея глубокой лживости, главной чертѣ характера, надо присоединить продажность; это авторъ осуждаетъ. Женщина даетъ себя убѣдить не только болѣе или менѣе сильной любовной діалектикой, но и обѣщаніемъ заплатить; разъ отдавшись интригѣ, хотя бы и не вызванной жаждой чувства, а только движимая корыстолюбіемъ, женщина только и думаетъ объ удачѣ: это служитъ лучшимъ утѣшеніемъ, если вмѣшается совѣсть. Великій апологетъ чувственной любви, Боккаччіо порицаетъ продажность, это ясно видно изъ тона

новеллъ о куртизанкахъ; рядомъ съ ними мужчины чище, благороднѣе и умнѣе.

Новелла о Николо-ди-Гиньяно (VIII, 10) рисуетъ превосходство мужчины, полюбившаго не заслуживающую искренней привязанности куртизанку; она старается его обмануть и воспользоваться его богатствомъ. Ея продѣлки не оправдываются ни любовью, ни жаждой наслажденія, и она терпитъ неудачу; мадонна Янкофіоре, обманувшая Салабатто, дѣлается жертвой собственной жадности. Необыкновенно остроумную шутку сыгралъ Гульфардо (VIII, 1) надъ корыстолюбивой донной Гаспаруолло; взявъ у ея мужа взаймы деньги, онъ уславливается съ ней заплатить такой же суммой за ея любовь. Вручивъ ей черезъ нѣкоторое время по договору деньги, Гульфардо заявляетъ Гаспаруолло, что долгъ отданъ его женѣ; та не могла ничего возразить и отдала деньги мужу.

Къ числу непривлекательныхъ, не пользующихся симпатіями автора лицъ принадлежитъ типъ женщины сводни (V, 10); это была святоша, игравшая свою скверную роль подъ аккомпанементъ душеспасительныхъ разговоровъ. Женщина отличается спесивостью, какъ наприм., богатая и знатная теща купца Берлинчіеро, упрекающая бѣдняка въ его скромномъ происхожденіи (VII, 8), или племянница Фреско (VII, 8).

Смѣлой и искусной сатирой обличаетъ Боккачіо представителей духовенства. Онъ рисуетъ ихъ и въ будничной обстановкѣ, гдѣ они оказываются ничуть не лучше остальныхъ обывателей, и при исполненіи своихъ обязанностей, гдѣ они падаютъ нравственно очень низко. Монахи и священники отличаются жадностью, корыстолюбіемъ, цинизмомъ: это сборище порочныхъ и невѣжественныхъ шарлатановъ; ихъ маска внѣшняго благочестія совсѣмъ прозрачна, и легко увидѣть ихъ истинныя лица.

Своимъ высокимъ званіемъ представители духовенства пользуются для самыхъ низкихъ цѣлей; они гипнотизируютъ авторитетомъ св. Писанія простодушныхъ людей, открывая себѣ путь для продѣлокъ и обмановъ. Особенно легко подпадаютъ подъ ихъ вліяніе женщины, ничтожный запасъ нравственныхъ и логическихъ силъ которыхъ не долго сопротивляется софизмамъ и безстыдству святыхъ отцовъ.

Братъ Ринальдо (VII, 3) съ помощью самой жалкой аргументаціи разбиваетъ всѣ сомнѣнія своей кумы; она соглашается съ его настойчивыми требованіями, и затѣмъ вмѣстѣ съ братомъ Ринальдо убѣждаетъ мужа, что святой отецъ заговаривалъ глистовъ у ея ребенка,

и потому очутился въ спальнѣ. Интересно отмѣтить эту изумительную нравственную гибкость и воспріимчивость, съ какой женщина отлично выполняетъ планъ самой беззастѣнчивой лжи. Приходскій священникъ изъ Варлунга (VIII, 2) соблазняетъ мадонну Бельколоре обѣщаніемъ заплатить ей 5 лиръ, а затѣмъ обманываетъ ее въ этомъ. Женщина наказана за продажность, какъ и выше отмѣчено.

Братъ Чиноло (VII, 10) показываетъ крестьянамъ угли, на которыхъ изжарили Санъ-Лоренцо. Этимъ онъ разрушаетъ козни двухъ горожанъ, укравшихъ у него перо ангела, ради котораго и собрались крестьяне; вмѣсто пера шутники положили нѣсколько угольковъ, но братъ Чиноло, какъ мы видѣли, вышелъ изъ затрудненія. Духовныя лица часто проявляютъ находчивость и остроуміе, но лишь поскольку это допускаетъ довѣрчивость простаковъ. Св. отцы стращаютъ людей Люциферомъ, подобно попу изъ Варлунга, добившемуся такимъ путемъ удовлетворенія чувственныхъ желаній.

Будучи крайне порочны, представители духовенства не прощаютъ этого другъ другу. Укажу на настоятельницу монастыря, спавшую со священникомъ, когда ей доложили, что одна изъ монахинь проводитъ время съ любовникомъ. Торопясь поймать молодую монахиню на мѣстѣ преступленія, настоятельница накинула на голову панталоны священника, и въ такомъ видѣ явилась къ ней въ келью; послѣдняя скоро замѣтила оплошность настоятельницы и прервала ея рѣчи словами: „подвяжите чепецъ“.

Изображая пороки духовенства, Боккаччіо не обрушивается на нихъ, не осуждаетъ; если монаху удается хитрость, если онъ утоляетъ жажду обладанія, авторъ не относится къ нему строже, чѣмъ къ другимъ героямъ. Въ священнослужителяхъ онъ видитъ прежде всего людей, надѣленныхъ всѣми человѣческими стремленіями. И въ нихъ говоритъ природа, предъявляетъ свои требованія молодость и любовь. Въ великой своей снисходительности Боккаччіо прекрасно показалъ, какъ безсильны дряхлые пережитки средневѣковья передъ красотой и обольщеніями чувства. Отъ экзальтированнаго, искренняго благочестія древнихъ христіанъ представители церкви въ эпоху Возрожденія сохранили только пустыя лицемѣрныя слова. „Дѣлайте то, что мы говоримъ, и не дѣлайте того, что мы дѣлаемъ“—вотъ принципъ изображенныхъ въ Декамеронѣ монаховъ и священниковъ.

Боккаччіо самъ въ молодые годы былъ похожъ на разсказчиковъ своихъ новеллъ, восторгался всѣмъ изящнымъ, смѣлымъ, остроумнымъ во имя язычески свѣтлаго культа любви. О томъ, какую роль

играетъ религія въ жизни людей, интересно говоритъ Панфило въ 1-й новеллѣ: предупредивъ общество, что повѣдаетъ объ одномъ изъ удивительнѣйшихъ чудесъ Бога, чтобы слушатели восхвалили Имя Его, Панфило разсказываетъ, какъ великій богохульникъ, воръ и ростовщикъ Чіапелетто, обманувшій даже на смертномъ одрѣ своего духовника, пріобрѣтаетъ послѣ смерти славу святого, и донынѣ онъ творитъ много чудесъ, „что доказываетъ безграничную благость Господа, принимающаго молитвы даже при посредствѣ такого субъекта“... Здѣсь ясно выступаетъ ироническое отношеніе къ церкви, въ чемъ Боккаччіо каялся впослѣдствіи, въ старости, въ моментъ ослабленія жизненныхъ силъ, устрашенный мыслью о смерти.

Посвящая такъ много красокъ, такъ много вдохновенія чувственной любви, обладанію, Боккачіо знаетъ и чувствуетъ ея поэзію, ея мечты, ея восторги. Неподдѣльнымъ высокимъ тріумфомъ полны баллады, которыя поются въ концѣ каждаго дня по желанію короля или королевы. Страстная мольба богу любви звучитъ въ канцонѣ Елизы (VI, 3). Мучимая смѣной сомнѣній и надеждъ, она рисуетъ прекрасную картину своей смятенной души. Вотъ лучшее мѣсто въ балладѣ; эти стихи льются, какъ слезы.

Le prieghi miei tutti glien porto il vento
Nullo n'ascolta né ne vuole udire
Per che ognora cresce il mio tormento,
Onde l'viver m'e noia né so morire.

Въ пѣснѣ Неифилы (IX, 10) передано свѣтлое, безоблачное настроеніе дѣвушки, съ пѣснями собирающей на зеленомъ полѣ цвѣты, съ душой, полной до краевъ любовью, нѣжной и мечтающей. Она сплетаетъ гирлянды цвѣтовъ, вглядывается въ тѣ изъ нихъ, которые больше напоминаютъ ей милый образъ, перевиваетъ зеленые стебли бѣлокурыми прядями своихъ волосъ. И мечты ея воздушны и нѣжны, какъ ароматъ полей, какъ юная улыбка весны.

Jo mi son giovinetta e volontieri
m'allegro e canto en la stagion novella.

Такъ сложилъ Боккачіо свою удивительную мозаику любовныхъ мотивовъ. Онъ собралъ всѣ осколки сказокъ, побасенокъ, легендъ у всевозможныхъ жонглеровъ и менестрелей, объединилъ многоголосый хоръ въ одну звонкую пѣсню.

Декамеронъ часто противополагаютъ Comedia divina Данте. Будучи глубоко противоположнымъ ей по структурѣ, идеѣ и настроеніямъ, Декамеронъ имѣетъ много общаго съ Божественной Комедіей въ глу-

бинѣ художественнаго зрѣнія, въ богатствѣ средствъ, въ гигантской творческой силѣ. Смѣшное и трагическое, низкое и возвышенное, ненависть и любовь отражены въ великой Человѣческой Комедіи во всей полнотѣ. Два великихъ изобразителя міра, Данте и Боккаччіо разомъ охватили его огромное сердце, подслушали его могучее біеніе и повѣдали міру.

Боккаччіо пробилъ ледъ равнодушія къ народнымъ сюжетамъ, научилъ любить и понимать ихъ, указалъ пріемы новаго творчества. Естественно, что послѣ него возникло много произведеній, въ которыхъ болѣе или менѣе удачно шли художники по новому пути. Слава Боккаччіо перешла предѣлы Италіи, и за границей новеллы вызвали исключительный восторгъ.

Въ 1545 году въ Парижѣ появился переводъ Декамерона на французскій языкъ. Сдѣланъ онъ былъ при ближайшемъ участіи Маргариты, королевы Наваррской[1]). Мотивирована воля королевы желаніемъ повысить нравственный уровень французскаго общества. Такимъ образомъ книга, которой Боккаччіо самъ стыдился за ея фривольное содержаніе, должна была очищать нравы парижанъ. Декамеронъ имѣлъ во Франціи громадный успѣхъ. Въ одномъ XVI стол. книга выдержала свыше 10 изданій. Такой колоссальный успѣхъ вызвалъ массу подражаній; наиболѣе значительной книгой въ этомъ родѣ является „Heptameron" Маргариты Наваррской. Увлеченная примѣромъ Боккаччіо, королева рѣшила создать подобное произведеніе на родной ей почвѣ[2]). Надо сказать, что высшее общество Франціи въ ту эпоху было подъ вліяніемъ итальянской культуры и искусства до такой степени, что P. Paris прямо заявляетъ: „L'Italie rayonnait sur la France et devenait pour elle ce que la Grèce avait été pour Rome aux siècles de l'Auguste et de Marc-Aurel". Pietro Tolldo разсказываетъ о томъ, какъ основывались въ Италіи научно-литературные кружки, гдѣ дамы принимали самое дѣятельное участіе, вели споры, дѣлились впечатлѣніями, разсказывали новеллы. Это послужило толчкомъ для образованія подобныхъ же собраній при дворѣ Франциска I; онъ зналъ итальянскій языкъ и преклонялся предъ молодой итальянской литературой.

Маргарита Валуа имѣла поэтому возможность познакомиться съ образованнѣйшими людьми полуострова, которые пользовались при

[1]) См. Pietro Tolldo: „La novella francese", p. 30.

[2]) Королева готовила даже драматическую постановку сценъ Декамерона при дворѣ; это не удалось по причинамъ политическаго характера.

дворѣ ея брата самымъ радушнымъ пріемомъ. Они внушили ей любовь къ итальянской поэзіи и, вѣроятно, давали читать Боккаччіо въ подлинникѣ, хотя впервые познакомилась королева съ его новеллами путемъ устныхъ пересказовъ. Королева оцѣнила художественныя достоинства Декамерона; какъ разъ въ это время ее волновали идеи протестантизма (который впослѣдствіи исчезъ въ ней безслѣдно). Поэтому королеву не оттолкнуло отъ Декамерона неуваженіе автора къ церкви и священникамъ, тѣмъ болѣе, что понимала она его какъ произведеніе глубоко нравственное, рѣзко обличительное.

Вопросу о протестантизмѣ королевы посвящена цѣлая полемика. Pietro Tolldo убѣдительно доказываетъ, что если Маргарита и склонялась въ сторону реформаціи, то недолго, и къ концу жизни сдѣлалась ревностной католичкой. Въ Гептамеронѣ есть новеллы, которыя приводятся часто какъ доказательство протестантскихъ настроеній королевы, напр. новелла LXIII; но въ ней есть лишь нападки на духовенство, какія встрѣчаются во всемъ произведеніи. Въ новеллѣ разсматривается, какъ одна старушка хотѣла прилѣпить въ темной часовнѣ свѣчу ко лбу забравшагося туда и заснувшаго солдата, принимая его за монументъ. Чтобы растопить воскъ, она поднесла ко лбу монумента огонь. Солдатъ, конечно, проснулся и закричалъ во весь голосъ; старуха испугалась и тоже закричала: „Чудо, чудо!“ Когда дѣло разъяснилось, священникъ былъ недоволенъ тѣмъ, что не удалось извлечь изъ этого никакой выгоды.

Гептамеронъ, несомнѣнно, находится въ самомъ близкомъ отношеніи къ новелламъ Боккаччіо; въ этомъ признается сама королева. Единственно въ чемъ, по ея словамъ, она расходится съ Боккаччіо, это въ требованіи довѣрія къ ея новелламъ, какъ дѣйствительнымъ фактамъ. Она говоритъ, что каждый разсказчикъ передавалъ лишь то, что видѣлъ самъ или слышалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ. „Chacun des dix deviseurs doit dire quelque histoire qu'il aura veue ou bien ouy dire à quelque homme digne de foy“...

Pietro Tolldo относится къ этому съ недовѣріемъ, такъ какъ сюжеты большинства новеллъ представляются заимствованными у различныхъ авторовъ, прежде всего у Боккаччіо. Gaston Paris возражаетъ въ своей рецензіи на книгу Tolldo [1]), что сходство сюжетовъ вовсе не говоритъ о заимствованіи: нѣсколько авторовъ могли почерпнуть одинъ и тотъ же мотивъ въ устной традиціи, даже не зная о существующей

[1]) См. „Journal des savants“ 1845, juin.

уже обработкѣ. Но принадлежность того или иного сюжета народной литературѣ уже заставляетъ сомнѣваться въ дѣйствительности разсказа. Поэтому утвержденіе Гастона Париса, что королева не помѣстила въ своей книгѣ ни одной исторіи, достовѣрности которой не вѣрила сама, не можетъ быть принято: слишкомъ наивной считаетъ Г. Парисъ королеву.

Теоретически можно отнести начало составленія сборника Маргариты Наваррской приблизительно къ 1545 году, именно къ моменту появленія перевода Декамерона на французскій языкъ, и вотъ по какимъ соображеніямъ: говоря о прерванной работѣ, королева пишетъ въ предисловіи: „Mais les grandes affaires depuis survenues au roi, aussi la pais entre lui et le roi d'Angleterre, et l'accouchement de madame de Dauphine... ont fait mettre ens oubli du tout cette entreprise (представленіе Декамерона). Роды Дофины (Екатерины Медичи) разрѣшились 3-го января 1543 года; миръ Франціи и Англіи заключенъ въ 1546 году. Ясно, что въ это время, т. е. между 43 и 46 годомъ и былъ начатъ трудъ составленія Гептамерона. Нѣсколько новеллъ, какъ и у Боккаччіо, были написаны, впрочемъ, раньше, до изданія полнаго тома.

Начинается книга Маргариты Валуа, подобно Декамерону, описаніемъ стихійнаго бѣдствія: во время съѣзда больныхъ въ Пиренейскихъ горахъ въ Comdère случилось наводненіе. „Il sembloit que Dieu eût oublié la promesse qu'Il avait fait à Noè de ne détruire plus le monde". Нѣсколько дамъ и джентльменовъ, незнакомыхъ съ направленіемъ дорогъ, стали искать путей изъ Comdère. Но всѣ маленькіе ручьи превратились въ бурные потоки, и перейти ихъ въ бродъ было немыслимо. Послѣ многихъ приключеній, когда инымъ едва удалось избѣжать объятій медвѣдя, инымъ—спастись отъ разбойниковъ, они собрались вмѣстѣ въ монастырѣ Notre-Dame de Serrance. Тамъ они встрѣтили самый радушный пріемъ со стороны настоятеля, который предложилъ имъ оставаться въ монастырѣ сколько угодно времени. Рѣки разлились еще сильнѣе; путешественники рѣшили строить мостъ, наняли рабочихъ, которые объявили, что на постройку потребуется 10—12 дней. Опечаленные гости рѣшили придумать себѣ развлеченіе. Остановились на чтеніи св. Писанія; затѣмъ къ этому прибавились разсказы новеллъ-былей для сборника королевы Наваррской, которой якобы не удалось сдѣлать это самой за недостаткомъ времени. Каждый день отъ полудня до 4-хъ часовъ рѣшено проводить на тѣнистой лужайкѣ, гдѣ деревья такъ густы, что солнце не въ силахъ

разсѣять ихъ тѣни. Уже въ этихъ деталяхъ ясно намѣченъ путь близкаго слѣдованія Декамерону. Королева готовила 100 новеллъ: въ предисловіи 8-го дня сказано, что повѣствованіе должно продолжаться еще 2—3 дня, такъ какъ мостъ еще не оконченъ. Число собесѣдниковъ въ Гептамеронѣ то же, что у Боккаччіо; только дамъ и мужчинъ здѣсь поровну. Существуетъ теорія, что въ лицѣ собесѣдниковъ Маргарита изобразила членовъ своего кружка; въ лицѣ m-me Oisille она будто бы изобразила самое себя. Это возможно, но подробное разсмотрѣніе вопроса выходитъ за предѣлы темы. Далѣе, композиція произведенія слѣдуетъ въ огромной своей части Декамерону. Каждый день объявляется руководящая тема разсказовъ. Сравнимъ планы нѣсколькихъ дней въ обоихъ произведеніяхъ, какъ это рекомендуетъ P. Tolldo.

Heptameron II j. En la deuxieme journée on devise de ce qui promptement tombe à la fantaisie de chacun.

Decamerone I g. Sotto il regimento di Pampinea si ragiona di quelle que più aggrada à ciascheduno.

Heptameron VI j. On devise des tromperies qui se sont faicte d'homme à femme ou de femme à homme ou de femme à femme par avarice, vengeance et malice.

Decam. 8 g. Sotto il regimento di Sametta si ragiona di quelle beffe che tutto il giorno o donna al uomo o uomo à donna, o l'uno uomo all altro si fanno.

Hept. 8 j. On devise des plus grandes et des plus veritables folies dont chascun se peut aviser.

Decam. 9 g. Nella quale sotto il regimento d'Emilia si ragiona ciascuno secondo che gli piace e di quello, che più gli aggrada.

Можно указать еще на большое сходство плановъ I и V дней съ VII и X. Кромѣ того, подобно молодымъ людямъ Боккаччіо, участники собраній въ Гептамеронѣ всѣ ревностные католики; они выполняютъ молитвенные обряды, слушаютъ чтеніе св. Писанія, что не мѣшаетъ имъ въ разсказахъ и обсужденіяхъ новеллъ діаметрально расходиться съ требованіями морали. Подобіе наблюдается и въ характеристикахъ членовъ общества въ томъ и другомъ произведеніи. Это показано у Tolldo съ помощью Carducci.

Dio neo che fa ridere la comitiva coi suoi liberi racconti ed è *oltre ad ogni altro piacevole e ojiovane e pieno di motti*; *la tenera Fiametta*, *Pampinea*, *magiore d'anni e di piu severo giudizio*, *Filostrato*, *Filomela*, *Elisa*, *Emilia*, *Lauretta e weifile heldiviso stile dei loro rac-*

conti, nella diversa scelta degli argomenti, nonchè nei commenti a questi, rappresentano alcuno patetiche e gravi, altre libere e allegre [1]).

Такія же приблизительно характеристики наблюдаются и у разсказчиковъ Маргариты. Парламента—самая краснорѣчивая въ обществѣ; она особенно вдохновляется, когда рѣчь идетъ о любви; ей нравятся больше всего новеллы патетическаго характера, она вѣритъ въ женскую добродѣтель. Oisille—религіозна, ея глаза направлены къ небу, она всегда готова произносить религіозныя поученія. Enorsuite названа у Tolldo „La pecora Segnata" всей компаніи; дѣйствительно, она нуждается въ надзорѣ; Nomerfide—„le coeur joieux" бѣжитъ отъ печали, смѣется надъ нравственностью; ея разсказы свободны, вызывающе-циничны. Грубый, проповѣдующій насиліе Гирканъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ сентиментальнымъ Дагусеномъ, безкорыстнымъ защитникомъ прекраснаго пола.

Относительно Гиркана и Дагусена я долженъ оговориться: думаю, что они менѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствуютъ участникамъ Декамерона; у перваго слишкомъ грубы инстинкты, онъ поражаетъ своимъ звѣрскимъ, грубо-чувственнымъ направленіемъ; онъ отказывается понять человѣка, который не совершаетъ насилія, если ему отказываетъ женщина; въ немъ замѣтно какое-то юнкерское удальство—завладѣть женщиной во что бы то ни стало, хотя бы заглушая ея крики о помощи. У Дагусена же, наоборотъ,—слишкомъ ярко выражены рыцарство и сентиментальность. Въ обоихъ произведеніяхъ группа молодыхъ, полныхъ жизни и силъ людей бѣжитъ отъ стихійнаго бѣдствія и въ изящныхъ и игривыхъ бесѣдахъ старается забыть обо всѣхъ оставленныхъ ужасахъ. Подобно Декамерону, новеллы Маргариты Валуа разнообразны по содержанію, захватываютъ огромный кругъ лицъ самыхъ различныхъ слоевъ общества. Но ширина поля зрѣнія у королевы значительно уступаетъ Декамерону. Число дѣйствующихъ лицъ меньше въ новеллахъ королевы; любовь очерчена грубѣе, она чаще принимаетъ форму насилія, тогда какъ размѣры и глубина чувства въ нѣкоторыхъ новеллахъ неестественны. Любовь здѣсь сдавлена всѣми условностями и стѣсненіями современнаго королевѣ общества. Свобода нравовъ, легкомысленная жажда наслажденій уживается съ самыми строгими требованіями приличій, сословныхъ и иныхъ отношеній. Герои Декамерона не боятся молвы, не стараются скрыть отъ другихъ своего позора, разъ обстоятельства къ нему привели.

---

[1]) Курсивомъ отмѣчены слова Carducci, см. Pietro Tolldo p. 55.

Достаточно вспомнить, какъ часто у Боккаччіо за честь замужней сестры вступаются братья, или какъ часто въ любовной драмѣ или просто въ скандалѣ принимаютъ участіе сосѣди. Развратные герои Маргариты Наваррской прежде всего берегутъ свое доброе имя, не говоря уже о томъ, что отъ ихъ понятій о вопросахъ чести вѣетъ самымъ затхлымъ средневѣковьемъ. Итальянскій герцогъ (Hept., nov. 48), узнавъ, что его сынъ любитъ дѣвушку изъ хорошей, но не знатной семьи, приходитъ въ такую ярость, что теряетъ всякое подобіе человѣческое. Когда дошло до него, что дѣвушка осмѣлилась получить письмо отъ его сына, ярости его нѣтъ границъ: путемъ обмана онъ заманиваетъ несчастную дѣвушку во дворецъ и тамъ велитъ ее повѣсить.

Въ новеллѣ 43-й компаньонка знатной дамы полюбила одного дворянина, но приличія, боязнь уронить себя въ глазахъ принцессы заставили ее скрывать свое чувство. Она передала черезъ кого-то дворянину приглашеніе явиться на свиданіе въ бесѣдку и сама пришла, закрывъ лицо покрываломъ... Такъ, неузнанная любовникомъ, хотѣла она продолжать интригу, запретивъ дворянину узнавать себя. На одномъ изъ свиданій онъ сдѣлалъ ей на плечѣ мѣломъ крестъ. Хитрость удалась: въ залъ входитъ Камилла съ такимъ надменнымъ видомъ, что дворянинъ не могъ имѣть и тѣни подозрѣнія, будто передъ нимъ та, которая дарила въ бесѣдкѣ жгучіе поцѣлуи; но на ея плечѣ красовался бѣлый крестъ: дворянинъ признался ей въ любви, напомнилъ свиданья въ бесѣдкѣ... Камилла пришла въ негодованіе; за это оскорбленіе „честной женщины" она отомстила дворянину: разсказала о „дерзости дворянина" принцессѣ, и тотъ долженъ былъ покинуть замокъ... Камилла сдержала свое слово: онъ сейчасъ же ее потерялъ, какъ только узналъ...

Замѣчательно то, что въ новеллахъ Маргариты Наваррской женщины почти никогда не измѣняютъ мужу, если онъ самъ не создаетъ для этого болѣе чѣмъ благопріятной обстановки. Въ новеллѣ 15-й обманутая жена отплачиваетъ тѣмъ же своему мужу. Въ новеллѣ 25-й и 29-й молодыя жены отдаются вихрю веселья, чтобы забыть большое горе: онѣ не имѣли дѣтей. Въ новеллѣ 32-й есть для женщины если не нравственное, то физіологическое и психологическое оправданіе: мужъ отправился въ путешествіе, и она оставалась одна. Къ тому же мужъ былъ такимъ извергомъ, который не могъ долго внушать любовь. Предсѣдатель суда (нов. 36) былъ старъ, и измѣна его молодой, красивой жены всячески понятна. Только въ новеллахъ

25-й и 58-й мужья не виноваты въ паденіи своихъ женъ: въ первомъ случаѣ играетъ роль краснорѣчіе монаха, во второмъ развращенность женщины.

Женщины Гептамерона способны на великодушный, высоконравственный поступокъ чаще, чѣмъ это бываетъ въ новеллахъ Боккаччіо. Новелла 19-я разсказываетъ, какъ двое влюбленныхъ, не имѣя возможности посвятить свою жизнь другъ другу, постриглись въ монахи; по поводу этой новеллы между собесѣдниками возникаетъ споръ. Гедронъ сказалъ, что они сумасшедшіе люди, такъ какъ можно было бы хоть разъ утолить любовную жажду. Парламента возражаетъ, что любовь не въ одномъ чувственномъ обладаніи, что высшая, совершеннѣйшая форма ея есть приближеніе къ идеальному, къ Богу; и чувственныя наслажденія лишь унижаютъ, грязнятъ идеалъ. Дагусенъ добавляетъ, что признаетъ не только платоническую, но и безмолвную любовь... Въ новеллѣ 21-й данъ примѣръ платонической любви со стороны женщины; мужчина здѣсь играетъ некрасивую роль: его интересовало приданое дѣвушки. Такимъ образомъ здѣсь продажность—свойство не чуждое мужчинѣ. Въ новеллѣ 26-й дама не открываетъ своихъ чувствъ къ юношѣ до самой смерти, чтобы ни на одно мгновеніе не измѣнить мужу. Новелла 2-я разсказываетъ объ огромномъ терпѣніи женщины, подвергшейся истязаніямъ въ борьбѣ съ пристававшимъ къ ней мужчиной; послѣдній похожъ больше на звѣря, чѣмъ на человѣка: послѣ тяжкихъ побоевъ, полумертвую, онъ изнасиловалъ ее, и черезъ нѣсколько минутъ она скончалась. Въ 32-й новеллѣ женщину мучитъ раскаяніе въ измѣнѣ мужу, и она терпитъ безропотно наказаніе. Знатная француженка (37) кротостью и смиреніемъ исправляетъ своего безпутнаго мужа [1]); при чемъ его измѣну со служанкой она называетъ „грязью"',—вотъ, чего никогда не говорятъ въ Декамеронѣ. Ни любовь, ни чувство не можетъ быть грязнымъ по понятіямъ автора ста новеллъ.

Новелла 59-я изображаетъ постоянство въ любви одной дамы изъ Бургундіи къ канонику [2]). О постоянствѣ и глубокой любви говорятъ также новеллы 64-я и 65-я.

Женщина у королевы Наваррской отличается рѣзкой насмѣшливостью. Новелла 52-я разсказываетъ, какъ дама, замѣтившая, что мужъ цѣлуетъ служанку, разразилась смѣхомъ и не хотѣла объяснить смущенному мужу причину его. Дама при дворѣ Франциска I

[1]) Похожа на новеллу 42-ю.

[2]) Мужъ былъ занятъ больше своимъ благосостояніемъ, чѣмъ женой.

устроила такъ, что любовника, пробиравшагося ночью въ ея комнату, приняли за вора: поднялся крикъ, разыгрался скандалъ; она хотѣла отомстить молодому человѣку за его увлеченія другими женщинами. Въ новеллѣ 57-й въ комическое положеніе попадаетъ дворянинъ, увлекшійся служанкой; въ другой новеллѣ служанка заставляетъ своего господина надѣть ея платье, а сама идетъ за женой и приводитъ ее въ кухню.

На ряду со строгой нравственностью, цѣломудріемъ (nov. 5), героическимъ отношеніемъ ко всему грязному въ любви, въ новеллахъ королевы есть женщины грубо-чувственныя, хитрыя, злыя. Злость можетъ принимать особенно большіе размѣры. Дама (nov. 69), которой осталось жить нѣсколько минутъ, замѣтила, что мужъ, схвативъ служанку, бросилъ ее на постель. Отъ гнѣва умирающая проглотила катарральную мокроту, душившую ее, и разразилась бранью. Послѣ этого она стала выздоравливать и въ концѣ концовъ оправилась совершенно.

У Боккаччіо—любовь сильнѣе смерти, у Маргариты Наваррской—злость...

Болтливость женщины интересно показана въ новеллѣ 60-й: дама разсказываетъ исторію фривольнаго содержанія. Въ концѣ новеллы разсказчица, говоря о рыцарѣ, неловко зацѣпившемъ за простыню и стащившемъ послѣднюю съ кровати, воскликнула: „Никогда не была я такъ поражена, какъ оставшись совершенно голой!“

Мужчины Гептамерона порой высоко-нравственны, скромны, беззавѣтно и глубоко любятъ, порой (чаще послѣднее) циничны, грубы, склонны къ насилію. Послѣднее качество для нихъ особенно характерно. Можно привести много примѣровъ, гдѣ мужчины, не справляясь съ желаньемъ дамы, иногда и противъ ея желанія, стремятся къ обладанію, ложатся въ постель отвергнувшей ихъ ласки женщины, совершаютъ насиліе, иногда послѣ тяжкихъ истязаній (2). Въ этомъ направленіи пальма первенства принадлежитъ духовенству. Оно очерчено у королевы особенно рѣзко; кажется, знаніе религіозныхъ догмъ и св. Писанія только развратило ихъ. Монахи именемъ Бога совращаютъ дѣвушекъ (50 nov.), увлекаютъ чужихъ женъ (35), прикрываясь фразами о св. Духѣ, совершаютъ грѣхъ кровосмѣсительства (33) и вообще при каждомъ удобномъ случаѣ стремятся удовлетворить самымъ низменнымъ страстямъ. Иногда они платятся за свои продѣлки (5), не причинивъ большого вреда, иногда совершаютъ тяжкія преступленія, доходящія до звѣрства.

Въ новеллѣ 31-й монахъ не задумывается убивать направо и налѣво, отличаясь при этомъ хладнокровіемъ бандита, чтобы совершить насиліе надъ женщиной; и потомъ, когда возвращается мужъ, монахъ проявляетъ массу самообладанія. Новелла поражаетъ нагроможденіемъ ужасовъ, жестокости и чувственности самаго низкаго сорта.

Такъ очерчены королевой монахи. Здѣсь сказалось коренное идейное отличіе ея произведенія отъ Декамерона Боккаччіо. Итальянскій новеллистъ говоритъ, что монахи—люди, что въ нихъ кипятъ тѣ же стихійныя желанія, тѣ же волненія горячей крови, что и у насъ. Королева Наваррская выступила безпощаднымъ обличителемъ духовенства, сгустила краски и перешла границы художественной правды. Въ пламенномъ негодованіи своемъ, она хочетъ очистить церковь отъ преступнаго элемента, который на ея взглядъ единственно препятствуетъ благотворному вліянію и роли религіи.

Вотъ въ главныхъ чертахъ картина сходства и различій двухъ произведеній. Талантливая писательница, намѣренно подражая въ своихъ новеллахъ геніальному автору „Человѣческой комедіи", во многомъ разошлась съ нимъ, отдавая дань времени, средѣ и убѣжденіямъ.

Здѣсь не мѣсто говорить о многихъ другихъ вліяніяхъ [1]); это сдѣлалъ съ извѣстной полнотой P. Tolldo въ своей книгѣ, которую я уже не разъ цитировалъ въ этой статьѣ. Въ Гептамеронѣ отразилось это смѣшеніе тонкаго и грубаго, благочестія и безнравственности, реформаторскихъ идей и католическаго фанатизма, энтузіазма и равнодушія, все, что несогласнымъ потокомъ кипѣло въ умахъ лучшихъ людей Франціи XVI вѣка. Эта туманная эпоха противоположныхъ вѣрованій и теченій еще не разгадана исторіей. Красотѣ и силѣ новеллъ много повредило это обиліе противорѣчивыхъ вліяній, которыя заслонили живой источникъ народной поэзіи отъ глазъ королевы. Поэтому въ ея новеллахъ нѣтъ той свѣжести и стихійной, наивной поэзіи, которая такъ подкупаетъ въ Декамеронѣ. Ея новеллы больше похожи на анекдоты. Не звучитъ въ нихъ одной широкой волной гимнъ всемогущему, вѣчно-юному богу любви; высокая проповѣдь долга, морали и религіи не удалась. Есть только нерѣшенная борьба силъ центробѣжныхъ, то полузадушенная, то грубо вырвавшаяся изъ цѣпей природа человѣка, измятая, лишенная юной и чистой поэзіи. Любовь, которую не въ силахъ убить никакія

[1]) P. Tolldo показываетъ, а O. Paris въ извѣстной мѣрѣ подтверждаетъ вліяніе C. N. N. Marbius, Cornarrano, Macuccio, Paggio, Bandello.

установленія, то принимаетъ среди роскоши и изысканности самые грязные, животные оттѣнки, то направляется къ аскетизму, къ мукамъ платонической любви, насильственному замиранію ея немолчной пѣсни.

Мужчины и женщины то раскрываютъ другъ другу объятія въ темнотѣ, или съ завязанными глазами (во что обращается тогда любовь!), то въ монастырѣ хоронятъ живое чувство. Принимая Декамеронъ за произведеніе рѣзко обличительное, королева пошла въ своемъ подражаніи по ложной дорогѣ, и нѣтъ у нея ни любовнаго изображенія быта, ни жизнерадостнаго смѣха, ни тысячеголосаго хора любовнаго гимна.

Въ числѣ многихъ путей и перепутій, открытыхъ геніальнымъ итальянскимъ новеллистомъ, королева не смогла послѣдовать одному, въ потокѣ измѣнчивыхъ красокъ, звуковъ и настроеній, въ сплетеніи мрачнаго и свѣтлаго, радостнаго и трагическаго — подслушать и передать единый тонъ волнующейся жизни, отдаться созерцанію великаго горѣнія любовнаго пламени, которое бросаетъ неизгладимый отблескъ на душу человѣка. Королева не вѣритъ, какъ Боккаччіо, что любовь очищаетъ, облагораживаетъ, утончаетъ духъ, что въ ней залогъ совершенства человѣка, его счастья, его вѣчной молодости.

Декамеронъ, созданный беззаботнымъ, юношески свѣтлымъ поэтомъ, открылъ новый источникъ живой красоты: любовь, во всѣхъ формахъ, со всѣми капризами страсти, со всѣми изломами настроеній; послѣ него стали черпать художники изъ вновь открытаго источника, и до сихъ поръ поднятая имъ волна не уснула.

Но никогда не удастся повторить Декамеронъ. Только геніальному поэту, и только одинъ разъ, дано изобразить „Человѣческую комедію“ на фонѣ Италіи, гдѣ до сихъ поръ, при свѣтѣ брилліантовыхъ слезъ синей бархатной ночи, влюбленные поютъ серенады, а днемъ солнце безъ расчета, какъ безумный художникъ, тратитъ краски своей золотой палитры.

С. Новиковъ.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ [1]).

Если мы послѣ сдѣланныхъ разъясненій невозможности ограничивать значеніе отрицательныхъ сужденій исключительно устраненіемъ ложныхъ утвердительныхъ сужденій обратимся къ Миллеву признанію, что отрицательныя предложенія „не имѣютъ никакого другого смысла и значенія“ кромѣ ложности утвердительныхъ предложеній, то увидимъ, что здѣсь ошибка идетъ гораздо далѣе. Милль говоритъ не о значеніи только, какое могло бы имѣть для знанія отрицательное предложеніе, но и о самомъ его смыслѣ; онъ высказываетъ увѣренность, что въ этомъ предложеніи и „ничего не утверждается“ кромѣ этой ложности. И здѣсь со стороны Милля нѣтъ и не можетъ быть никакой случайной оговорки или случайной неточности. Вѣдь здѣсь рѣчь идетъ у него о такой замѣнѣ одной формулы закона противорѣчія другою формулою, которая не должна нуждаться ни въ какомъ обоснованіи кромѣ точнаго опредѣленія смысла, соединяющагося съ словесными терминами; а чтобы такимъ путемъ получилось право поставить въ законѣ противорѣчія на мѣсто отрицательнаго предложенія предложеніе, утверждающее ложность предложенія утвердительнаго,—для этого, конечно, необходимо, чтобы терминъ „утвержденіе ложности утвердительнаго предложенія“ совершенно точно выражалъ тотъ смыслъ, который въ общемъ сознаніи соединяется съ терминомъ „отрицательное предложеніе“.

Смыслъ термина опредѣляется случаями, въ которыхъ онъ употребляется. Милль хорошо знаетъ, что если взять всѣ случаи отри-

[1]) *Окончаніе.* См. августовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1910 годъ.

цательныхъ сужденій по ихъ словесному составу, то единственной общей чертой ихъ окажется, какъ онъ самъ говоритъ, отрицаніе чего-нибудь о чемъ-нибудь или, по его же собственному объясненію термина „отрицать“, утвержденіе отсутствія опредѣленнаго факта. Понятно, что съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи объ отожествленіи отрицательнаго предложенія вообще съ предложеніемъ, утверждающимъ ложность утвердительнаго. Этого не можетъ быть, если руководиться въ опредѣленіи смысла этихъ предложеній словеснымъ ихъ составомъ, просто потому, что въ опредѣленіе, которое должно обнимать всѣ случаи отрицательныхъ предложеній, соотвѣтственно ихъ словесному составу, совсѣмъ не входитъ представленіе объ утвердительномъ предложеніи какъ объ общемъ предметѣ всѣхъ этихъ сужденій, тогда какъ по опредѣленію Милля это именно представленіе и должно составлять тотъ предметъ, на квалификацію котораго непремѣнно направлено каждое отрицательное сужденіе. Поэтому Миллево полное отожествленіе по смыслу отрицательнаго предложенія съ утвержденіемъ ложности предложенія утвердительнаго само можетъ имѣть смыслъ только подъ тѣмъ предположеніемъ, что дѣйствительный смыслъ, соединяемый нами съ огромнымъ большинствомъ отрицательныхъ предложеній, точно не соотвѣтствуетъ ихъ словесному составу и что они представляютъ только условное выраженіе для того смысла, который точно выражается терминомъ „утвержденіе ложности утвердительнаго предложенія“.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что убѣжденіе въ ложности того или другого утвердительнаго предложенія только въ томъ случаѣ и возможно, когда установлено отрицательное предложеніе о томъ фактѣ, о которомъ говоритъ это утвердительное сужденіе; и поэтому безъ предварительной установки этого отрицательнаго предложенія утвержденіе ложности утвердительнаго предложенія даже и состояться не можетъ. Если въ ложности предложенія „a есть b“ нѣтъ средствъ убѣдиться, пока не установлено того отрицательнаго отношенія предиката a къ предикату b, которое выражается въ отрицательномъ сужденіи „a не есть b“, взятомъ по смыслу, опредѣляемому его словеснымъ составомъ, то отрицать смыслъ, непосредственно принадлежащій этому отрицательному сужденію, очевидно, значило бы не различать сужденія, состоящаго въ простомъ констатированіи отсутствія опредѣленнаго факта, отъ сужденія, устанавливающаго отношеніе между этимъ сужденіемъ и сужденіемъ, въ которомъ утверждается существованіе этого факта. А такъ какъ при

этомъ смѣшеніи прямо отрицается буквальный смыслъ утвержденія отсутствія факта, то этимъ отрицается наличность того условія, при которомъ единственно получается утвержденіе ложности того или другого утвердительнаго сужденія.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что самому Миллю при разъясненіи имъ своего взгляда на значеніе индукціи для доказательства закона противорѣчія приходится ссылаться на факты дѣйствительности, выражаемые не утвердительными только, но и отрицательными сужденіями (равенство—неравенство, движеніе—покой, звукъ—безмолвіе), а не на сужденія объ истинности и ложности положеній, въ которыхъ говорится объ этихъ фактахъ. И замѣчательно, что самъ Милль, характеризовавшій, какъ мы видѣли выше, отрицаніе какъ утвержденіе отсутствія, несуществованія факта, при точнѣйшемъ разъясненіи отрицательныхъ названій, примѣненіе которыхъ къ предмету предполагаетъ установку за предметомъ соотвѣтствующихъ имъ отрицательныхъ предложеній и которыя въ существѣ дѣла замѣняютъ въ рѣчи вводныя отрицательныя предложенія, со всею рѣшительностію утверждаетъ [1]), что необладаніе какимъ либо свойствомъ (т. е. отсутствіе факта принадлежности опредѣленнаго предиката опредѣленному предмету) есть также свойство и, слѣдовательно, можетъ получить названіе. Но если необладаніе свойствомъ есть также свойство, то какимъ же образомъ точное формулированіе знанія о немъ само не можетъ имѣть никакого смысла и должно непремѣнно выражать нѣчто другое, хотя бы и стоящее съ нимъ въ логической связи, именно несогласіе съ дѣйствительностію предложенія, утверждающаго обладаніе этимъ свойствомъ? Здѣсь недоразумѣніе, очевидно, зашло слишкомъ далеко и переходитъ въ явное противорѣчіе Милля самому себѣ.

Въ этомъ взглядѣ Милля, очевидно, мы имѣемъ лишь примѣненіе къ отрицательнымъ сужденіямъ вышеизложеннаго Миллева взгляда на аналитическую очевидность. Миллево положеніе, что отрицательное предложеніе, утверждающее отсутствіе факта, ничего не утверждаетъ кромѣ ложности утвердительнаго предложенія и не имѣетъ никакого другого смысла и значенія, есть очевидный и характерный образчикъ примѣненія этого взгляда. Подлежащее этого предложенія, т. е. предложеніе, утверждающее отсутствіе этого факта, по этому взгляду, должно, очевидно, считаться простымъ словеснымъ терми-

[1]) Log., 1. 47; р. п. 1. 48.

номъ, а сказуемое, т. е. утвержденіе ложности утвердительнаго предложенія, должно представлять установку смысла этого термина, тогда какъ это подлежащее, какъ показано, имѣетъ свой особый отъ сказуемаго принадлежащій ему смыслъ и представляетъ собою то условіе, которое объясняетъ утвержденіе, заключающееся въ сказуемомъ, а поэтому связь между подлежащимъ и сказуемымъ должна устанавливаться чисто аналитически. Ошибка Милля, очевидно, коренилась въ недостаточномъ различеніи двоякаго рода предложеній, именно съ одной стороны такихъ предложеній, въ которыхъ подлежащимъ служитъ простой словесный терминъ, а сказуемое представляетъ разъясненіе этого термина съ помощью установившихся по своему значенію словъ, съ другой стороны такихъ, въ которыхъ какъ въ подлежащемъ, такъ и въ сказуемомъ термины обозначаютъ опредѣленныя нетожественныя другъ съ другомъ представленія, и предложеніемъ на основаніи сличенія содержанія этихъ представленій другъ съ другомъ устанавливается отношеніе между ними. Словесные термины, съ которыми соединяются въ этомъ процессѣ тѣ или другія представленія, правда, существенно важны для обмѣна мыслей между людьми и нерѣдко требуютъ точнѣйшей установки соединяемаго съ ними смысла, конечно, тамъ, гдѣ представляется вслѣдствіе какихъ либо причинъ опасность перетолкованія ихъ, и это можетъ требоваться даже для самаго процесса усмотрѣнія отношеній между представленіями въ качествѣ подготовительнаго акта; но въ самомъ процессѣ этого усмотрѣнія словесные термины, если и имѣютъ большое психологическое значеніе, насколько фиксируетъ вниманіе сознанія на этихъ представленіяхъ, но не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого въ собственномъ смыслѣ логическаго значенія, такъ какъ это усмотрѣніе опредѣляется содержаніемъ самыхъ представленій, а не словеснымъ ихъ выраженіемъ.

III.

Разсмотрѣнный дефектъ въ Миллевомъ пониманіи отрицательныхъ сужденій, интересный, конечно, и самъ по себѣ, никакъ не случаенъ. Онъ стоитъ въ связи съ крайними положеніями эмпиризма, а потому естественно ведетъ къ обслѣдованію этихъ положеній. Такъ какъ относительно многихъ признаваемыхъ за аналитическія сужденій Миллю казалось страннымъ говорить о необходимости опыта для ихъ обоснованія вслѣдствіе явной, повидимому, зависимости отношенія, въ которомъ въ нихъ ставятся другъ къ другу основныя понятія, то луч-

шимъ объясненіемъ ихъ, при отрицаніи всякой возможности умозрительнаго усмотрѣнія отношенія между понятіями, естественно казалось съ очевидностію усматриваемую связь между ними объяснять тѣмъ, что сказуемое представляетъ простое установленіе смысла термина подлежащаго. При этомъ, конечно, не бралось во вниманіе, что при обычномъ употребленіи термина подлежащаго, когда онъ берется не въ отношеніи къ аналитическому сужденію, не оказывается никакой нужды въ постоянномъ и неизбѣжномъ соединеніи съ нимъ представленія о томъ отношеніи его къ сказуемому, которое приписывается ему въ аналитическомъ сужденіи. Въ отожествленіи смысла отрицательныхъ сужденій съ утвержденіемъ ложности сужденій утвердительныхъ мы имѣемъ, очевидно, простое примѣненіе этого общаго взгляда къ отрицательнымъ сужденіямъ. Нельзя, однако, при этомъ не прибавить, что это ошибочное истолкованіе отрицательныхъ сужденій во всякомъ случаѣ облегчалось тѣмъ, что по обычному логическому взгляду аналитическія сужденія во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ разсматривались какъ такія, въ которыхъ сказуемыя сполна заимствуются изъ содержанія ихъ подлежащихъ, а не какъ чисто умозрительныя усмотрѣнія отношеній между содержаніями подлежащаго и сказуемаго,—усмотрѣнія, которымъ нѣтъ необходимости входить въ это содержаніе въ томъ смыслѣ, что безъ него это подлежащее не могло бы быть поставлено въ мысли. То, что этимъ взглядомъ вносилось сполна въ понятіе подлежащаго въ качествѣ его постояннаго содержанія, — это эмпиризмомъ прикрѣплялось только къ словесному термину.

Спенсеръ избѣгаетъ этой ошибки. Никакъ не превращая аналитическія сужденія въ простое установленіе смысла терминовъ ихъ подлежащихъ, онъ учитъ, что всѣ они, даже общія формулы выводовъ какъ логическихъ такъ и математическихъ, точно также опираются на проходящіе черезъ сознаніе и соотвѣтствующіе имъ факты, какъ и всѣ другія общія положенія. Съ другой стороны и Милль признаетъ, что не всѣ положенія, которыя ставятся обычно въ основаніе знанія и поражаютъ своею очевидностію, могутъ сводиться къ простому истолкованію терминовъ ихъ подлежащихъ, какъ бы смѣло и произвольно ни примѣнялось это истолкованіе; поэтому и у него выступало ученіе объ основаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ положеній на фактахъ опыта, имъ соотвѣтствующихъ. Наиболѣе ярко и рельефно выступаетъ насильственность подобныхъ пріемовъ при проведеніи крайней эмпиристической теоріи въ попыткѣ объясненія ею полагае-

маго обыкновенно во главѣ логики закона противорѣчія. Къ нему теперь мы и обратимся.

Интересно, что Спенсеръ, очевидно, не видитъ даже никакой нужды дать какой либо пояснительный комментарій къ этому смѣлому взгляду и просто подразумѣваетъ его подъ общимъ категорическимъ утвержденіемъ, что всѣ логическія положенія, подобно всякимъ другимъ общимъ положеніямъ, должны по основаніямъ своимъ сводиться къ фактамъ опыта. Милль дѣлаетъ пояснительныя примѣчанія. Для соглашенія этого взгляда съ общепринимаемымъ смысломъ отрицанія Милль учитъ, что въ каждое отрицаніе, употребляемое нами въ нашихъ сужденіяхъ, должны входить два различающіяся по своему смыслу отрицанія, во-первыхъ, отрицаніе, выражающее простое замѣченное нами отсутствіе опредѣленнаго факта, не препятствующее само по себѣ присоединять къ отрицательному сужденію утвердительное, имѣющее съ нимъ одинъ и тотъ же субъектъ и предикатъ, и во-вторыхъ, отрицаніе, которое не допускаетъ этого сопутствія и которое фактически въ бытіи встрѣчается всюду, гдѣ есть первое отрицаніе. И только въ силу постояннаго наблюденія, что въ фактической дѣйствительности никогда не встрѣчается соединеніе существованія факта съ его несуществованіемъ, сознаніе придаетъ положенію о несоединимости утвержденія какого бы то ни было положенія съ его отрицаніемъ значеніе общаго положенія, которое и находитъ свое выраженіе въ законѣ противорѣчія.

Но допустимъ ли такой взглядъ?

Отрицательное сужденіе есть исключеніе представленія объ опредѣленномъ фактѣ изъ представленія о фактической дѣйствительности. И мысль и языкъ вполнѣ допускаютъ не безусловныя, а точно выраженныя ограниченныя отрицанія, при которыхъ, конечно, предполагается также ограниченнымъ и точно выраженнымъ соотвѣтствующее этому ограниченію сужденія утвержденіе. Мы говоримъ, напримѣръ: „такого-то свойства почти совсѣмъ не встрѣчается въ предметахъ, характеризуемыхъ извѣстнымъ понятіемъ“, или „извѣстное свойство, отсутствіе котораго достаточно ярко выступаетъ на видъ въ опредѣленномъ классѣ предметовъ, тѣмъ не менѣе иногда встрѣчается въ предметахъ, относящихся къ этому классу“, или: „такое-то свойство почти совсѣмъ не встрѣчается у предметовъ, относящихся къ извѣстному классу“ и пр. п. Но когда мы безъ всякаго или прямо выраженнаго или вслѣдствіе общеизвѣстности явно подразумѣваемаго ограниченія, высказываемъ отрицаніе, мы придаемъ ему

безусловно опредѣленный смыслъ, сполна исключающій сужденіе, утверждающее присутствіе противоположной качественности (конечно, въ границахъ опредѣленнаго мѣста, времени и условій, или точно выраженныхъ въ самомъ содержаніи сужденія или явно подразумѣвающихся при немъ). Это значитъ, что отрицаніе, когда прямо не высказывается или явно не подразумѣвается тѣхъ или другихъ его ограниченій, имѣетъ въ языкѣ и мысли абсолютно опредѣленный смыслъ, совершенно недопускающій соединенія ихъ съ противорѣчащими имъ утвержденіями. Что таковъ именно и единственно смыслъ отрицательнаго сужденія, выраженнаго безъ всякаго ограниченія, это вполнѣ ясно и рѣшительно доказывается и тѣми требованіями, которыя предъявляются нашимъ сознаніемъ какъ при непосредственной установкѣ отрицательныхъ сужденій, такъ и при критической оцѣнкѣ состоятельности уже установленныхъ отрицательныхъ предложеній. Всѣ требованія отъ отрицательнаго предложенія при его непосредственной установкѣ сводятся исключительно къ тому, чтобы сознаніе не встрѣчало въ познаваемой дѣйствительности ни самаго того факта, о которомъ говоритъ это предложеніе, ни какихъ либо косвенныхъ указаній на него и не встрѣчало ничего подобнаго при своемъ обзорѣ дѣйствительности въ той ея широтѣ и въ тѣхъ именно отношеніяхъ, которыя предполагаются предложеніемъ, и притомъ при такихъ условіяхъ со стороны воспріятія, при которыхъ по вынесенному сознаніемъ изъ опыта убѣжденію искомый въ познаваемой дѣйствительности фактъ или то или другое его вліяніе не могли бы не быть констатированы, если бы существовали въ дѣйствительности. И совершенно согласно съ такимъ именно критеріемъ всякая удостовѣренная ошибка какъ въ опредѣленіи сферы исканія, такъ и въ оцѣнкѣ права смотрѣть на фактическія условія знанія, какъ на условія вполнѣ удовлетворяющія указаннымъ требованіямъ, или въ соотвѣтствующей степени колеблютъ вѣру въ ранѣе установившееся отрицательное предложеніе или ведутъ къ такому его ограниченію, которое дѣлаетъ его точно соотвѣтствующимъ фактическимъ условіямъ наблюденія. Этими требованіями достаточно опредѣленно характеризуется смыслъ того утвержденія, которое заключается въ отрицательномъ предложеніи, именно совершенное исключеніе точно опредѣленнаго факта изъ представленія познаваемой дѣйствительности. Правда, частію вслѣдствіе общаго несовершенства познавательныхъ способностей человѣка, частію вслѣдствіе недостаточно строгаго примѣненія критическихъ требованій, зависящаго отъ очень

разнообразныхъ причинъ, отрицательныя предложенія иногда оказываются выраженными и при томъ безъ всякихъ ограниченій даже и въ такихъ случаяхъ, когда въ дѣйствительности существуютъ факты, отсутствіе которыхъ въ этихъ сужденіяхъ утверждается, или которые требуютъ того или другого ограниченія ихъ смысла. Но это, конечно, никакъ не значитъ не только того, чтобы для самаго сознанія лицъ, ихъ выражающихъ, они не были, пока не обнаружится ошибка, совершеннымъ исключеніемъ этихъ фактовъ изъ представленія о дѣйствительности, ни того, чтобы это именно понятіе совершеннаго исключенія ихъ изъ дѣйствительности не было руководящимъ въ установкѣ этихъ предложеній, конечно, въ той степени, въ какой пользующееся этимъ понятіемъ сознаніе или вообще или въ данныхъ условіяхъ оказывалось способнымъ критически примѣнить его къ этой установкѣ. Ошибка въ этомъ случаѣ есть результатъ относительнаго несовершенства средствъ, какими владѣетъ или фактически пользуется сознаніе при своемъ примѣненіи понятія къ опредѣленному познавательному процессу, а не касается смысла самаго понятія. И законъ противорѣчія говоритъ о невозможности истинности какого либо изъ двухъ прямо противорѣчащихъ другъ другу положеній не при наличномъ существованіи другого, а при его истинности, т. е. при согласіи съ дѣйствительностію того, что въ немъ утверждается.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что соединеніе утвержденія съ отрицаніемъ того же сужденія, когда то и другое выражены безъ всякихъ ограниченій, невозможно, такъ какъ отрицаніе, какъ имѣющее единственное значеніе полнаго и безусловнаго исключенія факта, о которомъ говоритъ сужденіе, изъ дѣйствительности, лишается всякаго смысла, какъ скоро твердо установлено прямо противорѣчащее ему утвердительное сужденіе. Но отсюда же слѣдуетъ и нѣчто болѣе. Такъ какъ эта невозможность опредѣляется смысломъ отрицательнаго сужденія, то признаніе возможности соединенія утвердительнаго сужденія съ отрицательнымъ, несогласное съ закономъ противорѣчія, представляетъ простое злоупотребленіе терминомъ „отрицательное сужденіе“, ставя его въ такую комбинацію, которая безусловно несоединима съ этимъ терминомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда же слѣдуетъ, что такъ называемый законъ противорѣчія представляетъ на дѣлѣ самоочевидную истину, опирающуюся на непосредственное усмотрѣніе мыслію отношенія между смыслами терминовъ, въ нее входящихъ.

Правда, соединеніе съ нашими отрицательными предложеніями безусловнаго характера, исключающаго соединеніе ихъ съ прямо противорѣчащими имъ утвердительными предложеніями, предполагается и признающими двойственный смыслъ отрицанія; они думаютъ только, что это значеніе присоединяется въ нихъ къ понятію отрицанія, допускающаго утвержденіе, вслѣдствіе постоянно наблюдаемаго въ дѣйствительности несовпаденія существованія чего либо съ несуществованіемъ того же, хотя теоретически оно должно быть сочтено возможнымъ. Но если утвержденіе несуществованія, выраженное безъ всякаго ограниченія, есть рѣшительное исключеніе изъ дѣйствительности, то какимъ образомъ оно не потеряетъ всякій смыслъ, когда установлено будетъ существованіе того же факта? Какимъ образомъ это соединеніе не превратится въ соединеніе терминовъ, лишенныхъ всякаго смысла? Если понять это присоединеніе въ смыслѣ замѣны ранѣе существовавшаго значенія термина другимъ значеніемъ, то его несостоятельность будетъ не менѣе очевидна. Понятіе отсутствія, предполагающаго возможность одновременнаго съ нимъ существованія того же факта, хотя и обособленное отъ понятія отсутствія, не соединяемаго съ существованіемъ того же факта, все же останется предложеніемъ, въ которомъ одинъ признакъ несоединимъ съ другимъ. При томъ же не только различеніе предметовъ по классамъ и видамъ, къ которому они относятся, но и простое обособленіе ихъ другъ отъ друга, постановка въ качествѣ особыхъ предметовъ предполагаетъ установку отсутствія въ каждомъ изъ нихъ тѣхъ или другихъ свойствъ или особенностей другого. Даже различеніе ихъ по мѣсту, въ которомъ они находятся, предполагаетъ отрицательныя сужденія о нетожествѣ одного съ другимъ мѣстъ, въ которыхъ они находятся. Если подобныя различенія совершаются у насъ постоянно въ утвердительныхъ сужденіяхъ, въ которыхъ особые другъ отъ друга предметы характеризуются отличными другъ отъ друга положительными свойствами, напримѣръ: „легкій—тяжелый", „высокій—низкій" и пр. п., если различныя мѣста характеризуются также положительными понятіями, напримѣръ „здѣсь—тамъ", „ближе—дальше", то вѣдь настолько эти положительныя характеристики и даютъ намъ понятіе о характеризуемыхъ ими предметахъ какъ различныхъ другъ отъ друга, насколько предполагается неприложимость ихъ къ одному и тому же предмету. А обособленіе предметовъ другъ отъ друга и соединенное съ нимъ различеніе несомнѣнно есть условіе всякаго познавательнаго процесса; оно пред-

полагается даже въ психикѣ животныхъ. Съ другой стороны нѣтъ нужды разъяснять, что отрицательныя сужденія, предполагаемыя этимъ процессомъ различенія, могутъ имѣть смыслъ только тогда, когда полагаемыя въ ихъ основаніе отрицательныя сужденія толкуются какъ рѣшительныя исключенія отрицаемаго изъ дѣйствительности, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ отношеніе къ противорѣчащимъ имъ сужденіямъ утвердительнымъ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ отношенія другъ къ другу двухъ утвердительныхъ сужденій объ одномъ и томъ же предметѣ, различающихся по своему смыслу, но говорящихъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

Если отрицательное сужденіе, выраженное безъ всякихъ ограниченій, означаетъ не допускающее никакихъ ограниченій исключеніе факта изъ познаваемой дѣйствительности, то съ установкой его по самому понятію о немъ исключается всякая возможность встрѣчи его въ опытѣ съ фактомъ, ему противорѣчащимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ, конечно, всякая нужда индуктивнаго доказательства закона противорѣчія, такъ какъ несомнѣнность этого закона дѣлается очевидной изъ сопоставленія самыхъ понятій, въ него входящихъ. Индуктивное доказательство закона противорѣчія при правильномъ пониманіи отрицательнаго сужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того понятія объ отсутствіи факта, которое утверждается въ этомъ сужденіи, дѣлается не только излишнимъ, но и невозможнымъ. Всѣ частные примѣры должны будутъ свидѣтельствовать, что въ опредѣленномъ частномъ случаѣ при отсутствіи или несуществованіи опредѣленнаго факта одновременно отсутствовалъ или не существовалъ этотъ опредѣленный фактъ. Но если отсутствіе, то есть утвержденіе его несуществованія, выраженное безъ всякихъ ограниченій, означаетъ рѣшительное, не допускающее никакихъ исключеній представленіе объ исключеніи факта изъ дѣйствительности, то каждый примѣръ въ такой индукціи будетъ утверждать одновременно отсутствіе опредѣленнаго факта съ самимъ собою. Но индукція въ качествѣ процесса, устанавливающаго связь явленій, въ каждомъ примѣрѣ, конечно, предполагаетъ совпаденіе двухъ явленій, между которыми въ выводномъ предложеніи и устанавливается закономѣрная связь, и поэтому она безусловно невозможна тамъ, гдѣ сознаніе при каждомъ случаѣ имѣетъ передъ собою одно и то же нумерически тожественное само съ собою явленіе. Самое примѣненіе здѣсь термина одновременности, съ которымъ мы соединяемъ представленіе о соединеніи во времени чего-нибудь съ чѣмъ-нибудь особымъ отъ него въ какомъ либо отношеніи,

будетъ здѣсь представлять простое злоупотребленіе терминомъ. Это злоупотребленіе терминомъ, конечно, способствуетъ словесному раздвоенію одного и того же явленія, и на словахъ это явленіе выступаетъ то въ качествѣ несуществованія опредѣленнаго факта, то въ качествѣ отсутствія одновременнаго съ этимъ несуществованіемъ опредѣленнаго факта его существованія. Но понятно, что такое чисто словесное раздвоеніе одного и того же явленія не можетъ сдѣлать изъ одного явленія двухъ явленій, изъ одного отсутствія двухъ отсутствій, а поэтому вмѣсто индукціи, которая должна имѣть дѣло съ случаями совпаденія двухъ явленій одного съ другимъ, мы получаемъ простое лишенное всякаго смысла злоупотребленіе терминами, изъ котораго, конечно, никакого доказательства какого бы то ни было положенія сдѣлать нельзя [1]).

Если традиціонная логика не дѣлаетъ попытокъ констатировать и разъяснить умозрительную очевидность закона противорѣчія, который тѣмъ не менѣе она ставитъ во главѣ своего ученія о мышленіи, то, нужно думать, по крайней мѣрѣ однимъ изъ основаній этого служитъ укрѣпленное вѣковой традиціей убѣжденіе, что въ положеніи противорѣчія мы имѣемъ законъ мысли. Въ виду того, что подъ закономъ вообще понимается положеніе, имѣющее безусловное значеніе въ той сферѣ, къ которой онъ относится, естественно казалось, что нѣтъ настоятельной необходимости оправдывать законъ мысли путемъ чисто умозрительнаго усмотрѣнія отношеній между содержаніями представленій, входящихъ въ сужденіе, которымъ онъ выражается, такъ какъ и безъ того должно оставаться незыблемымъ значеніе его во всѣхъ познавательныхъ процессахъ, на сколько въ нихъ такъ или иначе участвуетъ мыслительная дѣятельность. Между тѣмъ превращеніе положенія о невозможности одновременной истинности утвержденія и отрицанія одного и того же предложенія изъ самоочевидной истины въ основной законъ мысли на дѣлѣ сопровождается очень серьезными, неблагопріятными для ученія о знаніи послѣдствіями.

---

[1]) У Милля абсурдность подобной индукціи затемняется еще и тѣмъ, что въ примѣры положительныхъ и отрицательныхъ понятій вносятся не только дѣйствительно прямо противорѣчащія другъ другу понятія, каковы понятія положительныя и противорѣчащія имъ отрицательныя, но и такія, гдѣ противопоставляются другъ другу два положительныхъ понятія, каковы, напримѣръ, слѣдованіе въ противоположность предшествованію, послѣдовательность въ противоположность одновременности, которыя, хотя и не требуютъ индукціи для убѣжденія въ своей несовмѣстимости другъ съ другомъ, но все же допускаютъ ее.

Такъ какъ это положеніе говоритъ о познавательныхъ объектахъ и въ то же время кладется въ основу познанія, постоянно предразумѣваясь въ познавательныхъ процессахъ, то при взглядѣ на него какъ на законъ мысли, не могущій получить логическаго оправданія по самому своему содержанію, въ позднѣйшее время ставится даже вопросъ о правѣ смотрѣть на независимую отъ сознанія дѣйствительность какъ на подчиняющуюся этому закону. Отсюда послѣдовательно возникло даже предположеніе о возможной неприложимости закона противорѣчія, а съ нимъ и всѣхъ мыслительныхъ процессовъ, на немъ опирающихся, къ независимымъ отъ мышленія вещамъ, подобно тѣмъ, также догматически принятымъ у Канта, синтетическимъ сужденіямъ a priori, которыя неразрывно связываются у него съ его ученіемъ о чистыхъ созерцаніяхъ и о категоріяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и для эмпиризма остается возможность сближать такого рода необходимую мыслимость положеній съ ассоціаціями наивысшей крѣпости, образовавшимися при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ.

К) Заключеніе.

Изъ всего, изложеннаго выше, слѣдуетъ, что новѣйшій эмпиризмъ по своей тенденціи есть критическое направленіе. Онъ ставитъ въ вопросъ то отожествленіе такъ называемой необходимой мыслимости съ умозрительнымъ знаніемъ, которое предполагалось философами противоположной школы, и дѣлаетъ попытку объяснить ее изъ вліянія частаго и продолжительнаго повторенія въ сознаніи соединеній тѣхъ или другихъ представленій. Въ позднѣйшихъ фазисахъ своего развитія эмпиризмъ представляетъ два отличные одинъ отъ другого взгляда какъ на самую ассоціацію, производящую необходимую мыслимость, такъ и на ея познавательное значеніе. Для Милля эта ассоціація, подобно всѣмъ другимъ ассоціаціямъ, должна сполна завершаться въ жизни каждаго индивидуальнаго сознанія и она лишена у него всякаго познавательнаго значенія. Процессъ, твердо устанавливающій послѣднія посылки знанія, по его мнѣнію, есть индукція. Спенсеръ углубляетъ понятіе о самой индукціи, указывая на участіе въ ней активныхъ элементовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возвышаетъ надъ нею достигшіе безусловной неразрывности результаты ассоціативнаго процесса, какъ опирающіеся на безконечно большее число фактовъ даже въ сознаніи индивидуума, чѣмъ сколько можетъ объять ихъ индукція. Но, по его мнѣнію, неразрывныя ассоціаціи, которыя лежатъ въ основаніи знанія, представляютъ на дѣлѣ результатъ со-

вокупнаго опыта цѣлаго ряда поколѣній и не только человѣческаго рода, но и міра животныхъ, такъ какъ задатки къ нимъ передаются отъ болѣе раннихъ поколѣній къ болѣе позднимъ наслѣдственно. Въ силу этого онъ признаетъ необходимую мыслимость общихъ принциповъ знанія не только высшимъ опытнымъ обоснованіемъ, но, преувеличивая ея значеніе, даже безусловно достовѣрнымъ доказательствомъ принциповъ знанія. Это преувеличеніе есть естественный результатъ, съ одной стороны, стремленія сохранить достовѣрность послѣднихъ посылокъ знанія, съ другой, основной ошибки эмпиризма, отрицанія всякой умозрительной очевидности. Будучи по своей основной тенденціи направленіемъ критическимъ, эмпиризмъ измѣняетъ этому направленію въ своемъ ученіи о высшихъ основоположеніяхъ знанія, дѣлая неудачныя попытки невозможнаго обоснованія ихъ на проходящихъ черезъ сознаніе, соотвѣтствующихъ имъ фактахъ опыта.

М. Каринскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Библіографическая лѣтопись. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. I. С.-Пб., VII+147 стр.

Не можемъ не привѣтствовать съ особымъ удовольствіемъ только что вышедшій 1-й выпускъ новаго періодическаго изданія, предпринятаго Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности по мысли предсѣдателя Общества, графа С. Д. Шереметева. Потребность въ подобномъ изданіи, какъ справедливо указывается въ краткомъ предисловіи къ новому изданію, дѣйствительно ощущается давно,—и самая настоятельная. Рецензіи, отзывы, разныя замѣтки о вновь выходящихъ трудахъ въ области древнерусской литературы и искусства въ имѣющихся на лицо нашихъ періодическихъ изданіяхъ обыкновенно, если и появляются, то крайне случайно,—не говоримъ уже о ихъ крайней разбросанности по этимъ изданіямъ: чтобы слѣдить за ними, нужно просматривать чуть не всѣ сколько-нибудь крупные журналы и газеты!... Особаго періодическаго изданія, которое ставило бы себѣ спеціальной задачей слѣдить за всѣмъ, вновь появляющимся въ указанныхъ областяхъ, и преслѣдовало бы эту цѣль не въ видѣ однихъ голыхъ заглавій, а критико-библіографически, которое вообще въ своемъ общемъ дѣлѣ давало бы сколько-нибудь серьезное „критико-библіографическое обозрѣніе“ всего вновь появляющагося въ области древнерусской литературы и искусства,—такого изданія у насъ нѣтъ. „Библіографическая Лѣтопись“ ставитъ себѣ задачей отвѣтить этой „ощущаемой потребности въ критико-библіографическомъ обозрѣніи вновь появляющихся трудовъ, относящихся къ изученію древнерусской письменности и искусства—до XVIII вѣка включительно“. Границы своихъ будущихъ „критико-библіографическихъ обозрѣній“ новый органъ понимаетъ, какъ видимъ, въ очень широкихъ рамкахъ,—охватывая терминомъ „древнерусское“ всю область древнерусской письменности и искусства—

„до XVIII вѣка включительно" (!..) Формально можно, конечно, спорить съ такимъ, нѣсколько свободнымъ, пониманіемъ общепринятыхъ терминовъ; но по существу дѣла, этому можно только радоваться,— такъ какъ это указываетъ на очень широкую постановку новымъ органомъ намѣчаемыхъ имъ себѣ задачъ и цѣлей: онъ имѣетъ въ виду такимъ образомъ не только собственно „древнерусскую" письменность и „древнерусское" искусство, но и новую русскую литературу и новое русское искусство—XVIII-го вѣка. Только что вышедшая 1-я книжка журнала, конечно, лишь пробная. Заключающійся въ ней матеріалъ слѣдующій: послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ слѣдуетъ первый отдѣлъ: „Критика и библіографія" [около 30-ти критическихъ отзывовъ и замѣтокъ, стр. 1—47]; далѣе—„Статьи и сообщенія", второй отдѣлъ, который Комитетъ О-ва нашелъ нужнымъ включить въ составъ предпринимаемаго изданія, рядомъ съ библіографическими отзывами. Затѣмъ слѣдуетъ небольшой по объему III-й отдѣлъ: „Научная хроника" [стр. 131—138], за которымъ, безъ особаго подраздѣленія, читается довольно обширный списокъ „новыхъ книгъ и статей". Помѣщенныя въ первомъ отдѣлѣ рецензіи, при всей своей краткости—бо̀льшею частью очень содержательны; очень цѣнны и многія изъ статей и сообщеній, помѣщенныхъ во второмъ отдѣлѣ, который вообще, самъ по себѣ, очень интересенъ и богатъ содержаніемъ. Мы находимъ здѣсь статью проф. *Сперанскаго* о вновь поступившихъ въ Бѣлградскую библіотеку рукописяхъ, довольно большую замѣтку *Н. Попова* о Саввиномъ житіи Іосифа Волоцкаго, замѣтку *Хр. М. Лопарева* о Сказаніи о птицахъ, обширную статью г. *Виноградова* объ источникахъ древнеславянской группы поученій на четыредесятницу (стр. 83—100), статьи *С. О. Долгова, И. А. Бычкова* и мн. др. Въ общемъ этотъ второй отдѣлъ занимаетъ наиболѣе обширное мѣсто въ журналѣ [ок. 80 стр.: стр. 49—130]. Нѣсколько бѣденъ лишь послѣдній отдѣлъ—хроники... Въ общемъ, какъ пробная, вышедшая книжка производитъ прекрасное впечатлѣніе; тѣмъ не менѣе, едва ли она не слишкомъ „пробная",—и во всякомъ случаѣ носитъ на себѣ характеръ крайне спѣшный. Начнемъ съ вступительныхъ словъ, которыми открывается вышедшій 1-й выпускъ новаго журнала. Передъ нами буквально „нѣсколько словъ"!—изъ которыхъ невозможно вывести никакого сколько-нибудь яснаго представленія о характерѣ и содержаніи предпринимаемаго новаго органа. Какъ часто будутъ выходить такія книжки?—Объ этомъ приходится лишь гадать; между тѣмъ этотъ вопросъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ, прежде

всего опредѣляющій научную физіономію будущаго библіографическаго изданія, будущую научную его цѣнность,—ибо одно, если такія книжки мы будемъ получать еженедѣльно, или по крайней мѣрѣ ежемѣсячно,— и совершенно другое, если они будутъ выходить одинъ или два раза въ годъ. Крайнюю спѣшность видимъ и въ главномъ, основномъ отдѣлѣ книжки — въ распредѣленіи ея критическихъ и библіографическихъ статей, точнѣе говоря, въ отсутствіи здѣсь всякаго распредѣленія! Намъ кажется, будущій матеріалъ этого главнаго отдѣла, помѣщаемыя здѣсь рецензіи и отзывы, должны распредѣляться въ томъ или другомъ порядкѣ,—въ какомъ, не рѣшаемся предопредѣлять, редакціи это будетъ виднѣе; но думается намъ, все же необходимъ какой либо распорядокъ въ помѣщаемыхъ статьяхъ,—по періодамъ или отдѣламъ данныхъ научныхъ областей, по тѣмъ или другимъ научнымъ вопросамъ, вообще что-нибудь, но никакъ не сваливать всѣ рецензіи и отзывы въ кучу!—какъ это видимъ въ вышедшей книжкѣ... Хорошо еще, что рецензій сравнительно немного: что было бы при ихъ многочисленности?.. Помимо той или другой системы въ расположеніи библіографическаго матеріала,—въ концѣ книжки безусловно необходимъ, хотя бы самый краткій алфавитный указатель рецензируемыхъ авторовъ или книгъ. Не говоримъ далѣе о самомъ подборѣ рецензируемыхъ книгъ и отдѣльныхъ научныхъ статей: въ первой, пробной, книжкѣ онъ и не могъ быть не случайнымъ. Не можетъ быть рѣчи, конечно, пока и о какой либо полнотѣ рецензій и отзывовъ. Неизбѣженъ будетъ всегда, при самыхъ богатыхъ научныхъ силахъ редакціи, и этотъ въ концѣ списокъ „новыхъ книгъ и статей“,—оставшихся за флагомъ рецензій и отзывовъ; но, безусловно, онъ все же не долженъ быть столь хаотичнымъ... Посмотрите,—какихъ только книгъ и статей нѣтъ въ этомъ спискѣ! Помимо древней и новой русской литературы и искусства,—здѣсь и русская народная поэзія, и русская исторія, русская археологія, книги юридическія и каноническія, книги по византійской литературѣ, средневѣковому искусству, итальянскому гуманизму и т. д. и т. д., — наконецъ просто учебники! И ко всему этому—книги не только русскія, на русскомъ языкѣ, но и болгарскія, сербскія,—и не только собственно „книги“, отдѣльныя монографіи, но и статьи, помѣщенныя въ журналахъ, и т. д. и т. д. При малѣйшемъ желаніи, списокъ этотъ, конечно, можетъ быть увеличенъ и вдвое и вдесятеро; но какое отношеніе имѣетъ большинство помѣщенныхъ здѣсь книгъ къ древнерусской письменности и искусству?... А тѣ, которыя имѣютъ,—являются, конечно,

лишь фактическимъ укоромъ новому изданію: большинство этихъ книгъ должны были получить отзывъ въ самомъ журналѣ, въ отдѣлѣ его критики и библіографіи... Но если гдѣ мы видимъ больше всего „пробный“ характеръ вышедшей книжки новаго журнала, это—въ его II-мъ отдѣлѣ, въ этихъ внесенныхъ въ журналъ „статьяхъ и сообщеніяхъ“. Кому и зачѣмъ будутъ нужны въ такомъ спеціальномъ органѣ эти „мелкія статьи и сообщенія“?—Какъ мы уже замѣтили, сами по себѣ всѣ эти статьи и замѣтки очень цѣнны; многія изъ нихъ и довольно обширны, являются какъ бы небольшими изслѣдованіями; и при всемъ томъ, всѣ эти, сами по себѣ прекрасныя и цѣнныя статьи и замѣтки, совсѣмъ не служатъ спеціальнымъ задачамъ новаго изданія, напротивъ, какъ бы подмѣняютъ эти задачи чѣмъ-то совершенно для нихъ постороннимъ, являются въ новомъ журналѣ, въ отношеніи къ его главнымъ задачамъ и цѣлямъ, совершенно побочными для него, совершенно ненужными,—статьями и замѣтками, для которыхъ и безъ новаго журнала имѣется и теперь не мало у насъ другихъ различныхъ журналовъ и изданій, гдѣ они могли быть помѣщены, изданій спеціально научныхъ, историческихъ, историко-литературныхъ и т. д. и т. д.,—не говоримъ уже о собственныхъ „Памятникахъ“ Общества: всѣ эти „статьи и сообщенія“ безъ малѣйшей помѣхи могли бы появиться, напр., въ приложеніяхъ къ „отчетамъ“ Общества... Во всякомъ случаѣ, въ новомъ органѣ, задающемся спеціальными, собственно критико-библіографическими задачами и цѣлями, весь этотъ второй отдѣлъ „мелкихъ статей и сообщеній“ кажется намъ внесеннымъ въ „Лѣтопись“ совершенно напрасно. Повторяемъ, отдѣлъ этотъ не только не служитъ главной, основной задачѣ новаго журнала,—напротивъ, уводитъ новый журналъ совершенно въ сторону отъ этихъ его спеціальныхъ задачъ и цѣлей! Онъ безъ всякой нужды лишь осложняетъ его будущую дѣятельность, прибавимъ, и безъ того очень сложную и трудную,—настолько сложную и трудную, что дай Богъ новому журналу и съ нею сладить!—въ той полнотѣ, съ той научной серьезностью и обстоятельностью выполненія, къ которымъ пріучили насъ имена проф. *Н. К. Никольскаго* и акад. *А. И. Соболевскаго*, стоящихъ, повидимому, во главѣ новаго періодическаго изданія, и которымъ принадлежитъ больше половины помѣщенныхъ критическихъ статей. Какъ мало исчерпанъ въ только что вышедшей книжкѣ и важнѣйшій подлежавшій обозрѣнію матеріалъ, фактически показываетъ, какъ мы уже мимоходомъ замѣтили, находящійся въ концѣ длинный списокъ „новыхъ книгъ и статей“, оставшихся внѣ

отзыва. Изъ 150 страницъ въ вышедшей книжкѣ лишь треть, даже менѣе (изъ 150 лишь 47 стр.) отвѣчаетъ главной цѣли журнала,—„критикѣ и библіографіи"; все остальное, занятое „статьями и сообщеніями" (стр. 51—130), въ отношеніи къ этимъ основнымъ задачамъ журнала является въ сущности балластомъ. Подобныя „статьи и сообщенія" читатели и прежде и теперь въ обиліи находили и будутъ находить и въ другихъ періодическихъ журналахъ и изданіяхъ; въ новомъ органѣ каждый будетъ искать прежде всего и больше всего критико-библіографическихъ статей, отзывовъ о вновь появляющихся трудахъ въ области древнерусской литературы и искусства,—даже исключительно именно этихъ статей!—рядомъ съ которыми все остальное должно являться лишь въ той роли, которая отводилась прежде въ нашихъ старыхъ журналахъ такъ называемой „смѣси"... Пожелаемъ, чтобы новый органъ прежде всего точнѣе, у́же, ограничилъ свои задачи и цѣли,—служилъ бы исключительно своей *главной, основной цѣли:* критико-библіографическому обозрѣнію новыхъ трудовъ, относящихся къ двумъ указаннымъ областямъ: „древнерусской" литературѣ и „древнерусскому" искусству,—„по XVIII вѣкъ включительно". И ужъ если расширять,—расширилъ бы свой первый отдѣлъ, „критики и библіографіи", введя подъ терминъ „древнерусское" не только „XVIII вѣкъ", но и „XIX в." [—что́ еще легче сдѣлать! или просто вычеркнувъ словцо: „древнерусское"...]. Впрочемъ, само собою понятно, вопросъ о рамкахъ, объемѣ матеріаловъ, который будетъ охватываться новымъ журналомъ—вопросъ второстепенный; для русской науки и для всѣхъ ею интересующихся будетъ существеннымъ пріобрѣтеніемъ, если новый органъ будетъ служить лишь „древнерусской" литературѣ и искусству—„до XVIII-го вѣка включительно". Главное, чтобы и въ этихъ рамкахъ новый журналъ не дробилъ свои силы, служилъ бы своимъ основнымъ задачамъ и цѣлямъ—исключительно критико-библіографическимъ. Лишь въ достиженіи именно этихъ задачъ лежитъ основное условіе будущаго успѣха новаго періодическаго органа, его расширенія и процвѣтанія,—его raison d'être...

А. Архангельскій.

В. И. Пичета. Югій Крижаничъ, экономическіе и политическіе его взгляды. С.-Пб. 1914. 126 стр. Цѣна 90 коп.

По заглавію можно было бы думать, что это—изслѣдованіе объ экономическихъ и политическихъ взглядахъ Крижанича. Но заглавіе

обманчиво: изслѣдованія въ книгѣ нѣтъ. Она состоитъ изъ предисловія, небольшого введенія (стр. 1—16), въ которомъ дается краткая біографія Крижанича и характеристика его взглядовъ, и, затѣмъ, хрестоматіи изъ его главнаго политическаго труда (стр. 17—126). Въ предисловіи г. Пичета предупреждаетъ, что текстъ для хрестоматіи онъ заимствовалъ изъ изданія П. Безсонова „Русское государство въ половинѣ XVII вѣка", а если вчитаться въ введеніе, то получается впечатлѣніе, что авторъ строитъ свою характеристику главнымъ образомъ, если не исключительно, на томъ матеріалѣ, который даетъ то же изданіе Безсонова. Но изданіе это вышло въ 1859 году. Въ свое время оно имѣло большое значеніе: оно возбудило интересъ къ Крижаничу и вызвало цѣлый рядъ работъ о немъ. По существу же оно давно признано несовершеннымъ, какъ по научнымъ пріемамъ, которыхъ держался издатель, такъ и по своей неполнотѣ. Извѣстно, что въ него вошло всего около половины того, что даетъ рукопись главнаго труда Крижанича, при чемъ издатель печаталъ рукопись не подрядъ, а дѣлалъ изъ нея выборки по своему вкусу. Понятно, какой это ненадежный матеріалъ для сужденія о взглядахъ Крижанича. Вотъ почему послѣднія изслѣдованія, посвященныя Крижаничу, основываются не на изданіи Безсонова, а на изученіи рукописнаго матеріала. Г. Пичета не пошелъ по этому пути, и объ этомъ приходится очень пожалѣть. Трудъ его есть шагъ назадъ. Для кого онъ предназначается? Кому можетъ быть полезенъ неполный, отрывочный текстъ, кого должна удовлетворить характеристика, основанная на отрывочномъ матеріалѣ? Самъ авторъ объ этомъ ничего не говоритъ, но отвѣтъ мы находимъ въ объявленіи, приложенномъ къ книгѣ. Тамъ мы узнаемъ, что это одинъ изъ номеровъ цѣлой серіи подъ названіемъ „Культурно-историческая библіотека". Библіотека эта „должна служить, какъ цѣлямъ самообразованія, такъ и пособіемъ для студентовъ, учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и, вообще, всѣхъ изучающихъ исторію культурнаго развитія Россіи". Нельзя не сказать, что здѣсь соединены въ одну группу читатели, имѣющіе между собой очень мало общаго. Изданіе, предназначенное для студентовъ, которые проходятъ школу подъ руководствомъ профессора, должно обладать иными свойствами, чѣмъ то, которое имѣетъ въ виду лицъ, самостоятельно занимающихся русской исторіей; а къ этимъ требованіямъ опять не подойдетъ книга, которую желательно дать въ руки гимназисту. Если гимназистъ, окончивъ свои обязательные уроки, захочетъ познакомиться съ Кри-

жаничемъ по книгѣ г. Пичета, то этому можно будетъ только порадоваться, но для студента, а тѣмъ болѣе—для любителя (о спеціалистѣ не будемъ говорить) она дастъ матеріалъ неполный, а потому односторонній. А это едва ли въ интересахъ правильнаго изученія славянства и исторіи государственныхъ идей въ Россіи.

Введеніе, составленное г. Пичета, также вызываетъ на нѣкоторыя возраженія. Авторъ видитъ въ Крижаничѣ только послушное орудіе римской куріи и вовсе не вѣритъ въ его любовь къ славянству; онъ находитъ, что старые изслѣдователи дѣлали „свои поспѣшныя заключенія на основаніи нѣсколькихъ фразъ его «Политичныхъ Думъ», къ которымъ въ настоящее время нельзя отнестись съ особеннымъ довѣріемъ“ (стр. 3). Ничѣмъ нельзя помочь, если авторъ не вѣритъ Крижаничу; но не совсѣмъ правильно говорить о „нѣсколькихъ фразахъ“, когда онъ оставилъ намъ подробный, во всѣхъ деталяхъ разработанный планъ рѣшенія славянскаго вопроса, который онъ понимаетъ очень широко и ставитъ въ тѣсную связь съ восточнымъ вопросомъ. Тотъ же скептическій взглядъ авторъ высказываетъ и дальше. На стр. 7 читаемъ: „Можно не придавать значенія всѣмъ этимъ объясненіямъ, написаннымъ послѣ ссылки въ Сибирь. Не любовь къ славянству и не панславистскія стремленія тянули Крижанича въ Москву, а желаніе послужить во славу Бога и католической церкви“. Но почему можно не придавать имъ значенія,—авторъ не объясняетъ. Нѣчто въ родѣ объясненія находимъ ниже, на стр. 10: „Можно было бы повѣрить его горячей проповѣди панславизма, еслибъ въ его предыдущей литературной дѣятельности были *бы* какіе либо намеки на это“... Вѣдь авторъ, если не ошибаюсь, историкъ; слѣдовательно, ему не чужда идея развитія; слѣдовательно, онъ долженъ допустить, что всякая мысль не сразу получаетъ свою окончательную форму и принимаетъ нѣсколько промежуточныхъ формъ, пока самъ человѣкъ не пойметъ ее вполнѣ. И если г. Пичета согласится довольствоваться именно „намеками“, то ихъ много можно указать, хотя бы въ письмахъ Крижанича къ Инголи, Массари, Левäковичу, гдѣ онъ высказываетъ горячее желаніе работать на пользу народовъ своего племени и, въ частности, для обработки славянскихъ языковъ. О преобразованіяхъ, предлагаемыхъ Крижаничемъ, авторъ выражается очень строго: Крижаничъ будто бы при этомъ „совершенно“ не считается съ духомъ народа (стр. 12). Приговоръ этотъ кажется недостаточно обоснованнымъ, и врядъ ли можно это сказать о цѣломъ планѣ, когда многія изъ реформъ, которыя предлагалъ Крижаничъ,

почти одновременно или немного позже были проведены въ жизнь. Характеризуя ученіе о слободинахъ, г. Пичета говоритъ (стр. 16), что на вопросъ, какъ быть, если монархъ посягнетъ на права подданныхъ, Крижаничъ „отвѣта не даетъ". Едва ли и это вѣрно. Если замѣтны еще у него нѣкоторыя колебанія въ общемъ вопросѣ о возможности правомѣрнаго сопротивленія власти, то въ отношеніи къ правамъ подданныхъ (слободинамъ) этотъ вопросъ онъ разрѣшаетъ очень легко: слободины даются населенію per modum permissionis, non per modum iuris. Этимъ все сказано [1]).

Хрестоматія, составляющая большую часть книги, раздѣляется на двѣ части: въ 1-й данъ текстъ, относящійся къ экономическимъ взглядамъ Крижанича, во 2-й—къ политическимъ. Слѣдованіе за изданіемъ Безсонова особенно даетъ себя чувствовать во 2-й части; планъ преобразованій, ученіе о слободинахъ являются здѣсь въ отрывочномъ видѣ: самыя интересныя и характерныя мѣста можно прочесть только въ рукописи. Текстъ раздѣленъ заголовками на отдѣльныя части, какъ бы соотвѣтствующія главамъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Характеристика власти Московскаго царя" (53), „Объ кралевой годности и области" (56), „Что такое государственное право" (63), „Объ кралевой повинности изъ светого письма" (68), „Проектъ хартіи вольностей" (86). Читатель въ правѣ спросить: кому принадлежатъ эти заглавія — Крижаничу или г-ну Пичета? Какъ бы ни отвѣтить на это, все будетъ невѣрно, потому что одни изъ нихъ составлены Крижаничемъ (2 и 4), другія — издателемъ (1, 3, 5). Удобно ли это въ научномъ изданіи текста? Не будетъ ли это наводить читателя на неправильныя заключенія? Въ предисловіи издатель обѣщаетъ дать примѣчанія къ тексту, хотя и оговаривается, что большая часть ихъ взята имъ отъ Безсонова. На самомъ дѣлѣ, никакихъ примѣчаній нѣтъ; дается только подстрочный словарь. Объ этомъ слѣдуетъ очень пожалѣть. Крижаничъ труденъ мѣстами даже и для спеціалиста; для студента, а тѣмъ болѣе гимназиста, онъ долженъ представить неодолимыя затрудненія. Историческій и теоретическій комментарій былъ бы здѣсь очень полезенъ.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о языкѣ введенія. Если бы книга предназначалась для спеціалистовъ, объ этомъ можно было бы не говорить. Спеціалисты должны читать книги по избранной ими отрасли,

---

[1]) Соотвѣтственный текстъ напечатанъ по рукописи въ моей книгѣ „Государственныя идеи Крижанича", С.-Пб. 1912.

на какомъ бы языкѣ онѣ ни были написаны. Но разбираемая книга предназначается, между прочимъ, и для учащихся. Это обязывало автора-издателя позаботиться о языкѣ. Онъ небезукоризненъ. Напримѣръ на стр. 11 говорится, что у Крижанича не было *„предрасположеннаго нерасположенія“*; на той же стр. встрѣчается фраза съ такимъ неправильнымъ построеніемъ: „Такъ Крижаничу и не удалось увидѣть Римъ и предстать передъ папскимъ престоломъ, во имя интересовъ котораго *и* для славы католической церкви, этотъ религіозный энтузіастъ.... отказался“ и т. д. Въ слѣдующемъ изданіи лучше бы было это исправить.

Несмотря, однако, на возраженія, которыя возбуждаетъ книга г. Пичета (можно было бы привести ихъ и еще не мало), ее слѣдуетъ привѣтствовать. Она интересна и цѣнна, какъ первая попытка приблизить Крижанича къ школѣ и дать ему распространеніе въ широкихъ кругахъ общества. Очень хотѣлось бы, чтобъ попытка эта удалась.

В. Вальденбергъ.

Г. Г. Писаревскій. Внутренній распорядокъ въ колоніяхъ Поволжья при Екатеринѣ II. Варшава, 1914 г., 45+XLIV стр.

Одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторической науки— вопросу объ иностранной колонизаціи въ Россіи—какъ-то не повезло въ нашей ученой литературѣ. Послѣ выхода въ свѣтъ въ 1869 году извѣстной книги Клауса „Наши колоніи“ вплоть до 1909 года, когда появилась магистерская диссертація проф. Г. Г. Писаревскаго—„Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ“, т. е. въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ въ области изученія этого вопроса не дано было почти ничего заслуживающаго вниманія. Ученая критика оцѣнила въ свое время трудъ проф. Писаревскаго, и мы поэтому не будемъ сейчасъ на немъ останавливаться; отмѣтимъ лишь, что названная выше монографія является прямымъ продолженіемъ этого труда, вводя насъ во внутреннюю жизнь иностранныхъ колоній въ царствованіе ихъ основательницы Екатерины II. Все содержаніе монографіи совершенно ново въ наукѣ.

Какъ оказывается, въ колоніяхъ долгое время не налаживалось нормальное теченіе жизни, и ни сами колонисты, ни поселившее ихъ правительство не были довольны результатами водворенія.

Съ одной стороны болѣе половины общаго числа водворенныхъ въ Поволжьѣ колонистовъ (12.215 изъ 23.109 душъ обоего пола)

оказались въ своеобразныхъ зависимыхъ отношеніяхъ къ частнымъ предпринимателямъ, „вызывателямъ“, организовавшимъ ихъ переселенія изъ-за границы: *вызывательскіе* колонисты обязаны были платить имъ десятину урожая и признавать ихъ административно-полицейскую власть, не получая за это никакихъ преимуществъ сравнительно съ *коронными* колонистами, набранными агентами правительства и свободными отъ платежа десятины. Это неравенство правъ и обязанностей приводило къ волненіямъ въ вызывательскихъ колоніяхъ: вызывательскіе колонисты отказывались отъ уплаты десятины и требовали перечисленія ихъ въ коронные, а вызыватели между тѣмъ настаивали на своихъ правахъ. Правительство, съ молчаливаго согласія котораго заключены были договоры между вызывателями и навербованными ими колонистами, попало такимъ образомъ въ затруднительное положеніе.

Съ другой стороны, вся масса колонистовъ, не исключая и коронныхъ, по прибытіи въ Поволжье, оказалась разочарованной. Колонисты мечтали найти „молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ“, а ихъ ожидали здѣсь враждебное отношеніе туземнаго населенія и тяжелый трудъ надъ нетронутой цѣлиной, къ которому они въ большинствѣ совсѣмъ не были подготовлены. Не умѣя или не желая работать, они во всемъ винили правительство, предъявляя къ нему несообразныя и чрезмѣрныя требованія.

Чтобы прекратить неурядицы въ колоніяхъ, правительство выработало инструкцію для управленія ими. Ближайшей цѣлью инструкціи было, если не de jure (что было вопросомъ времени), то de facto сравнять *вызывательскія* колоніи съ *коронными* и затѣмъ жизнь всѣхъ колонистовъ подвергнуть строгой и мелочной регламентаціи, что должно было обезпечить хозяйственное благосостояніе колоній и успѣшное взысканіе лежащаго на нихъ казеннаго долга.

Колонисту, по „Инструкціи“, кажется, и шагу нельзя ступить безъ разрѣшенія своихъ начальниковъ, форштегеровъ и бейзицеровъ, и Саратовской конторы безъ опасенія подвергнуться въ противномъ случаѣ штрафу, принудительнымъ работамъ или тѣлесному наказанію. Только съ вѣдома, напримѣръ, начальства колонистъ могъ убить себѣ въ пищу какое либо домашнее животное, продать какую либо вещь изъ своего имущества, выѣхать на три дня въ городъ или сосѣднюю колонію; по распоряженію начальства колонисты должны всѣ въ одинъ и тотъ же день и часъ выѣзжать на полевыя работы и одновременно возвращаться съ нихъ домой, равно какъ по наряду же

начальства одна четверть колонистовъ должна была въ праздничные дни оставаться дома для наблюденія за безопасностью колоніи, а всѣ остальные направляться въ храмъ или молитвенный домъ къ богослуженію. Во избѣжаніе излишнихъ тратъ нельзя было пригласить на свадьбу болѣе десяти человѣкъ гостей или обмѣняться подарками раньше уплаты долговъ казнѣ, и даже въ самый бракъ можно было вступить лишь съ разрѣшенія Саратовской конторы. Однимъ словомъ, по выраженію г. Писаревскаго, „читая Инструкцію, въ концѣ концовъ получаешь впечатлѣніе, что это не правила, долженствующія регулировать жизнь взрослыхъ людей, а уставъ пріюта или земледѣльческой колоніи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ". Однако, какъ замѣчаетъ въ заключеніе своей работы авторъ, внутренній распорядокъ въ колоніяхъ Поволжья, конечно, не могъ поддерживаться во всей широтѣ и строгости требованій „Инструкціи". Не мало отступленіямъ отъ нея содѣйствовалъ выборный характеръ должностей форштегеровъ и бейзицеровъ, которые старались обезпечить себѣ переизбраніе на свой почетный и выгодный постъ послабленіями подвластному имъ населенію. Правительство видѣло это, но не рѣшалось отнять у колонистовъ дозволенія выбирать себѣ начальниковъ, чтобы тѣмъ не нарушить предоставленныя колонистамъ манифестомъ 22-го іюля 1763 года права и преимущества.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе монографіи проф. Писаревскаго, внимательно продолжающаго заниматься изученіемъ вопросовъ, которымъ посвященъ его большой трудъ „Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ".

Въ приложеніи къ рецензируемой работѣ напечатана и самая „Инструкція", представляющая собой характерный памятникъ эпохи полицейскаго государства. Цѣнны также приводимыя авторомъ извлеченія изъ неизданныхъ доселѣ писемъ президента канцеляріи опекунства иностранныхъ графа Григорія Орлова.

Дм. Цвѣтаевъ.

М. Иностранцевъ, генеральнаго штаба полковникъ. Отечественная война 1812 года. Операціи 2-й западной арміи князя Багратіона отъ начала войны до Смоленска (съ 3-мя портретами и 25 схемами). Издано при содѣйствіи Императорской Николаевской военной академіи. С.-Пб. 1914, XXVI — 601 стр. Цѣна 4 рубля.

Научная литература объ Отечественной войнѣ 1812 года обогатилась еще однимъ капитальнымъ трудомъ. Мы разумѣемъ работу

полковника Иностранцева, полное заглавіе которой приведено выше. Авторъ названнаго труда далеко не новичекъ въ спеціальной литературѣ. Кромѣ прекрасныхъ переводовъ двухъ военно-историческихъ изслѣдованій онъ написалъ живые и интересные „Очерки быта и обученія французской пѣхоты", а также нѣсколько любопытныхъ „замѣтокъ" въ „Русскомъ Инвалидѣ", гдѣ сообщилъ мѣткія наблюденія о нѣмецкихъ войскахъ.

Какъ въ выборѣ трудовъ для перевода, такъ и въ своихъ самостоятельныхъ работахъ полковникъ Иностранцевъ обнаружилъ любовь къ военно-исторической наукѣ, широту взглядовъ, способность къ критическому анализу фактовъ и большую наблюдательность. Всѣ эти свойства въ полной мѣрѣ проявились и въ капитальной работѣ г. Иностранцева. Авторъ широко и правильно понялъ свою задачу и, не упуская изъ виду своей главной цѣли, сумѣлъ дать трудъ, значеніе котораго не ограничивается узкими рамками военной исторіи, а имѣетъ и общеисторическую цѣнность.

Значеніе изслѣдованія полковника Иностранцева выясняется изъ краткаго пересказа вышеназванной работы. Она начинается предисловіемъ, въ которомъ кратко, но мѣтко характеризуются источники и важнѣйшія пособія, освѣщающіе изучаемый вопросъ. Изъ этого предисловія видно, что автору разбираемаго сочиненія удалось привлечь къ дѣлу изученія цѣлый рядъ важныхъ и никѣмъ еще не использованныхъ первоисточниковъ. За предисловіемъ слѣдуетъ введеніе, въ которомъ на 39 страницахъ полковникъ Иностранцевъ сжато и въ то же время обстоятельно излагаетъ „причины войны, приготовленія къ войнѣ Франціи и Россіи, планы сторонъ, стратегическое развертываніе противниковъ".

Самое изслѣдованіе полковника Иностранцева занимаетъ 334 (съ 40-й по 378-ую) страницы его книги и распадается на шесть главъ. Первая глава посвящена „Очерку раіона военныхъ дѣйствій 2-й западной арміи до Смоленска". Въ этомъ „Очеркѣ" авторъ прежде всего опредѣляетъ театръ войны и дѣленіе его, а затѣмъ рисуетъ раіонъ военныхъ дѣйствій 2-й арміи. При этомъ г. Иностранцевъ обратилъ должное вниманіе на всѣ условія, въ какихъ приходилось дѣйствовать арміи князя Багратіона. Опредѣливъ границы и размѣры изучаемаго раіона, авторъ съ должной обстоятельностью описываетъ устройство его поверхности, почву, лѣса, воды, климатическія условія. Пути сообщенія даннаго края, населеніе его, средства страны— ничто не ускользаетъ отъ зоркаго взгляда изслѣдователя, который

въ результатѣ первой главы своего труда приходитъ къ такимъ главнымъ выводамъ: 1) „2-ая западная армія, свойствами раіона дѣйствій, была поставлена въ условія скорѣе неблагопріятныя для достиженія ею цѣли дѣйствій — соединенія съ 1-й арміей и положеніе ея было труднымъ". 2) „Нѣкоторыя данныя мѣстности, но и то періодически, давали благопріятныя данныя для задержанія противника, наступающаго съ запада". 3) „Для достиженія цѣли необходимо было искусное маневрированіе противъ непріятеля, идущаго отъ Вильны, и быстрый, сопровождаемый арріергардными боями и задержаніемъ, гдѣ возможно, противника, отступательный маршъ передъ непріятелемъ, наступающимъ съ запада".

Остальныя пять главъ труда г. Иностранцева, а именно „Окончаніе подготовки и открытіе военныхъ дѣйствій", „Отъ Волковиска къ Нѣману", „Отъ Нѣмана къ Несвижу", „Отъ Несвижа къ Бобруйску" и „Отъ Бобруйска къ Могилеву и Смоленску" посвящены детальному выясненію всѣхъ дѣйствій второй арміи на ея труднѣйшемъ отступленіи къ Смоленску. Каждую главу авторъ заканчиваетъ очень интересными указаніями на положительныя и отрицательныя стороны дѣйствій, какъ нашей арміи, такъ и войскъ нашихъ противниковъ. Нельзя перечислить и пересказать всѣхъ дѣльныхъ и мѣткихъ заключеній, къ которымъ приходитъ авторъ разбираемаго труда. Отмѣтимъ лишь наиболѣе, по нашему мнѣнію, интересные выводы и наблюденія. Прежде всего, очень цѣнно указаніе на то, что Багратіонъ въ своемъ отступленіи не только не былъ поддержанъ распоряженіями изъ главной квартиры, но даже вызвалъ противъ себя Высочайшее неудовольствіе, объясняемое тѣмъ, что Императоръ Александръ I не зналъ обстановки, въ которой пришлось дѣйствовать главнокомандующему второй арміи. Это неудовольствіе еще болѣе удручало не любившаго „ретираду" сподвижника Суворова. И тѣмъ не менѣе его отступленіе къ Смоленску является высокопоучительнымъ примѣромъ того, какъ слѣдуетъ отступать: несмотря на форсированные отступательные марши князь Багратіонъ сумѣлъ поддержать боевой духъ своей арміи на большой высотѣ.

Не менѣе интересны выводы полковника Иностранцева относительно дѣла при Салтановкѣ и Фатовой. До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, относительно этого дѣла существовали два мнѣнія. По одному изъ нихъ это дѣло было неудачной попыткой перехода нашихъ войскъ въ наступленіе. По другой версіи Салтановскій бой былъ арріергарднымъ боемъ и прикрывалъ собою отступленіе нашей

второй арміи. Г. Иностранцевъ объясняетъ дѣло иначе и, благодаря выставленнымъ имъ доказательствамъ, очень убѣдительно. Онъ доказываетъ, что князь Багратіонъ, начиная это сраженіе, придавалъ ему значеніе усиленной развѣдки, которая, смотря по обстоятельствамъ, могла перейти въ наступленіе или прикрыть отступленіе. Такимъ образомъ, здѣсь обнаружились свойства князя Багратіона, какъ превосходнаго полководца: соединеніе рѣшительности съ осторожностью.

Блестящей характеристикой князя Багратіона, какъ военнаго вождя, заканчивается прекрасное изслѣдованіе г. Иностранцева. Далѣе слѣдуютъ многочисленныя и цѣнныя приложенія и примѣчанія. Особо приложены къ книгѣ интересные „Чертежи", поясняющіе изложеніе.

Не лишена книга полковника Иностранцева и нѣкоторыхъ, правда, незначительныхъ недостатковъ. Такъ онъ слишкомъ строгъ къ дѣйствіямъ генерала Дорохова, которому несмотря на ужасное положеніе его отряда при началѣ отступленія удалось безъ потерь присоединиться ко второй арміи. Затѣмъ хотѣлось бы видѣть въ изслѣдованіи, посвященномъ второй арміи, характеристику главнаго вождя дѣйствующихъ противъ нея корпусовъ великой арміи. Матеріалы для характеристики знаменитаго маршала Даву даны авторомъ, но мѣткое ихъ обобщеніе еще болѣе оттѣнило бы заслуги нашего героя, князя Багратіона. Большимъ пробѣломъ книги г. Иностранцева является отсутствіе указателя. Это объясняется спѣшностью печатанія книги, но будетъ затруднять лицъ, которымъ придется прибѣгать къ этому капитальному труду за справками.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы авторъ не оставлялъ своихъ интересныхъ изысканій по исторіи войны 1812 года. Онъ можетъ дать намъ полную и научную военную исторію Отечественной войны.

Ил. Васенко.

SBORNÍK PRASI FILOLOGICKÝCH dvornimu radowi professoru Josefu Královi k šedesátým narozeninám. V Praze. 1913.

Научныя заслуги юбиляра, въ честь котораго изданъ сборникъ, профессора университета Карла-Фердинанда въ Прагѣ, Іосифа Краля, представлены въ концѣ книги библіографическимъ спискомъ трудовъ юбиляра, составленнымъ О. Ирани (Jiráni, стр. 307—313). Многосторонняя дѣятельность уважаемаго ученаго распредѣлена здѣсь по

отдѣламъ: 1) греческой и римской литературы, 2) грамматики, 3) музыки, ритмики, метрики и просодіи, къ каковымъ относится самый обширный трудъ профессора Краля: „Греческая и римская метрика“ въ трехъ большихъ томахъ (1906, 1911 и 1913 гг., 465, 338 и 360 стр.), 4) древностей, археологіи и миѳологіи, 5) исторіи чешскаго гуманизма, 6) изданій греческихъ классиковъ (Софоклъ, Платонъ), 7) переводовъ (Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ, Ѳеокритъ, Плавтъ, Кальдеронъ). Ученики и почитатели юбиляра не могли лучше почтить ученаго, какъ соединивъ въ прекрасно изданномъ сборникѣ, украшенномъ превосходнымъ портретомъ юбиляра, статьи и изслѣдованія по тѣмъ многочисленнымъ темамъ греко-римской древности и классической культуры у славянъ, какія занимаютъ и чествуемаго ученаго.

Къ греческой драмѣ, къ которой многократно и плодотворно обращался профессоръ Краль, относится въ сборникѣ прежде всего статья нѣжинскаго профессора В. И. Петра о мѣстѣ дѣйствія „Ифигеніи Таврической“ Еврипида (стр. 12—22). Статья имѣетъ значеніе и для географіи южной Россіи въ греческую эпоху. Авторъ отожествляетъ съ мысомъ Дѣвы, почитаемой въ драмѣ Еврипида, теперешній мысъ Фіолентъ. Наличность въ мѣстности культа богини Дѣвы подтверждается херсонесскими монетами съ ликомъ Артемиды и монограммой ПАР = παρθένος. (Ср. объ этомъ теперь статью Б. Л. Бертье-Делагарда въ сборникѣ въ честь проф. фонъ Штернъ). Одна изъ пещеръ подъ мысомъ Фіолентъ до сихъ поръ носитъ имя пещеры Ореста и Пилада. Λιμὴν Συμβόλων авторъ сводитъ къ Балаклавской бухтѣ и слово Συμβόλων производитъ не отъ σύμβολον, потому что никакого договора для мѣстности не удостовѣрено, но отъ συμβάλλομαι, срв. Iph. Taur. v.v. 124 sq. πόντου δισσὰς συγχωρούσας πέτρας Ἀξείνου ναίοντες, гдѣ раньше видѣли топографическое незнаніе поэта, переносящаго сюда Симплегады Воспора Ѳракійскаго.

Для переживанія драматическихъ темъ, интересовавшихъ еще античную драму, въ новой трагедіи любопытенъ живой очеркъ Антонина Koláž'a: „Четыре трагедіи о Федрѣ“ (стр. 23—48). Разумѣются, сверхъ „Ипполита Вѣнчаннаго“ Еврипида, того же сюжета драмы Сенеки, Расина и д'Аннунціо. Интересны указанія автора на могучую индивидуальность Еврипида, сказывающуюся въ его трагедіи, особенно въ первой, неодобренной аѳинянами, редакціи, поскольку та сохранилась въ отрывкахъ Ἱππόλυτος καλυπτόμενος и въ подражаніи Овидія. Федрина нянька у Сенеки носитъ уже черты своденъ изъ

римской комедіи. Глубокія измѣненія внесены въ первоначальный характеръ Федры—„придворной дамой“ Федрой у Расина. Совершенно плотскій характеръ безъ всякаго моральнаго принципа носитъ страсть Федры у итальянскаго драматурга. Все это въ совокупности говоритъ за развитіе драмы отъ ея древнихъ до новѣйшихъ образцовъ отнюдь не въ сторону одухотворенія и возвышенія движущей трагическаго героя страсти.

Тѣмъ своевременнѣе и умѣстнѣе новый пересмотръ опредѣленія трагедіи Аристотелемъ, произведенный въ сборникѣ въ честь Краля Іос. Седлачкомъ (Sedláček, стр. 58—76). Какія старыя, вѣчныя и чуждыя новѣйшему драматическому творчеству начала высокой драмы развиваетъ здѣсь ей античный теоретикъ, мысли объ очищеніи и завершеніи будящаго ужасъ и состраданіе трагическаго зрѣлища. Авторъ останавливается на исходномъ пунктѣ опредѣленія трагедіи Аристотелемъ, на значеніи терминовъ ἔλεος и φόβος и указываетъ, что нельзя смыслъ данныхъ словъ въ „Риторикѣ“ Аристотеля переносить и въ „Поэтику“, какъ диллетантски дѣлали Лессингъ и его послѣдователи: въ „Риторикѣ“ дѣло идетъ о впечатлѣніи на слушателей оратора, въ „Поэтикѣ“ на зрителей театра. Οἰκεία ἡδονή трагедіи возникаетъ διὰ μιμήσεως, но это эстетическое наслажденіе не равняется еще κάθαρσις: κάθαρσις только заключается въ этомъ эстетическомъ наслажденіи, какъ часть въ цѣломъ. Авторъ указываетъ сначала матеріальное значеніе слова κάθαρσις у Платона и Гиппократа. Потомъ духовное состояніе, требующее κάθαρσις'а, Платонъ опредѣляетъ какъ ἀμετρία, въ противоположность нормальному συμμετρία. Κάθαρσις возстановляетъ нарушенное душевное равновѣсіе. Это энтузіастическое дѣйствіе, принадлежащее одинаково каждому искусству. Въ частности, дѣйствіе трагедіи возбуждаетъ въ зрителѣ ἔλεον и φόβον и тѣмъ нарушаетъ его духовное равновѣсіе; цѣлью трагическаго κάθαρσις'а является возстановленіе этого равновѣсія. Гёте, объясняя „Поэтику“ Аристотеля, опредѣляетъ κάθαρσις, какъ примиряющее завершеніе (aussöhnende Abrundung), принадлежащее изъ всѣхъ родовъ поэзіи наиболѣе драмѣ. У Аристотеля, полагаетъ авторъ, не стояло первоначально δι' ἐλέου καὶ φόβου и предлогъ δι' проникъ изъ сосѣдняго δι' ἀπαγγελίας. Слова ἔλεος и φόβος тамъ же имѣли конкретное значеніе ἐλεεινόν и φοβερόν, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

Къ комедіи относится статья Камил. Фюрста (Fürst) о подражаніи Менандра Еврипиду въ композиціи комедій (стр. 77—93). Статья представляетъ первую часть обширнаго труда, гдѣ авторъ предполо-

жилъ разсмотрѣть вліяніе Еврипида на Менандра въ воззрѣніяхъ на міръ боговъ и людей, а также въ языкѣ и метрикѣ. (Для послѣдней срв. недавнюю книгу Hans Rubenbauer, Der Bau des jambischen Trimeters bei Menander). Вліяніе Еврипида, какъ указываетъ чешскій изслѣдователь, наиболѣе сказывается въ тѣхъ пьесахъ Менандра, которыя представляются болѣе серьезными по содержанію и въ связи съ тѣмъ родственно ближе трагедіи. Прежде всего вліяніе это обнаруживается въ прологѣ, если взять, напримѣръ, съ одной стороны прологъ къ „Іону" Еврипида, а съ другой стороны такія комедіи Менандра, какъ Περικειρομένη. Прологъ у Менандра въ Aulularia сходенъ съ прологомъ къ „Ипполиту" Еврипида. Но Менандръ не рабски подражаетъ своему образцу. Онъ иногда передъ Еврипидовскимъ прологомъ помѣщаетъ одну-двѣ діалогическія сцены; такъ въ „Героѣ" и въ Περικειρομένη. Затѣмъ—монологъ, самая поздняя драматическая форма, которой въ трагедіи вредитъ присутствіе хора. Еврипидъ развиваетъ цѣлую систему монолога. Напримѣръ, въ „Орестѣ" и „Еленѣ" діалогъ начинается послѣ двухъ вступительныхъ монологовъ. Внутри пьесъ Еврипидъ имѣетъ монологи по удаленіи хора въ „Алкистидѣ", и особенно въ „Еленѣ" монологъ Менелая. Иногда у Еврипида въ присутствіи хора говорящее лицо забываетъ объ этомъ присутствіи, и получается суррогатъ монолога, по выраженію нашего автора. Словомъ ἔα часто кончается монологъ, и говорящій обращается къ присутствующимъ, какъ eccum-eccam въ комедіи. Еврипидову схему въ „Еленѣ" и „Електрѣ", гдѣ діалогъ наступаетъ послѣ двухъ вводныхъ монологовъ, Менандръ не употребляетъ въ началѣ, а перенесъ внутрь пьесы. Въ „Саміи" Менандра монологомъ начинается и кончается актъ, какъ нерѣдко у Еврипида. Эротическій конфликтъ и интрига тоже взяты Менандромъ у Еврипида. Съ Менандровымъ Ἐπιτρέποντες сравнивается особенно Еврипидова „Алопа"; уже у Еврипида въ „Еленѣ" интрига проводится на почвѣ существенно комическихъ моментовъ. (Объ Ἐπιτρέποντες срв. еще замѣчаніе *Sudhans* въ Hermes XLVIII 14—28).

Къ греческой классической прозѣ имѣетъ отношеніе работа R. Wenig о подлинности XXI рѣчи Исократа Πρὸς Εὐθύνουν ἀμάρτυρον (стр. 49—57). Авторъ видитъ въ названномъ произведеніи подлинное сочиненіе великаго писателя, но относящееся къ той же категоріи, какъ три сохранившіяся тетралогіи Антифонта, то есть къ эристико-софистическому упражненію. Отсюда та разница въ слогѣ этой рѣчи сравнительно съ другого назначенія сочиненіями Исократа, какую

H. Richards отмѣтилъ между слогомъ тетралогій и судебныхъ рѣчей Антифонта (Class. Review XX, 1906).

Греческая философія представлена открывающимъ сборникъ изслѣдованіемъ Фр. Дртины (Drtina) о философіи Анаксимандра (ст. 1—11). Авторъ указываетъ вліяніе на философію и космогонію Анаксимандра Гесіодова (съ народной подкладкой) Хаоса, какъ начала всего, а также философіи, математики и геометріи Өалета, и, съ другой стороны, тѣ воздѣйствія, какія произвелъ Анаксимандръ на древнихъ (Анаксименъ, Гераклитъ, Пиөагорейцы) и новыхъ мыслителей (Шопенгауеръ, Нитше).

Въ другой статьѣ сборника по греческой философіи, въ изслѣдованіи Фр. Чады (Čáda) рѣчь идетъ объ академикѣ Лакидѣ (стр. 94—196), шестомъ преемникѣ Платона по управленію Академіей, съ 241—240 г. до Р. Хр. въ теченіе 18 лѣтъ ею управлявшемъ. Авторъ разбираетъ показаніе о Лакидѣ Нуменія, неоплатоника II вѣка по Р. Хр., сохраненное Евсевіемъ praep. Evang. 7, 1—13. Содержаніе разсказа представляетъ несоотвѣтствіе между философскимъ ученіемъ и роскошной жизнью философовъ,—сюжетъ такъ излюбленный у Лукіана. Ἄλλως ταῦτα, ὦ παῖδες, ἐν ταῖς διατριβαῖς λέγεται ἡμῖν, ἄλλως δὲ ζῶμεν. Соотвѣтственно учителю поступаютъ и ученики: въ отсутствіе Лакида они обкрадываютъ его шкафъ черезъ подборъ ключа. Уже Мейнеке предполагалъ здѣсь комическій источникъ; подробнѣе остановился на вопросѣ Hirzel въ Hermes XVIII. Можетъ быть комедія называлась κλέπται Ἀκαδημαϊκοί и въ изложеніи Нуменія оставила нѣкоторые дословные слѣды, въ родѣ словъ στωμολήθρα и подобныхъ. Авторомъ комедіи могъ быть комическій поэтъ Батонъ, потому что онъ осмѣивалъ философовъ, судя по сохранившимся отрывкамъ, и былъ не только современникомъ, но и соученикомъ Лакида у Аркесилая.

Слѣдующая статья Lad. Btrnický объединяетъ данныя о помѣстьѣ Цицерона Tusculanum (стр. 107—122). Интересно здѣсь подтвержденіе Марціаловой эпиграммы XI, 48, silius haec magni celebrat monimenta Maronis, iugera facundi qui Ciceronis habet надгробной надписью вольноотпущеннаго поэта Силія Италика, найденной къ сѣверу отъ стараго Tusculum'a.

Отчетливый анализъ эпизода о Цеиксѣ и Алціонѣ въ „Метаморфозахъ" Овидія XI, 410—748 содержитъ очеркъ I. Бранта (стр. 123—146). Авторъ разбираетъ основной мотивъ эпизода, мотивъ вѣрной супружеской любви (неточно цитуется стр. 124 ст. 415 вм. 445).

Овидій сразу вступаетъ in medias res, потому что характеристика дѣйствующихъ лицъ представляется предыдущимъ содержаніемъ поэмы. Эпизодъ раздѣляется изслѣдователемъ на двѣ основныя части (1 Цеиксъ, 2 Алціона) и частнѣйшія дѣленія вслѣдъ за H. Peters, Symbola ad Ovidii artem epicum cognoscendam, Göttingen, 1908. Въ частности мотивъ опасеній Алціоны, останется ли Цеиксъ ей вѣренъ въ разлукѣ, разобранъ по матеріалу Героидъ Tolkiehn'омъ Quaestionum ad Heroides Ovidii spectantium capita VII, Lips. 1888 (непріятная опечатка стр. 127 ferra вмѣсто правильнаго fessa). Слабую локализацію мѣстности Овидій раздѣляетъ съ античностью вообще. Родъ „примитивнаго натурализма", по выраженію Käthe Friedmann'a, Die Rolle des Erzählers in der Epik, Leipz. 1910, представляетъ у Овидія XI, 480, 499 указаніе цвѣта волнъ (albescere), песка (fulvas), когда въ природѣ черная ночь. Albescere для волнъ взято у Виргилія Georg. III, 237, Aen. VII, 528, но тамъ оба раза въ сравненіи. Овидій увлекается зрительной фантазіей, Виргилій творитъ съ эстетической и логической сознательностью. Менѣе убѣдительно у чешскаго автора указаніе на противорѣчіе Овидія, когда Цеиксъ передъ смертью inmurmurat undis имя Алціоны XI, 566, а Морфей о томъ же говоритъ 665 clamantia nomen: рѣшающее значеніе для выбора глаголовъ въ томъ и другомъ случаѣ могло принадлежать заботѣ о красотѣ стиха, звука. Для богатства и разнообразія описаній у Овидія указано, напримѣръ, сколько разъ, и все безъ монотонности изображенъ эпизодомъ плачъ (не точная цитата, стр. 135, ст. 44 сл. вмѣсто ст. 444 сл.). Интересны также отмѣтки, какъ много отдѣльныхъ τόποι риторской школы и ея прогимнасматъ художественно обработаны поэтомъ въ своемъ описаніи; таковы ἔκφρασις τόπων, χειμῶνος (при художественномъ образцѣ Пакувія), σύγκρισις и пр. Сюда относится диссертація C. Brück, De Ovidio scholasticarum declamationum imitatore, Giessen, 1909. Напримѣръ, первая рѣчь Алціоны ст. 421—443 есть свазорія по всѣмъ правиламъ искусства.

А. Салачъ (Salač, стр. 147—159) полемизируетъ съ Рейценштейномъ, относящимъ „Метаморфозы" Апулея всецѣло къ вліянію Сизенны. Но и до Сизенны нѣкоторыя Апулеевы слова могли существовать въ римской литературѣ, напримѣръ, у комическихъ поэтовъ и въ другихъ мѣстахъ, и вообще народный фонъ, легшій въ произведенія Апулея, у Рейценштейна выясненъ не довольно отчетливо.

Въ области грамматики и исторіи древнихъ языковъ, къ маленькой замѣткѣ Зубатаго (Zubatý) о словѣ αἰέλουρος (стр. 151—153)

можно напомнить объясненіе слова въ недавней книгѣ Ehrlich, Untersuchungen über die Natur der griechischen Betönung.

F. Krsek на основѣ преимущественно извѣстной книги G. Deville, Etude du dialecte tzaconien, Paris 1868, даетъ обзоръ цаконскаго ротацизма (стр. 154—159).

Hujer доказываетъ, что формы nostri, vestri не суть единственнаго притяжательнаго мѣстоименія, но аналогическія образованія, заступившія старѣйшія формы на um (стр. 160—165).

Къ античной эпиграфикѣ относятся замѣтки профессора Гроха (стр. 225—234) о новомъ отрывкѣ отчета по постройкѣ Парѳенона, заинтересовавшемъ автора для его „топографіи древнихъ Аѳинъ", объ ἱερὰ ὀργάς Елевсина, о надписи фратріи Δημοτιωνίδαι и двухъ латинскихъ надписяхъ.

Въ спеціальной области античной музыки Ф. Ванекъ (Vaněk, стр. 215—224) на вопросъ byla řecká hudba více hlasá? даетъ отвѣтъ více než dvouhlasá řecká hudba nebyla.

Нѣсколькими интересными статьями представлена въ сборникѣ миѳологія. Таковъ прекрасный очеркъ Веч. Нидерле о Діонисѣ (стр. 166—179), гдѣ съ особенной отчетливостью сведены, напримѣръ, животное воплощеніе бога, при томъ и по такимъ далекостоящимъ и новѣйшимъ по времени пособіямъ, какъ Journ. Asiatic Soc. 1812, или книга Фрикенгаузена о Ленейскихъ вазахъ, появившаяся также въ 1912 году.

Любопытна далѣе замѣтка Ирани о Сизифѣ въ подземномъ мірѣ (стр. 180—189). Разсматривая образъ наказываемаго грѣшника Сизифа въ позднѣйшей части Гомеровской Некіи, чешскій авторъ примыкаетъ отчасти ко взгляду Сол. Рейнака въ его статьѣ „Sibille aux enfers" въ журналѣ Rev. Arch. 1909. Въ число разбойниковъ и преступниковъ Сизифъ попалъ позднѣе, когда забылся начальный смыслъ его легенды. На этотъ начальный смыслъ указываетъ, во-первыхъ, священный камень на верху горы Латма въ Каріи, къ которому обращались съ просьбами о дождѣ во время засухи; извѣстіе это добыто изъ житія св. Павла Младшаго, X вѣка, Узенеромъ въ Rhein. Mus. 1895 года. Во-вторыхъ, начальное значеніе легенды о Сизифѣ выясняется сравненіемъ со старо-римскимъ обрядомъ aquilicium, гдѣ при засухѣ понтифики втаскивали камень на Капитолій, въ качествѣ магическаго средства для вызыванія дождя. Съ этимъ сравнивается священная четырехколесная колесница изъ бронзы въ этолійскомъ городѣ Краннонѣ, которая снабжалась кадкой съ водой и быстро

провозилась во время засухи, такъ что плескалась вода,—магическое средство для вызыванія грозы и ливня.

Интересъ и значеніе для археологіи южной Россіи представляетъ слѣдующая статья В. В. Шкорпила о культѣ Кибелы въ Воспорскомъ царствѣ (стр. 190—203). Особенно въ столицѣ царства, древнемъ Пантикапеѣ, нынѣшней Керчи, мѣстный культъ Матери боговъ удостовѣренъ литературными и эпиграфическими, нумизматическими и художественными памятниками за время съ III столѣтія до Р. Хр. по III вѣкъ по Р. Хр. Почитаніе Кибелы, по словамъ Гесихія называемой спеціально Киммерійской богиней, удостовѣрено здѣсь одинаково какъ монументальнаго, такъ и народнаго происхожденія и назначенія художественными памятниками (терракоты), а равно и популярными въ мѣстности личными именами. Образъ богини мощно воздѣйствуетъ на многоразличные памятники искусства. Нѣкоторыя статуи, найденныя здѣсь, къ сожалѣнію, много поврежденныя „христіанскими иконоборцами“ (křesťanšti ikonaklasti), ведутъ происхожденіе изъ Малой Азіи (послѣднее вліяніе сказывается и ходкой въ Пантикапеѣ Кизикской монетой) и эллинистической эпохи, другія обличаютъ художественное вліяніе Аѳинъ. Кое-какія детали позволяютъ сравнивать лучшія керченскія изваянія богини съ налучьями скиѳскихъ вельможъ Чертомлыцкаго кургана.

Къ этнографіи древней Греціи относится статья Щастнаго (Štastný) о Македонской области Мигдоніи и ея античномъ населеніи (стр. 204—214).

Исторія чешскаго гуманизма иллюстрируется въ сборникѣ прежде всего статьей Новотнаго (Novotný) о переводческой дѣятельности Сигизмунда Грубаго Еленскаго (стр. 235—253). Это былъ дѣятель ранняго чешскаго гуманизма XVI вѣка, еще брезгавшаго народной рѣчью и писавшаго по-латыни. Оттого и Еленскій латинизировалъ свое родовое имя въ Gelenius'а и переводилъ греческихъ писателей Іос. Флавія, Діонисія Галикарнасскаго, Филона, Аппіана, Юстина, Оригена не на грубую народную рѣчь, а на латинскій.

Къ тому же XVI вѣку принадлежитъ латинское описаніе римскихъ древностей, составленное по труду итальянскаго архитектора Палладія, Сиг. Доминикомъ, въ латинизированной формѣ Dominacius (статья К. Hrdina, стр. 254—258).

Бо́льшее значеніе для развивающагося чешскаго гуманизма получаютъ ранніе переводы изъ Гомера, разсматриваемые въ сборникѣ Штракой (Straka, стр. 259—275). Долго эти переложенія носили ха-

рактеръ чрезмѣрно дословныхъ; напримѣръ, стихъ II. V. 500 αἱ μὲν ἔτι ζωὸν γόον Ἕκτορα ᾧ ἐνὶ οἴκῳ передавался такъ: ony ještě živého zalovaly pro Hektora ieho ve dome. Это изъ сборника переводовъ, появившагося въ 1826—1827 годахъ.

Интересна для исторіи чешскаго гуманизма и слѣдующая статья Нѣмца (Němec) о Марціалѣ въ чешской литературѣ до Челяковскаго. Здѣсь отмѣчено большое вліяніе какъ отдѣльныхъ мыслей и темъ, такъ и цѣльныхъ эпиграммъ Марціала на раннихъ чешскихъ поэтовъ.

Наконецъ, хорошо представленъ въ сборникѣ и тотъ отдѣлъ классической филологіи, для котораго неутомимая работа чествуемаго ученаго сдѣлала не менѣе, чѣмъ для другихъ областей нашей науки, а именно отдѣлъ стихотворныхъ переводовъ изъ древнихъ. Мы встрѣчаемъ на заключительныхъ страницахъ разбираемой книги переводы Грдины (Hrdina) изъ греческихъ лириковъ (Алкей, изъ новыхъ отрывковъ Сапфо, Симонидъ, Жалоба дѣвушки = Гренфеллева элегія), Шенка (R. Schenk) отрывокъ изъ Rudens Плавта, Сирчки (Sirčka) 5 пьесъ изъ Катулла.

Д. Шестаковъ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ 1914 года.

— *Маковельскій, Александръ.* Досократики. Первые греческіе мыслители въ ихъ твореніяхъ, въ свидѣтельствахъ древности и въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій. Историко-критическій обзоръ и переводъ фрагментовъ, доксографическаго и біографическаго матеріала. Часть первая. (Доэлеатовскій періодъ). Изданіе М. А. Голубева. Казань 1914. XXX+211 стр. Цѣна 2 руб.

— Шестое присужденіе преміи имени *Н. И. Лобачевскаго* (22-го октября—4-го ноября 1912 г.) Физико-Математическимъ Обществомъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Казань 1914. 4+79+30+22+27 стр.

— Труды Костромского Научнаго Общества по изученію мѣстнаго права. Выпускъ I. Кострома 1914. 148 стр.

— *Cagnat, René.* L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs. Deuxième partie. Paris 1912. Ernest Leroux, éditeur. 425—803 стр.

— *Князь Курбскій.* Сочиненія. Томъ первый. Сочиненія оригинальныя. С.-Пб. 1914. XXV+623 стр. Цѣна 2 руб. (Русская Историческая Библіотека, т. XXXI).

— Города Россіи въ 1910 году. С.-Пб. 1910. I+1157+XXXII стр. (Центральный Статистическій Комитетъ М. В. Д.).

— *Андріяшевъ, А. М.* Матеріалы по исторической географіи Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовымъ книгамъ 1498—1576 гг. I. Списки селеній. LXXVIII+544 стр. (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1914 годъ. Книга третья). II. Карты погостовъ. Альбомъ изъ 12 картъ.

— *Скворцовъ, Н. А., прот.* Архивъ Московской Св. Синода Конторы. Матеріалы по Москвѣ и Московской епархіи за XVIII вѣкъ. Выпускъ второй. VIII+811 стр. (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1914 годъ. Книга четвертая).

— *Шмидтъ, А. Э.* 'Абд-ал-Баххâб-Ша'рâній († 973/1565 г.) и его книга разсыпанныхъ жемчужинъ. С.-Пб. 1914. XV+252+47 стр.

— Royaume de Belgique. Ministère de l'industrie et du travail. Office du travail et inspection de l'industrie. Monographies industrielles. Aperçu économique, technologique et commercial. Groupe III. Industrie de la construction mécanique. Tome IV. Facsimile B. Matériel pour les industries agricoles, les industries d'alimentation et d'économie domestique.—Matériel des industries des cuirs et des peaux. — Matériel des industries textiles et des industries du vêtement. — Matériel des industries du papier et du livre. — Matériel pour mécanique de précision. — Matériel pour l'art militaire. Bruxelles 1914. 352 стр.

— Jahrbuch der königlich preussischen Auskunftstelle für Schulwesen. Erster Jahrgang 1913. Mit 17 Abbildungen im Text. Berlin 1914. X+424 стр.

— *Брюль-Сербинъ, И. Я.* Dr. Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія серболужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Изданіе Русскаго Архива. М. 1914. 34 стр.

— *Tettenberg, R.* Deutsche Grammatik für russische Mittelschulen. С.-Пб. 1914. VI+190 стр. Цѣна 1 руб. 35 коп.

— *Бозанкетъ, Б.* Основанія логики. Популярныя лекціи. Переводъ подъ редакціей Г. Шпета. Издательство „Гермесъ". М. 1914. 179+IV стр. Цѣна 1 руб. 10 коп.

— *Шпетъ, Г.* Явленіе и смыслъ. Феноменологія какъ основная наука и ея проблемы. Книгоиздательство „Гермесъ". М. 1914. 219 стр. Цѣна 1 руб. 60 коп.

— *Максимовъ, П. Л.* Списокъ рѣкъ Днѣпровскаго бассейна. Съ картой и географическимъ указателемъ. Изданіе Комиссіи по вопросу о географической номенклатурѣ. С.-Пб. 1913. XVIII+292 стр. Цѣна 2 руб. 25 коп.

— Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, составляемое А. Л. Бемомъ, М. Г. Долобко, В. В. Дорошенкомъ, Ю. И. Клецандой, С. С. Лисовскимъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ, подъ редакціей *В. Н. Бенешевича.* 1912 г., выпускъ II (до 1-го января 1913 г.). 1) Языкознаніе. 2) Русская литература, исторія и древности. С.-Пб. 1914. Стр. 145—472. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Переписка князя А. М. Курбскаго съ царемъ Іоанномъ Грознымъ.

(Извлечено изъ „Сочиненій князя Курбскаго"). Изданіе Императорской Археографической Коммиссіи. Петроградъ 1914. IV+160 стр. Цѣна 60 коп.

— *Зоргенфрей, Г.* Ianua reserata linguae latinae. Фразы и статьи для практическаго усвоенія латинскаго синтаксиса. Курсъ V и VI классовъ мужскихъ гимназій. Петроградъ. Товарищество „Просвѣщеніе". VI+262 стр. Цѣна 1 руб.

— *Шенрокъ, А.* Наибольшія отклоненія среднихъ мѣсячныхъ температуръ въ Европейской Россіи отъ нормальныхъ величинъ за періодъ съ 1870 по 1910 гг. Съ приложеніемъ 6 цифровыхъ таблицъ и 26 картъ. С.-Пб. 1914. 19 стр. Цѣна 65 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXXII, № 5).

— *Salensky, W.* Morphogenetische Studien an Würmern. Zweiter Theil. Die Morphogenese der Nemertinen. 2. Über die Entwickelungsgeschichte des Prosorochmus viviparus. Mit 4 Tafeln und 6 Figuren im Texte. С.-Пб. 1914. 39+4 табл. Цѣна 1 руб.

— *Вишницеръ, М.* Посланіе франкистовъ 1800 года. С.-Пб. 1914. 19 стр. Цѣна 30 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ XII, № 3).

— *Кордтъ, В.* Отчетъ о занятіяхъ въ государственномъ архивѣ въ Гагѣ лѣтомъ 1911 года. С.-Пб. 1914. 16 стр. Цѣна 30 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ XII. № 5).

— *Карѣевъ, Н. И.* Неизданные протоколы Парижскихъ секцій 9 термидора II года. С.-Пб. 1914. 88 стр. Цѣна 75 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ XII. № 4).

— *Ваннари, П.* Суточный ходъ солнечнаго сіянія въ Россіи. Съ двумя таблицами чертежей. С.-Пб. 1913. 33 стр. Цѣна 45 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXXI. № 10).

— *Павловъ, А. П.* Юрскія и нижнемѣловыя Cephalopoda Сѣверной Сибири. Съ 18 таблицами. С.-Пб. 1914. 68+XVIII табл. Цѣна 2 руб. 75 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXI. № 4. Научные результаты Русской Полярной Экспедиціи 1900—1903 гг. подъ начальствомъ барона Э. В. Толя. Отдѣлъ С: геологія и палеонтологія, вып. 4).

— *Мелиховъ, В. А.* Культъ императоровъ въ Римской поэзіи золотого вѣка. Харьковъ 1915. 52 стр. Цѣна 40 коп.

— *Святловскій, В. В.* Примитивно-торговое государство, какъ форма быта. С.-Пб. 1914. II+350+II стр. Цѣна 2 руб.

— *Кулаковскій, Юліанъ.* Прошлое Тавриды. Краткій историческій очеркъ съ 3-мя картами, 7-ю рисунками на таблицахъ и 10-ю въ текстѣ. Изданіе второе, пересмотрѣнное. Кіевъ 1914. IV+154 стр. Цѣна 1 руб.

— Матеріалы по этнографіи Россіи. Томъ II. Изданіе Этнографическаго

Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Петроградъ 1914. VII+196+4 стр. Цѣна 5 руб.

— Отчетъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1911 годъ. Составленъ *Ѳ. Г. Ширяевымъ.* Иркутскъ 1914. 206 стр.

— *Раковскій, А. В.* Къ ученію объ адсорбціи. М. 1913. VIII+193 стр.

— Budhapālita. Mūlamadhyamakavṛtti. Tibetische Übersetzung. Herausgegeben von *Max Walleser.* II. St. Petersburg 1914. Стр. 97—192. Цѣна 1 руб.

— *Марковъ, В. С.* Къ исторіи раскола-старообрядчества второй половины XIX столѣтія. Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, какъ матеріалъ для исторіи раскола и отношеній къ нему правительства. (1865—1904 гг.). 943 стр. (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1915 годъ. Книга первая).

— *Голоскевичъ, Г. К.* Евсевіево евангеліе 1283 года. Опытъ историко-филологическаго изслѣдованія. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1914. 67 стр. Цѣна 65 коп. (Изслѣдованія по русскому языку. Томъ III, выпускъ 2-й).

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ПО УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ [1].

IV. Г. Яренскъ и Яренскій уѣздъ.

Незначительный городокъ съ 1 тысячею населенія. Въ немъ имѣются женская прогимназія, высшее начальное училище, приходское училище.

Яренская женская прогимназія преобразована въ 1870 г. изъ женскаго второразряднаго училища. Помѣщается въ собственномъ зданіи.

Въ ревизіонной книгѣ прогимназіи я нашелъ запись покойнаго окружнаго инспектора А. Д. Мохначева: „14 и 15 мая 1909 г. я осматривалъ прогимназію и нашелъ, что для настоящаго числа ученицъ классы черезчуръ тѣсны, хотя общая площадь помѣщенія прогимназіи вполнѣ достаточна для этого учебнаго заведенія". Съ того времени прошло 4 года, но это замѣчаніе покойнаго А. Д. до сихъ поръ имѣетъ значеніе; о зданіи Яренской женской прогимназіи и въ настоящее время слѣдуетъ сказать то же, что сказано имъ.

Плата за ученіе 3 рубля съ ученицы въ годъ. Бѣдныя освобождаются; въ 1912—13 учебномъ году изъ 133 ученицъ 55 были освобождены.

Поступающая отъ ученицъ плата за ученіе расходуется на выдачу пособій бѣднымъ ученицамъ прогимназіи.

Къ 12-му сентября 1913 года въ прогимназіи состояло 120 ученицъ; изъ нихъ: дѣтей чиновниковъ 12, дворянъ 1, духовнаго званія 8, почетныхъ гражданъ 6, мѣщанъ 12, крестьянъ 81.

Изъ 120 учащихся 30 ученицъ живутъ въ общежитіи прогимназіи,

[1]) *Окончаніе.* См. октябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1914 годъ.

27 на частныхъ квартирахъ и 63 дома, у родныхъ. Очень многимъ ученицамъ изъ этихъ 63 приходится идти въ школу за 2 и 3 версты, а нѣкоторымъ и за 5 и 6 верстъ, что крайне неудобно въ осеннюю распутицу, зимній морозъ и вьюгу (къ тому же и яренскій зимній день короткій — съ $9^1/_2$ ч. утра до 2 ч. дня), и весенній разливъ рѣкъ Вычегды, Яреньги и Кижмилы.

Изъ 27 ученицъ, окончившихъ прогимназію въ 1913 г., 13 ученицъ поступили въ 5-й классъ гимназій, — 6 въ Устьсысольскую, 6 въ Сольвычегодскую и 1 въ Устюгскую; 2 ученицы на казенную стипендію приняты въ В.-Устюгскую женскую учительскую семинарію; 3 поступили на фельдшерскіе курсы и одна на акушерскіе; 3 пока жили дома у родителей.

Съ 1-го сентября 1909 года, съ разрѣшенія управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа, было открыто общежитіе на 30 ученицъ прогимназіи.

До этого же времени, съ 1905 г. было общежитіе для 6 бѣднѣйшихъ ученицъ, потомъ для 8, и въ 1908 г. уже для 14-ти, помѣщавшееся въ прогимназіи и находившееся подъ руководствомъ и наблюденіемъ начальницы прогимназіи.

Въ 1913—14 учебномъ году въ общежитіи помѣщалось 8 стипендіатокъ земства, 4 полустипендіатки и 18 своекоштныхъ ученицъ.

За неимѣніемъ мѣста въ зданіи самой прогимназіи, общежитіе помѣщается въ наемномъ домѣ. Содержится общежитіе на средства, ассигнуемыя Яренскимъ земствомъ, и на плату съ ученицъ. Отъ уѣзднаго земства въ 1909 году было назначено на оборудованіе общежитія: 30 желѣзныхъ кроватей—150 р., 30 матрацовъ — 90 р., 30 одѣялъ—90 р., бѣлье постельное и столовое—на 203 р., на мебель и посуду 360 р., а всего 893 р. единовременнаго расхода; ежегодный же расходъ земства—по 950 р. на содержаніе общежитія и 500 р. на стипендіи для бѣдныхъ.

Ежегодные расходы по содержанію общежитія таковы:

1) На наемъ помѣщенія	500 руб.
2) На отопленіе и освѣщеніе	130 „
3) Жалованье экономки надзирательницы . . .	200 „
4) На мелкіе хозяйственные расходы	120 „
Всего	950 руб.

Плата съ каждой ученицы за содержаніе въ общежитіи 50 рублей за учебный годъ. Такимъ образомъ, содержаніе ученицы пансіонерки

общежитія обходится ея родителямъ въ 5 рублей 50 коп. въ мѣсяцъ, а общежитію стоитъ 9 руб. въ мѣсяцъ (81 р. 66 к. въ годъ).

Помѣщеніе общежитія довольно свѣтлое, въ деревянномъ домѣ; но зимою, какъ мнѣ передавали, по утрамъ въ немъ температура падаетъ иногда до 10°.

Какъ говорили мнѣ живущія въ общежитіи ученицы, всѣ онѣ дома принимаютъ въ работахъ участіе по хозяйству. Проѣздомъ въ Яренскъ я въ деревняхъ видѣлъ повсюду уборку брюквы или, по мѣстному названію, „голанки". Я упомянулъ ученицамъ объ этой уборкѣ, а онѣ съ большимъ оживленіемъ разсказали мнѣ, въ свою очередь, о томъ, какъ сберегаютъ „голанку", на что она идетъ въ хозяйствѣ и т. п.

Въ общежитіи своекоштныя ученицы—все дѣти родителей выше средняго достатка. Дѣти же родителей средняго достатка и бѣдныхъ размѣщаются по квартирамъ, у мѣщанъ въ городѣ и крестьянъ въ близкихъ къ городу деревняхъ.

На квартирахъ живетъ 27 ученицъ; 3 ученицы изъ 27 получаютъ столъ не хуже, чѣмъ въ общежитіи, и расходуютъ въ мѣсяцъ среднимъ числомъ 10 руб. каждая. 11 ученицъ занимаютъ квартиру безъ стола отъ хозяевъ. Помѣщаются не въ отдѣльной комнатѣ, но имѣютъ сравнительно удобный уголъ и кровать; платятъ въ мѣсяцъ отъ 60 коп. до 1 рубля; имѣютъ на обѣдъ одно горячее блюдо — супъ изъ мяса или соленой рыбы, кашу на водѣ; пьютъ разъ въ сутки чай съ домашними сухарями „ярушниками" (ячный хлѣбъ, въ видѣ лепешекъ), или „шанешками" (нѣчто въ родѣ ватрушекъ). Эти ученицы обходятся своимъ родителямъ въ мѣсяцъ рубля въ три, такъ какъ пищевые продукты они присылаютъ по земской почтѣ (письма и посылки безплатно) изъ собственнаго хозяйства. Что касается остальныхъ 13 ученицъ, изъ 27 квартирныхъ, то всѣ онѣ изъ бѣдныхъ семействъ. Прогимназія выдаетъ имъ пособіе на уплату за квартиру, иногда на покупку хлѣба, чая. Костюмъ ихъ часто не соотвѣтствуетъ времени года или ветхъ, такъ что прогимназіи приходится выдавать имъ пособіе и на костюмъ.

Всѣмъ безъ исключенія ученицамъ прогимназіей выдаются учебники на учебный годъ. До 1912—13 учебнаго года прогимназія учебники выписывала на свои средства и не взимала съ ученицы платы за нихъ. Съ 1912—13 года прогимназіи пришло на помощь Яренское земство, согласившись заготовлять учебники, по списку, данному начальницей, съ условіемъ выплаты земству $^1/_{10}$ стоимости заготовленныхъ учебниковъ.

Прогимназія беретъ на себя расходъ по переплету этихъ книгъ и, выдавая ихъ ученицамъ, взыскиваетъ за пользованіе $^1/_{10}$ стоимости книгъ. Въ концѣ учебнаго года собранная сумма начальницей, какъ долгъ, отправляется въ земство. Въ 1912—13 учебномъ году земствомъ было заготовлено для прогимназіи учебниковъ на 115 р. 60 к., а осенью 1913 г. на 147 рублей.

За пользованіе книгой прогимназія должна взыскивать съ ученицъ $^1/_{10}$ и платить земству до тѣхъ поръ, пока книга будетъ цѣла, не потрепана, т. е. 4—5 лѣтъ.

Стипендіатки и самыя бѣдныя ученицы прогимназіи за пользованіе новыми учебниками не платятъ, какъ не платятъ и за право ученія.

Эти послѣднія ученицы получаютъ отъ прогимназіи бумагу, карандаши, перья, краски на урокахъ рисованія и матеріалъ для работъ на урокахъ рукодѣлія. Лишаются этого только оставленныя по малоуспѣшности на второй годъ въ томъ же классѣ или за дурное поведеніе.

На земскія средства въ прошломъ 1912 году прогимназія пріобрѣла фисгармонію въ 200 рублей.

Въ 1896 г. Яренское уѣздное училище преобразовано въ городское, которое, въ свою очередь, въ 1912 г. преобразовано въ высшее начальное училище.

Учащихся 120; окончило курсъ 17.

Съ 1-го января 1903 года при училищѣ открыто ремесленное отдѣленіе съ портняжнымъ производствомъ, а съ 1-го сентября 1907 г. отдѣленіе съ сапожнымъ; учащихся въ сапожномъ отдѣленіи 7 и въ портняжномъ 11. Содержатся ремесленныя отдѣленія на средства, отпускаемыя казною въ размѣрѣ 900 руб. ежегодно и Яренскимъ земствомъ по 700 руб.

Съ 1905 года училище помѣщается въ собственномъ двухъэтажномъ деревянномъ зданіи; съ 1906—7 учебнаго года во вновь построенномъ второмъ, тоже двухъэтажномъ домѣ, помѣщаются ремесленныя отдѣленія и ученическое общежитіе. Оба зданія нуждаются въ внутреннемъ ремонтѣ.

Ремесленныя отдѣленія тѣснятся въ двухъ небольшихъ комнатахъ.

Въ высшемъ начальномъ училищѣ введено преподаваніе французскому и нѣмецкому языкамъ; обученіе языкамъ безплатное; вознагражденіе за преподаваніе языковъ отъ земства 900 руб. въ годъ.

Военному строю обучаетъ фельдфебель за 200 руб. въ годъ; есть ружья, барабанъ, знамя. Весною и осенью ученики участвуютъ на парадахъ. Впрочемъ, какъ мнѣ передавали, парады въ Яренскѣ начали вводиться вмѣстѣ съ потѣшными. Есть въ училищѣ струнный оркестръ, балалайки, гитары, мандолины. По стѣнамъ зала развѣшаны картины—„Русское потѣшное войско".

При посѣщеніи занятій въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ я обратилъ вниманіе на то, что у обучающагося портняжному мастерству мальчика были рваныя брюки, а у мальчика, обучающагося сапожному мастерству,—сапогъ „просилъ каши", т. е. съ разорваннымъ носкомъ. Я рекомендовалъ завѣдывающему, чтобы учащіеся въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ прилагали свое умѣніе прежде всего на принадлежностяхъ собственнаго костюма.

Главный контингентъ учащихся въ высшемъ начальномъ училищѣ—это дѣти крестьянъ, и меньшій % (всего 29%) составляютъ дѣти мѣщанъ и мелкихъ служащихъ въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ г. Яренска.

Богатыхъ крестьянъ, т. е. способныхъ располагать той или другой крупной денежной суммой, въ уѣздѣ очень немного. Богатство крестьянина обычно измѣряется количествомъ жизненныхъ продуктовъ и числомъ работниковъ и ѣдоковъ въ семьѣ. Посылая же своего сына въ училище, крестьянинъ платитъ за его содержаніе большею частью не деньгами, а продуктами. Поэтому матеріальное положеніе учащихся въ значительной степени зависитъ отъ того, какъ далеко находится ихъ родина отъ училища, и дѣти крестьянъ изъ отдаленныхъ селъ и деревень громаднаго по территоріи Яренскаго уѣзда были бы совершенно лишены возможности обучаться въ высшемъ начальномъ училищѣ, если бы уѣздное земство не открыло на свои средства при училищѣ общежитія.

Въ отношеніи матеріальнаго положенія учащихся, ихъ можно раздѣлить на 4 группы, указанныя въ таблицѣ на стр. 6.

Въ общежитіе принимаются ученики изъ наиболѣе отдаленныхъ мѣстностей уѣзда. Болѣе бѣдные изъ нихъ зачисляются полными стипендіатами, а остальные платятъ по 25 рублей въ годъ. Послѣднихъ въ общежитіи въ настоящее время живетъ 5 человѣкъ; кромѣ того есть одинъ своекоштный, за плату въ 50 рублей въ годъ.

По словамъ учащихъ, ученики, живущіе въ общежитіи при училищѣ, поставлены въ лучшія, сравнительно съ прочими, условія, такъ какъ, пользуясь помѣщеніемъ и получая достаточное питаніе, мо-

Гдѣ живутъ ученики въ учебное время года.	I. Въ общежитіи при училищѣ.	II. Въ городѣ при родителяхъ.	III. Въ окрестныхъ деревняхъ, въ разстояніи 1—8 верстъ.	IV. На частныхъ квартирахъ въ городѣ.
Общее число . . .	24	36	30	33
% отношеніе къ числу учениковъ въ училищѣ. . .	19,51	29,27	24,39	26,83

гутъ не отвлекаться заботами о матеріальномъ обезпеченіи и домашними работами и посвящать свое время интересамъ школы. Но при моемъ посѣщеніи общежитіе это было весьма неблагоустроеннымъ. Оно помѣщается, какъ сказано выше, въ отдѣльномъ отъ училища 2-хъэтажномъ зданіи.

За нѣсколько дней до моего пріѣзда въ Яренскъ, 21-го августа, комиссія, состоящая изъ педагогическаго совѣта училища, члена земской управы и школьнаго врача, произвела осмотръ общежитія. Для характеристики послѣдняго приведу выдержки изъ протокола комиссіи:

1) „Кухня общежитія тѣсна и содержится неопрятно. Причины этого недостатокъ свѣта и, главнымъ образомъ, вентиляціи; въ окнахъ самой кухни нѣтъ форточекъ; колпакъ надъ плитой для вытяжки пара и кухоннаго чада или неудачно сдѣланъ или труба въ немъ засорилась, но онъ не отвѣчаетъ своему назначенію; чайная и столовая посуда вся эмалированная и ея недостаточно; имѣющаяся на лицо пришла въ ветхость: съ тарелокъ, чашекъ и блюдецъ поотскакивала эмаль, желѣзо обнажилось и чисто вымыть такую посуду не представляется возможнымъ; на всю кухню только одна судомойка—тазъ и нѣтъ ни одного кухоннаго полотенца; кранъ въ бакѣ для кипятка течетъ, когда закрытъ, а открытый расплескиваетъ воду въ стороны, разводя сырость“.

2) „Столовая общежитія достаточно свѣтла и просторна, но для вечерняго освѣщенія имѣется только одна висячая лампа, свѣта которой очень недостаточно во время вечерняго чая и ужина“.

3) „Въ комнатѣ для занятій 30 учениковъ помѣщены 4 стола, за которыми могутъ помѣститься только 18—20 учениковъ; скамеекъ всего 4, и во время занятій ученики приносятъ скамьи изъ столовой съ перваго этажа и обратно уносятъ ихъ во время ужина и обѣда; на всю комнату имѣется только одна лампа—молнія и одна простая въ 10 линій, тогда какъ необходимо по меньшей мѣрѣ 4 висячихъ лампы—молніи и штуки 3—4 небольшихъ 10-линейныхъ лампъ на стѣны".

4) „Спальни общежитія находятся въ совершенно невозможномъ санитарномъ состояніи: щели стѣнъ, кровати и матрасы полны паразитами; матрасы рогожные и не перемѣнялись около 4—5 лѣтъ; чехлы на нихъ почти всѣ истрепались, загрязнились и пришли въ полную негодность; на многихъ кроватяхъ нѣтъ досокъ, что еще больше способствуетъ разрушенію матрасовъ, а слѣдовательно, увеличиваетъ количество вредной рогожной пыли; оставлять въ такомъ состояніи ученическія спальни на продолжительное время является нарушеніемъ основныхъ законовъ санитаріи и гигіены. Постельнаго бѣлья (простынь и наволочекъ) имѣется только двѣ перемѣны, при чемъ многія изъ нихъ совершенно изорвались".

5) „При общежитіи имѣется баня и прачешная; въ банѣ вырытъ колодезь, и послѣдній до того загрязнился, что совершенно невозможно пользоваться водой изъ него. Колодезь этотъ необходимо вычистить и углубить, или же вырыть новый во дворѣ".

Комиссія постановила: просить исполняющаго обязанности инспектора народныхъ училищъ составить смѣту необходимыхъ исправленій и пріобрѣтеній и отъ лица комиссіи войти съ ходатайствомъ передъ Яренской земской управой объ ассигнованіи потребной суммы—250 рублей.

На содержаніе ученическаго общежитія Яренское уѣздное земство отпускаетъ 30 стипендій по 50 рублей въ годъ, всего 1.500 рублей, и этихъ денегъ едва хватаетъ на удовлетвореніе нуждъ общежитія.

Обычный обѣдъ въ общежитіи: супъ и картофель съ саломъ; бываетъ иногда и каша (вмѣсто картофеля). Мяса на каждаго человѣка по ½ фунта въ день. Обѣдаютъ здѣсь и ученики ремесленныхъ отдѣленій.

Разумѣется, иныя, чѣмъ въ общежитіи, условія жизни тѣхъ учениковъ, родители которыхъ живутъ въ городѣ. Среди послѣднихъ есть нѣсколько зажиточныхъ торговцевъ и мѣщанъ, но большинство

мѣщане, занимающіеся земледѣліемъ, чернорабочіе или низшіе служащіе въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Среди учениковъ, живущихъ въ городѣ вмѣстѣ съ родителями, насчитываются лишь 7 человѣкъ, родители которыхъ могутъ предоставить своимъ дѣтямъ достаточное питаніе, теплую одежду и учебныя пособія. Остальная же масса учениковъ этой группы постоянно терпитъ лишенія вмѣстѣ съ своими семьями и отвлекается отъ занятій домашними работами. Но эта группа учениковъ является наиболѣе стойкимъ элементомъ,—изъ нея доходятъ до послѣдняго класса почти всѣ.

Къ третьей категоріи относятся ученики, посѣщающіе училище изъ окрестныхъ селъ и деревень, гдѣ живутъ ихъ родители крестьяне. Для учениковъ является большимъ неудобствомъ дальнее разстояніе (иногда верстъ 8) ихъ деревень отъ города. Въ первой половинѣ зимы, когда ночь въ Яренскѣ длится $^{3}/_{4}$ сутокъ, они ходятъ въ училище и обратно при звѣздахъ, руководствуясь, какъ путеводной нитью, наѣзженной дорогой. Въ метели или послѣ того, какъ выпадетъ глубокій снѣгъ, они бываютъ отрѣзаны отъ города и невольно пропускаютъ учебные дни. Далеко не всѣ изъ нихъ имѣютъ теплую одежду, столь необходимую при суровой зимѣ въ Яренскѣ. „Въ настоящее время,—писалъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ учителей 19-го сентября,—въ Яренскѣ выпалъ снѣгъ и держится уже два дня, а 4 ученика ходятъ за 5 верстъ въ худыхъ сапогахъ и безъ верхней одежды, хотя бы материнскаго тулупа, и осаждаютъ училище просьбами о пособіи“. Ученики этой группы, какъ оставляющіе домъ на 7 — 8 часовъ, особенно нуждаются въ „горячемъ приваркѣ“. Земство приходитъ къ нимъ на помощь, отпуская на это въ распоряженіе училища около 100 рублей въ годъ. Всѣ 30 учениковъ этой группы распредѣлены по классамъ слѣдующимъ образомъ:

I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	Всего.
15	9	6	—	30
39%	26%	18%		%-ное отношеніе къ числу учениковъ въ классѣ.

Постепенное уменьшеніе ихъ въ старшихъ классахъ объясняется тѣмъ, что, посѣщая училище, они не теряютъ связи съ рабочей крестьянской семьей, и съ достаточнымъ для работника физическимъ развитіемъ образованіе ихъ заканчивается.

Въ самомъ худшемъ матеріальномъ положеніи находятся ученики, живущіе на квартирахъ. Какъ сказано выше, крестьяне обыкно-

венно платятъ за содержаніе своихъ дѣтей на городскихъ квартирахъ пищевыми продуктами. Поэтому помѣщаютъ на квартирахъ своихъ дѣтей крестьяне, живущіе отъ города въ разстояніи до 20—40 верстъ. Разъ или два въ мѣсяцъ они навѣщаютъ дѣтей и привозятъ имъ то или другое количество муки, крупъ, мяса и пр., покупаютъ для нихъ чай, сахаръ, соль и снабжаютъ ихъ мелкими деньгами на расходы. Хозяйкѣ обычно платится за квартиру или продуктами, или же деньгами—отъ 50 коп. до 1 рубля въ мѣсяцъ. За эту плату она обязана печь хлѣбъ и готовить обѣдъ для своихъ квартирантовъ изъ привезенныхъ имъ продуктовъ. Отдѣльной комнаты для мальчика не полагается: онъ помѣщается вмѣстѣ съ семьей квартирохозяина. Положеніе ученика, очень часто лишеннаго здѣсь самыхъ элементарныхъ удобствъ для учебныхъ занятій, ухудшается отъ другихъ причинъ: напримѣръ, родители иногда запаздываютъ съ присылкой продуктовъ, и ученику приходится голодать; если хозяева люди недобросовѣстные, то они пользуются принадлежащими ему продуктами, эксплуатируютъ его трудъ, или же оказываютъ на него дурное вліяніе въ нравственномъ отношеніи.

На пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и письменныхъ принадлежностей для учениковъ высшаго начальнаго училища и на выдачу небольшихъ пособій, какъ деньгами, такъ и одеждой и обувью, уѣздное земство отпускаетъ училищу 300 рублей въ годъ.

Яренское городское мужское приходское училище существуетъ съ января 1884 года, когда оно преобразовано изъ приготовительнаго класса уѣзднаго училища.

Съ января 1913 года училище помѣщалось въ собственномъ зданіи, общемъ съ женскимъ приходскимъ училищемъ, но 27-го іюня 1913 г. зданіе сгорѣло до основанія.

Учебныя занятія въ приходскихъ училищахъ начались только въ сентябрѣ. Причиною отсрочки занятій было неимѣніе къ началу учебнаго года партъ; хотя къ заготовкѣ послѣднихъ и всего необходимаго для оборудованія училища, взамѣнъ погибшаго во время пожара, было приступлено своевременно, но, за неимѣніемъ въ городѣ и уѣздѣ постоянныхъ столяровъ, изготовленію партъ помѣшали полевыя работы.

При мнѣ въ женскомъ приходскомъ училищѣ ученица Д. прекрасно прочитала басню „Ворона и Лисица“. На мой вопросъ учительницѣ, чья дочь эта дѣвочка, учительница отвѣтила, что дѣвочка эта нищая, ходитъ „по кусочки“.

Съ 1908 года при училищѣ существуетъ попечительство по закону 26-го марта 1907 года, общее для городскихъ приходскихъ—мужского и женскаго—училищъ. Получая отъ уѣзднаго земства ежегодно пособіе въ 200 руб. на оба училища, попечительство увеличиваетъ свои доходы путемъ устройства лотерей и подписокъ среди горожанъ. На средства попечительства при училищахъ организованы столовыя, съ ежедневною выдачею въ теченіе всего учебнаго времени горячихъ приварковъ, преимущественно для дѣтей недостаточныхъ родителей и приходящихъ въ школу изъ деревень (иногда отстоящихъ отъ города за нѣсколько верстъ). Кромѣ того, попечительство пріобрѣтаетъ для раздачи бѣднѣйшимъ учащимся валеную и кожаную обувь и матеріи для одежды, а также ежегодно устраиваетъ для учащихся на Рождественскихъ праздникахъ елку, а въ дни юбилеевъ и актовъ—угощенія и принимаетъ на себя заботы и расходы по пріему экскурсантовъ—учащихся земскихъ училищъ.

Ежедневно 50 — 60% всѣхъ учащихся пользуются горячимъ приваркомъ.

Въ Яренскомъ уѣздѣ мною посѣщены: Устьвымское высшее начальное училище, Айкинская ремесленная школа и земскія начальныя школы: Айкинская и Караы(й?)бская.

Устьвымъ большое село, служившее нѣкогда мѣстомъ пребыванія пермскихъ владыкъ.

Устьвымское начальное училище открыто съ 1-го іюля 1913 года.

Яренское уѣздное земство обязалось выстроить зданіе для училища на отведенномъ крестьянами села Устьвыма участкѣ усадебной земли въ полторы десятины. До постройки же собственнаго училищнаго зданія управой временно снято помѣщеніе для училища, по условію, на два года, за 360 рублей въ годъ, съ отопленіемъ, при чемъ выдано впередъ 400 рублей на ремонтъ и приспособленіе помѣщенія для училища.

Для квартиры завѣдывающаго (инспектора) Яренскою земскою управою снято другое помѣщеніе, за 250 рублей въ годъ съ отопленіемъ; на ремонтъ помѣщенія выдано впередъ 250 рублей.

Всѣ работы по приспособленію и ремонту какъ училищнаго зданія, такъ и квартиры для завѣдывающаго должны были закончиться, согласно условію, къ 1-му сентября; между тѣмъ 10-го, когда я осматривалъ временное помѣщеніе для училища, въ немъ работали еще плотники.

Помѣщеніе страдаетъ многими недостатками. Такъ, помѣщеніе

тѣсно: состоитъ изъ трехъ классныхъ комнатъ, учительской и коридора; въ самыхъ просторныхъ комнатахъ печи поставлены на разстояніи $^1/_2$ арш. и $1^1/_4$ арш. отъ стѣны и загораживаютъ для части учениковъ свѣтъ, классную доску и учительскій столъ. Сѣни сколочены изъ тонкихъ досокъ; въ стѣнки продуваетъ и зимой долженъ проникать снѣгъ; въ этихъ сѣняхъ помѣщаются въ одинъ рядъ ретирады для ученицъ, учениковъ и учителей. Ходъ во всѣ три ретирада черезъ однѣ и тѣ же двери. Крыша надъ сѣнями течетъ такъ сильно, что въ дождь на полу образуются лужи. Большинство недостатковъ зданія устранить очень трудно. Единственный исходъ—поспѣшить съ постройкой собственнаго зданія, достаточнаго не менѣе, какъ на 150 учащихся, такъ какъ въ 1913 году о принятіи въ первый классъ, въ теченіе 2—3 недѣль, поступило 120 прошеній (114 прошеній подано съ 15-го августа по 1-е сентября и 6 учениковъ пріѣхали прямо къ экзаменамъ); при этомъ половина района, который должно обслуживать училище, не знала объ его открытіи.

Айкинская низшая ремесленная школа открыта въ 1903 году. Помѣщается она въ собственныхъ деревянныхъ зданіяхъ, двухъэтажномъ и одноэтажномъ съ мезониномъ. Кузница помѣщается въ отдѣльномъ каменномъ зданіи.

При входѣ въ помѣщеніе школы меня поразило распространенное въ ней зловоніе отъ отхожихъ мѣстъ, дѣлавшее пребываніе здѣсь почти невозможнымъ. Однако въ этой ужасной атмосферѣ ученики занимались, закусывали и даже играли! Отхожее мѣсто устроено крайне неудовлетворительно: жидкія составныя части содержимаго выгребныхъ ямъ проникаютъ черезъ кирпичъ въ почву и заражаютъ воздухъ. Осенніе обильные дожди, просасываясь черезъ почву въ ямы и наполняя ихъ, еще болѣе способствуютъ распространенію запаха. Чистка же ямъ происходитъ два раза въ годъ—весною и осенью: послѣдняя при наступленіи перваго мороза. Усиленная топка печи, поливаніе карболкою и посыпаніе золы въ ямы только ослабляетъ зловоніе. Зловоніе,—какъ мнѣ передавали,—бываетъ всю осень, съ тою лишь разницей, что въ одни дни болѣе, а въ другіе менѣе; „ощущаемость его, хотя и слабая, замѣтна всегда и въ зимнее время“.— Необходимо цементировать выгребныя ямы. Да и вообще,—ремонтъ зданія школы представляется необходимымъ. Капитальнаго ремонта не производилось въ теченіе всего девятилѣтняго существованія школы.

Учащихся 54; изъ нихъ 32 ученика обучаются въ слесарно-кузнечномъ отдѣленіи и 22 въ столярно-токарномъ отдѣленіи. Возрастъ

учащихся съ 12½—10 лѣтъ. Всѣ они крестьяне; 13 учениковъ русскихъ, а остальные 41 зыряне.

По окончаніи школы, ученики открываютъ въ разныхъ мѣстахъ уѣзда мастерскія и поступаютъ мастерами ремесленныхъ отдѣленій при начальныхъ училищахъ. Ежегодно оканчиваютъ курсъ въ школѣ человѣкъ 7—8. За все время существованія школы окончило курсъ 37 учениковъ. Для окончившихъ учениковъ, въ видахъ большей спеціализаціи въ области изученнаго ремесла, въ ремесленной школѣ, при пособіи Яренскаго земства, устроена мастерская, помѣщающаяся въ одномъ изъ школьныхъ зданій, гдѣ окончившіе работаютъ на заказъ, по сдѣльной заработной платѣ.

При школѣ имѣется общежитіе для 38 учениковъ. Остальные 16 человѣкъ живутъ въ деревнѣ. Изъ 38 общаго числа учениковъ полныхъ стипендіатовъ 9, пользующихся ¾ стипендіи 20, ½ стипендіи 17 и своекоштныхъ 8. На содержаніе полнаго стипендіата въ годъ отпускается земствомъ 45 рублей въ годъ.

Обѣдъ состоитъ изъ двухъ блюдъ: мясныхъ щей и жаренаго картофеля съ скоромнымъ масломъ; ужинъ также изъ двухъ блюдъ: мясныхъ щей и овсяной или пшенной каши; 2 раза въ день чай. Въ праздники къ чаю дается по 3 сушки каждому.

При школѣ имѣется „кухня-пекарка", т. е. деревянная изба, въ которой печется хлѣбъ; его ежедневно выходитъ около 2 пудовъ. Въ свободное отъ занятій время воспитанники ходятъ за грибами, и 2 громадныхъ горшка, или глиняныхъ чана, стояли въ этой избѣ съ солеными грибами, собранными воспитанниками. При училищѣ имѣется баня, въ которую воспитанники ходятъ по субботамъ.

Айкинское земское училище помѣщается въ новомъ двухъэтажномъ зданіи. Въ зданіи распространялось также зловоніе отъ отхожихъ мѣстъ, но завѣдующій учитель сообщилъ мнѣ, что для устраненія этого уже дѣлаются вытяжныя трубы.

Караыбское училище открыто съ 1913/14 учебнаго года. Хотя было уже 4-ое сентября, но классной мебели здѣсь не было, и ученики принуждены были сидѣть на доскахъ; писать же, за отсутствіемъ столовъ, имъ было не на чемъ. Когда я потомъ былъ въ Яренской земской управѣ, то мнѣ сказали, что причиною замедленія доставки классной мебели въ это училище послужили случайныя обстоятельства, хотя управой мѣры къ доставленію мебели были приняты своевременно.

Яренскій уѣздъ площадью около 51.000 квад. верстъ. Самыя даль-

нія начальныя училища отъ города Яренска находятся въ 320 верстахъ, въ сѣверной части уѣзда, такъ называемой Удорѣ.

Начальныхъ (кромѣ 2 высшихъ) училищъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, въ Яренскомъ уѣздѣ числится 51; кромѣ того, предположено было къ открытію въ 1913/14 учебномъ году еще 5 земскихъ училищъ. Учащихся къ 1-му января 1913 года было 2.790 [1]).

V. Г. Сольвычегодскъ.

Сольвычегодскъ имѣетъ 2.000 жителей; въ немъ находятся женская прогимназія, высшее начальное училище, 4 приходскихъ училища.

Сольвычегодская 6-классная женская прогимназія открыта въ 1909 году. Помѣщается прогимназія въ наемномъ домѣ. Зданіе свѣтлое, сухое, въ гигіеническомъ отношеніи удовлетворительное.

Содержится прогимназія преимущественно на средства Сольвычегодскаго земства и пособіе отъ казны.

Размѣръ платы за ученіе до наступившаго 1913/14 учебнаго года былъ равенъ 10 рублямъ, но въ 1913/14 учебномъ году попечительнымъ совѣтомъ прогимназіи возбуждено передъ учебнымъ начальствомъ ходатайство объ увеличеніи платы за ученіе до 15 рублей, съ правомъ, однако, обучаться нѣмецкому языку.

Ежегодно около 50% изъ учащихся освобождаются отъ взноса платы за ученіе, такъ какъ большинство изъ нихъ дѣти крестьянъ, часто малообезпеченныхъ.

Число воспитанницъ 192.

По сословію ученицы прогимназіи распредѣляются: дочерей крестьянъ 132, чиновниковъ 27, мѣщанъ 23, духовныхъ 10.

Наглядныхъ пособій въ прогимназіи очень немного; приходится пользоваться наглядными пособіями Сольвычегодскаго высшаго начальнаго училища.

Такъ какъ большинство ученицъ прогимназіи вынуждены жить на частныхъ квартирахъ, часто мало удобныхъ для учебныхъ занятій, а иногда и плохихъ въ гигіеническомъ отношеніи, то съ 1913 года при прогимназіи открытъ пріютъ-общежитіе на 30 человѣкъ (15 земскихъ стипендіатокъ и 15 своекоштныхъ, за годовую плату въ 60 р.).

---

[1]) Къ 1-му января 1914 года училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Яренскомъ уѣздѣ было 56; учащихся въ нихъ 2.727; изъ нихъ мальчиковъ 1.672, дѣвочекъ 1.055.

Пріютъ получаетъ отъ Сольвычегодскаго земства постоянное пособіе въ 1.132 рубля. На стипендіи принимаются самыя бѣдныя воспитанницы, крестьянки Сольвычегодскаго уѣзда.

Въ общежитіи нѣсколько тѣсно; койки въ спальнѣ черезчуръ близко стоятъ одна къ другой. Вмѣсто 30, насколько ученицъ разрѣшено общежитіе, сюда принято 40. Но это вызвано необходимостью: некуда было помѣстить остальныхъ. Дома-то ученицы живутъ въ худшей обстановкѣ. Даже состоятельные люди просятъ о принятіи ихъ дочерей въ общежитіе.

Проживая на квартирахъ, ученицы прогимназіи помогаютъ хозяйкамъ няньчить дѣтей, а ученики высшаго начальнаго училища помогаютъ хозяевамъ таскать дрова, носить воду и т. п. Если учащіеся оказываютъ хозяевамъ подобныя услуги, то за квартиру платятъ 50 коп. въ мѣсяцъ, а безъ этихъ услугъ—1 р.

Сольвычегодское высшее начальное училище существуетъ съ 1787 года, т. е. болѣе 125 лѣтъ.

Помѣщается оно во второмъ этажѣ каменнаго зданія, пожертвованнаго И. С. Хаминовымъ женскому 2-хклассному приходскому училищу его имени и бывшему уѣздному (нынѣ высшему начальному) училищу.

Помѣщеніе того и другого училища слѣдуетъ признать тѣснымъ.

Учащихся въ училищѣ 142 человѣка; изъ нихъ: дѣтей чиновниковъ и дворянъ 7, дѣтей мѣщанъ 14, духовныхъ 2 и крестьянъ 119. Дѣти крестьянъ, такимъ образомъ, составляютъ 85% всего числа учащихся. Плата за ученіе—2 р. въ годъ.

Число поступающихъ въ училище ежегодно увеличивается. Въ 1913/14 учебномъ году было подано 100 прошеній о допущеніи къ пріемнымъ испытаніямъ; принято же только 39 человѣкъ, а остальнымъ (61) отказано въ пріемѣ, по недостатку помѣщенія.

Учащіеся пользуются въ большинствѣ безплатно учебниками, а самые бѣдные и учебными принадлежностями; то и другое пріобрѣтается на средства училища.

Кромѣ обязательныхъ предметовъ, въ училищѣ преподаются на средства земства новые языки (французскій и нѣмецкій).

Большинство учащихся, до 30%,—дѣти крестьянъ Сольвычегодскаго уѣзда, часто малообезпеченныхъ матеріально; они принуждены помѣщаться въ частныхъ квартирахъ, нерѣдко грязныхъ, сырыхъ, холодныхъ. Многіе при этомъ питаются однимъ хлѣбомъ, даже безъ горячаго приварка.

Въ цѣляхъ улучшенія положенія учащихся, съ 1900 года при училищѣ существуетъ на средства земства пріютъ или общежитіе, съ отпускомъ на содержаніе его 968 руб. ежегодно, по разсчету на 20 стипендіатовъ по 35 р. на человѣка (700 р.), и 268 р. на прислугу, отопленіе, освѣщеніе и пр.

Почетный попечитель училища на свои средства содержитъ трехъ стипендіатовъ.

Содержаніе въ мѣсяцъ одного воспитанника обходится до 3 рублей.

Въ пріютѣ проживаютъ 24 воспитанника; кромѣ нихъ, обѣдаютъ въ пріютѣ 3-ое приходящихъ. Обѣдъ: супъ и картофель съ саломъ; на ужинъ—супъ (что осталось отъ обѣда) и каша съ саломъ. Мяса покупаютъ на 27 чел. 6 фунтовъ. Я присутствовалъ на обѣдѣ и видѣлъ, какъ дежурный ученикъ дѣлилъ мелко изрѣзанную кухаркой говядину по мискамъ для учениковъ: сдѣлано было это имъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ! Какой получается супъ съ такимъ количествомъ мяса,—легко можно понять, но дома-то, въ деревнѣ, мяса вообще почти не ѣдятъ.

Какъ мнѣ передавали, изъ дома большинство учащихся пріѣзжаютъ худые, замореные, зато и ѣдятъ вначалѣ помногу.

Присутствовалъ я и на вечерней молитвѣ въ общежитіи. Дѣти дружно, по-солдатски пѣли молитву и временами съ одушевленіемъ.

Часовъ въ пріютѣ нѣтъ: были, но испортились. Время, когда вставать и ложиться спать,—опредѣляютъ по свѣту и пѣтухамъ. Я посовѣтовалъ завѣдывающему немедленно же купить часы.

Въ пріютѣ имѣются инструменты для переплета книгъ. Ученики учатся переплетать одинъ отъ другого и переплетаютъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Кромѣ того, они клеятъ изъ бумаги кулечки для магазиновъ. Плата за клейку 1 фунта бумаги 3 к.; изъ фунта же мелкихъ кулечковъ выходитъ болѣе сотни.

Сольвычегодское мужское приходское училище открыто въ 1904 г.

Училище помѣщается въ наемномъ домѣ; помѣщеніе тѣсно, но болѣе удобнаго помѣщенія въ городѣ нанять нѣтъ возможности, да и нѣтъ средствъ.

Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, площадью въ 37.252 кв. версты, населенія 147.076 человѣкъ.

Въ уѣздѣ къ 1-му января 1913 года училищъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, было 83, съ 123-мя комплектами.

Къ концу 1912/13 учебнаго года учащихся было 1.562 мальчиковъ и 879 дѣвочекъ [1]).

Дѣтей школьнаго возраста внѣ школы оставалось еще 4.474 человѣка.

По пространству Сольвычегодскій уѣздъ одинъ изъ обширнѣйшихъ уѣздовъ губерніи; разстояніе между крайними начальными училищами (Никитинское 2-хклассное и Пустынско-Ларіоновское) свыше 450 верстъ.

VI. Г. Тотьма.

Въ г. Тотьмѣ жителей около 5 тысячъ и, сравнительно съ населеніемъ, много учебныхъ заведеній.

Число учащихся въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1913 г.:

1)	Учительской семинаріи	108	чел.
2)	2-хклассной школѣ при ней	64	„
3)	Реальномъ училищѣ	123	„
4)	Женской гимназіи	393	„
5)	Духовномъ училищѣ	97	„
6)	Высшемъ начальномъ училищѣ	191	„
7)	Ремесленной школѣ	148	„
8)	Приходскихъ училищахъ I	47	„
9)	„ „ II	29	„
10)	„ „ III	96	„
11)	Соборной церковно-приходской школѣ . .	44	„
12)	Лѣсной школѣ	22	„
13)	Монастырской церковно-приходской школѣ .	11	„
	Итого	1.373	чел.

А присоединяя двѣ школы—министерскую и церковно-приходскую—въ ближнихъ (1/2 версты и 1 верста) деревняхъ, куда ходятъ учиться дѣти горожанъ, получимъ:

Пятовская министерская школа	65	человѣкъ.
Варницкая церковно-приходская школа	72	„
Всего . . .	1.510	учащихся.

[1]) Къ 1-му января 1914 года училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ—84; учащихся въ нихъ 4.784, изъ нихъ мальчиковъ 3.270, дѣвочекъ 1.514.

Такимъ образомъ, учащіеся составляютъ около 30% всего населенія.

Тотемское реальное училище открыто въ 1911 году.

Помѣщается въ зданіи Тотемскаго уѣзднаго земства, уступленномъ впредь до постройки казеннаго зданія. Это временное зданіе—деревянное.

123 ученика реальнаго училища по сословіямъ распредѣляются такъ:

Потомственныхъ дворянъ	8	чел.
Дѣти личныхъ дворянъ и чиновниковъ .	58	„
Духовнаго званія	5	„
Почетныхъ граждан и купцовъ . .	6	„
Мѣщанъ	13	„
Крестьянъ	33	„

Учащіеся, живущіе не у родителей, распредѣляются въ 13 квартирахъ, при чемъ каждый платитъ за полный пансіонъ отъ 13 рублей до 18, имѣя отдѣльную небольшую комнату, окна въ два. Среди учащихся до 27% крестьянъ; стремленіе послѣднихъ къ образованію весьма большое. Въ прошломъ 1912—1913 учебномъ году поступилъ въ реальное училище одинъ крестьянскій мальчикъ, сирота, который во время пріемныхъ экзаменовъ и первое время ученія питался только одними ржаными сухарями, принесенными изъ деревни; затѣмъ ему пришелъ на помощь педагогическій совѣтъ, а очередное земское собраніе назначило ему стипендію, въ размѣрѣ 150 рублей въ годъ. Къ началу 1913—1914 учебнаго года означенный ученикъ обзавелся на полученныя деньги полною формою, носильнымъ и постельнымъ бѣльемъ, всѣми необходимыми учебными пособіями, откладывая при этомъ ежемѣсячно на книжку для взноса платы за ученье; учился онъ въ теченіе 1912—1913 года превосходно и перешелъ въ слѣдующій (II) классъ съ наградою 1-й степени.

Въ воскресенье, 22-го сентября, мною, вмѣстѣ съ директоромъ реальнаго училища, было осмотрѣно нѣсколько квартиръ реалистовъ.

1) Живутъ 2 реалиста—сыновья землемѣра, съ платой по 16 р. въ мѣсяцъ. Обѣдъ изъ 3-хъ—4-хъ блюдъ; ужинъ—молоко. Квартира содержится опрятно и, вообще, производитъ хорошее впечатлѣніе.

2) Живутъ 4 реалиста, платятъ по 13 рублей. Обѣдъ также изъ 3—4 блюдъ; ужинъ — супъ и молоко. Два брата спятъ на одной кровати.

Тотемская Маріинская женская гимназія помѣщается пока въ старомъ зданіи, которое тѣсно; приготовительный классъ,—съ двумя отдѣленіями, въ которомъ воспитанницы 8-го класса даютъ пробные уроки,—помѣщается отдѣльно.

Ученицъ въ гимназіи, какъ сказано выше, 393; изъ нихъ: крестьянокъ 162, мѣщанокъ 106, изъ духовнаго званія 41, дочерей народныхъ учителей 35, чиновниковъ 37, потомственныхъ почетныхъ гражданъ 5, купцовъ 5, дворянъ 2. Отказано желающимъ поступить въ гимназію, за неимѣніемъ свободныхъ вакансій:

въ младшее отдѣленіе приготовительнаго класса	9	чел.
„ старшее отдѣленіе	8	„
„ I классъ	14	„
„ V классъ	9	„

Желаніе учиться большое, наплывъ учащихся значительный.

Физическій кабинетъ женской гимназіи бѣденъ; нѣтъ, напр., отдѣла по электричеству. Необходимые приборы берутъ въ учительской семинаріи.

Воспитанницъ, живущихъ на квартирахъ, 105; остальныя живутъ у родителей и родственниковъ. Иногда ходятъ въ гимназію верстъ за 6. Зимою гимназистки обуты въ „катаники" (валенки) и въ нихъ дѣлаютъ реверансы. Головной уборъ — преимущественно платочки или вязаныя шапочки, которыя вяжутъ онѣ сами и которыя обходятся имъ копѣекъ въ 75. Нѣкоторыя гимназистки настолько бѣдны, что нуждаются въ носильномъ бѣльѣ. На предложенный надзирательницей воспитанницѣ вопросъ, почему она не была въ классѣ, получался, какъ мнѣ передавали, иногда отвѣтъ: „Мама рубашку стирала".

За квартиру воспитанницы платятъ отъ $1^1/_2$ до 15 рублей въ мѣсяцъ. Платящія $1^1/_2$ и 2 рубля живутъ по двѣ, а иногда и по три въ одной комнатѣ.

Квартирная хозяйка,—по большей части мѣщанка,—приготовляетъ для своихъ квартирантокъ незатѣйливый обѣдъ изъ той провизіи, которую сами онѣ покупаютъ. Рѣдко бываетъ супъ изъ мяса, чаще варятъ его изъ овсяной крупы, гороху, картофелю и, иногда, изъ грибовъ. Эти продукты крестьяне привозятъ своимъ дѣтямъ изъ дома, но не всегда аккуратно. Нѣкоторые родители привозятъ своимъ дочерямъ творогъ, яйца, масло, но все это въ очень умѣренномъ количествѣ и не часто. Большинство воспитанницъ не избалованы пи-

щей. Не мало изъ нихъ такихъ, которыя имѣютъ только одинъ хлѣбъ, безъ всякаго приварка, и, вмѣсто чая, пьютъ кипятокъ съ сахаромъ, когда сахаръ у нихъ бываетъ. Нѣкоторые случаи заболѣванія воспитанницъ, какъ мнѣ передавали, объясняются исключительно недоѣданіемъ, и учащихся берутъ въ больницу „подкармливать“.

Квартиры, которыя стоятъ 8, 10, 15 рублей, — это уже, сравнительно, роскошныя квартиры. Воспитанницы здѣсь имѣютъ чай два или три раза въ день, обѣдъ, ужинъ, а иногда и завтракъ. На такихъ квартирахъ живутъ немногія,—это дѣти торгующихъ крестьянъ, сельскихъ священниковъ и чиновниковъ изъ уѣзда.

Дѣти, живущія при родителяхъ, тоже по большей части бѣдныя,— это дѣти мѣстныхъ мѣщанъ. Не очень онѣ сыты каждый день.

Много бѣдныхъ учащихся освобождается отъ платы за обученіе. Многія же платятъ только половину. На помощь бѣднымъ дѣтямъ приходитъ общество вспомоществованія бѣднымъ учащимся г. Тотьмы, членами котораго состоитъ въ большинствѣ мѣстный педагогическій персоналъ.

Женская гимназія ежегодно получаетъ изъ общества вспомоществованія рублей до 200 въ 10 учебныхъ мѣсяцевъ, въ видѣ ежемѣсячнаго пособія отъ 1 рубля до 2 на воспитанницу.—Существуетъ нѣсколько стипендій, отъ 10—12 рублей въ мѣсяцъ.

Учебныя книги многія имѣютъ общія. Есть и такія дѣвочки, которыя списываютъ въ каникулы учебники, чтобы зимой учиться по списанному, такъ какъ имъ не на что купить ихъ. Но, по заявленію мѣстныхъ педагоговъ, которое трудно, конечно, провѣрить, несмотря на жизнь, далеко не комфортабельную, среди воспитанницъ не встрѣчается мрачно настроенныхъ, и, судя по санитарнымъ листамъ, несмотря на плохое питаніе, малокровныхъ немного. Вѣроятно, это объясняется, съ одной стороны, здоровымъ воздухомъ, а съ другой, необычайной приспособляемостью человѣческаго организма.

По отзыву тѣхъ же педагоговъ, благодаря отчасти монотонности здѣшней жизни, здѣшнія воспитанницы менѣе нервированы, чѣмъ молодежь большихъ городовъ. Удовольствія тотемскихъ учащихся: литературные вечера въ учебныхъ заведеніяхъ. Изрѣдка учащимся разрѣшается посѣщать любительскіе спектакли, даваемые въ мѣстномъ общественномъ собраніи, на которые воспитанницы ходятъ съ классными надзирательницами.

Зимой любимое развлеченіе учащихся—катокъ, который доступенъ большинству. Плата съ учащагося за зимній сезонъ 25—30 коп.

Воспитанницы имѣютъ право оставаться на каткѣ часовъ до 6 вечера.

Вотъ замѣтки, сдѣланныя мною о посѣщеніи, вмѣстѣ съ начальницею гимназіи и предсѣдателемъ педагогическаго совѣта, квартиръ воспитанницъ:

1) Живутъ трое: двѣ сестры—одна изъ VI-го, а другая изъ IV-го класса и ученица VIII-го класса. Занимаютъ 2 комнаты: а) 5×7 арш. и 2×6 арш.; высота $3^{1}/_{4}$ арш. Сестры спятъ на одной койкѣ. Есть клопы. Плата за квартиру по 1 р. 80 коп. съ каждой. Младшая сестра была нездорова и отсутствовала на урокахъ. Начальница ранѣе послала этой дѣвочкѣ небольшую сумму на молоко. Блѣдное лицо двигавшейся, какъ тѣнь, дѣвочки смотрѣло радостно. Сестры сироты: отца нѣтъ, мать прислугой въ одномъ изъ городовъ южной Россіи. Когда мы пришли въ квартиру, старшей сестры не было, и она явилась при насъ. Несмотря на то, что обѣ сестры питались до послѣдняго времени однимъ картофелемъ, она имѣла бодрый и здоровый видъ,—даже съ румянцемъ. Начальница потомъ мнѣ сообщила, что обѣ сестры учатся хорошо, старшая же одна изъ лучшихъ ученицъ въ классѣ (и это питаясь однимъ картофелемъ!)

— А мы къ вамъ обѣдать,—пошутилъ я ей, когда она поздоровалась съ нами.

— У нихъ обѣдъ-то плохой,—замѣтила восьмиклассница, которая платитъ за квартиру со столомъ 11 р. 50 коп. въ мѣсяцъ.

— А у васъ?—спросилъ я.

— У меня хорошій: супъ, картофель, стюдень и молоко.

Начальница, обративъ вниманіе на изнуренный видъ 6-классницы, сказала:

— Ты, дѣвочка, должно быть, мало гуляешь?

— Она, Марія Николаевна,—стала жаловаться на нее старшая сестра,—никуда не ходитъ; даже по комнатѣ и то не ходитъ.

Разумѣется, съ одного картофеля,—подумалъ я,—едва ли явится охота гулять: голодному не до гулянья.

— А что у васъ въ сверткѣ?—спросилъ я, замѣтивъ въ рукахъ старшей сестры свертокъ.

— Бѣлый хлѣбъ,—и она положила большую краюху бѣлаго ситнаго хлѣба на столъ.—Это я сестренкѣ принесла.

Хлѣбъ, принесенный больной дѣвочкѣ, являлся, очевидно, для старшей сестры лакомствомъ.

Выходя изъ квартиры, я выносилъ впечатлѣніе крайне сложное:

мнѣ и грустно было при видѣ столь тяжелыхъ условій жизни этихъ сестеръ, и жаль было ихъ, но въ то же время сознавалось что-то радостное,—я видѣлъ высокій примѣръ лишеній дѣвочекъ, стремящихся къ свѣту знанія.

2) Полуподвальное помѣщеніе. Высота $2^1/_2$ аршина. Живутъ 3 гимназистки; изъ нихъ 2 дочери хозяйки квартиры—вдовы, сдающей отъ себя уголъ ученицѣ гимназіи за $1^1/_2$ рубля въ мѣсяцъ. Въ комнатѣ пахло угаромъ, такъ что мы, во избѣжаніе угара, попросили открыть трубу. Спятъ на полу. Хозяйка съ дочерьми рѣдко варятъ себѣ пищу.

— Состояніе у насъ плохое, — сказала она намъ въ объясненіе этого.

Но въ тотъ день онѣ купили $2^1/_2$ фунта мяса на два „варива“, т. е. на два дня.

Квартирантка же, наоборотъ, прежде готовила себѣ супъ изъ привезеннаго изъ дома картофеля и крупъ, но за послѣдніе дни перестала,—говоритъ: „Надоѣло ѣсть все одно и то же кушанье“, и питается однимъ хлѣбомъ. Купить другой провизіи нѣтъ средствъ; изъ дома не могутъ прислать денегъ; тамъ сами въ нихъ нуждаются: „сестру выдаютъ замужъ“.

3) Живутъ 3 гимназистки—2 изъ VI-го класса и одна изъ IV-го. Есть клопы. Хозяйка обѣщалась намъ заклеить ихъ. За квартиру каждая платитъ по 2 рубля въ мѣсяцъ. Провизію покупаютъ сообща. Обѣдаютъ: супъ и молоко, или, вмѣсто молока, картофель.

Тотемская учительская семинарія открыта въ 1872 году. Помѣщается въ наемныхъ зданіяхъ, одномъ каменномъ и двухъ деревянныхъ. Въ смѣту 1914 года внесено около 116 тысячъ рублей на новое зданіе учительской семинаріи, которое предполагается выстроить рядомъ съ теперешнимъ.

Общежитія при семинаріи нѣтъ. Воспитанники, группами въ 2 — 5 человѣкъ, нанимаютъ себѣ комнаты въ домахъ городскихъ обывателей, преимущественно у мѣщанъ, уплачивая за квартиру съ отопленіемъ и услугами отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ р. и, въ рѣдкихъ случаяхъ, до 3 рублей съ человѣка въ мѣсяцъ, а за квартиру со столомъ отъ 7 до 9 рублей и, въ рѣдкихъ случаяхъ, до 10 р. въ мѣсяцъ. Изъ 108 учениковъ семинаріи у родителей и близкихъ родственниковъ живутъ 27 человѣкъ, прочіе учащіеся, 81 человѣкъ, размѣщены въ 33 квартирахъ у частныхъ лицъ. Большая часть занимаемыхъ воспитанниками квартиръ удовлетворительны.

Съ директоромъ семинаріи мы осмотрѣли 3 квартиры:

1) Живутъ 4 воспитанника, съ платой по 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ съ человѣка, безъ керосина и стирки. Обычный обѣдъ и ужинъ: супъ и молоко, или картофель съ масломъ. Мяса получаютъ по ½ фунта на человѣка въ день.

Всѣ стипендіаты.

2—3) На первой изъ этихъ квартиръ проживаютъ двое,—земляки, костромичи, на второй четверо. Платятъ за первую квартиру по 3 рубля каждый, за вторую по 2 рубля (безъ стирки). Продовольствіе на той и другой обходится по 6 рублей каждому. Обѣдъ и ужинъ такіе же, какъ на квартирѣ № 1, т. е. супъ (по ½ фунта мяса на человѣка) и молоко. На одной изъ этихъ квартиръ,—гдѣ четыре воспитанника,—спятъ по двое на двухспальныхъ кроватяхъ.

Петровская ремесленная школа по игрушечному дѣлу въ гор. Тотьмѣ открыта въ 1899 году. Въ большомъ 3-хъэтажномъ каменномъ зданіи, кромѣ учебныхъ мастерскихъ и классовъ, помѣщаются еще 8 квартиръ для служащихъ.

Зданіе снабжено электрическимъ освѣщеніемъ, водопроводомъ изъ колодца, канализаціей и центрально-калориферным отопленіемъ.

Зданіе выстроено около 10 лѣтъ тому назадъ; за все это время капитальнаго ремонта не было, и онъ представляется необходимымъ.

Учащихся 148; изъ нихъ мальчиковъ 88 и дѣвочекъ 60. Мальчики изучаютъ: столярное, токарное, рѣзное, жестяницкое, слесарное, кузнечное и живописно-малярное ремесла, а дѣвочки: рѣзное, корзиночное, живописно-малярное, рукодѣліе и кружевное.

По мастерскимъ мальчики и дѣвочки распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
Въ столярной	16	—
„ токарной	7	—
„ рѣзной	14	15
„ малярной	14	13
„ корзиночной	13	16
„ жестяницкой	7	—
„ чеканной	8	—
„ кузнечной	2	—
„ слесарной	12	—
„ кружевной	—	16

Въ текущемъ году курсъ школы окончило: 5 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ.

За все время существованія школы со времени ея открытія, за 10 выпусковъ, полный курсъ окончили всего 115 человѣкъ.

Большая часть учащихся—крестьяне, меньшая—мѣщане, незначительное число, человѣка 3—4, дѣти чиновниковъ, духовныхъ и купцовъ. Учащіеся—дѣти наибѣднѣйшей части населенія. Родители учащихся иногда настолько малоимущи, что не только не въ состояніи дать дѣтямъ средства для ученія и пропитанія, а порою сами пользуются тѣми средствами, которыя получаютъ ихъ дѣти, т. е. пособіемъ земства и города и пожертвованіями частныхъ лицъ.

Въ мастерскихъ дѣвочки занимаются отдѣльно отъ мальчиковъ, тогда какъ въ классахъ на урокахъ сидятъ вмѣстѣ.

Занятія въ мастерскихъ чрезвычайно разнообразныя: рисуютъ вывѣски, раскрашиваютъ шахматныя фигуры, деревянныя чернильницы въ видѣ совы, выжигаютъ чашечки для пудры, шьютъ рубашки для учениковъ училища, раскрашиваютъ игрушки, рѣжутъ ихъ изъ дерева, приготовляютъ оправы для зеркалъ, плетутъ дорожныя и рыночныя корзины, приготовляютъ жестяную посуду и т. д.

— Въ столярной мастерской,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ педагоговъ,—занималась одна дѣвица: коренастая, сильнѣе иного мужчины;—хорошій бы столяръ вышелъ, да не окончила 4-го года,—замужъ вышла.

Вообще же, дѣвочки въ слесари и столяры не поступаютъ.

Я спросилъ завѣдывающаго школой Ѳ. И. Лапшина, признаетъ ли онъ цѣлесообразнымъ существованіе школы по игрушечному дѣлу, особенно въ Тотьмѣ, когда провинція нуждается въ сельско-хозяйственныхъ машинахъ, слесаряхъ, сапожникахъ и т. д.

Онъ отвѣтилъ:

— Игрушки нужны всѣмъ, у кого есть дѣти, и нужны будутъ всегда, пока дѣти будутъ.

Самая раціональная постановка дѣла обученія въ школахъ для подготовленія кустарей, по мнѣнію г. Лапшина, та, когда ученикъ научается исполнять работу самъ,—такъ сказать, въ ручную, примѣняя и развивая свои познанія; непремѣннымъ условіемъ при этомъ надо ставить, кромѣ техники исполненія, еще художественность или изящество. Такимъ образомъ, ремесленная школа должна развить инициативу и творчество въ производствѣ и вкусъ къ изящному.

— Правда,—говорилъ мнѣ Ѳ. И.,—иногда раздаются голоса:

„Куда де намъ до художества! Намъ нужно, чтобы школы изготовляли плуги, бороны и т. п.“. Но на это можно сказать слѣдующее: въ школѣ, конечно, необходимо должно умѣть сдѣлать все, что требуетъ жизнь, но сколько будетъ стоить сработать плугъ руками и сколько—машиннымъ способомъ? Цифра разницы будетъ очень велика, и вообще, работа ручнымъ способомъ никогда не будетъ въ состояніи конкуррировать съ заводской промышленностью при современномъ машинномъ производствѣ. Зато въ издѣліяхъ, гдѣ есть художественное творчество, гдѣ есть идея и ручная работа, тамъ не мѣсто машинѣ и штампу. Для приготовленія же штампованныхъ издѣлій нужны капиталъ и оборудованныя фабрики. Впрочемъ, кустарь всегда можетъ пойти работать на фабрику, даже развить свою дѣятельность до фабричной, а фабрика не только никогда не дастъ кустаря, но въ конецъ можетъ убить самое цѣнное въ народѣ—его творчество.

Конечно, въ этомъ взглядѣ есть значительная доля правды; но остается невыясненнымъ вопросъ: почему кустарное производство должно быть обращено на игрушки, а не на предметы первой необходимости?

Для развитія въ учащихся вкуса къ изящному и пониманія національнаго искусства Ѳ. И. собираетъ произведенія народнаго художественнаго творчества, напримѣръ: шитье, женскіе головные уборы, крестики; собрана имъ большая коллекція старинныхъ вышитыхъ полотенецъ. Такимъ путемъ можетъ образоваться цѣлый музей произведеній народнаго художественнаго творчества.

Жизнь учениковъ на квартирахъ, при неимѣніи средствъ къ существованію, представляется крайне тяжелою. Часто занимаясь цѣлыми днями трудной работой, ученикъ утоляетъ голодъ черствой коркой; многіе изъ учащихся школы живутъ исключительно только на водѣ и хлѣбѣ.

Тѣ ученики, которые получаютъ пособіе отъ школы деньгами въ размѣрѣ отъ 3 до 7 рублей въ мѣсяцъ, хотя и живутъ сравнительно лучше, все-таки, уплачивая за квартиру со стиркой руб. 1½—2 руб. и тратя на освѣщеніе коп. 50 въ мѣсяцъ, не могутъ располагать ежедневно горячей пищей.

Болѣе сытымъ, такъ сказать, элементомъ школы являются стипендіаты нѣкоторыхъ земствъ, получающіе отъ 100 до 120 рублей въ годъ, и дѣти состоятельныхъ родителей.

Ученики въ 11 час. распускаются на обѣдъ.

— И вотъ,—разсказывалъ мнѣ Ѳ. И. Лашинъ,—видишь гдѣ-

нибудь въ углу, прячась отъ людей, сидитъ мальчикъ и кусаетъ..... что-то похожее на хлѣбъ. Спрашиваешь,—отчего онъ не идетъ домой? Заминаясь, невнятно отвѣчаетъ: «Зачѣмъ идти, когда дома и этого, что у него за пазухой, нѣтъ?» И все-таки, находясь въ такихъ условіяхъ, многіе кончаютъ школу... Даже чистоты бѣлья иногда нельзя требовать отъ учащихся, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ средствъ купить мыла.

Съ Ѳ. И. Лашинымъ я осмотрѣлъ нѣсколько квартиръ учениковъ школы.

1) Живутъ пять человѣкъ. Квартира изъ двухъ комнатъ: первая 5×7 арш.; другая 2×7 арш.; высота обѣихъ $3^1/_2$ арш. Спятъ двое на одиночной койкѣ. Платятъ по $1^1/_2$ руб. съ человѣка, со стиркой и приготовленіемъ кушанья; керосинъ свой, т. е., ученическій. На столъ выходитъ по 4 р. 50 к.—6 р. 50 к. въ мѣсяцъ съ человѣка. Обѣдъ—супъ овсяный, съ говядиной (по $1^1/_2$ фунта на 5 человѣкъ), и картофель съ саломъ. Ужина не бываетъ. Чай пьютъ два раза—утромъ и вечеромъ.—Въ томъ же домѣ квартируютъ два брата: одинъ ученикъ III-го класса высшаго начальнаго училища, а другой только что поступившій въ I-й классъ ремесленнаго училища. У этого мальчика на концѣ носа было красное пятно,—слѣды обжога при паяніи, во время работы въ мастерской:

— Машинистомъ будетъ, — пошутилъ кто-то по этому поводу.

Братья эти производили то же впечатлѣніе, что и обитатели сторожки Устьсысольскаго высшаго начальнаго училища: большіе животы, грустный, понурый взглядъ, медленность въ движеніяхъ, тихій голосъ. Питаются однимъ хлѣбомъ. Обѣдали, т. е. горячую пищу принимали, только тогда, когда были дома. Въ день посѣщенія мною квартиры—въ воскресенье—ихъ приходила провѣдать мать и принесла имъ корзину съ „ячневыми“, т. е. изъ ячменной муки, пирогами.

— Какъ мать проводили, такъ къ корзинкѣ припали и не отходятъ. Вотъ посмотрите,—разсказывала хозяйка, показывая принесенную матерью корзину,—полная была, а теперь осталось только на днѣ.

При видѣ этихъ гостинцевъ, принесенныхъ матерью дѣтямъ, только голодомъ можно объяснить, что ребята „припали“ къ кускамъ чернаго хлѣба.

Какъ можно учиться, питаясь однимъ хлѣбомъ, когда животъ пучитъ отъ хлѣба и голода!..

Хозяйка охарактеризовала мнѣ ихъ:

— Такіе ребятишки смирные.

Будешь смирнымъ при такомъ питаніи...

2) Живутъ 3 ученика, 2 комнаты: 1) 3×3 арш. и 2) 4×5 арш.; высота 3 арш. Платятъ по 2 рубля въ мѣсяцъ каждый, со стиркой и приготовленіемъ кушанья.

Учебный годъ въ школѣ начинается 1-го сентября и кончается 29-го іюня, послѣ чего учащіеся распускаются на лѣтнее вакаціонное время, т. е. какъ разъ къ началу полевыхъ крестьянскихъ работъ, когда въ деревнѣ нужны рабочія руки. Такимъ образомъ, освободившимся отъ своихъ занятій въ школѣ ученикамъ приходится работать на полѣ, т. е., они работаютъ почти круглый годъ (за исключеніемъ Рождественскихъ и Пасхальныхъ вакацій).

Для тѣхъ учащихся, которые, кончивъ школу, не могутъ пріискать сразу мѣста, при школѣ организовано попечительное общество объ окончившихъ Петровскую ремесленную школу, которымъ устроена мастерская, гдѣ каждый окончившій имѣетъ право работать за сдѣльную плату. Заказами и работами эта мастерская завалена и, будь у попечительнаго общества значительныя средства, то вопросъ о фабрично-коммерческой постановкѣ дѣла, по словамъ Ѳ. И. Лашина, разрѣшился бы вполнѣ. Расчеты съ окончившими школу учениками, работающими въ мастерской попечительнаго общества, производятся еженедѣльно особо на то избраннымъ кассиромъ общества, по ордерамъ завѣдывающаго мастерскими.

Тотемское высшее начальное училище преобразовано изъ уѣзднаго училища въ городское съ 1895 года.

Съ 1913—1914 учебнаго года въ училищѣ введено преподаваніе новыхъ языковъ: французскаго и нѣмецкаго.

Училище помѣщается въ собственномъ полукаменномъ домѣ.

Во время лѣтнихъ каникулъ 1913 года производился капитальный ремонтъ зданія училища.

Къ 23-му сентября 1913 года въ училищѣ состояло 181 ученикъ.

По сословіямъ ученики раздѣляются слѣдующимъ образомъ: крестьянъ 140, мѣщанъ 33, дѣтей почетныхъ гражданъ 3 и дѣтей чиновниковъ 5.

Ученики изъ крестьянъ уѣзда большею частью живутъ на квартирахъ въ городѣ и платятъ за нихъ отъ 1 до 2 рублей въ мѣсяцъ. 15 учениковъ проживаютъ въ окрестныхъ деревняхъ, находящихся отъ города верстахъ въ 2—4. Въ большинствѣ случаевъ квартиры учениковъ очень плохи. Ученикамъ большею частью приходится

помѣщаться по два и по три въ небольшихъ комнатахъ—углахъ, притомъ вмѣстѣ съ хозяевами.

Особенно вздорожали квартиры за послѣдніе три года, когда открылось въ городѣ реальное училище, а мѣстная прогимназія была преобразована въ гимназію. Лучшія квартиры отдаютъ ученикамъ реальнаго училища, воспитанникамъ семинаріи и ученицамъ гимназіи.

Питаются ученики высшаго начальнаго училища большею частью плохо; обыкновеннымъ кушаньемъ является постная похлебка изъ овсяной крупы и картофеля; къ ней въ рѣдкихъ случаяхъ прибавляется кусочекъ говядины или свинины. Жареный со скоромнымъ масломъ картофель является лакомствомъ. Часто ученики питаются только кипяткомъ или чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ, или же только вареным картофелемъ съ хлѣбомъ и солью.

Положеніе учениковъ въ этомъ отношеніи особенно ухудшается весной и осенью, когда родителямъ—крестьянамъ, живущимъ въ деревняхъ верстъ за 40—100 и болѣе отъ города, бываетъ невозможно, во время бездорожья, привезти или переслать дѣтямъ необходимые пищевые продукты, одежду и обувь.

Ученики—дѣти мѣщанъ г. Тотьмы находятся не въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, хотя и живутъ при родителяхъ; это все дѣти бѣдняковъ; дѣти же зажиточныхъ мѣщанъ поступаютъ въ реальное училище.

Ученикамъ Тотемскаго высшаго начальнаго училища изъ дѣтей крестьянъ Тотемскаго уѣзда ежегодно отпускается въ пособіе 600 руб. Тотемскимъ земствомъ.

Пособія дѣтямъ крестьянъ выдаются на основаніи отзыва о матеріальномъ положеніи родителей, даннаго законоучителями и учителями тѣхъ начальныхъ училищъ, гдѣ учащіяся дѣти крестьянъ окончили курсъ, и на основаніи отзыва волостныхъ правленій.

Дѣтямъ мѣщанъ выдается пособіе изъ %% съ благотворительнаго капитала имени тотемскаго купца Ливерія Ивановича Колычева, до 90 рублей въ годъ.

Изъ спеціальныхъ средствъ училища—суммъ сбора за ученіе—до 50 рублей употребляется на пособія и награды ученикамъ.

Отъ 50 до 60 рублей въ годъ отпускается обществомъ вспомоществованія бѣднѣйшимъ учащимся г. Тотьмы для выдачи въ пособіе ученикамъ высшаго начальнаго училища.

Стипендію или пособіе родители нерѣдко называютъ „жалованьемъ“,

„пенсіей", „способіемъ". Бываютъ случаи, что и зажиточные сравнительно родители, напр., волостной старшина, просятъ дѣтямъ своимъ „способія".

Въ Тотемскомъ приходскомъ училищѣ 109 мальчиковъ и 63 дѣвочки. Въ началѣ 1913—1914 учебнаго года въ пріемѣ въ 1-ое отдѣленіе было отказано 30 чел., за тѣснотою помѣщенія. Училище размѣщено въ трехъ зданіяхъ.

Мнѣ передавали, что среди учащихся приходскаго и другихъ начальныхъ училищъ наблюдается особенно острая нужда, сравнительно съ другими учащимися. Учащихся въ начальныхъ училищахъ оказывается необходимымъ кормить и одѣвать. Общество вспомоществованія бѣднѣйшимъ учащимся г. Тотьмы выдаетъ чеки на полученіе муки изъ лавки, безъ обмѣна на деньги или на что либо другое. По отчету общества, за 1912 годъ выдано учащимся въ начальныхъ училищахъ г. Тотьмы ежемѣсячныхъ пособій мукою 196 пуд., на 268 р. 39 коп., и въ видѣ единовременныхъ пособій 101 руб.

Въ Тотемскомъ уѣздѣ, площадью въ 20.769,6 квадр. верстъ и съ населеніемъ обоего пола въ 470.915 человѣкъ, 132 низшихъ начальныхъ училища съ 4.720 учащимися (3.389 мальчиковъ и 1.340 дѣвочекъ) [1]).

25-го сентября я выѣзжалъ изъ Тотьмы. Извощикъ, съ которымъ я ѣхалъ на пароходную пристань, въ разговорѣ со мной передавалъ, что одинъ изъ его братьевъ учится въ здѣшней учительской семинаріи, а другой въ С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, но въ каникулярное время братья эти работаютъ по хозяйству: косятъ, пашутъ и т. п. наравнѣ съ нимъ. Это для меня было однимъ изъ свидѣтельствъ о распространеніи образованія въ низшихъ слояхъ здѣшняго населенія и, если можно такъ выразиться, демократизаціи образованія [2]).

---

[1]) Къ 1-му января 1914 года училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Тотемскомъ уѣздѣ было 135; учащихся въ нихъ 5.711; изъ нихъ мальчиковъ 4.051, дѣвочекъ 1.660.

[2]) О народномъ образованіи въ Вологодской губ. см. ст. В. А. Пшеницына „Народное образованіе въ Вологодской губ." въ „Вопросахъ народнаго образованія" за 1912 г., № 3; брошюры: С. А. Лосева „О низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Вол. губ. за 1911 г.", г. Ан. Машкина „Народное образованіе въ г. Никольскѣ, Вологодской губерніи, и его уѣздѣ, изъ журнала „Русскій начальный учитель"; мою — „Начальное народное образованіе въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ. С.-Пб. 1914 г.".

Всего въ командировку въ Вологодскую губернію, за время съ 21-го августа по 27-е сентября, мною осмотрѣно болѣе 35 учебныхъ заведеній. На основаніи собраннаго въ нихъ матеріала я пришелъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ, касающимся не только названныхъ учебныхъ заведеній и не только Вологодской губерніи, но и другихъ, находящихся въ аналогичныхъ съ ними условіяхъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній:

1) Чувствуется настоятельная нужда въ организаціи надлежащаго надзора за школьнымъ строительствомъ. Начальники учебныхъ заведеній, въ большинствѣ случаевъ, люди некомпетентные въ дѣлѣ строительства или мало компетентные. То же слѣдуетъ сказать и о педагогическихъ и попечительныхъ совѣтахъ. Съ другой стороны, земскія управы, на обязанности которыхъ лежитъ постройка зданій для народныхъ училищъ, не въ силахъ справиться съ этою задачею, вслѣдствіе малочисленности своего состава и многочисленности лежащихъ на управѣ обязанностей. Земскіе техники—1—2 на уѣздъ—развѣ въ состояніи одни имѣть надлежащій надзоръ за всѣми производящимися въ уѣздѣ земскими постройками? Въ какой формѣ слѣдуетъ организовать надзоръ за школьнымъ строительствомъ, назначить ли вмѣсто одного окружнаго архитектора нѣсколькихъ архитекторовъ, обязанныхъ руководить постройками и слѣдить за ними, или образовать въ каждой губерніи особыя школьно-строительныя комиссіи, или же въ какой либо другой формѣ,—вопросъ объ этомъ можетъ быть разрѣшенъ по разработкѣ статистическихъ данныхъ о школьномъ строительствѣ въ различныхъ губерніяхъ. Во всякомъ случаѣ, при значительности въ послѣднее время расходовъ на школьное строительство, затраты на учрежденіе надлежащаго надзора за послѣднимъ, содѣйствуя улучшенію сооружаемыхъ школьныхъ зданій, должны быть признаны вполнѣ производительными.

2) Что касается преподавательскаго персонала, то даже въ концѣ сентября въ нѣкоторыхъ осмотрѣнныхъ мною среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оставались незамѣщенными вакансіи преподавателей,—иногда въ одномъ учебномъ заведеніи нѣсколько вакансій,—что, конечно, должно весьма неблагопріятно вліять на учебныя занятія. Частая перемѣна преподавателей въ нѣкоторыхъ изъ осмотрѣнныхъ мною учебныхъ заведеній сдѣлалась явленіемъ обычнымъ, но она, конечно, служитъ препятствіемъ къ правильной постановкѣ учебнаго дѣла, такъ какъ требуется болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы новый преподаватель ознакомился съ учащимися, ихъ характе-

ромъ и способностями, и между преподавателемъ и учащимися установились бы надлежащія, близкія отношенія.

Впрочемъ, вопросъ о подготовкѣ преподавателей средней школы признается въ настоящее время очереднымъ и принимаются мѣры къ его разрѣшенію (устройство, напр., одногодичныхъ педагогическихъ курсовъ). Для обезпеченія же учебныхъ заведеній отдаленныхъ мѣстностей преподавательскими силами, можетъ быть, слѣдуетъ назначать въ эти учебныя заведенія преподавателями преимущественно мѣстныхъ уроженцевъ, уже сроднившихся, такъ сказать, съ неудобствами мѣстной жизни.

3) Переходя къ учащимся, нельзя не отмѣтить прежде всего крайне тяжелаго положенія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ матеріальномъ отношеніи. Правительство и общество, конечно, не могутъ оставаться равнодушными въ виду массоваго голоданія дѣтей, которое, хотя и вызывается въ значительной степени введеніемъ всеобщаго обученія и стремленіемъ населенія къ просвѣщенію, тѣмъ не менѣе въ своей сущности представляетъ собою общественное бѣдствіе, въ корнѣ подрывающее здоровье подрастающихъ поколѣній, тогда какъ народное образованіе не должно быть въ ущербъ народному здравію. Вопросъ о содержаніи учащихся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ставится въ настоящее время самою жизнію. Пока въ названныхъ заведеніяхъ обучались дѣти состоятельныхъ родителей, послѣдніе и содержали своихъ дѣтей. Но, съ введеніемъ всеобщаго обученія и пробужденіемъ въ населеніи стремленія къ образованію, школы наполняются дѣтьми бѣдняковъ, лишенныхъ возможности обезпечить дѣтей содержаніемъ не только въ школѣ, но и дома. Въ духовной школѣ, имѣющей, сравнительно съ свѣтскою, болѣе продолжительную исторію, вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи учащихся представляется уже рѣшеннымъ. Въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ учащіеся также испытывали нѣкогда лишенія въ матеріальномъ отношеніи, подобныя тѣмъ, какія въ настоящее время выпадаютъ на долю учащимся свѣтской школы. Но уже съ XIX ст. духовныя училища и семинаріи даютъ своимъ питомцамъ не только образованіе, но и, бѣднѣйшимъ изъ нихъ, жилище, одежду и пищу — „казенное“ содержаніе. Несомнѣнно, что въ настоящее время и для свѣтскихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній наступила очередь озаботиться о матеріальномъ обезпеченіи своихъ питомцевъ предоставленіемъ имъ жилища, пищи, одежды и т. д. Въ виду значительности затратъ на устройство и содержаніе общежитій при названныхъ заведеніяхъ, не-

обходимыя для того средства могутъ быть распредѣлены на различные источники, какъ то: государственное казначейство, земскіе и городскіе сборы и др. А пока въ законодательномъ порядкѣ не организована помощь бѣднѣйшимъ учащимся, необходимо принять всѣ мѣры къ учрежденію обществъ вспомоществованія учащимся и школьныхъ попечительствъ по закону 1907 г.

4) Контингентъ учащихся почти во всѣхъ осмотрѣнныхъ мною учебныхъ заведеніяхъ составляютъ преимущественно крестьянскія и мѣщанскія дѣти, которыя, состоя воспитанниками учебнаго заведенія, въ то же время продолжаютъ принимать участіе въ работахъ по хозяйству, помогая своимъ родителямъ. Такъ, воспитанницы гимназіи доятъ коровъ, жнутъ и т. п.; воспитанники учительской семинаріи косятъ, вывозятъ навозъ на поле и т. д. Учебное заведеніе съ своей стороны, мнѣ кажется, должно поощрять физическій трудъ учащихся и возбуждать въ нихъ любовь къ нему. Въ виду этого представляется желательнымъ, чтобы въ учебномъ заведеніи учащіеся получали свѣдѣнія, полезныя имъ и въ домашнемъ быту,—напр., при прохожденіи курса естествовѣдѣнія знакомились бы съ устройствомъ сада и огорода, съ молочнымъ хозяйствомъ, искусственнымъ удобреніемъ и т. д. Съ подобными знаніями учащіеся являлись бы среди населенія, въ особенности въ деревнѣ, культуртрегерами въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

М. Успенскій.

ЛЕРМОНТОВЪ И ГРИБОѢДОВЪ.

(„Трагедія личности" въ русской литературѣ 20—30-ыхъ годовъ).

Въ исторіи развитія отдѣльнаго человѣка и въ исторіи самосознанія цѣлаго общества проясненіе „личнаго начала" играетъ весьма значительную роль. Подобно тому, какъ всякій человѣкъ въ періодъ дѣтства живетъ „чужимъ умомъ", „чужими, заимствованными чувствами", беретъ жизнь „на вѣру",—такъ и въ извѣстные періоды жизни всякаго общества наблюдается періодъ „стадныхъ" переживаній,—періодъ ненарушенной общности умственныхъ интересовъ, запросовъ, міросозерцаній, настроеній... И какъ въ жизни всякаго человѣка, духовная жизнь котораго прогрессируетъ, можетъ наступить моментъ, когда въ его сознаніи проснется его „я"—его личность, которая и будетъ искать самоопредѣленія путемъ противопоставленія себя „толпѣ", ее окружающей—такъ и въ жизни прогрессирующаго общества обозначаются, время отъ времени, моменты разслоенія общественной жизни вслѣдствіе групповыхъ выдѣленій изъ массы. Масса остается при своей старой вѣрѣ,—отколовшаяся группа будетъ искать „новыхъ боговъ" и старую вѣру назоветъ „суевѣріемъ", „предразсудкомъ", „пережиткомъ".

И отдѣльному человѣку, пришедшему къ сознанію своей отчужденности отъ среды, его воспитавшей, и цѣлой общественной группѣ, отколовшейся отъ массы, предстоитъ упорная и злая борьба. Кто побѣдитъ въ этой борьбѣ?

Жизнь человѣческая и исторія всемірной культуры доказываютъ, что „одинъ въ полѣ не воинъ"... И много трагическихъ эпизодовъ этой борьбы насчитаетъ намъ внимательный наблюдатель жизни человѣческой,—эпизодовъ, характеризующихъ „трагизмъ одиночества" въ жизни человѣка. А историкъ назоветъ намъ немало свѣтлыхъ именъ

и событій изъ исторіи этой борьбы общественныхъ группъ въ моменты наиболѣе мучительнаго процесса выдѣленія ихъ изъ массы.

Одинокій человѣкъ, сознавшій себя, противопоставившій свое „я“ „мудрости“ толпы, будетъ раздавленъ толпой, или отброшенъ ею,—или онъ смирится передъ толпой и, въ оправданіе свое, скажетъ: „съ волками жить, по волчьи выть“... Но, послѣ этихъ словъ, даже живя въ толпѣ, онъ уже никогда всецѣло не сольется съ ней въ одну общую жизнь, и въ глубокихъ тайникахъ души своей будетъ молиться только своимъ „новымъ богамъ“! И во всѣхъ этихъ случаяхъ постигнетъ онъ отраду и ужасъ одиночества, и до могилы будетъ его душа жить въ мірѣ трагическаго паѳоса своей отчужденности!

Такія выдѣленія личности и цѣлыхъ общественныхъ группъ совершаются постоянно въ самыхъ различныхъ областяхъ человѣческой мысли и чувства—въ области религіи, политики, морали, эстетики... И степень остроты этихъ выдѣленій, обыкновенно ощущаемой особенно болѣзненно именно въ самый первый періодъ борьбы, повышается, или понижается, въ зависимости отъ самыхъ различныхъ условій...

Итакъ, процессъ выдѣленія личности изъ массы—процессъ сложный и, въ то же время, несомнѣнный. Въ жизни человѣка и въ жизни общественной группы онъ проявляется капризно и случайно. И очень часто случается, что, подъ давленіемъ случайности, уже самоопредѣлившаяся личность вдругъ теряетъ свое найденное и завоеванное „я“, сливается съ толпой, опять живетъ ея стадными чувствами, иногда низкими, иногда возвышенными, теряетъ остроту своего зрѣнія и слуха, оглушенная и ослѣпленная налетѣвшимъ порывомъ стихійныхъ силъ толпы. Тогда эта созрѣвшая личность дѣлается опять безличной, дѣтски-безпомощной и довѣрчивой, а потому или подозрительной и злой, или благородной и наивной... Теряя себя, личность теряетъ способность критически относиться къ тому, чѣмъ живетъ толпа, чѣмъ она въ данный моментъ одухотворена. Личность рабски подчиняется голосу всепокоряющей власти летучей молвы,—этого легкокрылаго предтечи той всесокрушающей силы, которая именуется „*общественнымъ мнѣніемъ*“.

Въ исторіи русской жизни мы знаемъ нѣсколько такихъ моментовъ, когда, болѣе или менѣе, ясно сказывается этотъ процессъ выдѣленія общественныхъ группъ изъ массы.

Первый такой моментъ—самый отдаленный отъ насъ и самый темный. О немъ мы можемъ только гадать. Онъ совпадаетъ съ принятіемъ христіанства, когда небольшая общественная группа отколо-

лась отъ старой вѣры и пріобщилась къ культурной жизни Византіи, усвоила новую вѣру, новую мораль, новое міросозерцаніе... Что бы ни говорилъ историкъ о формальномъ характерѣ ранняго русскаго христіанства, но принятію его долженъ былъ предшествовать періодъ скептицизма — періодъ критическаго отношенія къ старымъ богамъ и къ мудрости отцовъ и дѣдовъ.

Эта первая русская борьба прогрессирующей общественной группы съ консервативной массой затуманена далью вѣковъ. Наличность этой борьбы историкъ можетъ только чувствовать, но не можетъ детально опредѣлить ея характера, ея сущности... Лишь нѣсколько образовъ съ опредѣленной индивидуальностью,—образовъ, характерныхъ для этого времени, вырисовываются, болѣе или менѣе, ясно изъ туманнаго сумрака далекаго прошлаго... Св. Княгиня Ольга, св. Владиміръ, Ѳеодосій Печерскій, Владиміръ Мономахъ... Это все—вожаки цѣлыхъ общественныхъ группъ, выдѣлившіеся изъ массы. Это все—*побѣдители*. Ихъ имена сіяютъ въ ореолѣ славы. А сколько было *побѣжденныхъ* въ этой первой борьбѣ? Ихъ именъ не сохранила неблагодарная человѣческая исторія, всегда неблагосклонная къ „неудачникамъ".

Если неясенъ этотъ первый моментъ общественной борьбы въ русской исторіи, то съ безпощадною ясностью глазамъ историка представляется второй такой моментъ—XVII-ый вѣкъ и эпоха, такъ называемаго, смутнаго времени.

Начало этой эпохи надо искать еще во временахъ Іоанна Грознаго. Тогда уже было замѣчено, что „старина поисшаталась", и уже тогда приложены были энергичныя усилія къ тому, чтобы укрѣпить эту старину. Но самъ Грозный, сторонникъ „старины", выдвигалъ „новыхъ людей"; онъ самъ давилъ старое боярство и потому, въ значительной степени, самъ подготовлялъ смутное время, съ Годуновыми и Самозванцами.

Тогда, въ ту смутную эпоху, и въ области общественной жизни замѣтно сказалось броженіе—борьба во имя проясняющагося личнаго начала.

Исторія русской литературы къ этому времени относитъ нѣсколько любопытныхъ произведеній повѣствовательнаго характера, богато иллюстрирующихъ тогдашнюю русскую общественную жизнь,—особенно жизнь протестующей личности, въ интересный и знаменательный моментъ ея выдѣленія изъ толпы.

Къ такимъ произведеніямъ относятся слѣдующія: „Повѣсть о

Саввѣ Грудцынѣ", „Повѣсть о Горѣ-злосчастьѣ", „Фролъ Скобѣевъ" и „Сказка о Ершѣ Ершовичѣ".

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ ясно выразился протестъ личности противъ массы, противъ ея устарѣлой мудрости, во имя новыхъ исканій, новыхъ идеаловъ... На первыхъ порахъ эти идеалы неясны,—тѣмъ безнадежнѣе борьба, что ведется во имя ихъ. Тѣмъ понятнѣе, что и герои первыхъ двухъ указанныхъ повѣстей оказываются побѣжденными. Они слишкомъ повѣрили въ свои силы, и дѣйствительность доказала имъ, со всей безпощадной очевидностью, что „одинъ въ полѣ не воинъ".—Понявъ эту мудрость отцовъ и дѣдовъ, спасеніе нашли они въ обращеніи къ завѣтамъ старины, въ отреченіи отъ себя, отъ гордости своимъ „я"—въ отреченіи отъ земныхъ радостей. Оба идутъ въ монастырь.

Но герои двухъ другихъ повѣстей уже торжествуютъ надъ ослабѣвающей стариной. „Маломочный" Ершъ одержалъ верхъ надъ жирными, знатными рыбами, Фролъ Скобѣевъ—надъ старымъ, родовитымъ боярствомъ. Пусть побѣда эта одержана при помощи обмана и наглости, насилія и пройдошества. Хитрость и обманъ — орудія слабыхъ. Но важны здѣсь не орудія борьбы, а основная идея: въ лицѣ героевъ символизируется новая личность, выступившая на борьбу съ старыми укладами жизни—и борьба оказывается побѣдоносной, и сочувствіе авторовъ этихъ повѣстей на сторонѣ этой побѣдоносной личности.

„Монастырь" и „разбойничество" въ эту тяжелую эпоху перелома отъ старины къ новизнѣ многимъ русскимъ людямъ давали возможность спасти свое „я". Въ монастырь шли люди созерцательнаго душевнаго склада, въ большинствѣ неспособные на открытую борьбу съ міромъ, съ его „зломъ", съ его обветшалою мудростью. Спасая свою „личность", шли они въ пустыню, удаляясь отъ „суеты мірской". Къ разбойникамъ шли натуры страстныя, активныя. И для многихъ вольная жизнь разбойника, жизнь, свободная отъ гнета предразсудковъ и „суевѣрій", представляла, сама по себѣ, всею своею сущностью, живой и энергичный протестъ противъ всего господствующаго строя современной жизни.

Въ одной разбойничьей пѣснѣ поется, что̀ заставило добраго молодца вести свободную разбойничью жизнь:

„Служба грозная государева,
Прыткость-бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая"...

Изъ этихъ трехъ силъ, освобождавшихъ тогда личность русскаго человѣка, самой интересной является вторая: „прыткость-бодрость молодецкая“. Вотъ въ этой прыткости, „неуимчивости“ и выразились основныя черты проясняющейся человѣческой личности: самомнѣніе, самоувѣренность, переоцѣнка своего „я“, нежеланіе считаться съ уравновѣшенной мудростью среды, критическое отношеніе ко всему,—то, что̀ Васькѣ Буслаеву дало право не вѣрить „ни въ сонъ, ни въ чохъ“!..

Впрочемъ, XVII в. даетъ еще одинъ выходъ русской личности, рвавшейся на просторъ изъ тисковъ средневѣковья—общеніе съ западомъ, общеніе съ идеалами Возрожденія и Реформаціи...

Тяготѣніе къ западу сказалось у насъ въ XVII столѣтіи очень рано; съ каждымъ десятилѣтіемъ оно все усиливалось, и Петръ Великій выразилъ это тяготѣніе особенно энергично и ярко.

Еще при отцѣ его „старина“, которую такъ старался укрѣпить Іоаннъ Грозный, оказалась уже офиціально отвергнутой: задолго до XVIII столѣтія „послѣдняя Русь“ ушла въ низы русской жизни, скрылась въ раскольничьихъ скитахъ русскаго сѣвера, изъ торжествующей превратилась въ побѣжденную и гонимую...

Наступаетъ XVIII вѣкъ. Любопытная эпоха коренной европеизаціи русской жизни,—вѣкъ интимнаго общенія русской интеллигенціи съ западомъ.

И вотъ, въ началѣ этого вѣка мы сдѣлались сенсуалистами,—стали оправдывать земную жизнь, которую проклинали сами въ XV, XVI столѣтіяхъ... Мы готовы были сдѣлаться язычниками-эпикурейцами, готовы были поклониться земному богу—Антихристу, богу радостной суеты... И, кажется, „эманципація плоти“ была первой мудростью, усвоенной нами отъ западной Европы. Эта первая наша „свобода“ расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ при Петрѣ и особенно при Елизаветѣ Петровнѣ; она нашла выраженіе и въ искусствѣ, и въ анакреонтической поэзіи; она захватила и всецѣло покорила себѣ житейское міросозерцаніе многихъ тогдашнихъ русскихъ людей,—особенно тѣхъ, что жили жизнью петербургскаго двора и свѣта.

Но уже при Екатеринѣ II это наивное обожествленіе земли и плоти начинаетъ тускнѣть, и уже Державинъ, вдохновенный поэтъ земли и ея радостей, принужденъ былъ сознаться, что человѣкъ—сегодня богъ и царь, а завтра — жалкій червь и рабъ! Наслажденія земной жизнью затуманены у него мыслями не только о грядущей смерти, но и сознаніемъ обязанностей человѣка по отношенію къ ближнимъ,—къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“.

Итакъ, безмятежный эгоизмъ эпикуреизма отравляется страхомъ смерти; эта мысль обезцѣниваетъ земную жизнь; какъ ближайшій результатъ этого разочарованія опять возрождается у насъ въ эту эпоху, правда, въ измѣненномъ видѣ, идеологія старой московской Руси. На этой почвѣ и слагается у насъ интересъ къ мистицизму и „религіи разума“ (масонство).

Съ другой стороны, узкій эпикуреизмъ расширяется альтруистическими стремленіями создать *здѣсь*, на землѣ, счастье не только личное, но всечеловѣческое—счастье, основанное на принципахъ равенства, братства и свободы. На этой почвѣ возникаетъ въ русскомъ обществѣ интересъ къ либеральнымъ, даже радикальнымъ вѣяньямъ запада. И религіозныя стремленія и политическія у однихъ прихотливо сливаются въ одно сложное міросозерцаніе,—у другихъ расходятся далеко, и потому въ эту сложную эпоху передовое общество наше разслаивается на нѣсколько группъ.

Разразилась французская революція. Призывъ устроить новую счастливую жизнь на землѣ во имя равенства, братства и свободы боевымъ кличемъ прозвучалъ надъ всей Европой и нашелъ отзвукъ во многихъ тревожныхъ русскихъ сердцахъ. Но судьбѣ было угодно, чтобы разочарованіе въ новой вѣрѣ наступило слишкомъ скоро, и чѣмъ ярче сіяла у насъ „прекраснодушная“ вѣра въ возможность осуществленія красивыхъ идеаловъ всечеловѣческой любви здѣсь, на землѣ,—тѣмъ мрачнѣе было разочарованіе, тѣмъ мучительнѣе ощутилось недовѣріе къ „*человѣку*“-творцу, „человѣку-богу“, который одной силой разума можетъ пересоздавать міры...

И вотъ, послѣ недавняго расцвѣта общественности наступаетъ кризисъ,—реакція въ сторону индивидуализма. И впервые въ это время зазвучали въ европейской и русской поэзіи мотивы презрѣнія къ *толпѣ*, къ массѣ... Вѣра въ *себя*, въ свою личность, потеряна не была („ты—царь!..“)—утрачена была вѣра въ то, что *масса* способна къ осуществленію высокихъ идеаловъ. На почвѣ этого разочарованія и произошло новое отдѣленіе личности отъ массы („...живи *одинъ*!“) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выросло убѣжденіе въ собственномъ личномъ безсиліи совершить то, что еще недавно „отцамъ“ казалось легко осуществимымъ—„отцамъ“, которые однимъ почеркомъ пера создавали на бумагѣ „новыя породы людей“.

Въ русской литературѣ этотъ любопытный психологическій моментъ прежде всего выразился въ поэзіи *Карамзина*.

Онъ—первый нашъ индивидуалистъ, презрѣвшій „толпу“. Онъ—

первый русскій литераторъ, выступившій съ проповѣдью антиобщественности. Сентиментальный юноша, „республиканецъ въ душѣ", онъ, переживъ разочарованіе, призналъ, что его schöne Seele—единственное святилище, гдѣ онъ можетъ молиться своимъ богамъ, поруганнымъ толпой... Онъ не понесетъ въ толпу своей мечты,—онъ будетъ жить „для себя", для своихъ друзей, вдали отъ шума грубой черни...

Вслѣдъ за Карамзинымъ идутъ его многочисленные ученики-сентименталисты, такіе же, какъ онъ, проповѣдники индивидуализма и антиобщественности. Время расцвѣта сентиментализма у насъ — конецъ XVIII и начало XIX столѣтія.

„Для немногихъ" („für Wenige") будетъ творить въ теченіе всей своей жизни *Жуковскій*, карамзинистъ по своимъ наклонностямъ и міропониманію. Ученики Жуковскаго на разные лады будутъ перепѣвать его излюбленные мотивы, призывая „прекрасныя души" своихъ избранныхъ слушателей въ міръ изысканныхъ чувствъ и настроеній. Дальше отъ злободневной суеты! прочь отъ „толпы"!—туда, въ міръ избранныхъ, въ міръ „немногихъ"...

Но время беретъ свое. Бурная эпоха наполеоновскихъ авантюръ подымаетъ патріотизмъ во всѣхъ европейскихъ странахъ. И безпокойный духъ общественности захватываетъ молодое поколѣніе. „Отцы" могли прятаться отъ шума жизни въ „храмахъ уединеннаго размышленія",—„дѣтямъ" пришлось считаться съ захватывающей, всепобѣждающей жизнью новаго времени. И вотъ, наступаетъ царствованіе Александра I—любопытный моментъ, когда молодые русскіе идеалисты вступили въ жизнь и отважно понесли свои святые идеалы навстрѣчу толпѣ. Во главѣ ихъ стоитъ самъ Александръ, этотъ „якобинецъ на россійскомъ престолѣ". Въ ряду съ нимъ станутъ и молодые русскіе романтики 20—30-ыхъ годовъ; впослѣдствіи къ нимъ примкнутъ свои ряды и „либералисты" александровской эпохи, будущіе декабристы. И что̀ ждало всѣхъ этихъ мечтателей?—Борьба съ Фамусовыми, неудача и разочарованіе, „горе отъ ума", а въ результатѣ—„мильонъ терзаній въ груди" и мучительное сознаніе одиночества, своей ненужности, своей отчужденности отъ общества, да и отъ народа...

Ярко выразили это тягостное сознаніе *Пушкинъ* и поэты его времени. Но мучительнѣе всего эта „трагедія одиночества" выражена сперва *Грибоѣдовымъ*, а потомъ *Лермонтовымъ*. Грибоѣдовъ далъ въ своей безсмертной комедіи изумительный анализъ „толпы", нарисовалъ интимную картину ея души. Въ своей лирикѣ Лермонтовъ оставилъ исчерпывающій анализъ одинокой души, отвергнутой и не-

понятой. Вотъ почему и лирика Лермонтова, и безсмертная комедія Грибоѣдова—явленія родственныя по существу своего содержанія. Произведенія обоихъ писателей выражаютъ любопытный моментъ въ исторіи самосознанія русскаго общества—моментъ трагическаго кризиса русскаго индивидуализма. Они взаимно дополняютъ другъ друга и, вмѣстѣ взятыя, рисуютъ жизнь эпохи исчерпывающимъ образомъ.

1.

Въ творчествѣ каждаго поэта всегда легко опредѣлить наиболѣе характерный для него *лейтмотивъ.* Найти этотъ мотивъ—значитъ выявить совокупность доминирующихъ мыслей-чувствъ поэта,—значитъ опредѣлить духовную сущность его творческой личности, основное содержаніе, характеръ его паѳоса... У поэтовъ съ широкимъ размахомъ души этотъ лейтмотивъ можетъ разнообразиться въ зависимости иногда отъ временныхъ переживаній ихъ отзывчивой души, иногда отъ перебоя различныхъ вліяній, пришедшихъ извнѣ. У поэтовъ, болѣе углубленныхъ въ свое собственное „я", этотъ основной мотивъ всегда выдерживается послѣдовательнѣе, оказывается устойчивѣе и опредѣленнѣе, выражается рѣзче и ярче...

Несомнѣнно, такимъ всеопредѣляющимъ мотивомъ въ творчествѣ Лермонтова было мучительное сознаніе своего одиночества, своей оторванности отъ людей,—словомъ, *трагедія личности,* личности возставшей и побѣжденной. Многіе русскіе поэты говорили о своемъ презрѣніи къ „толпѣ", настойчиво твердили о своемъ „я", стоящемъ выше „толпы", но ни одинъ лирикъ, кромѣ Лермонтова, не отдавалъ себя цѣликомъ выясненію всего неизмѣримаго трагизма этой неравной борьбы.

Нетрудно доказать, что его сознаніе настолько было порабощено именно этой доминирующей идеей, что всѣ остальные мотивы его творчества (любовь къ природѣ, исканія Бога, разочарованіе и пессимизмъ и пр.) были мотивами лишь второстепенными, вытекающими изъ этого основного и самаго существеннаго. Эта тема была idée fixe Лермонтова,—до такой степени упорно онъ держится за нее съ первыхъ дѣтскихъ своихъ произведеній до самыхъ зрѣлыхъ, предсмертныхъ. Къ этой темѣ подходитъ онъ и въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ, и въ драмахъ, и въ романахъ.

Въ различныхъ своихъ произведеніяхъ Лермонтовъ неразъ пытается объяснить исторію своей „борьбы съ толпой". По его признанію, поэтъ въ жизнь вступилъ чуткимъ, впечатлительнымъ, много ожидающимъ и много требующимъ—и люди обманули его юношескія

надежды, оскорбили любовь, надсмѣялись надъ вѣрой... Объ этомъ онъ повторяетъ неразъ,—чаще эти жалобы вкладываетъ онъ въ уста своихъ героевъ, впрочемъ, всегда воплощающихъ основныя черты его собственнаго „я".

Своего „Корсара" четырнадцатилѣтній Лермонтовъ заставляетъ разсказывать о томъ, какъ онъ—

.... съ обманутой душою
Ко всѣмъ недовѣрчивъ сталъ. (I, 30) [1]).

и „Корсаръ" продолжаетъ:

„Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я,—угрюмой
Душа моя смутилась думой. (I, 29—30).

А вѣдь этотъ „Корсаръ", какъ и герой поэмы „Два брата", очевидно, прежде „вѣрилъ надеждѣ, любви и дружбѣ" (I, 82).

Старый бояринъ Орша—

„зналъ людей и свѣтъ"

и потому—

„Онъ зломъ не могъ быть удивленъ,
Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,—
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!" (II, 113).

Сашка, вспоминая свою молодость, восклицаетъ:

„Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ" (III, 189).

Юрій (изъ драмы: „Menschen und Leidenschaften") жалуется другу на свое одиночество, разсказываетъ, какъ трагична была для него его первая встрѣча съ людьми:

„Помнишь-ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣческое было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей" (III, 97).

„Несправедливости, злоба—все посыпалось на голову мою; какъ будто бы туча, разлетѣвшись, упала на меня и разразилась, а я

---

[1]) *Лермонтовъ*, Полное собраніе сочиненій. Изд. разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1910.

стоялъ, какъ камень,—безъ чувства. По какому-то машинальному побужденію я протянулъ руку и услышалъ насмѣшливый хохотъ,—и никто не принялъ руки моей, и она обратно упала на сердце“ (III, 97).

Александръ, герой драмы „Два брата“, обстоятельно разсказываетъ, какъ наростало отчаяніе въ душѣ его, непонятаго и отверженнаго людьми:

„Да! такова была моя участь со дня рожденія... Всѣ читали на моемъ лицѣ какіе-то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали,—и онѣ родились. Я былъ скроменъ, меня бранили за лукавство,—я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли,—я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, братъ веселъ и открытенъ. Я чувствовалъ себя выше его, — меня ставили ниже, я сдѣлался завистливъ. Я сталъ готовъ любить весь міръ, меня никто не любилъ,—и я выучился ненавидѣть...“ (III, 334).

Вадимъ, герой повѣсти того же названія, озлобленный на весь міръ, своей любимой дѣвушкѣ объяснялъ, что озлобленіе его есть результатъ горькаго разочарованія: люди посѣяли сѣмена этой злобы въ его сердцѣ.

„Я ничего не просилъ у людей, кромѣ хлѣба—они прибавили къ нему презрѣніе и насмѣшки. Я имѣлъ небо, землю и *себя*, я былъ богатъ всѣми чувствами... видѣлъ солнце и былъ доволенъ... но постепенно все исчезло...“ (IV, 9).

„Я былъ одинъ, всегда одинъ—говоритъ тотъ же Вадимъ; когда я плакалъ—смѣялись, потому что люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ... Я желалъ возненавидѣть человѣчество—и поневолѣ сталъ презирать его; душа ссыхалась, ей нужна была свобода, степь, открытое небо...“ (IV, 21).

Полнѣе всего изображена исторія трагическаго превращенія вѣрующаго и любящаго юноши въ разочарованнаго и озлобленнаго эгоиста въ исповѣди Печорина:

„Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скроменъ—меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ,—меня ставили ниже; я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ,—меня никто не понялъ: и я выучился не-

навидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду,—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать. Узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала: она высохла, испарилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ,—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины. Но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно, когда вспомню о томъ, что̀ подъ ними покоится" (IV, 233—4).

Если это говорятъ герои Лермонтова, то и самъ онъ, 14 лѣтъ отъ роду, отъ своего имени, уже въ первые годы своего творчества готовъ былъ сказать то же самое; въ стихотвореніи „Письмо" онъ жалуется, что „все измѣнило ему", — „вездѣ" онъ, ищущій, нашелъ только однѣ „отравы" (I, 57).

Шестнадцатилѣтнимъ юношей онъ повторилъ тѣ же жалобы на людей, обманувшихъ его рано созрѣвшія мечты:

„Узналъ людей и дружескій обманъ,
Сталъ подозрителенъ и погубилъ
Безпечности душевной талисманъ".

И сердце не вынесло: оно утратило и вѣру, и любовь. Оно сдѣлалось подобно „жертвеннику, сгорѣвшему отъ огня" (I, 145).

Въ посвященіи къ повѣсти „Послѣдній сынъ вольности" Лермонтовъ говоритъ:

„Я одинъ, одинъ былъ брошенъ въ свѣтъ,
Искалъ друзей—и не нашелъ людей" (I, 225).

Въ стихотвореніи, посвященномъ памяти поэта Одоевскаго, Лермонтовъ гибель юноши объясняетъ такъ:

„Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ,
И сердце бросилъ въ море жизни шумной,
И свѣтъ не пощадилъ, и рокъ не спасъ" (II, 261).

Не о себѣ ли думалъ Лермонтовъ, когда писалъ эти строки? Или въ трагической судьбѣ погибшаго Одоевскаго было сходство съ его собственной жизнью? Быть можетъ, эта гибель одинокой талантливой личности была вообще типична для эпохи? Быть можетъ, многіе тогда вступали въ жизнь идеалистами-романтиками, и грубая русская дѣйствительность безъ жалости ломала ихъ хрупкія лучезарныя крылья?

Лермонтовъ рано созрѣлъ, рано „вырвался изъ дѣтскихъ одеждъ", говоря его языкомъ—онъ рано пережилъ *идеалы* романтизма, и рано судьба его столкнула съ *трагедіей* романтизма—съ противорѣчіями жизни, которыя стали на пути его крылатой мечтѣ и грубо задержали ея свободный полетъ.

Мы должны вѣрить словамъ Лермонтова, что въ его жизни была пора и вѣры, и любви,—пора, когда онъ готовъ былъ любить людей... Точно опредѣлить это время, когда онъ жилъ возвышенными мечтаніями пушкинскаго Ленскаго, въ его жизни мы опредѣлить не можемъ, но ясно одно—четырнадцати лѣтъ онъ уже простился съ этими мечтами навсегда и рѣшительно вступилъ въ ряды разочарованныхъ мизантроповъ. Какъ извѣстно, „міровая тоска" опредѣляетъ второй фазисъ европейскаго романтизма; вожаками его считаютъ Шатобріана и Байрона. Въ русской литературѣ наиболѣе сильнымъ и яркимъ выразителемъ этихъ мотивовъ „міровой тоски" и былъ Лермонтовъ...

Итакъ, сперва отвлеченный *идеализмъ*,—а потомъ столкновеніе съ дѣйствительностью, съ грубой русской дѣйствительностью—и *пессимизмъ*... Сперва *Ленскій*, потомъ *Печоринъ*.

Какой же предстанетъ эта жестокая дѣйствительность въ глазахъ разочарованнаго мечтателя? Какъ опредѣлитъ онъ людей, человѣческое общество, народъ, толпу,—словомъ, ту человѣческую среду, съ которой враждебно столкнется его личность?

Послушаемъ сначала, что говорятъ герои Лермонтова.

Герой поэмы: „Джюліо" говоритъ, что хорошо знаетъ „дѣйствительность"—по его словамъ, „міръ"—это что-то безконечно-безотрадное; онъ разсказываетъ, какъ узналъ міръ, гдѣ—

... человѣкъ всегда гонимъ и сиръ,
... жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
... память о добрѣ и злѣ—все ядъ (I, 197).

„Ангелъ смерти", узнавъ людей—

„Простился съ прежней добротой,—
Людей узналъ онъ: состраданья

Они не могутъ заслужить.
Не награжденье—наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть!
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки (I, 327).

„Измаилъ-Бей“ враждебно относился къ людямъ—немудрено: онъ узналъ ихъ слишкомъ хорошо:

Неразъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обмануть былъ онъ; и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль все призракъ ложный...
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ.
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ;
Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаянье одно приносятъ намъ (II, 67).

Демонъ изъ „Сказки для дѣтей“, пролетая надъ Петербургомъ, кинулъ взглядъ на спящую столицу и увидалъ—

... съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.

И онъ продолжаетъ:

„Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ, иль мучился порокъ!
Въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ
Въ бреду любви—безстыдное желанье;
Вездѣ обманъ, безумство, иль страданье! (II, 271).

Демонъ убѣждаетъ Тамару не дорожить землей, потому что на землѣ—

... нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,—
На землѣ—преступленья лишь, да казни,
Страсти мелкой только жить,

По его словамъ, на землѣ—

„не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить“ [1]) (II, 374).

Фернандо, герой драмы „Испанцы“, точно такъ же съ презрѣніемъ относится къ людямъ. И своей возлюбленной онъ говоритъ, что проклялъ бы ихъ всѣхъ, если бы она, его милая, „не причислялась бы къ нимъ“. Онъ ненавидитъ людей за то, что не могъ видѣть хладнокровно,

... какъ они
Стараются другъ другу дѣлать зло,
Съ притворной добротой, когда совсѣмъ
Не просятъ ихъ...

Онъ ненавидитъ людей за то, что не можетъ

... видѣть общаго стремленья къ ничему
Или для золота разбитыя сердца (III, 19).

Онъ же говоритъ Ноэми:

... люди заставляютъ демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовью къ злу...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою,
Король—народомъ, а народъ—свободой;
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
Монаху, можно человѣка
Невиннаго предать кровавой пыткѣ...
И сжечь за слово на кострѣ, и подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть, для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка—
Есть дѣло добродѣтели великой (III, 38).

Владиміръ изъ драмы „Странный человѣкъ“ говоритъ:

„Нѣтъ, вижу, должно быть жестокимъ, чтобъ жить съ людьми. Они думаютъ, что я созданъ для удовлетворенія ихъ прихотей, что я—средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей! Никто меня не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно“ (III, 150),

Марья Дмитріевна изъ той же драмы заявляетъ: „собраніе глупцовъ и злодѣевъ есть міръ, нынѣшній міръ“ (III, 161).

Картина „толпы“ въ повѣсти „Вадимъ“ проникнута стихійной силой человѣконенавистничества:

---

[1]) Варіантъ:

„Гдѣ носитъ все печать презрѣнья,
Гдѣ межъ людей съ давнишнихъ лѣтъ
Ни настоящаго мученья,
Ни счастья безъ обмана нѣтъ (II, 407).

„Поближе, между столбами и противъ царскихъ дверей, пестрѣла толпа. Передъ Вадимомъ было волнующееся море головъ, и онъ съ возвышенія свободно могъ разсматривать каждую. Тутъ мелькали уродливыя лица, какъ странныя китайскія тѣни, которыя поражали смѣшеніемъ скотскаго съ человѣческимъ, уродливыя черты, которыхъ отвратительность опредѣлить невозможно было, но при взглядѣ на нихъ рождались горькія мысли; тутъ являлись старыя головы, исчерченныя морщинами, красныя, хранящія столько смѣшанныхъ слѣдовъ страстей унизительныхъ и благородныхъ, что сообразить ихъ было бы труднѣй, чѣмъ исчислить; и между ними кое-гдѣ сіялъ молодой взоръ, и показывались щеки полныя, раскрашенныя здоровьемъ, какъ цвѣты между сѣрыми камнями“ [1]) (IV, 42).

Въ той же повѣсти встрѣчаемъ мы характеристику бунтующей толпы:

„Картина была ужасная, отвратительная, но взоръ хладнокровнаго наблюдателя могъ бы ею насытиться вполнѣ; тутъ онъ понялъ бы, что такое народъ; камень, висящій на полугорѣ, который можетъ быть сдвинутъ усиліемъ ребенка, но несмотря на то, сокрушаетъ все, что ни встрѣтитъ въ своемъ безотчетномъ стремленіи... Тутъ онъ увидалъ бы, какъ мелкія самолюбивыя страсти получаютъ вѣсъ и силу оттого, что становятся общими“... и т. д. (IV, 43).

То же самое говоритъ неразъ Лермонтовъ и отъ своего имени, и мнѣнія своего о людяхъ онъ не измѣнитъ въ теченіе всей своей жизни.

Въ стихотвореніи: „1831 г. январь“ онъ говоритъ, что боится вспомнить свѣтъ,

„Гдѣ носитъ все печать проклятья,
Гдѣ полны ядомъ всѣ объятья,
Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ“ (I, 253).

Въ другомъ стихотвореніи („7-го августа“) Лермонтовъ восклицаетъ:

„... Жалокъ міръ!
Въ немъ каждый средь толпы забытъ и сиръ,
И люди всѣ къ ничтожеству спѣшатъ“. (I, 270.)

Въ стихотвореніи „Ужасная судьба отца и сына“ поэтъ восклицаетъ:

---

[1]) Стоитъ эту трагическую картину освѣтить свѣтомъ комизма, и соберется толпа героевъ Гоголя,—все какія-то „свиныя рыла“! („Ревизоръ“).

„Я-ль виноватъ въ томъ,
Что люди угаснть въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?“

Къ отцу онъ обращается съ словами сочувствія:

„Ты свѣтомъ осужденъ... Но что такое свѣтъ?
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ.
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столько же насмѣшливыхъ клеветъ“ (I, 284—5).

Въ предисловіи къ драмѣ „Странный человѣкъ“ поэтъ говоритъ: „справедливо ли описано у меня общество — не знаю; по крайней мѣрѣ, оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня“ (III, 147).

Это—излюбленная мысль Лермонтова, которую онъ повторяетъ неразъ: толпа не выноситъ ничего выдающагося, ничего великаго, даже просто оригинальнаго. Толпа, какъ олицетворенное начало массоваго, стихійнаго, враждебна личности, — началу единичному, оторванному отъ массы и, уже этимъ самимъ, выразившему протестъ, вступившему на путь борьбы...

И Лермонтовъ повторитъ это много разъ въ различныхъ своихъ произведеніяхъ:

„Люди ненавидятъ все, на чемъ печать ума“ (I, 92). Свѣтъ уничтожаетъ безжалостно все благородное (I, 105). Людямъ нельзя говорить правду (I, 94), — оттого „бросали эти люди въ пророка каменья (II, 347). Свѣтъ чуждъ восторговъ вдохновенья (III, 4). Толпа равнодушна къ личности, ея стремленьямъ и страданью (II, 256). Слова поэта не найдутъ отвѣта въ толпѣ (II, 29). И замретъ вѣщее слово поэта, потому что холодный слушатель есть камень (I, 293). Въ повѣсти „Княгиня Лиговская“ Лермонтовъ говоритъ, что свѣтъ не любилъ Печорина: „въ свѣтѣ утверждали, что языкъ его золъ и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго,—ничего, что бы могло обличить характеръ и волю“ (IV, 99).

Вотъ почему съ такою ненавистью обрушился Лермонтовъ на „толпу“, погубившую Пушкина. Для него это—„свѣтъ, завистливый и душный для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей“, свѣтъ „клеветниковъ ничтожныхъ“, живущій „словами и ласками ложными“,—

безжалостный свѣтъ, не щадящій даже смерти, отравляющій послѣднія мгновенія поэта „коварнымъ шопотомъ насмѣшливыхъ невѣждъ“ (II, 203)...

Вотъ почему въ стихотвореніи „Послѣднее новоселье“ поэтъ сказалъ такія безпощадно-жестокія слова всему французскому народу:

„Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты—жалкій и пустой народъ“.

Съ одной стороны — Наполеонъ, „холодный, неизмѣнный“, гордо погибающій, замученный безплоднымъ мщеніемъ, съ другой стороны— рабская предательница-толпа, измѣняющая, какъ женщина, вздорная и вѣтреная (II, 306—8).

Но толпа нетерпима не только къ личности—она вообще, сама по себѣ, и жестока, и зла, и безумна. И много разъ обращается Лермонтовъ къ ея характеристикѣ въ различныхъ своихъ произведеніяхъ.

Онъ скажетъ, что земля — гнѣздо разврата, безумства и печали (I, 119); человѣческое общество—куча каменныхъ сердецъ (I, 68); у людей—нѣтъ дружбы, нѣтъ любви (I, 47, 51, 74); люди проливаютъ кровь братьевъ (I, 133); въ обществѣ людей царятъ пороки (I, 47).

Онъ скажетъ, что среди людей живетъ коварство (I, 137); у нихъ коварныя сердца и ложный языкъ (I, 139); людей извѣстно вѣроломство (I, 292); всѣ люди для него глупцы и лицемѣры (II, 371); люди коварны и неблагодарны (III, 159); повсюду зло, повсюду царитъ обманъ (III, 247); чувства благодарности люди чужды (IV, 10); они отравляютъ все ядомъ злобы (I, 74). Люди безжалостны и холодны—у нихъ нѣтъ души (I, 176). Оттого они не могутъ понять человѣка, одареннаго душой, да имъ душевныхъ богатствъ и не надо! (I, 333). Оттого поэтъ не найдетъ здѣсь, среди людей, родной души (I, 143). Оттого некому руку пожать въ минуту тревоги! Оттого въ пустынѣ свѣта не найти любви! (II, 2). Оттого нѣтъ для него на землѣ счастья, и жизнь вся представляется однимъ сплошнымъ обманомъ (II, 5).

По признанію самого поэта, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ жертвой человѣческой злости и коварства: его бранили и мучили (I, 162), „казнили его“ (I, 86); рано міръ очернилъ его (I, 185), онъ свѣтомъ осужденъ (I, 284); всегда его оскорбляли несправедливыми упреками (I, 189); люди встрѣчали его порывы насмѣшками и словами сомнѣнія (I, 237); безчувственные люди не хотѣли понять, что въ сердцѣ его пылаетъ божественный огонь (I, 287); люди не поняли его души

(II, 170), и онъ былъ принесенъ въ жертву злой человѣческой молвѣ (II, 84).

Въ результатѣ, горькое сознаніе своей отчужденности отъ людей и наростаніе чувства вражды къ нимъ. „Всѣ противъ меня, и я противъ всѣхъ“ — восклицаетъ онъ (III, 342). Отсюда убѣжденіе, что никто не дорожитъ имъ (III, 202). Отсюда—гордая увѣренность, что никому и онъ самъ ничѣмъ не обязанъ (III, 216). Отсюда — горькое сознаніе, что онъ „не годится для людей“ (III, 158), что „не созданъ для людей“ (III, 170, 173, 4), что „потерянъ для свѣта“ (III, 176)...

Нѣтъ другого русскаго поэта, который бы столько разъ, какъ Лермонтовъ, говорилъ о „толпѣ“, о „свѣтѣ“, о „мірѣ“, о „черни“,— понятіяхъ, на его языкѣ синонимическихъ. И никто, кромѣ Лермонтова, не нашелъ столько эпитетовъ, характеризующихъ съ отрицательной стороны „толпу“. *Толпа* — ему и его героямъ представляется „самолюбивой и глупой“ (I, 175), „ничтожной“ (I, 176), „гордой“ (II, 12, 190), „шумной“ (II, 15), „необразованной“ (II, 54), „безчувственной“ (II, 139, III, 196), „неблагодарной“ (II, 284), „вздорной, довольной сама собой“ (II, 206), „лукавой“ (II, 331), „довѣрчивой и слѣпой“ (III, 59), „презрѣнной“ (III, 91), „пустой“ (III, 239).

Чернь—„безтолкова“ (I, 48), „простодушна“ (I, 256).

Свѣтъ—„шумный“ (I, 30, 274, III, 165), „бѣдный“ (I, 46), „недостойный презрѣнія“ (II, 46), „надменный, глупый“ (II, 138), „насмѣшливый“, „безумный“ (II, 291), „обманчивый“ (II, 296), „безпощадный“ (II, 294), „жалкій“ (II, 375), „хладный“ (III, 165).

Міръ—„чужой“ (I, 33), „пустой и скучный“ (I, 73), „тѣсный“ (I, 78), „для счастья чуждъ и полонъ зла“ (I, 219), „равнодушный“ (I, 260), „ничтожный“ (I, 275), „презрѣнный“ (I, 276).

Нѣсколько разъ самъ Лермонтовъ и его герои обращаются къ „людямъ“ вообще, и слово: „люди“ всегда произносится ими съ презрѣніемъ (I, 219; II, 52, 125; III, 117, 142; IV, 266).

Итакъ, настоящее безотрадно, но и въ будущемъ не ждалъ Лермонтовъ ничего отъ людей: онъ былъ убѣжденъ, что „міромъ не будетъ оплаканъ“ (I, 298); что и послѣ его смерти люди со злобой осудятъ его (I, 185); даже „проклянутъ его“ (I, 275), проклянутъ и самую память о немъ (I, 261)...

„Не понялъ свѣтъ великаго“—скажетъ чужестранецъ, посѣтившій его могилу (I, 261). И только въ этой могилѣ найдетъ покой непонятый поэтъ—

„Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его міръ полюбить!“

Вотъ—трагедія одиночества, вопль гордаго „я“, оторвавшагося отъ толпы. Вотъ „горе отъ ума“, который превысилъ уровень обыденности,—горе Чацкаго, отвергнувшаго міръ Фамусовыхъ и выброшеннаго за бортъ...

„Люди“ — для Лермонтова синонимъ безчувственной толпы; онъ не смѣшается съ ними,—онъ уйдетъ отъ нихъ къ величавой природѣ, или въ тотъ міръ сверхчеловѣческихъ переживаній, который былъ близокъ его Демону.

Какъ же онъ самъ относится къ людямъ? Какое орудіе выберетъ онъ для борьбы съ ними?.. И на эти вопросы неразъ отвѣтитъ поэтъ самъ отъ себя, или опять-таки устами своихъ героевъ. Это отношеніе разнообразится въ зависимости отъ настроенія поэта и его героевъ. Онъ или возмущается человѣческой несправедливостью — „клянетъ міръ“ (I, 51), „ненавидитъ“ людей (I, 68, 104), „проклинаетъ всѣхъ“ (I, 183); въ сердцѣ его кипитъ адская ненависть къ людямъ (III, 110); или онъ холодно презираетъ людей (I, 107); жизнь ихъ (I, 259)—все то, что̀ дорого имъ. Или это презрѣніе выразится въ равнодушіи—ему все равно, хвалятъ ли, или упрекаютъ его люди (I, 65, 107, 302; II, 214; IV, 104); ему безразлично мнѣніе свѣта—„что значатъ для него толки дураковъ?“ (I, 91); ничѣмъ унизить его не могутъ люди (I, 294)!

Онъ не боится людей, но никого изъ нихъ не любитъ (I, 303); не нуждается онъ въ участіи міра (II, 262); онъ убѣжденъ, что счастья у людей не найдетъ (II, 215); да впрочемъ, къ обыденному человѣческому счастью онъ совершенно равнодушенъ (II, 332); не жаль ему разстаться съ міромъ, который не дастъ ему такого счастья, какого жаждетъ его душа (I, 295)... Но такое равнодушіе къ жизни граничитъ со „смертью“! Это прекрасно сознаетъ Лермонтовъ, но это сознаніе не пугаетъ его,—онъ готовъ открыто заявить, что для людей онъ „мертвъ“ (I, 67); уже юность его была мертва (I, 74). Въ обществѣ людей онъ чувствуетъ себя, какъ камень среди камней (I, 131); жалкій и грустный живетъ онъ безъ чувствъ (I, 196); въ обществѣ людей онъ задыхается: въ толпѣ ему и тѣсно (I, 78), и душно (III, 192).

И всматриваясь въ себя, Лермонтовъ видитъ, что въ сердцѣ его—„ненависть и холодъ“ (I, 58); душа его навѣкъ обманута—и нѣтъ въ ней мѣста вѣрѣ (I, 30); онъ холоденъ и гордъ, и потому толпѣ кажется

злымъ (I, 256); онъ чуждъ общественныхъ связей (II, 154); не гнетъ колѣнъ передъ идолами свѣта (I, 107); по его словамъ, онъ видѣлъ зло и не поддался ему (I, 173), не склонился передъ нимъ (III, 231), какъ склоняются почти всѣ.

Міръ не понялъ его,—и тогда онъ отвернулся отъ міра (III, 228). И хочется ему уйти дальше отъ людей (I, 176); хочется закрыть отъ нихъ свою душу—блаженъ, кто можетъ скрыть жизнь своего сердца отъ любопытныхъ и злыхъ взглядовъ толпы (II, 190, 214)! Одиноко онъ живетъ, не дѣлясь ни съ кѣмъ (I, 157); не для людей живетъ онъ на свѣтѣ (I, 301). Въ этомъ одиночествѣ—его радость, его трагедія (II, 370). И какимъ воплемъ отчаянія звучитъ его восклицаніе: „некому руку подать!"

Лермонтовъ и его герои любятъ говорить о своемъ „одиночествѣ". Поэтому очень часто повторяются въ произведеніяхъ Лермонтова эпитеты: *одинъ* (I, 50, 103, 122, 174, 225, 282, 305, 335, 341, 353, 345, 131, 168, 241, 292, 282; II, 17, 154, 17, 30, 41, 345, 347, 381, 395, 398, 84, 207, 311, 310, 400, 404; III, 17, 34, 217); *одинокій* (I, 67); *чужой* и *чуждый* (I, 107, 136, 268); *лишній* (II, 44; III, 202; II, 1).

Очень любитъ Лермонтовъ и образы, символизирующіе *одиночество*: одинокій дубъ (I, 165. 345); скала (I, 123); камень (I, 131); звѣзда (I, 164); парусъ (II, 16); дубовый листокъ (II, 345); одинокій плодъ (II, 16); одинокая ладья (II, 371); листокъ (II, 400); парусъ (II, 268); утесъ (II, 214); метеоръ (II, 395); одинокій путь (III, 165). И героями своими избираетъ онъ людей одинокихъ, гонимыхъ небомъ и людьми (I, 315): такъ, его воображеніе всегда вдохновляется образами отверженныхъ (II, 356); отвергнутыхъ (IV, 24); сироты (I, 33, 61; III, 5); корсара (I, 29); преступника (I, 40, 72); нищаго (I, 59); странника (I, 86, 315; II, 188, 211, 213); монаха (I, 141, 163—4); изгнанника (II, 289); узника (II, 207).

Чѣмъ же сильна эта „толпа", съ которой пришлось бороться Лермонтову? Она сильна своею *сплоченностью*. Что сплотило ее въ такую непроницаемую массу? Та вѣковая „мудрость" жизни, которая ей, „толпѣ", кажется „мудрой", а ему, дерзкой, одинокой личности, кажется „глупой". Эта мудрость — основа, душа стихійной, массовой жизни, и горе тому, кто возстанетъ противъ нея... Она представляетъ собою сложную систему понятій религіи, любви, обязанностей, морали, чести... Этими понятіями питается сила, объединяющая массу—общественное мнѣніе... И человѣку, возставшему противъ всего, что дорого

толпѣ, чѣмъ жила и живетъ она—надо отвергнуть всю эту *мудрость*. И Лермонтовъ попытался это сдѣлать.

„Толпа отъ мудрости глупа“ — сказалъ онъ (I, 175). Другими словами, она глупа, такъ какъ слишкомъ вѣритъ тому, что̀ считаетъ разумнымъ. А для него, свободнаго мыслителя, эта мудрость есть куча предразсудковъ и условностей. И потому, онъ помириться съ этимъ обветшалымъ, подержаннымъ достояніемъ „отцовъ“ и „дѣдовъ“ не пожелалъ. Устами героя „Исповѣди“ Лермонтовъ самъ говоритъ намъ, что ничтожную цѣну „закона“ человѣческаго онъ знаетъ (I, 219), а потому легко сбрасываетъ съ себя иго того, что̀ люди называютъ „честью“ и „закономъ“ (I, 222). Въ сердцѣ его героя есть „другой“ законъ, и этотъ законъ оправдаетъ то, что̀ осуждаютъ люди. Такой законъ — „сердца полный властелинъ“ (I, 221). Его бояринъ Орша тоже живетъ своею мудростью и окружаетъ себя толпой друзей, для которыхъ „людской законъ не святъ“ (II, 115).

Но жить „по своему“, не считаясь съ людьми, нелегко:

„... имѣть великій надо геній,
Чтобъ разомъ сбросить цѣпь предубѣжденій“ (II, 153).

Устами своего героя изъ „Маскарада“ Лермонтовъ скажетъ:

„въ мірѣ все условно“ (III, 248).
„... „великое земное
Различно съ мыслями людей:
Сверши съ успѣхомъ дѣло злое—
Великъ, не удалось—злодѣй“ (I, 110) [1].

И Лермонтовъ, самъ ужъ отъ своего имени, скажетъ знаменательныя слова:

„... Я привыкъ идти противъ приличій“ (II, 164).

И „любовь“ онъ понимаетъ по своему,—обычное „людское“ пониманіе этого чувства для него необязательно:

„Любовь—для неба и земли святыня
И только для людей—порокъ она“ (II, 82).

Да и вообще у него—своя мѣрка вещей:

„Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу“ (II, 169)

—заявляетъ онъ.

---

[1]) То же самое сказано въ драмѣ: „Испанцы“:

„... Я достигъ—
И умный человѣкъ, не удалось—глупецъ“ (III, 58).

Его Вадимъ высказываетъ, очевидно, самому Лермонтову принадлежащую мысль объ относительности того, что̀ люди считаютъ „добромъ“ и „зломъ“. „Люди ко всему привыкаютъ, и если подумаешь, то ужаснешься; какъ знать? Можетъ быть, чувства святѣйшія — одна привычка, и еслибъ зло было такъ же рѣдко, какъ добро, а послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой“ (IV, 40).

„Что̀ добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ не безчестье—но позоръ?“ (I, 101).

— спрашиваетъ поэта осужденная міромъ красавица, и конечно, Лермонтовъ не станетъ спорить съ ея дерзкими словами—его героиня говоритъ то, что̀ выстрадано имъ самимъ, что̀ понято и рѣшено имъ, но чего не видятъ слѣпые люди, дерзающіе давить его новую мысль.

Вотъ почему ему тѣсно въ мірѣ. Вотъ почему и онъ ненавистенъ толпѣ: слишкомъ ревниво онъ охраняетъ свою мудрость—свои понятія, свои мысли и чувства... Слишкомъ дерзокъ, неуступчивъ онъ... Вотъ почему и онъ ненавидитъ „толпу“...

Онъ нашелъ свою мудрость. Въ чемъ ея сущность? Лермонтовъ прямого и полнаго отвѣта не дастъ на этотъ вопросъ. Онъ принадлежитъ къ числу самыхъ скрытныхъ нашихъ писателей,—ему вполнѣ удалось то, о чемъ онъ говорилъ, какъ о высшемъ блаженствѣ—скрыть себя отъ любопытныхъ взоровъ толпы.

Но онъ неразъ говорилъ, какимъ путемъ онъ нашелъ эту новую мудрость. Путемъ личнаго самопознанія, путемъ безконечнаго углубленія въ бездны своей души.

По его словамъ, онъ „жадно искалъ самопознанія“ (I, 181) — и онъ сумѣлъ вырвать свое „я“ изъ толпы, сумѣлъ освободить себя отъ глупыхъ предразсудковъ ея. Съ торжествомъ онъ говорилъ неразъ, что нашелъ „себя“:

„Лучше я, чѣмъ для людей кажусь:
Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть“ (I, 146).

Найти „себя“ было нелегко: большихъ жертвъ стоило это самопознаніе. Лишь—

„Потерявъ отчизну и свободу
Я вдругъ нашелъ *себя*“ (I, 90).

Но за то какое блаженство „жить собой“!—

„Пускай поэта обвиняетъ
Насмѣшливый, безумный свѣтъ:

Никто ему не помѣшаеть,
Онъ не услышитъ мой привѣтъ.
Я самъ собою жилъ донынѣ,
Свободно мчится пѣснь моя,
Какъ птица дикая въ пустынѣ,
Какъ вдаль по озеру ладья" (I, 291).

Своей подругѣ лермонтовскій Сашка говоритъ:

„Какъ ты, я чуждъ общественныхъ связей,
Какъ ты, одинъ съ свободою моей,
Не знаю въ людяхъ ни врага, ни друга,
Живу, чтобъ жить, какъ ты, моя подруга!" (II, 154).

Въ другомъ стихотвореніи: „Прелестницѣ", поэтъ бросаетъ вызовъ ханжамъ, вооруженнымъ кодексомъ изношенныхъ правилъ; онъ говоритъ, что не будетъ гнуть колѣнъ предъ идолами свѣта, и продолжаетъ:

„Не чту владыкой никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего" (I, 107).

Не мудрено, что въ оцѣнкѣ у него порой являлась, какъ будто, неувѣренность въ сущности своего „я":

„Съ такой душой ты богъ, или злодѣй" (I, 257).

— говоритъ онъ самъ себѣ. „*Богъ*", или „*злодѣй*"?.. Все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на добро и зло, прилагать ли обычную человѣческую мѣрку, или свою собственную... И близокъ былъ Лермонтовъ къ тому, чтобы стать „по ту сторону добра и зла", но не рѣшился онъ сдѣлать послѣдняго шага и остановился передъ страшной дилеммой.

Эта же дилемма значительно позднѣе станетъ передъ героями Достоевскаго—передъ Раскольниковымъ, Карамазовымъ, Кирилловымъ, но и они не сдѣлаютъ послѣдняго признанія. Кирилловъ почти былъ близокъ къ рѣшенію этого вопроса и окончилъ дни самоубійствомъ. Лишь позднѣе Нитше отважится увѣренно сказать: „я — богъ", „я смѣю дерзать", „я имѣю право дерзать во имя моей личной вѣры"...

... Лермонтовъ не рѣшилъ этого вопроса, но онъ *первый изъ русскихъ литераторовъ* дерзко поставилъ этотъ вопросъ. Онъ не рѣшилъ стоявшей передъ нимъ задачи, и такъ тяжела была ему его эта неразрѣшенная задача, что дуэль его съ ничтожнымъ Мартыновымъ была лишь замаскированнымъ самоубійствомъ.

Мрачное, тяжелое впечатлѣніе производитъ творчество Лермонтова, взятое во всемъ его объемѣ. Какое же мѣсто занимаютъ въ этомъ

творчествѣ такія благоуханныя, свѣтлыя произведенія его, какъ „Молитва“, „Вѣтка Палестины“, „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“?.. Для творчества Лермонтова всѣ эти произведенія не характерны. Они представляютъ собою исключеніе. Они напоминаютъ собою тѣ залитые солнцемъ клочки ясной лазури, которые лишь мелькаютъ среди темныхъ, тяжелыхъ, грозовыхъ тучъ, заслоняющихъ далекое небо отъ глазъ человѣка!...

2.

Чтобы доказать, что основная идея творчества Лермонтова („трагедія личности“) выражаетъ не только его узко-индивидуальныя переживанія, что эта идея осозналась до него, выросла и вызрѣла въ душѣ нѣсколькихъ поколѣній русской интеллигенціи 20-ыхъ и 30-ыхъ годовъ XIX столѣтія, необходимо обратиться, хотя бы, къ произведеніямъ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ лириковъ начала этого вѣка.

Повторяю, никто не выразилъ этой темы всестороннѣе и интенсивнѣе Лермонтова, но никто, можно сказать, ея не избѣгъ,—властно захватывала она ихъ мысли и чувства и съ разныхъ сторонъ, съ бо́льшею, или меньшею, проникновенностью, освѣщалась ими въ творчествѣ. Для однихъ „трагедія личности“ ощутилась только въ области эстетическихъ пониманій,—у другихъ она захватила область этическихъ міровоззрѣній, третьихъ эта тема увлекла изъ области общественныхъ отношеній въ широкую область философской мысли,—привела къ идеѣ о ничтожествѣ вообще человѣческаго бытія... Никто изъ писателей русскихъ этой эпохи, кромѣ Лермонтова, не сдѣлалъ изъ этой темы idée fixe, но *всѣ* упорно возвращались къ ней, *всѣхъ* она мучила, для *всѣхъ* представляла самый интересный, самый жгучій предметъ и размышленій, и вдохновеній.

Конецъ XVIII столѣтія, съ его сентиментализмомъ, уже подготовилъ и началъ этотъ процессъ самоопредѣленія личности. Но тогда еще не было столкновенія личности съ массой, — тогда опредѣлившаяся „прекраснодушная“ личность просто и легко спасала себя, уединяясь въ свой собственный утонченный міръ, уходя отъ суетной толпы въ сферу изысканныхъ, тонкихъ чувствъ, наслаждаясь прихотливой игрой своего чувствительнаго сердца. Лишь въ началѣ XIX ст. эта личность изъ своего уединенія пытается возвратиться къ общей жизни и, задолго до Лермонтова, сталкивается съ массой.

Прежде всего обратимся къ творчеству поэтовъ самаго начала XIX ст.—къ Батюшкову и кн. Вяземскому.

Въ творчествѣ *Батюшкова* очень видную роль играютъ его сатирическія произведенія. На нихъ обычно обращаютъ мало вниманія, но они любопытны вообще и весьма интересны для рѣшенія поставленной задачи. Поэтъ-мечтатель, наединѣ съ собой, самъ назвавшій свою поэзію „мечтою", юноша-Батюшковъ въ отношеніи къ людямъ былъ жизнерадостнымъ сатирикомъ,—Чацкимъ, преисполненнымъ юной радости, сверкающей отъ избытка своего свѣтлаго ума (ср. первый разговоръ Чацкаго съ Софьей, когда Чацкій весело и беззаботно трунитъ надъ Москвой). Своимъ ѣдкимъ словомъ онъ разитъ современныхъ литераторовъ, высмѣиваетъ „свѣтъ" — „Грибоѣдовскую Москву" [1]), обличаетъ людей вообще и всю ихъ пошлую мудрость [2]).

И какимъ душераздирающимъ воплемъ кончается это жизнерадостное творчество: послѣднимъ произведеніемъ Батюшкова было „Изреченіе Мельхиседека".

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнью, сѣдой Мельхиседекъ?
„Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу сляжетъ
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ"...

Человѣкъ антиобщественной складки, Батюшковъ въ юности могъ высмѣивать недостатки современнаго ему общества, но высмѣиваніе это въ его жизни не было средствомъ „идейной борьбы". На *борьбу* Батюшковъ никогда не шелъ. Осудивъ жизнь современниковъ, онъ легко, по-карамзински, уходитъ отъ этой жизни:

„Что жъ дѣлать намъ? Бранить людей?
Нѣтъ! найти святое дружество,
Жить покойно въ мирной хижинѣ" (16).

Но времена наступили другія—легко отъ жизни отдѣлаться было уже невозможно,—и вотъ, въ концѣ концовъ, мучительное сознаніе

[1]) *К. Батюшковъ.* Собр. соч. подъ ред. акад. Л. Н. Майкова. 1887 г., томъ I. Ср., напр., „Посланіе къ Хлоѣ" (11), въ которомъ зло высмѣяно свѣтское общество и въ карикатурномъ видѣ представлены разные свѣтскіе типы. Ср. также „Къ Филлидѣ" (14), „Переводъ I сатиры Буало" (19), представляющій собою перелицовку французской сатиры на русскіе (московскіе) нравы. Сатирикъ „Дамонъ" бросаетъ Москву, предавая ее проклятіямъ, попутно характеризуя московскую жизнь, рисуя ея типы. Еще: „Отъѣздъ"—стихи, въ которыхъ Батюшковъ разсказываетъ, какъ онъ оставляетъ Москву и свою Хлою въ обществѣ ея ухаживателей.

[2]) „Странствователь и Домосѣдъ" (207).

своего одиночества, рабской зависимости человѣка и безполезности всѣхъ его земныхъ страданій и стремленій.

Вотъ одна развязка „трагедіи личности".

Поэтическое творчество *Вяземскаго* спокойнѣе и яснѣе; въ немъ послѣдовательно и ярко выражается наростаніе индивидуализма. Въ противоположность Батюшкову, кн. Вяземскій надѣленъ былъ бо̀льшимъ запасомъ соціальности, — никогда онъ не былъ отвлеченнымъ мечтателемъ; онъ не могъ жить безъ людей, но, въ то же время, его ясный, сильный умъ помогъ ему, даже въ толпѣ, выявить свое собственное „я" и рѣзко противопоставить его „толпѣ". Многія изъ его стихотвореній—это свѣтское causerie передового человѣка 20-хъ годовъ, который стоитъ въ ряду „нынѣшнихъ", которымъ не чужды „завиральныя идеи". Но нѣкоторыя произведенія Вяземскаго [1]) выходятъ далеко за предѣлы тонкаго, свѣтскаго остроумія,—они и рѣзки, и даже грубоваты. Но, какъ въ первой группѣ его сочиненій, такъ и во второй, одинаково сильно выражено презрѣніе къ толпѣ, къ ея пошлой мудрости. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно слѣдующее его стихотвореніе:

„Медвѣдь, управленный корыстною рукою,
Вертится на дыбахъ подъ палкою жида.
Народъ! вотъ почестей твоихъ образчикъ славный!
Народъ! всѣхъ дѣлъ людскихъ и цѣль, и судія!
То деспотъ съ палицей, то съ куклою дитя,—
Все пища для твоей забавы своенравной:
Великій мужъ со злобою въ борьбѣ,
Позорный блескъ счастливаго разврата,
Медвѣжья пляска, казнь Сократа—
Равно есть зрѣлище, потѣшное тебѣ.
А ты, тщеславья рабъ, за славою гоняйся
И послѣ, утомясь въ мучительной гоньбѣ,
Соперничества ты съ медвѣдемъ добивайся!" (180).

Въ такомъ родѣ много стихотвореній можно найти у Вяземскаго. Вотъ, напримѣръ, сатира на свѣтъ и свѣтскихъ людей:

„Пусть безтолковый свѣтъ толкуетъ,—
Намъ толковъ праздныхъ не унять;
Счастливъ, кому дано судьбой о нихъ не знать.
Уменъ, кто, зная, не тоскуетъ.

---

[1]) *Кн. П. Вяземскій*, Собраніе сочиненій, изд. гр. Шереметева, т. II—III.

Пусть добрый полотеръ ползкомъ и на лету
Обшаркалъ начисто всѣ крыльца баръ почетныхъ,
Чтобъ сдѣлаться среди глупцовъ безсчетныхъ
Глупцомъ въ столицѣ на счету.
Сей умничай въ ничью, дурачься тотъ съ успѣхомъ,
Иной, какъ колоколъ, будь и тяжелъ, и пустъ,
Иль сплетней городскихъ будь онъ стоустымъ эхомъ,
Въ которомъ гласа нѣтъ безъ постороннихъ устъ!
Въ устройствѣ общества и цехъ глупцовъ потребенъ —
Въ мірскомъ быту полезны и они" (365).

Вотъ, какой привѣтъ посылаетъ поэтъ столицѣ, прощаясь съ нею:

„Прости, блестящая столица,
Великолѣпная темница,
Великолѣпный желтый домъ,
Гдѣ сумасброды съ бритымъ лбомъ,
Гдѣ плѣнники слѣпыхъ дурачествъ
Различныхъ званій, лѣтъ и качествъ
Кряхтятъ и пляшутъ подъ ярмомъ!" (395).

Въ другомъ стихотвореніи онъ восклицаетъ:

„И думать, и дышать равно въ столицахъ душно:
Въ нихъ мысль запугана, въ нихъ чувство малодушно,
Желанія безъ крылъ прикованы къ землѣ,
И жизнь, какъ пламенникъ, тускнѣющій во мглѣ" (443).

Особенно энергично выразилось его отношеніе къ людямъ въ стихотвореніи „Негодованіе":

„Къ чему мнѣ вымыслы? къ чему мечтанья мнѣ?
И нектаръ сладкихъ упоеній?
Я раннее „прости" сказалъ младой веснѣ,
Веснѣ надеждъ и заблужденій.
Не осушивъ его, фіалъ волшебствъ разбилъ;
При первыхъ встрѣчахъ жизнь въ обманахъ обличилъ
И призраки принесъ въ дань истинѣ угрюмой.
Очарованья цвѣтъ въ рукахъ моихъ поблекъ,
И я сорвалъ съ чела, наморщеннаго думой,
Бездушныхъ радостей вѣнокъ.
Но, льстивыхъ лжебоговъ разоблачивъ кумиры,
Я правдѣ посвятилъ свой пламенный восторгъ!
Неразъ изъ непреклонной лиры
Онъ голосъ мужества исторгъ!
Мой Аполлонъ—*негодованье.*
При пламени его съ свободныхъ устъ моихъ
Падетъ безчестное молчанье,
И загорится смѣлый стихъ —

Негодованье. Огонь животворящій,
Зародышъ лучшаго, что я въ себѣ храню".

. . . .

„Подъ знаменемъ ея (толпы) владычествуетъ ложь,
Насильствомъ прихоти потоптаны уставы,
Съ поруганнымъ челомъ безчеловѣчной славы
Безстыдство предсѣдитъ въ собраніи вельможъ,
Отцовъ народовъ зрѣлъ, господствующихъ страхомъ,
Совѣтницей владыкъ—губительную лесть!
Печальную главу посыпавъ скорбнымъ прахомъ,
Я зрѣлъ изгнанницей поруганную честь.
Доступнымъ торжищемъ—святыню правосудья,
Служенье истинѣ—коварства торжествомъ,
Законы, правоты священныя орудья—
Щитомъ могучему и слабому ярмомъ
Зрѣлъ промышляющихъ спасительнымъ глаголомъ
Ханжей, торгующихъ ученіемъ святымъ" [1]).

Сатира кн. Вяземскаго по силѣ своей и яркости иногда напоминаетъ горячія тирады Чацкаго... Его рѣзкое слово такъ же сильно бьетъ русскую реальность и никогда не расплывается въ широкихъ предѣлахъ обличенія „человѣчества" вообще.

Кн. Вяземскій — одинъ изъ самыхъ жизнерадостныхъ нашихъ поэтовъ,—и „трагизмъ" вообще чуждъ его душѣ, но, тѣмъ не менѣе, и онъ могъ постигать иногда мотивы грусти. Особенно это замѣтно

---

[1]) Рѣзче всего сказалось отношеніе кн. Вяземскаго къ современной ему Россіи въ памфлетѣ: „Сравненіе Петербурга и Москвы" („Русск. Обозр." 1897, № 2, 531):

„У васъ Нева,
У насъ—Москва.
У васъ Княжнинъ,
У насъ—Ильинъ.
У васъ Хвостовъ,
У насъ—Шатровъ.
У васъ глупцамъ
Больнымъ...
Дурнымъ стихамъ
И счету нѣтъ.
Божусь и здѣсь
Не лучше смѣсь.
Здѣсь воръ въ звѣздѣ,
Монахъ...
Оселъ въ Судѣ,
Дуракъ вездѣ.
У васъ совсѣмъ
Его здѣсь нѣтъ
Согласенъ въ томъ,
Но желтый домъ
За то здѣсь есть,
Въ чахоткѣ честь,
А съ брюхомъ лесть.
Какъ на Невѣ,
Такъ и въ Москвѣ
Мужей въ рогахъ
Дѣвицъ въ родахъ,
Мужчинъ въ чепцахъ,
А бабъ въ порткахъ,
Найдешь у васъ,
Какъ и у насъ,
Не пяля глазъ!"

въ его поэзіи съ 1816 г. Съ этой эпохи элегическія настроенія начинаютъ понемногу окрашивать его творчество. На мой взглядъ, этотъ элегизмъ — результатъ обостренія интереса къ вопросу объ взаимоотношеніи общества и личности. Съ годами эти элегическіе мотивы начинаютъ доминировать въ его поэзіи, а послѣднія произведенія его уже грустны; въ нихъ выражается невѣріе въ возможность счастья на землѣ...

Своеобразно опредѣлилъ *Пушкинъ* отношеніе своего „я“ къ „толпѣ“. Уже въ раннихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ онъ неразъ бросаетъ вызовъ „толпѣ,—ее онъ осуждаетъ за то, что нѣтъ въ ея сознаніи свободы и ширины: толпа сковала себя своею мудростью, въ узкихъ рамкахъ которой не умѣщалась свѣтлая, свободная философія юноши-поэта, молодого эпикурейца, пѣвца „легкокрылой радости“... Повидимому, въ этотъ первый періодъ борьбы съ „толпой“—съ понятіемъ „толпы“ связывалъ онъ представленіе о нѣкоторыхъ своихъ лицейскихъ наставникахъ-менторахъ, преподавателяхъ въ родѣ Кошанскаго, а также нѣкоторыхъ своихъ товарищахъ, въ родѣ слишкомъ неуравновѣшеннаго, слишкомъ корректнаго барона Корфа... Сухой педантизмъ и фарисейство, „молчалинство“ и рабство души, связанной условными „принципами“ и приличіями, — вотъ, что бичуетъ молодой поэтъ въ этотъ періодъ своего творчества. Когда, послѣ окончанія лицея, Пушкинъ вступилъ въ свѣтъ, и на него налетѣлъ вихрь тогдашняго либерализма, — онъ опять обрушился на „толпу“, но теперь это понятіе, въ его глазахъ, покрываетъ собою по преимуществу косныхъ консерваторовъ,—Фамусовыхъ, которымъ всюду чудились „карбонаріи“, которые боялись всяческаго прогресса и гнали свободное слово, свободную мысль... Послѣ катастрофы, принесшей поэту ссылку, онъ опять измѣнилъ кореннымъ образомъ понятіе „толпа“: теперь онъ обрушивается вообще на „цивилизованное человѣчество“,—для него эта цивилизація—сплошная ложь и рабство, благодаря которымъ исказилась природа свободнаго человѣка.

Такъ выростало и видоизмѣнялось въ его глазахъ понятіе „свободы“ и той среды, которая, по существу, гнететъ эту свободу.

Какъ извѣстно, его „Кавказскій плѣнникъ“ бѣжалъ на Кавказъ, къ дикарямъ, отъ всего сердца проклиная, такъ называемый, „цивилизованный міръ“:

„Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ
И зналъ невѣрной жизни цѣну,

Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ.
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы" (II, 280) [1]).

Еще опредѣленнѣе высказалъ Пушкинъ отрицаніе человѣческой „цивилизаціи" устами Алеко: своей Земфирѣ Алеко говоритъ:

„...Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой,
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ, да цѣпей!
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье,
Или блистательный позоръ" (II, 351).

Проходитъ нѣкоторое время, и съ новой силой передъ Пушкинымъ встаетъ вопросъ о взаимоотношеніи личности и толпы. Стихотворенія: „Поэту", „Поэтъ и чернь", „Поэтъ",—представляютъ собою группу произведеній, въ которыхъ особенно ясно и остро поставленъ Пушкинымъ интересующій насъ вопросъ. Здѣсь этотъ вопросъ разрѣшается и въ плоскости эстетической (черни недоступно пониманіе истинной красоты), и въ этической (черни недоступны высокія чувства и стремленія). Прояснившаяся личность стоитъ внѣ и выше „толпы"—вотъ, идея этихъ произведеній. Въ извѣстномъ стихотвореніи „Пророкъ" Пушкинъ символизируетъ картину процесса индивидуализаціи. Человѣкъ „влачился въ пустынѣ мрачной"; онъ ушелъ отъ людей въ пустыню, побуждаемый неяснымъ, инстинктивнымъ желаніемъ остаться наединѣ съ собой. И совершилось чудо, именно здѣсь, въ

[1]) *А. Пушкинъ*, Сочиненія. Изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ ред. П. О. Морозова, С.-Пб. 1887.

пустынѣ... Вся душевная жизнь обострилась до болѣзненности,—и зрѣніе, и слухъ... Трепетное сердце зажглось огнемъ... Неясное, инстинктивно-ощущаемое сдѣлалось яснымъ, божественно-проникновеннымъ—и простой человѣкъ превратился въ „пророка". Онъ „видитъ" и „слышитъ" то, чего не видитъ и не слышитъ слѣпая и глухая толпа. И онъ смѣло понесетъ ей, этой толпѣ, свое „я"... Но, столкнувшись съ толпой, онъ узнаетъ „горе отъ ума", и, конечно, придется ему или погибнуть, или смириться, или „изъ городовъ шумныхъ" бѣжать опять въ пустыню, какъ позднѣе это сдѣлаетъ лермонтовскій пророкъ.

Съ необыкновенной силой выразилъ Пушкинъ свое отношеніе къ толпѣ въ послѣсловіи къ стихотворенію „Полководецъ"—

„О, люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха,
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье".

Въ продолженіе всей своей жизни Пушкинъ больно чувствовалъ горечь борьбы своего „я" съ „толпой". Это ощущеніе иногда обострялось у него до того, что изъ устъ его вырывался болѣзненный вопль. Онъ и погибъ потому, что не слилъ своего „я" съ „толпой",—всегда, отъ дѣтства до смерти, оставаясь „неуимчивымъ". Но все же въ полной мѣрѣ не постигъ онъ „трагедіи одиночества". Цѣлый рядъ стихотвореній его говорятъ о томъ, что истинную мудрость онъ могъ находить въ самоотреченіи, въ подчиненіи своего „я" тому „общему", „круглому", въ которомъ позднѣе потопилъ свое „я" Пьеръ Безухій Льва Толстого. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ переросъ свое время, переросъ своихъ современниковъ, которые не сумѣли разрѣшить мучительной коллизіи своего „я" съ „толпой". И мнѣ кажется, Пушкинъ потому и назвалъ Чацкаго „глупымъ" (хотя рѣчи его призналъ „умными"), что самъ онъ нашелъ примиреніе того, что̀ казалось непримиримымъ для его близорукихъ современниковъ. Итакъ, „горя отъ ума" Пушкинъ не узналъ, хотя и погибъ отъ своего „ума", отъ своей проясненной яркой личности, которая слишкомъ свѣтилась въ тусклой, сѣрой толпѣ, его окружавшей.

Современники Пушкина, какъ я сказалъ, не разрѣшили поставленнаго вопроса, и этотъ вопросъ связалъ ихъ мысли и чувства. Особенно это ясно сказалось на *Баратынскомъ*. Вотъ, человѣкъ, ко-

торый, можно сказать, больнѣе всѣхъ своихъ современниковъ постигъ „горе отъ ума“.

Въ лицѣ Баратынскаго мы имѣемъ крайняго индивидуалиста. Онъ самъ сознается, что „внѣ себя“ онъ „тщетно жить хотѣлъ“ (116). И за это онъ, въ полной мѣрѣ, пережилъ „трагедію одиночества“. Въ стихотвореніи „Память поэту“ (76) онъ говоритъ, что никто не почтитъ его праха: послѣ смерти онъ будетъ такъ же чуждъ людямъ, какъ и при жизни. Свое одиночество онъ такъ изображаетъ въ стихахъ:

„... Изнывающій тоской,
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ,
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ, скорби тѣсныхъ.
Въ тучу кроюсь я, и въ ней
Мчуся, чуждъ земного края,
Страшный глазъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.
Міръ я вижу, какъ во мглѣ“ (182—3) [1].

Въ другомъ стихотвореніи онъ обращается самъ къ себѣ съ такимъ увѣщаніемъ:

„Садись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души“ (187).

Его поэтъ—„самъ судія и подсудимый“ (191).

„Нашей мысли торжищъ нѣтъ,
Нашей мысли нѣтъ форума“ (191).

—заявляетъ онъ.

Мотивы противопоставленія „поэта“ и „черни“ неразъ повторяются въ его поэзіи: онъ говоритъ—

„... влюбился я въ искусство
Другимъ передавать въ согласныхъ звукахъ чувство
И, не страшась толпы взыскательныхъ судей,
Я умереть хочу съ любовію моей“ (45).

Его мечта—уйти отъ свѣта—

„И, въ тишинѣ трудясь для собственнаго чувства
Въ искусствѣ находить возмездіе искусства“ (56).

Вотъ, какъ представляетъ Баратынскій свое положеніе среди современной толпы:

[1]) *Е. А. Баратынскій*, Сочиненія. Изд. А. С. Суворина. (Дешевая библіотека, № 310).

„Что за звуки мимоходомъ
Ты поешь передъ народомъ,
Старецъ нищій и слѣпой?
И, какъ псовъ враждебныхъ стая,
Чернь тебя обстала злая,
Издѣвались надъ тобой“ (180).

Неразъ онъ обличаетъ современное ему общество и воспѣваетъ свое гордое одиночество:

„И одинъ я пью отнынѣ...
Не въ людскомъ шуму пророкъ—
Въ нѣмотствующей пустынѣ
Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ.
Не въ безплодномъ развлеченьи
Общежительныхъ страстей—
Въ одинокомъ упоеньи
Мгла падетъ съ его очей“ (180).

Онъ—поэтъ для немногихъ, избранныхъ (56, 33), и рѣзко отдѣляетъ онъ себя отъ толпы.

Въ отношеніи къ ней у него то же отношеніе, что у Чацкаго къ Фамусовской Москвѣ (58, 60, 96, 54—55, 186, 188, 190). Нѣтъ только въ его рѣчахъ живого протеста, нѣтъ въ нихъ задора, нѣтъ вызова... Онъ—не сатирикъ (58). Передъ нами—Чацкій, который не хочетъ борьбы (58, 60, 96),—Чацкій „подъ старость“, утомленный и апатичный, признавшій, что „отрадное безстрастіе“ есть благо. Онъ даетъ такой совѣтъ друзьямъ:

„... доживайте жизнь въ тиши
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души!“ (132).

По собственному признанію, онъ изнемогъ отъ тяжести своего ума—

„Пусть, въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ,
Умъ безполезный сердца трепетъ
Угомонитъ и тщетныхъ жалобъ въ немъ
Удушитъ запоздалый лепетъ,—
И примешь ты, какъ лучшій жизни кладъ,
Даръ опыта,—мертвящій душу хладъ!“ (188).

Бурно и страстно началъ свою поэтическую жизнь *Языковъ*. Съ гордой вѣрой въ себя онъ провозгласилъ себя „жрецомъ“, священнодѣйствующимъ „предъ ѳиміамомъ вдохновенья“ (I, 107) [1], котораго окружаетъ безсмысленная „толпа“. Онъ—

[1] *Н. М. Языковъ*, Стихотворенія. Спб. 1858.

„жрецъ высокаго искусства,
Пророкъ воли божества“ (I, 77).

Его душа—

„Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она“ (I, 62—3).

И, конечно, такого поэта „толпа“ не можетъ понять (I, 60).

Оттого „люди“ причиняютъ поэту горькую досаду (I, 115). По его словамъ, „чернь“ „всегда глупа и легковѣрна“ (II, 89). „Поэтъ долженъ быть самъ своимъ судьей“ (II, 172). Поэту онъ даетъ совѣтъ—

„Обманчивой волной молвы не увлекайся,
Не вѣрь ни бранямъ, ни хваламъ
Продажныхъ голосовъ, въ ихъ споры не мѣшайся,
Въ ихъ непристойный крикъ и гамъ“ (II, 171).

Въ толпѣ, среди людей, Языковъ чувствуетъ себя одинокимъ и несчастнымъ...

„Земныхъ суетъ, опять я праха сынъ!
Куда иду? Несчастливъ и одинъ!“ (II, 196).

—говоритъ одинъ изъ его героевъ, въ уста котораго влагаетъ Языковъ свои мысли.

Итакъ, сначала „*гордое* одиночество“, а въ концѣ—„*тоскливое* одиночество“, „одна тоска“ (II, 239—249). Когда-то гордый и жизнерадостный, въ концѣ своей дѣятельности, поэтъ готовъ былъ сравнить себя съ „птицей, забитой дождемъ“ (II, 213), которая спѣшитъ укрыться отъ непогоды; онъ жалуется на скуку...

„... скитаюсь
Изъ края въ край; мой безпокойный умъ
Всегда чего-то ищетъ...“
„... Скука,
Одно и то же, то же и одно
Томитъ меня, гнететъ и гонитъ чудно (II, 234).
„... мрачными глазами
Гляжу на все, и болѣе всего
На будущность мою, гдѣ ничего
Отраднаго...“ (II, 235).

Для него теперь душа—„несвязный сонъ“ человѣческой жизни (II, 200). Это говорятъ его герои, не онъ самъ, но субъективизмъ этихъ словъ очевиденъ.

Но если поэты старшихъ (по отношенію къ Лермонтову) поколѣній уже ясно сознали отчужденность своего „я“ отъ толпы и по-

жали плоды этой отчужденности—тоску и горечь непонятости и одиночества, то никто изъ нихъ не испыталъ въ такой мѣрѣ ужасъ борьбы, какъ поколѣніе, близкое къ Лермонтову. Остановимся, хотя бы, на поэзіи Бенедиктова и особенно Полежаева.

Съ особой болѣзненностью пережилъ „трагедію одиночества“ *Полежаевъ*, этотъ—

„Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,

— который въ жизни былъ

Одинокъ,
Какъ челнокъ!“ [1]).

— въ бушующемъ морѣ.

Онъ въ „море бѣдъ“ направилъ свой одинокій „бѣгъ“ (22). Нѣтъ у него друзей (23). „Подъ игомъ бѣдъ“ весь „свѣтъ“ сдѣлался ему „подозрительнымъ“ (26). По его словамъ, люди смотрѣли на него, какъ на „куклу“, играли имъ, а въ груди его въ это время клокоталъ адъ, разожженный лютымъ ядомъ ихъ коварства (26).

„Оставленъ всѣми, одинокъ,
Какъ въ море брошенный челнокъ
Въ добычу яростной волнѣ“ (30).

— вотъ, какъ онъ чувствуетъ себя. Друзьямъ онъ не вѣритъ: они прикрываютъ себя „ложной маскою любви“ (31). „Безчувственная толпа“ (34) не пойметъ его (34). „Чернымъ ядомъ сердца людей напоены“ (72), „міръ жалокъ“ (202). Къ „людямъ“ онъ обращается съ такими словами:

„Люди, люди развращенные,
То рабы, то палачи—
Бросьте, злобой изощренные
Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь холодную
Лютой ярости кумиръ.
Вашу внутренность голодную
Не насытитъ цѣлый міръ.
Ваши зубы кровожадные
Блещутъ лезвіемъ косы—
Такъ грызитесь плотоядные
До послѣдняго, какъ псы“ (61).

---

[1]) *А. И. Полежаевъ*, Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Арс. И. Введенскаго, С.-Пб. Изд. А. Ф. Маркса. 2-ое изд.

Вотъ почему отношеніе поэта къ „толпѣ" колеблется между ненавистью къ ней и презрѣніемъ (113).

Прояснепіе своего „я" не принесло ему счастья и душевнаго покоя. Объ этомъ онъ говоритъ самъ:

„Бываютъ минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій.
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и мильонамъ твореній.
Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой—
Повсюду встрѣчаемъ несчастное „я",
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда, безотрадно блуждая во тьмѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное—холодъ къ землѣ
И горькое къ жизни презрѣнье" (77).

Вотъ по истинѣ—„горе отъ ума"!.. Стоило несчастному „я" оторваться отъ цѣлаго—и оказалось безвозвратно-нарушеннымъ спокойное счастье: народилось горькое презрѣніе къ жизни. И не мудрено, что на отколовшагося, какъ на еретика, возстаетъ и „злая клевета", и „злая глупость" (238).

„Кинжалъ коварный сожалѣнья
Притворной дружбы и любви
Теперь потонетъ, безъ сомнѣнья,
Въ моей бунтующей крови.
Толпа знакомцевъ вѣроломныхъ,
Ихъ шумный смѣхъ и строгій взоръ,
Мужей значительно-безмолвныхъ,
И ропотъ дѣвъ неблагосклонныхъ,—
Все мнѣ и казнь, и приговоръ" (240).

Мотивы грибоѣдовскаго „Горя отъ ума" неразъ повторяются въ лирикѣ Полежаева. Онъ не хочетъ подчинять свой умъ уму толпы.

„Какъ тяжело сказать уму
Прости, мой другъ, иди во тьму" (32).

„Свѣтъ истины нагой" тревожитъ его свободный умъ и дѣлаетъ его грознымъ (61) и неразъ заставляетъ его бичевать дѣйствительность (259, 284, 298, 305—7, 310).

Какъ у Лермонтова, такъ и у Полежаева,—своя мѣрка вещей, своя мудрость, которой не признаетъ толпа. Старой, обычной истины черты—говоритъ Полежаевъ:

„Въ моихъ глазахъ—однѣ мечты!
Уму суровому она
И ненавистна, и смѣшна!“ (26).

Онъ—„отступникъ мнѣній своихъ отцовъ“ (38); ихъ мудрость ему необязательна. Развѣ ему это простятъ люди?

Настойчиво къ этимъ же темамъ обращался и *Бенедиктовъ*. Съ презрѣніемъ говоритъ онъ о черни, о толпѣ (I, 18, 87, 88, 89, 235) [1], упорно противопоставляетъ низменнымъ вкусамъ черни—изысканный вкусъ поэта-жреца (53, 87, 289, 276, 398), свое „я“—толпѣ (76).

Для людей онъ—„дикарь“ (120), „нелюдимъ“ (76).

„Зачѣмъ въ свой кругъ зовете нелюдима?
Мнѣ будетъ чуждъ вашъ легкій разговоръ,
Разнообразный и шутливый.
Я буду между васъ сидѣть, потупя взоръ,
Недвижный, мрачный, молчаливый.
Уйдите отъ меня! Пускай въ пустынной кельѣ
Останусь я одинъ“ (76).

Одно изъ его стихотвореній оканчивается словами:

„Страдай! Томись! Ты одинокъ“ (125).

Подобно своимъ великимъ современникамъ, и онъ испыталъ „горе отъ ума“. Въ одномъ стихотвореніи обращается онъ къ „разсудку“ съ такими рѣчами:

„Разсудокъ хладный! Долго, строго
Я не безъ горя, не безъ слезъ
Тебѣ служилъ, и много, много
Кровавыхъ жертвъ тебѣ принесъ.
Какъ въ тайну высшаго искусства,
Я вникъ въ ученіе твое—
И обокралъ святыню чувства,
Ограбилъ сердце я свое.
Я жизнь ввѣрялъ тебѣ—и не жилъ я вполнѣ!“ (153).

Однимъ словомъ—„умъ съ сердцемъ не въ ладахъ!“ Еще въ другомъ стихотвореніи касается Бенедиктовъ этой же темы:

„Я не люблю тебя. Любить уже не можетъ
Кто выкупалъ въ холодномъ морѣ думъ
Свой сумрачный, тяжелый умъ,

---

[1]) *В. Г. Бенедиктовъ*, Сочиненія, подъ ред. Я. П. Полонскаго. Изд. М. О. Вольфъ. 1902.

Кого вездѣ, во всемъ сомнѣніе тревожитъ!
Кто въ школѣ опыта давно уже перешелъ
Сердечной музыки мучительную гамму
И въ жизни злую эпиграмму
На все прекрасное прочелъ!
Пусть юноша мечтамъ завѣтнымъ предается.
Я прожилъ ихъ и проклялъ ихъ давно.
Мой умъ давно ужъ тамъ смѣется,
Гдѣ сердцу плакать суждено" (58).

И у него—„своя мудрость": кумирамъ толпы онъ не станетъ молиться: онъ заявляетъ—

„Я не молюсь мнѣ чуждымъ божествамъ" (84).

И къ мнѣнію общепризнанныхъ судей онъ такъ же недовѣрчивъ, какъ Чацкій:

„Гдѣ чувство говоритъ и сердца судъ верховный,
Тамъ жалокъ судъ ума взыскательныхъ судей!" (84).

Въ высшей степени любопытно одно стихотвореніе Бенедиктова, посвященное характеристикѣ „героя своего времени", какого-то „А. А. К.":

„Онъ отошелъ отъ нашей кутерьмы.
Вчера его похоронили мы.
Онъ былъ, онъ жилъ. Но жить нужна снаровка,
А онъ и жилъ, и дѣйствовалъ неловко:
Съ неправдами боролся цѣлый вѣкъ,—
И свѣтъ рѣшилъ: „тяжелый человѣкъ".
Онъ обо всемъ своеобразно мыслилъ:
За то его свѣтъ къ „чудакамъ" причислилъ.
Онъ ближнему немало и добра
Творилъ, гдѣ могъ—сознаться въ томъ пора.
Но онъ его творилъ рукой негибкой,
Не приправлялъ пріятною улыбкой,
А дополнялъ совѣтомъ, хоть благимъ
И истиннымъ, но жесткимъ и тугимъ.
Послѣднее казалось и не нужно.
Выслушивать мораль намъ недосужно:
Иной его за это осудилъ,—
Такъ и добромъ онъ намъ не угодилъ.

***

„Онъ честенъ былъ, читалъ, любилъ науку,
Поэзію: себѣ не грѣлъ онъ руку
Чужимъ добромъ, когда и случай былъ—
Такой чудакъ".

„. . . . . Противъ зла
Его душа въ борьбѣ изнемогла,
И въ немъ еще задолго до могилы
Разстроились всѣ жизненныя силы,
И мысли свѣтъ померкнулъ. Умеръ онъ.
Немного лицъ къ обряду похоронъ
Пріѣхало: забыли, иль не знали,
И, можетъ быть, съ ужимкою сказали,
Узнавъ потомъ, что онъ свой кончилъ вѣкъ:
„Ну чтожъ? Онъ былъ вѣдь *странный человѣкъ*".
Подумаешь—и какъ-то грустно, больно...
Да, точно, онъ былъ страненъ и довольно
Порой тяжелъ, но—*человѣкъ*. Нельзя
По совѣсти намъ не сказать, друзья,
Что многое въ немъ было такъ сердечно
И многое—глубоко человѣчно".

„*Странный человѣкъ*"... слово найдено! Герои Лермонтова или носятъ эту кличку, или она чувствуется въ отношеніи къ нимъ обыкновенныхъ людей: для Максима Максимовича, для кн. Лиговской Печоринъ — „странный человѣкъ"; для помѣщиковъ сосѣдей Онѣгинъ—„странный человѣкъ", Чацкій—для фамусовской Москвы!

На языкѣ „толпы", „странный человѣкъ", „чудакъ", „оригиналъ", „сумасшедшій"—это все синонимы. Толпа не понимаетъ, или не хочетъ понять ихъ „мудрости",— она или вообще отрицаетъ у этихъ „оригиналовъ" всякую мудрость, или останавливается въ недоумѣніи передъ ихъ новыми и непонятными мыслями. Отсюда новая кличка: „*загадочный человѣкъ*",—то, что нѣмцы назвали „problematische Natur". Вотъ такимъ „страннымъ, загадочнымъ человѣкомъ", такой „проблематическою натурой" казался современникамъ Лермонтовъ, глубже, трагичнѣе всѣхъ выявившій въ „своей личности" и въ своей поэзіи черты „загадочности", „непонятости", „проблематичности"...

Такъ лирическое творчество трехъ поколѣній постепенно выявляетъ со всѣхъ сторонъ „трагедію личности". Взятыя наудачу имена писателей принадлежатъ, однако, наиболѣе популярнымъ, наиболѣе выразительнымъ писателямъ начала XIX ст. Лирика—страстный вопль, тихій стонъ человѣческаго сердца... Лирика—беззаботный смѣхъ и горькія слезы человѣка. Лирика—непосредственное выраженіе того, что ярко вспыхиваетъ въ душѣ человѣка—выраженіе тѣхъ свѣжихъ, живыхъ впечатлѣній, которыя не успѣли кристаллизироваться въ объективныхъ формахъ эпоса и драмы. Лирика въ музыкальномъ словѣ воплощаетъ тѣ тонкіе и разнообразные аро-

маты, которые носятся въ воздухѣ извѣстной эпохи. Лирика вводитъ насъ въ сферу высокихъ духовныхъ переживаній. Она даетъ историку легкую и пріятную возможность уловить то духовное содержаніе, которое характерно для общественныхъ переживаній даннаго момента...

Въ своемъ краткомъ очеркѣ я указалъ то, что считалъ самымъ существеннымъ для Лермонтова,—ту основную идею, которая была лейтмотивомъ его творчества, — бѣглая характеристика поэтическаго творчества нѣкоторыхъ его предшественниковъ и современниковъ, доказала, на мой взглядъ, что мучившая Лермонтова idée fixe—не была только его личнымъ мученіемъ, не была явленіемъ исключительнымъ: она мучила, конечно, въ разной мѣрѣ, три поколѣнія русской интеллигенціи. И то, что у предшественниковъ Лермонтова было лишь „завязкой" трагедіи, то въ его личныхъ и поэтическихъ переживаніяхъ оказалось развязкой, кризисомъ. Дальше идти было некуда.

Но очеркъ этотъ былъ бы не полонъ, если бы мы не ознакомились съ другой группой литературныхъ и историческихъ фактовъ,— съ комедіей Грибоѣдова „Горе отъ ума" и съ нѣкоторыми показаніями мемуаровъ той эпохи. Эти новые факты приведутъ насъ къ признанію, что „трагедія личности" была въ 20-хъ годахъ явленіемъ жизненнымъ... И тогда одними лирическими переживаніями, или чужими литературными вліяніями это явленіе не объяснится: оно въ такой же мѣрѣ прикрѣпится къ исторіи нашего общества, въ какой принадлежитъ и исторіи нашей поэзіи.

3.

Въ русской лирикѣ ясно опредѣлились черты протестующей личности, возставшей въ 20-хъ, 30-хъ годахъ противъ власти „толпы", „черни". Возстаніе это совершилось во имя той внутренней свободы, которой не хватало въ самой жизни, въ различныхъ областяхъ ея — моральной, эстетической, философской и политической. Участниками этого возстанія были всѣ лучшіе русскіе поэты этой эпохи, но, конечно, сила протеста, сознательность борьбы была у нихъ различна.

Но если лирика, по самому существу своему, раскрывала святая святыхъ личности, то она оставляла въ сторонѣ анализъ „толпы". Это было дѣло художника эпическаго, романиста,—или драматурга.

Въ этой области живописанія „среды", съ которой боролась сознательная личность 20 — 30-хъ годовъ, особенно много матеріала даетъ Грибоѣдовъ въ своей безсмертной комедіи.

Современники Грибоѣдова, авторы мемуаровъ, критики послѣдующихъ поколѣній и историки литературы много говорили о „Грибоѣдовской Москвѣ". Но, характеризуя страданія Чацкаго, справедливо ли говорить только о *Москвѣ*, когда самъ Грибоѣдовъ, устами своего героя, признался, что *Петербургъ* его времени мало чѣмъ отличался отъ Москвы [1])?

„Грибоѣдовская Москва"—это не только Москва, это — вся Россія, которая отстала отъ передовыхъ бойцовъ-романтиковъ, рыцарей свободы, враговъ рутины, искателей новой правды...

„Грибоѣдовская Москва"... Объ ней такъ много писали [2]). Авторы различныхъ монографій и статей старались для каждаго дѣйствующаго въ комедіи лица найти прототипы въ жизни, но просмотрѣли самое главное: личность самого Чацкаго и основной смыслъ всей комедіи.

Въ интересной статьѣ: „Прототипы дѣйствующихъ лицъ комедіи «Горе отъ ума» Н. К. Пиксановъ [3]) перечисляетъ всѣ указанные въ литературѣ прототипы лицъ грибоѣдовской комедіи и относительно Чацкаго говоритъ, что единственнымъ прототипомъ Чацкаго указанъ былъ Чаадаевъ. Съ этимъ мнѣніемъ Н. К. Пиксановъ не согласенъ: онъ считаетъ, что въ Чацкомъ Грибоѣдовъ выразилъ *себя*... „Трудно повѣрить, чтобы прототипомъ Чацкаго былъ Чаадаевъ. Изученіе біографіи Грибоѣдова, наоборотъ, приводитъ къ несомнѣнному выводу, что въ образѣ Чацкаго отразились подлинныя черты характера и воззрѣнія самого поэта" [4]). „Приходится отвергнуть сближеніе Чац-

---

[1]) Вотъ почему въ окончательной редакціи текста самъ Грибоѣдовъ дважды прибавляетъ къ Москвѣ—*и Петербургъ*, въ монологѣ Чацкаго въ III дѣйствіи:

„Москва *и Петербургъ* во всей Россіи то...."
„*И въ Петербургѣ*, и въ Москвѣ".

Въ ранней редакціи (музейный автографъ) въ обоихъ случаяхъ называется только Москва.

[2]) „Грибоѣдовская Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской". Вѣстн. Евр. 1874. №№ 8, 9, 10, 12; 1875. №№ 1, 3, 8.

А. И. Кирпичниковъ, „Московское Общество въ изображеніи Грибоѣдова и Л. Н. Толстого" („Очерки по исторіи русской литературы", т. I).

Н. О. Дубровинъ, „Русская жизнь въ началѣ XIX в." (Русск. Стар. 1899—1904).

Н. С. Матвѣевъ, „Москва и жизнь въ ней наканунѣ нашествія 1812 г.", М. 1912.

М. Гершензонъ, „Грибоѣдовская Москва", Москва, 1914.

[3]) Полное собраніе соч. А. С. Грибоѣдова, т. II. Изд. разряда изящной слов. Имп. Акад. Наукъ, С.-Пб. 1913 г. Статья Н. К. Пиксанова: „Прототипы дѣйствующихъ лицъ комедіи Горе отъ ума".

[4]) Op. cit., 240—1.

каго съ Чаадаевымъ, какъ прототипомъ. Другихъ сближеній въ грибоѣдовской литературѣ не заявлено" [1]). Такая исключительная позиція главнаго героя комедіи Грибоѣдова ставитъ его въ совершенно особое положеніе. Онъ, оказывается, не типиченъ, онъ оторванъ отъ жизни русской... Онъ—только сколокъ съ автора. А насколько самъ авторъ типиченъ для своей эпохи, объ этомъ, насколько мнѣ извѣстно, тоже „въ литературѣ не заявлено". Н. К. Пиксановъ, говоря о прототипахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, высказалъ совершенно правильную мысль, что Грибоѣдовъ не писалъ „портретовъ", а писалъ „типы" [2]). Если бы эту же точку зрѣнія онъ приложилъ къ Чацкому, то, быть можетъ, не сталъ бы утверждать, что Чацкій—автопортретъ. *Чацкій—типъ.* И это доказать нетрудно многочисленными историческими и литературными фактами.

Въ мемуарахъ, характеризующихъ жизнь русскую 20—30-хъ годовъ, эта жизнь представляется въ томъ самомъ освѣщеніи, которое придалъ русской дѣйствительности Грибоѣдовъ; конечно, въ различныхъ мемуарахъ мы встрѣчаемъ различную степень сознательности въ отношеніи къ „Грибоѣдовской Москвѣ",—большинство авторовъ отзывается о ней шутливо, лишь немногіе съ раздраженіемъ... Но пониманіе жизни то же самое, что у Чацкаго. Нѣтъ мемуаровъ, въ которыхъ жизнь русскаго общества рисовалась бы съ точки зрѣнія Фамусова... *Фамусовы не ведутъ мемуаровъ,*—это дѣло тѣхъ личностей, которыя чувствуютъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы судить свое время, опредѣлять свое отношеніе къ жизни. *Это—дѣло Чацкихъ.* Стоитъ просмотрѣть добросовѣстно составленный въ статьѣ г. Пиксанова библіографическій

---

[1]) Ibid., 341.

[2]) Цѣнное подтвержденіе этой мысли находимъ въ воспоминаніяхъ О. А. Пржецлавскаго (Р. Ст. 1875, XIV). „.... Когда появилось «Горе отъ ума», всѣ сразу отдали ему справедливость, но въ томъ числѣ были многіе, которые въ дѣйствующихъ лицахъ предполагали и даже узнавали изображеніе живыхъ московскихъ личностей и въ вѣрности портретовъ находили главное достоинство этой прекрасной драматической сатиры. Взглядъ совершенно ошибочный. Грибоѣдовъ и не думалъ писать портреты; если бы это было такъ, то значеніе „Горя отъ ума" было бы очень кратковременно; оно затерялось бы вмѣстѣ со смертью тѣхъ, которые служили оригиналами для очерковъ. Да въ продолженіе ихъ жизни достоинство сочиненія на много было бы ниже истиннаго. Грибоѣдовъ превосходно схватилъ и изобразилъ не отдѣльныя личности, а типы, жизнь которыхъ очень продолжительна, и такъ же долговѣчна будетъ заслуга и слава его мастерскаго произведенія. Если оно и переживетъ типы, то останется драгоцѣнною страницею въ исторіи общественнаго развитія, точнаго сравненія будущаго съ прошедшимъ" (151).

списокъ различныхъ мемуаровъ, отмѣчающихъ ту или другую сторону „Грибоѣдовской Москвы“, чтобы убѣдиться, что всѣ эти наблюдатели русской жизни—Чацкіе, конечно, въ разной мѣрѣ.

Между этими „Чацкими“ встрѣчаемъ мы любопытную разновидность грибоѣдовскаго героя—*соединеніе его съ Молчалинымъ*. Какъ ни чудовищно, на первый взглядъ, это сочетаніе, но оно весьма жизненно. Быть можетъ, даже въ самой личности Грибоѣдова было такое соединеніе, которое онъ самъ искусственно раздвоилъ и воплотилъ въ двухъ своихъ герояхъ-антиподахъ [1]).

---

[1]) Развитіе этой мысли я нашелъ въ статьѣ Ѳ. Соллогуба („Вопросы жизни“ 1905, № 7), въ рецензіи на издан. П. Е. Щеголевымъ „Дѣло о привлеченіи Грибоѣдова къ слѣдствію надъ декабристами“. Ознакомившись съ бумагами Грибоѣдова, г. Соллогубъ говоритъ:

„Читаешь слова, видишь почеркъ,—и какъ-то ближе и понятнѣе становятся люди. Всматриваешься съ жаднымъ любопытствомъ въ драгоцѣнныя черты, слѣдишь за измѣненіями почерка, за манерой подписываться,—вотъ, почтительное письмо гладкимъ почеркомъ, съ подписью: „вѣрноподданный Александръ Грибоѣдовъ“, вотъ чиновнически-уклончивое показаніе обычнымъ почеркомъ „коллежскаго ассессора А. Г.“,—и вотъ точно снимается какая-то завѣса, и изъ-за бумаги и чернильныхъ начертаній, видишь, сквозитъ душа человѣка... Душа Молчалина. Какъ это ни странно, но самое живое лицо въ комедіи „Горе отъ ума“—Молчалинъ. Всѣ другія въ ней лица или совершенно книжныя (Чацкій) и служатъ только носителями авторскихъ мыслей, или ненатурально откровенны и слишкомъ легко подставляются подъ авторскіе бичи. Одинъ Молчалинъ живъ и вѣренъ себѣ, одинъ онъ не только говоритъ, но и дѣйствуетъ,—музицируетъ съ Софьей, ѣздитъ верхомъ и падаетъ съ лошади, дѣлаетъ подарки Лизѣ, предпринимаетъ, строитъ планы, рискуетъ и въ ненамѣренныхъ словечкахъ открываетъ свою сущность.

Умъ Чацкаго и мысли его, конечно,—умъ и мысли Грибоѣдова. Но душа? Но зеркало души? Взгляните на портретъ Грибоѣдова. Скажете ли вы, что это—обликъ Чацкаго? Скромная, бритая чиновничеcкая физіономія, аккуратная прическа съ казеннымъ кокомъ, очки на глазахъ, близорукихъ отъ привычки къ бумажному дѣлу, и углубленный, скромно насторожившійся взоръ человѣка наблюдательнаго, но и почтительнаго,—вотъ молчалинскій аспектъ Грибоѣдова. На языкѣ—медокъ болтливаго свободомыслія, а на сердцѣ—ледокъ смиренномудрія,—и вотъ безпощадный талантъ сдѣлалъ мораль и сатиру широкошумными ширмами жестокой авто-сатиры. Портретъ, списанный съ какого-то ничтожнаго Молчалина, зажегся живой жизнью, потому что въ немъ ожила душа автора, значительная во всѣхъ своихъ переживаніяхъ, но,—увы,—дьявольской ироніей судьбы прикованная къ гибкому хребту чиновника.

„Чиновникъ попалъ въ бѣду и успѣшно выпутывается. Душа его играетъ всѣми своими красками. Преданность власти: „начальникъ, мною любимый“, „благоговѣйное чувство“. Изъясненіе своей чистоты и невинности: „Я же не только не способенъ быть ораторомъ возмущенія,—много, если предаюсь избытку искренности въ тѣсномъ кругу людей кроткихъ и благомыслящихъ“... „Русское платье снова сблизило бы насъ съ простотой отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезвычайно любезныхъ“...

Таковъ, напримѣръ, Лубяновскій, который самъ говорилъ, что „старики" жаловали его за „молчалинскія добродѣтели"—„за рѣдкое уже, какъ они говорили, почтеніе къ ихъ сѣдинамъ, заслугамъ и опытности" (208). И какъ живо чувствовалъ и переживалъ этотъ Лубяновскій молодые порывы новой, молодой Россіи! Вотъ его слова:

„Инымъ слѣдомъ, кажется, вышедши на свѣтъ, обозначился у насъ девятнадцатый вѣкъ, не взявъ отъ предшественника своего ни вѣры въ старинныя установленія, въ отеческія преданія, ни той власти, которая, невидимая, умѣетъ держать всякаго въ своей границѣ и въ общежитіи слыветъ *авторитетомъ*.

„Оттого духъ, словно, изъ подъ пресса, излился на всяку плоть. Надобно было видѣть тогда движеніе свѣжей по виду, здоровой и радостной жизни; молодое, и не по однимъ только лѣтамъ, поколѣніе прощалось не до свиданія, а уже на вѣки вѣковъ, съ старосвѣтскими предразсудками; кругомъ пошли головы отъ смѣлаго говора о государственныхъ вопросахъ и рѣзкаго указанія, чему и какъ быть по извѣстной запискѣ Лагарпа; вслухъ развивались такія идеи, которыя, можетъ быть, и до того были не совсѣмъ новы у насъ, но были безгласны и безсловесны: надежда, какъ видно, веселила сердца. Вслушиваясь въ бесѣды, въ этихъ надеждахъ и радостяхъ, я впервые услышалъ рѣчь о людяхъ „aux idées libérales", или, какъ тогда переводили, о людяхъ съ высшимъ взглядомъ, о необходимости общаго преобразованія, о конституціи" (Лубяновскій, О. П. Воспоминанія. М. 1872, 209—210).

Такимъ отчасти былъ и Свербеевъ, авторъ любопытнѣйшихъ записокъ. Его воспитывали, какъ Фамусовъ—Чацкаго: „дитей возили на поклонъ" (I, 124, 188, 262), но въ немъ, какъ въ Чацкомъ, проснулся критицизмъ къ жизни „Грибоѣдовской Москвы" и, слѣдуя за передовой молодежью, онъ сталъ „завираться" (I, 247).

„Добрый и осторожный правитель Кикинской канцеляріи, Брусиловъ, какъ-то разъ, наединѣ, безъ всякихъ объясненій, дружески посовѣтовалъ мнѣ вести себя осторожно и не слишкомъ „завираться"—обыкновенное тогдашнее выраженіе о молодыхъ людяхъ, дозволявшихъ себѣ либеральничать. Нѣсколько времени спустя дошла и до меня только что написанная Пушкинымъ и ходившая по рукамъ ода его, подъ названіемъ: „Вольность". Считая себя мастеромъ декламировать стихи и желая похвастаться моимъ чтеніемъ передъ моими сослуживцами, я передъ выходомъ всѣхъ изъ канцеляріи, удержалъ на полчаса любителей россійскаго стихотворства и торжественно

прочелъ имъ это новое произведеніе отчаянно-либеральной тогда музы Пушкина“ (I, 247—248).

Но по собственному его признанію, этотъ либерализмъ не былъ у него глубокимъ:

„Либеральничанье мое, впрочемъ, обнаруживалось рѣдко. Насколько про себя помню, я, по молодости, не отставалъ отъ моды и, довольно равнодушный къ великимъ тогдашнимъ идеямъ свободы, равенства и братства, любилъ въ рѣдкихъ случаяхъ ими похвастаться“ (I, 248).

Однажды онъ разлиберальничался слишкомъ неосторожно. Дѣло было такъ. Долго юноша Свербеевъ молча и почтительно сидѣлъ въ обществѣ нѣсколькихъ сановниковъ. Важные собесѣдники вели свой разговоръ о различныхъ правахъ всѣхъ возможныхъ сословій въ Россіи и пускались въ самыя мельчайшія подробности безчисленныхъ разрядовъ обитателей пространнаго нашего отечества. Мудрая бесѣда продолжалась часъ или больше и, какъ видно, самихъ ихъ утомила. Престарѣлый Шишковъ начиналъ уже дремать, всталъ первый съ своего сѣдалища и тихими шагами подошелъ ко мнѣ. Я тотчасъ вытянулся во весь ростъ передъ такой знатной особой, которая, милостиво потрепавъ меня по плечу, предложила слѣдующій вопросъ: „Ну, а ты, юноша, знаешь, сколько у насъ состояній“?—„Знаю, ваше высокопревосходительство“.—„Ну-ка, сколько? скажи?“—Тутъ мое раздраженное терпѣніе лопнуло, и я громко выговорилъ: „Два“.—„Какъ два?“—Да-съ, ваше высокопревосходительство, два.—„Только?“—„Только“.—„Какія же?“—„Деспоты и рабы“. Какъ бы не солоно похлебавши, отскочилъ отъ меня Шишковъ, значительно взглянулъ на Кикина; потомъ всѣ они переглянулись. Грозно воззрился на меня Кикинъ и сказалъ: „ступай домой“ (249—250).

И кончилась вся эта „бравада“ тѣмъ, что либеральный юноша-Чацкій самъ перепугался до того, что превратился въ Молчалина и торжественно обѣщалъ своему покровителю впредь держать языкъ за зубами.

Но въ запискахъ того же Свербеева встрѣтили мы образы болѣе послѣдовательныхъ юношей-протестантовъ, которые ближе самого Свербеева подойдутъ къ образу Чацкаго.

Таковъ, напримѣръ, Н. Тургеневъ.

„Когда знаменитый баронъ Штейнъ, заклятый врагъ Наполеона, искалъ и нашелъ убѣжище отъ его преслѣдователя, вступивъ въ русскую службу, Николай Тургеневъ послѣдовалъ за нимъ въ концѣ 12-го, или началѣ 13-го гг. въ Германію; и у сего-то государствен-

наго мужа, такъ много послужившаго возрожденію Пруссіи и всей германской свободы, научился нашъ пылкій юноша страстно и пламенно любить свою отчизну и любить не одну ее, а все человѣчество и отстаивать, защищая, вѣчныя права его“ (475—6).

„Нашъ Тургеневъ едва ли не первый изъ всѣхъ, еще до 20-ыхъ годовъ столѣтія, во всеуслышаніе, съ восторженною дерзостью, началъ свою проповѣдь освобожденія русскихъ крестьянъ“ (476).

Таковъ же въ характеристикѣ Свербеева представляется и Чаадаевъ.

„Князь Ѳеодоръ возвѣстилъ мнѣ скорый пріѣздъ въ Бер. Чаадаева, своего родственника и мнѣ когда-то знакомаго, и своими разговорами о Россіи далъ мнѣ первый понятіе о нерасположеніи къ правительству всей военной молодежи, о неистовствѣ Аракчеева, о мистической апатіи Императора Александра и т. д.“ (235).

„На вечерахъ у меня Чаадаевъ, оставившій службу почти поневолѣ и очень недовольный собой и всѣми, въ немногихъ словахъ выражалъ все свое негодованіе на Россію и на всѣхъ русскихъ безъ исключенія. Онъ не скрывалъ въ своихъ рѣзкихъ выходкахъ глубочайшаго презрѣнія ко всему нашему прошедшему и рѣшительно отчаявался въ будущемъ“ (237).

Съ ясными чертами мечтателя-протестанта предстаетъ предъ нами Н. Муравьевъ.

„Мы часто бывали вмѣстѣ, и къ намъ присоединился еще Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, о которомъ я выше упоминалъ. Какъ водится, въ молодыя лѣта, мы судили о многомъ, и я, не ставя преграды воображенію своему, возбуждаемому чтеніемъ „Contrat Social“ Руссо, мысленно начертывалъ себѣ всякія предположенія въ будущемъ. Думалъ и выдумалъ слѣдующее: удалиться черезъ пять лѣтъ на какой-нибудь островъ, населенный дикими, взять съ собою надежныхъ товарищей, образовать жителей острова и составить новую республику, для чего товарищи мои обязывались быть мнѣ помощниками“ (Записки Ник. Ник. Муравьева. Р. Арх. 1885, 3 кн. 25).

И въ чертахъ его любопытнаго облика чуется уже что-то очень напоминающее будущихъ декабристовъ,—юныхъ мечтателей-Чацкихъ, но уже съ политической программой и неудержимой жаждой скорѣе претворить мечту въ жизнь.

Въ запискахъ К. Полевого (Ист. В. 1887, т. 28, 63) извѣстный публицистъ Н. Полевой представленъ тоже съ чертами, нѣсколько напоминающими Чацкаго.

„Никогда не былъ онъ однимъ изъ тѣхъ пошлыхъ и смѣшныхъ

либераловъ, которые кричатъ и шумятъ въ своемъ углу, а потомъ прячутся отъ всякаго; никогда не принадлежалъ и къ числу тѣхъ пессимистовъ, которые находятъ дурнымъ все и съ голосу иностранныхъ газетъ хулятъ все свое, не соображая ни историческихъ причинъ съ видимыми въ данное время явленіями, ни своего народа съ тѣми преобразованіями, о какихъ кричатъ, ни закона необходимости, чаще всего управляющаго человѣческими обществами.

„...Нѣкоторые думали видѣть въ немъ какого-то безпокойнаго человѣка, крикуна, наполненнаго завиральными идеями“ (63).

„...Какъ человѣкъ честный съ сильною пылкою душою, онъ ненавидѣлъ злоупотребленія, неизбѣжныя въ каждомъ обществѣ, и обличалъ, преслѣдовалъ ихъ, гдѣ только могъ... Много непріятностей испыталъ онъ за это, но не боялся ничего, потому что дѣйствовалъ открыто, выражалъ свои мнѣнія, излагалъ событія печатно, и затаенныхъ мыслей у него не было. Онъ первый въ Россіи началъ писать о такихъ предметахъ, которые прежде него почитались не принадлежащими къ литературѣ, или излагались въ старинныхъ журналахъ въ видѣ какой-то миѳологіи, къ которой надобно было имѣть ключъ. Николай Алексѣевичъ, напротивъ, говорилъ прямо о многомъ, обличалъ злоупотребленія, смѣялся надъ тѣмъ, что было смѣшно, писалъ, какъ говорилъ бы передъ собраніемъ справедливыхъ судей, и потому событія, ознаменовавшія окончаніе 1825 года, не тревожили его лично за себя“ (Записки К. А. Полевого. Ист. В., 1887, т. 28. 63 стр.).

Всѣ приведенные немногіе примѣры, конечно, далеко не покрываютъ собой грибоѣдовскаго Чацкаго, но они съ очевидностью доказываютъ, что герой Грибоѣдова *типиченъ*, что Грибоѣдову нетрудно было отыскать его среди своихъ юныхъ современниковъ, такъ какъ этотъ Чацкій тогда не былъ явленіемъ исключительнымъ и рѣдкимъ. Князь Вяземскій даже утверждаетъ, что, наоборотъ, „Грибоѣдовская Москва“ въ его время была „исключеніемъ“. Въ предисловіи къ „Хроникѣ недавней старины изъ Архива К. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго“ князь Вяземскій такъ отзывается объ этомъ произведеніи:

„Многіе годы дѣйствія или сущности этой книги протекаютъ и разыгрываются въ Москвѣ. Здѣсь опять естественное и возникающее само собою, изъ натуры вещей, изъ общаго положенія лицъ и событій, неопровержимое возраженіе противъ указаній на какую-то „грибоѣдовскую Москву“, которою намъ колютъ глаза и оскомину набиваютъ. Какъ старый москвичъ, не могу не порадоваться этому живому

и убѣдительному заявленію того, что было на дѣлѣ, въ противорѣчіе тому, что позднѣе вошло въ понятія отъ одностороннихъ воззрѣній, предубѣжденій и легкомыслія. Я родился въ старой Москвѣ, воспитанъ въ ней, въ ней возмужалъ; по наслѣдственному счастію рожденія своего, по средѣ, въ которой мнѣ пришлось вращаться, я не зналъ той Москвы, которая такъ охотно и словоохотно рисуется подъ перомъ нашихъ повѣствователей и комиковъ. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ углахъ Москвы и была, и, вѣроятно, была фамусовская Москва. Но не она господствовала,—при этой Москвѣ была и другая образованная, умственною и нравственною жизнью жившая Москва" (300—301).

„Но не думайте, чтобы при этой тихой московской погодѣ царствовалъ въ обществѣ неподвижный, мертвенный штиль. Нѣтъ, было и тогда колебаніе, волненіе... Были люди, чающіе движенія воды и чающіе не напрасно, подобно разслабленному при купели у овечьихъ воротъ въ Іерусалимѣ. Были и въ то время свои мнѣнія, убѣжденія, вопросы, стремленія, страсти... Въ этомъ обществѣ встрѣчались люди противоположныхъ ученій, разныхъ вѣрованій, разныхъ эпохъ. Тутъ были люди, созрѣвшіе подъ вліяніемъ и блестящимъ солнцемъ царствованія Екатерины, были выброски крушеній отъ слѣдовавшаго за нимъ царствованія, уже выглядывали и обозначались молодые умы, молодыя силы, развивавшіяся подъ благорастворенiемъ первоначальныхъ годовъ правленія Императора Александра I. Эти годы навѣяли на общество новое дыханіе, новую температуру,—слѣдовательно, на обществѣ отсвѣчивались разнообразные историческіе и нравственные оттѣнки" (311—312).

Образъ Москвы въ бумагахъ Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго совсѣмъ далекъ отъ грибоѣдовской!

Для рѣшенія вопроса и типичности Чацкаго даетъ любопытный матеріалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Т. Пассекъ (Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Р. Стар. 1873. VII, 313). Вотъ, что она разсказываетъ о ранней юности Герцена:

„Исторія сдѣлалась любимымъ предметомъ занятій Александра, особенно древняго Рима и Греціи. Разумѣется, онъ принялся за исторію не такъ, какъ за книгу народовъ—зерцало того и сего, а опять какъ за романъ; онъ читалъ ее по той же методѣ, т. е., выступая самъ въ Некрополисѣ и на форумѣ. Еще больше разумѣется потому, что Греція и Римъ, возстановленныя по Сегюру, были нелѣпы, но живы и соотвѣтствовали тогдашнимъ потребностямъ. Театральныхъ

натяжекъ всѣхъ этихъ Курціевъ, бросающихся въ пропасти, онъ не замѣчалъ, а гражданскія добродѣтели понималъ. Сильно дѣйствовало на него чтеніе греческой и римской исторіи. Саша скорбѣлъ о томъ, что этотъ міръ добродѣтелей и энергіи давно схороненъ, плакалъ на его могилѣ... Какъ вдругъ болѣе внимательное чтеніе одного автора, бывшаго въ моихъ рукахъ, доказало ему, что и тотъ міръ, который окружаетъ его, въ которомъ онъ живетъ, не изъятъ доблестнаго и великаго. Открытіе это сдѣлало переворотъ въ его бытіи.

„Шиллеръ! благословляю тебя"—говаривалъ потомъ Саша: „тебѣ я обязанъ святыми минутами печальной юности; сколько слезъ пролилось изъ глазъ моихъ на твои поэмы, какой алтарь я воздвигъ тебѣ въ душѣ моей"!

Онъ попалъ въ руки шиллеровыхъ разбойниковъ, когда Маршаль читалъ съ нами Буало и Расина; ватага Карла Мора надолго увела меня въ Богемскіе лѣса романтизма. Иванъ Евдокимовичъ усердно помогалъ шиллеровымъ разбойникамъ, и китайскіе башмаки Лагарповскаго воззрѣнія рвались по швамъ и по кожѣ... Иванъ Евдокимовичъ, замѣтивши въ Сашѣ либеральныя наклонности, старался поддерживать и развивать. Онъ сталъ намъ носить тайкомъ мелко переписанные запрещенные стихи Пушкина: „Оду на вольность", „Кинжалъ", „Деревню" и проч. Мы списывали ихъ, твердили наизусть, декламируя ихъ... Саша, чтобы произвести въ слушателяхъ трепетъ, который чувствовалъ самъ, принималъ трагическую позу и мрачное выраженіе лица и задыхающимся голосомъ говорилъ:

„Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый
Кинжалъ! Ты кровь излилъ!"...

Въ это время „Горе отъ ума" волновало всю Москву. Саша и я знали его наизусть, играли вмѣстѣ цѣлыя сцены...

Выходившій тогда „Московскій Телеграфъ" передавалъ современное умственное состояніе Европы и читался съ увлеченіемъ. Альманахи сыпались. „Войнаровскій" и „Думы" Рылѣева возбуждали духъ гражданственности. Козловъ переводилъ Байрона. Типы его героевъ водворялись въ жизнь общества, облагораживали его и отражались въ поэмахъ и повѣстяхъ. Шиллеръ передавался въ прелестныхъ переводахъ Жуковскаго. Въ воздухѣ вѣяло вѣрованіями, надеждами, увлеченіемъ. Произведенія Пушкина рвали изъ рукъ въ руки, печатныя и въ спискахъ. „Кавказскаго плѣнника", Бахчисарайскій фонтанъ", „Цыганъ" и даже „Руслана" я знала наизусть. Когда появился „Онѣгинъ", всеобщій восторгъ привѣтствовалъ его.

Александръ не разставался съ этой поэмою: носилъ въ карманѣ днемъ, клалъ подъ подушку на ночь; говорилъ изъ нея отрывки, потомъ всю выучилъ наизусть. Меня иначе не звалъ, какъ Таня. Простонародное имя Татьяны явилось опоэтизированнымъ въ лицѣ деревенской барышни. Во мнѣ Онѣгинъ оживилъ первое впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что *я*—Татьяна Ларина, а К-фъ—Евгеній Онѣгинъ. Онъ и, дѣйствительно, принадлежалъ къ этому типу. Типъ этотъ ошибочно принимали за типъ того времени. Онъ, точно, являлся тогда и даже долгое время послѣ; но онъ выражалъ только одну сторону тогдашней жизни, а нисколько не выражалъ всѣхъ стремленій умственныхъ и нравственныхъ 1820-хъ годовъ. *Типъ того времени отразился въ литературѣ въ Чацкомъ*. Въ его молодомъ негодованіи слышится порывъ къ дѣлу. Онъ возмущается потому, что не можетъ выносить диссонанса своего внутренняго міра съ міромъ, окружающимъ его. Рядомъ съ людьми, которыхъ барскія затѣи состояли въ псарнѣ, дворнѣ, насилованіи и сѣченіи, *являлись типы—дѣйствительно типы того времени*, которыхъ затѣи состояли въ томъ, чтобы вырвать изъ рукъ розгу и добыть просторъ не ухарству въ открытомъ полѣ, а просторъ уму и человѣческой жизни.

Картина крѣпостнаго состоянія, либеральныя идеи, распространенныя въ обществѣ, литература, вліяніе учителей съ новыми взглядами, соединившись съ врожденными наклонностями Александра, обозначили основныя черты его характера и опредѣлили цѣли жизни. Сама среда, окружавшая его отъ колыбели, помогала этому своимъ рѣзкимъ отрицаніемъ усвоенныхъ имъ понятій, заставляя еще выразительнѣе выступать ихъ блестящія, увлекательныя стороны. Шиллеръ, со взоромъ, устремленнымъ туда, съ либерально-гражданскимъ направленіемъ, съ любовью къ людямъ и истинѣ, поднятыми до первообраза, до того былъ симпатиченъ идеальному юношѣ, что онъ сдѣлалъ религіей жизни своей осуществленіе этихъ возвышенныхъ типовъ".

Въ пестрыхъ рядахъ этой молодежи, отмѣченной мемуарами, мы увидимъ самыя разнообразныя лица: здѣсь и либеральничающіе Молчалины, и будущіе декабристы, и пустые болтуны, въ родѣ Репетилова, и мечтатели-утописты... Все это протестующіе на словахъ, или на дѣлѣ, все, искренне, или притворно, недовольные существующимъ и чающіе новой жизни...

Чацкій и люди его склада не примирятся съ дѣйствительной жизнью, какъ Лубяновскій, какъ Свербеевъ. Они не пойдутъ и къ декабристамъ, которые попытались создать новую жизнь, отвѣчающую

ихъ идеаламъ. Чацкій „примириться“ не можетъ, но и „создать“ что-нибудь онъ тоже не въ силахъ. Подобно Чаадаеву (въ этомъ ихъ поразительное сходство), Чацкій уйдетъ отъ людей.

„Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ!
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!“

—восклицаетъ онъ.

Но гдѣ же для него спасенье?.. „Гдѣ жъ лучше“?—спрашиваетъ его Софья и слышитъ въ отвѣтъ безотрадное: *„гдѣ насъ нѣтъ“*.—Слова эти характерны. Въ нихъ разочарованіе не въ одной только Москвѣ, а въ человѣчествѣ вообще. Я прибавилъ бы, разочарованіе въ такъ называемомъ „культурномъ“ человѣчествѣ, — разочарованіе въ той условной правдѣ, которую самодовольная толпа считаетъ несомнѣнной. Недаромъ самъ Грибоѣдовъ обронилъ какъ-то замѣчательныя слова: кавказскую войну онъ назвалъ „борьбой барабаннаго просвѣщенія съ лѣсной свободой“. Такъ, конечно, выразился бы самъ Чацкій, подъ этими словами подписался бы Ж. Ж. Руссо...

Гдѣ же пытались найти спасеніе люди, усумнившіеся въ общепринятыхъ истинахъ толпы?... Если самъ Грибоѣдовъ не отвѣтилъ, куда бѣжалъ его Чацкій изъ Москвы, то на этотъ вопросъ отвѣтили другіе писатели.

Въ одномъ забытомъ, но интересномъ романѣ 30-хъ годовъ: „Семейство Холмскихъ“, мы встрѣчаемъ попытку продолжить комедію „Горе отъ ума“... Чацкій поѣхалъ изъ Москвы въ деревню, сталъ заботиться о своихъ крестьянахъ, защищать ихъ отъ произвола губернскихъ и уѣздныхъ властей, и скучалъ, томясь бездѣйствіемъ, избѣгая общества сосѣдей. Но это „одиночество“ и въ провинціи оказалось для него небезопаснымъ—и здѣсь онъ прослылъ непріятнымъ человѣкомъ, чудакомъ, *„страннымъ человѣкомъ“*... Словомъ, съ нимъ повторилась исторія Онѣгина. Такимъ образомъ, и здѣсь, въ деревнѣ, счастья отъ своего ума онъ не нашелъ—одно *горе*. Пушкинскій „кавказскій плѣнникъ“ тоже бѣжалъ, но не въ деревню, а на Кавказъ „съ веселымъ призракомъ свободы“. Алеко проклялъ цивилизацію и захотѣлъ „опроститься“, но не сумѣлъ побѣдить себя и тоже узналъ всю остроту „горя отъ ума“. Онѣгинъ, спасая свое „я“, бѣжалъ въ деревню, но тоже не нашелъ удовлетворенія. Печоринъ, „герой своего времени“, бросилъ столицу, поѣхалъ на Кавказъ, пытался найти счастье въ любви простой дикарки Бэлы, и кончилъ тѣмъ, что въ щегольской колясвѣ отправился искать смерти въ Персію.

Счастливѣе этихъ неудачниковъ старички Ларины, Фамусовы, горцы, цыгане, безхитростный Максимъ Максимычъ — всѣ эти безличные представители безличной массовой жизни, крѣпкіе, цѣльные, спаянные общей порукой: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ"...

И мучительно тянуло всѣхъ отверженныхъ Чацкихъ, Печориныхъ, Онѣгиныхъ къ той низменной толпѣ, которую они презирали и съ которою жить не могли... Тамъ—и умъ съ сердцемъ въ ладу, тамъ—то всемогущее, общее, „круглое", которое впослѣдствіи спасло толстовскаго Пьера Безухаго. И счастливъ сдѣлался Пьеръ только тогда, когда отказался отъ *своей* мудрости, отказался отъ своего „*я*"... Но это далось русской интеллигенціи значительно позднѣе... Въ 20-е же и 30-е годы XIX ст. эта интеллигенція лишь смутно чуяла, въ какой сторонѣ спасенье, но овладѣть имъ не могла, а потому на долю ей выпало познать горечь проясненнаго ума и муки своей оторванности, своего безотраднаго одиночества...

Въ этомъ сознаніи—трагизмъ одинокой личности, который нашелъ полное выраженіе въ лирикѣ Лермонтова, въ его гордой и страдальческой поэзіи одинокаго „я". Люди 20-хъ годовъ пережили мечту и борьбу,—людямъ 30-хъ годовъ достались въ удѣлъ разочарованіе и душевная пустота...

В. Сиповскій.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ текущемъ году исполнилось 150 лѣтъ со времени учрежденія Императорскаго воспитательнаго общества, сыгравшаго въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще и женскаго образованія въ частности роль первостепенной важности.

Поэтому вполнѣ своевременнымъ явилось изданіе историческаго очерка Н. П. Черепнина: „Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. С.-Пб. 1914 г.“, первый томъ котораго обнимаетъ первыя пятьдесятъ лѣтъ существованія общества.

Воспитаніе и образованіе дѣвочекъ въ Россіи въ серединѣ восемнадцатаго вѣка почти исключительно было домашнее. Правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній не было, частныхъ пансіоновъ и школъ было мало. Къ тому же, все образованіе, которое въ нихъ давалось большей частью невѣжественными иностранцами, сводилось къ обученію французскому языку, рисованію, танцамъ и „ежели кто пожелаетъ“ ариѳметикѣ. Постановка воспитанія въ особенности оставляла желать лучшаго. Въ такомъ же положеніи находилось и домашнее образованіе. Выборъ домашнихъ учителей и гувернантокъ поневолѣ былъ совершенно случайный; сами родители рѣдко могли распознать степень образованности учителя и контролировать ходъ занятій. А воспитаніе весьма часто только выиграло бы, если бы оно велось по старому, такъ какъ новые взгляды и требованія, недостаточно усвоенные или превратно понятые въ широкихъ кругахъ общества, превращались въ нелѣпости, способныя только искалѣчить дѣтей физически и духовно. Разумѣется, прежде всего перенималась внѣшность и наибольшее вниманіе обращалось на обученіе танцамъ и хорошимъ манерамъ, понимаемымъ довольно своеобразно.

Однако лишь немногіе люди, вполнѣ проникнутые новыми вѣяніями, видѣли, насколько русское общество въ массѣ было еще неподготовлено къ самостоятельному воспитанію своихъ дѣтей. Чрезвычайное увлеченіе вопросами педагогики, характерное для Западной Европы середины восемнадцатаго столѣтія, передалось и имъ, вмѣстѣ съ глубокой вѣрой въ безграничное вліяніе воспитанія на образованіе характера. Цѣлью воспитанія ставилась „la fabrication de l'homme idéal et du citoyen parfait“. Вполнѣ раздѣляя эти взгляды и питая отвращеніе къ „звѣрообразному и неистовому въ словахъ и поступкахъ“ русскому человѣку, императрица Екатерина мечтала создать новую семью и вѣрила, что путемъ правильнаго воспитанія будетъ положено начало „новой породы людей благоразумныхъ, справедливыхъ и счастливыхъ“.

Въ этой задачѣ дѣятельнымъ помощникомъ Екатерины II явился И. И. Бецкой, полагавшій, что „добрые или худые нравы каждаго человѣка во всю его жизнь зависятъ отъ перваго его добраго или худого воспитанія“. Осуществить хорошее воспитаніе можно было, по его мнѣнію, только внѣ семьи, въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя ставили бы дѣтей въ новыя, идеальныя условія воспитанія. „Физико-моральное“ воспитаніе Бецкого состояло въ достиженіи равновѣсія между физическимъ и душевнымъ развитіемъ. Помимо занятій мастерствами и рукодѣліями, большое мѣсто отводилось дѣтскимъ играмъ и забавамъ. Занятія должны были чередоваться съ такимъ расчетомъ, чтобы дѣти не утомлялись и не скучали, а видѣли бы во всемъ развлеченіе. Моральное воспитаніе заключается не въ прописяхъ и обученіи отвлеченнымъ правиламъ поведенія, а въ благотворномъ вліяніи личнаго примѣра воспитателя, котораго Бецкой представлялъ человѣкомъ идеальной доброты, ума и честности. Основными предметами начальнаго обученія Бецкой считалъ Законъ Божій, чтеніе и рисованіе. Обученіе письму идетъ послѣ рисованія. Преподаваніе должно вестись на русскомъ языкѣ; до полнаго знакомства съ роднымъ языкомъ не слѣдуетъ начинать учить церковно-славянскому.

Принципы новой педагогики, усвоенные императрицей Екатериной и Бецкимъ, были выражены очень полно въ генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества, утвержденномъ 22-го марта 1764 г. Актъ этотъ лежитъ въ основѣ всего законодательства Екатерины II о русскомъ просвѣщеніи и прежде всего отразился въ уставахъ воспитательныхъ училищъ и воспитательнаго общества благо-

родныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ. Во главѣ послѣдняго учрежденія ставилась начальница по назначенію императрицы, ей принадлежало главное руководство какъ учебно-воспитательной, такъ и хозяйственной частью. На ряду съ ней, въ совѣтѣ общества состояли „четыре знатныхъ особы изъ господъ сенаторовъ или другихъ именитыхъ членовъ", по назначенію императрицы. Ближайшей помощницей начальницы являлась правительница, которая завѣдывала главнымъ образомъ воспитательной частью въ новомъ учрежденіи. Далѣе, каждый изъ четырехъ классовъ или „возрастовъ" находился подъ наблюденіемъ особой надзирательницы, которая должна была слѣдить за поведеніемъ и успѣхами воспитанницъ. Учительницъ по уставу полагалось двѣнадцать, но въ ихъ обязанности входило не только преподаваніе, но и воспитаніе, такъ какъ онѣ должны были неотлучно состоять при воспитанницахъ.

Комплектъ воспитательнаго общества опредѣлялся уставомъ въ двѣсти воспитанницъ; пріемъ производился разъ въ три года; къ каждому пріему допускалось 50 дѣтей отъ 5 до 6 лѣтъ. Курсъ обученія устанавливался въ двѣнадцать лѣтъ и родители обязывались подпиской ранѣе этого срока не требовать дѣтей изъ учебнаго заведенія. Воспитанницы раздѣлялись на четыре „возраста", по три года въ каждомъ.

Въ уставѣ рекомендовалось внимательно опредѣлять степень способностей каждой воспитанницы и ея склонности къ разнымъ занятіямъ, чтобы развивать ея умъ и характеръ въ соотвѣтствующемъ направленіи. Вопросамъ физическаго воспитанія отводилось большое мѣсто. Помимо заботы о чистотѣ и гигіенѣ воспитанницъ, уставъ предписывалъ, „чтобы дѣвицы, прогуливаясь въ садахъ, питалися свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ". Въ дурную погоду прогулки должны были совершаться „въ особливыхъ къ тому устроенныхъ мѣстахъ".

Дѣвочекъ предполагалось обучать „россійскому и чужестраннымъ языкамъ, дабы въ оныхъ исправно читать, писать и говорить умѣли, ариѳметикѣ, географіи, исторіи, стихотворству и отчасти архитектурѣ и геральдикѣ, а въ художествахъ наставлять рисованію и миніатурѣ, танцованію, музыкѣ вокальной и инструментальной, шитью всякаго рода, вязанію и плетенію шелковому, нитяному и бумажному, а къ сему присовокупить надлежитъ и всѣ части экономіи". Начиная съ третьяго возраста, воспитанницы должны были „присматриваться на поварняхъ ко всѣмъ работамъ", составлять счета, выбирать прови-

зію и т. д., обязаны были „чулки и протчей уборъ имѣть собственной своей работы, также и платье на себя шить сами изъ даваемыхъ матерій“. Наконецъ, воспитанницы старшаго возраста должны были, въ качествѣ помощницъ учительницъ, слѣдить за занятіями младшихъ и помогать имъ. Образцами для этого устава послужили, главнымъ образомъ, порядки двухъ извѣстнѣйшихъ въ Европѣ женскихъ учебныхъ заведеній—St. Cyr во Франціи и Couvent des dames angloises à St.-Hippolyte ou St.-Pelten, близъ Вѣны. Но то, что было изъ нихъ заимствовано, подверглось полной переработкѣ въ соотвѣтствіи съ новыми идеями педагогики Локка, Руссо, Дидро, С. Пьера и др., которыя лежали въ основѣ міровоззрѣнія Екатерины II и Бецкого.

Уставъ воспитательнаго общества былъ разсмотрѣнъ спеціальной комиссіей и одобренъ ею вполнѣ, а 5-го мая 1764 года послѣдовалъ именной указъ сенату объ открытіи воспитательнаго общества и о назначеніи начальницей его княгини Анны Долгоруковой, а правительницей Софіи де Лафонъ. Въ составъ совѣта общества были опредѣлены „попечителями о воспитаніи“ Бецкой, сенаторы П. И. Панинъ и кн. П. Трубецкой, и С. Козминъ.

Для помѣщенія новаго учрежденія рѣшено было приспособить новооснованный императрицей Елисаветой Смольный Воскресенскій Новодѣвичій монастырь. Прежде, при Петрѣ Великомъ здѣсь помѣщался смольный дворъ, служившій складомъ смолы для флота. Въ 1773 г. смольный дворъ былъ переведенъ отсюда, но названіе осталось за мѣстомъ и перешло также и на лѣтній загородный дворецъ Елисаветы Петровны, который былъ здѣсь выстроенъ. Въ 1774 г. послѣ пожара, уничтожившаго главный корпусъ дворца, императрица Елисавета рѣшила на этомъ мѣстѣ основать монастырь, намѣреваясь, можетъ быть, провести въ немъ послѣдніе годы своей жизни.

Постройка была поручена знаменитому архитектору графу Растрелли и бригадиру Мордвинову. Торжественная закладка монастыря была совершена 30-го октября 1748 г. Первоначальный проектъ, о которомъ свидѣтельствуетъ превосходная модель Смольнаго монастыря, которой Петербургъ любовался недавно на исторической выставкѣ архитектуры, соперничаетъ по размаху и великолѣпію замысла съ величайшими постройками новаго времени. Растрелли удалось въ этомъ проектѣ чарующее по своей законченности и живописности сочетаніе французскаго рококо съ національными русскими мотивами. Величественный соборъ съ русскими куполами луковицей,

съ окружающимм его башнями-церквами и грандіозной колокольней въ 60 саженъ высоты долженъ былъ быть окрашенъ въ цвѣтъ бирюзы, на которомъ сверкали бы бѣлые пилястры и серебряныя съ золотомъ крыши. Общей красотѣ Смольнаго соотвѣтствовало удачно использованное графомъ Растрелли положеніе монастыря на самомъ берегу Невы, на крутомъ ея изгибѣ, открывающемъ великолѣпный видъ на эту живописную группу.

Елисаветѣ Петровнѣ не суждено было увидѣть завершеніе этой постройки, а ея ближайшіе преемники, изъ финансовыхъ соображеній, значительно сократили грандіозные строительные замыслы покойной императрицы. Екатерина II проявила къ Смольному большій интересъ и въ 1762 г. поручила завѣдываніе постройкой Бецкому. Растрелли, не пользовавшагося особенной любовью императрицы, замѣнилъ Фельтенъ, работы котораго не могутъ соперничать широтой замысла съ несравненнымъ мастеромъ, но отличаются тонкимъ и изящнымъ вкусомъ.

Устраивая въ Смольномъ учебно-воспитательное заведеніе, Екатерина II не желала, однако, нарушать волю покойной императрицы. Она рѣшила учредить въ Смольномъ общину монахинь, но привлечь ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ учебно-воспитательному дѣлу. Предполагалось, что монахини будутъ, кромѣ административныхъ и церковныхъ обязанностей, исполнять обязанности сестеръ милосердія, воспитательницъ и даже учительницъ. По предписанію св. синода были выбраны монахини, по преимуществу дворянскаго происхожденія, умѣющія читать и писать, шить, прясть и вязать. 4-го августа 1764 года была освящена церковь св. Екатерины и помѣщеніе воспитательнаго общества. Торжество сопровождалось 101 выстрѣломъ изъ пушки и параднымъ обѣдомъ.

Вслѣдствіе недостаточной освѣдомленности русскаго общества и недовѣрія къ новому учебному заведенію, а отчасти и въ силу нераспорядительности управленія воспитательнаго общества, къ предположенному сроку пріема, 28-го іюня 1764 г., было доставлено только 16 дѣвочекъ. И лишь къ 9-му іюля слѣдующаго года была представлена 71 дѣвочка, изъ которыхъ былъ принятъ установленный уставомъ комплектъ въ 50 дѣтей. Изъ этого числа семь воспитанницъ принадлежали къ высшему обществу, большинство къ среднему дворянскому, чиновному и офицерскому кругу, но были и дочери придворныхъ служителей.

На ряду съ училищемъ для благородныхъ дѣвицъ, по докладу

Бецкого, утвержденному 31-го января 1765 г., было учреждено „училище для малолѣтнихъ дѣвушекъ“, для дѣтей не дворянскаго происхожденія. Программа преподаванія и воспитанія въ этомъ училищѣ мало отличалась отъ курса, предположеннаго для отдѣленія для благородныхъ дѣвицъ. При пріемѣ каждой дѣвочки вносилось 50 рублей, а при выпускѣ вся сумма денегъ съ процентами за двѣнадцать лѣтъ должна была дѣлиться поровну между оканчивающими курсъ. Къ каждой части, назначенной служить приданымъ, присоединялись деньги, вырученныя отъ продажи рукодѣлій или предметовъ искусства, сработанныхъ дѣвушкой. По окончаніи курса, въ случаѣ желанія или нужды, дѣвушки могли оставаться еще три года при училищѣ, получая помѣщеніе, дрова и свѣчи и имѣя возможность сбывать свои издѣлія. Большинство дѣвочекъ, представленныхъ къ первому пріему въ училище, были дѣти придворныхъ служителей, офицеровъ арміи, солдатъ лейбъ-гвардіи, купцовъ, ремесленниковъ и даже крѣпостныхъ; требовалось только представленіе отпускной для дѣвочки. Такъ какъ постройка зданій подвигалась медленно, то временно воспитанницы училища были помѣщены въ зданіи воспитательнаго общества. Фундаментъ дома для училища былъ заложенъ только къ веснѣ 1767 года, между тѣмъ въ 1770 г., когда долженъ былъ произойти третій пріемъ въ оба отдѣленія, дальнѣйшее существованіе ихъ въ одномъ зданіи стало бы совершенно невозможнымъ. Поэтому прилагались всѣ усилія, чтобы ускорить работы, и ассигнованія отпускались щедро и безъ замедленій. Къ концу 1769 г. необходимыя для воспитательнаго общества и училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ строительныя работы были закончены. Завершеніе постройки собора и возведеніе колокольни рѣшено было отложить.

Постепенно интересъ общества къ новымъ учебнымъ заведеніямъ возрасталъ и число кандидатовъ увеличилось. Для воспитательнаго общества стало, поэтому, возможно строго соблюдать правило о пріемѣ исключительно дѣтей дворянскаго происхожденія. Составъ другого отдѣленія оставался по прежнему смѣшаннымъ.

Императрица продолжала относиться съ большимъ вниманіемъ къ Смольному. Начиная съ 1766 г. она стала помѣщать своихъ пансіонерокъ, большей частью сиротъ и дочерей убитыхъ на войнѣ офицеровъ, сверхъ комплекта, за счетъ кабинета, въ первый годъ по три дѣвочки въ каждое отдѣленіе, впослѣдствіи больше. Въ 1770 г. былъ установленъ отпускъ суммъ изъ кабинета за пансіонерокъ воспитательнаго общества и училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ по 300

и по 100 р. въ годъ. Примѣру императрицы послѣдовалъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ, сообщившій въ 1773 г. особымъ рескриптомъ на имя Бецкого о желаніи взять на свое иждивеніе содержаніе части воспитанницъ пріема 1773 и 1776 гг. Съ большой готовностью жертвовалъ на содержаніе воспитанницъ Бецкой, въ особенности до 1787 г., когда средства его значительно сократились. Въ это же время гофмейстерина Е. К. Штакельбергъ завѣщала обществу капиталъ на содержаніе бѣдныхъ дѣтей лифляндскаго дворянства. Были основаны стипендіи также княземъ Г. Г. Орловымъ, Демидовымъ и др. Проводить въ жизнь прекрасныя программы и статьи устава, проникнутыя характерной для „философскаго" вѣка отвлеченностью и идеализмомъ, пришлось второй начальницѣ воспитательнаго общества, де Лафонъ, такъ какъ княгиня Долгорукова оказалась неподготовленной къ выполненію поставленной обществу задачи и 16-го апрѣля 1768 г. была, по ея прошенію, уволена отъ должности. Однако де Лафонъ была утверждена въ должности начальницы только въ январѣ 1773 г. Повидимому, къ ней еще приглядывались и не рѣшались назначить ее на такое видное и отвѣтственное мѣсто. Но де Лафонъ вполнѣ завоевала довѣріе императрицы и Бецкого и преданность своихъ воспитанницъ. Въ это наиболѣе важное время созиданія воспитательнаго общества она сумѣла не только превосходно поставить учебную и хозяйственную часть заведенія, но и взять въ свои руки всю внутреннюю жизнь Смольнаго и съ большимъ тактомъ управлять ею. Обладая рѣдкимъ даромъ пониманія людей и умѣнія къ нимъ подойти, де Лафонъ умѣла, внимательно выбирая себѣ сотрудниковъ, объединять и направлять ихъ работу на общую пользу. Духъ гуманности проникалъ всю дѣятельность общества. „En daignant se rapprocher de l'enfance, писала о ней воспитанница Смольнаго Ржевская, et l'exciter même à la traiter d'égale, elle çut conserver cet ascendant, que la Majesté du trône et le pouvoir même ne peuvent inspirer à des coeurs libres".

О развитіи природныхъ дарованій воспитанницъ заботились очень тщательно, обращая вниманіе въ особенности на образованіе характера и чистоту воображенія. Въ этомъ отношеніи смолянки были поставлены въ особо благопріятныя условія. Воспитанницы вращались въ избранномъ обществѣ людей прекрасно воспитанныхъ, любезныхъ и образованныхъ. Отъ воспитанницъ старательно устранялось все, что могло вліять на нихъ въ нежелательномъ направленіи, какъ въ нравственномъ, такъ и эстетическомъ отношеніи. По уставу предпи-

сывалось даже не терять дѣтей изъ виду, „дабы онѣ, по елику возможно, съ служанками однѣ не оставались, съ которыми и разговоровъ имѣть не должно“. Даже отъ швейцара особая инструкція требовала „учтивости, пріятности, благопристойности, правды и совѣстныхъ поступковъ“... Все было направлено къ тому, чтобы окружить воспитанницъ самой радужной атмосферой беззаботности и жизнерадостности. Надзирательницамъ вмѣнялось въ обязанность не допускать въ дѣтяхъ скуки, унынія и задумчивости и удалять отъ нихъ все, что могло бы создать такое настроеніе. Предписывалось не показывать имъ собственныхъ огорченій и заботъ, чтобы не омрачать видомъ житейскихъ невзгодъ ихъ безоблачнаго существованія. Въ обществѣ должны были царить непринужденная веселость, любезность и привѣтливость. Наказаній предписывалось избѣгать, а примѣнять лишь увѣщанія провинившихся наединѣ или въ присутствіи другихъ. Въ видѣ исключенія иногда заставляли стоять на колѣняхъ во время обѣдни.

Преподаваніе вели учительницы, большей частью иностранки, такъ какъ хорошихъ учителей достать было трудно. Онѣ получали 250 р. жалованья въ годъ, столъ и квартиру. Среди русскихъ не было достаточно подготовленнаго учительскаго персонала. Первый русскій учитель поступилъ въ 1772 г. и нѣсколько лѣтъ былъ единственнымъ. Впрочемъ, сама Екатерина II и Бецкой считали такой порядокъ временной необходимостью. Пріисканіе учительницъ за границей также было дѣломъ не легкимъ. Такъ, напримѣръ, генералъ Бюлау, по порученію императрицы, пріискалъ для общества нѣсколько учительницъ въ Женевѣ, но совѣтъ города не разрѣшилъ имъ отправиться въ Россію.

Монахини, выписанныя изъ разныхъ монастырей Россіи въ Смольный, не сумѣли выполнить того, чего отъ нихъ ожидали. Большинство изъ нихъ тяготилось непривычными обязанностями, исполняло ихъ неохотно и неумѣло и не могло проникнуться идеями Бецкого и де Лафонъ и попадать въ тонъ съ ними. Постепенно вытѣсняемыя, онѣ мало по малу вышли изъ круга общей жизни воспитательнаго общества и жили совершенно особнякомъ.

Преподаваніе въ Смольномъ, согласно принципу Бецкого „учить дѣтей играючи“, имѣло характеръ бесѣдъ, въ которыхъ учительницамъ предлагалось считаться съ свойствами характера и способностями воспитанницъ и постоянно поддерживать въ нихъ живой интересъ, не вызывая ни утомленія, ни скуки. Въ противовѣсъ этому,

однако, производились періодическія испытанія, носившія частью характеръ репетицій, частью офиціальныхъ экзаменовъ. Съ особенной тщательностью и вниманіемъ были произведены въ 1771 г. экзамены третьему, старшему въ то время, возрасту. Они были испытаніемъ не только воспитанницамъ, но учителямъ и всей педагогической системѣ Смольнаго. Предварительно де Лафонъ и надзирательницами были составлены и представлены совѣту „описанія персональнаго характера" и способностей каждой воспитанницы. Воспитанницы въ торжественной обстановкѣ, въ присутствіи всего состава общества, были „свидѣтельствованы въ чтеніи и писаніи россійскомъ и французскомъ, нѣкоторыя же и въ письменномъ на обоихъ сихъ языкахъ сочиненіи; въ первыхъ частяхъ ариѳметики; въ исторіи; въ географіи и въ изъясненіи на глобусѣ принадлежащихъ къ практическому знанію разныхъ задачъ; въ рисованіи, просто съ представленныхъ образцовъ, а нѣкоторыя въ родѣ цвѣтовъ и по собственному вымыслу своему; въ черченіи архитектурныхъ рисунковъ; въ музыкѣ вокальной и инструментальной; въ скульптурѣ и токарныхъ художествахъ; въ разныхъ женскому полу свойственныхъ рукодѣліяхъ, во всѣхъ частяхъ домоводства а сверхъ того наипаче Тройце-Сергіевскія пустыни отцомъ архимандритомъ Іосифомъ самимъ катехизованы въ догматахъ православія греко-россійскія вѣры". Рисунки воспитанницъ подвергались оцѣнкѣ профессоровъ академіи художествъ. Совѣтъ воспитательнаго общества съ одобреніемъ отозвался объ успѣхахъ воспитанницъ и призналъ, что многія изъ нихъ заслуживаютъ знака отличія, установленнаго въ 1771 г. Государыней: для третьяго возраста ленты сѣраго цвѣта съ серебромъ, а для четвертаго бѣлой съ золотомъ. Эта награда должна была даваться не болѣе, какъ четыремъ воспитанницамъ на возрастъ. Кромѣ этихъ „знаковъ отмѣнъ", воспитанницамъ, отличившимся въ рисованіи, художествахъ и рукодѣліяхъ давались въ награду книги, серебряные карандаши, наперстки, ножницы и проч. Въ концѣ учебнаго года устраивалась выставка для обозрѣнія работъ воспитанницъ. Наглядньмъ показателемъ такихъ занятій является, напримѣръ, географическій атласъ, который исполненъ воспитанницами перваго пріема и хранится теперь въ музеѣ Императорскаго воспитательнаго общества. Образецъ токарнаго искусства смолянокъ, изящная вещица изъ слоновой кости, долго хранилась въ семействѣ Джона Говарда, посѣтившаго Смольный въ 1781 г.

Ежедневная жизнь воспитанницъ отличалась большой простотой и была подчинена педагогическимъ идеямъ того времени. О чистотѣ

и гигіенѣ, вентиляціи и нормальной температурѣ заботились очень тщательно. Постели были не слишкомъ мягкія, время сна было опредѣлено уставомъ, для перваго возраста—9 часовъ, для второго—8, для третьяго—7 и для четвертаго—6. Скоро однако время сна для старшихъ классовъ было увеличено. Воспитанницы вставали рано, долго умывались подъ наблюденіемъ надзирательницъ. Послѣ общей утренней молитвы, съ 7 часовъ утра начинались занятія и продолжались до 11. Затѣмъ уроки возобновлялись съ 2 до 4 часовъ дня. Перерывы посвящались физическимъ упражненіямъ, играмъ и прогулкамъ. Были устроены кегли, качели, зимой ледяныя горы. Въ саду, объ украшеніи котораго много заботились, былъ прудъ для купанья воспитанницъ.

Чтеніе книгъ въ свободное время происходило подъ руководствомъ наставницъ. Это были преимущественно книги нравоучительнаго и историческаго характера, главнымъ образомъ на французскомъ языкѣ. Впрочемъ, въ Смольномъ получались „французскіе, утрехтскіе, санктпетербургскіе, россійскіе и нѣмецкіе вѣдомости".

Столъ въ Смольномъ былъ простой и здоровый. Старались сдѣлать питаніе возможно болѣе естественнымъ. Ѣли мясо и овощи, пили только молоко и воду, какъ самый здоровый напитокъ, „который химики называютъ блаженнымъ". Чай, кофе и шоколадъ считали нежелательнымъ употреблять въ молодые годы. Сервировка стола была также очень умѣренная.

Платья въ учебные дни были просты и свободны, шились изъ „камлота", который выписывался изъ Англіи. Каждый возрастъ носилъ платье особаго цвѣта: первый коричневаго, второй — голубого, третій—сѣраго, четвертый—бѣлаго. Въ воскресные и праздничные дни полагалось носить шелковыя платья тѣхъ же цвѣтовъ. Три младшіе возраста носили бѣлые передники, старшій—зеленые шелковые. Пансіонерки Государыни носили зеленыя платья съ бѣлыми передниками. Кромѣ того воспитанницамъ обоихъ отдѣленій выдавались шпильки, булавки, гребни, перчатки и т. д.

Стипендіатки Цесаревича, Демидова, Бецкого, Салтыкова носили на шеѣ ленточки разныхъ цвѣтовъ.

Своихъ родителей воспитанницы видѣли весьма рѣдко. Домой изъ Смольнаго онѣ не отпускались никогда за все время пребыванія въ институтѣ. Даже при посѣщеніи родителями монастыря свиданія были весьма кратки и, по словамъ Н. П. Черепнина, „происходили въ обстановкѣ, исключавшей возможность продолжительныхъ и откровен-

ныхъ разговоровъ". Такъ понимали назначеніе закрытыхъ учебныхъ заведеній Императрица и Бецкой. „Чтобы воспитаніе дѣвицъ съ надлежащимъ порядкомъ всегда происходило, говорилось въ уставѣ общества, и отнюдь бы ни въ чемъ препятствуемо не было въ разсужденіи обученія и протчихъ упражненій; то для сего родители посѣщать ихъ могутъ только въ назначенные дни съ позволенія госпожи начальницы, въ присутствіи самой, или которой-нибудь изъ подчиненныхъ ей".

Считая необходимымъ удалять дѣтей отъ вліянія ихъ семьи, уставъ предписывалъ, однако, не держать ихъ вдали отъ общества: „Для большей привычки къ честному обхожденію, то-есть придать дѣвицамъ надлежащую и приличную смѣлость въ поведеніяхъ, необходимо установить должно въ семъ обществѣ по праздничнымъ или по воскреснымъ днямъ собранія для пріѣзжающихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ людей съ дозволенія госпожи начальницы. Сіи собранія назначены будутъ, одно для концерта дѣвицами составленнаго, другое для какой ни есть драмматической, или пасторальной игры, имижъ представляемой, а третіе для обыкновенныхъ собраній". Особенно торжественныя собранія устраивались въ воспитательномъ обществѣ при окончаніи учебнаго года, которое старались пріурочить къ 21-му апрѣля, дню рожденія Императрицы. На это собраніе съѣзжался Дворъ, иностранные послы, знатное дворянство, высшіе военные и гражданскіе чины. Въ торжественной обстановкѣ, въ большомъ залѣ Смольнаго, воспитанницы показывали почетнымъ гостямъ свое искусство въ музыкѣ, пѣніи и танцахъ. Затѣмъ происходило торжественное засѣданіе совѣта, послѣ котораго избранныя воспитанницы подходили къ столу и произносили рѣчи на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ. Наконецъ, объявлялись имена отличившихся воспитанницъ и выдавались награды, банты съ серебряными и золотыми полосами.

Кромѣ этого торжественнаго дня акта, въ Смольномъ устраивались балы, спектакли и маскарады, причемъ во время ужина воспитанницы играли роль хозяекъ. На эти празднества приглашались, кромѣ почетныхъ гостей, кадеты Шляхетнаго корпуса. Въ свою очередь воспитанницы Смольнаго посѣщали празднества, которыя устраивались кадетами, и вечера у директора корпуса, ген. Пурпура. У Бецкого обычно встрѣчали новый годъ смолянки старшаго возраста. Иногда воспитанницы, въ сопровожденіи де-Лафонъ принимали участіе въ великосвѣтскихъ гуляньяхъ въ Лѣтнемъ саду, бывали на спек-

такляхъ въ эрмитажномъ театрѣ, на придворныхъ маскарадахъ и балахъ, осматривали дворцы въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ и т. д. Особенно богатъ былъ праздниками 1775 годъ, по случаю заключенія мира съ Турціей.

Воспитанницы присутствовали на великолѣпныхъ празднествахъ у Бецкого, въ Смольномъ, въ Шляхетномъ корпусѣ, Академіи Художествъ, съ гуляньями въ саду, прогулками по рѣкѣ, балетомъ, музыкой и спектаклями. Въ день тезоименитства Императрицы въ Смольномъ былъ устроенъ концертъ и спектакль, играли комедію Детуша „L'ambitieux et l'indiscret" и танцовали „прекрасный характерный балетъ". Въ томъ же году по случаю возвращенія Императрицы изъ Москвы въ Смольномъ былъ устроенъ праздникъ, на которомъ присутствовала Государыня. Была представлена еще разъ та же комедія Детуша и комическая опера „Le jardinier supposé", сопровождаемая хороводами и танцами. 2-го января 1776 года Императрица посѣтила Смольный, гдѣ въ ея присутствіи воспитанницами была разыграна комедія Вольтера „L'indiscret" и комическая опера „Le sorcier". Въ заключеніе былъ данъ водевиль „Le coq du village", въ которомъ участвовали воспитанницы младшаго возраста. Такіе же вечера Императрица посѣтила 12-го января и 12-го февраля того же года. Екатерина II удѣляла большое вниманіе спектаклямъ воспитанницъ и придавала имъ особое значеніе, считая, что театръ имѣетъ большое образовательное и воспитательное значеніе. Такое отношеніе Императрицы и частые придворные спектакли породили въ высшемъ обществѣ Петербурга настоящую моду на спектакли. Знатныя лица устраивали собственныя труппы, многіе представители высшаго общества брали уроки пѣнія и драматическаго искусства.

Для небольшихъ спектаклей въ Смольномъ была приспособлена особая круглая комната, стѣны которой „были расписаны деревьями въ видѣ ландшафта". Парадные спектакли происходили въ большомъ залѣ, гдѣ для этой цѣли устраивалась сцена и устанавливались декораціи. Въ 1776 г. въ помѣщеніяхъ Смольнаго былъ устроенъ постоянный театръ, на что было отпущено 15.000 р. Театральный залъ въ два свѣта заключалъ обширную сцену, партеръ, амфитеатръ и ложи. Залъ былъ устланъ войлочнымъ ковромъ и украшенъ гипсовыми изображеніями. Въ 1781 г. театръ былъ передѣланъ по проекту придворнаго архитектора. Театральные костюмы дѣлались у портныхъ придворнаго театра и на заказы не скупились. Иногда, кромѣ того, костюмы выдавались изъ придворнаго театра. Декораціи

писали „живописнаго дѣла мастера“ Бѣльскій, Кирмовъ и Францъ Бекарій. При нихъ состояли „для пріобученія тому искусству“ ученики академіи художествъ. Воспитанницъ приготовляли и обучали ихъ ролямъ танцмейстеръ Нѣдеинъ (Neudin) и его жена, учитель музыки І. Лауни, М. Буини, Ж. Францисканіо, А. Сапіенца, капельмейстеръ придворнаго оркестра Венченцо Мартини, артисты Императорскаго театра Дмитревскій, Поповъ и Брошаръ и французскія артистки Добрекуръ и Лессажъ.

Вообще воспитанницы Смольнаго не могли пожаловаться на скуку и однообразіе жизни. Устраивались катанья въ придворныхъ экипажахъ на ледяныя горы и катокъ, на качели, прогулки въ шлюпкахъ. Приглашались фокусники, устраивались концерты. По воскресеньямъ, послѣ обѣда, воспитанницы танцовали въ присутствіи родителей и почетныхъ гостей, которые сидѣли за балюстрадой. Это были иногда настоящіе балеты, которыми руководили знаменитый балетмейстеръ Ланде и балерина Лантини. Екатерина относилась очень внимательно къ Смольному, въ особенности на первыхъ порахъ, когда она входила охотно во всѣ подробности жизни воспитательнаго общества и посѣщала его то торжественно съ большой свитой, то запросто. Императрица любила подолгу оставаться у де-Лафонъ. Сюда приглашались также и воспитанницы старшихъ возрастовъ, съ которыми Государыня вела оживленныя бесѣды и часто оставалась съ ними обѣдать. Императрица держала себя съ ними непринужденно, умѣла съ ними говорить, смѣяться и играть, позволяла имъ писать ей письма, вызывая ихъ на откровенность и поощряя сообщать все, что придетъ имъ въ голову. Сама она охотно поддерживала съ ними переписку, обращаясь то къ отдѣльнымъ воспитанницамъ, то къ цѣлому классу.

По примѣру императрицы посѣщали Смольный и цесаревичъ Павелъ Петровичъ и другія высокія особы. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Смольный посѣщали принцъ Генрихъ Прусскій, братъ крымскаго хана Калга Султанъ, принцъ и ландграфиня Гессенъ-Дармштадтскіе съ дочерьми, наслѣдный принцъ Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ, австрійскій императоръ, король шведскій Густавъ III, письмо котораго къ воспитанницамъ хранится въ музеѣ Смольнаго, и множество знатныхъ и извѣстныхъ иностранцевъ, прежде всего Дидро въ 1773 г., Корберонъ въ 1776 г. и Джонъ Говардъ въ 1781 г.

Въ 1776 г. наступилъ срокъ перваго выпуска. Заботясь о матеріальномъ благосостояніи оканчивающихъ воспитанницъ, императрица

въ январѣ этого года обратилась къ Бецкому съ рескриптомъ, которымъ жаловала изъ кабинета 100.000 р. на приданое неимущимъ дѣвушкамъ. Для этого были тщательно собраны свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи воспитанницъ. Въ началѣ апрѣля совѣтъ общества постановилъ „учредить по примѣру прочихъ воспитываемыхъ мѣстъ медали для удостоивающихся носить бѣлыя ленты съ золотыми полосами, золотыя; для получающихъ сѣрыя ленты, серебряныя; у коихъ съ тремя полосками, тѣмъ большой, съ двумя средней, а съ одной меньшей величины". Императрица, вслѣдствіе этого, повелѣла установить особые золотые знаки съ собственными ея вензелями для шести воспитанницъ, заслуживающихъ этой награды „чрезъ воспитаніе и пріобрѣтенное въ наукахъ знаніе". Первымъ двумъ воспитанницамъ полагалось носить знаки съ тремя золотыми полосками, слѣдующимъ—съ двумя и третьимъ—съ одной.

День акта 30-го апрѣля не отличался большой пышностью, такъ какъ императрица на немъ не присутствовала по причинѣ недавней смерти великой княгини Наталіи Алексѣевны.

Послѣ раздачи наградъ младшимъ воспитанницамъ было прочитано, въ присутствіи большого количества публики, опредѣленіе совѣта о присужденіи аттестатовъ объ успѣшномъ окончаніи курса, были оглашены имена медальерокъ, и де Лафонъ, вставъ съ своего мѣста, торжественно, отъ имени Ея Величества, приколола первымъ восьми выпускнымъ шифры, присланные императрицей. Все собраніе выслушало это стоя. Три воспитанницы, Алымова, Рубановская и Нелидова, произнесли благодарственныя рѣчи на французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Засѣданіе закончилось чтеніемъ письма Екатерины къ Бецкому о пожалованіи ею на вѣчныя времена ста тысячъ рублей, проценты съ которыхъ назначены были на вспомоществованіе „благородныхъ дѣвицъ безродныхъ и пріобрѣтшихъ достоинство чрезъ воспитаніе". Эти деньги были положены въ сохранную казну при С.-Петербургскомъ воспитательномъ домѣ и изъ ежегодныхъ процентовъ съ нихъ, т. е. изъ 6.000 р., 1.775 р. по волѣ императрицы были опредѣлены на пособія недостаточнымъ, а 4.225 р. „къ вящему поощренію дарованій" были назначены на пособія лучшимъ воспитанницамъ. Получившимъ первые пять шифровъ было назначено по 250 р., остальнымъ по 225 р., получившимъ медали—первымъ четыремъ по 150 р., вторымъ по 125 р. и третьимъ по 100 р.

Пять воспитанницъ общества перваго выпуска императрица взяла ко двору въ качествѣ фрейлинъ. Это были Г. И. Алымова, Е. И. Мол-

чанова, А. П. Левшина, Н. С. Борщова и Е. И. Нелидова. Екатерина заказала знаменитому Левицкому портреты своихъ любимицъ въ тѣхъ костюмахъ, въ которыхъ онѣ участвовали въ спектакляхъ. Портретъ Нелидовой былъ написанъ Левицкимъ еще за три года до выпуска. Изъ перваго выпуска училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ четыре были взяты ко Двору въ качествѣ камеръ-юнгферъ. Совѣтъ воспитательнаго общества всегда внимательно заботился о бывшихъ воспитанницахъ Смольнаго обоихъ отдѣленій и иногда весьма энергично вступался за ихъ права, въ случаѣ какой либо обиды. Такіе случаи бывали, напримѣръ, въ попыткахъ нарушенія Высочайше дарованной училищу для малолѣтнихъ дѣвушекъ привилегіи, согласно которой крѣпостной, женившійся на бывшей воспитанницѣ, становился вольнымъ.

Въ 1779 году состоялся второй, а въ 1782 г. третій выпускъ воспитанницъ Смольнаго.

Императрица по прежнему милостиво относилась къ Смольному, охотно посѣщала монастырь и внимательно слѣдила за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла и хозяйственной частью. Но императрицу уже не вполнѣ удовлетворяло состояніе созданнаго ею учрежденія. Мало по малу отношеніе Екатерины къ системѣ Бецкого измѣнилось. На живой умъ государыни, не удовлетворявшійся достигнутыми результатами, можетъ быть, вліяли новыя теченія педагогической мысли на западѣ и идеи Новикова, Шварца и Радищева въ Россіи. Къ тому же императрица постепенно разошлась съ Бецкимъ и перестала раздѣлять его мнѣнія. Бецкой, однако, продолжалъ пользоваться милостями императрицы, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ. Но въ 1780 г., когда Бецкой ослѣпъ и началъ видимо дряхлѣть, его сотрудничество стало для императрицы тягостно, и Екатерина въ своихъ сношеніяхъ съ воспитательнымъ обществомъ стала пользоваться посредничествомъ Завадовскаго, который съ 1776 г. состоялъ членомъ совѣта.

Такъ какъ возникло убѣжденіе, что въ воспитательномъ обществѣ далеко не все такъ хорошо идетъ, какъ это казалось, то императрица рѣшила поручить „Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ" подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго обслѣдовать положеніе учебной части Смольнаго и выработать мѣры для ея улучшенія.

Въ эту комиссію, образованную Высочайшимъ указомъ 7-го сентября 1782 г., съ цѣлью осуществленія въ Россіи народнаго образованія, по системѣ существовавшей въ это время въ Австріи, были назначены, по предложенію Завадовскаго, Ф. И. Эпинусъ, бывшій пре-

подаватель при цесаревичѣ, П. И. Пастуховъ и Ѳ. И. Янковичъ де Миріево, рекомендованный императоромъ Іосифомъ II, какъ человѣкъ, уже потрудившійся въ дѣлѣ устроенія народнаго образованія въ Австріи.

Реформа учебнаго дѣла въ Смольномъ была возложена на комиссію почти черезъ полгода послѣ ея образованія. Занявшись прежде всего выясненіемъ положенія учебной части въ Смольномъ, комиссія обратила вниманіе на „весьма недостаточное знаніе языковъ иностранныхъ, а особливо своего Россійскаго“. Даже выпускныя воспитанницы, какъ оказалось, „едва могутъ изъясняться вразумительно о вещахъ простѣйшихъ и употребительнѣйшихъ, а большая часть изъ мѣщанскихъ не умѣютъ даже написать правильно своего имени“. Причину неуспѣха воспитанницъ комиссія видѣла въ недостаткахъ учебнаго персонала. Учителя и учительницы, „принимаемые безъ должныя осторожности и испытанія“, вели преподаваніе каждый по своему, пользовались неудовлетворительными учебниками и не обнаруживали яснаго пониманія того, что требовалось отъ ихъ дѣятельности. Русскому языку отводилось гораздо меньше времени, чѣмъ иностраннымъ. Воспитанницы, окруженныя иностранками, не имѣли никакой практики для примѣненія родного языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, недостаточно усвоивъ французскій языкъ, въ особенности въ младшихъ возрастахъ, дѣвочки часто плохо понимаютъ и запоминаютъ исторію, географію, физику и другіе предметы, преподаваніе которыхъ велось по французски. Комиссія указывала на недостатокъ дисциплины въ Смольномъ и отсутствіе строгаго порядка дня, какъ на условія, которыя препятствовали правильной постановкѣ учебнаго дѣла и мѣшали воспитанницамъ усвоить себѣ привычки серьезнаго труда.

Этотъ приговоръ распространялся на большинство учебныхъ заведеній того времени, и комиссія признала даже необходимымъ закрыть цѣлый рядъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, „дабы дѣти къ потерѣ своего времени и къ напрасному родителей и родственниковъ своихъ убытку не отвлекалися оными болѣе“. Но относительно Смольнаго этотъ приговоръ былъ болѣе суровъ, чѣмъ слѣдовало бы по справедливости. Комиссія Завадовскаго была пристрастна къ этому дѣтищу Бецкого.

Для устраненія обнаруженныхъ недостатковъ, комиссія признала нужнымъ вести въ Смольномъ преподаваніе всѣхъ „словесныхъ предметовъ“ на русскомъ языкѣ и составить болѣе подходящій комплектъ учителей. Янковичу де Миріево было поручено составить распредѣ-

леніе предметовъ, положенныхъ по уставу, по возрастамъ, днямъ и часамъ.

Методы преподаванія должны были быть во всемъ „сходственны съ употребляемыми въ училищахъ народныхъ". Тому же Янковичу комиссія поручила „составить краткое начертаніе, въ которомъ для учителей сего общества преднаписать сперва вообще, въ чемъ оный способъ состоитъ и какія его выгоды; а потомъ какъ каждому изъ нихъ оный при преподаваніи науки своей употреблять".

8-го апрѣля Янковичъ представилъ комиссіи свои проекты, комиссія ихъ одобрила, и 10-го апрѣля послѣдовало Высочайшее ихъ утвержденіе. Такимъ образомъ, въ двѣ недѣли было произведено обслѣдованіе положенія учебной части въ Смольномъ, выяснены его недостатки, установлены ихъ причины, выработанъ планъ учебной реформы, одобренъ комиссіей и утвержденъ императрицей.

Въ изданномъ для воспитательнаго общества наставленіи была оставлена система обученія путемъ бесѣды учителя съ воспитанницами, но это собесѣдованіе должно вестись не съ отдѣльными группами воспитанницъ, а съ цѣлымъ классомъ. Ученіе должно было быть поставлено такъ, чтобы возбуждать вниманіе и укрѣплять память. Для этой цѣли служили таблицы, которыя должны были не позволять учителю отклоняться въ своемъ преподаваніи отъ строгой послѣдовательности и тѣмъ самымъ развивать разсудокъ воспитанницъ, пріучая ихъ къ логическому мышленію. При объясненіяхъ рекомендовалось пользоваться болѣе наглядными, чѣмъ отвлеченными доказательствами. Такъ, при изученіи физики совѣтовалось пользоваться опытами, при преподаваніи естественной исторіи прибѣгать къ помощи коллекцій и картинъ. На классныя занятія отводилось не болѣе пяти часовъ въ день, остальное время посвящалось домоводству, рукодѣліямъ и т. п. „женскому полу свойственному".

Въ первомъ возрастѣ полагалось имѣть всего 21 учебный часъ въ первые два года и 22 въ третій годъ. Предметы преподаванія были: краткій катехизисъ, чтеніе и письмо на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и рисованіе. Во второмъ возрастѣ полагалось 25 учебныхъ часовъ въ недѣлю, которые были посвящены Закону Божію, русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, чистописанію, исторіи, географіи, хронологіи, миѳологіи, ариѳметикѣ и рисованію. Въ третьемъ возрастѣ было установлено 23 урока въ недѣлю и четыре часа музыки и танцевъ. Изъ учебныхъ предметовъ прибавлялась физика и естественная исторія. Въ четвертомъ возрастѣ уста-

навливалось 24 урока и прибавлялась геометрія и архитектура. По субботамъ во всѣхъ классахъ должны были происходить „бесѣды“ по поводу пройденнаго за недѣлю.

10-го апрѣля императрицей было утверждено положеніе о штатѣ преподавателей и о распредѣленіи учебныхъ предметовъ. Учителей было рѣшено имѣть 17, въ томъ числѣ двухъ преподавателей рисованія, двухъ танцмейстеровъ и трехъ учителей музыки. Число надзирательницъ и учительницъ было сокращено изъ 39 до 22, такъ какъ учительскія обязанности были у нихъ отняты и за ними было оставлено только наблюденіе за поведеніемъ ученицъ и обученіе ихъ рукодѣліямъ.

15-го апрѣля Завадовскій послалъ Бецкому утвержденный императрицей планъ учебной реформы. Бецкой передалъ его въ совѣтъ воспитательнаго общества, но, надѣясь еще убѣдить Екатерину въ превосходствѣ своей системы, онъ не торопился назначать засѣданіе совѣта. Только 2-го мая, послѣ того какъ наканунѣ Бецкой имѣлъ аудіенцію у императрицы и убѣдился въ полномъ нежеланіи ея согласиться съ его доводами, состоялось это засѣданіе, въ которомъ совѣтъ съ благодарностью принялъ все, выработанное комиссіей.

Незадолго передъ этимъ комиссія приступила къ выбору преподавателей, большинство которыхъ были назначены изъ учителей народныхъ училищъ.

Для большаго ручательства точности въ проведеніи реформы, комиссія назначила учителя Пахомова надзирателемъ, поставивъ его въ непосредственную зависимость отъ нея. Онъ долженъ былъ ежедневно посѣщать классы и слѣдить за учебной стороной заведенія, т. е. исполнять обязанности инспектора.

Въ мартѣ 1784 г. комиссія признала желательнымъ доказать публикѣ результаты энергичной ея дѣятельности. 22-го и 23-го марта состоялся публичный экзаменъ, на которомъ было установлено „примѣтное приращеніе успѣховъ, снисканныхъ воспитанницами со времени расположенія у нихъ обученія на языкѣ Россійскомъ“. Янковичъ де Миріево и преподаватели Смольнаго получили награды.

Первый выпускъ послѣ реформы былъ произведенъ въ 1785 г. Воспитанницы этого выпуска учились по новой системѣ только два года, поэтому совѣтъ воспитательнаго общества принужденъ былъ относиться къ нимъ съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ. Это былъ очень большой выпускъ, 89 воспитанницъ воспитательнаго общества и 58 училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ. Изъ числа первыхъ шесть вос-

питанницъ были удостоены шифровъ и восемнадцать медалей. По окончаніи экзаменовъ нѣкоторымъ дѣвушкамъ были выданы пособія, а двѣ взяты къ двору въ качествѣ фрейлинъ.

Выработанная въ комиссіи Завадовскаго система преподаванія въ Смольномъ не была проведена строго. Постепенно совѣтъ воспитательнаго общества возвратилъ себѣ свою былую независимость, и руководство комиссіи осталось лишь на бумагѣ. Были значительно сокращены программы исторіи и географіи, преподаваніе физики и итальянскаго языка остались прежними. Субботнія повторенія были отмѣнены. Всѣ эти отступленія объяснялись отчасти неподготовленностью и неспособностью учительскаго состава, отчасти и принципіальными несогласіями совѣта и преподавателей съ взглядами комиссіи. Поэтому положеніе Смольнаго въ моментъ смерти императрицы было весьма затруднительное, тѣмъ болѣе, что воспитательное общество испытывало серьезныя финансовыя затрудненія, изъ которыхъ самостоятельно выйти не было въ состояніи. Кончина императрицы тѣмъ больнѣе отозвалась въ Смольномъ, что онъ лишался своей основательницы и покровительницы, которая видѣла въ немъ, несмотря на колебанія въ педагогической политикѣ, всегда свое дѣтище и относилась къ нему съ неизмѣннымъ вниманіемъ и любовью. И слѣдуетъ признать безспорнымъ, что при Екатеринѣ Смольный вполнѣ оправдалъ надежды, которыя она на него возлагала. Отличавшаяся находчивой рѣчью, веселой непринужденностью, влеченіемъ къ изяществу и живымъ воображеніемъ, Екатерина хотѣла видѣть тѣ же черты и въ характерѣ воспитанницъ Смольнаго. Для женщины такого типа, смолянки знали вполнѣ достаточно. Большинство ихъ вступало въ жизнь съ живымъ и тонкимъ умомъ и развитымъ нравственнымъ чувствомъ. Онѣ любили и умѣли читать книги и многія изъ нихъ обладали даромъ красиво и образно выражать свои мысли. Отзывы современниковъ о Смольномъ очень пестры, но большинство безпристрастныхъ свидѣтельствъ — въ пользу этого учрежденія. „Cet établissement, писалъ Корберонъ, seroit superbe dans notre pays, mais il est trop fort pour celui-cy: c'est une goutte de vin dans un muid d'eau“. Можно считать ошибкой убѣжденіе Екатерины и Бецкого въ необходимости изоляціи воспитанницъ отъ вліянія семьи и вообще отъ жизни, но это было убѣжденіе передовой и лучшей части европейскаго общества того времени. И насколько можно судить по письмамъ, дневникамъ и инымъ слѣдамъ, оставленнымъ смолянками, онѣ всегда, какова бы ни была ихъ судьба, приносили съ собой въ окружающую ихъ среду высокій

нравственный складъ души и свѣтлые умственные интересы. И хотя онѣ, казалось, не были подготовлены къ жизни, и, можетъ быть, ея невзгоды и темныя стороны заставали ихъ врасплохъ и поражали сильнѣе, чѣмъ тѣхъ, кто сжился съ малыхъ лѣтъ съ уродливыми моментами жизни, все же, повидимому, чистота и благородство, привитыя къ ихъ сердцу, не только уцѣлѣли отъ этихъ испытаній, но даже нерѣдко озаряли свѣтлымъ отблескомъ и окружавшій ихъ полумракъ. Борьба ихъ была тяжелѣе, но за то и успѣхи ихъ были больше. И можетъ быть сердце, разбитое уродствомъ жизни, болѣе, чѣмъ приспособившееся къ нимъ, въ исторіи культуры и цѣнно и плодотворно.

Б. К.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

Проф. Н. М. Каринскій. Историческая Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ словарей, 2-хъ снимковъ съ славянскихъ азбукъ и 4-хъ снимковъ съ древнихъ рукописей. Петроградъ. Изданіе Я. Башмакова и К°. 1914. Стр. X+96+XVII. Цѣна 80 коп.

Между университетскимъ преподаваніемъ научныхъ дисциплинъ и учебными предметами средней школы существуетъ постоянная и естественная связь. Но наука иногда слишкомъ уходитъ впередъ, и учебные предметы, являющіеся ея отраженіемъ, мало-по-малу отъ нея отстаютъ. Бываютъ случаи, когда разстояніе между ними становится очень замѣтнымъ, и на учебномъ предметѣ появляется налетъ архаичности. Неизбѣжнымъ спутникомъ такой архаичности почти всегда бываетъ рутина, налагающая свою тяжелую руку на характеръ преподаванія этого учебнаго предмета и мѣшающая попыткамъ его обновленія. Подобное явленіе обнаружилось уже давно въ области преподаванія родного языка: въ университетѣ плодотворно разрабатывалась исторія и психологія языка, а средняя школа ограничивалась по прежнему изученіемъ грамматики, ничего общаго не имѣвшей ни съ исторіей, ни съ психологіей. Конечно, никто не станетъ отрицать необходимости преподаванія элементарно-практической грамматики въ младшемъ возрастѣ, но лишать среднюю школу возможности вырабатывать въ своихъ питомцахъ сознательное отношеніе къ явленіямъ родной рѣчи на почвѣ историческаго изученія языка значитъ не давать никакого представленія о жизни языка. Поэтому за по-

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

слѣднія десять лѣтъ начался походъ противъ схоластическаго преподаванія грамматики, и раздалась проповѣдь важности знакомства учащихся съ исторіей языка. Эта проповѣдь несомнѣнно имѣла теоретическій успѣхъ, но практическаго результата почти не дала за отсутствіемъ необходимыхъ пособій, которыя съ одной стороны показали бы широкимъ преподавательскимъ кругамъ педагогическую цѣнность новаго предмета, а съ другой намѣтили бы и общій характеръ занятій. Вотъ почему надо горячо привѣтствовать появленіе „Исторической хрестоматіи" проф. Н. М. Каринскаго. Авторъ ея не только ученый спеціалистъ, но и педагогъ-практикъ, преподававшій много лѣтъ курсъ русскаго языкознанія въ старшихъ классахъ петроградскихъ женскихъ институтовъ и нѣкоторыхъ женскихъ гимназій, гдѣ были сдѣланы попытки освѣжить изученіе родного языка въ историческомъ направленіи. Въ сущности, появившаяся только что „Хрестоматія" на правахъ рукописи въ литографированномъ видѣ обращалась уже въ теченіе пятнадцати лѣтъ, но въ продажу она не поступала и большинству преподавателей была неизвѣстна. И только теперь, вслѣдствіе интереса, „проявляемаго учащимися къ занятіямъ по русскому языкознанію, и постоянныхъ просьбъ преподавателей", авторъ рѣшился напечатать свою хрестоматію, сдѣлавши въ ней рядъ дополненій и измѣненій и тщательно провѣривъ тексты не только по изданіямъ, но, гдѣ оказалось возможнымъ, и по рукописямъ. Можно думать, что это счастливое рѣшеніе будетъ началомъ новой эры въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка.

Авторъ задался цѣлью въ своей хрестоматіи „наглядно представить исторію русскаго языка какъ литературнаго въ древній періодъ, такъ и народнаго въ важнѣйшихъ его говорахъ, а равно отношеніе русскаго языка къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ". Нужно признать, что цѣль эта оказалась блестяще достигнутой.

Въ *первой* части „Исторической Хрестоматіи" авторъ предлагаетъ 1) собственно древне-церковно-славянскіе тексты и тексты русскаго извода, важные для изученія древне-церковно-славянскаго языка (стр. 1—22); 2) отрывки изъ древне-русскихъ книгъ, въ которыхъ наблюдается смѣшеніе особенностей болѣе поздней эпохи языка съ особенностями оригиналовъ этихъ книгъ XI—XII вѣка (стр. 23—34); 3) отрывки изъ древне-русскихъ книгъ и грамотъ, важные для установленія діалектическихъ особенностей древне-русскаго языка (стр. 34—50).

Эта часть открывается древнѣйшимъ датированнымъ памятникомъ

славянской письменности, „надписью царя Самуила 993 года"; далѣе идутъ параллельные тексты Зографскаго, Саввина, Остромирова и Маріинскаго евангелій, отрывки изъ Остромирова евангелія, Ассеманова евангелія, Листковъ Ундольскаго, Кіевскіе Глаголическіе Отрывки, азбучная молитва Константина Болгарскаго, отрывки изъ древне-русскаго нотнаго кондакаря, изъ Святославовыхъ Изборниковъ и изъ Служебныхъ Миней 1095, 1096 и 1097 г.г. Такимъ образомъ, въ распоряженіи учащихся будетъ богатый матеріалъ для ознакомленія на памятникахъ съ древне-церковно-славянскимъ языкомъ, съ его фонетикой и морфологіей. Слѣдующіе за этими отрывками тексты: надпись на Тмутараканскомъ камнѣ, отрывки изъ Лаврентьевской лѣтописи, изъ поученія Владиміра Мономаха, изъ первой Новгородской лѣтописи, изъ Ипатьевской, изъ Слова о полку Игоря—даютъ учащимся возможность изучить главнѣйшія особенности древне-русскаго языка и, такъ сказать, почувствовать, пока еще слегка, наличность въ немъ говоровъ. Наконецъ, заключающіе эту часть отрывки изъ Московскаго евангелія 1393 г., изъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Запись Псковскаго Паремейника 1313 года, отрывки изъ Записи Псковскаго Апостола 1307 г., изъ Галицкаго евангелія XIII в., изъ Тяпинскаго евангелія, грамоты и нѣкоторые другіе памятники ознакомятъ уже близко съ особенностями главнѣйшихъ древне-русскихъ говоровъ.

Вторая часть (стр. 53—72) „Исторической Хрестоматіи" посвящена образцамъ современныхъ русскихъ говоровъ великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій. Тутъ учащіеся ознакомятся съ такимъ матеріаломъ, который позволитъ не только дать общую характеристику нашихъ нарѣчій, но и войти въ нѣкоторыя подробности, напримѣръ, увидѣть разницу между великорусскимъ сѣвернымъ и южнымъ поднарѣчіемъ, узнать, что въ сѣверномъ поднарѣчіи есть говоры окающіе и цокающіе, а въ южномъ умѣренно и сильно акающіе, замѣтить цокающіе и нецокающіе говоры бѣлорусскаго нарѣчія и т. д. Все это дастъ возможность учащимся отчетливо уяснить себѣ, что называется *русскимъ языкомъ*, и почувствовать живую связь между отдѣльными частями нашей родины.

Третья часть (стр. 75—96) занята текстами на славянскихъ нарѣчіяхъ. Эта часть открывается образцами церковнаго языка, древняго и новаго: тутъ есть памятники болгарскіе XII в. (Слѣпченскій Апостолъ и Погодинская Псалтырь), сербскій (Волканово Евангеліе), польскій (Флоріанская Псалтырь), чешскій (Виттенбергская Псалтырь),

есть параллельный текстъ изъ евангелія на древне-церковно-славянскомъ, на новомъ церковно-славянскомъ языкѣ, принятомъ въ русской церкви, на болгарскомъ языкѣ, на сербо-хорватскомъ, словинскомъ, чешскомъ, словацкомъ и польскомъ. Такое параллельное расположеніе однороднаго текста въ высшей степени важно въ учебномъ отношеніи: сходство и разница отдѣльныхъ славянскихъ языковъ почувствуются учащимися особенно ярко. Этимъ же педагогическимъ соображеніемъ обусловлено и помѣщеніе, наряду съ русскимъ текстомъ, переводовъ на болгарскій, сербскій, польскій и чешскій языки „Черкесской пѣсни“ Пушкина, которою начинается послѣдній отдѣлъ третьей части: „Образцы живыхъ славянскихъ нарѣчій“. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ того, находятся образцы болгарской, сербо-хорватской и польской словесности.

Послѣдняя часть книги, можно сказать, имѣетъ не только узкое школьное значеніе, но, благодаря современнымъ историческимъ событіямъ, пріобрѣтаетъ національный и государственный смыслъ, постольку, конечно, поскольку школа можетъ соприкасаться съ національными и государственными вопросами. Происходящая на нашихъ глазахъ борьба германскаго и славянскаго міровъ выдвинула снова задачу объединенія славянскаго міра. Объединеніе это диктуется не только политическими соображеніями, но и соображеніями культурно-историческими: братство славянъ прежде всего выражается въ ихъ языкѣ, который является поэтому съ одной стороны живымъ свидѣтелемъ стариннаго, близкаго и прочнаго родства отдѣльныхъ славянскихъ народностей, а съ другой—мощной силой, способной служить фундаментомъ для идейнаго объединенія. Въ данномъ случаѣ книга проф. Н. М. Каринскаго должна будетъ сыграть въ нашей школѣ видную роль; по игрѣ судьбы, предисловіе къ ней написано 19-го іюля 1914 г., наканунѣ великихъ событій, въ день объявленія намъ войны Германіей.

Къ хрестоматіи приложены три словаря—одинъ къ текстамъ, напечатаннымъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, другой—къ текстамъ, напечатаннымъ русскою гражданскою, а также болгарскою и сербскою азбуками, третій—къ текстамъ, напечатаннымъ латиницей. Словари эти вполнѣ достаточны для пониманія помѣщенныхъ отрывковъ. Хрестоматія оканчивается четырьмя прекрасно выполненными автотипіями: съ Остромирова Евангелія, съ древне-русской грамоты, съ Зографскаго глаголическаго Евангелія и съ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи.

Кромѣ того, къ хрестоматіи приложена въ отдѣльной обложкѣ съ особой пагинаціей брошюра „О преподаваніи русскаго языка въ VIII и педагогическихъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ". Эта небольшая брошюра въ 12 страницъ представляется намъ и интересной и важной. Въ ней проф. Н. М. Каринскій приводитъ программу преподаванія, выработанную имъ на практикѣ, и сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о характерѣ курса, указывая на пріемы, которыми онъ руководился при преподаваніи. Программа рисуется автору въ такомъ видѣ:

„1. Понятіе о языкѣ праиндоевропейскомъ и объ индоевропейской семьѣ языковъ.

2. Обще-славянскій праязыкъ и славянскія нарѣчія. Понятіе о русскомъ праязыкѣ.

3. Возникновеніе письменности у славянъ. Дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія. Эпоха царя Симеона.

4. Языкъ древне-церковно-славянскій, важнѣйшія его особенности и его мѣсто въ славянскомъ и русскомъ языкознаніи.

5. Вліяніе древне-церковно-славянской письменности на русскую.

6. Языкъ древне-русскій. Отличительныя его особенности въ сравненіи съ языкомъ древне-церковно-славянскимъ и отчасти съ другими славянскими нарѣчіями.

7. Важнѣйшія измѣненія русскаго языка въ продолженіе его исторіи.

8. Понятіе о современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и важнѣйшихъ говорахъ русскаго языка. Вопросъ о происхожденіи современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ.

9. Языкъ образованнаго русскаго общества и русскій литературный языкъ. Основные моменты въ развитіи русскаго литературнаго языка".

Эта программа указываетъ общій объемъ курса, который можетъ измѣняться въ ту или другую сторону въ зависимости отъ различныхъ условій: отъ количества часовъ, посвящаемыхъ русскому языкознанію, отъ способностей и интересовъ учениковъ даннаго класса, отъ типа даннаго учебнаго заведенія и т. д. Но, какъ бы то ни было, она позволяетъ сообщить ученикамъ ту сумму знаній о языкѣ, которыя необходимы для всякаго образованнаго человѣка. Что касается свѣдѣній о пріемахъ, которыми проф. Н. М. Каринскій пользовался при своемъ преподаваніи, то они, безъ сомнѣнія, окажутъ учащимъ большую методическую помощь: при новизнѣ дѣла такія свѣдѣнія

способны будутъ играть роль путеводителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не указать, что богатая матеріаломъ „Историческая хрестоматія“ проф. Н. М. Каринскаго въ значительной своей части связана съ тѣми памятниками, которые входятъ въ исторію литературы и народнаго творчества. Это позволитъ учителю многое изъ пройденнаго раньше освѣжить въ памяти учащихся и пополнить.

Часть текстовъ въ „Исторической Хрестоматіи“ появляется впервые въ печати: таковы, напримѣръ, отрывки изъ Московскаго Евангелія 1393 г., изъ Галицкаго Евангелія XIII в., изъ сказки, записанной въ Новоладожскомъ уѣздѣ Петроградской губ., изъ пѣсенъ, записанныхъ вблизи Псковскаго озера въ Гдовскомъ уѣздѣ.

Богатство и оригинальность содержанія, прекрасное расположеніе матеріала, образовательная и воспитательная цѣнность его—все это позволяетъ пожелать новой книгѣ проф. Н. М. Каринскаго самаго широкаго распространенія. Нужно надѣяться, что она найдетъ практическое примѣненіе не только въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ, но и въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя нуждаются въ освѣженіи программъ по русскому языку и въ старшихъ классахъ которыхъ введеніе историческаго курса по языку является настоятельной необходимостью.

Въ заключеніе позволю выразить пожеланіе увидѣть въ слѣдующемъ изданіи „Исторической Хрестоматіи“ нѣкоторые образцы русскаго литературнаго языка XVII и XVIII столѣтій, напримѣръ, изъ повѣстей XVII вѣка, изъ книгъ петровской эпохи, изъ произведеній такъ называемаго ломоносовскаго періода и изъ произведеній сентиментальной литературы. Нѣсколько небольшихъ отрывковъ дали бы возможность учащимся получить представленіе о *всѣхъ* основныхъ моментахъ въ развитіи русскаго литературнаго языка. Кромѣ того, полезно было бы приложить карту съ распредѣленіемъ славянскихъ народностей и говоровъ русскаго языка.

Н. Кульманъ.

**Луи Мегронъ.* Романтизмъ и нравы. Переводъ съ французскаго Т. Х. Предисловіе И. Игнатова. Книгоиздательство „Современныя Проблемы“. М. 1914. XI+468 стр. Цѣна 3 руб.

Интересъ къ романтизму въ послѣднее время замѣтно возрастаетъ: и за границей, и въ Россіи часто появляются изслѣдованія, посвященныя анализу любопытнаго литературнаго направленія. Къ числу послѣднихъ надо отнести сравнительно недавно вышедшую въ свѣтъ книгу Мегрона: „Романтизмъ и нравы“.

Имя Мегрона хорошо извѣстно русскимъ ученымъ, и ссылки на его старую работу: „Историческій романъ въ эпоху романтизма“ можно встрѣтить въ различныхъ монографіяхъ. Надо думать, что новый трудъ также привлечетъ къ себѣ вниманіе не только въ узкомъ кругу спеціалистовъ, но и въ разныхъ слояхъ общества: онъ любопытенъ и по темѣ, и по выполненію.

Въ своемъ предисловіи Мегронъ предупреждаетъ, что онъ будетъ говорить „не о литературѣ и не объ эстетикѣ, но о психологіи и объ исторіи“. Онъ поставилъ себѣ задачу прослѣдить „вліяніе романтизма на читателей романтическихъ произведеній“. Являясь отраженіемъ дѣйствительности, литература вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ желаніе пережить эту дѣйствительность; не создавая извѣстнаго психологическаго состоянія, а лишь изображая существовавшее раньше, литература „придаетъ этому состоянію ясность, гибкость, которыя по истинѣ дѣлаютъ изъ него нѣчто новое и одновременно сообщаютъ новую силу распространенія“. „Какой-нибудь Антони или Валентина всегда сильнѣй будутъ захватывать массы, чѣмъ самыя геніальныя и наилучше обоснованныя построенія Сенъ-Симона или Фурье“. Литературой можно отравляться; есть жертвы книги. Мегронъ убѣжденъ, что отравленіе романтической литературой было глубоко; онъ согласенъ съ мнѣніемъ нѣкоего Роберта Д., что „романтизмъ—не правда“, что „проведеніе его въ жизнь опасно“, и „предпринялъ длинное изслѣдованіе лишь съ цѣлью установить это“ (2, 4—5, 10, 185, 245, 330, 358, 381, 428).

Мегронъ интересуется собственно однимъ французскимъ романтизмомъ и его вліяніемъ на французское общество, настроеніе котораго онъ старается опредѣлить на основаніи собранныхъ имъ любопытныхъ документовъ, „охватывающихъ періодъ съ 1832 по 1847 г.“. Онъ внимательно изучаетъ переписку неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ лицъ, различные дневники, заключающіе въ себѣ душевныя изліянія жертвъ романтизма. Онъ хорошо знаетъ, что „литературное достоинство“ подобныхъ документовъ „въ общемъ ничтожно“, но для него это и не важно. „Здѣсь вопросъ не въ литературѣ“. „Именно художественная посредственность и составляетъ всю ихъ цѣнность. Они почти не предназначались для печати и потому съ тѣмъ большей искренностью выражаютъ состояніе души писавшихъ. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что имѣешь дѣло не съ авторомъ, а съ людьми“. Перелистывая старыя письма, Мегронъ узналъ, какъ сильно было увлеченіе романами Гете, Шатобріана, Сенанкура, какъ слѣпа

была вѣра въ Жоржъ Сандъ, какъ многія произведенія были „требниками“ читателей, изъ которыхъ почти каждый, безъ стѣсненія, готовъ разграбить любимаго поэта, чтобы написать письмо любимому человѣку. Дѣло доходило до того, что одна жена, уѣхавшая отъ мужа, оставила ему въ утѣшеніе выписку изъ „Индіаны“ (391. Ср. 2, 6—8, 226, 228, 291, 324, 385).

Особыя историческія условія, по мнѣнію Мегрона, способствовали развитію того общественнаго настроенія, которое нельзя не признать „романтическимъ“: онъ разумѣетъ великія событія конца XVIII в. и правленіе Наполеона. „У сыновъ человѣческихъ, видѣвшихъ Революцію и продѣлавшихъ славные походы Имперіи, *воображеніе* должно было предъявлять ужасныя требованія. Ему нужны были грезы, соразмѣрно съ героическими дѣйствіями прошлаго, которыя стали отнынѣ невозможными. Опьянялись грезами, за невозможностью насытиться дѣйствіемъ. Точнѣе выражаясь, быть можетъ, сыновья хотѣли въ частной жизни дѣлать жесты, которые ихъ отцы дѣлали на поляхъ битвъ. Тѣмъ болѣе, что тогда стояли «дни посредственности» и вѣкъ обуржуазился самымъ жалкимъ образомъ“ (45—46). Новое поколѣніе не только любило сладко мечтать, но *„отдало воображеніе на службу чувствительности“*; оно перестало „находить удовольствіе въ тонкостяхъ, въ изысканностяхъ“, которыя „очаровывали“ отцовъ и дѣдовъ, и обладало „въ области эмоцій аппетитомъ ужаснымъ, требованіями необычайными“ (123—124. Ср. 258—259, 329—330).

„Гипертрофія воображенія“ выразилась въ „склонности къ экзотизму“ и въ „мечтательности“. Люди испытывали „ужасъ передъ дѣйствительностью“, хотѣли „отдѣлаться отъ реальности“; отсюда „болѣзненная потребность“ уйти отъ мѣстъ, гдѣ „замыкаютъ“ человѣка „нужды житейскія“. „Это желаніе уйти куда-то можетъ естественно принимать разнообразнѣйшія формы. Двѣ изъ нихъ, повидимому, сильнѣй всего мучили романтиковъ,—страстная любовь къ странамъ солнца, свѣта, лазури: къ Испаніи, Италіи, Востоку,—особенно Востоку,—и тоска по жизни Средневѣковья“ (21—22).

„Но быть мечтательнымъ не значитъ только создать себѣ искусственную жизнь, полную необычайныхъ приключеній и восторженныхъ чувствъ, протекающую въ феерической обстановкѣ“; „это значитъ, и тѣмъ сильнѣй опасность, обманывать себя понемногу до того, чтобы оказаться вполнѣ ослѣпленнымъ на свой счетъ; это значитъ украшать свое внутреннее существо всѣми совершенствами и

нравственными достоинствами, которыя, конечно, съ неистощимой и нетрудной щедростью берутся напрокатъ у героевъ, созданныхъ собственнымъ воображеніемъ"... „Тогда воздвигаютъ себѣ пьедесталъ или, точнѣе говоря, храмъ, въ которомъ являются одновременно и служителемъ, и идоломъ. Охотно плачутъ надъ собой отъ нѣжности и восторга; и когда съ высоты этого необычайнаго уваженія къ своимъ достоинствамъ и добродѣтелямъ, удостаиваютъ бросить взглядъ на обыкновенныхъ смертныхъ, какъ въ глубинѣ души презираютъ ихъ за ихъ ничтожество"! (43—45).

Гипертрофія чувствительности проявилась въ постоянной экзальтаціи; въ отрицаніи здраваго смысла и разума и въ восхваленіи лиризма. „Романтикъ долженъ всегда чувствовать, всегда дрожать, вибрировать". Но „оставаться всегда вѣрнымъ такой изнурительной и полной излишествъ программѣ" немыслимо! Когда „природа отказывается", ее „маскируютъ и переодѣваютъ." Такъ какъ, въ концѣ концовъ, въ большинствѣ случаевъ переживаютъ лишь ощущенія жалкаго смертнаго, тогда какъ тщеславію хотѣлось бы щеголять переживаніями полубога, то отъ ухищреній рѣчи потребуютъ, чтобы они прикрыли убожество и замаскировали безсиліе. Какъ нѣкогда соперничали въ изысканности, въ утонченности и въ изощренности, такъ теперь соперничаютъ въ бурности и свирѣпости. Насилія, преувеличенія, излишества всякаго рода—все призываютъ, всѣмъ злоупотребляютъ. Возбуждаютъ себя, бьютъ въ грудь, бредятъ безъ „жара" (126, 148). „Доходятъ до самыхъ прискорбныхъ и отталкивающихъ распутствъ" (161). Идеализуется грабежъ, убійство, „изнасилованіе краснѣющихъ дѣвственницъ"... „Мы выпьемъ за нашихъ любовницъ изъ череповъ ихъ возлюбленныхъ", восклицаетъ одинъ изъ романтиковъ; „я хотѣлъ бы... для невинныхъ сердецъ изобрѣсти муки, въ дѣвственной груди взрастить мысль о кровосмѣшеніи", заявляетъ другой (49, 135, 184, 210).

Возникаетъ „болѣзненное стремленіе ко всему, что противно нормѣ и здоровью": любятъ женщину, если она страдаетъ чахоткой или падучей; привязываются къ собакѣ, если она безобразна, уродлива (171, 176—177). Погоня за „небывалыми ощущеніями" привела къ „сатанизму". Въ Сатанѣ привѣтствуютъ „высшее воплощеніе и прототипъ индивидуализма", „перваго и величайшаго изъ мятежниковъ". Одна изъ „сатаническихъ группъ" имѣла собранія разъ въ недѣлю. „Сатанисты собирались въ воскресенье вечеромъ для совершенія своего служенія и вызыванія Сатаны... Они призываютъ Сатану

кстати и не кстати; они вызываютъ его съ упорствомъ некромантовъ; они совѣтуютъ ему держать всю вселенную въ когтяхъ, какъ хищная птица держитъ въ своихъ когтяхъ добычу.

Божество зла, приди ко мнѣ, я зову тебя, умоляю;
Приди, уничтожь вселенную своимъ гибельнымъ дыханіемъ" (181—183).

Наконецъ, „чтобы оправдать самымъ высокимъ авторитетомъ худшую распущенность и закончить такимъ образомъ извращеніе понятій цѣлой эпохи, романтизму оставалось только сдѣлать любовь добродѣтелью и источникомъ добродѣтелей и провозгласить *священный характеръ и божественное происхожденіе* страсти: онъ не остерегся и не пропустилъ случая" (234). „Не было ничего прекраснѣй страсти: она давала счастье". „Страсть была знакомъ „силы": кому же не хотѣлось показать себя сильнымъ? Дать ей развиваться свободно было доказательствомъ „смѣлости": кто не хотѣлъ показаться смѣлымъ"? „Властно требовали страсти, страсти жгучей, бѣшеной, яростной, страсти, которая „разбиваетъ сердца, терзаетъ ихъ и сжигаетъ" (189—190, 192, 224). „Адюльтеръ" и „оргія" стали отнынѣ „двуми главными словами романтическаго словаря, которыя писатели употребляли съ наибольшею готовностью". Многія „безчинства происходили по прямой линіи отъ знаменитаго Антони, столько же, какъ и отъ не менѣе знаменитыхъ Индіаны, Валентины". „Женщины отдавались, нѣкоторыя съ дрожью, надѣясь вернуть «отверженныхъ» къ лучшимъ чувствамъ"; „другія падали, пользуясь удобнымъ случаемъ, въ восторгѣ, что могутъ пасть съ небывалыми переживаніями, иногда наслаждаясь мыслью о своей великой преступности". Для Жоржъ Сандъ „корень любви—въ самомъ Богѣ": у знаменитой писательницы, по удачному выраженію Пьера Лафита, „когда дамы хотятъ тихонько уступить, Богъ всегда появляется, чтобы облегчить дѣло" (211—212, 221, 235).

Введеніе въ жизнь романтизма имѣло пагубныя послѣдствія. „Изнурительныя излишества" влекли за собою „усталость и преждевременное истощеніе". За оргіями чувствительности и воображенія должна была слѣдовать жестокая подавленность, тѣмъ болѣе тягостная, чѣмъ болѣе лихорадочны и безпорядочны они были... Унылое отупѣніе, упадокъ умственныхъ способностей, мрачное утомленіе, глубокая скука, сначала раздробленіе, потомъ полное разрушеніе воли",—„ни одной изъ этихъ тягостныхъ расплатъ за свои излишества не избѣгли несчастные" (257—258, 265). Въ результатѣ—taedium vitae и самоубійства, которыя „на время сдѣлались однимъ изъ элегант-

нѣйшихъ видовъ спорта". „Съ 1830 (года) количество самоубійствъ возросло", и „надо признать за романтизмомъ его долю участія въ созданіи и развитіи печальной эпидеміи" (293). „Мистики" и „разочарованные мечтатели" „губятъ женщинъ, произносятъ длинныя тирады при лунномъ свѣтѣ и кончаютъ обычно монастыремъ или самоубійствомъ". „Смерть ихъ „великая вдохновительница", ихъ „великая утѣшительница" (303). Они думаютъ, что правительство могло бы „устроить обширную фабрику или машину, приводимую въ движеніе водой или паромъ, чтобы пріятнымъ и нѣжнымъ образомъ, на манеръ гильотины, убивать людей утомленныхъ жизнью". Подобнымъ лицамъ надо было предоставлять всякія удобства. Газета *Урна*, „офиціальный органъ кремаціи", „давала въ видѣ преміи годовымъ подписчикамъ два метра веревки или декалитръ угля, смотря по тому, предпочитали ли они задохнуться или имъ больше нравилось повѣситься" (312—313). Былъ основанъ Клубъ Самоубійцъ, цѣль котораго „бороться съ мѣщанскими понятіями о самоубійствѣ" (318).

Борьба съ мѣщанскими понятіями—обязанность художниковъ-романтиковъ, питающихъ глубокое презрѣніе къ „буржуа, лавочникамъ, филистерамъ" (92), легко „уживающимся въ рамкахъ общества" (336) и гордящимся своими „заурядными добродѣтелями" (354—355). Поэты должны „разрушить соціальную ложь": они призваны произвести реформу. „Древній Орфей цивилизовалъ первыхъ людей. Орфеямъ современнымъ суждено *вернуть цивилизацію къ ея первобытной чистотѣ*" (334—335). Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо объявить войну всѣмъ „учрежденіямъ, которыя должны всего болѣе стѣснять индивидуализмъ въ духѣ романтиковъ" (363); необходимо потрясти основы государственныя и общественныя: начать крестовый походъ противъ власти, труда ради заработка, брака и т. п. „Власть! Что это такое"? проповѣдывали романтики: „Слово! простое слово, лишенное смысла, такое же смѣшное, такое же шутовское, какъ разные мундиры, ее представляющіе!.. Власть есть вѣрный признакъ пошлости, низости, гнусности... Кто можетъ искать хотя бы частицу власти—безуменъ, и кто можетъ удержать ее, хотя бы на минуту,—негодяй"... Нужно „бравировать властью", „поставить себя выше нея и жить *внѣ* общества лицемѣровъ, рабовъ и подозрительныхъ плутовъ". „Да здравствуетъ лѣнь и веселье"! „Трудъ ради заработка—ремесло лакея" (353—355). Бракъ—„насмѣшка надъ любовью", ограниченіе ея „священныхъ правъ", нарушеніе естественнаго равенства мужчины и женщины (363—364). Воспоминаніе о Валентинѣ и Леліи

„дразнило воображеніе“; „интеллектуальныхъ дочерей Жоржъ Сандъ“ развелось множество, и въ прошеніяхъ о раздѣльномъ жительствѣ или ходатайствахъ о разводѣ часто упоминалось имя знаменитой писательницы (399).

Примѣненіе на практикѣ „прекрасныхъ теорій“ было печально: послѣдователи ихъ доходили до позора и отчаянія. Судебныя газеты хранятъ на своихъ страницахъ перечень романтическихъ преступленій (407—408). Романтизмъ „натравилъ личность на общество“ (18), и результаты натравливанья устрашили самихъ проповѣдниковъ: имъ пришлось бить отбой, и даже Жоржъ Сандъ получила отъ Флобера названіе мѣщанки (413).

Таково содержаніе любопытной книги Мегрона. Знаніе литературы предмета, глубокомысліе, остроуміе, изящный стиль подкупаютъ читателя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые взгляды почтеннаго автора кажутся спорными и могутъ вызвать возраженія.

Неправильность исходной точки зрѣнія Мегрона отмѣчена и въ предисловіи къ русскому переводу книги. По вѣрному замѣчанію г. Игнатова, разбираемый трудъ—„обвинительный актъ не противъ романтизма, не противъ литературы, а противъ условій, дѣлающихъ легкими злоупотребленія литературнымъ вліяніемъ на волю“ (VII, X). Предрасположеніе публики къ романтической литературѣ—вотъ главная причина многихъ печальныхъ явленій, описанныхъ Мегрономъ (ср. 279). Не будь этого предрасположенія, не было бы и *массовыхъ* заболѣваній романтической неврастеніей. Только при извѣстной восприимчивости общества, возможно столь сильное развитіе эпидеміи. Читатели часто „создаютъ“ авторовъ, которые „обычно подаютъ публикѣ то, къ чему публика выказываетъ предпочтеніе“ (162, 397). „Чудовища въ модѣ“, пишетъ Жоржъ Сандъ: „Будемъ же создавать чудовищъ“ (168). Самъ Мегронъ вынужденъ сознаться, что литературѣ нельзя „навязывать“ роль главной причины паденія тѣхъ несчастныхъ, „чье нравственное здоровье уже было расшатано“ (5). Впрочемъ, преувеличеніе вліянія литературы не новость: еще за 80 лѣтъ до выхода въ свѣтъ книги Мегрона однородный взглядъ былъ высказанъ однимъ французскимъ врачомъ въ статьѣ: „О гигіеническомъ вліяніи чудесности въ литературѣ“ [1]).

Трудно согласиться съ Мегрономъ и въ двухъ другихъ случаяхъ: его отзывы о французской литературѣ XVIII вѣка показались мнѣ

---

[1]) См. русскій переводъ въ *Сынъ Отечества*, 1833, ч. 158, стр. 32.

странными, а опредѣленіе момента, когда зародилось „романтическое“ настроеніе, неточнымъ. „Сухость, холодность, ледяное безучастіе—это XVIII вѣкъ“; тогда разумъ добился исключительнаго господства, и литература, „аристократическая и свѣтская“, была „блестящимъ, но безобиднымъ дивертисментомъ лучшей части общества“: отъ нея требовали „благородныхъ развлеченій и тонкихъ увеселеній“ (17, 82, 123 и др.). Такъ разсуждаетъ Мегронъ, и, односторонне видя въ сухости и холодности отличительное свойство XVIII вѣка, дѣлаетъ неправильное заключеніе о возникновеніи описываемаго имъ общественнаго настроенія въ эпоху, слѣдующую за великой французской революціей. И здѣсь онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Вѣдь, если романтизмъ выражается въ преобладаніи воображенія и чувствительности надъ разумомъ, то романтизмъ дѣйствительно такъ же старъ, какъ міръ, и сталъ особенно давать себя чувствовать во Франціи со дня выхода „Новой Элоизы“ (3, 17—18). Несомнѣнно, въ этомъ видѣ онъ существовалъ и раньше. Справедливость такого вывода подтверждается фактами, собранными въ интересной книгѣ соотечественника Мегрона—Даніила Морне. Отвращеніе къ обыденной жизни и ея радостямъ [1]), наклонность къ необычайному, пристрастіе къ чужеземному, Востоку и средневѣковью [2]), оставленіе городовъ и переѣзды въ деревню, на лоно природы [3]), нервное безпокойство и лиризмъ [4]), опьяненіе страстями, жажда великихъ душевныхъ потрясеній [5]), разочарованіе во всемъ, меланхолія, taedium vitae [6]), оправданіе порока [7]), наконецъ, самоубійства [8])—все это было на лицо и во французскомъ обществѣ XVIII вѣка. „Французы находятся подъ обаяніемъ моего Вертера“, самодовольно говорилъ Гёте [9]), и былъ правъ: трогательный образъ его героя въ 1779 г. владѣлъ воображеніемъ многихъ мечтателей. Да и одинъ ли Вертеръ? Къ нему надо присоединить Юнга, Оссіана и другихъ. Но ни Гете, ни Юнгъ, ни

---

[1]) *Daniel Mornet.* Le romantisme en France au XVIII siècle. Paris, 1912, pp. 51, 96, 146.

[2]) Тамъ же, 51, 53, 55, 64.

[3]) Тамъ же, 41—43, 68, 96, 104.

[4]) Тамъ же, 4—5, 96, 131—132, 139—140, 143—145.

[5]) Тамъ же, 51, 79—85.

[6]) Тамъ же, 73—76, 86, 131, 143—144.

[7]) Тамъ же, 87, 128—130.

[8]) Тамъ же, 79, 85, 135—137, 145—146.

[9]) Тамъ же, 135.

Макферсонъ не создали зла вѣка. Души, утомленныя пошлою жизнью и испытывающія невѣдомые пути Провидѣнія, страдали и искали лучшаго еще до того, какъ вошло въ моду быть чувствительнымъ [1]).

Итакъ, описываемое Мегрономъ общественное настроеніе возникло независимо отъ литературы, и не послѣ, а до великой революціи, которая только обострила болѣзненный процессъ, усилила моральное недомоганіе...

Переводъ труда Мегрона сдѣланъ удовлетворительно, но не свободенъ отъ мелкихъ недочетовъ (XI, 3, 10, 43, 56, 124, 175, 184, 193). Изданіе приличное, хотя есть опечатки (X, 39, 55, 107, 111, 175, 223, 397), и въ двухъ мѣстахъ досадная перестановка строкъ (5, 273).

Нѣкоторыя цитаты изъ романтическихъ произведеній (49, 164—165, 184, 210, 286) дѣлаютъ книгу мало пригодной для женскихъ учебныхъ заведеній, но толковые ученики старшихъ классовъ мужскихъ гимназій могли бы прочитать ее не безъ пользы.

Н. Козминъ.

Д. И. Багалѣй, засл. проф. Русская исторія. Съ картами, планами и снимками съ памятниковъ древности и искусства. Пособіе къ лекціямъ для высшей школы и руководство для учителей и самообразованія. Томъ I. Княжеская Русь (до Іоанна III). Москва 1914 годъ. VIII + 513 стр. Цѣна 2 рубля.

Сочиненіе проф. Багалѣя, первый томъ котораго подлежитъ нашему разбору, широко задумано. Авторъ желаетъ въ 4-хъ, предположенныхъ къ выходу въ свѣтъ томахъ, дать полный курсъ русской исторіи, отведя должное вниманіе вопросамъ археологіи и искусства. И дѣйствительно, первый томъ труда проф. Багалѣя соотвѣтствуетъ поставленной авторомъ задачѣ. Написанный извѣстнымъ спеціалистомъ, много поработавшимъ на избранномъ имъ научномъ поприщѣ, трудъ профессора Багалѣя представляетъ собой капитальное сочиненіе, обстоятельно изучающее вопросы первоначальныхъ періодовъ русской исторіи. Библіографія, приводимая авторомъ въ началѣ каждой главы разбираемаго перваго тома, отличается полнотой и обстоятельностью. Пропусковъ важнѣйшихъ работъ незамѣтно. Изложеніе отличается научной объективностью.

Однако, не всѣ выводы и наблюденія автора могутъ быть приняты безъ оговорокъ и возраженій. Такова, напримѣръ, теорія про-

---

[1]) Тамъ же, 136, 274—275.

фессора Багалѣя о томъ, что „Русь въ лѣтописи — туземное племя полянъ" (стр. 173 и 174). Да и вообще рѣшеніе вопроса о началѣ Русскаго государства у г. Багалѣя, отвергающаго теорію „норманистовъ", ставитъ автора въ необходимость признаться: „намъ трудно рѣшить генеалогическій вопросъ". „Но дѣло въ томъ",—не отчаивается профессоръ Багалѣй,—„что и сами лѣтописи не даютъ намъ устойчивыхъ данныхъ о родственныхъ связяхъ Олега и Рюрика. А кромѣ того, вычеркивая Рюрика, какъ основателя государства, мы въ сущности почти ничего не уничтожаемъ въ нашей древней исторіи, ибо она достовѣрно начинается все-таки со времени Олега, вокняжившагося въ Кіевѣ. Но Олегъ, по нашему мнѣнію, не былъ германцемъ—онъ былъ, какъ и всѣ его преемники, русскій славянинъ". Сомнѣваюсь, чтобы филологи согласились съ такимъ мнѣніемъ профессора Багалѣя объ Олегѣ, Игорѣ и Ольгѣ.—Трудно согласиться также и съ тѣмъ, что главной причиной упадка Кіевской Руси были половецкіе набѣги. Говорить такъ значитъ упускать изъ виду княжескія усобицы и упадокъ внѣшней торговли, вызванный крестовыми походами, послѣ которыхъ великій путь изъ Варягъ въ Греки потерялъ свое былое значеніе.

Въ вопросѣ о смердахъ профессоръ Багалѣй не принимаетъ во вниманіе статьи г. Романова (о ней нѣтъ упоминанія и въ библіографіи), стоящей на новой, интересной и, по нашему мнѣнію, вполнѣ доказательной точкѣ зрѣнія, по которой смерды были княжескими арендаторами. Очень спорна также мысль г. Багалѣя о томъ, что монгольское иго оказало значительное вліяніе на политическій строй Руси.

Вотъ нѣкоторые изъ спорныхъ или, по нашему мнѣнію, невѣрныхъ взглядовъ профессора Багалѣя. Это не мѣшаетъ его книгѣ быть серьезнымъ, обстоятельнымъ и основательнымъ трудомъ, который можетъ съ большой пользой быть прочтенъ тѣми, для кого предназначалъ свое сочиненіе авторъ.

Къ сожалѣнію, книга г. Багалѣя не свободна отъ нѣкоторыхъ опечатокъ и обмолвокъ. Большинство ихъ исправлено авторомъ, но остались и незамѣченныя имъ. Поэтому, въ случаѣ переизданія книги г. Багалѣя необходимъ пересмотръ ея въ этомъ отношеніи. Съ своей стороны укажемъ на нѣкоторые изъ замѣченныхъ нами недосмотровъ этого рода.

Такъ на стр. 19 читаемъ: „Необходимо установить границы... русскаго государства. Не только въ связи съ внѣшними завоеваніями, но и съ успѣхами мирной колонизаціи".

На стр. 31 неудачна фраза: „Каменныя орудія были найдены двухъ родовъ...; это будутъ: скребки, наконечники стрѣлъ...“.

На стр. 61 читаемъ: „...они не могли имѣть во главѣ „базилевса“, титула, носимаго надъ азіатскими варварами...“.

На стр. 99 неудачна фраза: „Впереди идетъ женщина съ ребенкомъ и съ очень печальнымъ видомъ“.

На стр. 108 слово „несогласія“ слѣдовало бы замѣнить словами: „склонность къ раздорамъ“.

На стр. 110 неудачно мѣсто: „...блюдо... на днѣ латинская надпись; текстъ ея гласитъ слѣдующее: renovatum est per... Paternum, episcop. nostrum“, Патернъ былъ епископомъ города Томи (подлѣ Варны) въ VII вѣкѣ; на немъ же—изображенія животныхъ и птицъ, клейма“.

На стр. 126 отмѣтимъ досадную опечатку: при Имп. Ираклiѣ.

На стр. 146 неудачно выраженіе: „Разсказывая о житіи извѣстныхъ Бориса и Глѣба“; убѣждены, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ простой, но крайне досадной опечаткой; надо читать: „святыхъ“.

На стр. 145 встрѣчаемся съ подобнымъ случаемъ: вмѣсто „славяне“ напечатано „племена“.

На стр. 269 не можемъ счесть удачнымъ выраженія: „Находясь на отшибѣ, въ самомъ концѣ Русской земли...“.

На стр. 301 опять имѣемъ дѣло съ опечаткой: о монахѣ Олимпiѣ.

На стр. 323 (5-ая стр. сверху) вмѣсто „но“ надо читать „то“.

На стр. 328 (3-я стр. сверху) вмѣсто „оканчивавшіе“ надо читать „оканчивавшіеся“.

На стр. 380, 386 и 452 читаемъ: Рубрукъ и Пляно Карпини, а между тѣмъ на стр. 373 встрѣчаемъ болѣе обычныя у насъ формы: Рубруквисъ и Плано Карпини.

На стр. 447 читаемъ фразу: „Рай новгородцы видѣли на горѣ Деисусъ, написанный лазуремъ чуднымъ и свѣтъ былъ на мѣстѣ томъ самосіянный“. Эта фраза совершенно неудачна; на самомъ дѣлѣ, по сказанію, новгородцы видѣли неназываемую ими по имени гору, на которой былъ изображенъ „Деисусъ лазуремъ чуднымъ“.

Кромѣ этихъ оговорокъ и опечатокъ встрѣчаются и другія; не можемъ согласиться и съ постоянно встрѣчающимся оборотомъ: „представлять изъ себя“; къ сожалѣнію, этотъ оборотъ все болѣе и болѣе встрѣчается даже въ научныхъ работахъ.

Къ сочиненію г. Багалѣя приложены карты и рисунки; послѣдніе выполнены очень недурно, на мѣловой бумагѣ. Къ сожалѣнію, поль-

зованіе ими нѣсколько затруднительно; лучше было бы, если бы г. Багалѣй помѣстилъ эти рисунки въ видѣ отдѣльнаго вкладного альбома и указалъ бы въ надлежащихъ мѣстахъ своей книги и приложеній страницы, къ которымъ данныя приложенія относятся.

Цѣну книги, принимая во вниманіе приложенія, нельзя не признать очень умѣренной. Надѣемся, что основательная работа г. Багалѣя встрѣтитъ должное признаніе со стороны, какъ спеціалистовъ, такъ и рядовыхъ читателей.

Нл. Васенко.

Проф. М. Богословскій. Учебникъ Русской исторіи. Курсъ IV класса гимназіи. Москва.—1914. 109+2 нен. стр. Цѣна (въ папкѣ) 50 коп. Изданіе товарищества И. Д. Сытина.

Учебникъ профессора Богословскаго производитъ отличное впечатлѣніе. Авторъ его, извѣстный и талантливый ученый, былъ въ то же время много лѣтъ преподавателемъ средней школы и превосходно использовалъ свой долголѣтній опытъ. Его учебникъ представляетъ собой счастливое сочетаніе строгой научности съ простымъ, яснымъ и интереснымъ изложеніемъ. Краткость слога не дѣлаетъ его непонятнымъ или сухимъ. Г. Богословскій сумѣлъ на немногихъ сравнительно страницахъ уложить богатое содержаніе. Благодаря этому его учебникъ пріятно читать и легко усваивать. Программа IV класса изложена г. Богословскимъ вполнѣ, и учебникъ его превосходно отвѣчаетъ своему назначенію.

Отмѣтимъ все же нѣкоторые, маловажные, недочеты книги профессора Богословскаго.

Прежде всего укажемъ на 2 длинноты, вкравшіяся въ его книгу. Такъ излишнимъ въ учебникѣ русской исторіи представляется упоминаніе на стр. 12 о каганъ-бекѣ и его значеніи. Очень интересная сама по себѣ—эта подробность не идетъ къ дѣлу.

Затѣмъ на стр. 42 помѣщенъ мелкимъ шрифтомъ отрывокъ изъ поученія Владиміра Мономаха. Ему мѣсто въ исторической хрестоматіи, но не въ учебникѣ.

Кромѣ длиннотъ въ учебникѣ г. Богословскаго есть и недоговоренное. Такъ, хорошо объяснивъ причину того, что въ Восточной Европѣ образовалось одно государство, авторъ не выяснилъ, почему народомъ образовавшимъ это государство были славяне, а не другая изъ народностей, населявшихъ названную территорію.

Въ разсказѣ о второмъ походѣ Игоря хотѣлось бы видѣть указаніе на то, что и этотъ походъ въ сущности не былъ удаченъ.

Хотѣлось бы видѣть въ учебникѣ г. Богословскаго и разъясненіе факта раздачи Ярославомъ земель сыновьямъ.

Въ разсказѣ о причинахъ паденія значенія Кіевской Руси мы не встрѣчаемъ въ учебникѣ г. Богословскаго указанія на то, что одной изъ такихъ причинъ были крестовые походы, подорвавшіе торговое значеніе Великаго пути изъ Варягъ въ Греки.

Разсказъ объ Св. Александрѣ Невскомъ нѣсколько сухъ. Кромѣ того въ немъ нѣтъ упоминанія, что этотъ князь причисленъ къ лику святыхъ.

Наконецъ въ разсказѣ о возвышеніи Москвы слѣдовало бы упомянуть о томъ, что это возвышеніе явилось между прочимъ результатомъ инстинктивнаго стремленія Руси къ объединенію.

Сверхъ указанныхъ пропусковъ не можемъ не обратить своего вниманія на излишнюю, какъ намъ кажется, категоричность положенія: „До принятія христіанства онъ [т. е. князь] не былъ судьею надъ подданными за преступленія и обиды. Въ русскомъ обществѣ господствовалъ тогда *самосудъ*... Первые же появившіеся на Руси епископы стали внушать князю Владиміру, что онъ долженъ судить людей и наказывать ихъ за преступленія...“.

Не отрицая явленій *самосуда*, думаемъ, что и князь чинилъ свой судъ еще до принятія Русью христіанства. Самый разсказъ лѣтописи о вмѣшательствѣ епископовъ даетъ, какъ намъ думается, возможность нарисовать такую картину: принятіе христіанства заставило Владиміра перестать наказывать преступниковъ, они размножились и тогда епископы вмѣшались. Во всякомъ случаѣ a priori трудно себѣ представить, чтобы у князя не было судебныхъ функцій до принятія Русью христіанства. Не отрицая поэтому важнаго вліянія принятія нами христіанства и на сферу судебную, мы все же не рѣшаемся примкнуть къ утвержденію г. Богословскаго.

Что касается слога учебника г. Богословскаго, то онъ прекрасенъ. Исключеніе представляютъ лишь: 1) постоянное употребленіе неправильнаго сочетанія „представлять изъ себя“, 2) употребленіе слова „юристы“ на стр. 44, гдѣ авторъ говоритъ о лицахъ, составлявшихъ Русскую Правду, 3) неудачная фраза: „*А* [1]) когда Игорь подтверждалъ свой договоръ..., часть его дружины присягала на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, *а* [1]) христіанскую Русь...“.

Пл. Васенко.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

ПОДВИГЪ ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЯ.

Вечеромъ 2-го апрѣля на глазахъ прохожихъ съ Николаевскаго моста въ Неву бросилась неизвѣстная интеллигентная пожилая женщина. Быстрымъ теченіемъ ее понесло внизъ по рѣкѣ. Спасательные круги, брошенные въ воду, не достигали утопавшей и гибель ея казалась неизбѣжной. Въ этотъ моментъ двое воспитанниковъ Петроградскаго реальнаго училища Императора Александра II (бывшаго перваго реальнаго училища) Леонидъ Салогубъ и Петръ Ивановъ быстро сняли съ себя пальто, надѣли спасательные круги и кинулись въ воду. Молодые смѣльчаки отважно боролись съ волнами и подплыли къ утопавшей, схватили ее и благополучно вытащили на берегъ. Женщина оказалась живой и только отъ сильнаго нервнаго потрясенія она потеряла сознаніе. Молодымъ людямъ была устроена овація. Они переодѣлись и уѣхали къ себѣ домой. Спустя нѣкоторое время удалось установить, что покушавшаяся на самоубійство душевно-больная дворянка Скерчевская.

За таковой самоотверженный поступокъ названные ученики Всемилостивѣйше пожалованы медалями съ надписью „за спасеніе погибающихъ" Салогубъ серебряною, а Ивановъ—золотою, для ношенія на груди на Владимірской лентѣ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ 1914 года.

— *Пѣтуховъ, Е., проф.* М. Ю. Лермонтовъ. Очеркъ его жизни и поэтической дѣятельности. Книгоиздательство Ф. И. Трескиной. Рига 1914. 40 стр.

— М. Ю. Лермонтовъ. Краткое изложеніе поэзіи и біографіи подъ редакціей Л. В. Окнова. Книгоиздательство Ф. И. Трескиной. Рига 1914. 64 стр.

— *Экземплярскій, В. М.* Элементы педагогики. Руководство для средней школы и самообразованія. Съ 11 рис. въ текстѣ. М. 1914. 144 стр. Цѣна 1 руб.

— *Гротъ, К. Я.* Австро-Венгрія или Карпато-Дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. Петроградъ 1914. VIII+118 стр. Цѣна 60 коп.

— *Шамыгинъ, А.* Учебный курсъ исторіи русской литературы (отъ Петра Великаго до смерти Пушкина) и хрестоматія. Петроградъ 1915. XV+332+247 стр. Цѣна 1 руб. 80 коп.

— *Горбунова, Е.* Наша земля. Первоначальная наглядная географія для

дѣтей, основанная на наблюденіяхъ, опытахъ и работахъ. (По К. Фербенксу). Со множествомъ рисунковъ. Второе изданіе, вновь просмотрѣнное и исправленное. М. 1913. 304 стр. Цѣна 90 коп. (Библіотека И. Горбунова-Посадова. № 130).

— *Кондратьевъ, В.* Систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. Курсъ средне-учебныхъ заведеній. Часть I. Изданіе Я. Башмакова и К°. Петроградъ 1914. 238 стр. Цѣна 65 коп.

— *Степовичъ, А.* Новый шагъ въ дѣлѣ взаимнаго ознакомленія славянъ. Кіевъ 1913. 16 стр.

— *Нейманъ, Б. В.* Лермонтовъ, его жизнь и творчество. Изданіе книжнаго магазина Н. Я. Оглоблина. 31 стр. Цѣна 20 коп.

— *Полежаева, О. В.* Занятія по географіи (II-й классъ). Съ 32 рисунками, изображающими практическія занятія дѣтей. М. 1914. 68 стр. (Библіотека новаго воспитанія и образованія подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Выпускъ СII).

— Генеральная карта южнаго театра военныхъ дѣйствій (Россія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Италія, Греція, Болгарія, Румынія, Турція, Албанія и Швейцарія). Съ картой Малой Азіи и Кавказа. Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (свыше 9.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія. Подъ редакціей проф. *Ю. М. Шокальскаго.* Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ 1914. XX стр.+1 карта. Цѣна 1 руб.

— Генеральная карта Средне-Европейскаго театра военныхъ дѣйствій (Россія, Франція, Англія, Бельгія, Австро-Венгрія и Германія). Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія. Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальскаго. Изданіе третье. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ 1914. XXI стр.+1 кар. Цѣна 1 руб.

— *Каринскій, Н. М.*, проф. Историческая хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ словарей, 2-хъ снимковъ съ славянскихъ азбукъ и 4-хъ снимковъ съ древнихъ рукописей. Изданіе Я. Башмакова и К°. Петроградъ 1914. X+96+XVII стр. Цѣна 80 коп.

— *Каринскій, Н. М.*, проф. О преподаваніи русскаго языка въ VIII и педагогическихъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ. Приложеніе къ исторической хрестоматіи по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Изданіе Я. Башмакова и К°. Петроградъ 1914. 12 стр.

— *Мусинъ-Пушкинъ, А. А., графъ.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы въ педагогической литературѣ и школьной практикѣ у насъ и на Западѣ. С.-Пб. 1914. 171 стр. Цѣна 1 руб.

— Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Часть I. Эпоха гуманизма и реформаціи. Составилъ проф. *П. Н.*

Ардашевъ въ сотрудничествѣ съ Н. И. Никифоровымъ, В. Н. Евстафьевымъ, Б. А. Зарудскимъ и Н. П. Руткевичемъ. Кіевъ 1914. IV+228 стр. Цѣна 1 руб.

— Труды съѣзда по общественному призрѣнію, созваннаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 11-го—16-го мая 1914 г. Петроградъ 1914. Томъ I. Доклады и журналы засѣданій. XXXV+745 стр.—Томъ II. Матеріалы. 538 стр.

— *Краскова, В.* Краткая исторія родной земли. Для народныхъ и начальныхъ училищъ. Подъ редакціей П. Г. Васенко. Съ 32 рисунками и портретами. Изданіе Я. Башмакова и К°. С.-Пб. 1914. 86 стр. Цѣна 20 коп.

— *Багатурова, Н.* Монтессори и новый способъ обученія грамотѣ. Книгоиздательство „Наука". М. 1915. 14 стр. Цѣна 35 коп.—Приложенія: Азбука Монтессори. Цѣна 20 коп.

— *Соколова, Б. Е.* Грамматика русскаго языка. Этимологія. Приложенія: I. Краткія свѣдѣнія изъ синтаксиса. II. Упражненія. Для младшихъ классовъ средней школы и для высшихъ начальныхъ училищъ. Изданіе Я. Башмакова и К°. С.-Пб. 1914. 112 стр. Цѣна въ переплетѣ 40 коп.

— Спутникъ-Товарищъ на 1914—1915 учебный годъ. Календарь и записная книжка. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. 168 стр.

— Школьный календарь. Изданіе редакціи журнала „Народное Образованіе". 1914—1915 учебный годъ. Петроградъ 1914. 88 стр. Приложеніе къ журналу „Народное Образованіе".

— *Лафинъ, В. Г.* Краткая русская исторія. Съ вопросами для повторенія учащимся при прохожденіи курса. Книгоиздательство „Педагогъ". Рига 1914. 104 стр. Цѣна 30 коп.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНІИ ХИМІИ ВЪ ВЫСШЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛѢ.

Съ вопросомъ о постановкѣ преподаванія химіи въ высшей медицинской школѣ мнѣ пришлось столкнуться довольно давно. Весною 1887 года я прочелъ студентамъ-медикамъ курсъ органической химіи, а затѣмъ послѣ двухлѣтняго перерыва (вслѣдствіе заграничной командировки) мнѣ снова пришлось читать студентамъ-медикамъ курсъ химіи, но уже неорганической, и это чтеніе я продолжаю и до сихъ поръ. Въ весенніе семестры 1902 и 1907 годовъ я кромѣ того читалъ на томъ же факультетѣ и курсъ органической химіи. Сверхъ всего этого мнѣ приходилось въ теченіе ряда лѣтъ (1889—1894) руководить практическими занятіями по аналитической химіи. Таковъ мой университетскій опытъ: 25 семестровъ преподаванія неорганической химіи, 3 семестра—органической химіи и 10 семестровъ—аналитической химіи.

Этимъ мое знакомство съ вопросомъ не исчерпывается. Мнѣ пришлось еще преподавать въ теченіе 3-хъ семестровъ органическую химію и въ теченіе 6 семестровъ—аналитическую химію на частныхъ высшихъ медицинскихъ курсахъ г-жи Невіандтъ. Наконецъ, три года я читалъ лекціи неорганической химіи въ женскомъ медицинскомъ институтѣ, а этою весною (1914 г.) я прочелъ тамъ же краткій курсъ (2 часа въ недѣлю) физической химіи.

Все это, вмѣстѣ взятое, какъ кажется, даетъ мнѣ достаточный матеріалъ для болѣе или менѣе правильныхъ заключеній, а потому я и позволю себѣ высказать свои соображенія.

Высшіе женскіе медицинскіе курсы строятъ свои планы препода-

ванія по университетскому типу, а потому все, что будетъ сказано въ отношеніи университетовъ, будетъ относиться и къ нимъ.

---

1. Со введеніемъ университетскаго устава 1884 г. были введены и Правила прохожденія курсовъ на всѣхъ факультетахъ. Если обратимся къ тѣмъ параграфамъ Правилъ, которые имѣютъ значеніе для разсматриваемаго вопроса, то узнаемъ слѣдующее. Въ первомъ полугодіи преподается неорганическая химія въ количествѣ 6-ти недѣльныхъ часовъ; во второмъ полугодіи—органическая химія по 4 часа въ недѣлю. Такимъ образомъ студенту вмѣняется въ обязанность прослушать оба эти основные отдѣла химіи въ теченіе перваго же года пребыванія въ университетѣ—на 1-мъ курсѣ. При этомъ неорганическая химія входитъ въ составъ первой части полукурсового испытанія (§§ 8 и 9), а органическая химія—въ составъ второй части его, слѣдовательно, Правилами устанавливается сдача неорганической химіи по прослушаніи предметовъ 1-го курса, сдача же органической химіи требуется лишь по прослушаніи предметовъ 2-го курса.

Что касается аналитической химіи, для которой отводится Правилами 4 часа лекцій въ третьемъ полугодіи, то здѣсь чаще всего лекціи въ подлинномъ смыслѣ замѣняются коллоквіумомъ во время самыхъ занятій.

Такимъ образомъ только что оставившій гимназическую скамью молодой человѣкъ долженъ въ первое же полугодіе прослушать 6-часовой недѣльный курсъ неорганической химіи, чтобы въ слѣдующемъ второмъ полугодіи прослушать 4-часовой курсъ органической химіи. На слѣдующій годъ въ осеннемъ полугодіи (3-й семестръ) онъ долженъ исполнить работы по аналитической химіи.

2. Сравнивая время, отводимое для преподаванія химіи на медицинскихъ факультетахъ, со временемъ, которое затрачивается для тѣхъ же цѣлей на естественныхъ отдѣленіяхъ физико-математическихъ факультетовъ, мы увидимъ, что медику отводится для изученія неорганической химіи въ $1^1/_3$—$1^2/_3$ разъ меньше времени [1]), чѣмъ натуралисту, а по органической и аналитической химіи—ровно вдвое меньше. Отсюда сильное сжиманіе объема преподаваемаго предмета и неизбѣжно съ этимъ связанная нѣкоторая поверхностность изложенія.

---

[1]) На нѣкоторыхъ естественныхъ отдѣленіяхъ неорганическая химія читается 4 годовыхъ часа, на другихъ, какъ, напр., въ Харьковѣ—5 годовыхъ часовъ.

Въ отношеніи *неорганической химіи* дѣло стоитъ особенно остро: вѣдь приходится излагать предметъ человѣку, совсѣмъ почти неподготовленному къ воспріятію его. А если къ этому присоединить особенности терминологіи, химическаго обозначенія и трудно дающіяся основныя представленія, то ясно станетъ, какую огромную и трудную работу задаютъ новичку, надъ которымъ висятъ строгія требованія курсовой системы. Потому-то у многихъ студентовъ сразу опускаются руки, и они „закладываютъ" неорганическую химію, т. е. откладываютъ сдачу ея на другой срокъ.

Правилами (§ 16), дѣйствительно, допускается отложить экзаменъ по одному предмету до мая будущаго года, т. е. до 4-го семестра. Наступаетъ этотъ 2-ой годъ, и студентъ, не сдавшій неорганической химіи, является работать въ аналитической лабораторіи. Онъ стоитъ на законной почвѣ, отказать ему нельзя; но это не сознательная работа. И когда, отработавъ аналитику, онъ приходитъ сдавать неорганическую химію, нерѣдко затрудняется отвѣтить на самый простой вопросъ—напримѣръ, каковы свойства сѣроводорода. Только что сказанное поясняетъ, что аналитическую химію студентъ можетъ, что называется, сбыть съ плечъ—и больше ничего.

Не лучше дѣло обстоитъ и съ *органическою химіею.* Какъ было уже сказано, студентъ долженъ слушать ее на первомъ курсѣ, сдавать же экзаменъ ему положено на 2-мъ курсѣ. Ясно, что студенту гораздо удобнѣе сдавать органическую химію тотчасъ вслѣдъ за прослушаніемъ этого предмета. Потому-то аудиторія преподавателя, читающаго органическую химію *второму семестру,* на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ студентовъ 4-го семестра. А такъ какъ физіологія и физіологическая химія читаются уже съ 3-го семестра, то, слѣдовательно, преподаватели этихъ дисциплинъ имѣютъ передъ собою слушателей, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ никакого представленія объ органической химіи. О сознательномъ отношеніи къ читаемымъ весьма важнымъ предметамъ и рѣчи быть не можетъ.

Практическія занятія *аналитическою химіею,* на которую планъ преподаванія отводитъ одно третье полугодіе, растягиваются обычно на два полугодія, что̀ обусловлено большимъ числомъ студентовъ-медиковъ. Самыя занятія въ различныхъ университетахъ проводятся различно въ зависимости отъ числа студентовъ, емкости лабораторій, числа лаборантовъ и средствъ, ассигнуемыхъ на эти занятія. Изъ своего опыта я могу указать, что, при наличности въ лабораторіи

35 рабочихъ мѣстъ и при небольшомъ числѣ студентовъ, каждый изъ нихъ могъ проработать 6 недѣль по 18 часовъ, т. е. всего 108 часовъ, тогда какъ при увеличеніи числа студентовъ неминуемо приходилось сокращать программу занятій даже до 54 часовъ, т. е. вдвое. Правда, это все-таки больше, чѣмъ сколько дается для такого практикума студенту-медику въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ. Въ 1906 г., посѣщая цѣлый рядъ химическихъ лабораторій нѣмецкихъ университетовъ, я не разъ на мой вопросъ, когда занимаются студенты-медики, слышалъ: nur im Sommersemester—am Samstag—2 Stunden nach Mittag.

Какъ уже было указано выше, изученіе аналитической химіи ставится въ особенно неблагопріятныя условія и тѣмъ обстоятельствомъ, что къ этимъ занятіямъ можетъ приступать студентъ, не сдавшій неорганической химіи. Но можно ли поручиться, что такой студентъ по крайней мѣрѣ посѣщалъ лекціи и хотя „со словъ" чему-нибудь учился?

3. Приведенныя выше данныя побудили меня въ ноябрѣ 1910 года войти въ совѣтъ профессоровъ женскаго медицинскаго института съ докладомъ слѣдующаго содержанія:

„Наблюденія мои въ теченіе многихъ лѣтъ привели къ тому глубокому и твердому убѣжденію, что постановку преподаванія химіи во всемъ ея объемѣ какъ на медицинскихъ факультетахъ русскихъ университетовъ, такъ и въ спеціальныхъ медицинскихъ учебныхъ заведеніяхъ (военно-медицинская академія, женскій медицинскій институтъ въ Петроградѣ) должно считать до извѣстной степени отсталою и недостаточно согласованною съ общею задачею преподаванія химіи. Это побуждаетъ меня обратить вниманіе совѣта на необходимость пересмотрѣть вопросъ о постановкѣ преподаванія химіи въ ея цѣломъ, особенно принимая во вниманіе, что нашъ женскій медицинскій институтъ—учрежденіе молодое, только что устраивающееся. Было бы очень жаль, если бы преподаваніе столь важной, основной дисциплины пошло по старому пути".

„Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, позволяю себѣ войти въ разсмотрѣніе этого вопроса.

1. Какъ извѣстно, на медицинскихъ факультетахъ преподаются неорганическая, органическая и аналитическая химія. Въ наше время страннымъ представляется полное отсутствіе въ программѣ преподаванія химіи того ея отдѣла, который именуется *физической химіею*. Въ теченіе послѣднихъ 25-ти лѣтъ этотъ отдѣлъ химіи развился не-

обычайно широко и уже далъ чрезвычайно цѣнные результаты. Смотря на преподаванiе химiи—въ первую очередь какъ на средство сообщить слушателямъ наиболѣе полное и современное естественнонаучное развитiе, я считаю безусловно необходимымъ уже по этому одному прибавить введенiе преподаванiя физической химiи. Если къ этому присоединить существенное значенiе физической химiи для освѣщенiя цѣлаго ряда вопросовъ неорганической, органической и аналитической химiи, то введенiе въ програму физической химiи становится совершенно понятнымъ. Наконецъ, нельзя забывать, что цѣлый рядъ вопросовъ, разсматриваемыхъ физической химiею, имѣетъ ближайшее отношенiе къ физiологiи и патологiи".

„Предлагая ввести въ програму женскаго медицинскаго института преподаванiе физической химiи, я имѣю въ виду, разумѣется, основы этой науки. Для изложенiя этого предмета въ такомъ объемѣ, на мой взглядъ, достаточно 1—2 часовъ (годовыхъ), а самое преподаванiе можно вести на 2-мъ курсѣ (въ весеннемъ полугодiи) или на 3-мъ курсѣ (въ осеннемъ полугодiи)".

2а. „Обращаясь къ преподаванiю неорганической химiи, я долженъ указать, что назначенные программами медицинскихъ факультетовъ 6 часовъ достаточны для изложенiя этого предмета; но помѣщенiе чтенiй этого предмета въ осеннемъ полугодiи представляетъ нѣкоторое неудобство, и вотъ почему. Слушатели приступаютъ къ изученiю химiи, имѣя довольно слабую подготовку по физикѣ, а потому усвоенiе химiи—предмета, располагающаго къ тому же совершенно особенною терминологiею,—представляетъ большiя трудности, и, конечно, усвоенiе совершится легче, если нагрузка преподаванiя неорганической химiи будетъ распредѣлена на два полугодiя—4 часа въ осеннемъ полугодiи и 2 часа въ весеннемъ".

„Такое раздѣленiе нисколько не будетъ препятствовать слушанiю органической химiи въ весеннемъ полугодiи, такъ какъ всѣ основные законы и теорiи неорганической химiи будутъ уже изложены, и основной элементъ органической химiи—углеродъ—уже изученъ".

2б. „Каждому, приступавшему къ изученiю неорганической химiи, памятны, конечно, тѣ затрудненiя, какiя встрѣчались при желанiи по возможности быстро и полно усвоить этотъ предметъ. Своеобразная номенклатура, совершенно необычный прiемъ изображенiя результатовъ взаимодѣйствiя тѣлъ (химическая формула, химическое уравненiе и проч.), наконецъ, совсѣмъ смутное представленiе о веществѣ и его физическихъ и химическихъ свойствахъ—все это до такой сте-

пени ново и—скажемъ прямо—трудно для перваго пониманія, что преподаваніе неорганической химіи, на мой взглядъ, должно быть обставлено особыми заботами. Эти именно соображенія въ свое время, лѣтъ 20 тому назадъ, побудили меня въ университетѣ ввести практическія занятія по неорганической химіи для студентовъ физико-математическаго факультета".

„Эти занятія привились въ совершенствѣ, и теперь организація ихъ въ университетѣ (а также въ технологическомъ институтѣ) вошла, какъ составная часть преподаванія, въ программу физико-математическаго факультета. Но что можно исполнить при наличности десятковъ лицъ, интересующихся этимъ предметомъ, то, конечно, немыслимо выполнить, когда десятки замѣняются сотнями".

„Медицинскіе факультеты университетовъ и нашъ женскій медицинскій институтъ по этой послѣдней причинѣ лишены возможности оказать помощь слушателямъ и слушательницамъ примѣненіемъ этого пріема. Но все же слѣдуетъ основательно обдумать, нельзя ли что либо сдѣлать въ этомъ направленіи. Такъ, устройство семинара уже значительно помогло бы достиженію цѣли".

3. „Переходя къ вопросу о преподаваніи аналитической химіи, я полагаю необходимымъ высказаться рѣшительно противъ перенесенія занятій по этому предмету на первый курсъ (весенній семестръ). Это стоитъ въ связи съ общимъ пониманіемъ преемственности предметовъ. Но нельзя скрывать, что веденіе практическихъ занятій по аналитической химіи на второмъ курсѣ нѣсколько тормозитъ преподаваніе біологической химіи".

„Во всякомъ же случаѣ слѣдуетъ принять, какъ необходимое условіе для успѣшнаго преподаванія аналитической химіи, предварительную сдачу экзамена по неорганической химіи".

4. „Обращаясь, наконецъ, къ преподаванію органической химіи, я полагалъ бы возможнымъ сохранить для этого предмета 4 полугодовыхъ часа, но ввелъ бы одно дополнительное условіе. Всякій знаетъ, что нѣкоторыя органическія вещества примѣняются для окраски гистологическихъ препаратовъ; другія, являясь конечными продуктами распада болѣе сложныхъ веществъ (напр. бѣлковъ), конечно, имѣютъ значеніе для патологіи и т. д. Мнѣ казалось бы желательнымъ, при преподаваніи органической химіи, принять, по возможности, во вниманіе нужды основныхъ медицинскихъ дисциплинъ".

4. Совѣтъ, соглашаясь въ общемъ съ моими соображеніями, поручилъ комиссіи изъ профессоровъ Валяшко, Данилевскаго, Красус-

каго, Кримберга, Осипова и Чирикова обсудить возбужденные докладною запискою вопросы и свои заключенія представить на разсмотрѣніе совѣта.

Въ засѣданіи комиссіи, происходившемъ 2-го февраля 1911 года, кромѣ перечисленныхъ выше членовъ ея, присутствовалъ по приглашенію комиссіи также профессоръ университета В. Ф. Тимоѳеевъ. Былъ прочитанъ вышеприведенный докладъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ обмѣнѣ мнѣній приняли участіе всѣ члены комиссіи, при чемъ первое слово было предоставлено проф. В. Ф. Тимоѳееву.

Профессоръ В. Ф. Тимоѳеевъ призналъ высказываемую въ докладѣ мысль о введеніи преподаванія физической химіи справедливою и указалъ на рядъ тѣхъ вопросовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ къ нему обращались нѣкоторые врачи: всѣ эти вопросы были физико-химическаго характера. На ряду съ этимъ онъ находилъ желательнымъ въ цѣляхъ помочь усвоенію предмета слушательницами ввести теоретическія упражненія по неорганической химіи; опытъ, произведенный имъ въ предыдущемъ году на высшихъ женскихъ курсахъ, убѣдилъ его въ цѣлесообразности такого рода занятій.

Обмѣнъ мнѣній между членами комиссіи выяснилъ полную солидарность ихъ взглядовъ на основные вопросы, затрогиваемые докладомъ, и комиссія очень скоро пришла къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ:

I. Относительно неорганической химіи: 1) признать желательнымъ раздѣленіе чтенія на 2 семестра—4 часа въ осеннемъ и 2 часа въ весеннемъ семестрѣ, 2) признать желательнымъ помочь усвоенію курса неорганической (и органической) химіи введеніемъ теоретическихъ упражненій, для которыхъ должны быть приглашены особыя лица.

II. Относительно органической химіи: признать 4 часа чтенія достаточными для изложенія предмета, но при изложеніи предмета слѣдуетъ принять во вниманіе, насколько то позволяетъ время и самый планъ изложенія, интересы нѣкоторыхъ медицинскихъ дисциплинъ. По поводу этого послѣдняго пункта проф. И. А. Красускій высказалъ, что при этомъ условіи число часовъ органической химіи должно быть увеличено и что такое согласованіе не требуется задачею преподаванія органической химіи.

III. Относительно аналитической химіи: признать необходимымъ 1) вести занятія по качественному анализу на 2-мъ курсѣ и 2) самое преподаваніе аналитической химіи должно быть пополнено изуче-

ніемъ хотя бы немногихъ примѣровъ количественнаго анализа—вѣсоваго и объемнаго, которыми и долженъ завершаться курсъ аналитической химіи.

IV. Введеніе преподаванія физической химіи признать необходимымъ въ размѣрѣ 2-хъ часовъ въ одно полугодіе, при чемъ желательно, чтобы чтеніе этого курса предшествовало изложенію біологической химіи.

V. Для полнаго и болѣе совершеннаго устройства преподаванія всѣхъ отдѣловъ химіи—неорганической, органической, аналитической и біологической, признается необходимымъ распредѣлить преподаваніе предметовъ, входящихъ въ составъ полулѣкарскаго испытанія, на 5 семестровъ, взамѣнъ 4-хъ теперь имѣющихся.

Такое желаніе вызывается слѣдующими положеніями: 1) органическая химія сдается послѣ сдачи неорганической и передъ слушаніемъ біологической химіи; 2) къ занятіямъ по аналитической химіи допускаются только слушательницы, сдавшія неорганическую химію; 3) къ занятіямъ по біологической химіи могутъ быть допускаемы только окончившія работы по аналитической химіи.

Такимъ образомъ комиссія высказывается за удлиненіе срока пребыванія въ медицинскомъ институтѣ на 1 семестръ, что особенно представляется необходимымъ въ виду требованій, предъявленныхъ министерствомъ къ слушательницамъ относительно сдачи дополнительныхъ экзаменовъ, требующихъ отъ нихъ и огромнаго труда, и большого количества времени.

Вслѣдствіе различныхъ причинъ, отъ членовъ комиссіи не зависѣвшихъ, вышеприведенныя заключенія ея доложены совѣту профессоровъ только въ мартѣ 1912 года. Совѣтъ принялъ первые четыре пункта доклада комиссіи, пунктъ же V, какъ затрагивающій всю систему преподаванія, не счелъ возможнымъ обсуждать.

5. Въ слѣдующемъ же учебномъ году (1912—1913), приблизительно съ ноября мѣсяца, мною былъ заведенъ *семинаръ*. Для осуществленія этой задачи мною были приглашены двѣ слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ въ Харьковѣ, избравшія своею спеціальностью химію и закончившія уже слушаніе всѣхъ положенныхъ предметовъ. Такой выборъ былъ обусловленъ слѣдующимъ соображеніемъ: каждый учащійся менѣе стѣсняется тоже учащагося и потому свободнѣе предлагаетъ вопросы. А это я считалъ весьма важнымъ. Само собою разумѣется, что программа занятій въ семинарѣ была выработана мною, и мои помощницы должны были безусловно слѣдовать принятому плану. Но я полагалъ, что онѣ, только что сами спра-

вавшіяся съ трудною задачею изученія химіи, могутъ быть полезны своими указаніями, и потому окончательно установленъ былъ планъ семинара послѣ совмѣстнаго обсужденія.

Слушательницы института очень охотно приступили къ занятіямъ въ семинарѣ—группами по 30 человѣкъ на каждую помощницу, при чемъ каждой изъ послѣднихъ пришлось провести отъ 4 до 5 группъ.

Для примѣровъ и задачъ мы пользовались главнымъ образомъ учебникомъ проф. Сперанскаго и курсомъ Ал. Смита.

Результаты получились весьма удовлетворительные, какъ это показали экзамены: формулы и уравненія писались легко, языкъ отвѣтовъ былъ весьма точенъ, самые отвѣты были полнѣе и глубже. На второй годъ, т. е. въ истекшемъ 1913—1914 учебномъ году, программа семинара была нѣсколько измѣнена. Въ этомъ измѣненномъ видѣ она и приводится.

Программа химическаго семинара.

1-ое занятіе. Предметъ химіи.—Тѣло и вещество.—Простыя вещества и элементы.—Сложныя тѣла.—Молекулы; атомы.—Символы, формулы и уравненія.—Типы реакцій: 1) Разложеніе. 2) Соединеніе; примѣры; задачи. 3) Вытѣсненіе; задачи. 4) Двойной обмѣнъ; примѣры.

2-ое занятіе. Законъ постоянства состава (вѣсовой и объемный анализъ); примѣры. — Законъ кратныхъ отношеній; примѣры. — Законъ паевъ; примѣры.—Эквивалентъ; примѣры.—Неудобство эквивалента, какъ соединительнаго вѣса; примѣры.—Валентность; примѣры.

3-ье занятіе. Газовые законы.—Законъ Бойля-Маріотта.—Законъ Гэ-Люссака.—Абсолютная температура.

4-ое занятіе.—Законъ Гэ-Люссака объ объемныхъ отношеніяхъ газовъ при образованіи соединеній.—Законъ Авогадро-Жерара.—Плотность газовъ и паровъ.—Примѣры.—Выводъ формулы для опредѣленія молекулярнаго вѣса: $M=2d$.—Понятіе о граммо-молекулѣ и граммоатомѣ.

5-ое занятіе. Граммо-молекулярный объемъ. Примѣры.—Опредѣленіе молекулярнаго вѣса по граммо-молекулярному объему. Примѣры.—Опредѣленіе атомнаго вѣса. Примѣры.—Сравненіе эквивалента и атомнаго вѣса. Примѣры.—Законъ Дюлонга-Пти. Примѣры.—Опредѣленіе атомнаго вѣса по закону Дюлонга-Пти.

6-ое занятіе. Выводъ формулы сложныхъ соединеній.—а) Опредѣленіе %-наго состава соединеній.—б) Выводъ формулы на основаніи %-наго состава.—Задачи.

7-ое занятіе. Окислы: 1) основные, 2) кислотные, 3) промежуточные. Примѣры.—Номенклатура окисловъ.—Гидраты окисловъ: 1) основные, 2) кислотные. Примѣры.—Ангидриды. Примѣры.—Кислоты; номенклатура. Примѣры.—Теорія кислотъ: 1) дуалистическая (Лавуазье): 2) электрохимическая (Берцеліуса); 3) водородная (Дэви); 4) гидроксильная.—Строеніе кислотъ.—Основность кислотъ.

8-ое занятіе. Основанія.—Способы полученія.—Валентность.—Соли.—Способы полученія.—Номенклатура.—Гидролизъ солей.—Гидраты (кристаллогидраты). Примѣры. — Растворы (нормальный и граммо-молекулярный).

9-е занятіе. Классификація элементовъ.—Берцеліусъ (раздѣленіе на металлы и металлоиды).—Дёберейнеръ (тріады).—Ньюландсъ (законъ октавъ).—Менделѣевъ (періодическая система элементовъ).—Приложенія періодической системы элементовъ: а) Предсказаніе новыхъ элементовъ. б) Опредѣленіе свойствъ элементовъ по мѣсту въ періодической системѣ. в) Опредѣленіе атомнаго вѣса по свойствамъ элемента.—Примѣры.

6. Но кромѣ этого теоретическаго семинара мнѣ очень хотѣлось придти на помощь слушательницамъ еще и иначе: хотя бы въ общихъ чертахъ познакомить ихъ со свойствами вещества и его превращеніями. Какъ уже указывалось выше, осуществить *практическія занятія* по общей химіи представлялось невозможнымъ. Поэтому я, посовѣтовавшись съ моею весьма достойною ассистенткою, К. В. Роллъ, рѣшилъ испробовать слѣдующій пріемъ. Въ извѣстный день и часъ въ аудиторіи собиралась группа слушательницъ до 40 человѣкъ; имъ заранѣе объявлялась тема занятій—напр., о хлорѣ и хлористомъ водородѣ. На аудиторномъ столѣ было приготовлено все, что нужно для составленія приборовъ и производства опытовъ. Подъ руководствомъ ассистентки 2—3 слушательницы собирали и наполняли приборъ, въ то время какъ другія двѣ писали на доскѣ соотвѣтствующія уравненія. Когда приборъ пускался въ ходъ, къ нему приходили новыя слушательницы и уже въ большемъ числѣ, чтобы продѣлать тѣ или другія реакціи. Со вторыми, третьими и т. д. приборами повторялось то же; но участвовавшія слушательницы, конечно, смѣнялись. Если бы какой либо слушательницѣ не удалось самостоятельно участвовать въ занятіяхъ одного дня, она попадала въ очередь при занятіяхъ одного изъ послѣдующихъ дней.

Эти занятія сразу завоевали симпатіи слушательницъ и проходили необыкновенно живо. Я первое время остерегался появляться,

чтобы не смущать молодыхъ практикантокъ; но оказалось, что онѣ были очень рады видѣть меня, чтобы и мнѣ задавать вопросы.

Долженъ, однако, сказать, что этого рода занятія требуютъ необыкновенной энергіи, и осуществить ихъ удалось благодаря рѣдкой преданности К. В. Роллъ своему дѣлу.

Изъ всего предыдущаго, мнѣ кажется, видно, что при желаніи и энергіи можно многое поправить, не производя коренной ломки. Но, къ сожалѣнію, не вездѣ и не всегда можно осуществить то, что мною сдѣлано въ женскомъ медицинскомъ институтѣ. Такъ, видя, какіе благопріятные результаты получаются отъ введенія теоретическаго семинара и группового практикума, я обратился въ медицинскій факультетъ Харьковскаго университета съ соотвѣтствующимъ рапортомъ. Медицинскій факультетъ призналъ это желательнымъ, но за недостаткомъ средствъ отклонилъ. Черезъ годъ я снова вошелъ съ рапортомъ; результатъ былъ тотъ же. А средствъ для этого требуется совсѣмъ немного: до 200 рублей въ годъ.

7. Вслѣдствіе большого числа занятій, а главное—вслѣдствіе новизны самаго дѣла прочесть курсъ *физической химіи* мнѣ удалось только въ истекшемъ академическомъ году. Лекціи эти привлекли вниманіе слушательницъ и посѣщались очень хорошо: при общемъ числѣ 320 слушательницъ 1-го курса минимальное число посѣщавшихъ лекціи доходило до 100. Но бывали дни, когда число слушательницъ доходило до 200 и выше.

Я долженъ сказать, что такому успѣху лекцій содѣйствовало прекрасное ассистированіе уже упоминавшейся выше К. В. Роллъ и стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію Г. Е. Мухина. Различнаго рода приборы и установки брались на время изъ университета и технологическаго института. Привожу программу прочитаннаго курса. Въ основу его положены капитальные курсы Оствальда и Нернста, а также Джонса и Рейхлера. Для цѣлей же освѣщенія съ спеціальной точки зрѣнія я воспользовался довольно большою литературою, списокъ которой ниже прилагается.

Програма курса физической химіи, читаннаго въ женскомъ медицинскомъ институтѣ Харьковскаго медицинскаго общества въ весеннемъ семестрѣ 1913—1914 академическаго года.

Лекція 1-ая. Что изучаетъ физическая химія.—Значеніе ея для медицинскихъ дисциплинъ.—Теорія растворовъ.—Какъ происходитъ раствореніе.—Истинные растворы и ложные (псевдорастворы).—Рас-

творитель и растворимое.—Концентраціи раствора въ %-хъ, эквивалентахъ и моляхъ. — Наблюденіе аббата Нолле. — Полупроницаемыя перепонки М. Траубе. — Изслѣдованія Пфеффера. — Осмотическое давленіе.

Лекція 2-ая. Наблюденія Благдена.—Изслѣдованія Рауля надъ температурою замерзанія растворовъ.—Законъ Рауля для разведенныхъ растворовъ. — Кріоскопія по Бекману. — Изслѣдованія Рауля надъ пониженіемъ упругости пара растворовъ и надъ повышеніемъ ихъ точки кипѣнія.—Законности здѣсь наблюдаемыя.—Опредѣленіе молекулярнаго вѣса кріоскопическимъ и эбуліоскопическимъ методами.

Лекція 3-ья. Изслѣдованія Де-Фриса надъ плазмолизомъ.—Изотоническіе (изоосмотическіе) коэффиціенты.—Примѣненіе плазмолитическаго метода къ опредѣленію молекулярнаго вѣса.—Теорія растворовъ Вантъ-Гоффа.—Примѣнимость общаго уравненія газоваго состоянія $pv=RT$ къ растворамъ.—Случаи отступленій.—Коэффиціентъ „i“ Вантъ-Гоффа.

Лекція 4-ая. Изслѣдованія Гамбургера надъ красными кровяными шариками.—Явленія гемолиза подчинены тѣмъ же законностямъ, какъ и плазмолизмъ.—Методъ Гедина и Кеппе (гематокритный).—Наблюденія Массара надъ отношеніемъ бактерій къ растворамъ солей.—Опыты съ глазомъ.—Осмотическое давленіе крови.—Гиперизотоническіе и гипоизотоническіе растворы по Гамбургеру: противоположность дѣйствія на организмъ.—Опыты Либиха надъ осмотическимъ давленіемъ и его заключенія.—Опыты Гамбургера съ лошадью.

Лекція 5-ая. Растворы неэлектролитовъ и электролитовъ.—Константа молекулярнаго пониженія температуры замерзанія водныхъ растворовъ сахара и вообще неэлектролитовъ.—Измѣненія этой константы въ случаѣ водныхъ растворовъ электролитовъ.— Вліяніе разбавленія на измѣненія константы.—Іоны.—Электролизъ сѣрнокислаго натрія (толкованіе явленія при формулахъ Лавуазье-Берцеліуса, Деви и современной). —Электролизъ съ растворимымъ анодомъ (сѣрная кислота съ мѣднымъ анодомъ, никкелированіе мѣди и угля).

Лекція 6-ая. Наблюденія Гитторфа надъ переносомъ іоновъ.—Переносъ іоновъ по Нернсту; растворъ $KMnO_4$.—Теорія электролитической диссоціаціи Аррениуса.—Степень диссоціаціи.—Измѣренія ея методомъ электропроводности по Кольраушу. — Электропроводность растворовъ сѣрной кислоты, уксусной к., амміака и уксусно-аммоніевой соли.— Различіе въ цвѣтѣ диссоціированной и недиссоціированной молекулы.—Сложные іоны.

Лекція 7-ая. Опредѣленіе осмотическаго давленія изъ наблюденій надъ пониженіемъ точки замерзанія, надъ повышеніемъ точки кипѣнія и надъ электропроводностью.—Равновѣсіе между диссоціированною и недиссоціированною частями.—Вліяніе температуры (Гейдеръ).—Вліяніе прибавленія одного изъ іоновъ („произведеніе растворимостей“ Нернстъ).

Лекція 8-ая. Приложенія теоріи растворовъ къ вопросамъ гигіены.—Дѣйствія дезинфекціонныхъ веществъ съ точки зрѣнія теоріи электролитической диссоціаціи (Пауль и Крёнигъ). — Дезинфекціонная пастилька нѣмецкой фармакопеи.—Приложенія теоріи электролитической диссоціаціи въ области фармакологіи (мочевая кислота—Гисъ и Пауль), терапіи (лѣченіе водами, льдомъ) и физіологіи (альбумоза—Бугарскій и Либерманъ).

Лекція 9-ая. Первыя наблюденія надъ „псевдорастворами“ (Франческо Сельми).—Изслѣдованія Томаса Грэма надъ „кристаллоидами“ и „коллоидами“.—Золи и гели Грэма.—Современная номенклатура; „дисперсіонная среда“ и „дисперсная фаза“.—Общія свойства коллоидальныхъ растворовъ и отличіе ихъ отъ истинныхъ растворовъ.—Явленіе Тиндалля; принципъ ультрамикроскопа.—Броуново движеніе.—Методы полученія коллоидовъ.—Гидрозоли золота и сѣрнистаго мышьяка.—Отношеніе коллоидныхъ растворовъ къ электролитамъ.—„Защитные“ коллоиды.

Лекція 10-ая. Коллоидная химія и различныя медицинскія дисциплины.—Значеніе коллоидной химіи для физіологіи: „мицеллы“ Нэгели; составъ протоплазмы; казеинъ женскаго и коровьяго молока.—Значеніе ея для патологіи: изслѣдованія Фишера надъ отеками.—Примѣненіе коллоидовъ въ фармакологіи (колларголь и др.).

Общія заключенія о значеніи теоріи растворовъ для объясненія явленій съ живою тканью.—Дѣйствіе на клѣточку гипотоническихъ (Эррера, Пантанелли) и гипертоническихъ (Ф. Риссельберга) растворовъ. — Полупроницаемость и проницаемость клѣточки; липоидная теорія Овертона.

Изслѣдованія въ области медицины могутъ давать результаты, полезные для оцѣнки точности метода (осмотическое давленіе крови матери и плода по изслѣдованіямъ Фейта и Крёнига съ Фютомъ).

Пособія при чтеніи курса физической химіи для медиковъ.

P. Achalme. Electronique et Biologie, Paris, 1913.
Arndt. Grundbegriffe der physikalischen Chemie.
Bechold, H. Die Kolloide in Biologie und Medicin.

Buchner. Angewandte Jonenlehre f. Studierende, Chemiker, Biologen, Aerzte и A., München, 1912.

Cohen, Ernst, Dr. Vorträge für Aerzte über physikalische Chemie, 2-te Auflage, 1907.

Freundlich. Kapillarchemie.

Glikin. Biochemisches Taschenbuch.

Hamburger. Osmotischer Druck und Jonenlehre in den medicinischen Wissenschaften; in 3 Bänden: I—1902; II u. III—1904.

Hamburger. Osmotischer Druck und Jonenlehre in ihrer Bedeutung f. die Physiologie u. die Pathologie des Blutes; Berlin, 1912.

Höber. Physikalische Chemie der Zelle.

Kauffmann. Allgemeine und physikalische Chemie, Bd. 1—2.

Köppe. Physikalische Chemie in der Medicin. Einführung in die physik. Chemie u. ihre Verwertung in der Medicin; Wien, 1900.

Liesegang. Kolloidchemie des Lebens.

Michaelis. Dynamik der Oberflächen.

Pincussohn. Med.-chem. Laboratoriums—Hilfsbuch.

Th. Svedberg. Die Methoden zur Herstellung kolloider Lösungen.

Tigerstedt. Handbuch der physiologischen Methodik; Bd. I, Abt. II.

Waldheim. Reagentien und Reaktionen.

Задачею настоящей статьи было обратить вниманіе на настоятельную, давно назрѣвшую необходимость пополнить и въ извѣстной мѣрѣ измѣнить постановку преподаванія химіи. Могутъ возразить: откуда же взять время?

Помимо того, что опытъ, произведенный мною, показываетъ, что время можно найти, я могу указать еще на слѣдующее. Съ давнихъ временъ повелось, что медикамъ излагается минералогія; позволительно спросить: необходимо ли это? и не лучше ли было бы замѣнить этотъ предметъ ознакомленіемъ съ основами геологіи? Такая замѣна дала бы нѣкоторое сбереженіе времени — до одного часа въ полугодіе.

Съ другой стороны, едва ли кто либо станетъ отрицать, что преподаваніе фармаціи и фармакогнозіи съ практическими занятіями можетъ быть значительно сокращено. При этомъ, въ зависимости отъ вновь принятой программы, освободилось бы отъ одного до двухъ годовыхъ часовъ.

Позволяю себѣ указать на эти возможности, будучи убѣжденъ, что солидное усвоеніе химіи съ лихвою вознаградитъ за указанныя измѣненія.

И. Осиповъ.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ ЗА СТО ЛѢТЪ (1815—1914).

I. Высшее образованіе въ Царствѣ Польскомъ за 1815—1869 годы.

Первыя высшія учебныя заведенія были открыты въ Варшавѣ въ 1808 и 1809 годахъ, когда Варшава была столицею Варшавскаго герцогства. Это были: юридическая школа съ присоединенной къ ней въ 1811 году школой административныхъ наукъ и школа медицинская[1]).

[1]) Внѣшняя исторія высшаго образованія въ Царствѣ Польскомъ до открытія университета составлена преимущественно на основаніи работы б. ректора Императорскаго Варшавскаго университета *И. П. Щелкова*: „Очеркъ исторіи высшихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ до открытія Императорскаго Варшавскаго университета", Варш. Унив. Изв., 1893 г., VIII и IX. См. также: Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго. Т. VI, 1868. Obraz historyczno-statystyczny byłego uniwersytetu Królewsko-warszawskiego do roku 1830. Przyjaciel ludu 1844, t. 2 и 1845. Akt uroczystego otwarcia r. 1857 Ces. Król. Warszawskiej medyko-chirurgicznej akademii oraz wiadomosci dotyczące pierwotnego jej urządzenia. Warsz. *Girsztowt*, Rys historyczno-statystyczny Ces. Król. Warsz. med. chir. akademii. Warszawa, 1863. *I. Kraszewski*, Otwarcie szkoły głównej warszawskiej, 1862. T. II. *A. Kraushaar*, Siedmiolecie szkoly głównej warszawskiej, 1883;—касается только юридическаго отдѣленія. Wykazy szkoły głównej warszawskiej, 1864—1868, №№ 1—10. Послѣдніе пять номеровъ печатались и на русскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Обозрѣніе чтеній въ варшавской главной школѣ". *Józef Bielinski*, Królewski Uniwersytet Warszawski (1816—1831), t. I, 767 стр. Warszawa, 1907. *В. И. Александренко*, Изъ исторіи Варшавскаго университета, С.-Пб., 1908 (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1908). *С. Никольскій*, 35-лѣтіе Варшавскаго университета, Русскій Вѣстникъ, 1904 г., декабрь. *Н. Н. Любовичъ*, Варшавскій университетъ и научное изученіе Царства Польскаго. В. Д. 1906, № 256. *Б. Глѣбскій*, Русская наука въ Варшавѣ, К. Т. 1910, № 5194. *Г. Э. Зенгеръ*, о Варшавскомъ университетѣ, Варшавскій Дневникъ 1897 г., №№ 252, 256, 262. *С. И. Вѣховъ*, библіотека Имп. Варш. унив. и ея новое зданіе, 1896. *В. Есиповъ*, Народное образованіе въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго за 90 лѣтъ, 1816—1906, его успѣхи и развитіе за послѣднее сорокалѣтіе. Низшія, среднія и высшія школы, университетъ. Въ Тр. В. С. К., 1907 г., выпускъ

Юридическая школа обязана своимъ возникновеніемъ министру юстиціи Варшавскаго герцогства, графу Лубенскому, и первоначально имѣла характеръ частнаго учрежденія; помѣщалась въ домѣ Лубенскаго и содержалась на его средства. Офиціально утверждена она въ 1808 году декретомъ Фридриха Августа, короля саксонскаго и герцога варшавскаго. Курсъ ученія былъ трехлѣтній. Открытіе школы послѣдовало 1-го октября 1808 года. Спустя три года, декретомъ 22-го мая 1811 года, къ юридической школѣ присоединенъ былъ отдѣлъ административныхъ наукъ. Декретъ 22-го мая придалъ юридической школѣ весьма важное значеніе, постановивъ, что, по истеченіи шести лѣтъ, никто не могъ быть допущенъ къ экзамену для полученія высшихъ должностей въ государственной службѣ, не окончивъ курса школы по отдѣлу администраціи. Юридическая школа существовала до открытія Варшавскаго Александровскаго университета, въ который она вошла, какъ юридическій факультетъ. Число слушателей ея постепенно увеличивалось; въ 1818 году, послѣднемъ ея самостоятельнаго существованія, ихъ числилось 93.

Медицинская школа основана въ 1809 году Станиславомъ Сташицемъ. Главною задачею ея было приготовленіе военныхъ врачей, въ которыхъ чувствовался крайній недостатокъ. Преподаваніе встрѣчало, однако, большія затрудненія отъ недостатка необходимыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Для практическихъ клиническихъ занятій воспитанниковъ школы служили—больница св. Роха и городской повивальный институтъ.

Правильное устройство высшаго образованія въ Царствѣ Польскомъ послѣдовало при присоединеніи его къ Россійской Имперіи. Указомъ 7-го (29) ноября 1816 года Императоръ Александръ I постановилъ учредить въ Царствѣ Польскомъ главную школу, въ которой юношество, пріобрѣтая познанія по разнымъ отраслямъ наукъ, соотвѣтственно своимъ способностямъ и будущему званію, приготовлялось бы сдѣлаться полезными слугами и гражданами государства. А по сему, говорится въ указѣ, принявъ во вниманіе, что „городъ Варшава, въ которомъ нѣсколько лѣтъ уже процвѣтаютъ два особые

XXVIII. *В. Есиповъ*, Привислинскій край, Варшава, 1907, университетъ. *В. Есиповъ*, Россія и Русская Польша, Варшава, 1908, 8 очерковъ, очеркъ пятый. *В. Есиповъ*, Матеріалы къ исторіи Императорскаго Варшавскаго университета, біографическіе очерки, вып. I, 1913, Варш. Унив. Изв., 1914, № 2. (Вып. II печатается). Народное образованіе въ Царствѣ Польскомъ за 1910 годъ. А) Высшія учебныя заведенія. Труды Варш. стат. комитета, выпускъ XL, 1914.

факультета: юридическо-административныхъ и медицинскихъ наукъ, болѣе всего соотвѣтствуетъ Нашимъ намѣреніямъ, Мы учреждаемъ въ ономъ главную школу, которую удостаиваемъ названія Царскаго университета" [1]).

Предметы, преподававшіеся въ университетѣ, были распредѣлены между пятью факультетами.

На богословскомъ факультетѣ, утвержденномъ буллою папы Пія VII 3-го октября 1818 года, преподаваніе было распредѣлено сперва на три, а начиная съ 1822—23 года, на четыре года. На первыхъ порахъ, однако, число поступавшихъ на богословскій факультетъ было очень ограничено: въ первый годъ по открытіи лекцій (1817—18) было всего лишь 22 воспитанника. Съ открытіемъ семинаріи (въ 1825 году) число воспитанниковъ богословскаго факультета дошло до 29, изъ которыхъ 19 казеннокоштныхъ, а 10 „вольноприходящихъ". Въ слѣдующіе годы число ихъ постепенно возрастало и въ 1829—1830 г. было: казенныхъ 21, „вольноприходящихъ" 28.

Юридическій факультетъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій: на отдѣленіи юридическихъ наукъ курсъ былъ трехлѣтній, на отдѣленіи административныхъ—двухлѣтній; для тѣхъ же, кто проходилъ оба отдѣленія, курсъ продолжался четыре года. По числу слушателей юридическій факультетъ былъ самымъ богатымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ чиселъ: въ 1819—20 году на немъ было слушателей 200, а въ 1829—30 373.

Медицинскій факультетъ существовалъ уже съ 1809 года, подъ названіемъ медицинской школы; съ присоединеніемъ къ университету онъ подвергся большимъ преобразованіямъ, выразившимся въ расширеніи преподаванія. Университетскія клиники помѣщались первоначально въ больницѣ св. Роха, гдѣ онѣ были устроены для медицинской школы, но уже въ 1818 году устроены были особыя—терапевтическая и хирургическая клиники въ одномъ изъ по-іезуитскихъ зданій на Старомъ Мѣстѣ. Каждая изъ нихъ имѣла по 10 кроватей. Послѣ юридическаго, медицинскій факультетъ былъ наиболѣе многочисленнымъ по количеству слушателей; число, по отдѣльнымъ годамъ, было слѣдующее: въ 1818 году 34, въ 1824 — 104, въ 1830—159.

Философскій факультетъ состоялъ по уставу изъ трехъ отдѣле-

[1]) Наименованіе Александровскаго присвоено Варшавскому университету въ память его учредителя, Императора Александра I, Высочайшимъ повелѣніемъ 18-го (30) марта 1830 года.

ній: чисто философскаго, математическаго и естественныхъ наукъ. По числу слушателей философскій факультетъ былъ самый многочисленный, но это зависѣло отъ того, что нѣкоторые предметы его обязаны были слушать студенты другихъ факультетовъ; студентовъ же, занимавшихся исключительно предметами этого факультета, было относительно немного, а именно: въ 1818—19 году—25, въ 1829—30 году 54.

Факультетъ изящныхъ наукъ и искусствъ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ: изящныхъ наукъ и изящныхъ искусствъ. Въ 1821 году при этомъ факультетѣ была основана музыкальная школа (консерваторія), имѣвшая, впрочемъ, особаго ректора; въ 1826 году она получила новый уставъ и была отдана подъ надзоръ одного изъ членовъ правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Число слушателей на факультетѣ изящныхъ наукъ и искусствъ было: въ 1819—20 г. на отд. изящныхъ наукъ 30, на отд. изящныхъ искусствъ 40, въ 1828—30 г. на отд. изящныхъ наукъ 42, на отд. изящныхъ искусствъ 80.

Любопытная подробность: въ 1818 году, когда обсуждался вопросъ о формѣ для профессоровъ (установленной въ 1821 г.), Нѣмцевичъ предлагалъ по примѣру европейскихъ университетовъ и для должнаго уваженія къ профессорамъ возстановить тоги различныхъ цвѣтовъ (малиноваго—для ректора, фіолетоваго цвѣта для декана богословскаго факультета, зеленаго для декана юридическаго факультета и свѣтло-голубого для декана факультета изящныхъ наукъ и искусствъ). Правительственной комиссіей тоги были приняты и изготовленіе ихъ заказано было Виллеру на сумму 9.308 пол. злотыхъ. Рисунокъ этихъ тогъ (синяго цвѣта) сохранила извѣстная картина Бродовскаго (нынѣ висящая въ актовомъ залѣ Императорскаго Варшавскаго университета), на которой изображены деканы факультетовъ съ ректоромъ во главѣ, получающимъ отъ Императора Александра I грамоту объ учрежденіи университета (В. Н. Александренко, l. c.).

Варшавскій Александровскій университетъ былъ закрытъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 12-го (24) октября 1831 года. Осталась только главная семинарія, такъ какъ она существовала отдѣльно отъ университета и находилась подъ управленіемъ варшавскаго архіепископа. Высочайшимъ указомъ 4-го (16) октября 1835 года, эта семинарія была преобразована въ высшее римско-католическое училище подъ названіемъ римско-католической духовной академіи, цѣлью

которой было приготовленіе лицъ духовнаго званія къ занятію въ римско-католической іерархіи Царства Польскаго должностей, требующихъ высшаго ученаго образованія.

Второе по времени спеціальное высшее учебное заведеніе въ Варшавѣ была Императорская и Царская медико-хирургическая академія, уставъ которой Высочайше утвержденъ 4-го іюня 1857 года.

Полный курсъ продолжался для студентовъ медицины пять лѣтъ, для студентовъ фармаціи—два года. Въ первый годъ 1857—8 принято было на медицинское отдѣленіе 184 студента, въ 1858—9 г. 96, въ 1859—60 г. 92, въ 1860—1 г. 41, въ 1860—1861 г. 41, въ 1861—2 пріема уже не было. Всего за пятилѣтнее существованіе академіи въ нее поступило: на медицинское отдѣленіе—413 и на фармацевтическое—184 студента. Первый и единственный выпускъ врачей изъ академіи имѣлъ мѣсто въ 1862 году; окончило курсъ 29 человѣкъ.

8-го мая 1862 года былъ Высочайше утвержденъ уставъ объ общественномъ воспитаніи въ Царствѣ Польскомъ, которымъ преобразованы низшія и среднія учебныя заведенія и учреждено въ Варшавѣ высшее учебное заведеніе подъ названіемъ главной школы съ педагогической при ней семинаріей. Въ эту школу вошла, въ качествѣ медицинскаго ея отдѣленія, варшавская медико-хирургическая академія, а кромѣ того въ ней были еще отдѣленія—физико-математическое, юридическое и историко-филологическое, такъ что она состояла изъ четырехъ отдѣленій, соотвѣтствовавшихъ и содержаніемъ преподававшихся на нихъ предметовъ факультетамъ русскихъ университетовъ.

Число студентовъ главной школы было въ первый ея учебный годъ (1863—4)—602 въ зимнемъ семестрѣ и 599 въ лѣтнемъ, а въ послѣдній академическій годъ 1867—8 г. 1.051 въ зимнемъ семестрѣ и 998 въ лѣтнемъ.

Наиболѣе многочисленнымъ было юридическое отдѣленіе, за нимъ слѣдовало физико-математическое и медицинское; гораздо менѣе посѣщалось историко-филологическое. Изъ общаго числа студентовъ на долю каждаго отдѣленія приходилось (въ среднемъ за 5 лѣтъ): на отдѣленіе юридическое — 47,7%, на отдѣленіе физико-математическое—25,7%, на отдѣленіе медицинское—19,7%, на отдѣленіе историко-филологическое—6,7%.

Наконецъ, было отказано въ пріемѣ въ число студентовъ главной школы (за 1863—1869 годы) 106 лицамъ (см. Lista osób nie mogących być przyjętemi do Szkoły Głównej Warszawskej).

Ознакомившись лично при посѣщеніи Варшавскаго учебнаго округа, осенью 1868 года, какъ съ положеніемъ главной школы, такъ и съ потребностями населенія Царства Польскаго въ высшемъ образованіи, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой пришелъ къ полному убѣжденію о необходимости преобразованія главной школы въ возможной скорости въ университетъ съ приданіемъ ему характера русскаго учрежденія и съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. На этихъ основаніяхъ, удостоившихся Высочайшаго одобренія, составленъ былъ проектъ устава для Варшавскаго университета. Главными основаніями для него послужили университетскіе уставы 1863 и 1835 годовъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, вызванными мѣстными условіями (И. П. Щелковъ, l. c.).

Что касается вопроса о языкѣ преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго за 1815—1869 годы, то можно отмѣтить слѣдующее. Не только во времена Милютина, но и гораздо ранѣе цѣлый рядъ предметовъ въ высшихъ школахъ края издавна преподавался на русскомъ языкѣ.

Такъ, напримѣръ, согласно положенію 1840 года, о юридическихъ курсахъ въ Варшавѣ, „преподаваніе въ нихъ Свода Законовъ Россійской Имперіи производилось на русскомъ языкѣ; преподаваніе исторіи римскаго права на латинскомъ или русскомъ“; при чемъ удовлетворительные успѣхи въ первомъ изъ этихъ предметовъ, то есть въ русскихъ законахъ, были условіемъ для полученія по окончаніи курса предоставлявшихся слушателямъ преимуществъ. На тѣхъ же юридическихъ курсахъ преподавались также исторія и статистика Россійскаго государства на русскомъ языкѣ и русская словесность на русскомъ же языкѣ (§§ 3 и 5).

Точно также по уставу Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ (1857 г.) во главѣ всѣхъ предметовъ преподаванія были поставлены практическія упражненія въ русскомъ словѣ и статистика—преимущественно Россійской имперіи вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ, и въ заключеніе требовалось изученіе россійскихъ и мѣстныхъ законовъ въ примѣненіи къ сельскому быту (§ 32).

По уставу объ общественномъ воспитаніи 1862 года и въ главной школѣ въ Варшавѣ преподавались предметы русскаго характера; именно: на историко-филологическомъ ея отдѣленіи преподавались исторія русской словесности и русская исторія, а на юридическомъ—государственное право имперіи и исторія русскаго права.

Что же касается педагогическаго вопроса и заботъ о „поведеніи

учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго, то уже со временъ декрета саксонскаго короля и герцога варшавскаго отъ 11-го іюля 1809 года всегда обращалось вниманіе на „добронравственное“ поведеніе слушателей этихъ заведеній.

Такъ, напримѣръ, по правиламъ юридической школы (1809 г.), „никто не могъ получить по судебному вѣдомству должностей безъ одобрительнаго объ окончаніи курса и добронравственномъ поведеніи свидѣтельства отъ общаго инспекторскаго совѣта школы“.

На добронравственное поведеніе студентовъ обращала серьезное вниманіе и главная школа, судя по „Книгѣ взысканій, наложенныхъ на студентовъ главной школы за 1862—1869 гг.“ (Księga kar, wymierzanych na studentach Szkoły Głównej Warszawskiej, 1862—1869). Изъ этой книги видно, что за неодобрительное поведеніе и другіе проступки судьи главной школы постоянно назначали арестъ (отъ 1 дня до 3 недѣль), consilium abeundi, удаленіе изъ школы и другія взысканія.

Думая о преобразованіи главной школы въ университетъ, Милютинъ также имѣлъ въ виду „добронравственное“ поведеніе студентовъ, говоря, что для упроченія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ Польшѣ всего полезнѣе было бы направлять умственную дѣятельность молодого поколѣнія къ плодотворному научному труду, а не къ поверхностному и энциклопедическому ученію [1]).

Во исполненіе указаній Милютина и былъ впослѣдствіи открытъ Императорскій Варшавскій университетъ съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на единомъ общемъ государственномъ языкѣ.

II. Высшее образованіе въ Царствѣ Польскомъ за 1869—1914 годы.

Варшавскій университетъ.

„1869 года, октября 12-го дня, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 8-ой день іюня сего года устава Варшавскаго Импера-

---

[1]) „Существующимъ среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ общимъ, такъ и спеціальнымъ, необходимо, писалъ Милютинъ, дать прочное устройство, заботясь о развитіи самой науки и поощреніи серьезныхъ занятій въ польскомъ юношествѣ. А потому, для упроченія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ Польшѣ, всего полезнѣе будетъ направить умственную дѣятельность молодого поколѣнія къ плодотворному научному труду. Въ этихъ видахъ Варшавскую главную школу желательно бы преобразовать въ настоящій университетъ“. (Копія съ всеподданнѣйшей записки статсъ-секретаря Милютина отъ 22-го мая 1864 года, стр. 3 и 4).

торскаго университета, въ присутствіи его сіятельства генералъ-фельдмаршала графа намѣстника въ краѣ [1]), попечителя Варшавскаго учебнаго округа [2]) и другихъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ властей, открытъ Императорскій Варшавскій университетъ" (Актъ открытія университета).

Когда происходило подписаніе этого акта, старѣйшій изъ профессоровъ О. М. Ковалевскій [3]), по просьбѣ всѣхъ своихъ сослуживцевъ, передалъ новому ректору искреннее желаніе всей университетской коллегіи—немедленно отправить къ г. министру народнаго просвѣщенія двѣ телеграммы: одну—съ просьбой повергнуть къ стопамъ Государя Императора выраженіе чувствъ, одушевляющихъ всѣхъ членовъ новаго учрежденія, другую—съ изъявленіемъ глубокой благодарности лично его сіятельству. Это желаніе было тутъ же приведено въ исполненіе.

На слѣдующій день были получены отъ министра народнаго просвѣщенія на имя попечителя округа отвѣтныя депеши, въ первой изъ коихъ говорилось слѣдующее: „я всеподданнѣйше донесъ Его Императорскому Величеству объ открытіи Императорскаго Варшавскаго университета и повергъ къ стопамъ Его Величества выраженіе вѣрноподданнической признательности, изложенной въ вашей телеграммѣ. На докладной моей запискѣ Государь Императоръ Собственноручно изволилъ написать: «Дай Богъ, въ добрый часъ». Графъ Толстой".

Всѣхъ лицъ, опредѣленныхъ на должности профессоровъ, доцентовъ, прозекторовъ и лекторовъ, было 56.

Что же касается учащихся, то, съ преобразованіемъ б. главной школы въ университетъ, изъ нея перешло въ этотъ послѣдній 860 человѣкъ, которые были распредѣлены по соотвѣтствующимъ факультетамъ и курсамъ, въ слѣдующей пропорціи: по историко-филологическому факультету 56, по физико-математическому 194, по юридическому 345 и по медицинскому 264, итого 860; а къ концу года было 930 студентовъ.

Изъ обозрѣнія чтеній въ Главной школѣ (за первое полугодіе 1868/9 учебнаго года) видно, что она имѣла въ своемъ распоряженіи слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія: 1) библіотеку, 2) профессорскую читальню, 3) терапевтическую клинику (въ боль-

---

[1]) Графа Берга.

[2]) Ѳ. Ѳ. Витте.

[3]) Бывшій деканъ историко-филологическаго отдѣленія Главной школы.

ницѣ Св. Духа), 4) хирургическія клиники: а) въ больницѣ Св. Духа, б) въ больницѣ Младенца Іисуса; 5) офтальмическую клинику, 6) акушерскую клинику, 7) анатомическій театръ, 8) кабинетъ описательной анатоміи, 9) кабинетъ и лабораторію патологической анатоміи, 10) лабораторію судебной медицины, 11) физіологическую лабораторію, 12) кабинетъ хирургическихъ инструментовъ (при хирургической клиникѣ), 13) фармацевтическій кабинетъ и лабораторію, 14) фармакологическій кабинетъ, 15) педагогическую семинарію, 16) астрономическую обсерваторію, 17) ботаническій садъ, 18) ботаническій кабинетъ, 19) физическій кабинетъ, 20) зоологическій кабинетъ, 21) кабинетъ и лабораторію сравнительной анатоміи, 22) химическій кабинетъ и лабораторію, 23) лабораторію физіолого-патологической химіи, 24) минералогическій кабинетъ [1]).

Всѣ эти учрежденія, кромѣ педагогической семинаріи [2]), перешли къ университету, при которомъ, однако, въ настоящее время,—писалъ въ девятидесятыхъ годахъ бывшій ректоръ университета, а впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгеръ,—сверхъ двадцати трехъ унаслѣдованныхъ, значительно къ тому же обогатившихъ свои коллекціи и приспособленія, еще состоятъ: 24) вторая терапевтическая клиника (въ больницѣ Младенца Іисуса), 25) діагностическая клиника (тамъ же), 26) гинекологическая клиника (въ

[1]) Любопытно отмѣтить, что въ то время, какъ Варшавской главной школѣ предоставлена была возможность уже въ шестидесятыхъ годахъ имѣть 24 учебно-вспомогательныхъ учрежденій,—сосѣдній Краковскій университетъ имѣлъ ихъ приблизительно въ тѣ же годы только 18—19; таковыми были въ Краковѣ, по „Обозрѣнію“ 1864 года: 1) Biblioteka, 2) Gabinet mineralogiczny, 3) Gabinet zoologiczny, 4) Gabinet fisiczny, 5) Gabinet i Laboratorium chemiczne, 6) Gabinet farmakognostyczny, 7) Obserwatorium astronomiczne, 8) Ogród botaniczny, 9) Seminaryum historyczne i filologiczne, 10) Gabinet i Prosectoryum anatomiczne, 11) Prosectoryum patalogiczno-anatomiczne, 12) Gabinet anatomiczno-chirurgiczny, 13) Klinika chirurgiczna, 14) Klinika lekarska, 15) Klinika okulistyczna, 16) Klinika polożnicza i klinika chorób dzieci i kobiet, 17) Gabinet fizyologiczny, 18) Gabinet weterynaryjny, и по „Обозрѣнію“ 1865 года: 19) Zaklad patologiczno-chemiczny (См. Wykaz odczytów w C. K. Uniwersytecie Jagiellońskim w Krakowie, 1864, стр. 8: wykaz Gabinetów i Instytutow C. K. Universytetu Krakowskiego; Sklad Ces. Krol. Universitetu Jagellonskiego w Krakowie oraz wykaz odczytow, 1865, стр. 9: wykaz Gabinetow i Instytutow).

[2]) Отчасти съ нѣсколько иными наименованіями. Кромѣ того, надо сказать, что библіотека (съ нумизматическимъ кабинетомъ и археологическимъ музеемъ), а также астрономическая и метеорологическая обсерваторія переданы лишь въ 1871 и 1873 гг. въ непосредственное вѣдѣніе университета, тогда какъ раньше были на особомъ положеніи.

больницѣ Св. Духа), 27) психіатрическая клиника (въ больницѣ Іоанна Божія), 28) клиническое отдѣленіе для нервно-больныхъ (въ больницѣ Св. Духа), 29) спеціальная клиника въ больницѣ Св. Лазаря, 30) гистологическая лабораторія, 31) лабораторія общей патологіи и бактеріологіи, 32) гигіеническая лабораторія, 33) ботаническая лабораторія, 34) лабораторія органической химіи, 35) кабинетъ механики, 36) кабинетъ геодезіи, 37) геолого-палеонтологическій кабинетъ и 38) кабинетъ гипсовыхъ фигуръ и статуй.

„Независимо отъ этихъ постепенно возникшихъ институтовъ [1]), организовались при нѣкоторыхъ кабинетахъ новыя лабораторіи (напр. зоологическая, физическая, фармакологическая лабораторіи). Такимъ образомъ, количество вспомогательныхъ учрежденій непрерывно растетъ, обстановка для научной работы, по мѣрѣ средствъ, улучшается и, во всякомъ случаѣ, учебная дѣятельность, поскольку она обусловлена матеріальнымъ аппаратомъ и офиціальнымъ устройствомъ, значительно полнѣе и цѣлесообразнѣе, нежели въ эпоху Главной школы. Утверждая это, мы, говорилъ профессоръ Зенгеръ, ни мало не пытаемся умалить заслуги послѣдней. Мы констатируемъ только, что въ Варшавскомъ университетѣ, давшемъ возможность дружной совмѣстной работѣ русскихъ и не русскихъ научныхъ силъ, замѣтно усовершенствовалась постановка преподаванія.

„Поучительно въ этомъ отношеніи также сличеніе бюджетныхъ цифръ обоихъ заведеній. По смѣтѣ Главной школы на 1868 годъ, она имѣла въ своемъ распоряженіи: на клиники 4.650 р., на содержаніе кабинетовъ и лабораторій и другія учебныя пособія 3.940 р., итого 8.590 р. По штату же Варшавскаго университета, писалъ Г. Э. Зенгеръ, отпускается изъ Государственнаго Казначейства на клиники 8.000 р., на кабинеты и лабораторіи 7.650 р., на выписку журналовъ и газетъ 800 р. Дополнительно ассигнуется 6.000 р. на выписку книгъ для библіотеки, 1.050 р. на нужды обсерваторіи и 470 р. на гипсовый кабинетъ. Но трехъ послѣднихъ суммъ мы не будемъ даже считать, такъ какъ соотвѣтственныя учрежденія существовали во время Главной школы особо отъ нея, т. е. имѣли собственные бюджеты. Зато слѣдуетъ сказать, что изъ своихъ спеціальныхъ средствъ университетъ прибавлялъ къ штатнымъ ассигнованіямъ еще въ девятидесятыхъ годахъ (смѣта 1897 г.): на кабинеты

---

[1]) Присоединенъ тутъ, какъ существовавшій ранѣе отдѣльно, лишь № 38 въ 1875 г.

и лабораторіи физико-математическаго факультета 5.750 р., на кабинеты и лабораторіи медицинскаго факультета 7.600 р., на клиники 3.525 р., на учрежденія историко-филологическаго факультета (нумизматическій кабинетъ и семинаріи) 375 р., на библіотеку 6.000 р. Наконецъ, изъ спеціальныхъ же средствъ университета назначено 6.000 р. на печатаніе ученыхъ сочиненій и 3.000 на изданіе университетскихъ извѣстій. Итого, вмѣсто 8.590 р., которыми располагала Главная школа на учено-учебныя нужды, университетъ тратилъ по ассигнованіямъ штатнымъ и изъ спеціальныхъ средствъ 48.700 р., не считая 7.520 р. штатнаго бюджета обсерваторіи, библіотеки и гипсотеки. Сюда, конечно, не вошли также расходы на соотвѣтственно увеличившійся персоналъ лаборантовъ и другихъ служащихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ. Оставлены также въ сторонѣ значительныя суммы, отпускаемыя на ремонтъ этихъ учрежденій. При такихъ условіяхъ, можетъ-ли быть сомнѣніе, что учено-учебныя требованія, которыя предъявляются къ высшему образовательному заведенію, хотя бы западной цивилизаціей, удовлетворяются университетомъ лучше, чѣмъ бывшей Главной школой?

„Наконецъ, существенно важно отмѣтить, что правительство, установивъ въ 1869 г. штатъ Варшавскаго университета, принимало и впослѣдствіи въ соображеніе потребности его вспомогательныхъ учрежденій. Достаточно напомнить ассигнованіе 400.000 р. на возведеніе новаго зданія для библіотеки и на другія строительныя нужды, а также разрѣшеніе особаго кредита на сооруженіе зданій для анатомо-патологическаго института на фольваркѣ Св. Креста (смѣты этихъ послѣднихъ построекъ были исчислены въ 278.000 р.). Стало быть, государство продолжало заботиться о процвѣтаніи Варшавскаго университета, а послѣдній при распредѣленіи своихъ спеціальныхъ средствъ, т. е. суммъ, поступающихъ отъ студентовъ за право слушанія лекцій, имѣлъ постоянно въ виду повышеніе уровня своей учено-учебной дѣятельности“ [1]).

Что касается состава учебнаго персонала и состава учащихся въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ, то въ девятидесятыхъ годахъ они представляются въ слѣдующемъ видѣ [2]).

Преподавательскій составъ университета къ 1-му января 1894 г.

[1]) Г. Э. Зенгеръ, о Варшавскомъ университетѣ, Варшавскій Дневникъ 1897 г. №№ 252, 256 и 262.

[2]) См. „Годичные акты“ и „Краткіе отчеты о состояніи Императорскаго Варшавскаго университета“ за девятидесятые годы.

былъ слѣдующій: ректоръ университета 1, ординарныхъ профессоровъ 47, экстраординарныхъ 12, доцентовъ 9, временныхъ преподавателей 3, лекторовъ 4, прозекторовъ 3, приватъ-доцентъ 1, итого 80. Такой составъ вполнѣ обезпечивалъ преподаваніе, такъ какъ уставомъ Варшавскаго университета положено на четырехъ факультетахъ 47 каѳедръ.

Что же касается числа слушателей въ университетѣ, то къ 1-му января 1894 г. находилось въ немъ: студентовъ 1.085 и постороннихъ слушателей 67 (въ этомъ числѣ 57 фармацевтовъ); итого 1.152 учащихся.

Распредѣленіе студентовъ по факультетамъ было къ 1-му января 1894 г. слѣдующее: на историко-филологическомъ 29 (2.67%), на физико-математическомъ, на отдѣленіи математическихъ наукъ 69 (6,36%), на отдѣленіи естественныхъ наукъ 72 (6,91%), на юридическомъ 351 (32,35%), на медицинскомъ 561 (51,70%).

По вѣроисповѣданіямъ было: православныхъ 192 (17,70%), армяно-грегоріанъ 2 (0,81%), римско-католиковъ 624 (57,51%), лютеранъ и реформатовъ 51 (4,70%), евреевъ 216 (19,91%).

По происхожденію было: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 426 (39,26%), лицъ духовнаго званія 47 (4,33%), купцовъ 22 (2,03%), мѣщанъ 531 (48,95%), крестьянъ 38 (3,50%), иностранныхъ подданныхъ 24 (1,93%).

По роду учебныхъ заведеній было: изъ гимназій 1.043 (96,13%), изъ духовныхъ семинарій 37 (3,41%), изъ другихъ учебныхъ заведеній 4 (0,46%). При этомъ, по принадлежности учебныхъ заведеній къ учебнымъ округамъ, было: изъ Варшавскаго 828 (76,32%), изъ прочихъ же округовъ 216 (20,27%), плюсъ упомянутые выше 37 чел. (3,41%) изъ духовныхъ семинарій (и 1 заграничнаго учебнаго заведенія).

Таково было положеніе высшаго образованія въ Царствѣ Польскомъ въ 1894—5 году. Десять лѣтъ спустя къ 1-му января 1905 г., составъ учащихъ и учащихся въ университетѣ представлялся въ такомъ видѣ [1]):

Преподавательскій составъ университета къ 1905 году былъ уже слѣдующій: ординарныхъ профессоровъ 43, экстраординарныхъ 14, доцентовъ 5, временныхъ преподавателей 1, лекторовъ 5, прозекторовъ 3, итого 71.

---

[1]) См. „Годичный актъ“ и „Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго Варшавскаго университета“ за 1904—5 годъ.

Въ числѣ слушателей университета къ 1 января 1905 года находилось: студентовъ 1.556 и постороннихъ слушателей 187 (въ томъ числѣ 82 фармацевта), итого 1.743 человѣка.

Распредѣленіе студентовъ по факультетамъ было къ 1-му января 1905 года слѣдующее: на историко-филологическомъ факультетѣ 112 (7,2%), на физико-математическомъ, на отдѣленіи математическихъ наукъ 172 (11,0%), на юридическомъ 586 (37,7%), на медицинскомъ 487 (31,3%).

По вѣроисповѣданіямъ было: православныхъ 259 (16,6%), армяно-грегоріанъ 8 (0,5%), римско-католиковъ 1.032 (66,3%), протестантовъ 60 (3,9%), евреевъ 196 (12,6%), магометанъ 1 (0,1%).

По происхожденію было: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 688 (44,2%), лицъ духовнаго званія 49 (3,2%), купцовъ 22 (1,4%), мѣщанъ 718 (46,1%), крестьянъ 53 (3,5%), иностранныхъ подданныхъ 26 (1,6%).

По роду учебныхъ заведеній было: изъ гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 1.518 (97,5%), изъ духовныхъ семинарій 38 (2,5%). При этомъ, по принадлежности учебныхъ заведеній къ учебнымъ округамъ, было: изъ Варшавскаго 1.227 (78,9%), изъ Петроградскаго 30 (1,9%), изъ Московскаго 27 (1,4%), изъ Кіевскаго 57 (3,7%), изъ Харьковскаго 24 (1,6%), изъ Казанскаго 13 (0,8%), изъ Одесскаго 22 (1,5%), изъ Виленскаго 51 (3,3%), изъ Рижскаго 25 (1,6%), изъ Кавказскаго 24 (1,6%), изъ Оренбургскаго 4 (0,9%), изъ западной и восточной Сибири 14 (0,3%).

На содержаніе Варшавскаго университета съ его учрежденіями въ 1904 году было ассигновано 404.529 р. 18 к., а израсходовано казною 400 тысячъ рублей (399.848 р. 10 к.) [1]); спеціальныхъ же средствъ было израсходовано 182.531 р. [2]); итого было израсходовано 582.379 р. 10 к. Такимъ образомъ, содержаніе одного слушателя въ годъ обходилось казнѣ въ 229 р. 40 к. Слѣдовательно, обученіе одного студента-филолога, юриста или математика—въ четыре года обходилось казнѣ въ 917 р. 60 к.; обученіе же студента-медика, при пятилѣтнемъ курсѣ, обходилось въ 1.147 р. А со включеніемъ израсходованныхъ спеціальныхъ средствъ, обученіе одного студента въ годъ обходилось въ 334 р. 12 к.

---

[1]) Плюсъ 160 руб.—пособія для студентовъ, дѣтей чиновниковъ таможеннаго вѣдомства.

[2]) Въ томъ числѣ: сборъ за ученіе 179.177 р.; сборъ за экзамены 2.554 р.; %% на стипендіальные капиталы 800 руб.

Наконецъ, въ послѣднее время, при бюджетѣ, достигающемъ почти полумилліона рублей (423.000 р. еще въ 1904 г.), Варшавскій университетъ [1]) постепенно создалъ рядъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, приспособленныхъ къ требованіямъ современной научной работы и обставленныхъ во многихъ отношеніяхъ образцово.

Среди этихъ учрежденій прежде всего должна быть названа 1) библіотека со студенческой читальней. Съ 1871 года эта библіотека, пополняемая всѣми новѣйшими изданіями по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ, за 44 года ея принадлежности университету увеличилась на нѣсколько сотъ тысячъ томовъ, такъ что насчитываетъ въ настоящее время, къ 1-му января 1914 г., свыше полумилліона книгъ: 313.097 названій въ 598.072 томахъ, на сумму 724.724 р. 50 к., не считая книгъ библіотеки бывшаго польскаго банка (приблизительно 12.000 томовъ). Университетъ затратилъ на свою библіотеку около 600.000 руб. и достигъ того, что среди библіотекъ другихъ университетовъ, не исключая и столичныхъ, она занимаетъ первое мѣсто и по своему богатству уступаетъ только Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Въ 1894 году для университетской библіотеки было возведено новое зданіе по послѣднимъ требованіямъ технической науки (во всей Россіи единственнымъ зданіемъ такого же типа является извѣстный архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ). Это зданіе обошлось казнѣ въ 345.327 р. 85 к. (Ср. С. И. Вѣховъ, Библіотека И. В. у. и ея новое зданіе, 1896).

Кромѣ библіотеки, въ завѣдываніи университета состоятъ: 2) семинарская библіотека для юристовъ и историковъ, 3) нумизматическій кабинетъ, 4) музей древностей, 5) кабинетъ гипсовыхъ фигуръ и статуй, 6) физическій кабинетъ съ лабораторіей, машинной станціей и механической мастерской, 7) механическій кабинетъ, 8) кабинетъ физической географіи, 9) математическій кабинетъ, 10) математическій семинарій, 11) астрономическая и метеорологическая обсерваторія, 12) геодезическій кабинетъ, 13) химическая лабораторія, 14) лабораторія технической (органической) химіи, 15) минералогическій кабинетъ, 16) геолого-палеонтологическій кабинетъ, 17) ботаническій кабинетъ, 18) ботаническая лабораторія, 19) зоологическій кабинетъ и лабораторія, 20) зоотомическій кабинетъ, 21) физіологи-

[1]) Записка о современномъ положеніи Варшавскаго Императорскаго университета, Варшава, 1906, стр. 11—13.

ческая лабораторія, 22) гистологическая лабораторія, 23) кабинетъ и лабораторія патологической анатоміи, 24) кабинетъ и лабораторія описательной анатоміи, 25) кабинетъ и лабораторія общей патологіи, 26) гигіеническая лабораторія, 27) кабинетъ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, 28) офтальмологическій кабинетъ, 29) хирургическій кабинетъ, 30) кабинетъ оперативной хирургіи, 31) фармакологическій кабинетъ, 32) фармацевтическая лабораторія, 33) судебно-медицинскій кабинетъ, 34) кабинетъ и лабораторія медицинской химіи, 35) кабинетъ теоретической хирургіи. Кромѣ того для учебныхъ и научныхъ цѣлей университета служитъ: 36) музей изящныхъ искусствъ, 37) ботаническій и помологическій сады и 38) клиники (діагностическо-терапевтическая, терапевтическая госпитальная, терапевтическая факультетская, хирургическая факультетская, хирургическая госпитальная, офтальмологическая, акушерства и женскихъ болѣзней, накожныхъ и венерическихъ болѣзней, душевныхъ и нервныхъ болѣзней). Въ вѣдѣніи университета состоятъ также: 1) повивальный институтъ и 2) фельдшерская школа. При университетѣ дѣйствуютъ и ежегодно успѣшно издаютъ свои труды общества: 1) русское медицинское, 2) естествоиспытателей и 3) исторіи, филологіи и права. Сверхъ того, университетъ имѣетъ свой собственный органъ „Варшавскія университетскія извѣстія", выходящій ежемѣсячно, кромѣ лѣтняго вакаціоннаго времени, а также издаетъ еще значительное количество монографій и общихъ изслѣдованій принадлежащихъ къ университету профессоровъ и преподавателей.

Разумѣется, въ такомъ объемѣ дѣятельность университета возможна только благодаря его значительнымъ личнымъ силамъ. Преподавательскій составъ университета слагается изъ 77 лицъ (въ томъ числѣ 60 профессоровъ). Кромѣ того при учрежденіяхъ университета состоитъ около 100 прозекторовъ, лаборантовъ, ассистентовъ и т. д.

Какъ мы видѣли выше, отъ главной школы университету достались очень небольшія средства и далеко не блестяще организованныя учебно-вспомогательныя учрежденія. „На содержаніе же Варшавскаго университета съ 1869 года по 1905 годъ включительно израсходовано было около 12.865.370 р., при чемъ въ эту сумму не включены еще суммы, отпущенныя на строительныя нужды, а также въ пособіе обществамъ, состоящимъ при университетѣ. На созданіе клиникъ, разныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, постройку новаго зданія библіотеки министерствомъ народнаго просвѣщенія было отпущено еще около 2.500.000 р. Вмѣсто старыхъ зданій клиникъ,

бѣдно обставленныхъ, въ настоящее время возведены новыя клиники, анатомическій театръ и другія учебно-вспомогательныя учрежденія соотвѣтственно съ требованіями медицинской науки. Нынѣ же закончилась постройка еще и новаго физическаго института, на сооруженіе котораго израсходовано около 300.000 р.

Эти учрежденія вызывали удивленіе посѣщавшихъ ихъ избалованныхъ иностранныхъ ученыхъ, о чемъ не разъ сообщалось прежде въ варшавской печати. Новое зданіе университетской библіотеки, какъ замѣчено выше, обошлось казнѣ въ 345.000 р., а на пріобрѣтеніе книгъ израсходовано было въ теченіе только 44 лѣтъ болѣе 600.000 р. въ общей сложности, такъ что одна библіотека Варшавскаго университета стоила уже въ 1905 году около 750.000 р. [1]), а нынѣ въ 1914 году около милліона.

Императорскій Варшавскій университетъ воспиталъ уже сорокъ пять поколѣній молодежи (свыше $6^1/_2$ тысячъ человѣкъ), въ томъ числѣ приблизительно 60% поляковъ,—и имѣетъ неотъемлемое и вполнѣ заслуженное право на благодарность своихъ питомцевъ.

Варшавскій университетъ воспиталъ и подготовилъ цѣлый рядъ ученыхъ, занявшихъ каѳедры отчасти въ Варшавѣ же (въ томъ числѣ профессора Пржевосскій, Вержбовскій, Ящинскій, Федоровъ, Васильевъ, Францевъ, Писаревскій, Прилежаевъ), отчасти въ другихъ русскихъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ томъ числѣ профессора Спекторскій, Новомбергскій, Тарановскій, Воблый, Чижовъ, Рейснеръ, Сіома, Соболевъ, Православлевъ, Морковинъ, Часовниковъ, Чорба, Ганторевъ, Сарминскій, Зиминъ, Поспѣловъ, Исаевъ), а также въ Краковѣ и Львовѣ—Кржимусскій, Морозевичъ, Буйвидъ, Нуссбаумъ, Бернацкій, Сарпинскій, Вейнбергъ, Дмоховскій, Вуйцицкій и другіе. Изъ Варшавскаго же университета вышли цѣлыя поколѣнія молодежи, цѣлыя тысячи работниковъ на разныхъ поприщахъ, которыми и русское и польское общество гордятся и дорожатъ, и среди которыхъ насчитываются и іерархи церкви, напр. епископъ Арсеній (въ мірѣ Смоленецъ) и немало извѣстныхъ дѣятелей и писателей, напр. Сенкевичъ, Сулиговскій, Хржановскій и другіе (см. записку о положеніи И. В. у.). Здѣсь еще не перечисленъ длинный рядъ слишкомъ хорошо извѣстныхъ почтенныхъ именъ—учившихъ и учившихся въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

---

[1]) Записка о современномъ положеніи Императорскаго Варшавскаго университета, Варшава, 1906, стр. 19, 11, 12 и друг. „Варш. Дневн." 1906 г. № 333, статья о Варшавскомъ университетѣ г-на А. О—ва.

Въ 1910—11 академическомъ году общее число штатныхъ педагогическихъ и административныхъ должностей въ Варшавскомъ университетѣ было 131. Учащихся же было 2002 чел. По факультетамъ они распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 439 чел., на физико-математическомъ 236 чел., на юридическомъ 797 чел. и на медицинскомъ 530 чел. (съ фармацевтами).

Изъ государственнаго казначейства на содержаніе Варшавскаго университета отпущено въ 1910—1911 году 357.970 р. Спеціальныхъ средствъ, которыя образовались изъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ, стипендіальныхъ капиталовъ, платы за ученіе и доходовъ отъ различныхъ оброчныхъ статей, было 934.409 р. 14 к.

Израсходовано по Варшавскому университету въ 1910—1911 году 516.555 р. 91 к., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава 264.694 р. 28 к., на стипендіи и пособія учащимся 30.944 р. 18 к., на библіотеки, кабинеты и проч. 65.751 р. 80 к., на канцелярскіе и хозяйственные расходы 72.842 р. 69 к., на прочіе расходы 82.322 р. 96 к.

Стоимость (казнѣ) образованія одного лица въ 1910—1911 году опредѣлялась по Варшавскому университету въ 258 р. 2 к. (Вообще же средствъ содержанія, подлежавшихъ расходованію на учебныя заведенія Царства Польскаго—высшія, среднія и низшія—въ 1910—1911 учебномъ году показано 13.531.181 р. 45 к.; израсходовано же 11.365.356 р. 46 к., что составляетъ 23 р. 56 к. на одного учащагося. На каждаго же жителя Царства Польскаго расходъ на учебное дѣло приходился въ суммѣ 89 к. [1]).

Нынѣ, къ 1-му января 1914 года составъ учащихъ и учащихся въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ представляется въ такомъ видѣ.

Преподавательскій составъ Варшавскаго университета въ 1914 году былъ слѣдующій: ординарныхъ профессоровъ 40, экстраординарныхъ 20, доцентовъ 7, временныхъ преподавателей 4, лекторовъ 4, прозекторовъ 2, итого 77.

Въ числѣ слушателей университета къ 1-му января 1914 года находилось: студентовъ 2.450 и постороннихъ слушателей 127 (въ томъ числѣ 126 фармацевтовъ), итого 2.576 человѣкъ.

Распредѣленіе студентовъ по факультетамъ было къ 1-му января

---

[1]) Труды Варшавскаго статистическаго комитета, выпускъ XL, народное образованіе въ Царствѣ Польскомъ за 1910—1911 годъ; высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, Варшава, 1914. Общіе выводы.

1914 года слѣдующее: на историко-филологическомъ факультетѣ 576, на физико-математическомъ, на отдѣленіи математическихъ наукъ 151, на отдѣленіи естественныхъ наукъ 166, на юридическомъ факультетѣ 951, на медицинскомъ 606.

По вѣроисповѣданіямъ было: православныхъ студентовъ 1824, армяно-грегоріанъ 2, римско-католиковъ 323, протестантовъ 57, евреевъ 241, магометанъ 2, иныхъ нехристіанскихъ исповѣданій 1.

По происхожденію студентовъ было: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 347, лицъ духовнаго званія 1.141, купцовъ 57, мѣщанъ 598, казаковъ 13, крестьянъ 286, иностранныхъ подданныхъ 8.

На содержаніе Варшавскаго университета съ его учрежденіями въ 1913 году было ассигновано 364.909 р. 60 к. [1]), а израсходовано казною 370.826 р. 99 к.; спеціальныхъ же средствъ было израсходовано 264.684 р. 54 к., изъ сбора за экзамены 13.079 р. 80 к., изъ %% съ пожертвованныхъ капиталовъ 18.948 р. 28 к., итого было израсходовано 667.539 р. 61 к.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1914 года имѣлось уже кредитовъ на 1914 годъ 255.547 р. 65 к. плюсъ 5.000 Царскаго пособія студентамъ и 200 р. пособія министерства иностранныхъ дѣлъ студенту-черногорцу (свѣдѣнія за іюль 1914 года).

Что касается личнаго состава профессоровъ Императорскаго Варшавскаго университета, то въ 1-мъ выпускѣ изданныхъ мною „Матеріаловъ къ исторіи Императорскаго Варшавскаго университета", Варшава, 1913 (см. также „Варш. унив. извѣстія" 1914 г., № 2) я уже далъ рядъ біографическихъ очерковъ профессоровъ Варшавскаго университета: С. М. Будзинскаго, Ѳ. В. Грегоровича, А. С. Окольскаго, Г. Ѳ. Симоненко, Ѳ. И. Леонтовича, В. Н. Александренко, В. И. Бѣляева, Г. К. Ульянова, М. А. Васильева, И. П. Филевича. Для начатаго уже печатаніемъ 2-го выпуска названныхъ „Матеріаловъ" приготовлены мною пока біографическіе очерки профессоровъ Варшавскаго университета; П. И. Вейнберга, Н. В. Берга, П. А. Кулаковскаго, Ю. Ф. Косинскаго.

Затѣмъ цѣлый рядъ біографическихъ очерковъ профессоровъ Варшавскаго университета мы находимъ также въ различныхъ юбилейныхъ статьяхъ и некрологахъ. Таковы, напримѣръ, слѣдующія работы: юбилейные очерки, составленные по поводу юбилеевъ профес-

[1]) Сюда не вошли 5.000 р. Царскаго пособія студентамъ, 3.800 р. путевыхъ пособій вновь назначеннымъ профессорамъ и 100 р. изъ смѣты министерства иностранныхъ дѣлъ студенту-черногорцу.

соровъ Ѳ. Ѳ. Зигеля (составл. В. В. Есиповымъ), П. И. Митрофанова, А. М. Зайцева и друг.; некрологи профессоровъ: Г. Ѳ. Симоненко (составл. В. В. Есиповымъ и помѣщенный въ *„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“* за 1905 г.), Ѳ. И. Леонтовича (составл. Ѳ. В. Тарановскимъ, 1911 г.), А. Л. Блока (составл. Е. В. Спекторскимъ, 1911 г.), В. Н. Александренко (составл. Е. В. Спекторскимъ, 1910 г.). Ѳ. К. Горбъ-Ромашкевича (составл. В. Н. Александренко, 1907 г.), В. А. Анисимова (составл. Д. Д. Мордухай-Болтовскимъ, 1909 г.), Г. Ѳ. Вороного (составл. И. Р. Брайцевымъ, 1908 г.), Н. Н. Зинина (составл. Кузнецовымъ. 1913 г.), Е. Е. Вагнера (составл. Лавровымъ) и многія другія.

Наконецъ рядъ біографій профессоровъ Императорскаго Варшавскаго университета находимъ въ словаряхъ Венгерова, Брокгауза и Ефрона, Павленкова и другихъ, а равно въ Альбомѣ біографій Афанасьева („Современники“).

Къ числу другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ губерніяхъ Царства Польскаго, кромѣ Императорскаго Варшавскаго университета, относятся, какъ извѣстно: Ново-Александрійскій институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, Алексѣевскій Варшавскій ветеринарный институтъ (преобразованный изъ прежней Варшавской ветеринарной школы), Политехническій институтъ Императора Николая II и Варшавскіе высшіе женскіе курсы при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

Такова краткая исторія развитія высшаго образованія въ Царствѣ Польскомъ за 100 лѣтъ съ 1815 по 1915 годъ вообще и исторія почти полувѣкового плодотворнаго существованія Императорскаго Варшавскаго университета въ частности.

В. Есиповъ.

И. И. БОРГМАНЪ.

(Некрологъ).

9-го мая 1914 года скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ заслуженный ординарный профессоръ физики Петроградскаго университета, Иванъ Ивановичъ Боргманъ, одинаково выдающійся какъ ученый, какъ учитель и какъ общественный дѣятель.

Проф. И. И. Боргманъ родился 12-го февраля 1849 г. въ Петроградѣ, воспитывался во второй Петроградской гимназіи, которую окончилъ съ золотою медалью. Въ 1866 г. онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ Петроградскаго университета по разряду математическихъ наукъ, который окончилъ въ 1870 г. со степенью кандидата, и въ слѣдующемъ, 1871 г. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ физики. Въ 1873 г. И. И. Боргманъ отправился въ Гейдельбергъ, гдѣ онъ работалъ въ лабораторіи проф. Кирхгофа, одного изъ величайшихъ теоретиковъ и экспериментаторовъ, знаменитаго основателя спектральнаго анализа. Проф. Боргманъ всю жизнь оставался вѣренъ завѣтамъ этого учителя и съ честью и славою несъ знамя науки по дорогѣ, указанной этимъ великимъ ученымъ.

Возвратившись въ Петроградъ, И. И. Боргманъ былъ назначенъ лаборантомъ при „физическомъ кабинетѣ“, превращенію котораго, сперва въ „физическую лабораторію“ при проф. Ѳ. Ѳ. Петрушевскомъ, онъ много способствовалъ; дальнѣйшее же превращеніе въ „физическій институтъ“ было почти исключительно дѣло его рукъ. Должность лаборанта онъ сохранилъ за собою до 1883 г.

Въ 1877 году И. И. Боргманъ защитилъ диссертацію pro venia legendi „О вліяніи температуры на электропроводность угля“, послѣ чего онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ физики. Ма-

гистерскую диссертацію „Вліяніе среды на электродинамическія явленія и функція намагниченія жидкостей“ онъ защитилъ въ 1878 г., докторскую „Нагрѣваніе желѣза при прерывчатомъ намагничиваніи“— въ 1882 г. Уже въ этихъ трехъ работахъ онъ ясно обнаружилъ выдающіяся экспериментаторскія способности и глубокія теоретическія познанія.

Еще въ 1875 г. онъ сталъ читать лекціи на возникшихъ въ то время курсахъ для женщинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ владимірскихъ; въ 1876—1883 г. онъ читалъ на педагогическихъ женскихъ курсахъ и съ 1877 до 1889 г. на высшихъ женскихъ курсахъ, образовавшихся изъ владимірскихъ; въ 1904 г. онъ возобновилъ чтеніе лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ, во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ дѣлахъ которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе, исполняя все время обязанности секретаря совѣта курсовъ.

Съ 1886 до 1899 г. покойный состоялъ профессоромъ Петроградскаго технологическаго института. Въ 1888 г. онъ былъ избранъ экстраординарнымъ и въ 1894 г.—ординарнымъ профессоромъ Петроградскаго университета; въ 1902 г. онъ получилъ званіе заслуженнаго профессора.

Въ теченіе одного года онъ читалъ лекціи въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ; съ 1899 г. до самой смерти лекціи по теоретическому курсу электричества въ электротехническомъ институтѣ.

Съ 1875 до 1902 г. проф. И. И. Боргманъ состоялъ редакторомъ „Журнала русскаго физико-химическаго общества“ по отдѣлу физики; подъ его руководствомъ и благодаря его неустаннымъ заботамъ этотъ журналъ сдѣлался центральнымъ органомъ русской физики.

Съ 1883 до 1886 г. проф. И. И. Боргманъ состоялъ преподавателемъ физики Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, а съ 1886 до 1890 г.—Великаго Князя Георгія Александровича.

Дѣятельность проф. И. И. Боргмана, какъ ученаго и какъ учителя, отличалась поразительною многосторонностью и величайшею интенсивностью. Многіе десятки его чисто научныхъ работъ, большею частью содержавшихъ результаты экспериментальныхъ изслѣдованій, разбросаны по многочисленнымъ научнымъ журналамъ, въ томъ числѣ нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ. Большинство изъ нихъ появилось въ „Журналѣ русскаго физико-химическаго общества“ и также въ „Lumière électrique“, „Philosophical Magazine“, „Nature“ (англ.), „Physikalische Zeitschrift“ и др. Огромное большинство этихъ

работъ относятся къ области явленій электрическихъ и магнитныхъ, которыми Иванъ Ивановичъ всегда особенно интересовался, хотя его глубокія познанія одинаково простирались на всѣ отдѣлы физики, нынѣ такъ сложно переплетающіеся и такъ тѣсно между собою связанные. Всѣ его работы обладаютъ большою научною цѣнностью; ими разрѣшаются тѣ или другіе важные вопросы, или дается новое освѣщеніе уже извѣстнымъ явленіямъ. Полная оцѣнка всѣхъ чисто научныхъ работъ покойнаго потребуетъ тщательнаго ихъ собиранія; она должна быть отложена до другого времени. Слѣдуетъ еще упомянуть о рядѣ статей въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Ефронъ-Брокгауза, о рефератахъ различныхъ научныхъ статей въ „Журналѣ русскаго физико-химическаго общества“ и о статьѣ „Сеансы съ медіумомъ Бредифомъ“ въ „Сборникѣ о медіумическихъ явленіяхъ“ Д. И. Менделѣева.

На одну характерную особенность научнаго облика покойнаго слѣдуетъ здѣсь указать. Тщательно слѣдя за постепеннымъ развитіемъ физики, за глубокими эволюціями, которымъ она подвергалась за послѣднія десятилѣтія, онъ всегда правильно оцѣнивалъ значеніе научныхъ новостей, строго и быстро отдѣляя другъ отъ друга дѣйствительно цѣнные вклады, вызывавшіе прогрессъ науки, отъ эфемерныхъ теорій и неправильныхъ опытныхъ результатовъ. Въ видѣ примѣра можно указать, что въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ явился однимъ изъ первыхъ у насъ, не только знатоковъ, но и піонеровъ электромагнитной теоріи свѣта, геніальнаго ученія Кл. Масквелла, въ то время, когда нѣмецкіе ученые скептически относились къ новой теоріи, или совершенно игнорировали несомнѣнно одно изъ величайшихъ твореній человѣческой мысли. Проф. И. И. Боргманъ и по складу ума, и по личнымъ симпатіямъ особенно близко примыкалъ къ англійской школѣ физиковъ, группирующейся около славныхъ именъ лорда Кельвина, лорда Рэлея, Дж. Дж. Томсона, Рузерфорда и другихъ, вѣрныхъ великимъ традиціямъ несравненнаго Фарадея.

Лекціи проф. И. И. Боргмана стояли на недосягаемой высотѣ, какъ по блестящей дикціи, такъ и по искусному расположенію матеріала и ихъ полной ясности и удобопонятности; особенно выдающеюся оказывалась на всѣхъ его лекціяхъ экспериментальная ихъ сторона, богатство, разнообразіе и новизна тѣхъ опытовъ, которыми сопровождалось изложеніе научнаго матеріала. Каждое, сколько-нибудь важное, вновь открытое явленіе или новая, интересная варіа-

ція уже извѣстнаго опыта демонстрировались на лекціяхъ, что въ высокой степени должно было увеличивать ту пользу, которую извлекала всегда переполненная аудиторія, внимательно слушавшая своего любимаго учителя.

Кромѣ лекцій для студентовъ и слушательницъ, И. И. Боргманъ прочелъ большое число публичныхъ лекцій въ Соляномъ городкѣ и другихъ мѣстахъ, а также въ различныхъ собраніяхъ; такъ, онъ ежегодно два раза знакомилъ въ физическомъ институтѣ университета многочисленную группу врачей съ новѣйшими успѣхами физики. Нѣтъ возможности перечислить всего того, что имъ было сдѣлано для широкой популяризаціи этой науки. Достаточно указать, что онъ устроилъ и велъ въ теченіе многихъ лѣтъ ежемѣсячныя собранія преподавателей физики, на которыхъ было имъ и его сотрудниками прочтено огромное число докладовъ по разнообразнѣйшимъ вопросамъ физики. Онъ устроилъ семинарій для студентовъ старшихъ курсовъ; на ежемѣсячныхъ собраніяхъ читались здѣсь самими студентами рефераты по научнымъ новостямъ, молодыя силы могли впервые показать себя, выдвинуться, воспользоваться критическими замѣчаніями руководителя и постепенно научаться великому искусству ясно, послѣдовательно и дидактически правильно излагать научные вопросы.

Проф. И. И. Боргманъ состоялъ директоромъ физическаго института со дня его открытія (1900 г.). Весь институтъ можно назвать дѣломъ его рукъ; по его планамъ институтъ былъ построенъ, и онъ ежедневно слѣдилъ за всѣми многосложными деталями воздвигавшагося зданія. Въ институтѣ онъ широко и образцово поставилъ научныя работы. По его указаніямъ и подъ руководствомъ его самого, а также его превосходныхъ молодыхъ помощниковъ производились новыя экспериментальныя работы, и при томъ отъ 20-ти до 30-ти одновременно. Образцовая постановка этихъ работъ вызвала удивленіе и восторгъ знаменитаго профессора Геттингенскаго университета, почетнаго члена Петроградскаго университета, В. Фохта (W. Voigt), осмотрѣвшаго институтъ весною 1913 г.

Въ 1892 г. появилась книга проф. И. И. Боргмана „Магнитный потокъ и его дѣйствія“, въ которой русскіе читатели впервые могли подробно ознакомиться съ тѣмъ новымъ ученіемъ объ электромагнитныхъ явленіяхъ, которое совершенно преобразовало быстро развивавшуюся въ то время электротехнику. Эта книга сыграла большую и плодотворную роль въ исторіи русской электротехники; она служила

нашимъ молодымъ техникамъ путеводною нитью при изученіи ихъ науки. Второе изданіе этой книги появилось въ 1899 г.

Наиболѣе важною изъ дидактическихъ работъ покойнаго слѣдуетъ признать его капитальное сочиненіе „Основанія ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ". Первое изданіе, въ двухъ томахъ, появилось въ 1893—95 г., второе, значительно расширенное въ 1897 г. Много поколѣній студентовъ и молодыхъ ученыхъ черпали изъ этого сочиненія свои познанія въ области нынѣ несомнѣнно важнѣйшаго отдѣла физики. Уже эти первыя два изданія поражали обиліемъ матеріала, ясностью изложенія и умѣлымъ чередованіемъ чисто экспериментальнаго матеріала съ весьма серьезнымъ и глубокимъ теоретическимъ. Электромагнитная теорія свѣта здѣсь впервые всесторонне излагалась для русскихъ читателей. Однако, проф. И. И. Боргманъ на этомъ не остановился. Онъ приступилъ къ полной переработкѣ своего сочиненія, намѣреваясь въ третьемъ его изданіи дать законченную картину современнаго ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ. Къ величайшему прискорбію, ему уже не удалось довести эту колоссальную работу до того конца, котораго съ нетерпѣніемъ ждали всѣ, занимающіеся у насъ, или только интересующіеся физикой. Но уже то, что покойный успѣлъ сдѣлать, ясно показываетъ, что если бы смерть не похитила нашего общаго учителя, русская дидактическая литература обогатилась бы такимъ сочиненіемъ, изъ-за котораго иностранная наука по справедливости могла бы намъ позавидовать, такъ какъ въ ея распоряженіи нѣтъ сочиненія, которое могло бы сравниться съ этою книгою проф. И. И. Боргмана. Трудно сейчасъ рѣшить, остановился ли бы авторъ на двухъ или на трехъ томахъ. Изъ разговоровъ съ нимъ видно было, что онъ и самъ не успѣлъ рѣшить этого вопроса, но, повидимому, онъ склонялся къ тремъ томамъ, при чемъ третій долженъ былъ содержать между прочимъ, а можетъ быть и главнымъ образомъ, подробно изложенное ученіе о радіоактивныхъ явленіяхъ.

Въ 1914 г. появился первый томъ третьяго изданія (издатель К. Л. Риккеръ), одинаково замѣчательный, какъ по внутреннему содержанію, такъ и по внѣшнему изяществу, дѣлающему честь, какъ издателю, такъ и типографіи (М. М. Стасюлевича). Особенно поражаетъ новизна содержанія. Въ немъ подробно изложены всѣ выдающіяся въ данной области работы самаго послѣдняго времени; несомнѣнно, что авторъ добавлялъ въ корректурныхъ листахъ изложеніе важныхъ работъ, появлявшихся во время печатанія книги! Нѣкото-

рая часть второго тома была отпечатана при жизни автора, оставившаго обширную рукопись, которая, вмѣстѣ съ отпечатанною частью, составляетъ примѣрно половину второго тома, выходъ въ свѣтъ котораго можно нынѣ считать обезпеченнымъ, такъ какъ между русскими физиками, его друзьями и учениками, нашлись лица, взявшія на себя обработку тѣхъ главъ, которыя покойный не успѣлъ приготовить къ печати. Вопросъ о третьемъ томѣ пока еще открытъ.

Подъ редакціей проф. И. И. Боргмана вышло большое число переводныхъ сочиненій, многія изъ которыхъ онъ снабдилъ весьма цѣнными дополненіями. Сюда относятся слѣдующія книги:

1. *Сильванусъ Томсонъ.* „Электричество и магнетизмъ“, переводъ Ѳ. Я. Капустина и В. Б. Струве, 1883.

2. *Кольраушъ.* Руководство къ практикѣ физическихъ измѣреній, переводъ Н. С. Дрентельна, 1891.

3. *В. Томсонъ.* О строеніи матеріи, 1895.

4. *Планкъ.* „Термодинамика“, переводъ В. А. Каперининовой, Петроградъ, 1900.

5. *Эдзеръ.* „Общая физика“, 1913.

6. *Эдзеръ.* „Оптика“, 1914.

7. *Эдзеръ.* „Теплота“, печатается.

8. *Оливеръ Лоджъ.* „Непрерывность“, 1914.

9. *Шустеръ.* „Прогрессъ физики“, 1914.

10. *Дж. Дж. Томсонъ.* „Взаимоотношеніе между матеріей и эфиромъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области электричества“, 1914.

Въ заключеніе обзора литературной дѣятельности проф. И. И. Боргмана слѣдуетъ остановиться на предпринятомъ по его иниціативѣ изданіи, подъ названіемъ „Новыя идеи въ физикѣ“. Успѣхъ этого изданія превзошелъ всѣ ожиданія; онъ заставилъ издательство „Образованіе“ (Г. А. Котляръ) предпринять изданіе подобныхъ же „Новыхъ идей“ и по многочисленнымъ (кажется, по четырнадцати!) другимъ наукамъ. Самый терминъ „Новыя идеи“ принадлежитъ проф. И. И. Боргману.

„Новыя идеи въ физикѣ“ представляютъ, какъ и всѣ аналогичныя изданія, о которыхъ только что было упомянуто, непеpіодическое изданіе, выходящее отдѣльными книжками, выборъ матеріала и редактированіе которыхъ покойный велъ вполнѣ единолично. Каждая книжка посвящена опредѣленному вопросу и содержитъ статьи, какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ текущей, главнымъ образомъ,

журнальной, иностранной литературы. Всего было издано семь книжекъ; восьмая, которую предполагалось посвятить вопросу о строеніи атома, не была приготовлена къ печати. Покойный сумѣлъ привлечь въ сотрудники этого изданія большое число русскихъ ученыхъ, давшихъ многочисленныя статьи, многія изъ которыхъ имѣютъ общій, руководящій характеръ и служатъ какъ бы вступленіями къ разбору тѣхъ новыхъ, иногда довольно спеціальныхъ вопросовъ, которымъ посвящены отдѣльныя книжки сборника. Какъ сказано, успѣхъ „Новыхъ идей въ физикѣ" превзошелъ всѣ ожиданія; первыя три книжки уже вышли вторымъ изданіемъ; нѣкоторыя были распроданы въ теченіе одного года. Можно надѣяться, что и это изданіе не прекратится со смертью его иниціатора и единоличнаго руководителя, что найдутся ученые, которые будутъ продолжать прекрасное и полезное дѣло, столь блестяще начатое и столь далеко двинутое покойнымъ.

Велика и разнообразна была и общественная дѣятельность покойнаго проф. И. И. Боргмана; большая часть ея находилась въ тѣсной связи съ его рѣдкимъ организаторскимъ талантомъ. Сюда относится прежде всего устройство 11-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей (1901 г.) и двухъ Менделѣевскихъ съѣздовъ (1907 и 1911 г.) въ Петроградѣ. Можно сказать, что сложное дѣло организаціи этихъ съѣздовъ онъ всецѣло вынесъ на своихъ плечахъ. Онъ всегда умѣлъ найти достаточное число сотрудниковъ, распредѣлить между ними разностороннюю и сложную работу, руководить ими, не забывая о самыхъ мелкихъ дѣлахъ, отъ которыхъ такъ часто зависитъ успѣхъ съѣзда, гладкое теченіе дѣлъ, чувство удовлетворенности и благодарности у членовъ съѣзда. Съ полнымъ правомъ можно сказать, что упомянутые съѣзды прошли блестяще; честь достиженія такого результата всецѣло принадлежитъ проф. И. И. Боргману. Первый Всероссійскій съѣздъ преподавателей физики, химіи и космографіи, состоявшійся въ Петроградѣ въ концѣ 1913 г., избралъ проф. И. И. Боргмана товарищемъ предсѣдателя (проф. Н. А. Умова), въ отсутствіи котораго онъ руководилъ общими собраніями, а также нѣсколькими засѣданіями распорядительнаго комитета съѣзда.

Продолжительна и весьма интенсивна была дѣятельность покойнаго въ обществѣ вспомоществованія студентамъ Петроградскаго университета. Какъ товарищъ предсѣдателя, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ фактически руководилъ многосложными дѣлами этого общества.

На дальнѣйшія стороны общественной дѣятельности покойнаго можетъ быть указано лишь вкратцѣ. Ея всестороннее освѣщеніе и ея оцѣнка—дѣло будущаго; они потребуютъ широкаго и глубокаго историческаго изслѣдованія.

Сюда относится, прежде всего, дѣятельность покойнаго, какъ перваго, послѣ дарованія автономіи россійскимъ университетамъ, выборнаго ректора Петроградскаго университета (отъ 7-го сентября 1905 г. до 7-го февраля 1910 г.).

Въ 1906 году проф. И. И. Боргманъ состоялъ членомъ государственнаго совѣта по выбору отъ университетовъ и Академіи наукъ.

Съ 1912 г. до смерти онъ состоялъ членомъ Петроградскаго городского управленія и, между прочимъ, несъ обязанности попечителя Петропавловской больницы.

Покойный проф. И. И. Боргманъ заслуженно пользовался глубокимъ, искреннимъ уваженіемъ и любовью всѣхъ, съ кѣмъ его сталкивала его многосторонняя дѣятельность. Они нашли себѣ рѣдкое по своей сердечности выраженіе при его похоронахъ, когда, между прочимъ, ученики и почитатели покойнаго несли на рукахъ гробъ дорогого учителя и друга изъ университета до далекаго Митрофаніевскаго кладбища.

Чрезмѣрно кипучая и многосторонняя дѣятельность слишкомъ рано подорвала силы покойнаго. Онъ не щадилъ себя, не давалъ себѣ необходимаго отдыха, и только этимъ объясняется, что лютая болѣзнь такъ быстро унесла его въ могилу, отняла главу у его семьи, незабвеннаго учителя у его учениковъ и ученицъ и добраго товарища у его друзей и почитателей.

Пока будетъ существовать Петроградскій университетъ и пока будетъ жить и развиваться русская физика, не забудется имя славнаго ученаго, учителя и общественнаго дѣятеля, профессора И. И. Боргмана.

О. Хвольсонъ.

С. М. СЕРЕДОНИНЪ.

(Некрологъ).

Сергѣй Михайловичъ Середонинъ родился 30-го августа 1860 г.; онъ былъ сынъ протоіерея Михаила Ильича Середонина, преподававшаго въ нѣсколькихъ военныхъ училищахъ и пользовавшагося широкими симпатіями и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ, знавшихъ его, за просвѣщенный умъ, прямодушіе и благородный характеръ.

Окончивъ въ 1879 г. курсъ въ Петроградской шестой гимназіи съ золотою медалью, С. М. Середонинъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Петроградскаго университета, въ 1883 г. окончилъ на немъ курсъ кандидатомъ и былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Съ 1885 г. С. М. Середонинъ началъ преподаваніе исторіи въ пріютѣ принца Ольденбургскаго, затѣмъ онъ преподавалъ еще въ Царскосельской женской гимназіи, въ Литейной женской гимназіи и въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Уже въ 1884 г. появилась первая его печатная работа — „Переводъ извѣстій англичанъ о Россіи“ въ 4-ой книжкѣ „Чтеній Имп. Моск. общ. ист. и древн. россійскихъ“; тутъ данъ переводъ извѣстій Ченслера, Дженкинсона, Рандольфа и Бауса. Въ 1885 г., въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* напечатана была статья С. М—ча „Англійскія извѣстія о Россіи во второй половинѣ XVI в.“, содержащая изложеніе и, частію, критическую провѣрку сказаній за время 1553—1591 г., напечатанныхъ въ извѣстномъ собраніи Гаклюйта, при чемъ С. М. Середонинъ воспользовался и публикаціями Гаклюйтовскаго общества, обнародованными въ 1856 г., и впервые на русскомъ языкѣ изложилъ нѣкоторые документы, до того времени совершенно не входившіе въ оборотъ русской исторической науки. Въ 1891 г. Сергѣй Михайловичъ напечаталъ въ журналѣ

„Библіографъ“, №№ 2—3, статью „Извѣстія иностранцевъ о вооруженныхъ силахъ Московскаго государства“. Въ 1891 г. напечатано изслѣдованіе Сергѣя Михайловича: „Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» какъ историческій источникъ“, которое весною 1892 г. онъ защитилъ въ Петроградскомъ университетѣ какъ диссертацію на степень магистра русской исторіи; въ слѣдующемъ году трудъ этотъ былъ увѣнчанъ Академіей Наукъ малою уваровской преміей. Сочиненіе это—обстоятельная критическая оцѣнка книги Флетчера, являющейся памятникомъ исключительнаго историческаго значенія; С. М. Середонинъ обратилъ свое изученіе Флетчера въ рядъ экскурсовъ по вопросамъ, которые затронуты англійскимъ путешественникомъ, и частію разрѣшилъ, частію поставилъ многіе вопросы, имѣющіе большое значеніе для русской исторіи XVI в., напр. вопросъ о четяхъ, объ опричнинѣ и др.; въ работѣ этой С. М. Середонинъ обнаружилъ тонкій критическій умъ, обширныя свѣдѣнія и умѣнье излагать весьма сухую матерію прекраснымъ языкомъ. Съ 1892 же года С. М. Середонинъ началъ читать лекціи въ Петроградскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, и съ небольшимъ перерывомъ читалъ въ университетѣ до послѣдняго года своей жизни; съ того же 1892 года онъ до кончины читалъ русскую исторію на Высшихъ женскихъ курсахъ и въ Императорскомъ Петроградскомъ археологическомъ институтѣ—историческую географію, съ 1905 г.—на курсахъ Н. П. Раева русскую исторію и, наконецъ, съ 1901 г. онъ былъ профессоромъ Императорскаго историко-филологическаго института, гдѣ съ 1903 г. онъ былъ по день кончины и инспекторомъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ Сергѣю Михайловичу было предложено составить къ предстоявшему въ 1902 г. столѣтію Комитета Министровъ историческій очеркъ дѣятельности комитета. Въ 1902 г. и вышла эта работа: „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, въ шести частяхъ, изъ которыхъ пять написаны С. М. Середонинымъ. Эта обширная работа была выполнена въ то время, когда надъ русскою литературою, даже научною, существовала еще цензура, иногда стѣснявшая вполнѣ свободное изложеніе событій сравнительно близкой еще эпохи; отразилась, въ нѣкоторой степени, на этой работѣ и юбилейная цѣль изданія. Тѣмъ не менѣе, С. М. Середонинъ далъ трудъ вполнѣ научный и весьма цѣнный, который надолго сохранитъ значеніе руководящей нити при изученіи администраціи и вообще внутренней исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ.

Работа надъ исторіею комитета министровъ обратила Сергѣя Ми-

хайловича къ изученію вообще XIX в. и, въ частности, эпохи Имп. Александра I. Онъ принялъ участіе въ подготовлявшемся Историческимъ обществомъ при Петроградскомъ университетѣ изданіи бумагъ гр. М. М. Сперанскаго, написалъ для „Русскаго біографическаго словаря“ обширную біографію этого дѣятеля, а для новаго изданія энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона — біографію Имп. Александра I. Въ изданіи „Государи изъ Дома Романовыхъ“ онъ написалъ обширные очерки жизни и царствованія Императоровъ Александра I и Николая I; въ засѣданіи Императорскаго русскаго историческаго общества, въ члены котораго онъ былъ избранъ въ 1911 г., онъ въ 1912 г. прочелъ докладъ „Политическія причины войны 1812 г.“, напечатанный затѣмъ, въ „Запискахъ разряда военной археологіи Имп. русск. военно-истор. общества“ (1914). Въ 1913 г., для „Атласа Азіатской Россіи“, изданнаго главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія, онъ написалъ обширный „Историческій очеркъ завоеванія Азіатской Россіи“. Эта работа предложена была ему, какъ лучшему знатоку русской исторической географіи. По порученію Академіи Наукъ онъ рецензировалъ нѣсколько трудовъ, представленныхъ на соисканіе премій, именно В. А. Кордта, „Матеріалы по исторіи русской картографіи“ и А. М. Заіончковскаго, „Восточная война 1853—1856 гг.“, а по порученію Московскаго общества исторіи и древностей написалъ отчетъ объ изслѣдованіи И. И. Лаппо „Великое княжество Литовское“, представленномъ на премію Г. Ѳ. Карпова. Кромѣ того С. М. Середонинъ напечаталъ въ VIII т. Записокъ Имп. рус. арх. общ. „Наказъ кн. М. И. Воротынскаго и роспись полкамъ 1577 г.“, со своимъ предисловіемъ, критическую статью о книгѣ С. В. Рождественскаго „Служилое землевладѣніе“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897, № 5), статью „Къ плану государственнаго образованія 1809 года“ (въ сборникѣ „С. Ѳ. Платонову“); послѣднею печатною его работою явилась статья „Новое объ эпохѣ Отечественной войны“ (Научный историческій журналъ 1914, № 5). Послѣ С. М. остался тщательно обработанный и частью уже набранный курсъ лекцій его по исторической географіи; появленіе этой работы въ свѣтъ, кажется, обезпечено и, конечно, въ высшей степени желательно.

Смерть подкралась къ Сергѣю Михайловичу неожиданно и какъ-то незамѣтно. Онъ прихварывалъ года два-три тому назадъ: обнаружилось страданіе почекъ, не представлявшееся, однако, опаснымъ. Прошедшею зимою онъ также былъ нездоровъ, но перемогался,

вполнѣ сохраняя обычное ему ровное и даже веселое расположеніе духа; онъ принималъ живѣйшее участіе въ организаціи съѣзда дѣятелей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, который былъ созванъ въ маѣ мѣсяцѣ 1914 г. съ Высочайшаго соизволенія при Императорскомъ русскомъ историческомъ обществѣ, и провелъ этотъ съѣздъ, какъ его секретарь; видно было, что ему неможется, но никто не предполагалъ скорой катастрофы. Болѣзнь, однако, начала быстро прогрессировать на дачѣ; въ началѣ іюля Сергѣй Михайловичъ выглядѣлъ уже очень плохо, а 26-го іюля скончался отъ рака въ с. Красномъ, Рыбинскаго уѣзда, на Волгѣ. Тамъ онъ и погребенъ, потому что происходившая какъ разъ въ тѣ дни мобилизація сдѣлала совершенно невозможнымъ перевезеніе его праха въ Петроградъ.

Въ лицѣ С. М. Середонина русская историческая наука потеряла значительную силу. По общему складу своего ума и своихъ ученыхъ привычекъ почившій былъ прежде всего критикомъ и гораздо болѣе былъ склоненъ къ усвоенію и анализу матеріала, чѣмъ къ его конструкціи и къ творчеству. Написанное имъ въ суммѣ не было велико, и его печатные труды не объединялись единствомъ темы. Въ началѣ его ученаго пути его вниманіе сосредоточивалось на извѣстіяхъ англичанъ о Московіи, а отсюда естественъ былъ переходъ вообще къ историко-географическимъ темамъ, которымъ С. М. оставался вѣренъ до самой кончины. Вскорѣ же послѣ первыхъ работъ С. М-ча случай привелъ его къ занятіямъ надъ исторіей комитета министровъ, а отсюда естественно было обращеніе къ исторіи XIX столѣтія вообще. И этотъ интересъ также не замиралъ въ С. М-чѣ до самой его смерти. На его столѣ въ послѣдніе дни его жизни рядомъ лежали листки съ окончаніемъ курса исторической географіи и изданіе „Les rapports diplomatiques de Lebzeltern" съ отмѣтками, изъ которыхъ имѣла вырости монографія. Но и курсъ, почти оконченный почившимъ, и его монографіи по исторіи первой половины XIX вѣка далеко не полно отражали тотъ поразительный запасъ знаній, которыми обладалъ С. М. въ интересовавшихъ его областяхъ. Точная и обширная его память всегда изумляла собесѣдниковъ; умѣнье пользоваться матеріаломъ для аргументовъ казалось исключительнымъ; тонкость пониманія и непринужденность остроумія дѣлали его бесѣду чрезвычайно занимательною. Нерѣдко возникало сожалѣніе, что эти богатства ума и свѣдѣній не переносились на бумагу и оставались въ лучшемъ случаѣ ad usum scholarum. Слушатели С. М-ча изъ его

лекцій и бесѣдъ имѣли возможность вынести гораздо болѣе цѣнныхъ впечатлѣній, чѣмъ читатели его печатныхъ трудовъ; С. М. какъ будто бы не любилъ писать и не умѣлъ писать къ сроку.

Одаренный острымъ критическимъ талантомъ, С. М. Середонинъ переносилъ охотно свою критическую наклонность изъ научной области въ жизнь и являлъ собою рѣдкій образецъ человѣка, умѣвшаго совмѣстить въ себѣ чрезвычайную доброту съ привычкою къ добродушной критикѣ окружающей дѣйствительности. Ничто, кажется, происходившее кругомъ него, не оставалось безъ остроумной оцѣнки, вызывавшей иногда большую веселость въ собесѣдникахъ С. М-ча. Неизмѣнный тактъ критика, однако, исключалъ возможность обидъ и недоразумѣній, а чрезвычайная и искренняя его скромность влекла къ нему всѣхъ его знавшихъ. Если С. М. могъ, какъ хорошій ученый, прекрасно учить въ аудиторіи, то въ жизни онъ могъ служить столь же прекраснымъ примѣромъ культурности, въ которомъ очень серьезное и вдумчивое отношеніе къ велѣніямъ долга цѣлостно сочеталось съ умѣніемъ скрасить добротою и шуткой подчасъ тяжелыя условія нашего общежитія.

Память о Сергѣѣ Михайловичѣ Середонинѣ не умретъ ни въ его старѣющихъ друзьяхъ, ни во многихъ поколѣніяхъ его учениковъ. Она будетъ свѣтла блескомъ его ума и крѣпка плодами его искренней доброты, о которой знаютъ всѣ его близкіе.

С. Платоновъ.
Н. Чечулинъ.

ЦЕЛЬЗЪ И СУШРУТА О КАМНЕСѢЧЕНІИ.

I.

Уже давно историки медицины [1]) обратили свое вниманіе на ту главу хирургіи А. Корнелія Цельза, гдѣ говорится о камнесѣченіи [2]). Справедливо отмѣчаетъ въ своей исторіи хирургіи Гурльтъ [3]) различныя толкованія этого мѣста, поводъ къ которымъ былъ данъ неясностью направленія, въ которомъ ведется разрѣзъ при промежностномъ камнесѣченіи. Дословно Цельзъ сообщаетъ здѣсь слѣдующее: „2. Такъ какъ [выше] было уже упомянуто о пузырѣ и камнѣ, то умѣстнымъ кажется требованіе прибавить и то, какое [оперативное] лѣченіе примѣняется къ больнымъ каменною болѣзнью, разъ уже не можетъ быть оказана помощь иначе. Торопиться съ нимъ, однако, не слѣдуетъ никоимъ образомъ, такъ какъ оно [крайне] опасно. Точно также не слѣдуетъ употреблять его во всякое время, во всякомъ возрастѣ и при всякой [формѣ] заболѣванія, но единственно весною и у такого субъекта, который вышелъ уже изъ девятилѣтняго возраста, но не перешелъ еще за одиннадцатилѣтній; притомъ лишь [въ томъ случаѣ], если существуетъ столь сильная боль, что не можетъ быть уничтожена лѣкарствами и [въ то же время, какъ] оказывается, [операція] не можетъ быть отложена [безъ того], чтобы больной не погибъ при нѣкоторомъ промедленіи, не потому, чтобы иногда даже рискованное средство не вызывало успѣха, но потому, что слишкомъ часто оно ошибочно тамъ, гдѣ слишкомъ много родовъ и случаевъ опасности, которые я опишу вмѣстѣ съ самой операціей. Итакъ, лишь только рѣшено испытать крайнее [средство], организмъ

[1]) Литература приведена въ Commentatio de lithotomia Celsiana auctore *Ign. Franc. Xav. Schoeman*, Jena 1841, 4°, p. 5 sq.

[2]) A. Cornelii Celsi de medicina libri octo. Rec. *C. Daremberg*, Lipsiae 1891, VII, 26, 2 сля.

[3]) *Gurlt*, Geschichte der Chirurgie, Berlin 1898, 370.

слѣдуетъ подготовить за нѣсколько дней [до операціи соотвѣтствующимъ] питаніемъ [такъ], чтобы больной принималъ [въ] умѣренн[омъ количествѣ] здоровую и возможно менѣе вязкую пищу, пилъ [только] воду. Однако въ то же [время] пусть онъ пользуется [въ видѣ] упражненія прогулкой, чтобы камень спустился возможно ближе къ шейкѣ пузыря. Произошло ли это, узнается, какъ я покажу при [изложеніи] операціи, посредствомъ введенія пальцевъ. Лишь только существуетъ увѣренность въ этомъ, означенный мальчикъ наканунѣ [операціи] долженъ быть выдержанъ на полной діэтѣ. Затѣмъ [сама] операція должна быть сдѣлана въ тепломъ помѣщеніи, [причемъ] производится она слѣдующимъ образомъ:

Человѣкъ весьма сильный и опытный садится на высокое сидѣнье и охватываетъ [больного, держа] его опрокинутымъ навзничь и лицомъ отъ себя, положивъ его бедра на свои колѣни; затѣмъ, отведя назадъ его голени, велитъ ему просунуть руки подъ свои [т. е. оперируемаго] колѣни и притягивать ихъ самому, насколько онъ лишь можетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ онъ удерживаетъ голени въ этомъ положеніи.

Если сложеніе его [т. е. больного] болѣе крѣпкое, то, соединивъ два сидѣнья, на нихъ садятся двое сильныхъ [людей], а стулья и смежныя голени ихъ связываются между собою такъ, чтобы не могли раздвинуться. Затѣмъ больной помѣщается на колѣняхъ обоихъ точно такимъ же образомъ, [какъ показано выше]. Затѣмъ одинъ изъ двухъ [служителей], сообразно съ тѣмъ, какъ онъ сѣлъ, притягиваетъ его лѣвую голень, другой правую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ [больной притягиваетъ] свои колѣни. Сдерживаютъ ли его одинъ или двое, [во всякомъ случаѣ] грудью своею они налегаютъ на его плечи. Вслѣдствіе всего этого происходитъ, что полость надъ лобкомъ между подвздошными костями натягиваетя безъ всякихъ складокъ и, послѣ того какъ пузырь оттѣсняется въ узкое [пространство малаго таза], камень можетъ быть захваченъ совершенно легко. Кромѣ того, по бокамъ помѣщаются еще двое сильныхъ [служителей], которые, стоя по сторонамъ, не позволяютъ упасть тому или тѣмъ [лицамъ], которыя удерживаютъ мальчика. Затѣмъ врачъ, тщательно обрѣзавъ ногти и смазавъ [масломъ] лѣвую руку, потихоньку вводитъ два пальца ея, указательный и средній, въ жомъ больного, сперва одинъ [палецъ], затѣмъ другой; пальцы же правой руки тихонько кладетъ на нижнюю часть живота, чтобы не повредить пузыря [въ томъ случаѣ], если [пальцы обѣихъ рукъ] рѣзко столкнутся съ обѣихъ сторонъ около [мѣсто-

нахожденія] камня. Въ этомъ дѣлѣ не слѣдуетъ дѣйствовать поспѣшно, какъ въ большинствѣ [операцій], но такъ, чтобы [все] совершалось, насколько возможно, безопасно, ибо поврежденіе пузыря вызываетъ судороги съ опасностью [наступленія] смерти.

Прежде всего камень отыскивается около шейки. Будучи здѣсь найденъ, онъ удаляется съ меньшимъ трудомъ. Поэтому-то я и сказалъ, что не слѣдуетъ оперировать, если это [обстоятельство] не установлено по свойственнымъ [ему] признакамъ.

Если же [камня] здѣсь не оказалось, или онъ отошелъ назадъ, пальцы просовываются до дна пузыря, и постепенно правая рука, помѣщенная по другую сторону [пузыря], также слѣдуетъ [за лѣвой]. Когда камень найденъ, онъ необходимо попадаетъ въ руки [и] выводится тѣмъ осторожнѣе, чѣмъ онъ меньше и глаже, чтобы не выскользнулъ, т. е. чтобы не пришлось слишкомъ часто безпокоить пузырь.

Такимъ образомъ поверхъ камня всегда накладывается правая рука, пальцы [же] лѣвой подвигаютъ его снизу, пока не дойдутъ до шейки. Если камень продолговатый, его слѣдуетъ проталкивать въ нее такъ, чтобы онъ выходилъ въ длину; если онъ плоскій, то такимъ образомъ, чтобы онъ былъ перевернутъ [на ребро]; если онъ квадратный, то такъ, чтобы онъ сидѣлъ двуми [смежными] углами; если онъ шире съ одной стороны, то, чтобы сначала выходила та сторона, съ которой онъ у́же. При кругломъ камнѣ нѣтъ никакой разницы, [какъ это] ясно по самой [его] формѣ, кромѣ только того [условія], если онъ съ одной стороны глаже. [Въ такомъ случаѣ необходимо], чтобы предшествовала эта сторона. Когда камень дошелъ уже до шейки, около жома кожа должна быть надрѣзана серпообразной полоской вплоть до шейки пузыря, съ рогами, слегка обращенными къ подвздошнымъ костямъ; затѣмъ въ той части, гдѣ разрѣзъ загибается вверхъ, дѣлается другой поперечный разрѣзъ, теперь уже подъ кожей, съ тѣмъ, чтобы обнажить шейку, пока [этотъ] мочевой ходъ не будетъ открытъ настолько, чтобы разрѣзъ былъ нѣсколько больше, чѣмъ камень. Дѣйствительно, тѣ [врачи], которые изъ опасенія [образованія] свища, называемаемаго греками въ этомъ мѣстѣ ῥοάς, открываютъ [шейку пузыря слишкомъ] мало, подвергаются тому же [риску] съ [еще] большей опасностью: выдавливаемый силой камень [самъ себѣ] прокладываетъ путь, разъ [его] не находитъ. Это оказывается тѣмъ опаснѣе, если и форма камня или [его] шероховатость содѣйствуютъ тому же. Отсюда можетъ произойти и кровоиз-

ліяніе, и судороги. Если кто-нибудь этого и избѣжалъ, то все-таки у него образуется [гораздо] болѣе открытый свищъ вслѣдствіе разрыва шейки, чѣмъ какой былъ бы послѣ разрѣза [ея]. Когда шейка вскрыта, камень представляется нашимъ глазамъ, причемъ его цвѣтъ не составляетъ никакого различія. Если камень невеликъ, его можно съ одной стороны подталкивать впередъ пальцами, а съ другой—вытаскивать. Если онъ довольно великъ, то слѣдуетъ наложить на него сверху крючекъ, сдѣланный для этой цѣли. Послѣдній на концѣ тонокъ, съ расширеніемъ, изогнутымъ въ видѣ полукруга. Съ наружной стороны, которою онъ прикасается къ тѣлу, онъ гладокъ, съ внутренней, гдѣ онъ соприкасается съ камнемъ, шероховатъ. Онъ долженъ быть предпочтительно довольно длиненъ, такъ какъ короткій не обладаетъ при извлеченіи [достаточной] силой. Послѣ наложенія, его слѣдуетъ наклонять въ обѣ стороны, чтобы выяснить, держится ли камень. Если камень захваченъ, то онъ тоже наклоняется. Необходимо это для той цѣли, чтобы камень, когда начнутъ притягивать [къ себѣ] крючекъ, не ушелъ внутрь, не упалъ на край раны и не повредилъ ея. Какая при этомъ бываетъ опасность, я изложилъ выше. Лишь только выясняется, что камень держится достаточно [прочно], почти въ ту же минуту нужно сдѣлать троякое движеніе: въ обѣ стороны и затѣмъ кнаружи, однако такъ, чтобы это было сдѣлано потихоньку; поэтому камень сперва слегка притягиваютъ [къ себѣ]. Послѣ этого внѣшній [конецъ] крючка долженъ быть приподнятъ, чтобы [изгибъ его могъ] лучше держаться внутри и легче было вытащить камень. Поэтому, если не очень удобно окажется захватить камень сверху, его нужно будетъ захватить съ боку.

Это—самая простая операція, но разнообразіе случайностей требуетъ еще нѣкоторыхъ замѣчаній. Иные камни бываютъ не только неравные, но и обладаютъ [острыми] ребрами. Проскользнувъ сами по себѣ въ шейку, они вынимаются безъ всякаго риска, въ пузырѣ же отыскиваются или извлекаются [изъ него] не безъ опасности, такъ какъ пораненіемъ его они ускоряютъ смертельный исходъ вслѣдствіе судорогъ. Въ гораздо большей степени [возрастаетъ опасность], если одно изъ реберъ задѣваетъ за [стѣнку] пузыря и, когда его начинаютъ тащить, расширяетъ рану вдвое.

Что камень находится въ шейкѣ пузыря, узнается по тому, что моча испускается съ бо́льшимъ трудомъ; что онъ обладаетъ острыми краями,—по тому, что моча вытекаетъ по каплямъ, окрашенная кровью; лучше же всего это изслѣдуется пальцами снизу, причемъ

нельзя приступить къ операціи, если это [обстоятельство] не установлено [положительно]. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ подвести исподволь пальцы изнутри [прямой кишки], чтобы при рѣзкомъ движеніи [ихъ] впередъ не причинить пораненія [стѣнкамъ пузыря: только] тогда нужно сдѣлать надрѣзъ. Многіе и здѣсь пользовались скальпелемъ, [но], такъ какъ послѣдній ненадеженъ и можетъ [при разрѣзѣ] наткнуться на какой-либо выступъ камня и, надрѣзавъ [лежащія] надъ нимъ мягкія части, оставить [не тронутымъ то мѣсто], гдѣ [въ камнѣ] имѣется впадина, такъ что нужно надрѣзывать вторично, то Мегетъ изобрѣлъ прямой инструментъ, въ верхней части снабженный губами, а въ нижней представляющій острый полукругъ. Взявъ его между двумя пальцами, указательнымъ и среднимъ, и наложивъ сверху большой палецъ, онъ надавливалъ его такъ, что надрѣзалъ вмѣстѣ съ тѣломъ и выдающіяся части камня. Слѣдствіемъ этого являлось, что онъ вскрывалъ [шейку] съ одного раза и [настолько], насколько было достаточно. Какимъ бы способомъ однако ни была шейка вскрыта, неровный камень слѣдуетъ извлекать осторожно, безъ всякаго благодаря поспѣшности примѣненія силы.

3. Песчаный камень обнаруживается и заранѣе, такъ какъ и моча выдѣляется съ пескомъ, и при самой операціи, такъ какъ между подведенными пальцами [ощущается] неодинаковое сопротивленіе и, кромѣ того, разсыпаніе. Точно также на мягкіе камни и состоящіе изъ множества мелкихъ, но слабо связанныхъ между собою, указываетъ моча, выводящая какъ бы какія-то чешуйки. Всѣхъ ихъ, тихонько перебирая снизу пальцами, слѣдуетъ подвести [къ шейкѣ] такимъ образомъ, чтобы они не повредили пузыря и чтобы внутри не оставалось никакихъ разсѣянныхъ остатковъ, которые бы впослѣдствіи причинили затрудненіе при операціи. Все, что только въ этомъ родѣ попадаетъ на глаза, слѣдуетъ извлекать или пальцами, или крючкомъ, если же камней нѣсколько, ихъ нужно вытаскивать по одиночкѣ, однако такимъ образомъ, что пусть лучше останется какой-либо небольшой [камешекъ], если онъ окажется. Дѣйствительно, онъ съ трудомъ отыскивается въ пузырѣ, а, будучи найденъ, легко ускользаетъ. Такимъ образомъ вслѣдствіе продолжительнаго изслѣдованія пузырь раздражается и вызываются смертельныя воспаленія, такъ что иные оперированные умирали, послѣ того какъ пузырь подвергался продолжительному и напрасному раздраженію пальцами. Къ этому присоединяется еще и то, что небольшой камешекъ впослѣдствіи продвигается мочею къ разрѣзу и выпадаетъ [самъ собою]. Если же онъ

слишкомъ великъ и не можетъ, повидимому, быть извлеченъ безъ разрыва пузыря, его слѣдуетъ расколоть. Изобрѣтатель этого [способа] Аммоній поэтому и былъ прозванъ λιθοτόμος. Дѣлается это такимъ образомъ: крючекъ накладывается на камень такъ, чтобы легко [могъ] его удержать даже при ударахъ, [не позволяя] ему скатиться обратно; затѣмъ употребляется инструментъ умѣренной толщины, съ тонкой, но притупленной передней частью. Будучи приставленъ къ камню, онъ раскалываетъ его при ударѣ по другому концу. При этомъ соблюдается большая осторожность, чтобы инструментъ не доходилъ до [дна] пузыря и чтобы дробленіе камня не причинило какого-нибудь пораненія.

4. На женщинахъ эти операціи совершенно одинаковы, однако кое-что нужно о нихъ сказать особо. Дѣйствительно, у нихъ излишенъ скальпель [тамъ], гдѣ камень совсѣмъ малъ, такъ какъ онъ выгоняется мочею въ шейку; послѣдняя же и короче и шире, чѣмъ у мужчинъ. Поэтому камень и самъ по себѣ нерѣдко выпадаетъ, если же и застреваетъ въ начальной болѣе узкой [части ея], то безъ всякаго поврежденія извлекается тѣмъ же крючкомъ. Однако при [существованіи] камней бо̀льшихъ [размѣровъ] необходима та же операція, но у дѣвственницы пальцы должны подводиться, какъ и у мужчины, у женщины же черезъ влагалище. Затѣмъ разрѣзъ слѣдуетъ дѣлать у дѣвушки подъ самымъ нижнимъ краемъ лѣвой [губы], у женщины же между мочевымъ каналомъ и лобковой костью, такимъ образомъ, чтобы и въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ разрѣзъ шелъ поперекъ; также не слѣдуетъ бояться, если изъ женскаго тѣла вытекаетъ больше крови.

5. Послѣ извлеченія камня, если больной крѣпкаго сложенія и не слишкомъ измученъ, нужно оставить кровь течь для того, чтобы меньше было воспаленіе; нелишнее также больному пройтись немного, чтобы выпали изъ разрѣза сгустки крови, если они остались внутри. Если кровотеченіе само собою не прекратилось, оно должно быть въ свою очередь остановлено, чтобы не наступила полная потеря силъ. Это слѣдуетъ дѣлать тотчасъ послѣ операціи у слишкомъ слабыхъ [больныхъ]. Дѣйствительно, подобно тому, какъ больной подвергается опасности судорогъ, при раздраженіи его пузыря, точно такъ же наступаетъ [послѣ этого] другая опасность, какъ бы онъ не потерялъ столько крови, чтобы погибнуть. Чтобы этого не случилось, его нужно посадить въ крѣпкій уксусъ, къ которому прибавлено немного соли. Подъ этимъ [вліяніемъ] и кровотеченіе почти успокаи-

вается, и пузырь стягивается и вслѣдствіе этого менѣе воспаляется. Если это мало помогаетъ, нужно поставить банку въ пахахъ, на бедрахъ и на лобкѣ. Когда же достаточно выпущено крови или она остановлена, больной кладется навзничь такъ, чтобы голова лежала низко, а бедра были немного приподняты, на рану же слѣдуетъ накладывать вдвое или втрое [сложенную] тряпочку, пропитанную уксусомъ. Затѣмъ, спустя два часа, больного нужно положить въ ванну изъ горячей воды на спину такъ, чтобы вода покрывала его у колѣнъ до пупка, остальная же [часть тѣла] была прикрыта одеждой, причемъ только руки и ноги остаются обнаженными, съ одной стороны, чтобы [больной] менѣе ослабѣвалъ, съ другой же,—чтобы онъ могъ дольше оставаться въ ваннѣ. Обыкновенно вслѣдствіе этого появляется обильный потъ, который немедленно нужно стирать съ лица губкой. Конецъ этому согрѣванію бываетъ тогда, когда оно начинаетъ быть вреднымъ, ослабляя [больного]. Затѣмъ его слѣдуетъ вытереть большимъ количествомъ масла и обернуть охапкой мягкой шерсти, пропитанной теплымъ масломъ, которая покрывала бы лобокъ, бедра, паха и самую рану, ранѣе прикрытую той же полотняной тряпочкой; шерсть слѣдуетъ постоянно смачивать теплымъ масломъ, чтобы не допускать холода до пузыря и потихоньку успокоить нервы. Нѣкоторые употребляютъ согрѣвающія припарки. [Однако] онѣ больше вредятъ [своей] тяжестью и, давя на рану, раздражаютъ пузырь, чѣмъ приносятъ пользу теплотою. Поэтому даже въ повязкѣ нѣтъ никакой необходимости.

На слѣдующій день, если дыханіе производится съ слишкомъ большимъ трудомъ, если моча не выдѣляется, если окружность лобка значительно припухла, можно быть увѣреннымъ, что въ пузырѣ остались сгустки крови. Въ этомъ случаѣ, введя такимъ же образомъ пальцы, слѣдуетъ тихонько ощупать пузырь и, если какіе-нибудь сгустки образовались, разбить ихъ. Вслѣдствіе этого сгустки впослѣдствіи выходятъ черезъ рану. Нелишнее также впрыснуть въ пузырь черезъ рану уксусъ, смѣшанный съ селитрой, посредствомъ ушного шприца, ибо такимъ образомъ тоже разбиваются образовавшіеся сгустки крови. Слѣдуетъ это сдѣлать еще въ первый день, если мы опасаемся, какъ бы чего не было внутри, и особенно, когда слабость мѣшаетъ выходу этого при ходьбѣ. Остальное слѣдуетъ дѣлать [все] то же самое: положить въ ванну, такимъ же образомъ наложить сверху тряпочку, такимъ же образомъ [обернуть] шерстью. Но не слѣдуетъ ни [такъ же] часто, ни такъ же долго держать въ горячей водѣ маль-

чиковъ, какъ юношей, слабыхъ, какъ и крѣпкихъ [по сложенію], пораженныхъ легкимъ воспаленіемъ, какъ [и пораженныхъ] болѣе тяжелымъ, тѣхъ, у кого организмъ разслабленъ, какъ тѣхъ, у кого онъ окрѣпъ. Между тѣмъ, однако, если имѣется сонъ, дыханіе ровное, языкъ влаженъ, жажда умѣрена, нижняя часть живота опала и боль невелика при небольшой лихорадкѣ, можно быть увѣреннымъ, что лѣченіе протекаетъ правильно. У такихъ [больныхъ] воспаленіе обыкновенно оканчивается приблизительно на пятый или на седьмой день. Послѣ его облегченія ванна излишня. Нужно только размягчать рану у лежащаго на спинѣ [больного] горячей водой, чтобы смывать то, что̀ разъѣла моча. Лѣкарства же слѣдуетъ прикладывать вызывающія гной, а, если покажется, что слѣдуетъ рану очистить, то нужно намазать ее медомъ. Если онъ разъѣдаетъ, то [его] разбавляютъ розовымъ масломъ, но [накладывать] на рану тряпочку тогда нѣтъ необходимости, на лѣкарственныя [же] средства, чтобы удержать ихъ, она накладывается правильно. Когда рана очистилась, ее слѣдуетъ довести до рубцеванія чистой тряпочкой. Въ это время, однако, если операція была неудачна, представляются различныя опасности, которыя можно предсказать заранѣе, [а именно]: если существуетъ непрерывная безсонница, затрудненность дыханія, сухой языкъ, сильная жажда, если имѣется опухоль внизу живота, если рана раскрыта, если вытекающая черезъ нее моча ея не разъѣдаетъ, если ранѣе третьяго дня выходятъ какія-то темныя [массы], если больной ничего не отвѣчаетъ, или [отвѣчаетъ] поздно, если имѣются сильныя боли, если послѣ пятаго дня его тревожитъ сильная лихорадка, если отвращеніе къ пищѣ остается [все время], если [больному] пріятнѣе лежать на животѣ. Однако, нѣтъ ничего хуже судорогъ и рвоты желчью ранѣе девятаго дня, если же есть опасеніе воспаленія, то слѣдуетъ содѣйствовать воздержаніемъ, умѣренностью въ пищѣ и [ея] своевременностью; между тѣмъ [слѣдуетъ прибѣгнуть къ] припаркамъ и тѣмъ [средствамъ], которыя мы описали выше“.

Между тѣмъ какъ такъ называемый apparatus minor Цельза исторически уступалъ постепенно свое мѣсто другимъ болѣе или менѣе сложнымъ, но не всегда менѣе опаснымъ способамъ извлеченія камня черезъ сѣченіе или промежности, или нижней части живота, въ настоящее время, благодаря успѣхамъ хирургической техники, возможности асептическаго проведенія операціи подъ наркозомъ и усовершенствованію хирургическаго инструментарія, преимущество чаще всего отдается высокому сѣченію пузыря надъ лоннымъ сращеніемъ,

такъ называемой sectio alta вдоль бѣлой линіи живота въ области cavum Retzii. Однако и прежніе способы не вполнѣ еще оставлены, и различные авторы отдаютъ предпочтеніе одинъ одному, другой другому перинеальному способу извлеченія камня. Всѣ эти способы исторически развились, однако, изъ только что описаннаго метода Цельза, значеніе котораго въ томъ и заключается, что имъ впервые въ медицинской литературѣ была указана возможность проникновенія въ мочевой пузырь хотя бы со стороны промежности. Кромѣ только что описаннаго способа Цельза, какъ мы увидимъ далѣе, уже въ древности рекомендовались другія модификаціи перинеальнаго разрѣза. Въ средніе вѣка обычнымъ, повидимому, былъ apparatus maior, названный такъ потому, что требовалъ большаго количества употребляемыхъ въ дѣло инструментовъ. Этотъ способъ, судя по всему, былъ настолько распространенъ, что существовали даже, какъ и теперь на Востокѣ, странствующіе спеціалисты-хирурги (cursores, circumvagatares, περιοδευταί), занимавшіеся исключительно камнесѣченіемъ и, подобно нашимъ деревенскимъ коноваламъ, переходящимъ изъ селенія въ селеніе, въ другихъ отрасляхъ хирургіи и медицины бывшіе круглыми невѣждами.

Существующіе въ настоящее время и примѣняющіеся еще иногда съ извѣстнымъ успѣхомъ перинеальные способы камнесѣченія сводятся, такимъ образомъ, не считая оставленнаго apparatus minoris Цельза, къ слѣдующимъ операціямъ: 1) sectio mediana Маріана (собственно его учителя Джіованни de Romanis), наиболѣе употребительная со времени Чизельдена (1688—1752) модификація средневѣковаго apparatus maioris (разрѣзъ по шву промежности вдоль введеннаго въ мочевой каналъ катетрообразнаго зонда съ желобомъ—итинерарія); 2) sectio lateralis Самсона, Лангенбека и Листона и bilateralis Дюпюитрана (влѣво или по бокамъ ῥαφῆς); 3) sectio rectalis (разрѣзъ передней стѣнки recti); 4) cystotomia perinealis Франка (разрѣзъ промежности, соединенный съ отдѣленіемъ recti). Если къ этимъ операціямъ, развившимся, какъ сказано, изъ способа, рекомендованнаго Цельзомъ, прибавить такъ называемую sectio subpubica, предложенную Лангенбухомъ (горизонтальный разрѣзъ подъ лоннымъ сращеніемъ) и sectio alta [1]), то этимъ будетъ исчерпанъ перечень всѣхъ существующихъ и возможныхъ способовъ камнесѣченія. Отсылая инте-

[1]) Прекрасное описаніе и изображеніе пріемовъ высокаго камнесѣченія можно найти въ *Ph. Bockenheimer* und *Fr. Frohse*, Atlas typischer chirurgischen Operationen, Jena 1905, IV. Lief. Taf. XXXVIII.

ресующихся подробностями этихъ операцій къ любому новѣйшему руководству частной хирургіи [1]) и считая сказанное достаточнымъ для уясненія интереса, возбуждаемаго въ исторіи хирургіи методомъ Цельза, обратимся къ послѣднему, несмотря на то, что онъ потерялъ свое практическое значеніе. Дѣло въ томъ, что, несмотря на кажущуюся ясность и полноту описанія съ многочисленными подробностями, приведенная выше глава Цельза издавна служила предметомъ спора и различныхъ, весьма расходящихся другъ съ другомъ толкованій, породившихъ цѣлую литературу, какъ чисто филологическую, такъ и спеціально медицинскую.

Главнымъ камнемъ преткновенія являлось то мѣсто, гдѣ говорится о направленіи разрѣза [2]). Не задерживаясь на подробномъ разборѣ всѣхъ предложенныхъ толкованій, остановлюсь на тѣхъ изъ нихъ, которыя являются типичными для цѣлой группы ученыхъ, придерживающихся того или другого возможнаго пониманія текста.

Подлинныя слова Цельза слѣдующія: Quum jam eo (in cervicem vesicae) venit (calculus), incidi juxta anum cutis plaga lunata usque ad cervicem vesicae debet, cornibus ad coxas spectantibus paulum; deinde ea parte, qua resima plaga est, etiamnum sub cute altera transversa plaga facienda est, qua cervix aperiatur; donec urinae iter pateat sic, ut plaga paulo major, quam calculus sit.

Одни понимаютъ слова cornibus ad coxas spectantibus paulum въ томъ смыслѣ, что coxae означаютъ здѣсь сѣдалищныя кости (ossa ischii). Полулунный разрѣзъ такимъ образомъ долженъ быть обращенъ выпуклостью вверхъ, рогами внизъ по направленію къ обѣимъ сторонамъ recti. Нѣкоторые хирурги такъ и производили камнесѣченіе [3]), проводя серпообразный разрѣзъ, обращенный концами внизъ,

---

[1]) Напр., *Edmund Leser*, Die spezielle Chirurgie in 60 Vorlesungen, Jena 1908, 8 Aufl. 576—582. *Leser*, Частная хирургія. С.-Пб. 1906, 404 сл. *Бергманнъ, Брунсъ, Микуличъ*, Руководство практической хирургіи, т. III, ч. II, Москва 1903, 261 сл. *Дьяконовъ, Рейнъ, Лысенковъ, Напалкинъ*, Лекціи топографической анатоміи и оперативной хирургіи. Изд. 2. II. Москва 1908, 763 и др. *J. Hochenegg*, Lehrbuch der speziellen Chirurgie. Bd. II, Wien 1909, 753 слл., 764 сл. *O. Laurent*, Anat. clinique et technique opératoire, Bruxelles 1909, 671—675. *J. Albarran*, Operative Chirurgie der Harnwege (ins Deutsche übertragen v. *E. Grunert*), Jena 1910. Lief. 2—3. 619—731. *R. Ultzmann*, Die Krankheiten der Harnblase въ Deutsche Chirurgie v. *Billroth u. Lücke*, Lief. 52, Stuttgart 1890, 196—243 и др.

[2]) См. выше, стр. 451.

[3]) *Bromfield*, Chirurgical observations and cases, London 1773, II, 218, 366, 367 sq. Chirurgische Wahrnehmungen durch *William Bromfield*. Aus dem Engli-

и соединяя эти концы горизонтальнымъ поперечнымъ разрѣзомъ сперва кожи, а затѣмъ и глубже лежащихъ частей.

Другіе, какъ напр. Шрегеръ [1]), Шёманъ [2]) и Бернардъ [3]) полагали, что разрѣзъ кожи проводился съ лѣвой стороны шва такъ, что рога были обращены или вправо, или влѣво.

Третьи наконецъ считаютъ мѣсто испорченнымъ и пытаются его такъ или иначе исправить [4]).

Въ виду столь разнорѣчивыхъ толкованій указаннаго мѣста Цельза наилучшимъ выходомъ изъ положенія, повидимому, явится новое и безпристрастное разсмотрѣніе этого вопроса. Уже Шёманъ пытался это сдѣлать, но его работа, какъ мы увидимъ ниже, грѣшитъ методологическими ошибками. Г. А. Бернардъ слѣпо слѣдуетъ Шёману, даже не пытаясь дать самостоятельнаго изслѣдованія вопроса.

Прежде всего спрашивается, что̀ понималъ Цельзъ подъ именемъ coxae? На это онъ самъ даетъ отвѣтъ, какъ указалъ совершенно правильно еще Шёманъ [5]). Въ началѣ восьмой книги онъ говоритъ [6]): „Нижняя часть крестца сидитъ на кости ляшекъ, которая, лежа поперекъ и будучи весьма крѣпка, защищаетъ влагалище, пузырь, прямую

---

schen übersetzt und mit einigen Zusätzen vermehrt, Leipzig 1774, 387 сля. и табл. V. *Jo. Bell*, The principles of Surgery, London 1815. 4°. 59—61. *Delpech*, Bemerkungen über die von Celsus vorgeschlagene Methode bei der Operation des Steinschnitts an Mannspersonen въ Notizen aus dem Gebiete der Natur- und Heilkunde ges. v. *L. Fr. v. Froriep* 1824, Bd. IX, № 3, 41—44 (изъ *Revue médicale*. Août, 1824, 181).

[1]) *B. G. Schreger*, Grundriss d. chirurg. Operation, Fürth 1806, 197 sq.

[2]) *Schoeman*, Commentatio и пр. 8—19.

[3]) *А. Бернардъ*, Значеніе Цельза въ медицинѣ и въ частности въ хирургіи. С.-Пб., 1907 г. (Серія диссертацій, допущ. къ защ. въ Имп. Военно-Мед. Акад. въ 1906—1907 учебн. году, № 43), 78—80.

[4]) Ср. *C. G. Kühn*, Commentatio in Celsi libr. VII. c. 26, de calculi sectione, s. l., 1822, 6.

[5]) Comment. 12 сля.

[6]) VIII, 1 (ed. Dar. p. 328, 3 сля.): Ima vero spina in coxarum osse desidit; quod transversum longeque valentissimum, vulvam, vesicam, rectum intestinum tuetur. Idque ab exteriore parte gibbum; ad spinam resupinatum; a lateribus, id est in ipsis coxis, sinus rotundos habet. A quibus oritur os, quod pectinem vocant; idque super intestina sub pube transversum, ventrem firmat: rectius in viris, recurvatum magis in exteriora in feminis, ne partum prohibeat. Inde femina ordiuntur, quorum capita rotundiora etiam quam humerorum sunt; quum illa ex ceteris rotundissima sint. Infra vero duos processus a priore et a posteriore parte habent... Superiora in sinus coxae, sicut humeri in ea ossa, quae scapularum sunt, conjiciuntur; tum infra introrsus leniter tendunt, quo aequalius superiora membra sustineant.

кишку. Съ внѣшней стороны она выпукла, по направленію къ спинѣ приподнята; съ боковъ, т. е. въ самыхъ ляшкахъ, имѣетъ круглыя впадины. Отъ послѣднихъ начинается кость, которую называютъ гребнемъ, и она, лежа поперекъ сверхъ кишекъ подъ лобкомъ, поддерживаетъ животъ; у мужчинъ она прямѣе, у женщинъ болѣе изогнута кнаружи, чтобы не задерживать роды. Затѣмъ начинаются бедра, головки которыхъ даже круглѣе, чѣмъ (головки) плечъ, между тѣмъ какъ послѣднія изъ прочихъ (костей) наиболѣе круглы. Внизу они имѣютъ два выступа съ передней и задней стороны... Верхнія части (ихъ) входятъ во впадины ляшки, какъ плечи въ тѣ кости, которыя относятся къ лопаткамъ; потомъ внизу онѣ слегка направлены внутрь, чтобы тѣмъ равномѣрнѣе поддерживать верхніе члены".

Изъ приведеннаго мѣста ясно, что подъ словомъ os coxae Цельзъ понималъ то же, что̀ и въ современной анатоміи носитъ это названіе, т. е. тазовую кость, или os innominatum, безъименную кость, но безъ сѣдалищной кости. Os coxae, какъ извѣстно, состоитъ изъ соединенія трехъ отдѣльныхъ костей, срастающихся въ одну кость обыкновенно уже послѣ 14-лѣтняго возраста. Если принять за центръ безъименной кости вертлужную впадину—acetabulum (sinus coxae по Цельзу), то расположеніе этихъ трехъ костей окажется слѣдующимъ: верхнюю часть составитъ подвздошная кость—os ileum, нижнюю—сѣдалищная, os ischii; медіально и впереди будетъ находиться лобковая или лонная кость, os pubis, верхняя и передняя вѣтвь которой имѣетъ вверху длинный заостренный край, и въ настоящее время носящій то же названіе, что и у Цельза—„гребень", pecten pubis.

Такимъ образомъ os coxae означаетъ у Цельза и составныя кости таза, os pubis и os ileum порознь и вмѣстѣ. Въ значеніи ossis pubis терминъ coxae можетъ быть установленъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

II, 6 (ed. Dar. 36, 36—37, 1 слл.): „Также боли, начавшіяся около лонныхъ костей и ниже лежащихъ частей, если перешли на внутренности и внезапно прекратились, свидѣтельствуютъ о предстоящей смерти" [1]).

II, 7 (ed. Dar. 39, 21 сл.): „Когда боль существуетъ внизу жи-

[1]) Dolores etiam circa coxas et inferiores partes orti, si ad viscera transierunt, subitoque desierunt, mortem subesse testantur. Значеніе coxae въ смыслѣ ramus ascendens ossis pubis подтверждается Гиппократомъ Progn. 19 (ed. Kuehlewein I, 99): Αἱ δὲ σὺν πυρετῷ ὀδύναι γινόμεναι περὶ τὴν ὀσφύν τε καὶ τὰ κάτω χωρία, ἢν τῶν φρενῶν ἅπτωνται, ἐκλείπουσαι τὰ κάτω χωρία, ὀλέθριαι κάρτα.

вота и въ лобковыхъ костяхъ, вода собирается подъ кожей, но этотъ родъ болѣзни начинается обыкновенно со стороны паховъ" [1]).

II, 7 (ed. Dar. 39, 27 слл.): „Признакъ той же болѣзни (водянки), когда около пупка кишки страдаютъ рѣзью—греки называютъ это στρόφοι,—и боли лонной кости остаются, и это не проходитъ ни отъ времени, ни отъ лѣкарствъ" [2]).

II, 7 (ed. Dar. 42, 4 слл.): „Если боль отъ лонныхъ костей и низшихъ частей переходитъ въ грудь и никакихъ дурныхъ признаковъ къ этому не присоединилось, то есть опасность нагноенія въ этомъ мѣстѣ" [3]).

Въ значеніи ossis ilei (повидимому, главнымъ образомъ spinae iliacae anter. sup. и infer.) терминъ coxae встрѣчается въ слѣдующихъ мѣстахъ:

II, 7 (ed. Dar. 40, 28): „Если она (моча) густая..., а подвздошныя кости болятъ, равно какъ (пространство) между ними и выше лобка..., во всякомъ случаѣ поражены почки" [4]).

IV, 1 (ed. Dar. 122, 35 сл.): „Самый же пахъ расположенъ между подвздошной костью и лобкомъ въ нижней части живота" [5]).

Въ нѣсколько болѣе широкомъ смыслѣ части таза, образуемой подвздошной костью и восходящей вѣтвью лонной кости (ramus ascendens ossis pubis) тотъ же терминъ употребленъ:

IV, 1 (ed. Dar. 122, 1 слл.): „Петли ея (т. е. тонкой кишки) сплетаются съ ниже лежащими (частями) каждая посредствомъ перепонокъ; обращены онѣ въ правую сторону и, оканчиваясь въ области праваго таза, заполняютъ преимущественно выше лежащія части (брюшной полости)" [6]).

---

[1]) Ubi dolor in imo ventre et coxis est, aqua inter cutem instat; sed hoc morbi genus ab ilibus oriri solet. Cp. Hippocr. Progn. 8 (ed. Kuehlew. I, 86): ἄρχονται δὲ οἱ πλεῖστοι (ὕδρωπες) ἀπὸ τῶν κενεώνων τε καὶ ὀσφύος, οἱ δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ ἥπατος.

[2]) Ejusdem morbi nota est, ubi circa umbilicum intestina torquentur, στρόφους Graeci nominant; coxaeque dolores manent: eaque neque tempore, neque remediis solvuntur.

[3]) Si a coxis, et ab inferioribus partibus dolor in pectus transit, neque ullum signum malum accessit, suppurationis eo loco periculum est. Cp. Hippocr. Progn. 19 (ed. Kuehlew. I, 99): εἰ δὲ ἀναΐσσοντος τοῦ νοσήματος ὡς πρὸς τὰς φρένας τὰ ἄλλα σημεῖα μὴ πονηρὰ ἐπιγίνοιτο, ἔμπυον ἔσεσθαι πολλαὶ ἐλπίδες τοῦτον.

[4]) Si haec crassa... dolent autem coxae, quaeque inter has superque pubem sunt,... utique in renibus vitium est.

[5]) Ipsa autem ilia inter coxas et pubem imo ventre posita sunt.

[6]) Orbes vero ejus per membranulas singuli cum inferioribus connectuntur; qui

IV, 1 (ed. Dar. 122, 32 слл.): „Она (т. е. матка) съ прямой и утонченной шейкой, которую называютъ каналомъ, начинаясь противъ середины живота, отсюда обращается немного къ правому тазу“ [1]).

VII, 27 (ed. Dar. 314, 12 слл.): „Слѣдуетъ также разсмотрѣть, въ какую сторону ракъ направляется: ...если къ самому пузырю, то слѣдуетъ боль задняго прохода, отвердѣніе въ пахахъ, съ трудомъ могутъ быть вытянуты голени“ [2]).

Въ общемъ значеніи бедра тотъ же терминъ употребленъ Цельзомъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

II, 2 (ed. Dar. 32, 4 слл.): „Если тѣло спящаго противъ обыкновенія потѣетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, и особенно если (оно потѣетъ) около груди, или шеи, или голеней, или колѣнъ, или бедеръ, (то это является предвѣстникомъ болѣзни)“ [3]).

II, 8 (ed. Dar. 46, 18 слл.): „Тотъ же возрастъ способствуетъ и при боли въ бедрѣ и въ плечахъ и при всякомъ ослабленіи сухожилій. При этомъ бедро, если оно не испытываетъ оцѣпенѣлости, если оно слегка прохладно, хотя и чувствуются сильныя боли, исцѣляется однако и легко, и скоро“ [4]).

II, 8 (ed. Dar. 50, 25 слл.): „При боляхъ въ бедрѣ, если имѣется сильная оцѣпенѣлость, а голень и бедро холодны..., то эта болѣзнь будетъ наиболѣе продолжительной...“ [5]).

IV, 19 (ed. Dar. 145, 12 слл.): „Затѣмъ въ ближайшіе дни (слѣдуетъ) приставлять къ животу и бедрамъ банки безъ ланцетовъ“ [6]).

VI, 27 (ed. Dar. 153, 19 сл.): „Между тѣмъ слѣдуетъ также сильно растирать бедра и подколѣнныя ямки“ [7]).

---

in dexteriorem partem conversi, et e regione dexterioris coxae finiti, superiores tamen partes magis complent.

[1]) Ea recta tenuataque cervice, quem canalem vocant, contra mediam alvum orsa, inde paulum ad dexteriorem coxam convertitur.

[2]) Considerandum autem est in quam partem cancer is tendat... si in ipsam vesicam, ani dolor sequitur, coxae durae sunt, non facile crura extendi possunt.

[3]) Si corpus dormientis circa partes aliquas contra consuetudinem insudat, maximeque si circa pectus, aut cervices, aut crura, vel genua, vel coxas, (timeri debet).

[4]) Eadem aetas prodest, et in coxae dolore, et humerorum, et in omni resolutione nervorum. Ex quibus coxa, si sine torpore est, si leviter friget, quamvis magnos dolores habet, tamen et facile, et mature sanatur.

[5]) In coxae vero doloribus, si vehemens torpor est, frigescitque crus et coxa... is morbus erit longissimus...

[6]) Proximis deinde diebus cucurbitulas sine ferro ventri et coxis admovere.

[7]) Inter haec etiam perfricare coxas et poplites oportet.

IV, 29 (ed. Dar. 155, 25 слл.): „О болѣзняхъ бедеръ. Остается перейти къ нижнимъ конечностямъ тѣла, соединяющимся между собою сочлененіями. Начну съ бедеръ... Также толченый корень девясила, отваренный затѣмъ въ крѣпкомъ винѣ и широко наложенный на бедро, считается въ числѣ самыхъ сильныхъ средствъ... Крайнимъ средствомъ и наиболѣе дѣйствительнымъ даже въ застарѣлыхъ болѣзняхъ, прижечь до язвъ кожу на бедрѣ въ трехъ или четырехъ мѣстахъ раскаленнымъ до бѣла желѣзомъ... если нѣтъ никакого изъязвленія, (слѣдуетъ примѣнять массажъ) также къ самымъ бедрамъ“ [1]).

IV, 30 (ed. Dar. 156, 23): „Ближе всего къ бедрамъ колѣни“ [2]).

V, 26, 13 (ed. Dar. 188, 10 сл.): „Когда поранена матка, боль (ощущается) въ пахахъ, бедрахъ и бедряныхъ костяхъ“ [3]).

VIII, 10, 5 (349, 1 сл.). „Если (сломана) бедряная кость, то (шина должна доходить) до вертлуга: если переломъ находится около верхней головки бедра, то такъ, чтобы и сама вертлужная впадина была въ нее заключена“ [4]).

VIII, 20 (ed. Dar. 360, 19 слл.); „Въ прочихъ же случаяхъ, когда кости благодаря (употребленной) силѣ немного отошли другъ отъ друга, врачъ долженъ пригнать обратно то, что выдается, а помощникъ его наоборотъ съ другой стороны (долженъ) толкать впередъ бедро“ [5]).

Наконецъ, сюда же относится и то мѣсто VII, 26, 2, которое приведено выше въ переводѣ: Homo praevalens et peritus in sedili alto considit, supinumque eum et aversum, super genua sua coxis ejus collocatis, comprehendit.

Такимъ образомъ соха у Цельза, какъ мы видимъ, означаетъ или сросшуюся часть ossis innominati, ограниченную краемъ cristae iliacae или выдающуюся впередъ часть ея—лонную кость, или выдающіяся

---

[1]) De coxarum morbis. Superest ut ad extremas partes corporis veniam, quae articulis inter se conseruntur. Initium a coxis faciam... Inulae quoque radix contusa, et ex vino austero postea cocta, et late super coxam imposita, inter valentissima auxilia est... Ultimum est, et in veteribus quoque morbis efficacissimum, tribus aut quatuor locis super coxam, cutem candentibus ferramentis exulcerare... eaque (frictio), si nulla exulceratio est, etiam ipsis coxis (adhibenda est).

[2]) Coxis proxima genua sunt.

[3]) At quum vulva percussa est, dolor in inguinibus, et coxis, et feminibus est.

[4]) Si femur (fractum est), usque ad coxam (canalis esse debet); si juxta superius caput femoris sic, ut ipsa quoque coxa ei insit.

[5]) In ceteris vero casibus, ubi ossa per vim paulum inter se recesserunt, medicus debet id, quod eminet, retro cogere; minister contra inde coxam propellere.

также впередъ—spinae iliacae anteriores. Сѣдалищная кость при этомъ совсѣмъ не принимается въ расчетъ.

Отсюда вытекаетъ, что толкованіе Бромфильда [1]) и его послѣдователей дѣйствительно ошибочно, какъ доказывалъ еще Шёманъ [2]), такъ какъ, во всякомъ случаѣ, рога разрѣза не смотрятъ внизъ къ tubercula ossis ischii. Шёманъ, опровергая мнѣніе Бромфильда, выставлялъ слѣдующія возраженія: 1) если Бромфильдъ утверждаетъ, что Цельзъ давалъ безъименной кости названіе ossis coxae, то отсюда никоимъ образомъ не можетъ быть выведено заключеніе, что coxae означаютъ также tubercula ossis ischii (сѣдалищные бугры); 2) предполагаемый Бромфильдомъ разрѣзъ нисколько не безопаснѣе въ смыслѣ возможности поранить прямую кишку, чѣмъ латеральный разрѣзъ, несмотря на увѣренія Бромфильда; 3) вопреки заключенію послѣдняго, нужно думать, что камни, удалявшіеся Цельзомъ, не могли быть слишкомъ велики, такъ какъ у дѣтей указаннаго возраста они весьма рѣдко отличаются значительнымъ объемомъ; 4) пораненіе комиссуры, или шва считалось древними хирургами смертельнымъ, какъ подтверждаетъ это Авиценна; 5) ближайшіе послѣдователи Цельза, заимствовавшіе изъ него не менѣе того, что узнали изъ устъ другихъ,—Павелъ Эгинскій и „Альбукасисъ“ [3]) прямо предписываютъ дѣлать разрѣзъ съ лѣвой стороны шва промежности; 6) на то же указываютъ слова Цельза juxta anum, иначе онъ сказалъ бы supra anum; 7) концы разрѣза обращены къ подвздошной кости только слегка (paulum), откуда можно заключить, что разрѣзъ шелъ въ косомъ направленіи; 8) наконецъ, можно заключить по аналогіи, что внѣшній разрѣзъ дѣлался въ лѣвой сторонѣ промежности, такъ какъ въ томъ же мѣстѣ предписывается его производить у дѣвушекъ (ср. VII, 26, 4 ed. Dar. 312, 4 слл.: Tum virgini quidem sub ima sinisteriore ora... incidendum est).

Такимъ образомъ, какъ думаетъ Шёманъ, подъ словомъ coxae въ данномъ мѣстѣ подразумѣваются ягодицы (nates), которыя при описанномъ положеніи больного выдаются впередъ и къ которымъ должны быть обращены рога серпообразнаго разрѣза, что вполнѣ возможно при косомъ разрѣзѣ. Въ этомъ случаѣ одинъ конецъ раны будетъ смотрѣть вверхъ, другой внизъ, но оба по направленію къ

[1]) Chirurgical operations, v. II, 218—369; ср. Chrirurg. Wahrnehmungen, 387—398.

[2]) Comment. 9 сл.

[3]) Т. е. Абулькасимъ.

ягодицамъ. Наконецъ, самая форма разрѣза можетъ быть объяснена двоякимъ образомъ: или имѣлось въ виду сдѣлать рану, углубленную внутрь на подобіе воронки, или разрѣзъ могъ имѣть серпообразный видъ въ смыслѣ его полукружнаго направленія, безъ отношенія къ глубинѣ разрѣза. По мнѣнію Шёмана [1]), Цельзъ имѣлъ въ виду именно послѣднее.

Однако, если нельзя согласиться съ Бромфильдомъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы нужно было принять мнѣніе Шёмана, какъ это дѣлаетъ одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей хирургіи Цельза г. Бернардъ [2]). Впрочемъ, изслѣдователемъ г. Бернарда въ собственномъ смыслѣ этого слова назвать, пожалуй, и нельзя, такъ какъ онъ ничего въ своей диссертаціи не изслѣдовалъ, а ограничился только пересказомъ ранѣе добытыхъ результатовъ, которые онъ бралъ зачастую изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, вслѣдствіе чего это „изслѣдованіе" не лишено иногда курьезныхъ открытій и можетъ представить мѣстами весьма занятное чтеніе [3]).

Какъ бы то ни было, вслѣдствіе ли малой распространенности брошюры Шёмана, или по другимъ причинамъ, мнѣніе его осталось почти одиночнымъ, и авторы многихъ руководствъ хирургіи до послѣдняго времени отдавали предпочтеніе взгляду Бромфильда и его послѣдователей [4]). Между тѣмъ послѣ работы Шёмана объясненіе Бромфильда, если и не было окончательно опровергнуто, то во всякомъ случаѣ должно было считаться значительно поколебленнымъ въ своихъ основаніяхъ. Правда, Шёманъ допускалъ еще (на основаніи VII, 26,2 ed. Dar. 308,5 и VIII, 10,5 ibid. 348,31), что слово coxa можетъ означать у Цельза нисходящую вѣтвь сѣдалищной кости (ramus descendens ossis ischii), и въ то же время находитъ, что оно не можетъ быть приложено къ обозначенію сѣдалищныхъ бугровъ (tubercula ischii), расположенныхъ какъ разъ въ вершинѣ угла, въ которомъ встрѣчаются восходящая и нисходящая вѣтвь сѣдалищной кости (ramus ascendens et descendens ossis ischii). Такимъ образомъ въ этомъ пунктѣ возраженіе Шёмана выходитъ нѣсколько натяну-

---

[1]) L. c. 16.

[2]) Значеніе Цельза въ медицинѣ, 78.

[3]) Напр. стр. 7: „Научная медицина зародилась въ Греціи со времени Гиппократа, т. е. за 600 слишкомъ лѣтъ до христіанской эры" (!) и проч. Нѣкоторыхъ пунктовъ намъ придется еще коснуться ниже.

[4]) См. напр. *Rob. Ultzmann*, Die Krankheiten der Harnblase, Stuttgart 1890, 199 (въ *Deutsche Chirurgie*, herausgeg. v. *Billroth* u. *Luecke*, Lief. 51).

тымъ. Между тѣмъ выше мы видѣли, что на самомъ дѣлѣ употребленіе слова coxa въ приложеніи къ os ischii у Цельза нигдѣ не можетъ быть доказано несомнѣнно.

Въ смыслѣ опасности всякій разрѣзъ промежности сопряженъ съ нею, равно и предлагаемый Шёманомъ [1]). Точно также величина камней играетъ роль и при операціи Шёмана, такъ какъ самое главное здѣсь не во внѣшнемъ разрѣзѣ, а, какъ самъ Цельзъ указываетъ, въ разрѣзѣ шейки пузыря. Съ другой стороны, если Авиценна и считалъ пораненіе комиссуры смертельнымъ [2]), его мнѣніе нисколько не можетъ быть обязательнымъ для Цельза, такъ какъ въ теченіе тысячи лѣтъ, раздѣляющихъ обоихъ ученыхъ [3]), многое, что̀ было извѣстно древнимъ, успѣло хорошо позабыться, чтобы вновь быть открытымъ уже въ наше время. Кромѣ того, какъ мы увидимъ ниже, цитиру̀емое мѣсто Авиценны заимствовано изъ источника, въ которомъ очень немного общаго непосредственно съ Цельзомъ. Еще Галенъ утверждалъ, что единственное радикальное лѣченіе камня—оперативное [4]), и производилъ высокое сѣченіе съ хорошимъ успѣхомъ, пользуясь для извлеченія камня черезъ продольный разрѣзъ пузыря узкими щипцами, однако и онъ не избѣгалъ совершенно сѣченія промежности, но совѣтовалъ только быть крайне осторожнымъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ разрѣзъ мочевого канала обыкновенно сопровождается образованіемъ свища, черезъ который постоянно вытекаетъ моча [5]). Однако эта осторожность далеко не всегда соблюдалась, какъ можно видѣть изъ псевдо-галеновскаго трактата „Врачъ“, гдѣ описывается слѣдующая операція камнесѣ-

---

[1]) Прежде всего перерѣзаются rami haemorrhoidales, rami prostat., легко могутъ быть перерѣзаны также art. genito-vesicalis и ея вѣтви.

[2]) Cf. Avicenna, Liber (Canon) III, Fen XIX, Tractat. I, Cap. VII: Donec descendat lapis ad locum apropinquiorem ori vesicae et studeat, ut expellatur lapis taliter ut removeatur a commissura quantitate unius pili et cave ne scindas supra commissuram quoniam est malum. Commissura enim est locus mortalis.

[3]) Авиценна жилъ между 980 и 1037 г. послѣ Р. Хр.

[4]) Ἱπποκρ. ἐπιδημ. ς, 26 (ed. Kühn, XVII B, 289): ὁ δ' ἐν κύστει λίθος οὐχ ὑπὸ μεταβολῆς τῆς ἡλικίας, ἀλλ' ὑπὸ χειρουργίας μόνης θεραπεύεται—„камень въ пузырѣ излѣчивается единственно операціей, а не измѣненіемъ возраста“.

[5]) Περὶ τῆς τῶν ἐν νεφροῖς παθῶν διαγνώσεως καὶ θεραπείας, 3 (ed. Kühn, XIX, 659): οἶδα δέ τινα τὰ μὲν ἄλλα διεξελθόντα τὸν λίθον, κατὰ δὲ τὸ ἄκρον τοῦ αἰδοίου ἐμφραγέντα ὀλίγα ἐδέησαν ἀπολέσθαι τὸν ἄνθρωπον ταῖς δυσουρίαις καὶ τῷ ὀξυτάτῳ πόνῳ. ἀλλὰ τῇ στενῇ λαβίδι οἷοί τε ἐγενόμεθα ἐξιλεῶσαι αὐτὸν, τομὴν παραμήκη ἄνωθεν διελογιζόμεθα. Τὸν γὰρ οὐρητῆρα, εἰ μὴ μεγάλη ἀνάγκη, οὐ χρὴ τέμνειν· συριγγιοῦται γὰρ τοὐπίπαν καὶ τὸ οὖρον ταύτης ὑποπτύσσουσιν.

ченія [1]): „Страдающихъ камнемъ въ пузырѣ мы оперируемъ, ущемивъ камень въ шейкѣ пузыря, и, пользуясь камнемъ, какъ подпоркой, мы разрѣзаемъ сразу сверхлежащія части и вынимаемъ камень щипцами (или крючкомъ)“ [3]). Изъ этого описанія ясно, что никакой рѣчи объ особенной осторожности при производствѣ операціи не могло быть, разъ всѣ ткани и органы, если и не всегда, то, очевидно, весьма часто, лежащія между шейкой пузыря и промежностью (bulbus, prostata, vesiculae seminales, артеріи и пр.), разрѣзались однимъ взмахомъ. Повидимому, и направленіе разрѣза мѣнялось при этомъ въ зависимости отъ формы камня и того обстоятельства, въ какой части промежности онъ лучше всего прощупывался сквозь внѣшніе покровы. Этого же способа, какъ видно изъ вышеприведеннаго мѣста Цельза, придерживался и Мегетъ.

Насколько вообще разрѣзъ промежности не внушалъ священнаго трепета греческимъ хирургамъ, по крайней мѣрѣ, во времена Галена и непосредственно передъ нимъ, показываетъ отрывокъ Геліодора, сохраненный Орибасіемъ и вполнѣ заслуживающій чести быть приведеннымъ здѣсь цѣликомъ. Дѣло идетъ о склеромахъ. Послѣ общаго описанія явленія и его хирургіи, авторъ переходитъ къ частичнымъ случаямъ. „Склерома, говоритъ онъ [3]), образуется и въ шейкѣ пу-

---

[1]) Εἰσαγωγὴ ἢ ἰατρός, 19 (ed. Kühn, XIV, 789): τοὺς δὲ λίθον ἔχοντας ἐν κύστει τέμνομεν σφηνώσαντες μὲν τὸν λίθον ἐν τῷ τῆς κύστεως τραχήλῳ, ἐπικόπῳ δὲ τῷ λίθῳ χρώμενοι διαιροῦμεν ἀθρόως τὰ ἐπικείμενα σώματα καὶ λιθολάβῳ τὸν λίθον κομιζόμεθα.

[2]) Ob das... genannte Instrument der... Haken oder aber eine Zange ist, kann man nicht sagen (*Meyer-Steineg*, Chirurgische Instrumente des Altertums, Jena 1912, 41 Anm. 1). Кстати будетъ замѣтить, что указанный способъ операціи камня въ средневѣковой хирургіи ведетъ свое начало, быть можетъ, отъ послѣдователя пневматической школы Антилла (ок. 140 г. послѣ Р. Хр.), а не прямо отъ александрійцевъ, если имѣетъ достаточно вѣса то обстоятелество, что Гюи де Шоліакъ, также описывающій этотъ способъ литотоміи, въ числѣ своихъ источниковъ имѣлъ (хотя и не непосредственно) также и этого писателя (Ср. *Шёмана*, l. c. 7 not.). Удостовѣриться въ вѣрности цитаты я не имѣлъ возможности, такъ какъ въ юрьевской университетской библіотекѣ нѣтъ ни одного изданія Гюи де Шоліака.

[3]) Oribas., Synag. XLV, 7, 4 сл. (ed. Bussemaker et Daremberg, IV, 14 сл.): Καθάπερ δὲ ἐν ἄλλοις τόποις τοῦ σώματος, οὕτω καὶ ἐν τραχήλῳ τῆς κύστεως σκλήρωμα γίνεται οὐκ ἐν μόνῳ δὲ τῷ τραχήλῳ, ἀλλὰ καὶ ἐν τῷ κύτει. Τὸ μὲν οὖν ἐν τῷ κύτει σκλήρωμα οὐδενὸς αἴτιον γίνεται χαλεποῦ· διὸ οὐδὲν ὑπὲρ τούτου λέγειν χρή· κατὰ δὲ τὸν τράχηλον τῆς κύστεως, ἐν ἀρχῇ μὲν γενομένου τοῦ σκληρώματος πλησίον τῆς ἕδρας, ὑπερτίθεσθαι δεῖ τὴν ἐγχείρησιν· πρὸς δὲ τῷ ὀσχέῳ, τὸν ὑπὸ τὸ σκλήρωμα τόπον διαιρεῖν χρὴ, συνδιαιρουμένου τῷ περινέῳ τοῦ τραχήλου τῆς κύστεως, ἵνα κατὰ ἐπιτήδευσιν γένηται ῥυάς· αἱρετώτερον γάρ ἐστι ῥυαδικὸν γενέσθαι τὸν πάσχοντα ἢ ἰσχουρίᾳ κρατηθέντα ἀναιρεθῆναι.

зыря точно такимъ же образомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ организма, и не только въ шейкѣ, но и въ (самой) полости (пузыря). Впрочемъ склерома, (образовавшаяся) въ полости, не вызываетъ никакихъ тяжелыхъ (разстройствъ), такъ что нѣтъ никакой необходимости и говорить о ней. При образованіи склеромы въ началѣ шейки пузыря вблизи задняго прохода нужно воздержаться отъ хирургическаго вмѣшательства; въ случаѣ же (появленія ея) около мошонки, слѣдуетъ разрѣзать лежащую подъ склеромой область, вскрывая вмѣстѣ съ промежностью и шейку пузыря, чтобы преднамѣренно образовать свищъ, такъ какъ предпочтительнѣе вызвать у больного недержаніе мочи, чѣмъ потерять его вслѣдствіе ея задержки". Мнѣ могутъ возразить, что здѣсь идетъ дѣло о склеромѣ, а не о камнѣ. Однако это возраженіе не существенно, такъ какъ для насъ важна техническая сторона операціи, ея выполненіе, а не тѣ только случаи, когда она примѣнялась. Впрочемъ употребительность и въ цѣляхъ удаленія камня перинеальнаго сѣченія, рекомендуемаго Геліодоромъ при склеромѣ, подтверждаетъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, едва ли не заимствовавъ весь пассажъ изъ того же Геліодора [1]), современникъ Галена пневматикъ Аретей (Acut. II, 9). Къ счастью его показаніе сохранилось полностью, а говорится у него слѣдующее: „Если же лѣченіе ихъ (т. е. камней) безуспѣшно, и человѣкъ умираетъ отъ болей, слѣдуетъ вскрыть промежность и шейку пузыря, вплоть до выпаденія камней и (свободнаго) истеченія мочи, и (затѣмъ) лѣчить рану, стремясь главнымъ образомъ къ рубцеванію. Если (это) не удастся, то лучше (дать) образоваться гнойному свищу съ цѣлью продолженія человѣческой жизни, чѣмъ (предоставить больному) жалкимъ образомъ умереть отъ болей" [2]). Описывалась литотомія и у

---

[1]) Архигенъ не былъ единственнымъ источникомъ Аретея; см. *M. Wellmann*, Die pneumatische Schule bis auf Archigenes, Berlin 1895, 61 сл., 64.

[2]) Aretaei Cappadocis de causis et signis acutor. et diuturn. morborum ll. quatuor, ed. cur. *Herm. Boerhaave*, Lugd. Bat. 1731 p. 111 A: ἢν δὲ ἄπορος μὲν ἡ ἡ
τῶνδε ἰητρείη, θνήσκῃ δὲ ὀδύνῃσι ἄνθρωπος, τάμνειν τὴν τριχάδα, καὶ τὸν τῆς κύστεως
τράχηλον, ἔς τε τὴν τῶν λίθων ἔκπτωσιν, καὶ τὴν τῶν οὔρων ἔκχυσιν, καὶ μάλιστα μὲν ἀκέ-
σασθαι ἐς ὠτειλὴν ἄγοντα τὸ τρῶμα· ἢν δὲ μή, ῥοιάδα γενέσθαι τοῦ πύου βέλτιον ἐς τὸν
αὖθις τοῦ ἀνθρώπου βίον ἢ τῇ ὀδύνῃ οἰκτίστως θανεῖν.—Вмѣсто τριχάδα нѣкоторыя руко-
писи даютъ чтеніе πληχάδα (т. е. πλιχάδα), попавшее въ текстъ изъ маргинальной
замѣтки πληχάδα ἢ τὸ ὑπὸ κάτω τῆς βαλάνου, какъ она читается въ Ватиканской
рукописи (ср. ibid. 482 col. 2).—Объ образованіи рубца говорится еще въ Diut.
II, 4 (ibid. p. 131 A), но описаніе или упоминаніе самой операціи въ рукописяхъ
пропущено (ср. впрочемъ ibid. 293). Быть можетъ, интерполяціей являются и слова

Сорана въ его Κατεπερωτιανά, какъ это мы знаемъ изъ свидѣтельства Целія Авреліана [1]). Къ сожалѣнію, это описаніе до насъ не дошло.

Итакъ мы видимъ, что хирурги въ это время вполнѣ владѣли искусствомъ и избѣгать образованія свища, и создавать его нарочно въ случаѣ необходимости. Правда, за тѣ двѣсти лѣтъ, которыя протекли отъ времени Цельза до Геліодора, бывшаго современникомъ имп. Траяна, греческая, главнымъ образомъ поздне-александрійская, хирургія сдѣлала большіе успѣхи, и то, что было возможно при Геліодорѣ, могло быть еще недоступнымъ менѣе развитой хирургической техникѣ времени Цельза и ранѣе его. Но въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, мы поставлены въ достаточную извѣстность, какъ обстояло дѣло со вскрытіемъ шейки пузыря при Цельзѣ. Стоитъ только припомнить, что онъ говоритъ по этому поводу. „Тѣ (врачи), которые изъ опасенія (образованія) свища, называемаго греками въ этомъ мѣстѣ ῥοάς, открываютъ (шейку пузыря слишкомъ) мало, подвергаются тому же (риску) съ (еще) большей опасностью: выдавливаемый силой камень (самъ себѣ) прокладываетъ путь, разъ (его) не находитъ“ [2]). Значитъ, уже въ это время въ рукахъ хирурговъ дѣйствительно была возможность и избѣгать свища, и создавать его въ случаѣ надобности. Попутно замѣчу, что цитированное мѣсто Цельза имѣетъ нѣсколько отдаленное сходство съ Геліодоромъ и Галеномъ, насколько въ немъ говорится объ опасности свища. Слѣдуетъ ли это приписать тожеству предмета, о которомъ говорится, или пользованію одними источниками, опредѣленно сказать невозможно. Впрочемъ, послѣднее было бы неудивительно, такъ какъ мы знаемъ, что наслѣдство, оставленное Филоксеномъ, Горгіемъ, Состратомъ, Герономъ и другими хирургами, на которыхъ Цельзъ ссылается, какъ на свой источникъ, перешло затѣмъ въ руки пневматической школы. „Значительныя открытія, ими сдѣланныя, говоритъ Вельманъ [3]), съ несущественными измѣненіями были приняты пневматиками и обогащены

τοῦ πόου, такъ какъ ῥοάς, или ῥοιάς, какъ терминъ, не нуждается, повидимому, въ ближайшемъ опредѣленіи, насколько это можно заключить изъ приведенныхъ мѣстъ Цельза, Геліодора и Галена. Притомъ текла моча, а не гной.

[1]) Cael. Aur. Chron. V, 4 (ed. Haller, II, 382): ...adhibita melotide, cuius rationem atque usum Responsionum libris, chirurgiam scribentes plenissime tradidimus. In quibus etiam auferendi lapides opus docuimus.

[2]) De medicina, VII, 26, 2 (ed. Dar. 309, 17 слл.): Qui metu fistulae, quam illo loco ῥοάδα Graeci vocant, parum patefaciunt cum majore periculo eodem revolvuntur: quia calculus iter, quum vi promitur, facit, nisi accipit.

[3]) *Wellmann*, Die pneumat. Schule, 116.

новыми. Такимъ образомъ пневматическая школа составляетъ связующее звено между старымъ временемъ и позднѣйшими столѣтіями: изъ ихъ сочиненій александрійская доктрина перешла (herübergerettet) въ сочиненія Оривасія, Аэтія и Павла Эгинскаго. Кто лишь заглянетъ въ хирургическіе отдѣлы этихъ компиляторовъ, тому бросится въ глаза тѣсная связь, существующая между ихъ теоріями и теоріями александрійцевъ.

Если искать объясненія этого явленія, то ближайшая мысль будетъ та, что уже во время передъ Цельзомъ все хирургическое знаніе было объято однимъ врачемъ и что это сочиненіе явилось основнымъ для послѣдующаго времени. Объ использованіи Цельза позднѣйшими ни одинъ разсудительный человѣкъ не станетъ думать".

Этими словами вмѣстѣ съ тѣмъ опровергается мнѣніе Шёмана о заимствованіяхъ, сдѣланныхъ Павломъ Эгинскимъ изъ Цельза, хотя по-латыни Павелъ, можетъ быть, и зналъ [1]). Тѣмъ менѣе можно думать о пользованіи сочиненіями Цельза со стороны арабскаго хирурга Абулькасима (между 912—1013 г.). Притомъ сличеніе текста Павла съ приведеннымъ выше переводомъ Цельза показываетъ, что рѣчь идетъ здѣсь какъ разъ о совершенно различныхъ пріемахъ промежностнаго камнесѣченія, какъ въ этомъ легко убѣдиться. Павелъ Эгинскій говоритъ слѣдующее [2]):

VI. 60. De calculis.

Calculorum generationis causam, et quod pueris quidem magis in vesica, aetate vero provectis in renibus calculi generantur, haec sane quum alibi docuerimus (III, 45, ibid. col. 464 сл.; Heiberg, 201), nunc ad calculorum excisionis modum deveniemus, ubi signa prius calculorum in vesica exposuerimus.

VI. 60. О каменной болѣзни.

Такъ какъ причину происхожденія камней и то, что у мальчиковъ они больше появляются въ пузырѣ, а у пожилыхъ въ почкахъ, мы изложили въ другомъ мѣстѣ, то теперь перейдемъ къ способу изсѣченія камней, послѣ того какъ сначала изложимъ признаки (появленія) кам-

---

[1]) См., впрочемъ, нашу статью „Къ оцѣнкѣ руководства Павла Эгинскаго" въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1913, май, класс. отд., 209.

[2]) За неимѣніемъ подъ рукою оригинала привожу это мѣсто въ переводѣ Яна Корнарія по изданію Medicae artis principes post Hippocratem et Galenum. Excudebat *Henricus Stephanus* 1567 (s. l.), col. 575 сл., а третью книгу цитирую также по изданію *Гейберга*, Pauli Aeginetae libri tertii interpretatio latina antiqua, Lipsiae 1912.

Urinarum igitur excretio aquosa ipsis contingit, et subsidentia arenosa in ipsis: et dum assidue pruriunt, pudendum laxatur, et rursus praeter rationem intenditur, eo quod ipsum assidue contrectant dum irritantur, et praesertim pueri.

Si vero in vesicae collum calculus incidat, etiam urina derepente supprimitur.

Caeterum ex his quibus calculi exsecantur, pueri quidem usque ad decimum quartum annum facile curantur, propter corporum mollitudinem; senes autem difficulter, eo quod ulcera in corporibus ipsorum aegre sanantur: mediae inter has aetates, etiam in hoc medio modo se habent, et rursus facile curantur qui maiores calculos habent, quia inflammationibus adsueti sunt: difficulter autem qui minores, ob contrariam causam.

His ita se habentibus, ad chirurgiam devenientes concussione utemur prius, per ministros quandoque, et aliquando etiam ipso aegro ab alto quopiam desiliente, quo calculus ad vesicae collem subducatur: deinde collocabimus ipsum ita ut erectus sedeat, et manus ad femora sua habeat, quo ad exiguum locum vesica decurrat.

ней въ пузырѣ. Итакъ, выдѣленіе мочи у нихъ оказывается водянистымъ, и въ ней песчаный осадокъ; вслѣдствіе же того, что они постоянно расчесываютъ, половыя части разслабляются, но затѣмъ снова необычайно напрягаются, вслѣдствіе того, что они постоянно ихъ трогаютъ благодаря раздраженію, особенно мальчики. Если же камень попадаетъ въ шейку пузыря, то моча внезапно останавливается. Впрочемъ, изъ тѣхъ (больныхъ), у которыхъ камни вырѣзываются, мальчики до 14-ти лѣтъ легко излѣчиваются вслѣдствіе свѣжести организма, старики же съ трудомъ, потому что язвы на ихъ тѣлѣ плохо заживаютъ. Средніе же возрасты между этими точно также и въ этомъ отношеніи составляютъ середину, и опять-таки легко излѣчиваются тѣ (лица), у которыхъ имѣются большіе камни, такъ какъ они привычны къ воспаленіямъ; съ трудомъ же излѣчиваются тѣ (больные), у которыхъ камни меньшихъ размѣровъ, вслѣдствіе обратной причины. При такихъ обстоятельствахъ, обращаясь къ хирургіи, мы воспользуемся сначала встряхиваніемъ, иногда при помощи служителей, иногда также (заставляя) больного спрыгнуть съ какого-нибудь возвышенія, чтобы камень подошелъ къ шейкѣ пузыря. Затѣмъ, мы помѣстимъ больного такъ, чтобы онъ сидѣлъ вы-

Si igitur ad contactum nostrum forinsecus iuxta interfoemineum, inter anum et pudendum, calculus occurrat prae concussione elapsus, tunc statim ad chirurgiam nos convertemus: si vero non occurrat, indicem sinistrae manus digitum, si puer fuerit aegrotus, aut etiam medium, si adultior fuerit, oleo illitum in sedem immittemus, et supinis digitis perscrutantes, ubi occurrerit, paulatim ad vesicae collum transferentes ipsum coarctabimus, et digito aut digitis foras protrudemus ipsum impactum jussoque ministro ut manibus vesicam premat, alterum iubebimus ministrum ut per dextram manum testes sursum tendat, altera vero interfoemineum distendat in alteram partem ab ea in qua sectio est facienda.

Nos autem accepto instrumento excidendis calculis idoneo, inter sedem et testes, non iuxta medium interfoemineum, sed ad alteram partem, ad sinistram natem, obliquam sectionem facimus, in ipsum occurrentem lapidem secantes, ita ut sectio extrinsecus amplitudinem habeat, intrinsecus autem non amplius quam ut lapis, per ipsam excidere possit.

прямившись и держалъ руки на бедрахъ, чтобы такимъ образомъ пузырь опустился въ узкое пространство (малаго таза). Если при нашемъ ощупываніи извнѣ камень окажется со стороны промежности между жомомъ и половыми органами, вслѣдствіе встряхиванія, то мы немедленно обратимся къ хирургіи; если же камень (сюда) не попалъ, то мы введемъ въ задній проходъ смазанный масломъ указательный палецъ лѣвой руки, если больной—ребенокъ, а также и средній, если это болѣе взрослый, и, ощупывая перевернутыми пальцами и понемногу передвигая камень, когда онъ попадется, мы направимъ его къ шейкѣ пузыря, снаружи же будемъ подталкивать его пальцемъ или пальцами. Приказавъ помощнику надавливать рукою на пузырь, другому мы велимъ оттягивать правою рукою кверху половые органы, а другою рукою натягивать промежность въ сторону, противоположную той, гдѣ нужно будетъ сдѣлать разрѣзъ. Сами же мы, взявъ инструментъ, пригодный для вырѣзанія камней, дѣлаемъ косой разрѣзъ между заднепроходнымъ отверстіемъ и половыми частями, но не по самой серединѣ промежности, а сбоку около лѣвой ляшки, проводя разрѣзъ поверхъ самаго камня такъ, чтобы разрѣзъ снаружи отличался (значительными) размѣрами, вну-

Aliquando enim per innixum digitorum aut digiti circa sedem, simul ut sectio facta est, etiam citra extractionem, lapis placide exilit: si vero non exilierit, extractionem per instrumentum ad hoc paratum facimus.

At vero post eductum lapidem, sanguinis eruptione per pulvillos sanguinem sistentes, et manna thuris, et aloe, et symphyto, aut etiam misy ac similibus sedata, lanas aut lintea complicata, vino et oleo imbuta imponemus, et calculariis, sive sena crura habentibus deligationibus utemur.

Si vero sanguinis eruptionis tumor immineat, linteum complicatum cum posca aut rosaceo cum aqua imponatur et reclinato aegroto frequentius madefaciamus.

Tertia vero die facta resolutione et aquae ac olei multi affusione, tetrapharmaco linteis excepto utemur, ita ut saepius ipsos solvamus ac curemus, propter urinae acrimoniam.

три же былъ не шире того, чтобы камень могъ черезъ него выпасть, такъ какъ иногда камень спокойно выскакиваетъ подъ давленіемъ пальцевъ или пальца черезъ жомъ даже безъ экстракціи. Если же онъ не выскочитъ, то мы производимъ экстракцію при помощи предназначеннаго для этого инструмента. Послѣ выведенія камня при появленіи кровотеченія мы останавливаемъ кровь присыпками и, успокоивъ его порошкомъ ладана, алоэ и сальнымъ корнемъ (Symphytum offic. L.) или даже желѣзнымъ купоросомъ и т. п., сверху наложимъ шерсть или сложенную тряпочку, пропитанную виномъ и масломъ, а затѣмъ воспользуемся бинтами для камней или перевязкой, имѣющей (на концахъ) по шести завязокъ. Если угрожаетъ вздутіе вслѣдствіе кровотеченія, сверху накладывается сложенное полотно со смѣсью воды и уксуса или розоваго масла съ водою и постоянно увлажняется, послѣ того какъ больной положенъ на спину. На третій день по снятіи перевязки и обильнаго обливанія водою и масломъ мы примѣнимъ четверную мазь [1]) на полотнѣ такъ, чтобы

[1]) См. Scribon. Larg. Composition. 211: Emplastrum nigrum, quod τετραφάρμακον dicitur, facit ad eadem (ad contusa et canis morsum et furunculos). Recipit haec: Cerae, picis, resinae frictae paria pondera, adipis taurini dimidium; una omnia coquuntur, donec emplastrum fiat. „Черный пластырь, называемый четвернымъ, пригоденъ для того же (ушибовъ, укусовъ собакъ и чирьевъ). Содержитъ слѣдующее: воскъ, деготь, растопленную смолу въ равныхъ частяхъ, бычачьяго жиру половину.

At si inflammatio aliqua succedat, cataplasmatis et perfusionibus ad hanc commodis utemur, et in vesicam rosaceum aut oleum chamaemelinum, aut butyrum immittemus, si non inflammatio aliqua nos prohibeat: similiter vero etiam si serpendo depascens, aut alias quomodocunque malignum ulcus fiat, ad singula convenienter instabimus.

Postquam vero ab inflammatione liberum est ulcus, facta ablutione, emplastro ex succis ad lumbos ac imum ventrem, utemur.

Per totum autem curationis tempus, femora simul vincire oportet, quo auxiliis adhibitis inserviant.

Porro si parvus sit calculus, et in colem incidat, et per urinam eiici non possit, praeputio in anteriorem partem vehementer attracto, ipsum ad summam glandem deligabimus.

Deligabimus etiam retro pudendum ipsum colem, ad finem qui ad vesicam est constrictionem facientes, et postea inferne colem ad ipsum occurrentem calculum secabimus.

чаще его снимать и заживлять (рану) изъ-за остроты мочи. Если же послѣдуетъ какое либо воспаленіе, мы употребимъ припарки и обливанія, принятыя въ такихъ случаяхъ, въ (самый) же пузырь впустимъ розовое, ромашковое или коровье масло, если этому не препятствуетъ какой либо (особый видъ) воспаленія. Точно также, если образуется ползучая или въ какомъ-либо другомъ отношеніи злокачественная язва, мы поступимъ соотвѣтственно каждому отдѣльному случаю. Когда язва освободится отъ воспаленія, то мы употребимъ послѣ обмыванія пластырь изъ (различныхъ) соковъ на поясницу и нижнюю часть живота. Въ теченіе всего времени лѣченія нужно связывать бедра вмѣстѣ, чтобы они содѣйствовали употребленнымъ средствамъ. Затѣмъ, если камень невеликъ и попадаетъ въ стволъ, но не можетъ быть выброшенъ напоромъ мочи, то, сильно оттянувъ впередъ крайнюю плоть, мы перевяжемъ ее у самой головки. Точно также перевяжемъ самый стволъ позади, затягивая петлю у того конца, который обращенъ къ пузырю; затѣмъ съ нижней стороны мы разрѣжемъ стволъ у самаго застрявшаго камня. Со-

---

Все это варится вмѣстѣ до густоты пластыря". Самъ Павелъ беретъ для этого пластыря (VII, 17, col. 674 G.) воскъ, канифоль, деготь, бычачій жиръ въ равныхъ доляхъ. Ср. также Cels. V, 19, 9. Gal. ed. K. I, 452; XII, 328, 601 sq. XV, 18, 32; Orib. V, 96; 787.

Inflexo autem cole lapillum eiiciemus, et exolutis vinculis, vulnus a sanguinis grumis mundabimus, et vinculum quidem retro obligatur, ut ne calculus retrorsum recurrat: in anteriore autem parte, quo post extractum lapidem, dum deligatum praeputium exolvitur recurrens cutis sectionem factam contegat.

гнувъ стволъ, мы выбросимъ камень и, снявъ петли, очистимъ рану отъ свертковъ крови. Позади петля затягивается, чтобы камень не откатился обратно, спереди же, чтобы по извлеченіи камня, когда будетъ развязана перетянутая крайняя плоть, кожа, передвинувшись на мѣсто, прикрыла сдѣланный разрѣзъ.

Анализируя приведенную главу Павла, мы находимъ въ ней дѣйствительно нѣкоторыя черты, совпадающія съ разсказомъ Цельза, и другія, отличныя отъ него. Ненаблюдательнаго читателя это мнимое сходство можетъ ввести въ заблужденіе и заставить подумать о полномъ тожествѣ обѣихъ описываемыхъ операцій; однако ближайшее и болѣе тщательное разсмотрѣніе разсказа Павла тотчасъ открываетъ намъ пункты, въ которыхъ онъ настолько расходится съ Цельзомъ, что признать полную параллельность обоихъ текстовъ оказывается невозможнымъ. Повѣствованіе Павла совпадаетъ съ разсказомъ Цельза въ слѣдующихъ точкахъ: 1) указывается одинаково, какъ на предѣльный возрастъ успѣшнаго камнесѣченія, на 14 лѣтъ; 2) при изслѣдованіи черезъ прямую кишку лѣвой рукою въ нее вводятся два пальца, смазанные масломъ [1]); 3) стремленіе къ тому, чтобы пузырь находился въ узкомъ пространствѣ малаго таза, рекомендуется обоими; 4) сквозь внѣшніе покровы рука слѣдитъ за направленіемъ камня; 5) вскрывается промежность, когда камень прощупывается въ шейкѣ пузыря; 6) разрѣзъ дѣлается надъ камнемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ выдается, и производится экстракція особымъ инструментомъ.

Однако сообщаемыя детали во всѣхъ случаяхъ рознятся между собою. Дѣйствительно, 1) Цельзъ указываетъ и низшій предѣльный возрастъ, для производства камнесѣченія, такъ что можно думать, судя по этому мѣсту, что ранѣе девяти лѣтъ и послѣ четырнадцати операція не производилась, такъ какъ у Цельза пропущена небольшая черточка, сохраненная Павломъ, именно, что „мальчики до 14-лѣтняго возраста легко излѣчиваются вслѣдствіе свѣжести орга-

[1]) У Цельза соотвѣтствующее мѣсто испорчено. Вмѣсто рукописнаго unguibus circumcisis atque sinistra manu еще Тарга съ полной, повидимому, несомнѣнностью исправилъ atque въ unctaque, но, можетъ быть, лучше было бы читать illitaque.

низма [1]). Это нужно отнести на счетъ различной обработки источниковъ: Цельзъ сокращалъ источники и опускалъ казавшіяся ему излишними детали, Павелъ обыкновенно выписывалъ ихъ цѣликомъ [2]). 2) Цельзъ, сокращая источникъ и говоря о введеніи въ rectum двухъ пальцевъ, не упоминаетъ о введеніи только одного пальца у дѣтей младшаго возраста, о чемъ сообщаетъ Павелъ, но зато подробно разсказываетъ о дальнѣйшихъ манипуляціяхъ врача, если камень не отыскивается въ шейкѣ пузыря, и обосновываетъ ихъ; Павелъ излагаетъ дѣло догматически, опуская детали и поясненія, но сообщаетъ объ иномъ способѣ направленія камня въ шейку пузыря при сидячемъ положеніи больного. 3) У Цельза пузырь придавливается книзу правой рукой врача, у Павла онъ или самъ здѣсь оказывается вслѣдствіе того, что больной при предварительномъ изслѣдованіи сидитъ, или прижимается рукою ассистента. Подготовительные пріемы такимъ

[1]) Насколько это наблюденіе соотвѣтствовало дѣйствительности, показываютъ слова одного изъ хирурговъ того времени, когда операціи производились еще безъ наркоза и асептики. Бромфильдъ замѣчаетъ (цитирую по нѣмецкому переводу Chirurgische Wahrnehmungen, 384): Ohnerachtet man diese Operation bey sehr alten Personen mit gutem Erfolge verrichtet hat, so übertrifft doch die Anzahl der Kinder, die nach der Operation genesen, die Anzahl der Erwachsenen, die davon kommen, um vieles. *Junge und sonst gesunde Körper werden fast immer wieder hergestellt.* Da aber bey Erwachsenen der Entschluss zu der Operation auf die Kranken selbst ankömmt, so verschieben dieselben, aus Furcht vor der Schmerz, dieselbe gemeinlich so lange, bis durch die öfters wieder kommenden Anfälle endlich auch die Harngänge und Nieren entzündet und angegriffen werden, die sodann oft eine eitrige Materie von sich geben. Auch selbst die Blase leidet durch den Aufschub der Operation, und geräth in einen solchen Zustand, dass man wenig Hoffnung zu einem glücklichen Ausgange derselben haben kann.

[2]) См. въ нашей статьѣ „Къ оцѣнкѣ Руководства Павла Эг.“ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1913, кл. отд. май, 218. Объ источникахъ Цельза см. только что вышедшую въ *Philologische Untersuchungen* Кисслинга и Виламовица XXIII работу *М. Вельмана:* A. Cornelius Celsus. Eine Quellenuntersuchung. Berlin 1913. Путемъ весьма остроумныхъ сопоставленій Вельманъ приходитъ къ выводу, что сочиненіе Цельза представляетъ лишь переводъ греческаго оригинала, принадлежавшаго лейбъ-медику имп. Тиверія Кассію. Дѣйствительно, греческій оригиналъ иногда ясно чувствуется сквозь чистую въ общемъ и почти цицероновскую рѣчь Цельза (ср. *Ilberg* въ *N. Jahrb. f. d. Kl. Alt.* etc. 19 (1907), 387 сл.). Въ нашемъ мѣстѣ къ такимъ грецизмамъ принадлежитъ, повидимому, слово circumstantes (ed. Dar. p. 308, 18 сл.: a lateribus duo valentes objiciuntur, qui *circumstantes* labare... non sinunt). *Вокругъ* стоять *двое* не могутъ. Вѣроятно, это неудачный переводъ греческаго ἀμφιστάντες. Однако Ильбергъ (ibid. 31—32 (1913), 692—696), относясь къ остроумной гипотезѣ Вельмана съ недовѣріемъ, находитъ болѣе вѣроятной самостоятельность компиляціи Цельза. Таково же и наше мнѣніе.

образомъ у обоихъ различны. 4) Точно также камень направляется въ шейку пузыря у Цельза съ двухъ сторонъ самимъ врачемъ, что, нужно замѣтить, выгоднѣе; у Павла или только черезъ стѣнку прямой кишки, или же изнутри—врачемъ, снаружи—ассистентомъ. Пріемы опять-таки различные. 5) Какъ вскрываетъ промежность Цельзъ, будетъ видно дальше, Павелъ же напираетъ на то, что разрѣзъ долженъ быть сдѣланъ съ лѣвой стороны шва, какъ бы указывая, что существуютъ и другіе способы вскрытія промежности, напр. вдоль самаго шва или поперекъ его. Это же прямо подтверждаетъ и Цельзъ, говоря о своемъ способѣ: „Это—самая простая операція". Значитъ ему были извѣстны и другіе болѣе сложные способы. Ничто также не указываетъ намъ на то, что способы Цельза и Павла тожественны. Наоборотъ, самые пріемы хирургическіе свидѣтельствуютъ о ихъ различіи: у Цельза говорится о двухъ разрѣзахъ—полулунномъ разрѣзѣ кожи и поперечномъ разрѣзѣ шейки пузыря, у Павла разсказывается о косомъ по отношенію къ шву промежности, но все-таки прямолинейномъ надрѣзѣ. 6) Описаніе самаго надрѣза, проводимаго надъ камнемъ въ шейкѣ пузыря сопровождается и у Цельза, и у Павла изложеніемъ ряда побочныхъ свѣдѣній, ничего однако общаго между собою не имѣющихъ. У Цельза надрѣзъ нѣсколько шире поперечника камня, проводится повторнымъ ударомъ ножа, съ одного разу, послѣ того какъ первымъ ударомъ была разрѣзана кожа и, вѣроятно, лежащія подъ нею ткани; ради большаго удобства былъ даже изобрѣтенъ Мегетомъ особый инструментъ, который тутъ же описывается. У Павла говорится о томъ, что камень и самъ вываливается изъ сдѣланнаго отверстія подъ давленіемъ пальцевъ на переднюю стѣнку прямой кишки; затѣмъ весь надрѣзъ отличается отъ надрѣза Цельза своей болѣе воронкообразной формой; точно также не описывается инструментъ, служащій для экстракціи: остается неизвѣстнымъ, были ли это щипцы или описываемый Цельзомъ крючекъ.

Такимъ образомъ точки совпаденія указываютъ на то, что у Цельза и у Павла былъ въ рукахъ какой-то общій источникъ; однако различный порядокъ въ расположеніи сходныхъ мѣстъ и обиліе деталей, встрѣчающихся у одного, но не встрѣчающихся у другого, и наоборотъ, заставляютъ насъ думать о томъ, что Цельзъ передѣлывалъ, т. е. сокращалъ и дополнялъ свой источникъ, переставлялъ почерпаемыя изъ него свѣдѣнія сообразно съ планомъ своей работы, другими словами, обращался съ нимъ довольно свободно, какъ это вообще характерно для Цельзовой обработки матеріала; во всякомъ

случаѣ авторъ поступалъ здѣсь иначе, чѣмъ обыкновенно поступалъ со своими источниками Павелъ, по большей части, если не всегда, выписывающій ихъ дословно, иногда только съ опущеніемъ и сокращеніемъ подробностей, казавшихся ему слишкомъ длинными и излишними. Если мы зададимъ себѣ вопросъ, что же за источникъ могъ быть въ рукахъ Цельза, то мы придемъ къ тому же выводу, къ какому уже ранѣе пришелъ Вельманъ [1]), что это былъ сводъ общей и частной хирургіи александрійцевъ,—такъ сказать, ὕλη χειρουργική,—составленный въ началѣ или срединѣ I в. до Р. Хр. Почерпнутыя отсюда свѣдѣнія Цельзъ дополнялъ изъ другихъ болѣе новыхъ и современныхъ ему источниковъ, однако измѣнялъ ихъ не настолько, повидимому, чтобы нельзя было узнать основного ядра, вокругъ котораго группируются побочныя детали, отчасти навѣянныя сочиненіями новѣйшихъ авторовъ; однако отдѣлить первоначальное отъ позднѣйшаго, кромѣ, можетъ быть, отдѣльныхъ немногихъ случаевъ, едва ли уже возможно въ настоящее время безъ кропотливаго спеціальнаго изслѣдованія.

Этотъ же предполагаемый сводъ послужилъ основой и авторамъ пневматической школы, перейдя къ нимъ чуть ли не цѣликомъ, но во многихъ частностяхъ былъ постепенно разработанъ и дополненъ согласно ихъ новѣйшимъ открытіямъ и воззрѣніямъ. Такимъ образомъ нисколько, кажется, не явится опрометчивымъ допущеніе, что глава Павла Эгинскаго о камнесѣченіи выписана цѣликомъ, за исключеніемъ, можетъ быть, незначительныхъ и въ общемъ несущественныхъ пропусковъ, изъ какого-либо болѣе ранняго автора пневматической школы, напр. Антилла или Геліодора, въ своемъ трудѣ—назовемъ его Χειρουργούμενα—излагавшаго оперативные методы лѣченія соотвѣтственно состоянію науки въ его время. Кое-что въ эти Χειρουργούμενα вошло и изъ достоянія, оставленнаго александрійцами въ упомянутомъ гипотетическомъ сводѣ ὕλη χειρουργική, но это были, по большей части, твердо установленныя въ наукѣ того времени и многократно уже провѣренныя позднѣйшими авторитетами фактическія данныя, данныя опыта и наблюденія. Число ихъ, конечно, должно было быть относительно довольно ограничено, бо̀льшую же часть составляли тѣ—дѣйствительныя или мнимыя—пріобрѣтенія, которыя были сдѣланы наукой со времени составленія упомянутой ὕλη χειρουργική. Естественно, что у разныхъ авторовъ эта новѣйшая часть ученія должна

---

[1]) *Wellmann,* Die pneumat. Schule, 116.

была отличаться наибольшимъ разнообразіемъ и самостоятельностью, въ то время, какъ унаслѣдованныя отъ прежнихъ эпохъ отдѣльныя основныя черты, теряющіяся обыкновенно въ общей массѣ загромождающаго ихъ новаго матеріала, только при внимательномъ изслѣдованіи и сличеніи сохранившихся отрывковъ выплываютъ вновь на поверхность и своимъ сходствомъ и неизмѣнностью ясно указываютъ на работы александрійскихъ ученыхъ по ту сторону нашей эры.

Чтобы не быть голословнымъ, укажу еще одно совпаденіе между Цельзомъ и Павломъ въ деталяхъ той же главы о камнесѣченіи, которыхъ мы пока не касались. И тотъ, и другой авторъ совершенно одинаково, но въ разныхъ мѣстахъ главы разсказываютъ объ изсѣченіи камня, застрявшаго въ мочевомъ каналѣ; только Павелъ совѣтуетъ дѣлать разрѣзъ уретры снизу, Цельзъ—сбоку (VII, 26, 1). Попутно замѣчу, что было бы весьма благодарной задачей изслѣдованіе античной хирургіи въ указанномъ направленіи, тѣмъ болѣе, что высказанная Вельманомъ мысль настолько подтверждается на каждомъ шагу при чтеніи позднѣйшихъ медицинскихъ писателей, что довольно ясно намѣчаются даже контуры того гипотетическаго свода, который обнималъ всю ученость александрійскихъ хирурговъ, но до нашего времени, въ сожалѣнію, не дошелъ.

Переходя отъ Павла Эгинскаго къ Абулькасиму, мы должны отмѣтить, что онъ дѣйствительно представляетъ большое сходство съ Павломъ Эгинскимъ не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Павелъ сходится съ Цельзомъ, но также и въ другихъ частностяхъ, такъ что пользованіе со стороны арабскаго хирурга Цельзомъ именно послѣднимъ обстоятельствомъ исключается. Знакомство же его съ Павломъ не должно вызывать въ насъ удивленія, если мы припомнимъ, что Павелъ былъ хорошо извѣстенъ арабамъ, правда, главнымъ образомъ, какъ акушеръ и гинекологъ, но слѣдовательно и какъ хирургъ. Сличеніе соотвѣтствующаго мѣста Павла Эгинскаго съ разсказомъ Абулькасима не оставляетъ мѣста для сомнѣнія. Мѣста, заимствованныя у Павла, мы отмѣчаемъ курсивомъ; частности, опущенныя Абулькасимомъ, но имѣющіяся у Павла, отмѣчены звѣздочкой.

De chirurgia II, 60 [1]).

---

[1]) За неимѣніемъ подъ рукою изданія Леклерка (La chirurgie d'Abulcasis, trad. par *L. Leclerc*, Paris 1861) цитирую по старому изданію Чаннинга (*Joh. Channing*, Albucasis de chirurgia. Arabice et latine. Oxonii 1778, t. I, 283 слл. Къ сожалѣнію, недоступной для меня осталась также книга Коянинга Traité sur le

Dico igitur quod *calculus in vesica generatus, plerumque accidit pueris. Ex huius autem signis est, quod urina ex vesica eiicitur, tenuitate sua similis aquae, apparetque in ea arena; et confricat infirmus virgam suam et contrectat. Et saepe demissa pendet, tum erigitur,* et prodit simul anus in plurimis eorum. **Puerorum sanatio, qui quatuordecim annos nondum attigerunt, est facilis. *Difficilis autem est senum curatio: *at iuvenum, media est inter hos. Ille porro cuius calculus maior est, curationem faciliorem habebit; *cui parvus, huic contrario. Quando igitur ad curationem accedimus, Oportet primo, ut* infirmus enemate iniecto in alvum, ab omni intestinorum stercore liberetur: ea etenim aliquando calculi inventionem prohibent, quando quaeritur. Tunc *sumatur infirmus* per pedes suos, *et concutiatur,* quasseturque deorsum, *ut descendat calculus in collum vesicae: vel ab loco sublimi desiliat* vices aliquot. *Deinde sedere facias eum* inter manus tuas *erectum, manibus suis subter coxas suas, ut sit vesica tota deorsum vergens. Tunc investiga eum, et extrinsecus palpato. *Quodsi perceperis calculum in loco, *tunc festina eo tempore et incide in illum. Quodsi non cadat subter tactum tuum omnino, oportet equidem, ut cum oleo inungas digitum indicem manus tuae sinistrae, si patiens sit puer; vel digitum medium, si sit iuvenis plenae aetatis, et in anum eius intromittas, et de calculo investiges eum, donec cum iam sub digitum tuum cadat, dimoveas illum paulatim ad collum vesicae. Tum comprimas in illum cum digito tuo, trudasque extrorsum,* ad illum locum quem velis incidere. *Et ministro praecipias ut vesicam cum manu sua premat. Aliique praecipias ministro, ut cum manu sua dextra testiculos extendat ad superiora, et manu sua altera, extendat cutim quae est subter testiculorum regionem a loco ubi futura est incisio. Tum tu sumas scalpellum* utrinque acutum, cuius haec est figura (слѣдуетъ рисунокъ); *Et incidas in interstitio inter anum et testiculos non in medio, sed ad latus sinistrae clunis;* et sit sectio super ipsum calculum:* (in ano restet digitus tuus) et tu premendo adigas (calculum) extrorsum. *Et fiat sectio* transversa, ut sit sectio *externe ampla, interne arcta, ad eam mensuram ut exeat calculus ex eo; non maior sit. Saepe quidem digitus qui est in ano, premendo adigit calculum apud sectionem, et exit absque difficultate**. Scias porro quod ex calculis aliquando sunt quidam, in quibus sunt anguli et prominentiae, et exitus eorum est propter haec difficilis. Et ex iis sunt

---

calcul dans les reins et dans la vessie. Par Abu Bekr Muhammed Ibn Zakariya al-Razi. Traduction accompagnée du texte. Par *P. de Koning*, Leyde 1896.

glabri glandibus similes, et rotundi, et exitus eorum est facilis. Ex iis autem quibus sunt anguli et prominentiae in his equidem in incisione addas paululum. *Quodsi ita non egrediatur, oportet ut* solertiam in illum adhibeas. Nimirum *in illum stringas cum gefti, (forcipe) recte facto,* sit extremitas eius sicut lima, ut in calculum firmiter constringat, et non evadat ab eo: vel introducas subter eum instrumentum subtile, extremitate incurvum. Quodsi ita calculum extrahere non possis, amplia parum perforationem). *Et si sanguinis quid prodierit, siste illud** cum (zegi) calcantho. Si vero calculi plures sint, prius trudas eorum maiorem in os Vesicae: dein seca in illum: tum trudas minorem postea: et eodem modo facias, si plures sint quam duo. Quodsi magnus sit valde calculus, equidem insipientia est, ut tu seces super illum incisione magna. Accidet enim infirmo unum ex his; vel ut moriatur, vel ut eveniat illi urinae distillatio perennis, quoniam locus non consolidabitur omnino. Conare igitur solerter, ut trudatur donec prodeat; vel molire illum forcipibus frangere, donec frustulatim eum extrahas. *Quando igitur operationem tuam absolveris, vulnus impleas thure, et aloe,* et sanguine draconis,* *et liges illud*, superque illud sit pannus in oleo olivarum et vino imbutus,* vel oleo rosato et aqua frigida,* ut sedetur tumor calidus. *Aeger in cervicem iaceat supinus, et ne solvantur ligaturae ante diem tertiam; et quando solvantur, foveatur locus cum aqua et oleo multo. Dein curato illum cum unguento* Diaphaenico, et *Basilico, donec sanetur.**

Atque si in vulnere accidat calidus tumor, vel tumor calidus accessorius, vel corrosio et similia his: uti si coaguletur sanguis in vesica, et urina ex illo prohibeatur, id autem innotescet ab exitu sanguinis cum urina, intromitte vulneri digitum tuum et istum exime sanguinem; ille enim si maneat, corruptionem et putredinem affert vesicae. Tum *collue vulnus* aqua et aceto et sale, *et excipe omni huiusmodi curationis specie,* donec sanetur.*

Oportet etiam in omnibus curationis horis, ut ligentur et invicem adducantur *coxae propter medicamenta quae loco applicantur. Quodsi calculus parvus sit, positusque sit in meatu fistulae urinariae, in eoque figatur,* prohibeatque urinam ab exitu, equidem curato illum illis quae praescripsimus, antequam ad sectionem perveneris; saepissime enim ea sufficit curatio, absque sectione. Hoc etiam aliquando expertus sum, nimirum ut sumatur perforatorium ex chalybe praestante damasceno; sit ad hanc formam (слѣдуетъ изображеніе); triangulare sit, ad extremitatem acutum, in ligno infixum. Dein sumas filum, et cum

illo ligato virgam subter calculum, ne forte in vesicam calculus revertat. Deinde intromittas ferrum perforans (terebram) cum lenitate in penis foramen donec ferrum perforans ad ipsum calculum pervenerit; et terebram cum manu tua revolve in ipsum calculum paulatim, paulatim, et tu conator perforationem eius, donec illum calculum penetraveris per alterum latus. Equidem urina illico liberata erit. Deinde cum manu tua constringe reliquias calculi, ab exteriori parte virgae, illae etenim perforatae sunt, et cum urina educentur: et sanatus erit aeger; si voluerit deus excelsus.

Quodsi haece curatio pro votis tuis non succedat propter impedimenta quaedam successum prohibentia; *tum ligato filum subter calculum, atque *aliud filum supra calculum: *dein secato super calculum, in ipsa virga*, inter duas ligaturas,* *adeoque *exime illum, deinde solve ligaturas, et congelatum sanguinem qui in vulnere fuerit, absterge. Atqui ligamentum subter calculum cum filo erit necessarium ne redeat calculus in vesicam: et ligamentum aliud etiam desuper eum, adeo et quando solvatur illud filum, postquam calculus eximitur, redeat cutis ad locum suum et cooperiat vulnus*[1]). Eaque de causa necessarium erit tibi, quando filum ligaveris superius, ut cutim paulisper sursum eleves, ut quando opus absolvisti redeat, et cooperiat vulnus, sicut diximus. Si voluerit deus.

Такимъ образомъ во всей главѣ Абулькасима мы не находимъ ни одной черточки, опредѣленно указывающей на знакомство автора съ Цельзомъ, но зато пользованіе Павломъ Эгинскимъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ извѣстно, Руководство Павла еще во второй половинѣ IX в. было переведено на арабскій языкъ Хонейномъ Ибнъ Исхакомъ (ок. 873 г.), такъ что мысль о непосредственномъ пользованіи со стороны Абулькасима оригиналомъ исключается, и мало вѣроятнымъ кажется, чтобы онъ зналъ вообще хотя бы греческій, не говоря уже о латинскомъ языкѣ. Слѣдовательно въ оригиналѣ читать Цельза Абулькасимъ едва ли могъ, а арабскихъ переводовъ Цельза, сколько до сихъ поръ извѣстно, никогда не существовало.

Возвращаясь послѣ столь длиннаго отступленія къ возраженіямъ Шёмана, мы приходимъ къ убѣжденію, что привлекать Павла или Абулькасима къ объясненію литотоміи Цельза нельзя, такъ какъ у первыхъ двухъ авторовъ рѣчь идетъ о совершенно иномъ пріемѣ

[1]) Это измѣненіе въ пріемахъ, заимствованныхъ изъ Павла, внесено Абулькасимомъ вслѣдствіе невозможности примѣнить эти пріемы къ паціентамъ, подвергшимся обычному у мусульманъ обрѣзанію.

камнесѣченія. Точно также употребленіе выраженія iuxta anum вмѣсто болѣе точнаго выраженія supra anum ничего не доказываетъ. Это просто точный переводъ съ греческаго [1]. Одинаково нельзя вывести косого направленія разрѣза и изъ слова paulum, такъ какъ это ограниченіе показываетъ лишь, что рога разрѣза не вполнѣ были обращены къ двумъ опредѣленнымъ точкамъ, а послѣднее могло зависѣть отъ большей или меньшей кривизны линіи, мысленное продолженіе которой въ обѣ стороны въ противномъ случаѣ прошло бы черезъ обѣ эти точки. Аналогія съ камнесѣченіемъ у дѣвственницъ равнымъ образомъ не можетъ быть принята, такъ какъ Цельзъ, приступая къ изложенію этого отдѣла (§ 4), замѣчаетъ, что, хотя на женщинахъ эти операціи производятся въ общемъ такъ же, однако кое въ чемъ онѣ отличаются отъ пріемовъ, примѣняемыхъ къ мужчинамъ [2], и, если у дѣвственницъ пальпація производится такъ же, какъ и у мужчинъ, зато разрѣзъ у дѣвственницъ проводится ниже большихъ губъ съ лѣвой стороны, у женщинъ же—между отверстіемъ уретры и лоннымъ сращеніемъ, т. е. у тѣхъ и другихъ онъ отличается отъ разрѣза, практикуемаго на мужчинахъ, именно своимъ мѣстоположеніемъ. Таковъ, повидимому, точный смыслъ приведеннаго пассажа, почему аналогія здѣсь, по нашему мнѣнію, неумѣстна и скорѣе должна привести къ обратному заключенію. Вѣдь Цельзъ или его источникъ ясно говоритъ, что только пальпація у дѣвственницъ производится одинаково, какъ и у мужчинъ [3], всѣ же остальные пріемы, примѣняемые къ лицамъ женскаго пола, иные. Ничего другого изъ текста Цельза я, по крайней мѣрѣ, вычитать не могу.

Спрашивается, каковъ же былъ на самомъ дѣлѣ тотъ способъ камнесѣченія, который заслужилъ названіе sectio Celsiana? Какъ проводился имъ первый разрѣзъ, видно было изъ приведенныхъ выше словъ Цельза. Онъ шелъ дугою, концы которой направлялись до нѣ-

---

[1] Точно такимъ же образомъ въ приведенномъ выше (стр. 467 сл.) мѣстѣ Геліодора (Orib. Synag., XLV, 7, 4 сл.) говорится: πρὸς δὲ τῷ ὀσχέῳ, τὸν ὑπὸ τὸ σκλήρωμα τόπον διαιρεῖν χρή. При переводѣ на латинскій этого мѣста, конечно, никто бы не сказалъ вмѣсто ὑπὸ infra: ближе было бы то же iuxta.

[2] VII, 26, 4: Hae vero curationes in feminis quoque similes sunt; de quibus tamen *proprie quaedam* dicenda sunt.

[3] In majoribus calculis necessaria eadem curatio est. *Sed* virgini subjici digiti tamquam masculo, mulieri per naturale ejus debent. *Tum* virgini *quidem* sub ima sinisteriore ora; mulieri *vero* inter urinae iter, et os pubis incidendum est sic, ut utroque loco plaga transversa sit.

которой степени къ ossa coxae. Но какія части таза подъ этимъ подразумѣваются? Сѣдалищныя кости, какъ мы видѣли, не могутъ имѣться въ виду. Значитъ, остаются лонная и подвздошная кость. Для выясненія формы разрѣза необходимо установить точку зрѣнія, исходя изъ которой Цельзъ разсматривалъ направленіе проводимаго разрѣза. Ясно, что это была точка зрѣнія врача, производящаго операцію. Помѣщался онъ, конечно, между раздвинутыми и согнутыми ногами паціента, лицомъ къ оперируемой промежности, лежащей параллельно плоскости лица хирурга и на одной съ нимъ высотѣ, такъ какъ больной помѣщался на колѣняхъ служителя, сидящаго на высокомъ сидѣньѣ, т. е. приблизительно на высотѣ человѣческаго роста или немного ниже (иначе врачу пришлось бы сидѣть на корточкахъ или на небольшой скамейкѣ, а оперировать въ этомъ положеніи довольно утомительно и неудобно, какъ я убѣдился на опытѣ). При такомъ положеніи врача и паціента полулунный разрѣзъ по серединѣ промежности *поперекъ шва*, съ рогами, *обращенными вверхъ*, является единственнымъ, удовлетворяющимъ поставленнымъ условіямъ. Дѣйствительно, концы дуги въ этомъ случаѣ будучи обращены съ точки зрѣнія оператора къ выдающимся впередъ краямъ крыльевъ подвздошной кости (spinae iliacae anterioris) и переднимъ частямъ вертлужной впадины (acetabulum), образуемымъ восходящими вѣтвями лонной кости (rami ascendentes ossis pubis).

Благодаря любезности директора Кабинета оперативной хирургіи Юрьевскаго университета профессора Николая Ниловича Бурденко я имѣлъ возможность опытнымъ путемъ провѣрить мои апріорные выводы на 10 или 12 трупахъ. Подробно говорить объ этихъ опытахъ здѣсь не мѣсто, однако и вовсе обойти ихъ молчаніемъ я не вижу возможности; поэтому я ограничусь изложеніемъ лишь самаго необходимаго. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить и здѣсь сердечную признательность глубокоуважаемому Николаю Ниловичу за принятое имъ дѣятельное участіе въ моихъ работахъ и за оказанную мнѣ также во многихъ другихъ случаяхъ помощь и содѣйствіе. Равнымъ образомъ глубокую благодарность приношу ассистенту Кабинета доктoранту медицины Викторину Ивановичу Боброву за его дѣльныя и весьма полезныя для меня указанія, а также личную помощь при постановкѣ одного изъ опытовъ.

Произведенные мною опыты показали, что проведенный вышеозначеннымъ способомъ поперекъ шва полулунный разрѣзъ въ разстояніи 1—2 см. отъ жома, по мѣрѣ углубленія, суживается воронкообразно,

и на днѣ его показывается задняя часть предстательной железы, которая прорѣзается вторымъ вертикальнымъ ударомъ ножа, направляемымъ нѣсколько косо и вверхъ сквозь простату и заднюю стѣнку пузыря въ вершину такъ называемаго пузырнаго треугольника (trigonum vesicale sive Lieutaudii), образуемаго отверстіями двухъ мочеточниковъ и уретры, т. е. перпендикулярно къ его основанію. Вопреки различнымъ толкованіямъ словъ Цельза, о которыхъ шла рѣчь выше, описываемый разрѣзъ является логическимъ слѣдствіемъ предшествующихъ обстоятельствъ и вполнѣ подтверждается и покрывается описаніемъ самого Цельза, или, что то же, его источника. Дѣйствительно, послѣ того какъ разрѣзана серпообразно кожа и поверхностно лежащія ткани, вглубь идущій разрѣзъ не можетъ быть инымъ, какъ только такимъ же полулуннымъ, такъ какъ движеніе ножа въ противномъ случаѣ было бы слишкомъ стѣснено нижними вѣтвями сѣдалищной кости (rami inferiores ossis ischii),—только размѣры дуги по мѣрѣ углубленія укорачиваются, хотя кривизна остается та же, будучи описываема тѣмъ же радіусомъ. Набившій себѣ руку опытный хирургъ легко можетъ сдѣлать такой разрѣзъ, какъ я убѣдился, однимъ движеніемъ руки. Съ другой стороны полулунная форма поверхностнаго разрѣза не является прихотью оператора, но представляетъ, повидимому, результатъ внимательнаго изученія топографической анатоміи промежности. Именно серпообразная форма его является наиболѣе выгодной для того, чтобы счастливо обогнуть или по возможности меньше повредить лежащую передъ простатой ближе къ поверхности луковицу мочеиспускательнаго канала (bulbus urethrae), дающую обычно обильное кровотеченіе. Послѣ того какъ сдѣланъ серпообразный разрѣзъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дуга ближе всего подходитъ къ отверстію recti (qua resima plaga est, по выраженію Цельза), т. е. приблизительно въ точкѣ пересѣченія ея швомъ, дѣлается другой, *поперечный по отношенію къ дугѣ*, т. е. вертикальный разрѣзъ въ глубинѣ раны (etiamnum sub cute altera transversa plaga facienda est, qua cervix aperiatur), которымъ вскрывается шейка пузыря между сѣменными выводящими протоками (vasa deferentia) настолько, что камень безъ труда можетъ быть извлеченъ крючкомъ (donec urinae iter pateat sic, ut plaga paulo major quam calculus sit). Хотя Шёманъ, введенный въ заблужденіе описаніемъ литотоміи у Павла Эгинскаго, и считаетъ изложеніе хода операціи у Цельза совершенно яснымъ, однако съ этимъ нельзя согласиться уже въ виду того, что оно привело къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Причину этого, мнѣ кажется,

нужно искать въ томъ, что самъ Цельзъ, конечно, этой операціи не только никогда не дѣлалъ, но и не видѣлъ, а описывалъ ее со словъ своего оригинала, который, быть можетъ, не совсѣмъ ясно и понималъ, такъ какъ самъ не былъ хирургомъ. Такимъ образомъ не можетъ быть и рѣчи объ операціяхъ надъ рабами, изобрѣтенныхъ живой фантазіей г. Бернарда [1]), и приходится еще разъ только подивиться проницательности покойнаго Дарамбера, давшаго слѣдующій—правда, нѣсколько строгій—отзывъ о Цельзѣ [2]): Le traité de médecine n'est pas l'oeuvre d'un praticien fort occupé ni d' un simple amateur; l'inexpérience se trahit surtout dans les chapitres consacrées à la chirurgie. Эта inexpérience должна быть отнесена, конечно, не на счетъ оригинала, который Цельзъ переводилъ, а на счетъ самого переводчика, о которомъ и Квинтиліанъ отзывается не слишкомъ уже лестно, говоря: Quid plura? cum etiam Cornelius Celsus, mediocri vir ingenio, non solum de his omnibus conscripserit artibus, sed amplius rei militaris et rusticae et medicinae praecepta reliquerit, dignus vel ipso proposito, ut eum scisse omnia illa credamus [3]).

Обращаясь къ описанной у Цельза операціи съ точки зрѣнія чисто медицинской критики, мы должны обратить наше вниманіе на слѣдующія техническія трудности, соединенныя съ этой операціей, трудности, скрывать которыя нѣтъ необходимости тѣмъ болѣе, что онѣ все-таки не представляются непреодолимыми, и уже александрійскіе хирурги, повидимому, имѣли ихъ въ виду при производствѣ литотоміи. Прежде всего трехъ родовъ опасности угрожаютъ оперируемому: 1) кровотеченіе при перерѣзкѣ лежащихъ въ промежности артерій (arteria transversa perinei superficialis и изъ глубоко лежащихъ артерій arteria transversa perinei profunda и arteria bulbo-urethralis), а также при раненіи луковицы (bulbus urethrae) и предстательной железы (prostata)—изъ окружающихъ ее венъ (plexus prostaticus); 2) раненіе мочевого канала и 3) раненіе передней стѣнки recti. Къ этому нужно прибавить еще возможное вслѣдствіе via falsa раненіе сѣменныхъ мѣшковъ, выносныхъ и сѣмявыбрасывающихъ протоковъ (vesiculae seminales, vasa deferentia, ductus ejaculatorii), а также проникновеніе въ cavum vesico-rectale послѣ прободенія fasciae pelvis и надбрюшинной клѣтчатки (такихъ случаевъ у меня было три въ началѣ опытовъ).

---

1) Значеніе Цельза, etc. 14.

2) Histoire des sciences médicales, Paris 1870, I, 191.

3) Instit. orat. XII, 11, 24.

Какъ показали мои опыты, перерѣзка arteriae perinealis superficialis можетъ произойти лишь тогда, когда полулунный разрѣзъ бываетъ чрезмѣрно великъ или когда arteria perinealis superficialis лежитъ не вполнѣ на своемъ мѣстѣ, представляя аномалію. При нѣкоторомъ вниманіи, если припоминается положеніе этой артеріи, она обыкновенно не ранится (у меня было два случая раненія ея); притомъ при незначительныхъ размѣрахъ ея просвѣта кровотеченіе изъ нея, повидимому, не должно угрожать жизни оперируемаго, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Arteria transversa perinei profunda перерѣзается по правилу, и избѣжать этого нельзя, но, хотя раненіе этой артеріи представляется болѣе опаснымъ, однако она легко можетъ также остаться въ сторонѣ, такъ какъ, по мѣрѣ углубленія разрѣза, дно раны суживается. Arteria bulbo-urethralis можетъ быть поранена лишь въ томъ случаѣ, если полулунный разрѣзъ сдѣланъ слишкомъ далеко отъ отверстія recti и проходитъ поперекъ луковицы, чего не должно быть при правильно произведенной операціи, такъ какъ въ такомъ случаѣ трудно и даже вообще не удается проникнуть въ пузырь. При правильномъ ходѣ операціи раненія луковицы не должно было быть вовсе тѣмъ болѣе, что у дѣтей, какъ bulbus urethrae, такъ и простата отличаются незначительностью своихъ размѣровъ и лишь съ возрастомъ увеличиваются все болѣе и болѣе, достигая наибольшихъ размѣровъ особенно подъ старость. Незначительное поврежденіе ея у взрослыхъ не можетъ вызывать дурныхъ послѣдствій, кромѣ небольшого кровотеченія; болѣе значительное раненіе сопровождается безсиліемъ. Отъ вниманія древнихъ хирурговъ это обстоятельство, повидимому, ускользнуло. По крайней мѣрѣ, на это нигдѣ не указывается.

Разсѣченіе простаты, необходимое при литотоміи, производимой по способу, описанному у Цельза, обыкновенно не сопровождается никакими дурными послѣдствіями, кромѣ обильнаго кровотеченія изъ самаго тѣла железы и окружающаго его венознаго сплетенія. Серьезными послѣдствіями оно угрожаетъ въ томъ случаѣ, когда во время операціи повреждаются, при не совсѣмъ удачномъ вскрытіи пузыря, также выводящіе протоки (vasa deferentia) и сѣмявыносные пути (ductus eiaculatorii), что у меня наблюдалось въ одномъ случаѣ. Эта несчастная случайность была, повидимому, хотя и не обязательной, но не рѣдкой,—да и не удивительно, такъ какъ хирургу приходилось здѣсь оперировать, такъ сказать, наобумъ и ощупью, руководясь только навыкомъ и знаніемъ общей топографіи оперируемой области. Особенно легко это раненіе могло быть причинено при той

быстротѣ, съ какой должна была производиться литотомія до открытія эѳира и хлороформа. Хотя источникъ Цельза и говоритъ, что торопиться при этой операціи не слѣдуетъ, но производить ее съ соблюденіемъ возможной осторожности [1]), однако, съ другой стороны, имъ указывается, что продолжительное раздраженіе пузыря вызываетъ смертельныя воспаленія, такъ что иные оперированные умирали, послѣ того какъ пузырь подвергался у нихъ продолжительному и напрасному раздраженію пальцами [2]). Во всякомъ случаѣ операцію хирургъ долженъ былъ проводить не торопясь, но быстро. Ясно, что при этомъ досадныя случайности въ видѣ раненія и даже полной перерѣзки сѣменныхъ мѣшечковъ, выводящихъ и сѣмявыносныхъ протоковъ могли происходить весьма легко. Если при моихъ опытахъ эта случайность обнаружилась лишь одинъ разъ, то не слѣдуетъ забывать, что одно дѣло—производить операцію на неподвижномъ трупѣ и другое—на живомъ человѣкѣ да еще безъ наркоза. Какъ бы то ни было, обычными слѣдствіями этихъ поврежденій является безплодіе, о чемъ древніе хирурги были хорошо освѣдомлены, какъ это видно изъ словъ Аетія (resp. его гораздо болѣе ранняго источника) [3]): „мужчины со слѣпыми сѣменными путями, что̀ случается у иныхъ, подвергшихся камнесѣченію субъектовъ, неизлѣчимы (отъ безплодія)“.

Гораздо серьезнѣе оказывается раненіе мочеиспускательнаго канала, такъ какъ оно сопровождается образованіемъ свища, залѣчивать который въ древности еще не умѣли. По крайней мѣрѣ Геліодоръ еще говоритъ [4]), что „мочевой свищъ образуется вслѣдствіе

---

[1]) Cels. VII, 26, 2 (ed. Dar. p. 308, 25): Neque vero festinanter in hac re, ut in plerisque, agendum est; sed ita, ut quam maxime id tuto fiat.

[2]) Ibid. VII, 26, 3 (ed. Dar. p. 311, 20 слл.): Ita longa inquisitione vesica laeditur, excitatque inflammationes mortiferas; adeo ut quidam secti, quum diu frustraque per digitos vesica esset agitata, decesserint.

[3]) Aetii sermo sextidecimus et ultimus. Erstens aus Handschriften veröffentlicht v. Skévos Zervòs, Leipzig 1901, 38 (XVI, 26): ὑποσπαδιαῖοι χειρουργηθέντες καὶ οἱ γονορροικοὶ θεραπευθέντες παιδοποιήσουσιν· οἱ δὲ τυφλωθέντες τοὺς σπερματικοὺς πόρους, οἷον συμβαίνει τισὶ τῶν λιθοτομουμένων, ἀνιάτως ἔχουσιν. Быть можетъ, и здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ 16-ой книги, источникомъ Аетія является Соранъ. Мы лишены возможности судить объ этомъ непосредственно, такъ какъ соотвѣтствующая глава Сорана περὶ ἀγονίας καὶ συλλήψεως (II, 16) пропала. Латинскій переводъ его, изданный Розе, быть можетъ, представляетъ нѣкоторое досадное для насъ сокращеніе текста; ср II, 16 (51): partibus autem vir inpediri solet, quotiens hypospadias est vel paratretus hoc est in latere balani cavernam habens per quam semen emittat.

[4]) Oribas. Coll. L, 4 (ed. Dar. IV, 466): Περὶ ῥυάδος. Ἐκ τῶν Ἡλιοδώρου. Ἡ τοῦ

ничтожнаго разрѣза пузыря или раненія шейки, а также всякаго подобнаго раненію поврежденія, что можетъ случится по разнымъ причинамъ; страданіе это неизлѣчимо“.

Наконецъ, раненіе стѣнки прямой кишки точно также должно было приводить къ весьма серьезнымъ и опаснымъ осложненіямъ вслѣдствіе образованія свища въ стѣнкѣ кишки, черезъ который рана легко загрязнялась. Несмотря на то, что прямокишечные и заднепроходные свищи хорошо были извѣстны древнимъ (ср. напр. Oribas. XLIV, 22—24 изъ Антилла, Геліодора и Мегета, ed. Dar. III, 611—640 и особенно 627 слл.), однако я нигдѣ не нашелъ указаній на образованіе свищей послѣ литотоміи, такъ что судить о мѣрахъ, какія принимались при этой случайности, нѣтъ возможности. Легко можетъ быть, что при пораненіи recti, если это обнаруживалось во время операціи, рана зашивалась, какъ это практиковалъ еще Мегетъ (l. c.), такъ какъ вообще раненія толстыхъ кишекъ считались довольно легко излѣчимыми [1]).

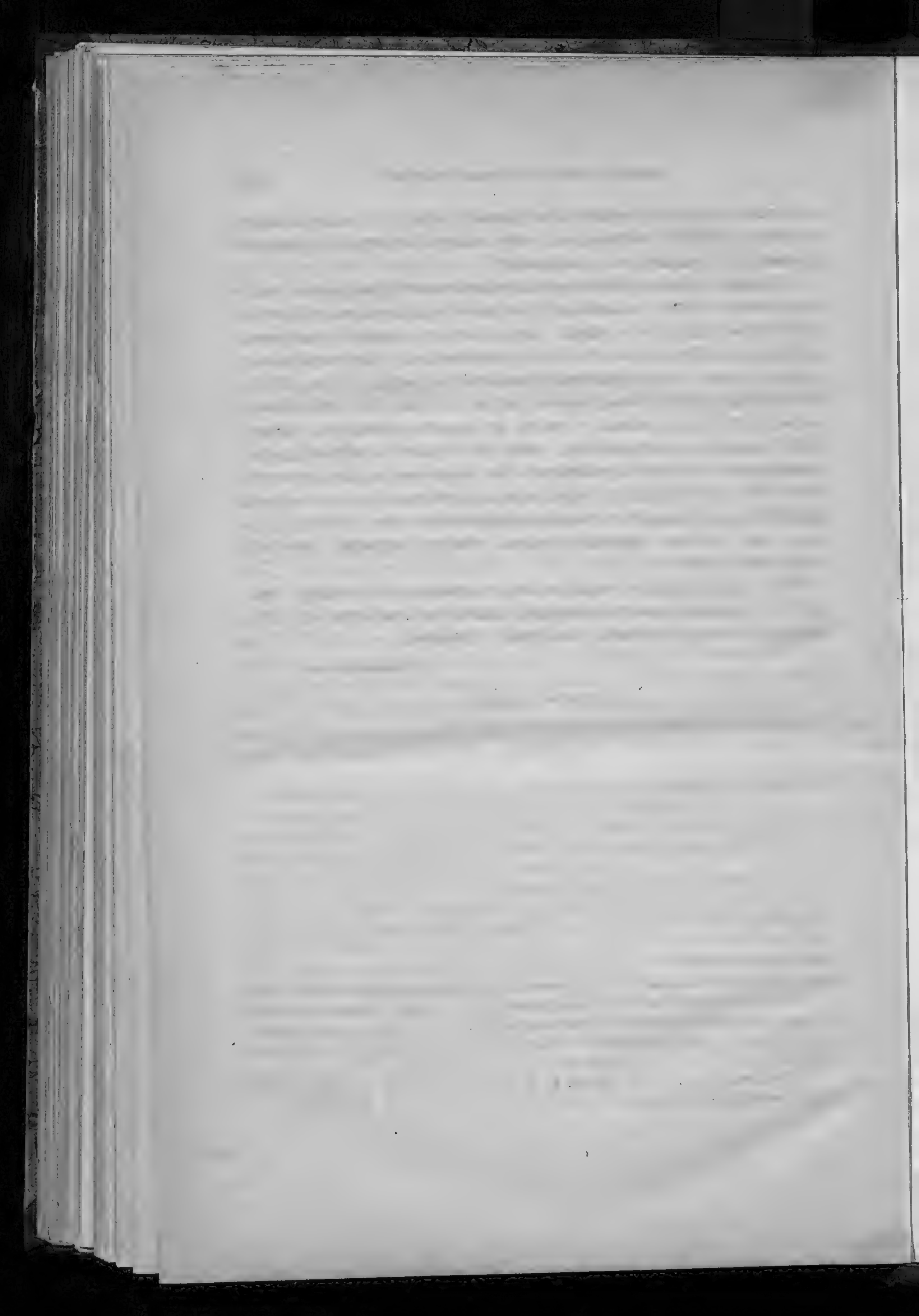
При моихъ опытахъ раненіе recti случилось одинъ разъ, такъ что его довольно легко, повидимому, можно было избѣгать при употребленіи способа литотоміи, описаннаго Цельзомъ.

А. Бекштремъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

οὔρου γίνεται ῥυὰς διακοπέντος τοῦ τῆς κύστεως λεπτοῦ, ἢ τοῦ τραχήλου περιαιρεθέντος, [ἢ] ὅμοιόν τι περιαιρέσει παθόντος, ταῦτα δὲ συμβαίνει διὰ πλείονας προφάσεις. Ἔστι δὲ τὸ πάθος ἀθεράπευτον. Ср. выше, стр. 466 слл.; Gal. π. τ. τ. ἐν νεφρ. παθῶν διαγνώσεως κ. θερ., 3 (ed. K. XIX, 659); Orib., Synag. XLV, 7, 5 (ed. Dar. IV, 15); Aret. Acut. II, 9.

[1]) Gal. Θεραπ. μεθ. VI, 4, 142 (ed. K. X, 419): εὐίετα μὲν οὖν τὰ παχέα τῶν ἐντέρων, δυσιατότερα δὲ τὰ λεπτά.



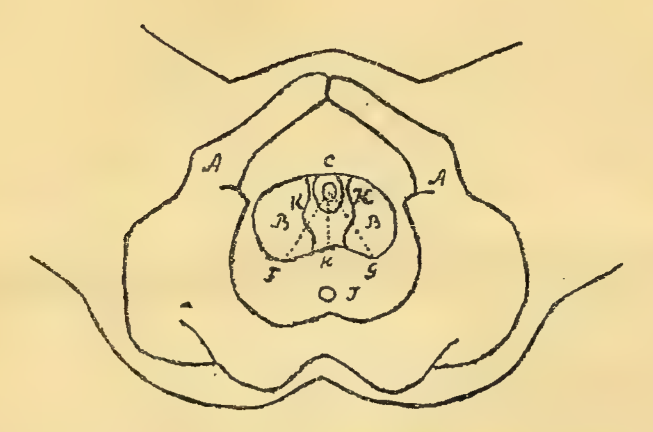


Рис. 1. Схема различныхъ способовъ промежностнаго сѣченія. A — corpus et ramus ascendens ossis pubis; B — prostata; C—bulbus penis и urethra; I—rectum; KK—musculus bulbo-cavernosus; GC, FC—sectio lateralis; HC—sectio mediana.

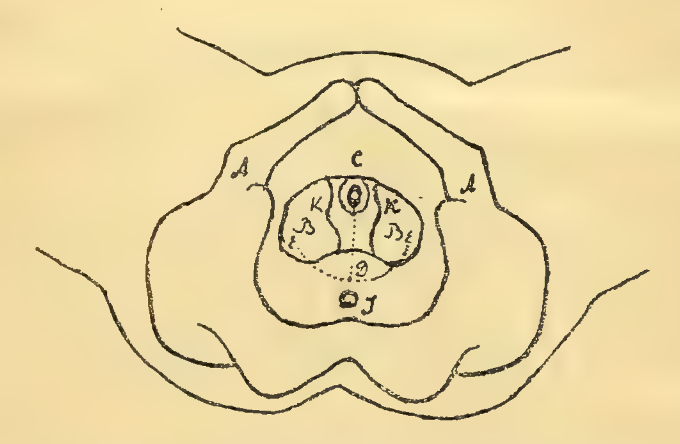
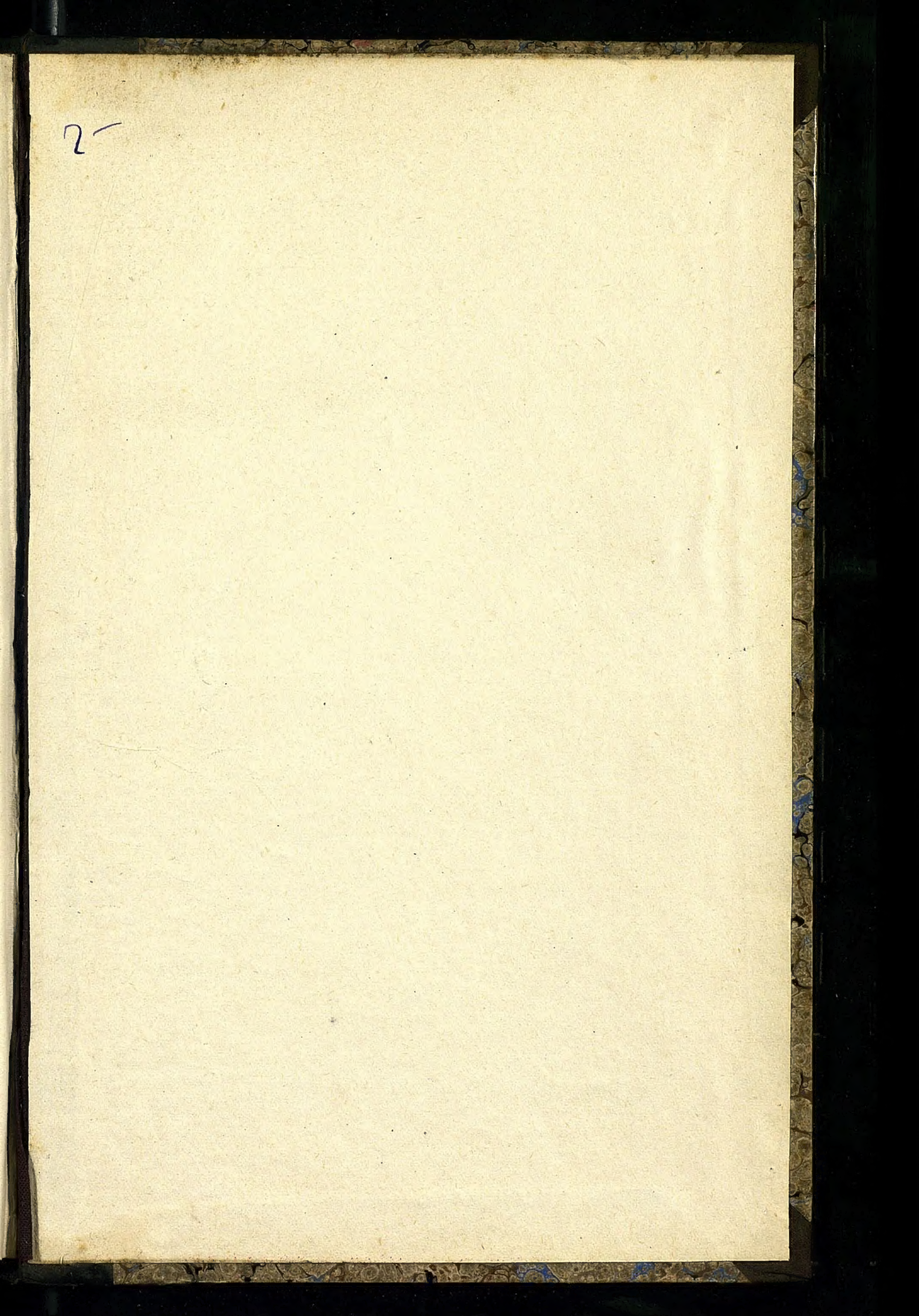


Рис. 2. Схема сѣченія, описываемаго у Цельза. Обозначенія тѣ же. EDE—полулунный разрѣзъ (plaga lunata), DC—поперечный разрѣзъ (transversa plaga).


2–